ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY OF THE RUSSIANACADEMY OF SCIENCES

LIFE AND DEATH IN THE RUSSIAN EMPIRE

RECENT DISCOVERIES IN ARCHAEOLOGY AND HISTORY OF THE 18TH – 19TH-CENTURIES RUSSIA

MOSCOW
INDRIK
2020

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ РОССИИ XVIII–XIX ВВ.

МОСКВА
ИНДРИК
2020

УДК 94(47)
Ж71

Утверждено к печати Учеными советами
Института археологии РАН
Института российской истории РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-19-00170, не подлежит продаже)

Ответственные редакторы:
Л.А. Беляев, В.Н. Захаров

Редколлегия:
П.Г. Гайдуков, Д.Г. Давиденко (редактор-секретарь), И.И. Елкина (отв. секретарь), Н.А. Макаров, Ю.А. Петров, С.М. Шамин (отв. секретарь), А.В. Энговатова

Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. = Life and Death in the Russian Empire. Recent discoveries in archaeology and history of the 18th–19th-centuries Russia / Рос. акад. наук, Отделение историко-филологических наук, Институт археологии, Институт российской истории; [редколл.: Л.А. Беляев (отв. ред.), В.Н. Захаров (отв. ред.) и др.] – Москва: Индрик, 2020. – 384 с.; илл.

ISBN 978-5-91674-604-4

Коллективный труд представляет первый в России опыт соединения фундаментальных исследований археологов и историков, изучающих Новое время. Работы имеют источниковедческую направленность и затрагивают сферы истории культуры и быта, придворной, городской и сельской жизни, производства и военного дела, государственного и общественного устройства.

Для археологов, историков, искусствоведов, студентов исторических специальностей и всех интересующихся историей и культурой России.

Переводы на английский язык: А.А. Калинин.

Life and Death in the Russian Empire. Recent discoveries in archaeology and history of the 18th–19th-centuries Russia / Historical and Philological Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of archaeology, Institute of Russian History; [eds. Belyaev L.A. and Zacharov V.N.] – Moscow: Indric, 2020. – 384 p.: Ill.

The book represents the first Russian attempt to merge archaeological and historical scholarly studies of the New Time. The studies of the written and archaeological records deal with the history of culture and casual life; courtly and country life; of urbanism, industry and military affairs; state and society. For students and researchers in archaeology, history and art studies.

English translations : A. A. Kalinin

ISBN 978-5-91674-604-4

© Институт археологии РАН
© Институт российской истории РАН
© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2020
© Издательство «Индрик», оформление, 2020

Вступление

Л.А. Беляев

Жизнь и смерть в Российской империи: археология истории

…то были выписки из различных указов, касающихся до земских дел, доставшиеся ему по наследству от батюшки, блаженной памяти подьячего с приписью…

Вл. Одоевский, «Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем», 1833 г.

Открывающий вступительную статью эпиграф призван показать, что в пространстве XVIII и XIX вв., обычно рисуемом цельным в своей новизне и разрыве со старомосковским наследием, пласт традиционной жизни остался во многом неколебимым или менялся чрезвычайно медленно. Уже одно это делает Россию имперского периода перспективной с точки зрения археолога.

Но не только это. Трагедии XX в. разрушили старую Россию столь основательно, что целые пласты ее материальной культуры превратились в объекты археологии. Исчезло слишком многое: тысячи погребений известных в свое время личностей утрачены через 100–200 лет после их смерти, и без раскопок получить сведения о них невозможно; материальная культура и даже топография изменились коренным образом, и проблемы интерпретации, идентификации, атрибуции предметов и памятников не решить без методик, которые обычно применяют только к глубокому прошлому. Третья причина – лавинообразное накопление полевых материалов в ходе широчайших строительных проектов, в процессе которых возникает потребность изучения, с целью спасения культурного наследия, огромных территорий, освоенных именно в XVIII–XIX вв.

Эти три причины определили, говоря предельно кратко, необходимость труда, в котором соединены подходы археологов и историков. Сегодня археология явно необходима историкам Нового времени в России. Археология же нуждается в материалах позднего периода для решения научных задач и совершенствования методов. Это восхождение археологии ко всё более поздним периодам – тенденция и российская, и общемировая.

Важно отметить, что представляемый труд – не самодовлеющее явление, а этап многосоставного проекта, начало которому положено десятилетие назад. Его цель – выстроить единое пространство, где границы между исследованиями источников разных видов если не исчезнут вовсе, то станут более транспарентными.

Ученые давно осознавали потребность в плотном взаимодействии дисциплин. Во второй половине XX в. было выработано понятие комплексного источниковедения. Казалось, что все области источниковедения готовы к соединению в рамках единой методики. В начале 2010-х гг. археологи писали коллективные монографии по ранней истории России, привлекая ведущих исследователей-текстологов. Риторика подхода отражала стремление слить воедино исторические (= традиционные, письменные, изобразительные) свидетельства с новыми, доставляемыми археологией и архитектурой, которые, со своей стороны, всё шире прибегали к помощи естественных наук.

Но объединение усилий дало толчок развитию скорее каждому из задействованных в комплексном подходе направлений в отдельности, чем их синтезу. В результате они лишь значительнее разошлись: умножение конкретно-исторических исследований породило сужение специализаций. Быстрое

совершенствование отдельных методик привело к тому, что большинство ученых, не участвовавших в процессе их разработки, их не восприняли. Более того, резкий рост объемов материала призвал к его исследованию сотрудников, владевших инструментами тонкого анализа источников на очень разном, иногда недостаточном, уровне. В результате между учеными, анализирующими материальный мир прошлого, и теми, кто имеет дело с традиционными источниками, полоса отчуждения вновь расширяется. Растущая специализация дисциплин формирует барьеры компетенций, преодолеть которые крайне сложно без глубокого внедрения в «чужую» область, профессионального овладения инструментарием и спецификой исследования источников определенного вида.

Двигаясь в расходящихся направлениях, ученые опять теряют контакт друг с другом, выводы в их трудах часто мало сопоставимы, их всё труднее использовать в едином аналитическом контексте. Комплексный анализ, то есть индивидуальное осмысление результатов критики разнородных источников, требует такого уровня универсализма в подготовке, который мало достижим. Представление, что можно использовать исследовательские процедуры, разработанные в нескольких, даже соседних, сферах, – обычно не более чем опасная иллюзия. Вторжение археолога в сферу изучения текстов и визуальных источников обычно обнаруживает недостаточность подготовки, в чем ученый часто не вполне отдает себе отчет. И наоборот: историки документов в подавляющем большинстве не представляют, каким образом проводится анализ материальной культуры, и пытаются приложить выводы археологов к решению задач исторического исследования напрямую, без обработки.

Видимо, стоит вернуться на полвека назад и попробовать еще раз. Чтобы изменить ситуацию хотя бы частично, нужна специальная работа по созданию единого пространства, общей площадки для взаимного знакомства археологов, историков и специалистов вспомогательных дисциплин. На ней можно демонстрировать и методики, и результаты конкретных работ, разнообразных по сюжетам и используемым источникам.

Организация взаимодействия археологов и историков, однако, не механическая задача. Нас объединяет, конечно, тематика и хронология, но главное – необходимо достичь нового уровня понимания сюжетов истории России, определенных национальным нарративом и потому актуальных. Мы надеемся добиться этого, работая над серией коллективных монографий со значительным количеством участников. Эти тома формируются *ad hoc*, по мере заострения интереса к конкретному отрезку времени, историческому сюжету или методическому подходу. Таких книг издано уже четыре. Первой стала фундаментальная работа, отразившая проблемы древнейшего периода Руси, IX–X вв.[1], и ее продолжение, охватившее историю IX–XII вв.[2] В них объединили усилия специалисты ряда академических институтов, но ядро группы образовали два коллектива, ответственные за изучение страны как единого хроно-географического пространства: Институт археологии и Институт российской истории Российской академии наук.

Заданный первыми томами алгоритм совместной работы был применен к более поздней истории. В Смутном времени и эпохе первых Романовых[3] удалось найти подходы и темы, увлекавшие как историков, так и археологов, изучающих конец XVI и XVII вв. Это взаимное тяготение быстро породило потребность совместить хронологический подход с тематическим, и затронуть области, где сюжеты можно сравнивать на уровне судеб отдельных акторов прошлого. Таких сюжетов в археологии гораздо меньше, для нее это был своего рода вызов. Ответом стала небольшая, но яркая книга. В ней были представлены очерки исторических персонажей, но также подняты вопросы биографики и просопографии как частей исторического знания, заявлено о появлении своего рода историографического гомункула – археологической личности[4].

Параллельно заполнялись ячейки в череде томов, выстроенной по принципу хронологии, заполнялись пробелы в отечественной истории[5]. Предполагалось посвятить две монографии поиску корней Московской Руси, исследуя, во-первых, эпоху монгольского нашествия и период от середины XIII до последней трети XV в., а во вторых – время становления царства и первых шагов к формированию многонациональной страны (вплоть до конца XVI в.)[6].

---

[1] Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012.

[2] Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев; сост. И.Е. Зайцева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014.

[3] От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы науч. конф. / Отв. ред. Л.А. Беляев, А.В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера, 2016.

[4] Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы науч. конф. / Отв. ред. Л.А. Беляев, Н.М. Рогожин. М.: ИА РАН; ИРИ РАН, 2016. См. также: *Беляев Л.А.* Историческая личность в зеркале археологии // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 82–90.

[5] Следует отметить, что содружество истории и археологии в организации дискуссий в известной степени поддержало успех первых томов «Истории России», вплоть до царского периода.

[6] Для подготовки этих томов были даже организованы: семинар «Московская Русь. Новые открытия в области археологии, истории и топографии XII – середины XV в.» и отдельная секция на конференции к юбилею журнала «Древняя Русь: вопросы медиевистики».

Однако проблемы, связанные с развитием фонда источников в области материальной культуры (археология; музейное хранение, комплектация, атрибуция) и, отчасти, архивных документов, продиктовали для конца 2010-х гг. иную повестку. Было законодательно подтверждено самостоятельное существование археологических объектов наследия XVIII и XIX вв. Это вызвало взрывной рост полевых исследований слоя в городах, построенных практически на чистом месте при первых Романовых и в эпоху Империи. Некоторые при этом исследовали чуть ли не тотально (например, Енисейск). Не меньших усилий требует и археологическое обеспечение современного процесса модернизации территорий России, включая строительство дорог и мощной сырьевой инфраструктуры и на Дальнем Севере, и на Юге.

В науку вошел огромный массив сведений и их носителей (артефактов, сооружений, ландшафтов и др.), который раньше если и использовался, то лишь как дополнительный, периферийный, необходимый в практике учета наследия, реставрации, исторического краеведения, образования. Словом, служил дополнением или иллюстрацией к национальному нарративу, вполне устойчивому и полнокровному. Теперь он вызывает естественное стремление перейти к научному анализу и разработке собственной проблематики – пожалуй, это стремление здесь даже заметнее, чем в относительно традиционной археологии Московского периода.

Усилилась практическая потребность в архитектурной, и ландшафтной археологии, в том числе в реставрационных исследованиях, инвенции памятников в среду, изучении урбанизации, истории градостроительства и др. Особой остроты приобрели проблемы, связанные с восстановлением христианских церквей, мечетей и других конфессиональных центров по всей стране. При их решении, кстати, затрагиваются в основном объекты именно XVIII–XIX вв. Следствием реконструкции религиозной жизни России стало массированное вторжение в пространство забытых и, казалось, навсегда потерянных кладбищ, уже по природе своей являющихся сакральными зонами. Человечество, кажется, догадывалось, что именно захороненные останки близких и следы погребальных ритуалов станут гигантским хранилищем информации о прошлом, обеспечат им бессмертие в форме сохранения памяти об их жизни на Земле.

Скажем проще: осваивать участки старых кладбищ приходится, а формы научного исследования для этой гигантской сферы информации до сих пор не выработаны, уровень рефлексии над ее невероятным потенциалом остается пока интуитивным. Усилия, которые уже прилагают историки, археологи и антропологи для выработки методического подхода к историческому некрополю всё еще несопоставимы с масштабом задачи[7]. При этом следует понимать, что его изучение – всего лишь часть археологии культуры, для обсуждаемого периода области всё еще экзотической.

Столь же объемные проблемы вырастают в области индустриальной археологии, изучающей историю освоения природных ресурсов и сам процесс географического открытия страны в XVIII–XIX вв. (группы, трудящиеся над их разработкой, существуют, но малочисленны)[8]. Ждет особого внимания огромная сфера археологии быта, потребления и, отчасти, обмена, которая способна помочь восстановить микро-историю Нового времени. Наконец, в таком государстве, как Российская империя менее всего можно забывать об археологии войны[9].

Вряд ли возможно перечислить все направления в истории России XVIII–XIX вв., возникающие с появлением в ней археологии как полноправного научного направления. Что же составит основную задачу археологии Нового времени в России? Возможно ли для нее собственное измерение, собственное целеполагание? Или она останется служебной отраслью, частью системы охраны культурного наследия, музейного дела, резервуаром убедительных картинок для детских книг и многотомных «общих историй»? До сих пор достаточно распространено восприятие средневековых и, особенно, пост-средневековых разделов археологии

[7] В области археологического изучения некрополя России XVIII–XIX вв. развитие идет волей-неволей быстрее. Пришлось издать методические рекомендации по работам на кладбищах Нового времени: *Беляев Л.А.* Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М.: ИА РАН, 2011 (Методика полевых археологических исследований, вып. 5). До сих пор наиболее ярким был результат таких работ на кладбище Данилова монастыря (*Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: «Даниловский благовестник»; ИА РАН, 2012. См. также: *Шокарев С.Ю.* Источники по истории московского некрополя XII – начала XX в. М.

[i] СПб.: Нестор-История, 2020. В настоящее время дополнительный опыт приобретается в ходе работ Института археологии РАН по реновации Московского Новодевичьего монастыря, Троице-Сергиевой лавры и других крупных монастырей.

[8] Над этими задачами работает часть сотрудников Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, отдельные группы в составе археологических институтов, например, группа арктической археологии под руководством В.Л. Державина (ИА РАН) и другие ученые, в том числе в регионах.

[9] В области военной археологии симбиоз археологии и истории особенно заметен, в том числе благодаря альманаху «Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени», выходившему под редакцией А.В. Малова с 2009 г. (третий выпуск был издан в 2014 г.), и деятельности семинара по *военной археологии* под руководством О.В. Двуреченского (пятый выпуск материалов увидел свет в 2019 г. – не путать с одноименным журналом, в котором публикуются в основном материалы Великой Отечественной войны).

как иллюстративных, не обладающих самостоятельной проблематикой, неспособных генерировать свои вопросы и темы для исследований и остающихся в поле чисто источниковедческих, «лабораторных» тем.

Помочь найти место в поле фундаментальной науки должна ревизия достигнутого, демонстрация первых результатов, получаемых в археологии XVIII–XIX вв., а также знакомство археологов с актуальными проблемами истории имперского периода. Ведь история уже начала усваивать плоды с древа археологии[10]. Можно указать на изучение самого знакового объекта Нового времени в России, Санкт-Петербурга, где к археологии обратились еще в 1950-х гг.[11] Хотя для середины XX в. в СССР это был, конечно, *hapax legomenon*, в настоящее время полевые исследования этого уникального урбанистического явления XVIII–XIX вв. составляют важное направление работ[12]. Чрезвычайно активно изучаются памятники XVIII–XIX вв. в Сибири, серьезное исследовательское отношение к ним постоянно демонстрируют крупнейшие научные форумы (Сибирский исторический форум в Красноярске, уральский Северный археологический конгресс, Всероссийские Археологические съезды и другие – обзор представляет отдельную задачу).

В дискуссиях на этих представительных собраниях обозначились крупные направления, не вполне не укладывающиеся в рамки XVIII–XIX вв., но в значительной степени сосредоточенные именно здесь. Таковы области арктической археологии, этно-археологии русских, археологии русского присутствия и, попросту, национальная археология[13]. Их территориальный охват огромен: затронуты зоны от самых высоких широт, которых достигал человек в освоении планеты, на севере, почти до тропиков на юге, а с запада на восток – от Центральной Европы до Тихого океана.

Поздний период нужен археологии уже потому, что наблюдаемые в XVIII–XIX вв. явления проясняют туманные ситуации в гораздо более древних пластах истории. Во многих случаях установление надежной временной шкалы требует ее привязки к материалу чуть ли не современному (без археологической древесины XVIII–XX вв. невозможно построить прочную дендрохронологию, да и типология приобретает особую ценность в том случае, если дотянута без лакун до современности). На археологическом материале многослойность русской культуры XVIII–XIX вв. видна подчас яснее, в ней открываются целые пласты, которые продолжат существование в пост-петровское время (на что, как сказано в начале, намекает эпиграф).

Состав представляемого труда демонстрирует известную родственность тем, которые вполне можно соединять, взаимно обогащая. По сути, не про каждое исследование сразу скажешь, куда его поместить – в раздел истории или по ведомству археологии. Тут и там встречаются тексты о надгробиях и кладбищах, о развитии городов и путях уточнения их планировки; об одежде, тканях и наградах; о торговле и добыче ископаемых. Несомненно, это подтолкнет к развитию взаимного интереса и, в результате дискуссий, к подъему на более высокую ступень в изучении истории России Нового времени.

[10] Мы это видим в совместных работах по истории дворца в Коломенском в эпоху Петра I, в проектах по истории сибирских и уральских крепостей и многих других проектах, поддерживаемых научными фондами страны.

[11] О результатах см.: *Грач А.Д.* Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

[12] В городе работают археологи Государственного Эрмитажа, ИИМК РАН и других организаций. Материалы издаются в специальных периодических изданиях, с 1996 г. выходит журнал «Archaeologia Petropolitana», сборники «Археологическое наследие Санкт-Петербурга», номера серии «Материальная культура Санкт-Петербурга» в составе «Бюллетеня Института истории материальной культуры РАН» и др.

[13] *Беляев Л.А., Чехановец Я.* Этно-археология русских в Сиро-Палестинском регионе XVIII–XIX вв. // Археология и этнография Евразии. Т. 48. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2020. № 2. С. 99–107; *Беляев Л.А., Вах К.А.* Русские паломники в Архангельском монастыре Иерусалима. Исторические свидетельства и современные материалы // Православный Палестинский сборник. Вып. 118. М.: Индрик, 2020. С. 137–171; *Беляев Л.А.* Четыре стороны света: археология русского присутствия. XVI – начало XX в. // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 22–30; *Беляев Л.А.* Историческая археология России: неожиданные перспективы // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2018. М.: РАН, 2019. С. 121–133; *Беляев Л.А., Вах К.А.* Памятные надписи славянских паломников XVIII–XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация) // Славяноведение. 2019. № 2. С. 94–99; *Беляев Л.А.* Русская археология Палестины // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95) С. 51–64; *Беляев Л.А.* Археология России Нового времени: тенденции развития // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 66–70.

Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7

Список литературы

Беляев Л.А. Археология России Нового времени: тенденции развития // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 66–70.

Беляев Л.А. Историческая археология России: неожиданные перспективы // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2018. М.: РАН, 2019. С. 121–133.

Беляев Л.А. Историческая личность в зеркале археологии // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 82–90.

Беляев Л.А. Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: «Даниловский благовестник»; ИА РАН, 2012. 504 с.

Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М., 2011 (Методика полевых археологических исследований, вып. 5). 56 с.

Беляев Л.А. Русская археология Палестины // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95) С. 51–64.

Беляев Л.А. Четыре стороны света: археология русского присутствия. XVI – начало XX в. // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 22–30.

Беляев Л.А., Вах К.А. Памятные надписи славянских паломников XVIII–XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация) // Славяноведение. 2019. № 2. С. 94–99.

Беляев Л.А., Вах К.А. Русские паломники в Архангельском монастыре Иерусалима. Исторические свидетельства и современные материалы // Православный Палестинский сборник. Вып. 118. М.: Индрик, 2020. С. 137–171.

Беляев Л.А., Чехановец Я. Этно-археология русских в Сиро-Палестинском регионе XVIII–XIX вв. // Археология и этнография Евразии. Т. 48. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2020. № 2. С. 99–107.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 88 с.

От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы науч. конф. / Отв. ред. Л.А. Беляев, А.В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. 520 с.

Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.

Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев; сост. И.Е. Зайцева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. 432 с.

Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы науч. конф. / Отв. ред. Л.А. Беляев, Н.М. Рогожин. М.: ИА РАН; ИРИ РАН, 2016. 256 с.

Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя XII – начала XX в. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

Ключевые слова: Методы в археологии, историческая археология, национальная археология, археология Нового времени, Российская империя

Introduction

L.A. Belyaev

Life and death in the Russian Empire: archeology of history

….Those were excerpts from various decrees relating to *zemstvo* affairs. He inherited these excerpts from his farther, the blest memory *clerk with the right of signature*…

Vl. Odoevski. “Story of the corpse that belonged to an unknown person”. 1833.

The epigraph that opens the introduction is invoked to demonstrate that in the frame of the 18th–19th centuries which is commonly depicted as integral in its novelty and its rapture with the old Muscovite heritage, the layer of traditional life remained in many respects firm and unwavering or changed exceedingly slowly. This feature alone made imperial Russia very prospective from an archeologist’s point of view.

However, not only that feature is important. The tragedies of 20th century shocked Russia so drastically that whole layers of Russian material culture turned into objects of archeology. Too much has disappeared: thousands of burials of persons who had been known in their times were lost in 100–200 years after their death and it is impossible to gain information on them without excavations: material culture and even topography have changed so drastically and problems of interpretation, identification, and attribution of items and monuments cannot be solved without employment of procedures that normally are employed only to the profound past. The third reason is an avalanche-type accumulation of field materials found in the process of large-scale construction projects that caused a need to study vast territories developed exactly in the 18th and 19th centuries, with the aim to rescue the cultural heritage.

These three reasons have defined the appearance of the work that united approaches followed by archeologists and historians. Historians of Modern times in Russia are in obvious need of archeology while archeology is in need of materials of later period for solution of scholarly tasks and improvement of methods. This ascent of archeology to more recent periods is the trend peculiar to Russia as well as to the world in general.

It is important to note that the presented work is not a self-sufficient phenomenon but a stage of the polysynthetic project that was started a decade ago. Its aim is to construct a single room where boundaries between studies of various types of sources would become more transparent, if not disappeared at all.

Researchers have been aware of the need in close interaction for a long time. A notion of comprehensive source study was developed in the second half of the 20th century. It seemed that all branches of source studies were ready for integration within the framework of integrated procedure. In the early 2010s archeologists wrote collective works on early history of Russia involving leading researchers of texts in the work. The approach’s rhetoric reflected an ambition to integrate historical (that is traditional, written and graphic) witness with new sources provided by archeology and architectural studies that, on their part, employed natural sciences’ help in permanently wider extent.

However, this unification of efforts gave the impetus rather to each discipline involved the comprehensive approach then to their synthesis. In result, they diverged even wider and multiplication of specific historical studies brought about speciality’ subjects narrowing. Prompt improvement of separate methods and procedures brought about the situation when majority of scholars not involved in development of these methods and procedures did not accept them.

Moreover, drastic increase of materials volume called for its processing employers who were versed in use instruments at very different levels that were inadequate very frequently.

Moving in divergent directions scholars lost contacts again, often it is difficult to compare their conclusions within the single analytical context. The comprehensive analysis, that is the individual understanding of results of various sources criticism, demands universalism of training of the level that is hardly attainable. The notion that it is possible to use procedures developed in several, even though very close, allied branches, is no more than a dangerous illusion. An archeologist' invasion in the sphere of texts and visual sources studies usually reveals insufficiency of training of which a researcher often does not know or is not aware of. And vice versa: historians of documents in their overwhelming majority do not realize the real procedure of material culture analysis and try to attach archeologists' conclusion directly, with no processing of these conclusions.

Apparently, it is worth to return for a half of century back and to make one more try. To change the situation, at least partially, a special work aimed at creation of single room, of common ground for mutual introduction of archeologists, historians and specialists in 'auxiliary' disciplines. Methods, procedures, and results of specific studies on various subjects and use of different sources can be demonstrated at this ground.

However, organization of archeologists and historians interaction is not a mechanical work. To be sure, we are united by the topics and chronology but the principle task is the achievement of new level of understanding of the Russian history's subjects determined by national narrative and therefore actual. We hope to attain that in the process of work at a series of collective monographs with a considerable number of participants. These volumes are formed *ad hoc*, according to tagging of interest to particular periods, historical subjects or to procedural search. Four such books have been already published. The first of them is the fundamental work that reflected problems of the oldest period of Russian history of the 9th to the 10th centuries[1] and its sequel that embraced history of the 9th and 12th centuries[2]. Specialists of a number of academic institutes have united their efforts but the core of the group was comprised of two collectives responsible for study of the country as the single chronological and geographical expanse.

Algorithm set forth by first volumes of joint work was applied to more recent history. We gained approaches and topics in the Time of Turmoil and in the period of the first Romanovs[3]; these topics are attractive for historians as well as for archeologists who study the end of the 16th century and the 17th century. This mutual gravitation promptly aroused a need in combination of chronological and topical approaches and in dealing with fields where it was possible to make comparisons of destinies of separate actors of the past. Since there are far less such subjects in archeology, for it was a challenge of a kind. A small but a bright book became the response to the challenge. Essays devoted to historical personalities were presented in the book which at the same time raised questions of biographical and prosopographic studies as parts of historical knowledge. Appearance of historiographic homunculus of a kind, an archeological personality, was announced[4].

At the same time cells in the row of volumes built according to chronology principle gaps in the Russian history were filled[5]. It is assumed to devote two books to search of Moscow Russia's roots and origins, examining, first, epoch of Mongolian invasion and the period from the middle of the 13th century to the last third of the 15th century and, second, the time of czardom making and the first steps to formation of multinational country, down to the end of the 16th century[6].

However, problems connected with development of foundation of sources related to material culture (archeology, museum keeping – aquisition and attribution, storage, and preservation of collections) and, partly, to archive documents dictated another agenda for the end of the 2010s. Independent existence of archeological objects of heritage of the 18th and the 19th centuries was confirmed legislatively and that caused an explosive growth of field studies carried out in towns that were built at practically clear areas under the first Romanovs and in epoch of Empire. Thereat some towns were examined nearly totally (Eniseisk, for instance). The present-day process of the Russian territories modernization including road and solid infrastructure construction at the Far North and the South requires no less effort of archeologists who provide necessary provision of the works.

[1] Rus' v IX–X vekah: arheologicheskaya panorama / Otv. red. N.A. Makarov. M.; Vologda: Drevnosti Severa, 2012.

[2] Rus' v IX–XII vekah: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura / Otv. red. N.A. Makarov, A.E. Leont'ev; sost. I.E. Zajceva. M.; Vologda: Drevnosti Severa, 2014.

[3] Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv. Materialy nauch. konf. / Otv. red. L.A. Belyaev, A.V. Yurasov. M.; Vologda: Drevnosti Severa, 2016.

[4] Srednevekovaya lichnost' v pis'mennyh i arheologicheskih istochnikah: Moskovskaya Rus', Rossijskaya Imperiya i ih sosedi: materialy nauch. konf. / Otv. red. L.A. Belyaev, N.M. Rogozhin. M.: IA RAN; IRI RAN, 2016. *Belyaev L.A.* Istoricheskaya lichnost' v zerkale arheologii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 422. S. 82–90.

[5] It should be noted that the community of history and archeology in organization of discussions to some extent has supported the success of the first volumes of «History of Russia» that are devoted to the time up to czars period.

[6] Workshops («Moscow Rus. New Discoveries in Archeology and Topography of the 12th – mid the 15th Centuries» and the peculiar workshop at the «Old Rus: Questions of Medieval Studies» Conference) were organized for preparation of these volumes.

A vast massive of information and its carriers (artifacts, buildings, landscapes etc.) entered the scholarly turnover. If this information was used earlier, than only as auxiliary, peripheral material required for practice of heritage accounting, for historical local studies and for purposes of education. In fine this information served as a supplement or an illustration to the national narrative, quite stable and full-blooded. Now this information raises a natural aspiration to pass on scholarly analysis and to development of independent problems. Perhaps, this aspiration is more visible in these disciplines than in relatively traditional archeology of the Moscow period.

The practical need in arhitectural and landscape archeology that includes restoration studies, "invention" of monuments built into environment, studies of urban planning and urbanization processes etc. Problems connected with restoration of Christian churches, mosques and other confessional centers have acquired a particular acuity. By the way, thereat precisely objects created in the 18th and the 19th centuries are affected first of all. The reconstruction of religious life in Russia caused the massive invasion into territories of forgotten and, it would seem, lost forever cemeteries that by nature comprise sacral zones. It seems that humankind guessed that interments of kins and traces of funeral rites would become a vast depository of information on the past and would secure immortality to them in form of retention of memory about their earthly life.

Let me to express my thought in simpler terms: we have to develop parts of old cemeteries while forms of this giant sphere of information scholarly research are still not developed and the level of understanding of its incredible potential remains to be intuitive. Efforts made by historians, archeologists and anthropologists for development of procedural approach to historical necropolis are still incomparable with the scale of task[7]. Thereat it is necessary to remember that the study of necropolis is mere a part of archeology of culture of the period under discussion, the period that still remains to be exotic

Equally vast problems arise in the sphere of industrial archeology that studies history of the Russian assimilation of natural resources and the very process of geographic discovery of the country in the 18th and the 19th centuries (there are groups engaged in development of these issues but these groups are few)[8]. A vast sphere of archeology of everyday life, of consumption and, partially, of exchange is still in waiting of specialists. Such studies can restore micro-history of the Modern time. Finally, the war archeology cannot be ignored in such empire as the Russian one[9].

It is hardly possible to enumerate all directions of the Russian history of the 18th and the 19th centuries that emerged due to archeology coming to them as full scholarly direction. What will be the main task of archeology of Modern time in Russia? Is definition of its own objectives and its own dimension possible for archeology? Or will archeology remain an auxiliary discipline, a part of cultural heritage protection system, of a museum keeping affair, a reservoir of convincing pictures for juvenile books and multi-volume "general histories"? Up to date a perception of medieval and post-medieval sections of archeology as illustrative ones that do not have problems and are incapable to generate questions and topics for studies of their own, remaining within the field of pure source studies and laboratory themes.

An audit of what has been achieved, demonstration of results obtained by archeology of the 18th and the 19th centuries as well as acquaintance of archeologists with actual problems of imperial period will help to find a place in the field of fundamental science. For history already began to assimilate fruits of archeology tree[10]. It is possible to point at examination of the most significant object of the Modern time in Russia, city of St. Petersburg where archeology was attracted as early as 1950s[11]. Though it was, sure, *hapax legomenon*, at

[7] In the sphere of archeological studies of Russian cemetaries of the 18th and the 19th centuries development is , willy-nilly, more fast. It took even to publish guidelines on works at cemeteries of the New time: *Belyaev L.A.* Opyt izucheniya istoricheskih nekropolej i personal'noj identifikacii metodami arheologii. M., 2011 (Metodika polevyh arheologicheskih issledovanij, vyp. 5). Until now the brightest result of such works was achieved at the cemetery of Danilov monastery (*Belyaev L.A.* Nekropol' Danilova monastyrya v XVIII–XIX vekah: istoriko-arheologicheskie issledovaniya (1983–2008). M.: «Danilovskij blagovestnik»; IA RAN, 2012). See also: *Shokarev S.Yu.* Istochniki po istorii moskovskogo nekropolya XII – nachala XX v. M.: Nestor-Istoria, 2020. At the present time additional experience is attained in the progress of works carried out by the Institute of archeology on renovation of Moscow Novodevichi convent, Holy Trinity-St. Sergius Laura and other major monasteries.

[8] Some employees of the S. I. Vavilovs Institute of natural sciences and technology of the Russian Academy of sciences are engaged in study of history as well as detached groups included into strength of archeological institutes, for instance, a group of Arctic archeology headed by V.L. Derzhavin (the group is active in the Institute of archeology of the Russian Academy of sciences) are engaged in works on these tasks. It should be added that many scientists are involved in these studies in regions.

[9] In the military archeology the symbiosis of archeology and history is particularly visible, thanks to «Unicorn: Materials on Military History of the Eastern Europe of the Middle Ages and of the Early New Time». The almanac was published under editorship of A.V. Malov since 2009 (the third issue was published in 2014) and activity of workshop on military archeology; the workshop was presided by O.V. Dvurechenski. The 5th issue was published in 2019 and should not be confused with the magazine of the same title and devoted to publications of materials of the Great Patriotic War.

[10] We see that in joint works on history of Kolomenskoye palace in the epoch of Peter the Great, in projects devoted to history of Siberian and Ural fortresses and in many other projects that are supported by Russian scientific foundations.

[11] Results see: *Grach A.D.* Arheologicheskie raskopki v Leningrade. K harakteristike kul'tury i byta naseleniya Peterburga XVIII v. M.; L.: Izd-vo AN SSSR.

the present time field studies of this unique urban phenomenon of the 18th and the 19th centuries comprise an important direction of works[12]. Monuments of the 18th and the 19th centuries are examined with particular care and intensiveness in Siberia. Serious research attitude to monuments is permanently demonstrated by major scholarly for a (the Siberian historical forum held in Krasnoyarsk, the Urals North archeological congress, the All-Russian archeological congresses etc.), the survey of these gatherings is a separate task.

Major directions that did not correspond completely with framework of the 18th and the 19th centuries but were concentrated in this time have appeared at discussions held at these representative gatherings. Among these directions spheres of Arctic archeology, ethnic archeology of Russians, archeology of the Russian presence or, to put it simply, national archeology should be mentioned[13]. Their territorial sweep is vast and touches zones from the highest latitudes reached by man in assimilation of the planet at the North to tropic at the South and from Central Europe to the Pacific.

The late period is required to archeology because phenomena observed in the 18th and the 19th centuries clarify hazy, indefinite situations that occurred in more distant layers of history. In many cases establishment of reliable provisional scale requires its linking to nearly present-day material (with no archeologically obtained wood of the 18th and the 19th centuries it impossible to construct the solid dendrochronology and typology acquires a particular value if it reaches the present day with no gap. Multi-layered nature of the Russian culture of the 18th and the 19th centuries is visible at the archeological material more clearly and whole layers leave themselves open (as it was said at the beginning and the epigraph hints, these layers continued to exist in Russia of times after Peter the Great).

Content of the work presented shows certain affinity by the fact that materials can be easily integrated and enriched mutually. In fact, it is impossible to say immediately about every research where it should be placed, whether in history section or in archeology one. Texts on tombs and churchyards, on urban development, on dressings, clothes and awards, on trade and extraction of rock products occur in different places of the work. There can be no doubt that this promises development of mutual interest and in result the ascent to a higher stage in study of history of Russia in the Modern time.

[12] Archeologists of the State Hermitage Museum, the Russian Academy of sciences Institute of material culture and of other organizations work in the city. Materials are published in special periodic issues, magazine «Archaeologia Petropolitana» is published since 1996, and issues of «Material heritage of St Petersburg» within series as parts of the «Institute of Material Culture History of the Russian Academy of Sciences» as well as other publications are made.

[13] *Belyaev L.A., Chekhanovec Ya.* Etno-arheologiya russkih v Siro-Palestinskom regione XVIII–XIX vv. // Arheologiya i etnografiya Evrazii. T. 48. Novosibirsk, 2020. № 2. S. 99–107; *Belyaev L.A., Vah K.A.* Russkie palomniki v Arhangel'skom monastyre Ierusalima. Istoricheskie svidetel'stva i sovremennye materialy // Pravoslavnyj Palestinskij sbornik. Vyp. 118. M.: Indrik, 2020. S. 137–171; *Belyaev L.A.* Chetyre storony sveta: arheologiya russkogo prisutstviya. XVI – nachalo XXxv. // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2019. № 4 (65). S. 22–30; *Belyaev L.A.* Istoricheskaya arheologiya Rossii: neozhidannye perspektivy // Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskih nauk RAN. 2018. M.: RAN, 2019. S. 121–133; *Belyaev L.A., Vah K.A.* Pamyatnye nadpisi slavyanskih palomnikov XVIII–XIX vv. v Arhangel'skom monastyre v Ierusalime (predvaritel'naya publikaciya) // Slavyanovedenie. 2019. № 2. S. 94–99; *Belyaev L.A.* Russkaya arheologiya Palestiny // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2019. № 2 (95) S. 51–64; *Belyaev L.A.* Arheologiya Rossii Novogo vremeni: tendencii razvitiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2017. № 49. S. 66–70.

Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7

References:

Belyaev L.A. Arheologiya Rossii Novogo vremeni: tendencii razvitiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2017. № 49. S. 66–70.

Belyaev L.A. Chetyre storony sveta: arheologiya russkogo prisutstviya. XVI – nachalo XX v. // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2019. № 4 (65). S. 22–30.

Belyaev L.A. Istoricheskaya arheologiya Rossii: neozhidannye perspektivy // Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskih nauk RAN. 2018. M.: RAN, 2019. S. 121–133.

Belyaev L.A. Istoricheskaya lichnost' v zerkale arheologii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 422. S. 82–90.

Belyaev L.A. Nekropol' Danilova monastyrya v XVIII–XIX vekah: istoriko-arheologicheskie issledovaniya (1983–2008). M.: «Danilovskij blagovestnik»; IA RAN, 2012. 504 s.

Belyaev L.A. Opyt izucheniya istoricheskih nekropolej i personal'noj identifikacii metodami arheologii. M., 2011 (Metodika polevyh arheologicheskih issledovanij, vyp. 5). 56 s.

Belyaev L.A. Russkaya arheologiya Palestiny // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2019. № 2 (95) S. 51–64.

Belyaev L.A., Vah K.A. Pamyatnye nadpisi slavyanskih palomnikov XVIII–XIX vv. v Arhangel'skom monastyre v Ierusalime (predvaritel'naya publikaciya) // Slavyanovedenie. 2019. № 2. S. 94–99.

Belyaev L.A., Chekhanovec Ya. Etno-arheologiya russkih v Siro-Palestinskom regione XVIII–XIX vv. // Arheologiya i etnografiya Evrazii. T. 48. Novosibirsk, 2020. № 2. S. 99–107.

Belyaev L.A., Vah K.A. Russkie palomniki v Arhangel'skom monastyre Ierusalima. Istoricheskie svidetel'stva i sovremennye materialy // Pravoslavnyj Palestinskij sbornik. Vyp. 118. M.: Indrik, 2020. S. 137–171.

Grach A.D. Arheologicheskie raskopki v Leningrade. K harakteristike kul'tury i byta naseleniya Peterburga XVIII v. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 88 s.

Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv. Materialy nauch. konf. / Otv. red. L.A. Belyaev, A.V. Yurasov. M.; Vologda: Drevnosti Severa, 2016. 520 s.

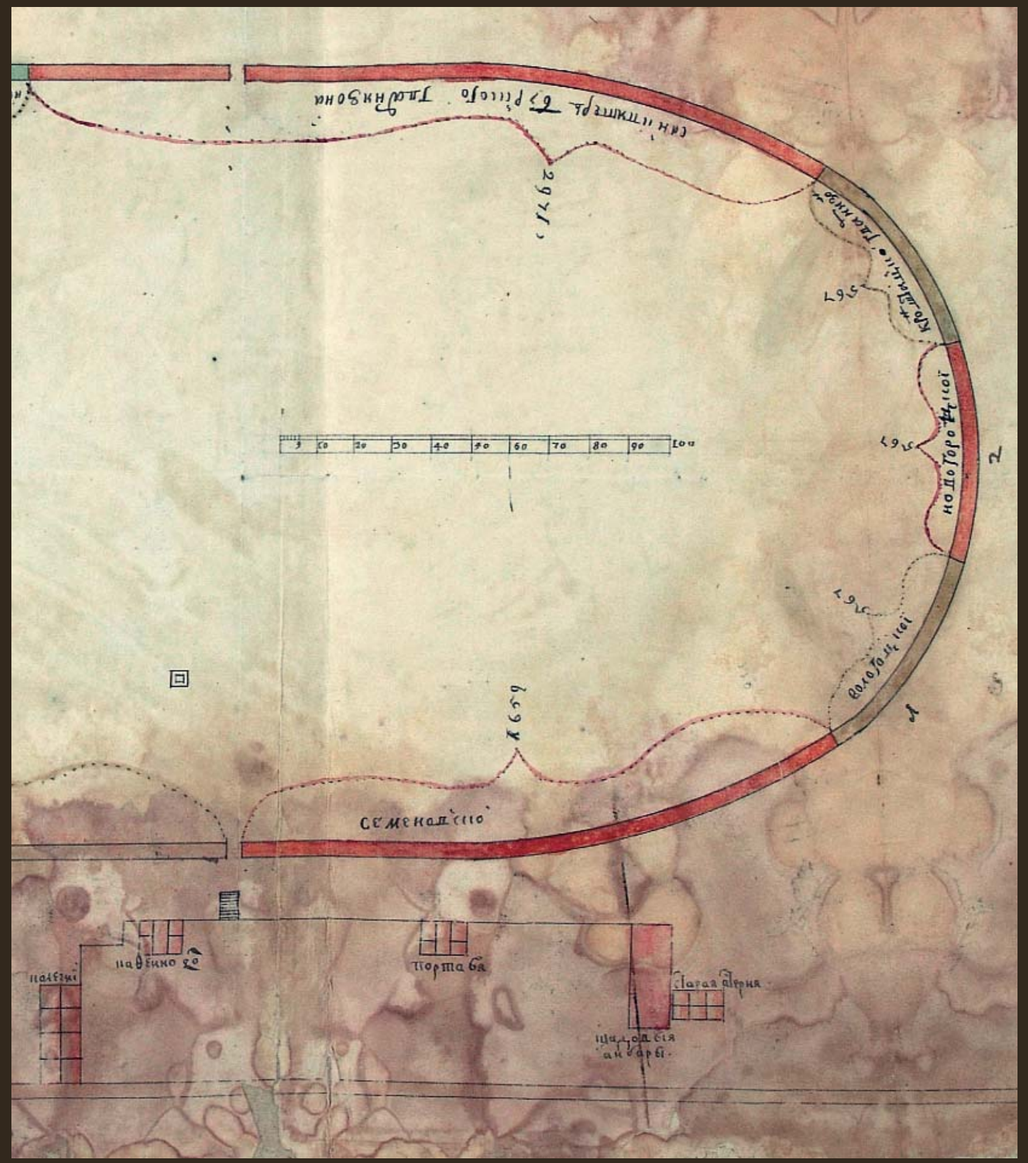
Rus' v IX–X vekah: arheologicheskaya panorama / Otv. red. N.A. Makarov. M.; Vologda: Drevnosti Severa, 2012. 496 s.

Rus' v IX–XII vekah: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura / Otv. red. N.A. Makarov, A.E. Leont'ev; sost. I.E. Zajceva. M.; Vologda: Drevnosti Severa, 2014. 432 s.

Srednevekovaya lichnost' v pis'mennyh i arheologicheskih istochnikah: Moskovskaya Rus', Rossijskaya Imperiya i ih sosedi: materialy nauch. konf. / Otv. red. L.A. Belyaev, N.M. Rogozhin. M.: IA RAN; IRI RAN, 2016. 256 s.

Shokarev S.Yu. Istochniki po istorii moskovskogo nekropolya XII – nachala XX v. M.: Nestor-Istoria, 2020. 488 s.

Keywords: Methods in archaeology, historical archaeology, national archaeology, Modern archaeology, Russian empire

Часть I

ГОРОДА, ДВОРЦЫ И КРЕПОСТИ

О.Г. Агеева

Графика петербургских празднеств и траурных церемоний русского двора XVIII в.

В дворцовых фондах архивов Москвы и Петербурга содержатся графические изображения событий официальной жизни русского двора XVIII в. – празднеств и траурных церемоний Романовых, потешных огней, военных триумфов и других торжественных событий. «Праздничные» графические работы разнородны по технике исполнения и включают гравюры, рисунки тушью и акварелью, фиксационные и аксонометрические планы и др.

По своему назначению графика придворной жизни могла носить информационно-мемориальный характер, то есть запечатлевать в художественном виде придворные события для современников и потомков, или же создавалась с утилитарными целями, чтобы для проведения церемониальных действ определить местонахождение их участников, предметов, декоративного убранства. В последнем случае графические листы представляют собой планы торжеств, их черновые рисунки и в полной мере являются делопроизводственными источниками.

Часть графики придворных торжеств опубликована и описана в литературе. Это изображения церемоний и декоративного оформления коронаций и погребений, фейерверков и иллюминаций, «победительных» шествий и триумфальных ворот, приемов восточных посольств. Они проанализированы и растиражированы прежде всего в трудах искусствоведов, интересующихся художественной стороной и обстоятельствами создания графических листов[1], историки же обращаются к такого рода изображениям в основном как к иллюстративному материалу.

Между тем значительная часть графического наследия не опубликована и содержит новые сведения для описания торжеств петербургского двора XVIII в., игравших важную роль в презентации императорской власти. Это обусловило двойную задачу данной работы: показать, какого рода графические произведения имеются в архивах, и как они могут быть использованы в качестве исторического источника. Последнее предполагает привлечение для анализа планов и рисунков архивных письменных документов, так как совмещение источников разных типов – изобразительных и нарративных – может раскрыть дополнительные смыслы заключенной в графике визуальной информации. Для примера остановимся на изображениях различного назначения, выполненных в разной технике, охватывающих по времени всё столетие.

Для начала обратимся к рисунку петровского времени из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, посвященному погребению русской царицы. Он уже был описан в статье 2007 г., но до сих пор не опубликован. Рисунок, выполненный тушью, размером 111,5 × 46 см изображает печальную процессию и имеет заголовок «Церемония погребения царицы Марфы Матвеевны» и подпись внизу «J. Stahlin» (рис. 1)[2]. По времени он является первым изображением погребения члена дома

[1] См.: *Борзин Б.Ф.* Росписи Петровского времени. Л.: Художник РСФСР, 1986; *Кириченко Е.И.* Запечатленная история России: Монументы XVIII – начала XX вв.: В 2 кн. М.: Жираф, 2001; *Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. Л.: Искусство, 1990; *Тюхменева Е.А.* Искусство триумфальных ворот в России первой половины XVIII в. М.: Прогресс-Традиция, 2005 и др.

[2] ОР РНБ. Собрание рисунков. Д. 1220 («Похороны царицы»); *Агеева О.Г.* К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представительницы царской семьи (из ОР РНБ) // Петровское время в лицах – 2007. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. С. 5–13. Вдовствующая царица Марфа Матвеевна (род. в 1667 г.), жена царя Федора Алексеевича, скончалась 31 декабря 1715 г. и была погребена 7 января 1716 г.

Рис. 1. Погребение царицы Марфы Матвеевны, 1716.
[Погребение царевны Натальи Алексеевны, 1717]. Неизв. худ. Рисунок, тушь, перо. ОР РНБ.

Романовых, так как наиболее ранние и частично введенные в научный оборот офорты траурного зала А.И. Ростовцева и С.М. Коровина, акварельный рисунок неизвестного автора и схема траурной процессии дома Романовых относятся к погребению Петра Великого 1725 г.[3]

Сравнение рисунка из ОР РНБ с источниками личного происхождения, касающимися погребения Марфы Матвеевны, поставило вопрос о его новой атрибуции. Печальное событие января 1716 г. освещено в «Повседневных записках» князя А.Д. Меншикова, сочинении ганноверского дипломата Ф.-Х. Вебера, а также хранящемся в РГАДА письме И.Н. Зотова к его отцу, знаменитому учителю царя Петра I Н.М. Зотову. Письмо датировано 27 января 1716 г.[4]

Последний документ подтвердил, что на листе, заголовок которого указывает на погребение Марфы Матвеевны, изображено другое событие. Рассказывая о погребении вдовствующей царицы, автор письма как участник церемонии дал достаточно подробное описание прощания с высочайшей особой и порядка печальной процессии. При этом расположение в ней групп участников и регалий оказалось совершенно иным, чем в процессии на листе из ОР РНБ. В частности, И.Н. Зотов пишет, что корону несли перед печальным катафалком, а не после него, что несли отсутствующие на рисунке скипетр, российский герб и вензель царицы («резное златое… в зеленостях цветов» имя на жезле), сенаторы и министры шествовали до регалий и катафалка, а после него – трое братьев царицы, то есть Андрей, Федор и Петр Апраксины, царь, царевич и др. Отметил И.Н. Зотов и везение катафалка «12-ю конми», что также не совпало с изображенной на рисунке восьмеркой лошадей.

Для выяснения того, какое на самом деле событие изображено на рисунке, были взяты описания погребений всех дам царской фамилии из архивов Петербурга и Москвы до начала 1740-х гг. (верхнюю границу поисков определили изображенные на головах дам кружевные фонтанжи, которые с этого времени уже не носились). В результате, только одно из описаний траурных процессий практически полностью совпало с процессией, изображенной на рисунке. Так, по делу РГАДА[5] было установлено, что лист из ОР РНБ посвящен погребению сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны (род. в 1673 г.). Царевна умерла 18 июня 1716 г., когда Петр путешествовал по Европе. В связи с этим ее публичное погребение было отложено до возвращения царя из-за границы и прошло 17 ноября 1717 г. Таким образом, обращение к письменным

[3] См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Карт. 253. Д. 12; РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–3, 49–64; ОР РНБ. Ф. 712. № 1480. Публикацию гравюр и рисунка см., например в: Основателю Петербурга. Кат. выставки. ГЭ. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. № 161–164, 213. С. 40–41, 281, 290.

[4] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М.: Российский фонд культуры, 2004. С. 19–20; *Вебер Ф.-Х.* Сочинения // Русский архив. 1872. Вып. 7. Стб. 1342–1343; РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181.

[5] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 39.

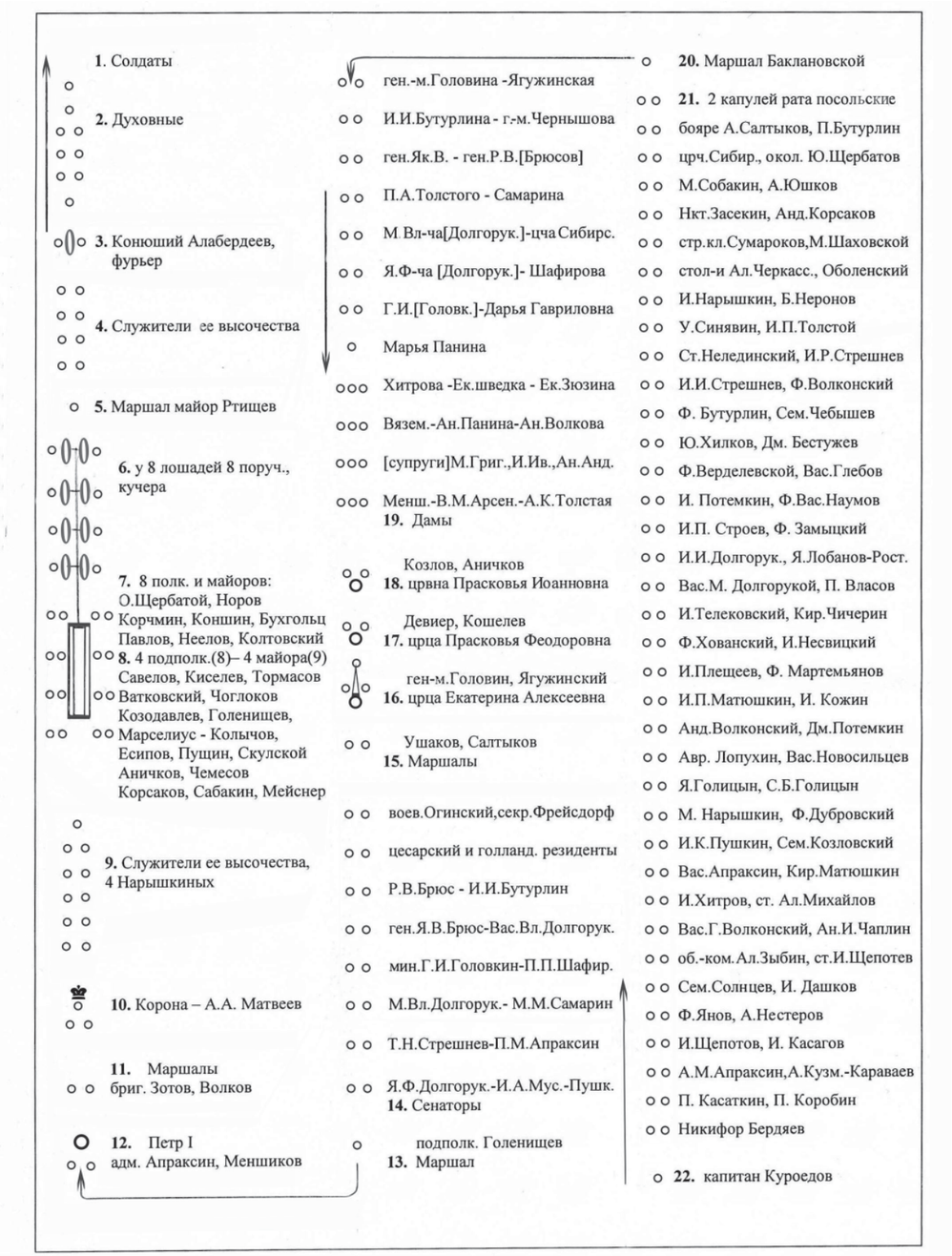

Рис. 2. Схема траурной процессии погребения царевны Натальи Алексеевны.

источникам позволило уточнить название рисунка и его дату. В свою очередь, новая атрибуция поставила вопрос о появлении на листе неверного названия и подписи Я. Штелина. Известно, что молодой, 26-летний Я. Штелин появился в России только в 1735 г. Помимо прочих занятий он увлекался коллекционированием, став владельцем домашних собраний живописи, скульптуры и гравюр, поэтому можно предположить, что подпись является владельческой. Вероятно, и название рисунка было дано им же. При этом относящееся к 1710-м гг. изображение печальной процессии оказалось связано с наиболее известным для европейского читателя погребением тех лет, а именно – погребением царицы Марфы Матвеевны. Знать о нем современники Я. Штелина могли из сочинения Ф.-Х. Вебера «Преображенная Россия», которое было широко известно в Европе. Опубликованное впервые в 1721 г. во Франкфурте, оно сразу было переведено на другие языки и несколько раз переиздано в Голландии, Германии, Франции и Англии[6]. Впрочем, изучение подписей на рисунке еще может быть продолжено. Открытым остается и вопрос об авторстве художественного листа.

Дело РГАДА о погребении царевны Натальи Алексеевны дает и иную ценную информацию об изображении. На рисунке печальное шествие показано лентообразно в три ряда с двумя заворотами, с хорошей прорисовкой государственной символики и каждого участника траурной колонны, а также условного числа солдат, стоящих по сторонам с факелами. Дело же о подготовке погребения, которым ведал архитектор Г.-И. Маттарнови, содержит проект («Каковым образом за телом… Наталии Алексеевны следовать сего 1717 ноября 17…») и описания погребального шествия, в том числе с правкой его состава, сделанные после проведения церемонии («Предъявление, каким образом за телом… Наталии Алексеевны следовали в 17 де ноября 1717 г.»)[7]. Всего в описании процессии было выделено 22 пункта (23 в проекте), которые обозначали следовавших отдельно лиц и группы.

Как отмечено выше, описание процессии в «Предъявлении…» из дела РГАДА и ее изображение на рисунке (число участников, колонн, их порядок и др.) практически полностью совпадают. Открывала печальную колонну группа духовных лиц, за которыми глава конюшни Петра Великого вел «печальную» лошадь, затем шли служители дома царевны, маршал церемонии (чин, предшествовавший какой-либо группе участников шествия), за ним 8 лошадей везли катафалк под балдахином, сопровождаемый по сторонам 16 полковниками, подполковниками и майорами. После катафалка следовала вторая группа служителей двора ее высочества и шли четверо родственников царевны Нарышкиных, затем А.А. Матвеев нес на подушке корону царевны, далее за двумя маршалами шел Петр I с ассистентами адмиралом Ф.М. Апраксиным и А.Д. Меншиковым, вновь маршал церемонии, за ним сенаторы, дипломаты (цесарский и голландский резиденты, воевода Огинский с посольским секретарем), далее два маршала, царица Екатерина Алексеевна, царица Прасковья Федоровна и царевна Прасковья Иоанновна, каждая с двумя ассистентами, 27 дам, маршал церемонии и за ним 74 кавалера (бояре и др.).

Отличия текста и рисунка были минимальны: в пункте 2 «господа духовные» на рисунке изображены архиерей с ребенком и семь священнослужителей или певчих, в пункте 3 значится «конюшей верхом – Алабердеев фурьер», на рисунке же изображена «печальная» лошадь с двумя сопровождающими лицами без всадника, в пункте 16 отсутствует паж, несущий шлейф царицы Екатерины Алексеевны, но он есть на рисунке.

Список участников шествия из письменного источника позволяет назвать по именам около 180 человек из почти 200 изображенных в процессии. Графически это можно представить в виде схемы рисунка с подписями имен (рис. 2). Обращение к иным материалам может прояснить имена и других изображенных. Так, цесарским и голландским резидентами в 1717 г. являлись Отто Плеер и де-Бие. В группе из семи служителей двора царевны, вероятно, находились глава ее двора князь Андрей Вяземский, чины Иван Сахаровский, Андрей Чернев и др. Пажом, несшим шлейф царицы Екатерины Алексеевны, мог быть один из ее пажей – Антон Деторден или Густав Голстейн[8].

Дело о подготовке печальной церемонии царевны Натальи Алексеевны позволяет восстановить многие детали погребения. Оно содержит список медицинских препаратов за подписью доктора Говия, списки товаров для декоративного оформления саней, тканей для печальной одежды и др. Однако только рисунок позволяет представить, как выглядели символизировавшие власть детали нового траурного декора – печальная корона царевны, ее катафалк с балдахином, щиты с двуглавым орлом, прикрепленные к штангам балдахина и черным попонам лошадей. Рисунок также показывает, как ассистенты вели под руки членов императорского дома, какими были траурные трости маршалов, плащи участников шествия, по каким правилам дамы надевали черный флер (высочайшие особы закрывали им фонтанжи и лица, остальные оставляли лица

[6] Записки Якоба Штелина «Об изящных искусствах в России»: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1990. С. 8, 17; *Вебер Ф.-Х.* Преображенная Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии. СПб.: Искусство, 2011. С. 4–5.

[7] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 39. Л. 17–18; 2–6 об.; 7–8 об.

[8] Там же. Л. 28; РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 565. Л. 1 об., 7.

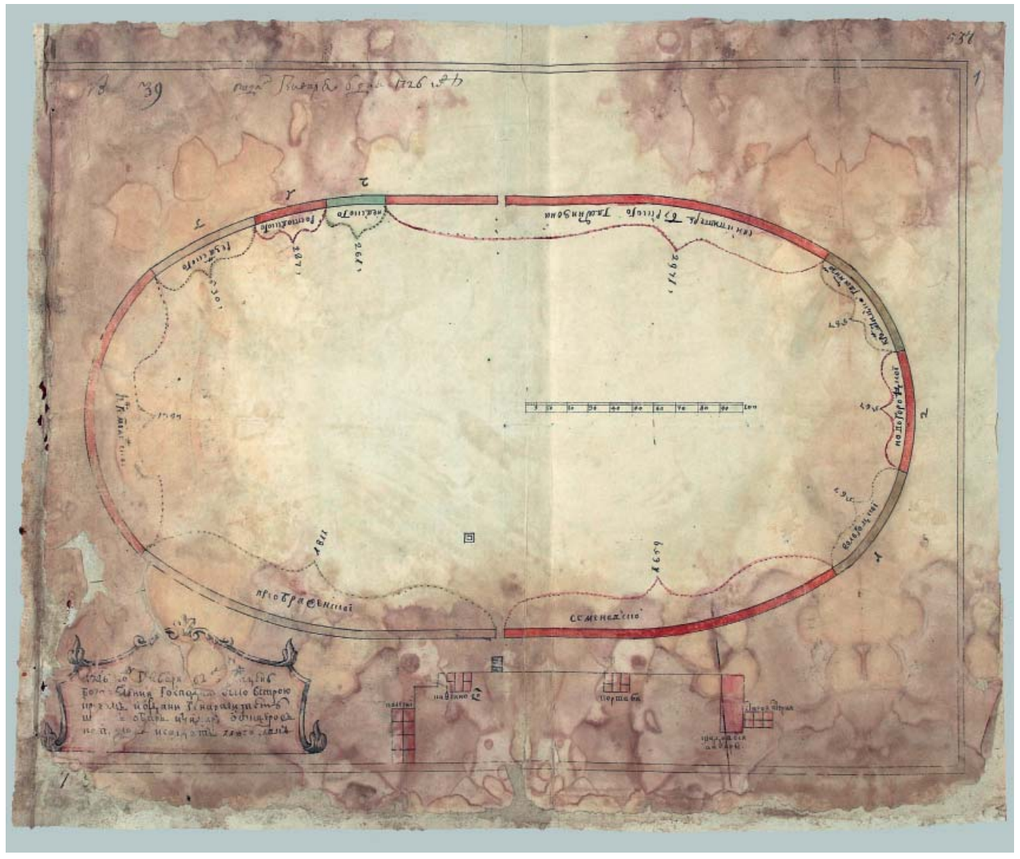

Рис. 3. План парада 6 января 1726 г. РГАДА.

открытыми, откидывая с фонтанжей флер назад) и др. Любопытно, что на Петре была русская зимняя меховая шапка «с ушами» (такие головные уборы имеются в коллекции его одежды в Государственном Эрмитаже), на царице Екатерине Алексеевне роба со шлейфом. Этот вид парадного платья только входил в обиход русского двора. Таким образом, рисунок позволяет наглядно увидеть оформление одного из печальных событий дома Романовых в самом начале его европеизации[9].

Столь же информативна и другая разновидность изобразительных источников – планы праздничных военных парадов XVIII в. Корпус сохранившихся в архивах документов такого рода показывает столичные парады времени Екатерины I, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Хронологически они охватывают 1726–1765 гг., причем бóльшая часть графических листов парадной тематики относится ко времени правления дочери Петра Великого. Некоторые планы парадов, например, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, описаны и опубликованы (каталог «Архитектурная графика России»)[10]. Помимо Эрмитажа, еще 11 планов имеется в РГАДА (парад 1726 г.), РГИА и Отделе рукописей БАН (рис. 3–13)[11]. Листы бумаги с планами

[9] См.: Основателю Петербурга… С. 146–147.

[10] Архитектурная графика России. Первая половина XVIII в.: Науч. кат. Л.: Искусство, 1981. № 186, 187. С. 110; № 196, 197, 198, 199. С. 114; № 241. С. 136–137.

[11] РГАДА. Ф. 375. Оп. 1. Д. 48. Л. 1. (План парада 6 января 1726 г.); ОР БАН. Доп. оп. Д. 291. Л. 1. (План парада 5 сентября 1752 г.); РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 6. Л. 39. (План парада 6 января 1759 г. Фрагмент); Л. 134. (План парада 5 сентября 1752 г.); Д. 9. Л. 126. (План парада 5 сентября 1754 г.); Д. 11. Л. 46. (План парада 25 апреля 1755 г.); Д. 15. Л. 4. (План парада 6 января 1760 г.); Д. 19. Л. 9. (План парада 6 января 1765 г.); Ф. 485. Оп. 4. Д. 1. Л. 1. (План парада 6 января 1757 г., копия); Л. 2. (План парада 6 января 1756 г., копия); Л. 3. (План парада 25 апреля 1755 г., копия).

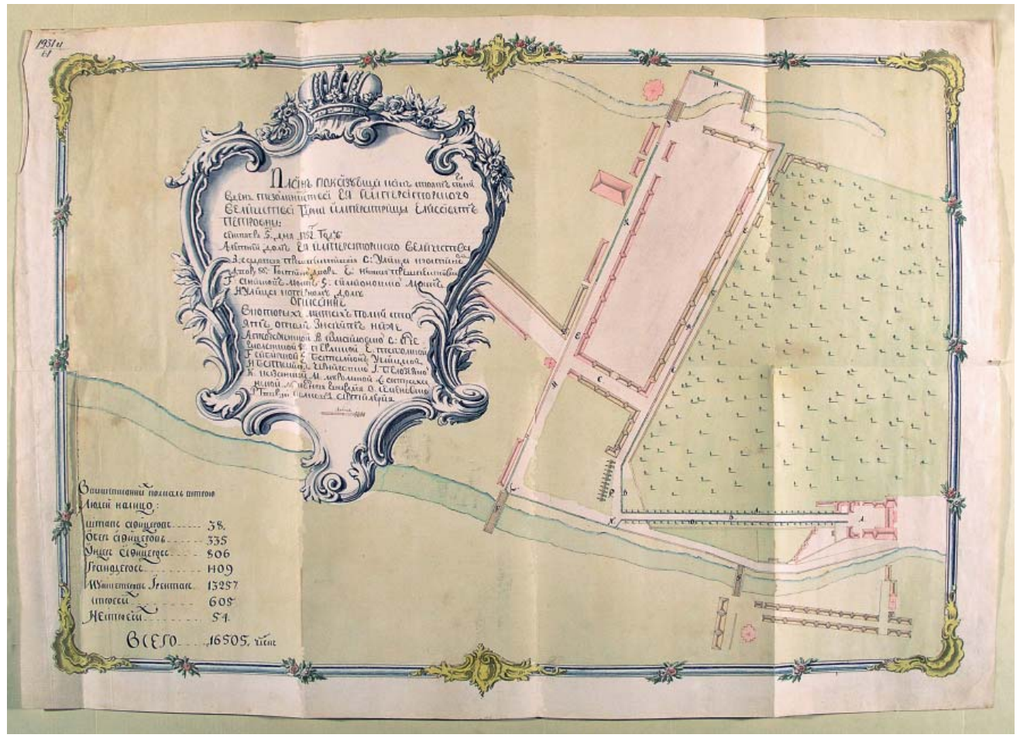

Рис. 4. План парада 5 сентября 1752 г. ОР БАН.

различны по размеру – приблизительно 31.5 × 40 см, 32 × 50 см, 44.6 × 52.7 см и т.п. Подлинные планы выполнены тушью и имеют подкраску акварелью. Несколько планов парадов XVIII в. представляют собой копии, выполненные в XIX в. в виде чертежей тушью. На них кроме текстов подлинников имеются пометы Топографического бюро с номерами шкафов и отделений. Любопытно, что одна из копий воспроизводит фрагмент сохранившегося подлинного плана парада 25 апреля 1755 г. (рис. 7, 8)[12]. Разумеется, в дальнейшем круг парадных планов может быть пополнен находками в других архивных собраниях.

Рассматриваемые в данной работе фиксационные и представляющий редкость аксонометрический планы посвящены праздничным парадам, проводившимся в дни Богоявления (6 января по ст. ст.) во время всех указанных правлений, а также в годовщины коронования и тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны (25 апреля и 5 сентября). Парады на зимнее водосвятие были традиционными, перешедшими в XVIII в. из предшествующего столетия, только вместо стрелецких полков их участниками стали гвардейские и полевые полки новой армии. Традиция проведения богоявленских парадов ненадолго прерывалась при Петре I и в царствование Анны Иоанновны. Так как обряд водосвятия отсутствовал в западном христианстве, он воспринимался как «исконно русский» и как особая церемония царского двора. За ней всегда с интересом наблюдали иностранцы, в том числе оставившие ее описание (Ю. Юль, Ф.-Х. Вебер, Ф.-В. Берхгольц и др.). Тезоименитства, именины государя, также отмечались при дворе московских царей, только XVIII в. кардинально изменил их форму, введя новые светские увеселения, в том числе парады. Ежегодные годовщины коронования, празднуемые как высокоторжественный день по всей стране, ввел указом от 16 мая 1721 г. Петр Великий[13].

Главным объектом изображений на планах является парадное построение войск. Таким образом,

[12] РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 11. Л. 46; Ф. 485. Оп. 4. Д. 1. Л. 3.

[13] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 6. СПб., 1830. № 3783. (Далее – ПСЗ-I).

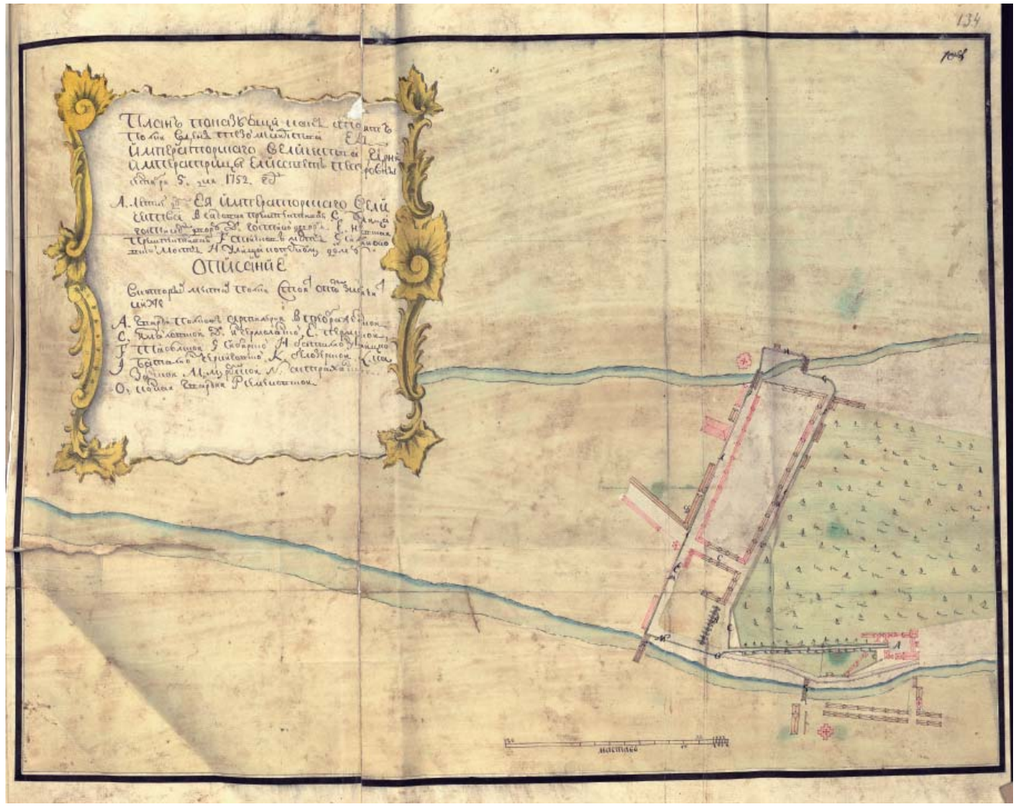

Рис. 5. План парада 5 сентября 1752 г. РГИА.

планы парадов показывают отсутствующую в других источниках расстановку гвардейских и полевых полков на льду р. Невы или по столичным улицам во время указанных ежегодных празднеств. Судя по планам, место, где войска ставились в праздничный строй, зависело от резиденции монарха, времени года и погоды. Зимой парадные построения 6 января могли устраивать на льду р. Невы напротив набережной Троицкой площади на Петербургском острове (план 1726 г.) (рис. 3), так как в первые десятилетия века именно Троицкая площадь с Троицким собором была центром города. Такие парады описаны, например, в Журналах Петра Великого. Форма построений была различной: например, вокруг иордани войска могли стоять четырехугольником[14]. Затем парады «переместились» ближе к другому берегу реки и выстраивались на реке напротив Зимнего дворца (план 1765 г.) (рис. 13). Если погода была теплой и льда не было, или же рядом с дворцом не было площади и большого пространства реки, то воинские части расставлялись от императорской резиденции по улицам и берегам каналов (планы 1752, 1755 гг. и др.). Что касается дворцов, около которых проходило парадное действо, то, по планам, это были растреллиевские каменный Зимний дом 1730-х – начала 1740-х гг., елизаветинский деревянный Зимний дворец на Невской прешпективе у Зеленого моста (в нем высочайшая фамилия проживала в период строительства нового Зимнего дворца с 1755 по 1762 г.), а также Летний дворец на Фонтанке, построенный в 1741–1744 гг. на месте современного Михайловского замка.

Планы хорошо показывают, что из себя представляли парады XVIII в., которые отличались от более поздних парадов Павла I, проходивших

[14] См., например: Камер-фурьерские церемониальные журналы. 1795–1817. СПб., 1853–1916. Походный журнал [Петра I] 1725 г. СПб., 1855. С. 31. (Далее – КФЖ).

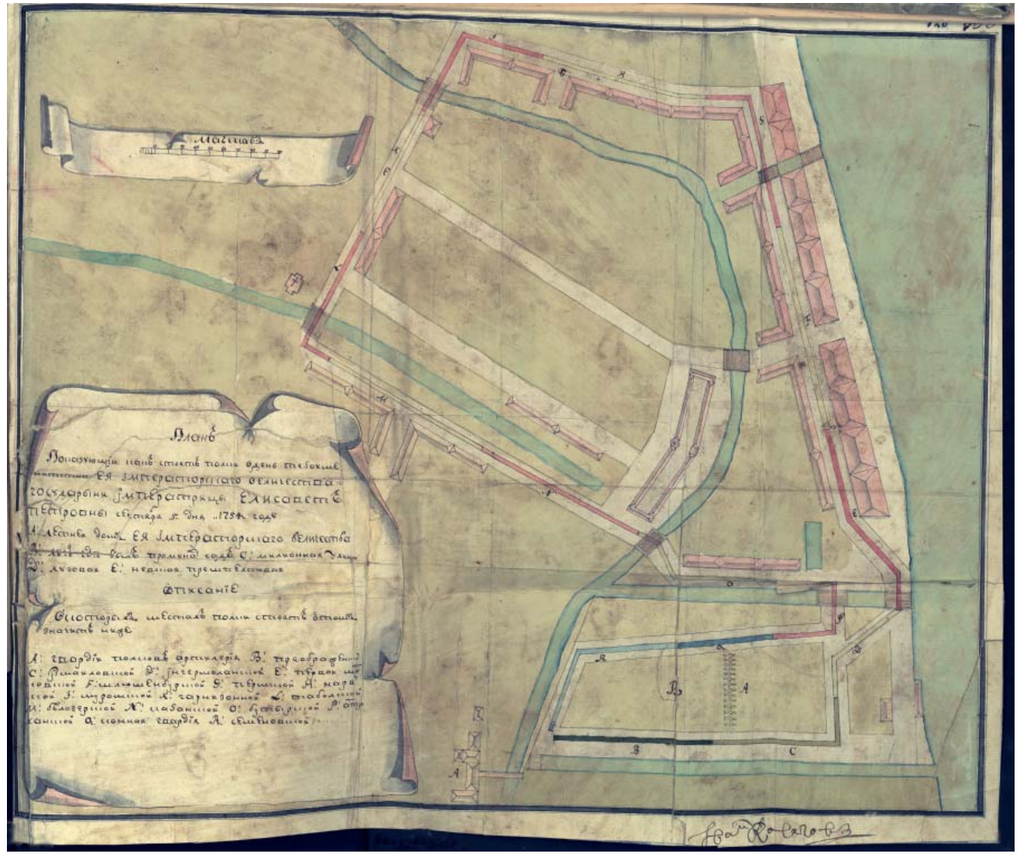

Рис. 6. План парада 5 сентября 1754 г. РГИА.

на прусский манер по особым правилам, изложенным в специальном «Описании о вахт-параде» 1800 г.[15], а также от парадов XIX в., хорошо известных по живописным полотнам.

В XVIII в., даже если войска располагались на большом открытом пространстве, например, Царицыном лугу («луг, где был променад сад», или будущее Марсово поле), построение делалось не в его в глубину, а линией. Поэтому участвующие в параде гвардейские и полевые полки, а также части петербургского гарнизона выстраивались одной шеренгой в виде изогнутой замкнутой фигуры по улицам города, берегам рек, каналов или на льду р. Невы, и здесь же рядом ставилась артиллерия. По одному из упоминаний в указе о параде, полкам следовало строиться в 3 (против дворца, «где видно будет») или 2 человека («в прочих» местах)[16]. Длина такой линии составляла несколько километров. К примеру, при праздновании тезоименитства Елизаветы Петровны в 1754 г. 16 полков были выстроены в линию длиной более 4 км (около 1900 сажень), при богоявленском параде 1756 г., в котором участвовало 12 полков, «окружение места под вышеписанными полками» составило около 3.254 км (3 версты 25 сажень), в 1759 г., когда участниками парада были только 5 полков, 2 корпуса и артиллерия, линия парада составила менее 2.800 км (1307 сажень) (рис. 6, 9, 11)[17].

Все распоряжения по организации парадов шли через дежурство генерал-адъютантов. Накануне торжественного дня правящая особа отдавала

[15] ПСЗ-I. Т. 26. № 19592.

[16] РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 6. Л. 37 об.

[17] Там же. Д. 9. Л. 126; Там же. Ф. 485. Оп. 4. Д. 1. Л. 2; Там же. Ф. 439. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.

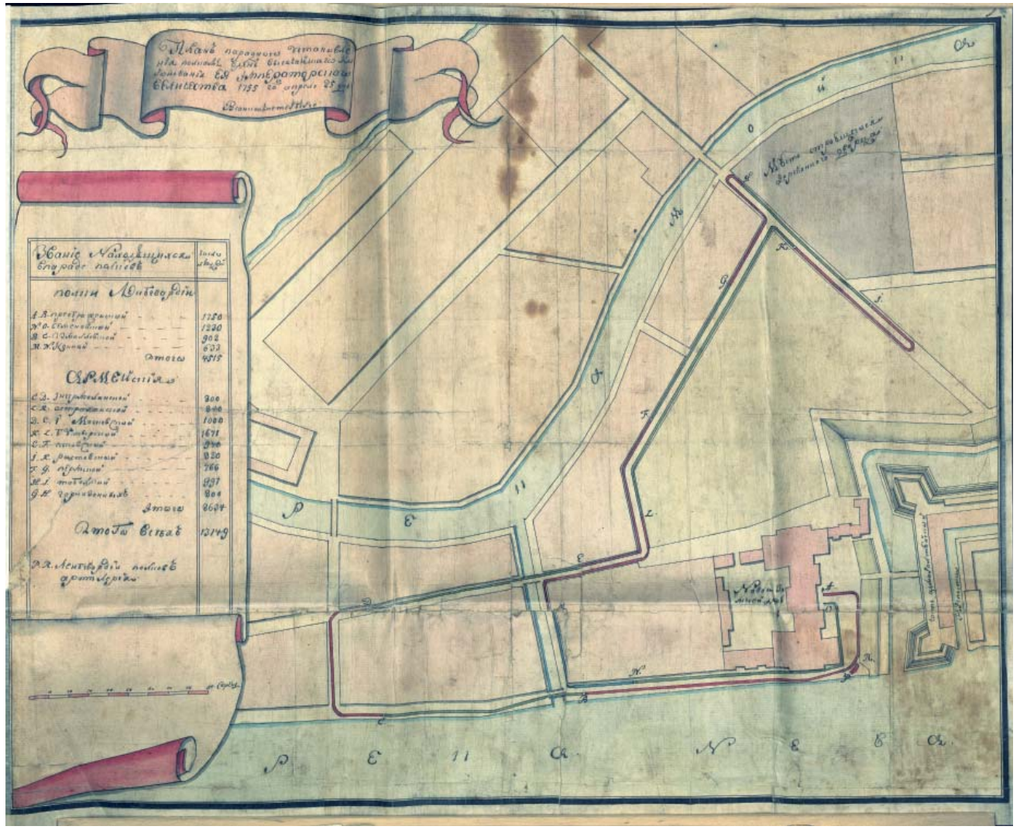

Рис. 7. План парада 25 апреля 1755 г. РГИА.

дежурному главе охраны своей резиденции повеление о проведении (или непроведении) парада, и уже от него соответствующие указы отправлялись в Военную коллегию, канцелярии гвардейских и полевых полков, коменданту Петропавловской крепости и в Адмиралтейство. Тогда же определялось и место расстановки войск, новое или повторяющее прошлогоднее. Для «счисления» места того или иного воинского соединения привлекались полковые обер-квартирмейстер и квартирмейстеры[18]. Судя по планам, трассировка на льду р. Невы могла быть в форме овала с выходом к Троицкой площади, как на плане 1726 г. (рис. 3). Ранее такая форма построения парада была в ходу при Петре I. К примеру, «огромный круг» из гвардейцев на Царицыном лугу в июне 1721 г. описал в своем дневнике Ф.-В. Берхгольц. Другой вариант невского построения, зафиксированный планом 1765 г., представлял собой пятигранник, вытянутый вдоль берега р. Невы от Царицына луга до понтонного моста перед Исаакиевской площадью и верхней частью почти доходящий до стрелки Васильевского острова. В середине его южной линии находился проход к Зимнему дворцу, рядом с которым была устроена иордань (рис. 13)[19].

Построения у дворцов в городе могли быть различны и иметь достаточно сложную конфигурацию. Планы парада в честь дня коронования 25 апреля 1755 г. (подлинник и копия XIX в.) (рис. 7, 8) показывают расположение войск от каменного Зимнего дворца 1730–1740-х гг. Шеренга войск выстраивалась по одной из сторон улиц с возвратом по другой, начиная от крыльца дворца, выходившего к Адмиралтейству,

[18] Там же. Д. 15. Л. 3; Д. 19. Л. 1 об.

[19] РГАДА. Ф. 375. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.; Д. 19. Л. 9; *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. Ч. 1 // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 135.

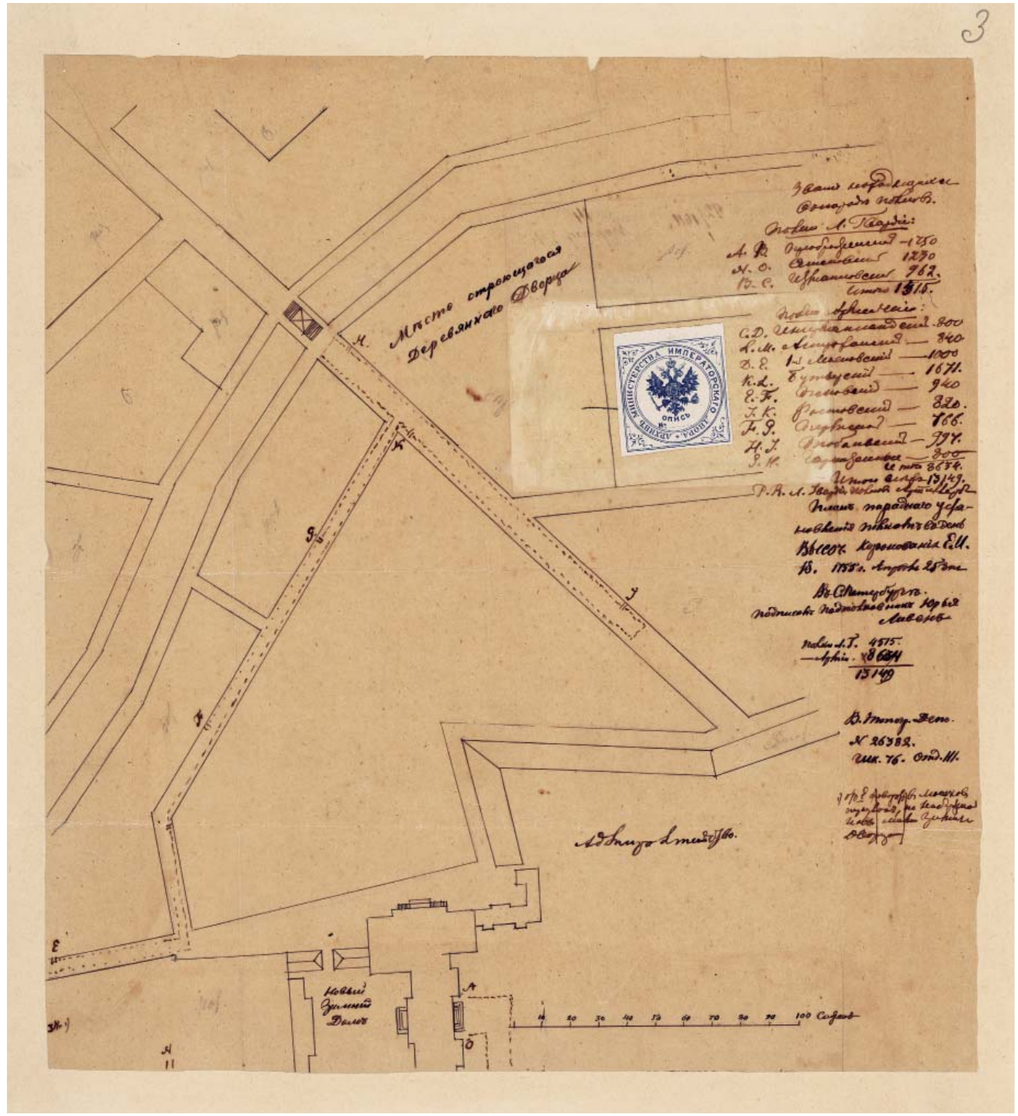

Рис. 8. План парада 25 апреля 1755 г. (копия XIX в.). РГИА.

далее вдоль р. Невы, затем поворачивала по Мошкову переулку на Миллионную улицу, шла по Большой Луговой на Невский, там делала «петлю» поворотом направо и затем налево, а далее шла обратно тем же путем до адмиралтейского крыльца[20].

От Летнего дворца, как это показывают два плана 1752 г. (рис. 4, 5), войска могли выстраиваться чаще всего от парадного въезда во двор по центральной парадной аллее и далее по Итальянской улице, за мостом через Глухую речку (будущий Екатерининский канал) разворачиваться на Невский, затем стоять строем по проспекту

[20] РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 11. Л. 46; Ф. 485. Оп. 4. Д. 1. Л. 3.

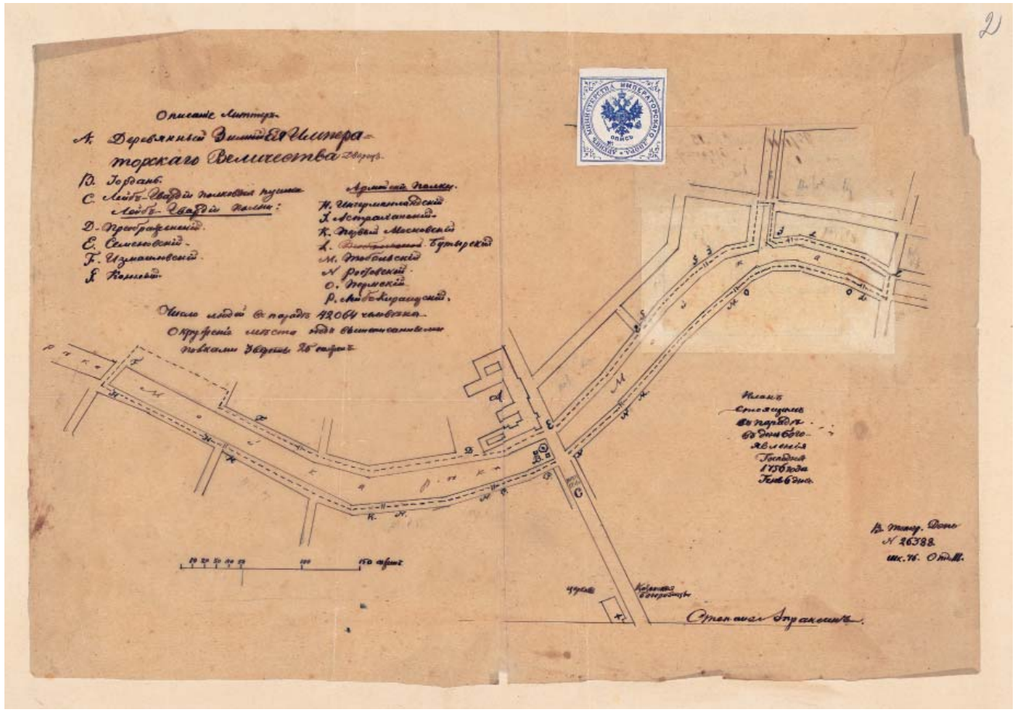

Рис. 9. План парада 6 января 1756 г. (копия XIX в.). РГИА.

и сворачивать вновь на парадную дворцовую аллею. Другой вариант построения от Летнего дворца демонстрирует план парада 1754 г. (рис. 6) Проход от дворца к строю на Царицын луг находился за мостом на углу р. Мойки и Лебяжьей канавки, от него войска стояли шеренгой вдоль канавки с поворотом налево вдоль р. Невы к мосту на набережной через Красный канал (находился у построенного позднее Мраморного дворца), далее по Миллионной и Луговой улицам, Невской прешпективе, за вторым мостом с поворотом налево вдоль Глухой речки до Конного двора, затем через р. Мойку шеренга возвращалась к Красному каналу, вдоль него шла в сторону р. Невы с поворотом направо на Царицын луг, огибая который с западной стороны, заканчивалась у прохода к дворцу, где начиналось построение. Артиллерия в этом случае стояла в центре луга.

Наконец, более простым было построение войск в день Богоявления у деревянного Зимнего дворца. Его показывают планы 1759 (фрагмент) и 1760 гг. (рис. 11, 12) и две копии XIX в. с парадами 1756 и 1757 гг. (рис. 9, 10). Так как иордань устраивалась у Зеленого моста перед дворцом, от которого делался проход на лед для процессии с крестами, то полки выставлялись по набережным р. Мойки: сначала вправо до Синего моста, от него по другой стороне ерика до Конюшенного моста и обратно. Если же численность войск была большой, то от Конюшенного моста шеренга шла далее на Миллионную, возвращаясь с поворотом к р. Мойке по Зимней канавке. Артиллерия располагалась на берегу Мойки[21].

Иордани, которые делались для зимнего водосвятия на льду р. Невы или на р. Мойке, представляли собой не только прорубь, но и павильон-беседку над ней, а также расположенные рядом особые «места», или «палатки», для членов императорской фамилии. Вид этих строений показывает аксонометрический план парада 1757 г., а также два архитектурных чертежа иорданей для водосвятий 1756 (лист подписан заархитектором Семеном Волковым) и 1775 г. (чертеж датирован декабрем 1774 г.) (рис. 10, 14, 15)[22].

[21] Там же. Ф. 439. Оп. 1. Д. 6. Л. 39; Д. 15. Л. 4; Ф. 485. Оп. 4. Д. 1. Л. 1, 2.
[22] Там же. Д. 1. Л. 1; Д. 290. Л. 1; Д. 292. Л. 1.

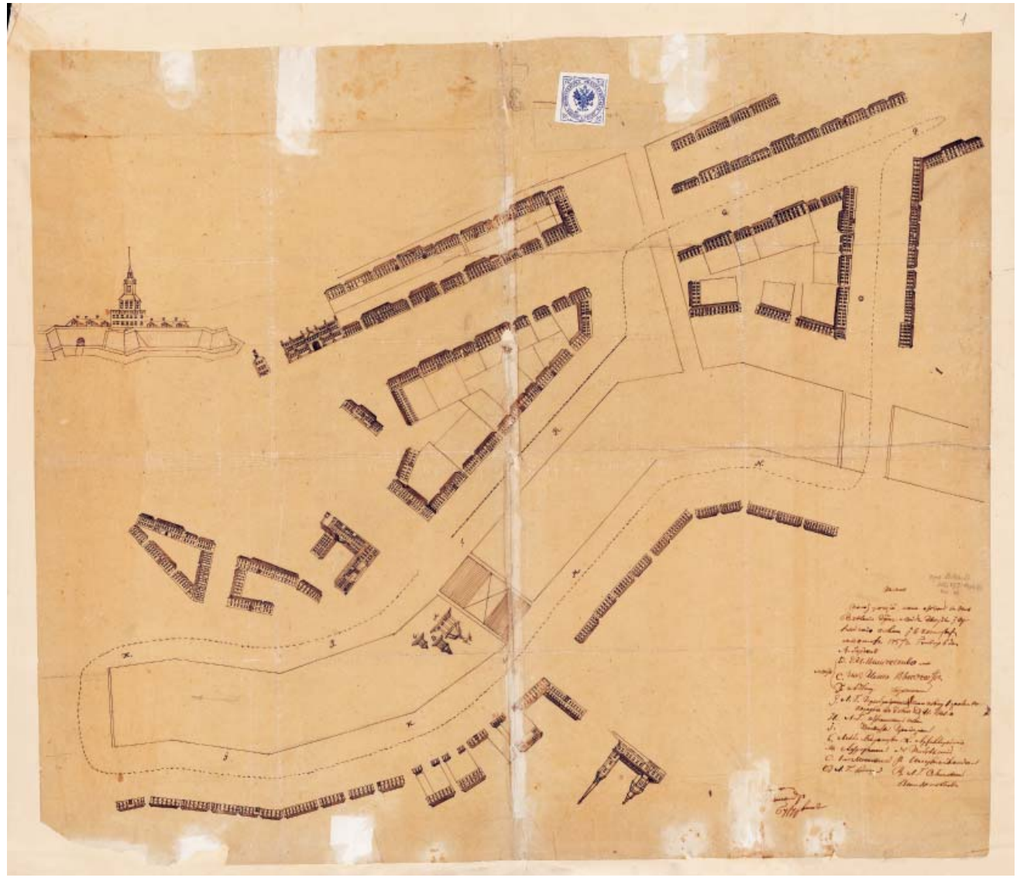

Рис. 10. План парада 6 января 1757 г. (копия XIX в.). РГИА.

Планы парадов XVIII в. не были «сухими» чертежами и, подобно картам той эпохи, имели художественное оформление. Листы украшали рамки с виньетками, барочные фигурные картуши, в текстах которых указывались даты и праздничное событие, наименования полков и часто их численность, иногда общее количество офицеров и солдат. Полки и городские строения на схемах парадов обозначались буквами, которые пояснялись в виньетках, и только на листе 1726 г. полки были подписаны на самом изображении линии войск (как и их численность). Иногда листы содержали наименования улиц, городских строений и рек. Планы имели тщательно подобранное цветовое решение, цветом обозначались геометрические фигуры кварталов, улицы и реки, планы дворцов. Цветом же выделялись отдельные полки, так как весь парадный строй изображался одной узкой лентой (на копиях пунктиром). На аксонометрическом плане большой интерес представляют зарисовки Адмиралтейства, Рождественской церкви на Невском проспекте, дворцов и иордани с «местами» для ее величества и их высочеств[23]. На листах часто помещалась масштабная линейка в саженях.

Что касается численности участников парадов, указанной на планах, то она колебалась от 8 тысяч (1759 г.) до более, чем 42 тысяч (1756 г.) человек. При этом цифра 8 тысяч (8121) появилась в записи на поле фрагмента парада 1759 г. как уточнение «по последним репортам» цифры, указанной в картуше (6160 человек)[24]. В состав воинских частей обычно

[23] Там же. Д. 1. Л. 1.
[24] Там же. Ф. 439. Оп. 1. Д. 6. Л. 39; Ф. 485. Оп. 4. Д. 1. Л. 2.

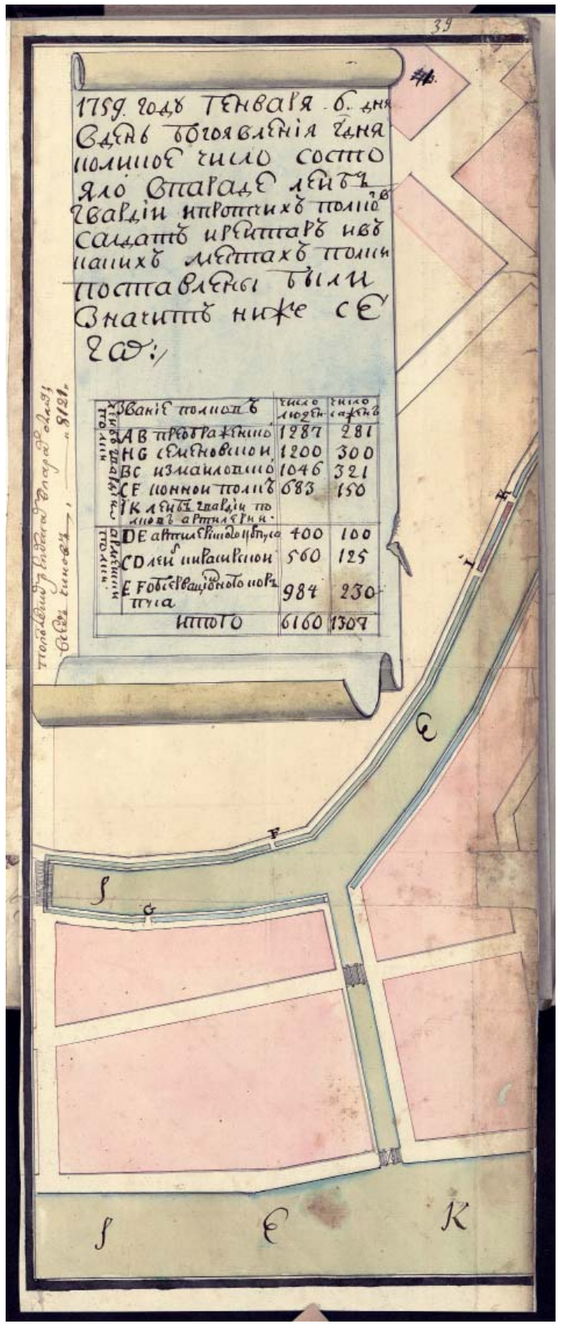

Рис. 11. План парада 6 января 1759 г. (фрагмент) РГИА.

входили четыре гвардейских полка, артиллерия, гарнизонный и полевые полки, временно расквартированные в столице (Астраханский, Ростовский, Тобольский и др.).

Особый интерес представляют и требуют изучения имеющиеся на некоторых листах подписи. Они принадлежат И. Косагову (план 1754 г.), подполковнику Ю. Ливену (1755), Ст. Апраксину (1756), А. Бутурлину, с 1760 г. графу (1757, 1765), майору кн. Черкасскому (1760). Очевидно, что подписи этих высоких воинских чинов вовсе не означают, что именно они были авторами планов, скорее, начальниками исполнителей или командирами-заказчиками. Любопытны и подписи генерала-фельдмаршала, подполковника Преображенского полка А.Б. Бутурлина, который как дежурный генерал-адъютант занимался организацией парадов и при их проведении мог командовать гвардейскими полками.

Характер оформления планов свидетельствует о том, что они являются офицерской графикой, так как военное образование включало обучение картографии, а планы парадов в приемах изображения совершенно схожи с планами сражений и учений. К тому же на их происхождение указывает и одна из записей в журналах дежурных генерал-адъютантов. Из нее следует, что план парада в честь тезоименитства императрицы 1752 г. (рис. 5) был поднесен от Измайловского полка, и по нему в журнал при описании торжества были внесены сведения о числе участников построения[25]. Эта запись позволяет предположить, что второй план того же торжества был выполнен в другом гвардейском полку. Так как данные о численности участников парадов генерал-адъютанты могли получать из рапортов отдельных полков, становится ясно происхождение пометы на плане 1759 г., в которой было указано более точное число участников, чем в картуше[26]. Не менее важны для дежурства генерал-адъютантов были и сведения о расстановке войск. Поэтому, описывая сентябрьский парад 1754 г., дежурный генерал-адъютант (П. Шувалов), сделал пометку: «а в кое месте полки поставлены, при сем план приложен»[27]. Впрочем, не следует исключать, что художественно оформленные листы могли подноситься самой высочайшей особе, которой генерал-адъютанты докладывали о числе участников парадов.

[25] Там же. Ф. 439. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.
[26] Там же. Д. 19. Л. 3–8.; Д. 6. Л. 39.
[27] Там же. Д. 9. Л. 127.

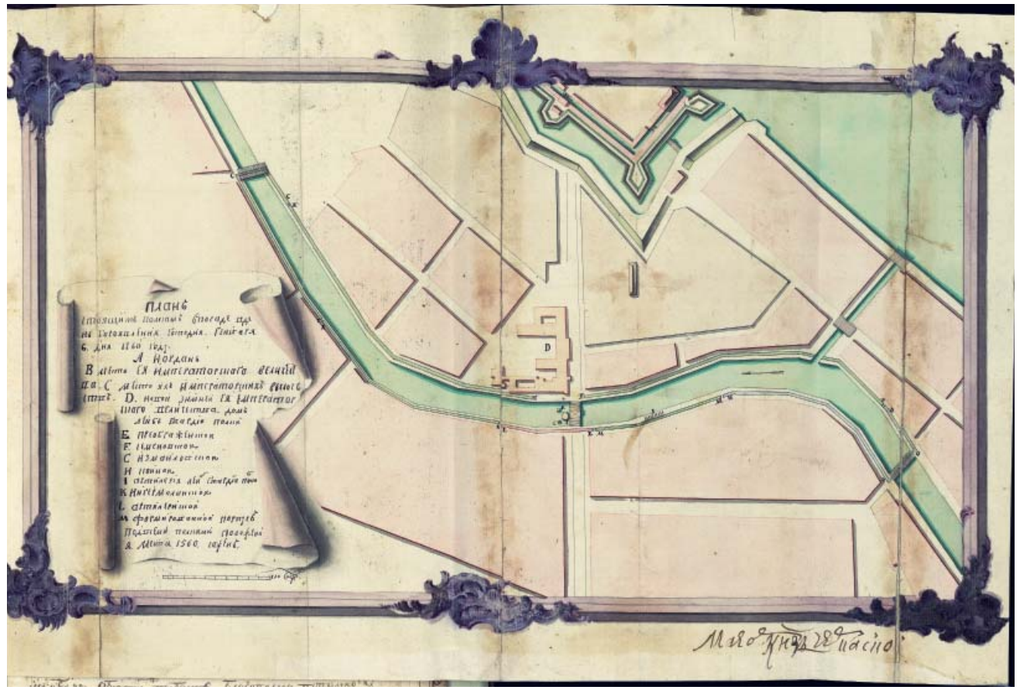

Рис. 12. План парада 6 января 1760 г. РГИА.

Нужно отметить, что часть сведений, имеющихся на планах парадов, содержится и в других источниках. Например, ценную общую информацию о проведении торжеств с участием войск дают опубликованные Камер-фурьерские журналы, Санкт-Петербургские ведомости, составившие особый фонд РГИА журналы дежурных генерал-адъютантов (Ф. 439), указы Придворной конторы (Ф. 466) и др. Из этих источников следует, что утром парадам предшествовали службы в городском соборе или большой придворной церкви в присутствии двора и дипломатического корпуса, которые завершала пушечная пальба. Затем следовала процессия с крестами на иордань. В начале века в нем участвовал сам царь, в дальнейшем такие выходы высочайших особ были редкостью, так как, отстояв утреннюю службу и приняв поздравление, они предпочитали смотреть церковную церемонию из покоев дворца. Только изредка правящая особа и члены дома Романовых выходили к иордани в приготовленные для них палатки, а затем, после возвращения крестного хода во дворец, оставались на церемонию окропления знамен и объезжали выстроенные в параде полки. Так, в 1751 г. Елизавета Петровна с наследником в санях «изволила поехать по Неве по всем полкам, стоящим в параде» от дворца до Старого Летнего дома, потом до Академии и обратно, в 1760 г. императрица присутствовала на водосвятии в беседке, в 1762 г. супруга-императрица Екатерина Алексеевна шла на иордань с крестным ходом, а император Петр III командовал военным парадом, в 1765 г. Екатерина Великая объехала все стоящие на льду р. Невы полки на санях[28]. Обязательной частью торжеств были пушечные салюты из Петропавловской и Адмиралтейской крепостей, от стоящей в параде артиллерии и иногда с расцвеченных флагами яхт, после которых следовал тройной беглый огонь от гвардейских и напольных полков. Далее полки поздравляли императорскую особу отданием чести, музыкой и барабанным боем. Иногда на зимнее водосвятие в стужу рядом с войсками устраивались костры и для офицеров в палатках накрывались столы с «холодным кушаньем», водкой и «гретым вином с пряными зельи» (глинтвейном)[29]. К иордани для окропления святой водой из дворца выносились полковые

[28] КФЖ 1751 г. СПб., б.г. С. 11–12; КФЖ 1760 г. СПб., б.г. С. 7; КФЖ 1762 г. СПб., б.г. С. 4; КФЖ 1765 г. СПб., б.г. С. 7.
[29] КФЖ 1752 г. СПб., б.г. С. 5.

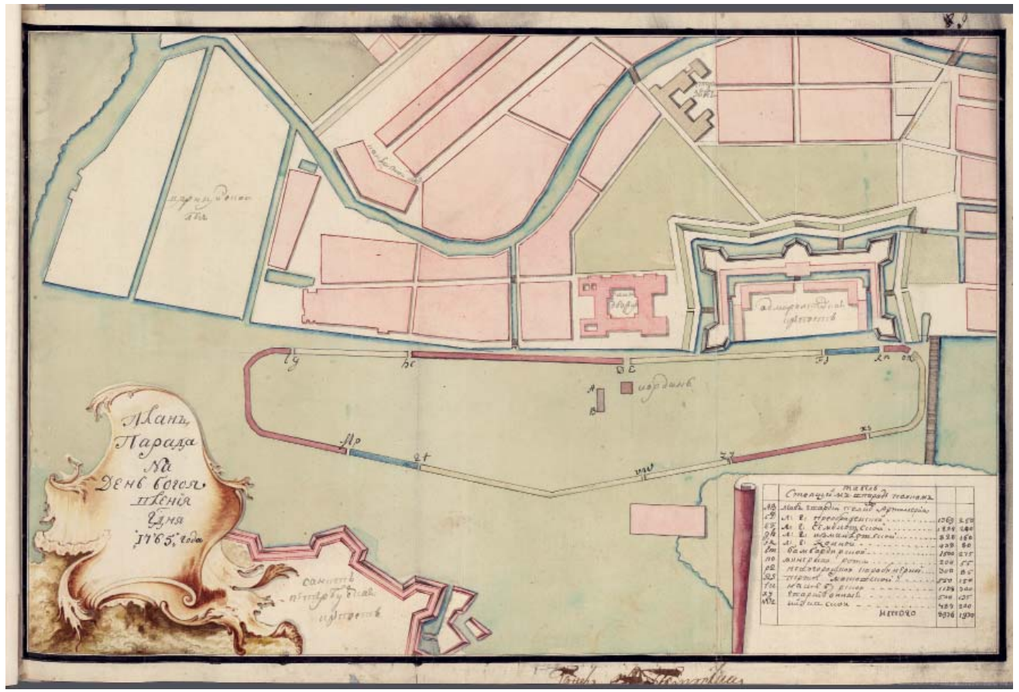

Рис. 13. План парада 6 января 1765 г. РГИА.

знамена и штандарты. Во второй половине праздничного дня устраивались застолья и балы, сжигались фейерверки и иллюминации.

Таким образом, только привлечение источников нескольких разновидностей: законодательных, делопроизводственных, личного происхождения и печатных изданий, а также графики, позволяет восстановить в деталях торжества двора с участием воинских соединений. При этом часть важной информации содержат планы парадов, показывающие состав и расположение полков на льду Невы и по улицам Петербурга, местонахождение иордани и др.

Рассмотренные изобразительные материалы касаются праздничных церемоний, происходивших в пространстве столицы вне стен дворца, и относятся к художественным произведениям или декоративно оформленным документам. Между тем существуют изобразительные, внехудожественные источники по истории официальной жизни двора, протекавшей во внутренних помещениях императорских резиденций. Документы такого рода, предназначенные исключительно для внутреннего пользования придворных чинов, по принятой классификации являются делопроизводственными источниками и, имея непрезентабельный вид, подчас содержат исключительно ценную информацию.

Один из таких документов появился в связи с подготовкой церемонии поднесения Павлу I звания гроссмейстера Мальтийского ордена и датирован 1798 г. Торжественное действо прошло в Георгиевском зале Зимнего дворца 29 ноября 1798 г. Его сценарий готовила Церемониальная часть во главе с обер-церемонийместером П.С. Валуевым. В ее делах и хранится план церемонии, выполненный пером и чернилами на листе плотной синей, так называемой сахарной бумаги размером 32 × 21.5 см. (рис. 16)[30]. Будучи делопроизводственным документом, план не предназначался для показа посторонним лицам. Относительно же его содержания можно сказать, что оно существенно дополняет сведения письменных источников.

План интронизации русского монарха показывает расстановку в Георгиевском зале участников церемонии в тот момент, когда все они вошли в зал, заняли свои места и были готовы начать действо. В это время, судя по плану, на троне, где были установлены два столика для регалий, расположились члены императорской фамилии и ряд высших чинов

[30] РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 50. Л. 451.

Коллегии иностранных дел, двора и ордена. У нижних ступеней по углам встали с русским и мальтийским знаменами знаменосцы с ассистентами, по бокам трона – камергеры, перед троном в центре – поручик ордена. За ним полукружием справа и слева заняли предписанные церемониалом места две группы чинов с мальтийскими регалиями и делегатов ордена Св. Иоанна, далее на некотором расстоянии от них также полукружием были выстроены шесть групп представителей русских орденов. Кроме этих участников церемонии в зале находились цепочка гвардейской стражи и двор – вдоль стен справа дамы, слева – лица первых классов и дипломаты, за конногвардейцами поместились остальные чины и знатные персоны, имеющие приезд ко двору.

План мальтийской интронизации русского императора показывает целый ряд новшеств, которые внес в официальные церемонии двора Павел I. Так, он изменил расстановку в тронном зале при приемах и публичных аудиенциях гвардии (конногвардейцев в парадном уборе). Теперь они выстаивались не просто двумя шеренгами по сторонам прямого пути к трону. По плану приблизительно в центре зала цепочки гвардейцев разворачивались в стороны, образуя полукружие и оставляя у стен зала ближе к трону достаточно места для чиновных дам двора (от обер-гофмейстерины до фрейлин) и высших чинов (персоны первых классов и дипломатический корпус).

Изменил Павел и расстановку лиц на троне. Для публичных церемоний он использовал так называемый высокий трон, имевший 7 (8) ступеней и устанавливавшийся в большом тронном зале. В XVIII в. такой трон использовался крайне редко, в основном при приеме пышных восточных делегаций. На нем императорская особа сидела в креслах, имея рядом двух высших чинов двора или в дополнение к ним еще и дежурного генерал-адъютанта, на нижних ступеньках мог стоять канцлер или вице-канцлер, представлявший Коллегию иностранных дел. Обычно же при партикулярных аудиенциях использовался трон в аудиенц-зале (малой тронной) в 1–2 или 3 ступени, на котором или рядом с которым стоял только монарх (монархиня). Теперь Павел впервые поместил на троне всех членов императорского дома, исключая малолетних детей, и целый ряд чинов. Восстановить их расстановку во время церемонии 29 ноября 1798 г. можно, совмещая сведения документов Церемониальной должности с условным изображением лиц на плане интронизации (рис. 17). В день торжества Романовы занимали места на троне строго по иерархии членов правящей фамилии и их месту в очереди на престол, зафиксированной в павловском Акте о престолонаследии и Учреждении об императорской фамилии 5 апреля 1797 г. По этим законодательным документам сначала право на трон имели мужчины по первенству рождения и родственной близости с правящей особой, и только потом по тем же принципам женщины. Новая иерархия правящего дома была воспроизведена в порядке мест на ступеньках трона, значимость которых определяли правила пространственной маркировки: выше – ниже, справа – слева, ближе – дальше.

На верхней ступени трона справа (более почетная сторона) стоял император Павел I, слева (менее почетная) императрица Мария Федоровна. Перед ними находились два столика, на правом, более значимом, были положены российские инсигнии, левый оставался свободным для мальтийских регалий. На второй (сверху вниз) ступени трона справа и чуть выдвинувшись вперед относительно императора стоял наследник престола цесаревич Александр Павлович, аналогичным образом слева (менее почетная сторона) – его младший брат великий князь Константин Павлович. На третьей ступени справа расположились старшая дочь Александра Павловна и третья Екатерина Павловна, Александра в центре ступени, но дальше от императора, чем Александр Павлович, Екатерина – еще дальше, на углу ступени, то есть на менее почетном месте. Слева на той же второй ступеньке, на том же расстоянии от императорской четы и Константина Павловича заняла место в центре по своему рангу вторая императорская дочь, Елена Павловна, а на углу – четвертая, Мария Павловна.

Углы ступенек с 4 по 7 занимали чины в следующем порядке. На 4-й справа стоял вице-канцлер Коллегии иностранных дел В.П. Кочубей, слева – 3-й член коллегии Ф.В. Ростопчин. На 5-й – справа орденский канцлер и старший андреевский кавалер, обер-шталмейстер двора Л.А. Нарышкин, слева – обер-гофмаршал А.Л. Нарышкин. На 6-й – справа обер-церемониймейстер двора и российских орденов П.С. Валуев, слева и.о. орденского казначея тайный советник А.А. Бибиков. 7-ю занимали гофмаршалы двора Ал.П. Нащокин и Д.Н. Дурново. Справа и слева у трона расположились камергеры, их численность, если условные обозначения соответствовали действительности, составляла с каждой стороны пять человек.

Из знаменосцев, которые стояли по углам трона с российским (справа) и мальтийским (слева) знаменами, известно имя только первого. Им был аннинский кавалер Чертков, его ассистентами являлись георгиевские кавалеры.

Роль поручика Мальтийского ордена, который в начале главного действа занял место в центре перед троном, исполнял посол ордена в России граф Дж. Р. Литта. Главными лицами стоявших за ним групп чинов, непосредственно участвовавших в церемонии, были несшие мальтийские регалии канцлер князь А.А. Безбородко

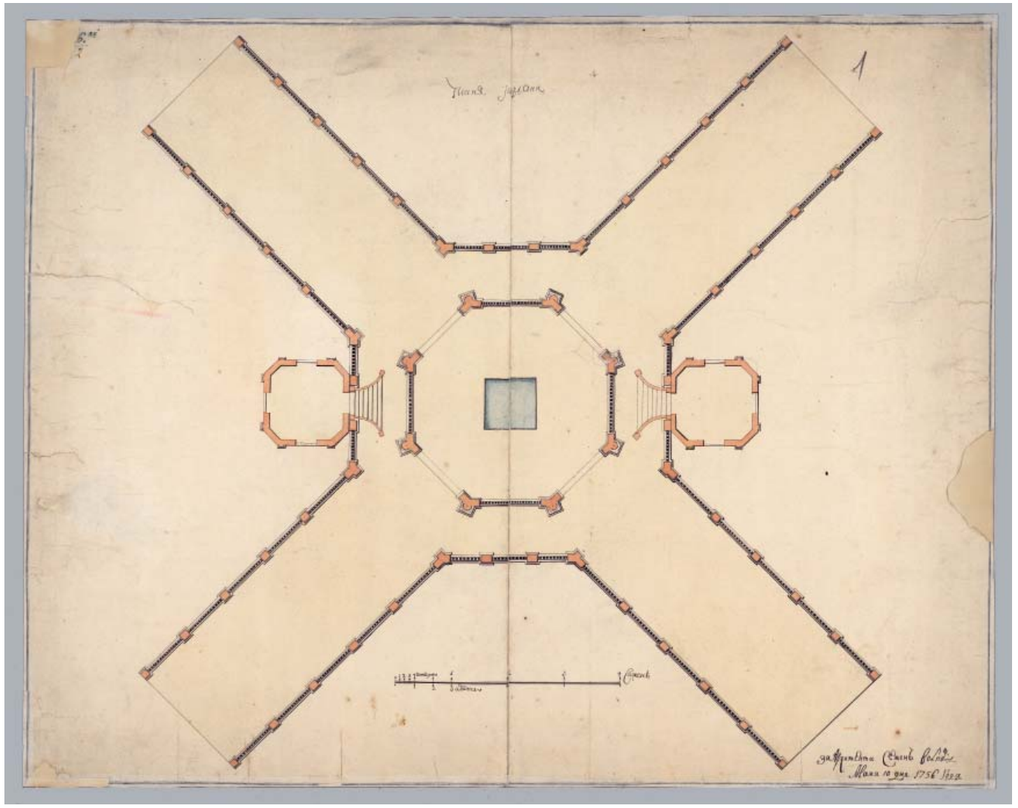

Рис. 14. План иордани 1756 г. РГИА.

(нес корону) и гофмаршал двора наследника граф Н.А. Толстой, каждый в сопровождении нескольких ассистентов.

За ними находились две группы мальтийской делегации, две цепочки орденских официалов (чиновников) и далее шесть групп кавалеров русских орденов. Расстановка последних, как показывает план, соответствовала иерархии орденов, учрежденной Павлом I. В 1797 г., объединяя в одну организацию все русские ордена, император ввел для них классы. В соответствии с ними кавалеры или делегации орденов были обязаны занимать места при проведении тогда же установленного Всеобщего орденского праздника, приуроченного к дню Св. Михаила (8 ноября), и в церемониях других торжеств.

На плане праздничного построения 29 ноября 1798 г. в полукруге орденских делегаций крайней справа (взгляд от трона) была помещена группа кавалеров ордена 1 класса Св. Андрея Первозванного, крайней слева – 2 класса ордена Св. Екатерины, второй справа – группа кавалеров ордена 3 класса Св. Александра Невского, второй слева – Св. Анны, в центре находились две группы ордена 5 класса Св. Георгия Победоносца («Егорья»). В церемонии 29 ноября 1798 г. не были представлены кавалеры ордена Св. Владимира. Этот орден, основанный Екатериной Великой, Павел из-за неприязни к матери упразднил. Таким же образом первоначально он поступил и с орденом Св. Георгия, но затем, понимая значение армии, вернул участие его кавалеров в церемониях. Полностью положение екатерининских орденов было восстановлено при Александре I.

Что касается самой церемонии, то сведения о ней содержат письменные делопроизводственные источники, мемуаристика, печатные издания. Из них известно, что в день торжества в 10 часов утра зрители заняли свои места за цепочками конногвардейцев, делегации русских орденов

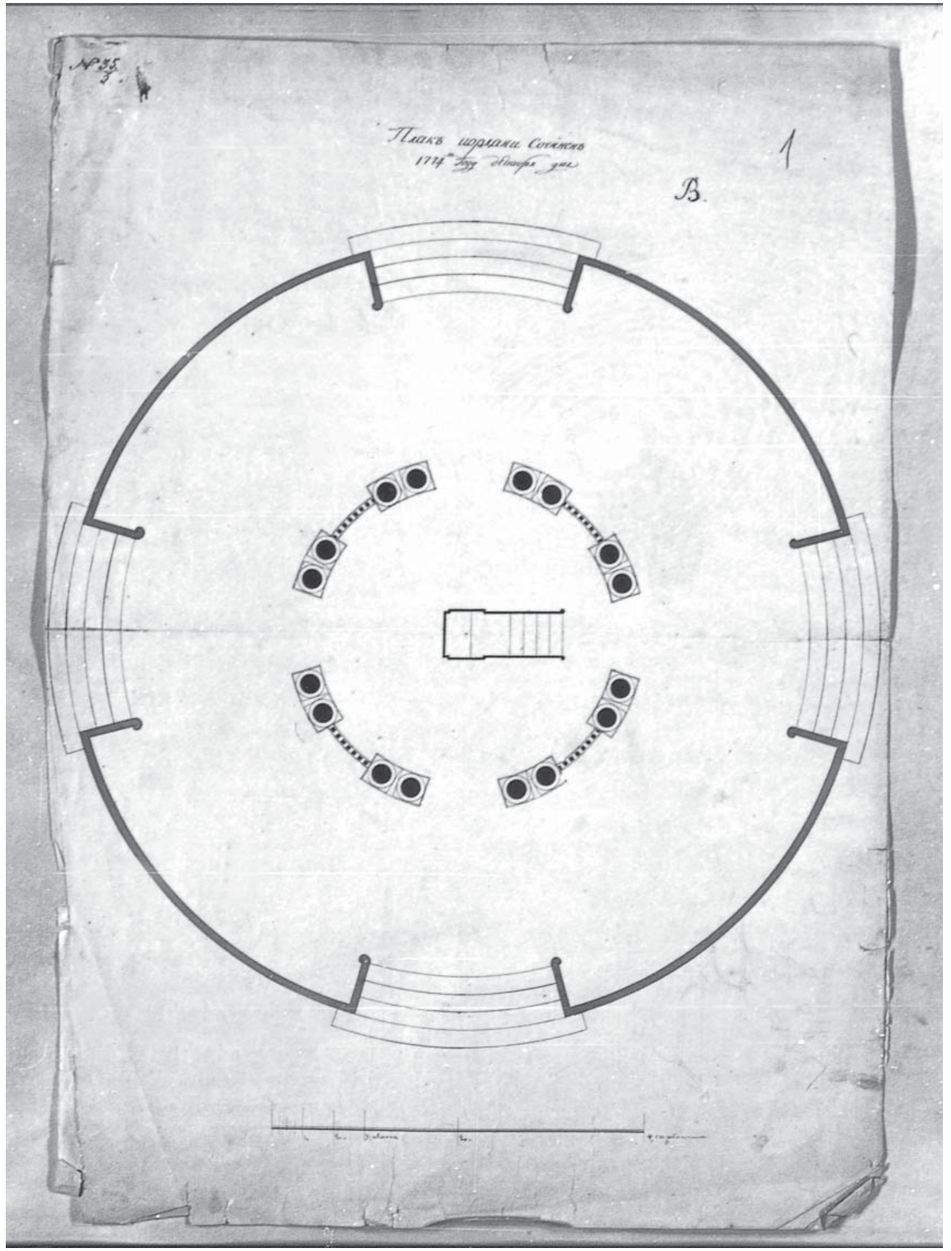

Рис. 15. План иордани 1775 г. РГИА.

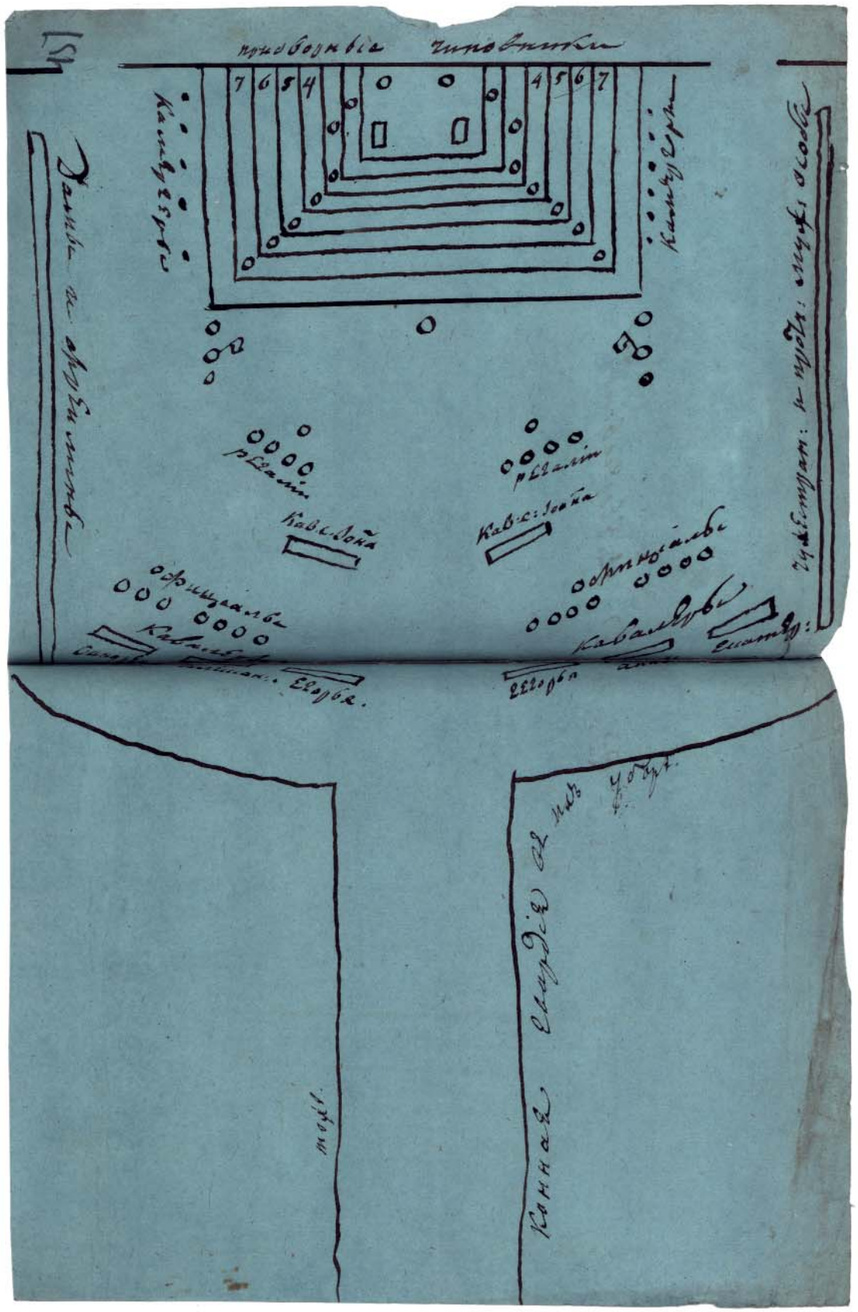

Рис. 16. План церемонии объявления Павла I великим гроссмейстером ордена Св. Иоанна. РГИА.

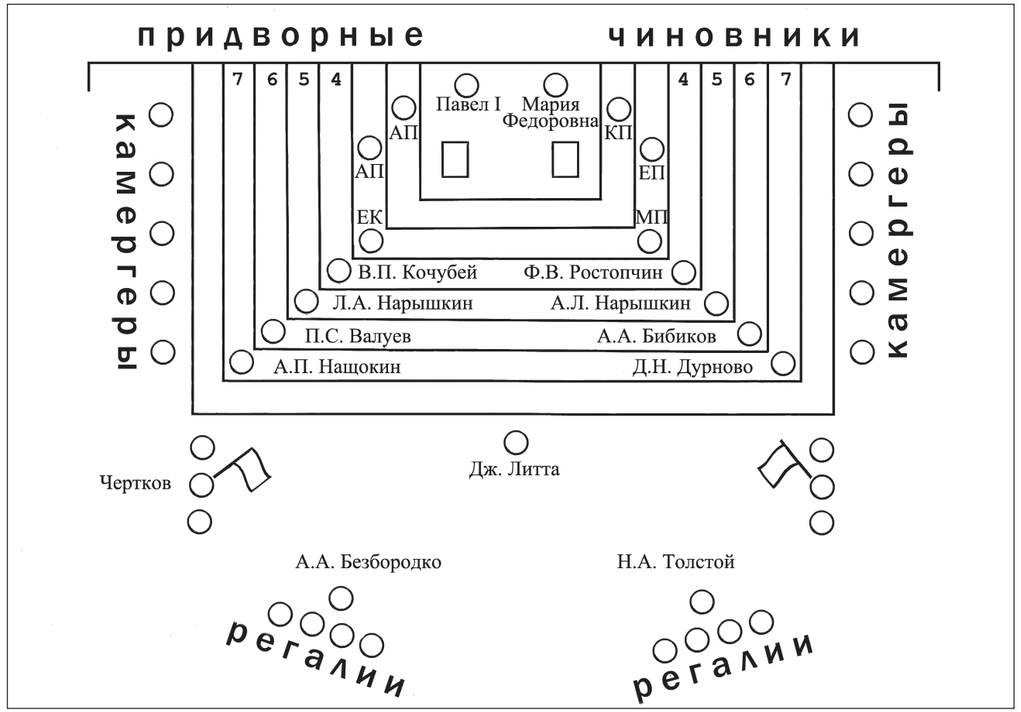

Рис. 17. Схема трона церемонии 29 ноября 1798 г.

поместились перед ними в центре зала. Затем с особой церемонией внесли и положили на приготовленный столик русские регалии – корону, скипетр и державу (несли гофмаршал Толстой, шталмейстер Торсуков и гофмейстер Гурьев). В половине одиннадцатого в зал церемониально вошли и поднялись на трон император с членами высочайшей фамилии и сопровождавшие их высокие чины. Затем в зале появилась мальтийская делегация с мальтийскими регалиями. Она заняла место в центре на некотором расстоянии от трона, а мальтийский знаменосец встал слева у его нижней ступеньки напротив российского знамени. Глава делегации поручик Дж. Р. Литта, пойдя к трону, прочел прокламацию и провозгласил именем капитула Павла I великим магистром ордена Св. Иоанна. Вице-канцлер произнес ответ от имени императора. Павел, цесаревич и мальтийские кавалеры, надев шляпы, преклонили обнаженные шпаги, а знаменосец знамя. Дж. Р. Литта поднялся на вторую ступеньку трона и передал Ф.В. Ростопчину прокламацию и регалии (корону, кинжал и печать). Затем последовало поздравление всех присутствующих. В заключение Павел допустил мальтийских кавалеров к руке и пожаловал нескольких лиц орденом Большого креста и званиями командоров[31].

Этот сценарий интронизации нового мальтийского гроссмейстера был создан в Церемониальной должности русского двора с участием посла ордена графа Дж. Р. Литты. Его основой стал посольский церемониал 1744 г., церемония добровольного вступления в состав России Курляндии в 1795 г. и элементы церемониала Всеобщего орденского праздника, составленного к 8 ноября 1797 г. и отредактированного в 1798 г.[32] Для последнего, в частности, был определен порядок делегаций орденов и составлен план тронного места с новой расстановкой на нем членов высочайшей фамилии (рис. 18)[33]. При подготовке церемонии 29 ноября 1798 г. этот план был переработан для более пышного церемониального действа.

[31] Санкт-Петербургские ведомости. 1798. № 99. От 10 декабря 1798. С. 2468–2471; КФЖ 1798 г. Ч. 2. СПб., 1897. С. 1522–1531; ПСЗ-I. Т. 25. № 18766.

[32] ПСЗ-I. Т. 12. № 8908; РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 48. Л. 62–63, 65–66; Д. 50. Л. 185–196, 420–423, 445–451 об.

[33] Там же. Д. 50. Л. 437.

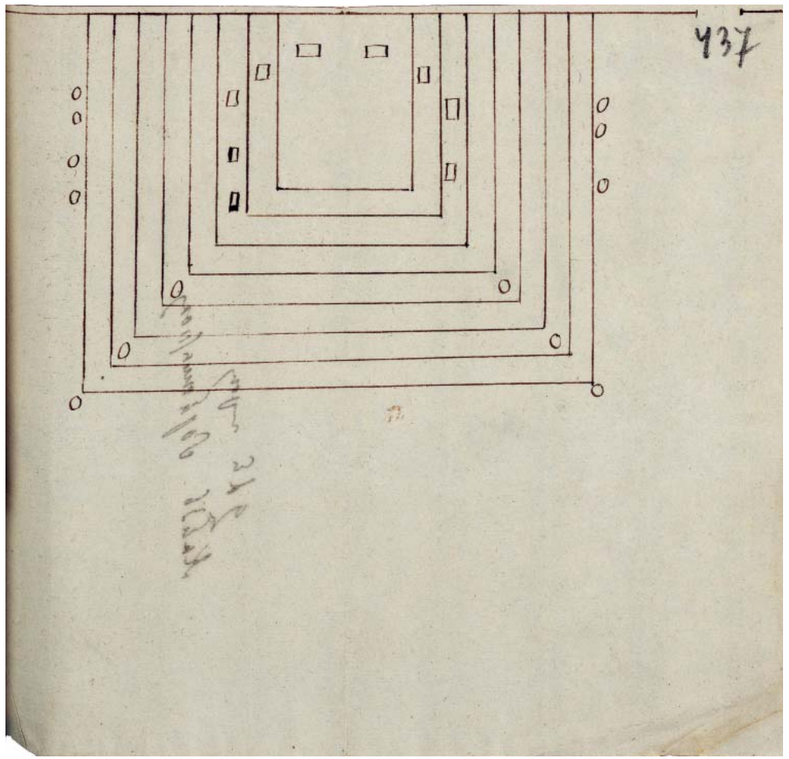

Рис. 18. План трона Всеобщего орденского праздника 8 ноября 1798 г. РГИА.

Рассмотрение приведенного выше графического материала показывает, что рисунки и планы торжеств и траурных событий русского двора могут служить не только иллюстрацией к их описанию. Графические документы XVIII в. являются полноценным историческим источником и позволяют получить новые сведения о церемониях официальной придворной жизни. Также очевидно, что при анализе разного рода изобразительных материалов понимание заключенной в них визуальной информации предполагает обращение к письменным источникам, и что только совместное использование тех и других дает возможность максимально полно восстановить различные формы презентации власти петербургского двора.

Список литературы

Агеева О.Г. К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представительницы царской семьи (из ОР РНБ) // Петровское время в лицах – 2007. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. С. 5–13.

Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л.: Искусство, 1990. 206 с.

Архитектурная графика России. Первая половина XVIII в.: Науч. кат. Л.: Искусство, 1981. 175 с.

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. Ч. 1 // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 105–502.

Борзин Б.Ф. Росписи Петровского времени. Л.: Художник РСФСР, 1986. 206 с.

Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии. СПб.: Искусство, 2011. 302 с.

Вебер Ф.-Х. Сочинения // Русский архив. 1872. Вып. 7. Стб. 1334–1457.

Журналы камер-фурьерские 1751 г. СПб., б.г. 136 с.

Журналы камер-фурьерские 1752 г. СПб., б.г. 108 с.

Журналы камер-фурьерские 1760 г. СПб., б.г. 196 с.

Журналы камер-фурьерские 1762 г.: за время царствования императора Петра III. СПб., б.г. 119 с.

Записки Якоба Штелина «Об изящных искусствах в России» / Сост. и пер. К.В. Малиновского: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1990. 446 с.

Камер-фурьерские церемониальные журналы. 1795–1817. СПб., Общий архив Министерства императорского двора, 1853–1916. Походный журнал [Петра I] 1725 г. СПб., 1855. 68 с.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: июль-декабрь 1798 г. СПб., 1897. С. 787–1684.

Кириченко Е.И. Запечатленная история России: Монументы XVIII – начала XX вв.: В 2 кн. М.: Жираф, 2001. Кн. 1. 379 с.; Кн. 2. 346 с.

Основателю Петербурга. Кат. выставки. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. 440 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 6. 815 с.; Т. 12. 960 с.; Т. 25. 933 с.

Санкт-Петербургские ведомости. 1798. № 99. 10 декабря. С. 2468–2471.

Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М.: Российский Фонд культуры, 2004. 646 с.

Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных ворот в России первой половины XVIII в. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 327 с.

Церемониальный камер-фурьерский журнал 1765 г. СПб., б.г. 318 с.

О.Г. Агеева
Графика петербургских празднеств и траурных церемоний русского двора XVIII в.

Ключевые слова: графика, русский двор, празднества, траурные церемонии, XVIII век

Аннотация: Статья посвящена редкой неизвестной графике, хранящейся в петербургских государственных архивах и датируемой XVIII в. В ней уделено внимание рисунку печальной церемонии царевны Натальи Алексеевны, планам праздничных парадов времени Екатерины I, Елизаветы Петровны и Екатерины II и плану церемонии мальтийской интронизации Павла I.

Эта графика выполнена тушью или тушью и акварелью неизвестным художником, гвардейскими офицерами и чиновником дворцового ведомства. Сравнение рисунка траурной церемонии и данных письменных источников позволило установить имена большинства из 200 участников церемонии, правильно определить сюжет рисунка и исправить его название. Рассмотрение планов парадов и мальтийской интронизации позволило получить ценные факты о месторасположении участников и других деталях церемоний.

O.G. Ageeva
The graphics of the St. Petersburg festivities and funeral ceremonies of the Russian court, of the 18th century

Keywords: graphics, Russian court, festivities, funeral ceremony, 18th century

Abstract: The article deals with the rare, unknown graphics stored in the St. Petersburg state archives and dating back to the 18th century. It focuses on the drawing of the funeral ceremony of Tsarevna Natalia Alexeevna, the plans of the festive parades of Catherine I, Elisabeth Petrovna and Catherina II, the plan of the Maltese enthronement ceremony of Paul I.

These graphics are done in ink or in ink and watercolor by the unknown artist, the guard officers and a court official. A comparison of the funeral ceremony drawing and the information from written sources allowed us identifying the names of the most of the 200 ceremony participants, finding out the correct subject of the drawing and correct its name. The analysis of the parades' plans and the Maltese enthronement allowed the author obtaining valuable facts about the location of participants and other details of the ceremonies.

С.И. Баранова

В ожидании археолога: неизвестные дворцы Коломенского XVIII–XIX вв.

Первый опыт оценки археологического потенциала царских резиденций России был поставлен более четверти века назад. Исторические свидетельства о дворце царя Алексея Михайловича в Коломенском[1] в сочетании с иконографией и архивными данными раскопок, проведенных в 1930-е гг., позволили Л.А. Беляеву и Н.А. Кренке поставить вопрос о степени информативности остатков деревянных дворцовых зданий. Они оценили ее как невысокую. Но опубликованная ими статья невольно подтолкнула археологов к новым натурным исследованиям, и через много лет коллеги смогли показать, что применение более тщательной полевой методики позволяет получить довольно интересные сведения даже при скудных материалах, оставшихся на подобных дворищах[2].

Примерно тогда же, 2000-е гг., развернулась эпопея с широкими вскрытиями, проведенными по всей площади дворца. В результате появилась его копия – к счастью, на значительном удалении от исторического локуса. Довольно скромные материалы тех раскопок и сегодня остаются в основном не осмысленными[3].

Перед нами классический случай, который еще раз демонстрирует примат письменных свидетельств над археологическими и визуальными. При этом наличие письменных и визуальных данных становится катализатором и чуть ли не единственной причиной работы археологов.

Здесь мы сталкиваемся со старой проблемой источниковедения. В самом деле, вправе ли историк формулировать вопросы археологу, а последний – ограничиваться ответом на них? И должен ли археолог, обнаружив объект, обращаться к историку с предложением подобрать нужные сведения в письменных источниках? От ответов на эти вопросы зависят не только рабочие планы и выстраивание процедур. От них зависит важнейший элемент любого исследования – выбор сегмента прошлого, на котором следует сосредоточить внимание.

В особенности это касается Нового времени: укорененный в нем мощный нарратив почти автоматически вызывает в сознании исследователя череду ассоциаций – художественных, персональных, историко-литературных и других. В результате собственно археологическая работа и ее выводы оказываются во многом предопределены. Покидая древность ради XVIII–XIX вв., археология вынуждена принять эту ситуацию. Об этом свидетельствуют и некоторые статьи данного сборника: практически во всех работах археологи преодолевают пределы собственно археологии, выходя в литературное, историческое, архитектурно-художественное пространство.

Поскольку вопрос о соотношении истории и археологии Российской империи выдвигался на конференции как один из основных, было бы правильным высказаться по этому поводу, приведя для примера ситуацию с «ожиданием археолога» обнаружить утраченные объекты архитектуры, известные по другим источникам.

*Статья написана при финансовой поддержке РФФИ: проект № 20-09-42021 «Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование».

[1] *Беляев Л.А., Кренке Н.А.* Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 4. М.: б. и., 1993. С. 72–113.

[2] *Беляев Л.А., Кренке Н.А.* Деревянный дворец конца XVII века в Коломенском: опыт археологической локализации // Российская археология. 2005. № 4. С. 176–188.

[3] В ближайшем будущем они будут проанализированы и опубликованы, так что дворец XVII в. получит достойное отражение как археологический и исторический памятник.

В нашем случае это загородный дворец Екатерины II, который долгое время оставался просто неизвестным. Дворец был открыт заново, в результате существенно изменились представления о роли императорских дворцов в зодчестве не только Коломенского, но и всей Москвы, и даже России. Были найдены новые изобразительные материалы, привлечены архивы, проведен историко-архитектурный анализ. И, наконец, были выдвинуты убедительные, на наш взгляд, предположения об архитекторе дворца, а также стала возможной подробная виртуальная реконструкция памятника[4].

Дворец Екатерины – главный в череде «поздних» загородных дворцов в Коломенском. Его сменил дворец внука императрицы – Александра I (от комплекса зданий сохранился один павильон). Третий дворец Нового времени остался только проектом (архитектор А.И. Штакеншнейдер, 1836 г.), очень характерным для эпохи историзма. Связь этих поздних звеньев в цепи резиденций, когда-то наделенных не только репрезентативными и бытовыми, но также вполне конкретными политическими функциями[5], осуществлял комплекс Романовых, переживший в XVII в. несколько этапов строительства и сохранявшийся до 1767 г. (см. начало данной статьи).

Увлечение Екатерины II архитектурными проектами подарило России немало построек. Многочисленные документы (личные указы и распоряжения) свидетельствуют о внимании императрицы ко всем стадиям строительства многих «объектов» – от проектирования до конца работ. Дворец в Коломенском не исключение.

Венценосная особа была довольна и темпами, и качеством строительных работ. Она писала московскому главнокомандующему графу П.С. Салтыкову: «кн. Макулова без награждения не оставлю»[6]. Имя князя Петра Васильевича Макулова (1730–1778) неоднократно упоминают люди из ближайшего окружения императрицы. Он был руководителем строительства с широкими полномочиями. В результате П.В. Макулова стали воспринимать как архитектора дворца[7].

[4] Подробнее см.: *Бродская А.А.* Коллекция изразцов XVIII века из села Коломенского // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 5. М.: б. и., 1993. С. 212–223; *Баранова С.И.* К истории строительства Екатерининского дворца в Коломенском //Архитектурное наследство. Вып. 63. М.; СПб.: Коло, 2015. С. 78–95; *Она же*. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. С. 318–333.

[5] Об этом см.: *Топычканов А.В.* Политическое пространство царских загородных резиденций второй половины XVII века. М.: Индрик, 2019.

[6] Цит. по: *Клименко Ю.Г.* Архитектор московских императорских дворцов П.В. Макулов (1730–1778) // Архитектурное наследство. Вып. 46. М.: URSS, 2006. С. 168.

[7] *Клименко Ю.Г.* Архитектор московских императорских дворцов… С. 166–178.

Но он им не был. У дворца явные итальянские истоки, он связан не с московской, а с петербургской традицией, его аналоги – Гатчинский и, отчасти, Мраморный дворцы того же времени. Мы придерживаемся ранее выдвинутого нами предположения, что автором проекта стал Антонио Ринальди[8].

Облик екатерининского дворца можно восстановить с помощью описей[9], чертежей и планов[10]. История строительства отражена в камер-фурьерских журналах, где указаны посещения императрицей Коломенского (начиная с коронации 22 сентября 1762 г.), распоряжения о постройке нового дворца (1766 г.) и свидетельства его завершения (лето 1767 г.). Деревянный дворец XVII в. успел «увидеть» своего преемника: он еще стоял, хотя В.И. Баженов уже рекомендовал «помянутый старый Коломенский дворец, не замешкав, разобрать, чтобы по великой ветхости не мог в скорости сам собой повалиться»[11]. (Как известно, предварительно были сделаны обмерные чертежи, изготовлена модель и даже высажены рядами кусты акации

[8] Впервые версию об авторстве А. Ринальди выдвинул А.Е. Ухналев. См.: *Баранова С.И., Ухналев А.Е.* Екатерининский дворец в Коломенском и московское дворцовое строительство в первой половине царствования Екатерины II // Petro Primo Catharina Secunda. Два монарха, две эпохи – преемственность, развитие, реформы Материалы VIII Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2017. С. 254–265; *Баранова С.И., Горохова Е.Г., Ухналев А.Е.* Достоверная история о многократном пребывании Ее Императорского Величества Екатерины Второй Императрицы и Самодержицы Всероссийской в дворцовом селе Коломенском. М.: МГОМЗ, 2016.

[9] «Опись дворца в селе Коломенском 1768 г.» // РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 32295Л.; «Опись, находящейся в Коломенском дворце мебели, вещам и прочее» 1802 г., составленная Граве // РГАДА. Ф. 27. Д. 42611.

[10] РНБ. Ф. 40. Ед. хр. 14. Фасад со стороны главного подъезда. Тушь, акв. 50,2 × 69,9 см. Фасад со стороны сада. Тушь, акв. 45,6 × 65,9 см.; План цокольного этажа – «План дворца каменного этажа погребам в подмосковном селе Коломенском» с пояснительным текстом. Тушь. 46,2 × 61,0 см.; План первого этажа – «План дворца каменного этажа в подмосковном селе Коломенском» с пояснительным текстом. Тушь 46,2 × 61,0 см.; План второго этажа – «План дворца в подмосковном селе Коломенском первого деревянного этажа» с пояснительным текстом. Тушь. 36.9 × 53,0 см.; План третьего этажа – «План дворца в подмосковном селе Коломенском верхнего деревянного этажа» с пояснительным текстом. Тушь. 36.3 × 53,2 см.; План цокольного этажа. Тушь. 45,9 × 68,5 см.; План второго этажа. Тушь. 43,0 × 63,9 см.; План второго этажа. Тушь. 44,1 × 67,0 см.; План первого этажа – «План служеб, принадлежащих ко дворцу, построенным в селе Коломенском, нижнего этажа». Тушь. 43,0 × 75,0 см.; План второго этажа – «План служеб, принадлежащих ко дворцу, построенным в селе Коломенском, верхнего этажа». Тушь. 44,0 × 75,3 см.; Фасад ворот с одноэтажными служебными корпусами. Тушь. 33,7 × 79,6 см. Описание см.: *Федосеева Е.П.* Описание архитектурных материалов. Москва и Московская обл. Л.: б. и., 1956. С. 21–23.

[11] Донесение от 19 сентября 1767 г. См.: *Ачаркан Д.-М.И.* Дворцовое село Коломенское: история его памятников зодчества по архивным данным. М., 1918 [Рукопись]. С. 125 // МГОМЗ. Инв. А-1596, К-13404.

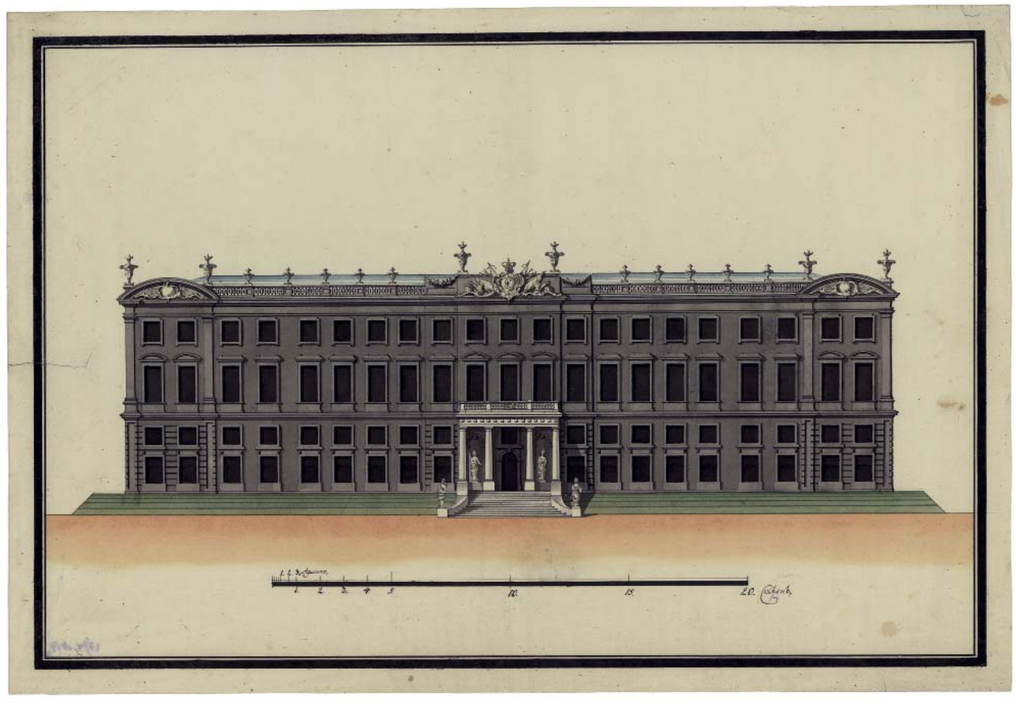

Рис. 1. Фасад дворца со стороны реки Москвы. 1760–1770-е годы. Из собрания РНБ.

по линиям старых фундаментов). Инструкция по разборке дворца вообще поражает своим археологизмом, что трудно объяснить одним стремлением утилизировать руины. Работать следовало «с бережливостью… и годный лес, который определением от архитектора назначиваться и клеймиться будет, спускать бережно на канатах, а не бросать <…> и все протчие внутренние вещи, т.е. окончины, двери, израсцы от печей и всякого звания железо, выбирая, складывать в показанных местах»[12]. Видимо, неслучайно отказались от идеи употребить эти материалы на постройку баженовского кремлевского дворца[13].

Для осмотра «новостроящагося в том селе дворца» императрица посетила усадьбу весной 1767 г., переехав во дворец 11 июля, в преддверии дня апостолов Петра и Павла (12 июля). Екатерина осталась там на все лето. Она вновь посетила Коломенское в 1775, 1785 и 1787 гг. (к этому времени дворцу уже требовался ремонт).

[12] Там же. С. 127.
[13] Там же. С. 128.

Здание было довольно крупным. На сохранившихся изображениях (акварель, тушь) оно показано со стороны главного подъезда (от реки) и со внутренней стороны двора[14] как четырехэтажное (два нижних этажа каменные, два верхние – деревянные)[15]. По форме это – простой параллелепипед,

[14] См.: РНБ. Ф. 40. Ед. хр. 14. Л. 1–2.
[15] А.А. Полюлях высказал необоснованное мнение о том, что дворец был выстроен полностью из дерева. См.: *Полюлях А.А.* Об одном из видов московских изразцов: изразцы с мраморовидным декором // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 15. М.: Институт археологии РАН. С. 423. Архитектурные чертежи здания (поэтажные планы, фасады) ясно демонстрируют конструктивное отличие двух нижних этажей здания от двух верхних. Нижние этажи имеют значительную толщину стен и перекрыты сводами, тогда как стены верхних этажей тонки. В масштабе чертежей их толщина соответствует средней толщине стен, рубленых из бруса или круглого бревна с добавлением обшивки и отделки. К тому же расположение дворца на береговом склоне наглядно показано на чертежах и подтверждено другими изобразительными материалами. Археологические наблюдения рубежа 1970–1980-х гг. показали, что прорезанная восточная часть дворца не только сильно заглублена в грунт, но и содержит каменные конструкции. Все это совершенно исключает возможность использования здесь в качестве материала стен дерева, к тому же подверженного гниению.

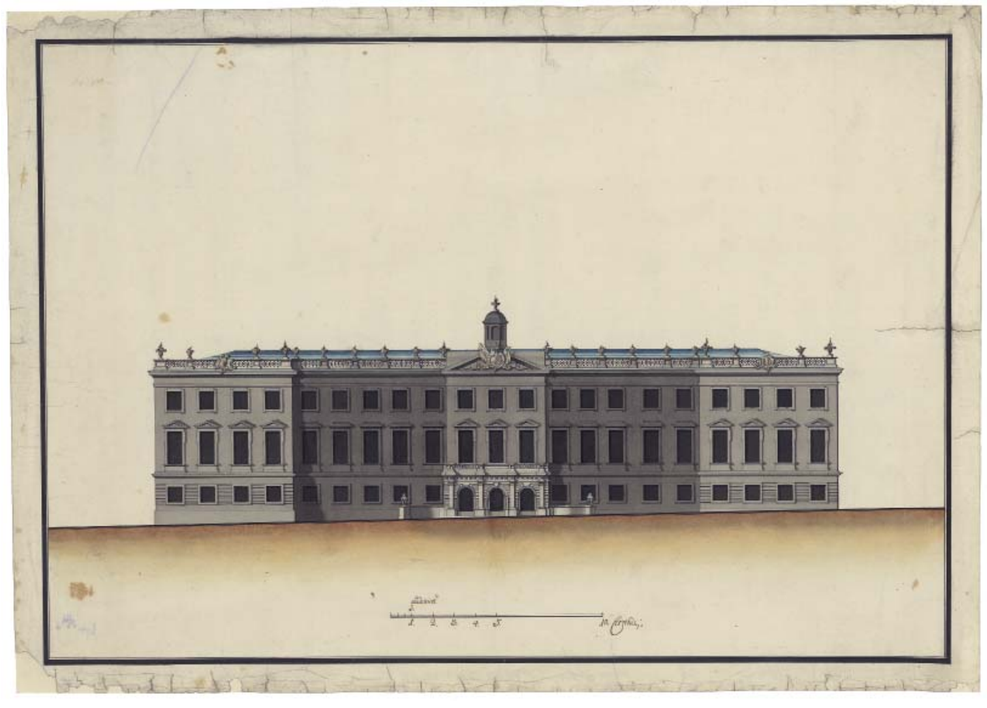

Рис. 2. Фасад дворца со стороны сада. 1760–1770-е годы. Из собрания РНБ.

которых отличается от привычно живописных подмосковных композиций. Он вписан в рельеф и стоит на пологой террасе к реке, со стороны которой у него два каменных этажа, в то время как на двор смотрят только окна верхнего (рис. 1–6).

Мы опускаем художественную оценку здания, но отметим археологически важные детали. Что же из сохраняющихся в земле объектов можно обнаружить при раскопках? Начнем с фасадов. Здание венчал антаблемент с карнизом и балюстрадой, украшенной вазами на тумбах, а восточный фасад включал в себя геральдический декор. Согласно описи 1768 г.: «От реки с большого крыльца оное крыльцо все каменное и по концам парапета поставлены 2 каменные статуи, изображение Африки и Америки, частей света. При оном же крыльце врыты 2 пушки чугунные, такой же величины, каковы у подъезда на верхней площадке крыльца под колоннадою, в нишах поставлены по обе стороны входных дверей 2 каменные статуи, изображение двух частей света Европы и Азии. Столбы, и на оных антаблемент весь из белого камня, и над оными площадка, на оной <…> на средней решетке из латуни вырезано над короною, в орнаменте сей, из олова “Е” – ее императорского величества имя»[16]. Видны эти элементы и на акварели.

На втором жилом деревянном этаже было 33 комнаты (парадные покои императрицы, наследника цесаревича и др.), а на третьем деревянном («мезанинном») этаже – 44 комнаты для придворных разных чинов. Правда, в письме к П.С. Салтыкову государыня указала, что «внутри никаких богатых украшений делать не надобно», но археологов должны заинтересовать многие детали. Мы имеем представление о них благодаря описанию дворца, составленному камер-лакеем Иваном Поповым, включая «уборы мебели и другие украшения от гардемебеля Бориса Исаева»[17]. Обстоятельно показан изобильный текстиль интерьера опочивальни

[16] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 32295. Л. 47 об.
[17] Там же. Л. 1.

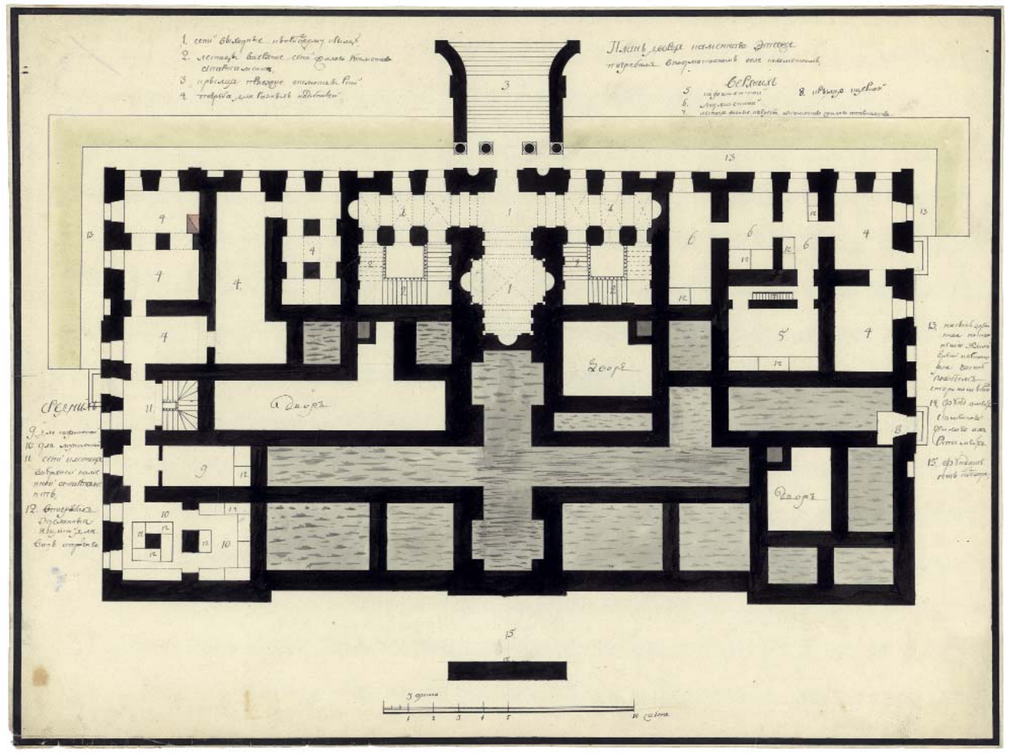

Рис. 3. План цокольного каменного этажа.1760–1770-е годы. Из собрания РНБ.

Екатерины «с кольцами медными, при них два крючка медных резных золоченых» для занавесей[18], «камин медный» и его экран, «стол на ношках точеных…; конопе дубовой резной, выкрашен разными красками» с многочисленными обойными гвоздиками («з гвоздьми посеребреными»); … в нише кравать…»[19]; зеркало с двумя золочеными подсвечниками, столовые часы в медном корпусе и «один барометр на ленте шелковой…»[20]. Среди осветительных приборов упоминаются паникадила[21], шендалы[22], уже названные «подсвешники»[23].

[18] Там же. Л. 3 об.
[19] Там же. Л. 4 об.
[20] Там же. Л. 5.
[21] «Два поникадила хрустальные о шести шендалах… » (Там же. Л. 11 об.).
[22] Так в описи. «Восмнатцать шендалов медных золоченых, в том числе четыре тройных, а протчие все двойные»(Там же. Л. 11 об.).
Шандал – тяжелый подсвечник.
[23] «15 подсвешников прицметальных одинаких» (Там же. Л. 2).

Интересно описание бильярдной на первом этаже: в ней находился не только биллиардный стол с аксессуарами («белиарт дубовой с винтами железными с наугольниками медными и с кошелками шелковыми, оклеен сукном зеленым тонким…»), но также «две пары билии средних костеных слановой кости в кошелке тафтяном зеленом. Шесть пар таких же костеных побольше в кошелке тафтяном зеленом. Одна щетка для чищенья белиарта простая. Девять мазов. Шесть киев. Доска цыфирная для замечивания партей красного дерева с колками гебового дерева, при которой оных 12 колков»[24], а также «стол картачной, подношки красного дерева с копытцами медными резными золочеными, на нем доска дубовая, оклеена чинаром и местами черным деревом… Осмнатцать стулов красного дерева»[25].

В описании столовой названы еще «шесть столов картошных красного дерева с выдвижными

[24] Там же. Л. 11.
[25] Там же. Л. 11.

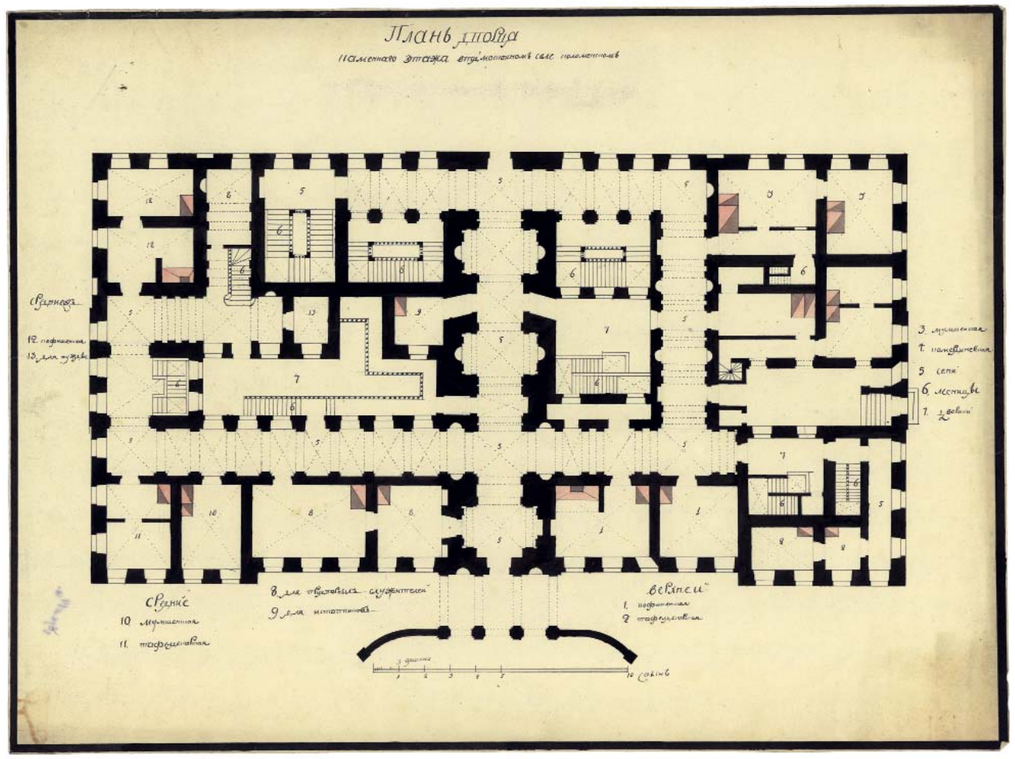

Рис. 4. План первого каменного этажа.1760–1770-е годы. Из собрания РНБ.

ящиками, у ящиков личинки и скобки медные…»[26] и остальные предметы мебели: «Стул станок деревянной, ношки золоченые… обшит кругом позументом золотным широким з битью на обе стороны з городками. Дватцать четыре стула буковых … обиты ж кругом плетешком мишурным уским плетешком, прибит гвоздьми золочеными. Ширмы большие о десяти рамах…»[27].

Представляют археологический интерес и окна, у которых «окончины наружные дубовые, а внутренния сосновыя, в каждой по осьми в наружных богемских, а внутренних российских белых стекол»[28]; такие же окна с двойными рамами и стеклами, «богемскими» внешними и «российскими» внутренними, были почти в каждом помещении дворца. Оконная и дверная фурнитура, столярная работа в описаниях выглядит как «ниш с резьбою… и при ней три двери с таковою ж резьбою»[29]; «около окон и дверей налишники, вверху под потолок постенной карниз, по обоям рамки столярные с резными рольками и по нише резьба выбелена, а дорожники, рольки и прочая резьба прокрашены разными красками»[30].

В кабинете, столовой и опочивальнях их императорских величеств, в покоях графа Г.Г. Орлова, в комнате дежурного генерала, в бильярдной и буфетной было в общей сложности 49 печей и 12 каминов. В основных парадных помещениях дворца камины и печи имели металлический приклад, их декор был отформован в штуке (модный прием для последней четверти XVIII в.): «Опочивальня, в оной камин обмазан штуком и вытянуты на нем карнизы и рамки, по которым лепное украшение»[31]; «между большаго и среднего двориков столовая,

[26] Там же. Л. 12.
[27] Там же. Л. 12.
[28] Там же. Л. 53 об.
[29] Там же. Л. 54.
[30] Там же. Л. 56–56 об.
[31] Там же. Л. 50.

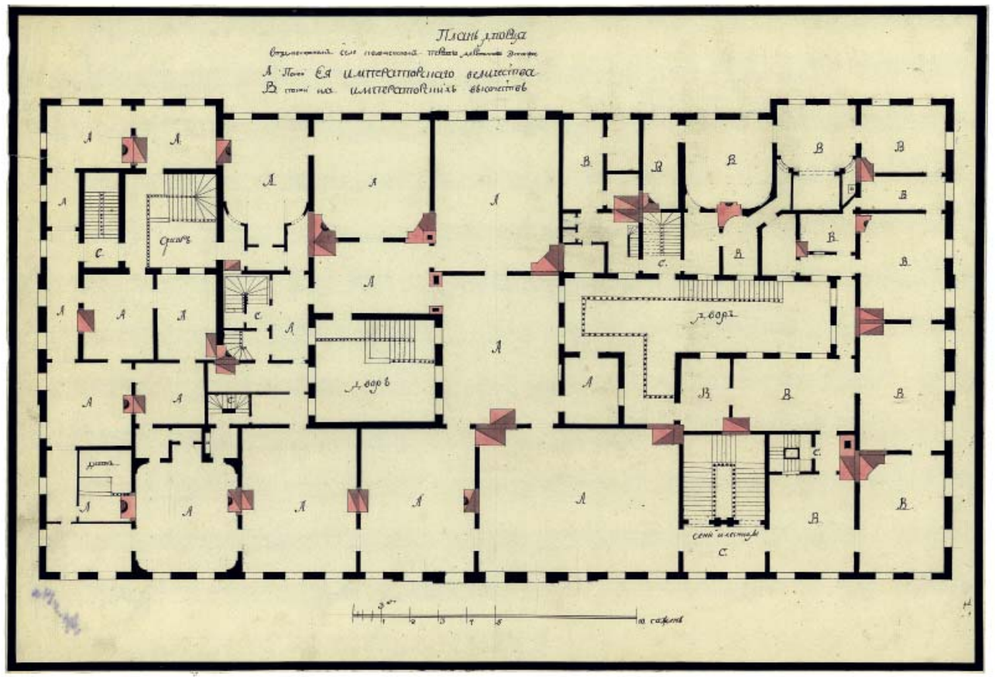

Рис. 5. План второго деревянного этажа с обозначением покоев императрицы Екатерины Второй и цесаревича Павла Петровича. 1760–1770-е годы. Из собрания РНБ.

в ней печь обмазана штуком и вытянуты по оному карнизы и рамки, затворки к той печи и к трубе двойные в рамках по одной железной и по одной литой медной дверце, вьюшка с крышкою чугунные и перед печью прибит лист латунной меди…»[32]; некоторые камины был сделаны из меди.

Из дворца вели переходы в старые служебные постройки (Сытный двор, Приказные палаты), частично разобранные и перестроенные. Так, в Сытном дворе был надстроен второй этаж, вместо разобранных сводов устроены деревянные перекрытия.

Помимо Сытного двора, вторые этажи появились в бывших Полковничьих и Приказных палатах; под дворцовые службы переоборудовали и переходы между ними. Рапортуя в феврале 1768 г. о завершении работ, князь Петр Макулов приложил обстоятельную опись «построенным при Коломенском … дворце каменных кухонь и вверху оных каменных же служеб и Часовой башни»[33]. Этот документ содержит массу археологических подробностей, облегчающих реконструкцию быта дворца, убранства его интерьеров, старых и новых служебных помещений. В частности, речь идет об оснащении многочисленными очагами и «голландскими изращатыми» печами, о которых говорится в описи 1768 г. Заметим, что по описи 1802 г. количество печей увеличилось.

Перед последним приездом Екатерины в 1787 г. под руководством Матвея Казакова провели ремонт и построили мыльню[34]. Там установили две печи и камин, для облицовки которых понадобилось «всего 1684 изразца поливных белых»[35]. Изразцы поставил купец Кондратьев, а «пешник Василей Лодыгин по словесному приказанию главноприсудствующаго Експедиции господина действительнаго тайнаго советника сенатора, действительнаго камергера и кавалера Михайла Михайловича Измайлова им, господином Казаковым, нанят, которой и зделал во оной

[32] Там. Л. 54 об.

[33] Там же.

[34] «Дело по предложению главноприсудствующаго Експедиции о произведении в селе Коломенском строения мыльни и покупных к тому материалах и припасах» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29327); «Дело о покрытии в селе Коломенском листовым железом для пришествия Ея Величества мыльни 1787-го года апреля 5 дня» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29328).

[35] См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29327. Л. 92.

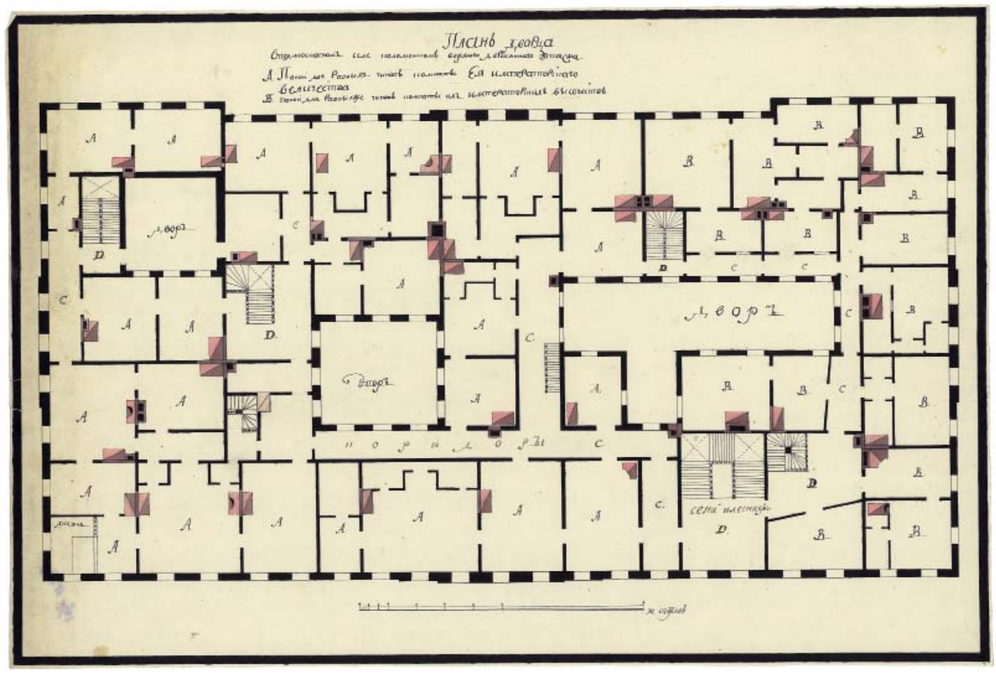

Рис. 6. План третьего деревянного этажа с обозначением покоев императрицы Екатерины Второй и цесаревича Павла Петровича. 1760–1770-е годы. Из собрания РНБ.

мылне две печи, камин и под котел очаг»[36]. Известно, что завод купца Ильи Кондратьева находился «у Смоленской на Арбате». Ему заказывали изразцы не только для Коломенского, но и для Головинского дворца[37].

Интерьер мыльни охарактеризован в «Описи состоящей в селе Коломенском вновь построенной мылни, какия во оной состоят вещи, о том значит ниже сего. Августа 25-го дня 1787-го году». Опустим многочисленные описания текстильных элементов: «В мылни <…> Столиков … три. Скомеек … три. <…> Лоханей две, котлов два, ковшик адин, во всех оных весу дватцать пуд дватцать три фунта. Под оными котлами скомейка деревянная адна. Два крана медных болших посеребреных. <…> Зеркало в позолоченых рамах одно. Кресел …четыре. Ломберной столик адин. Диван … адин. Мадряц, обшитой ревендуком, адин и набит гривой вареной. <…> Печь изращатая, при оной затворка, внутри железная, снаружи медная, адна. Трубеная двойная, внутри железная, снаружи медная, адна. Камин…»[38]. Большие котлы с кранами были сделаны «немецкой нации мастером Иоганом Сенланом», другой мастер, тоже немец, Павел Матерн, сделал для мыльни медную ванну[39].

Одновременно со строительством дворца работали над усадебной территорией. В Голосовом овраге вырыли новые искусственные пруды, над ключом построили колодец; обсадили рвы; перепланировали сады, которые примыкали к дороге, ведущей из Коломенского в Царицыно; слева от императорского дворца на месте старого разводного моста через р. Москву возвели новый, деревянный.

Штат наблюдающих за состоянием дворца, согласно указу дворцовой канцелярии 1767 г., включал камер-лакея, лакеев, двух гвардии капралов и четырех истопников. Для охраны дворца были присланы солдаты. На камер-лакея возлагались различные обязанности, в том числе:

[36] Там же. Л. 92–93.

[37] См.: *Сергиенко И.И.* Заводы гончарные и изразцовые XVIII–XIX вв. // Из истории русской керамики и стекла XVII–XVIII веков. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 62. М.: б. и., 1986. С. 66.

[38] См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29327. Л. 162–163 об.

[39] См.: Ачаркан Д.-М.И. Дворцовое село Коломенское… С. 159.

«3. Во время высочайшего е.и.в. присутствия сдавать тебе все комнаты ивсе, что в них имеется Гоффурьеру, который по отсутствии сдаст тебе покои с той же описью, что и получил.

4. В небытность же должен ты все комнаты запирать замками.

5. Зимой ежели е.и.в. в Москве топить оный дом через день с умеренностью, ибо не известно, когда е.и.в. в оный дом изволит приехать. Когда же е.и.в в Петербурге, то довольно протапливать один раз в неделю.

6. Паче всего должен ты осматривать почти вседневно весь дом как внутри, так и снаружи, особливо кровлю в печи. А если усмотришь малейшее что починки требущее, то немедленно выполнять должен, нанимая работников…»[40].

Дворец простоял недолго: в описи 1802 г. часто упоминается слово «ветхий», в 1813 г. смотритель Коломенского Брыкин докладывал, что после пребывания в нем частей французской армии он «в таком состоит положении, что к скорому подвержен падению»[41]; вскоре он был разобран.

В 1825 г. на месте дворца царственной бабушки Александр повелевает возвести новый, размеры которого «… почти точно вписываются в прямоугольник плана дворца XVIII века»[42]. Его построит известный московский архитектор Е.Д. Тюрин (1794–1870) в стиле ампир[43].

Император следовал традиции и выбору Екатерины II. Сохранившиеся чертежи и изображения, а также уцелевший павильон позволяют составить полное представление о здании[44].За решением стояло программное почитание царственной бабки, внук которой объявил после воцарения, что управлять Россией он будет «по законам и по сердцу» Екатерины II. Для глубоко религиозного, склонного к мистике Александра это было и проявлением их душевной связи.

Строительство нового дворца завершилось в год смерти царя. 19 ноября 1825 г. траурная колесница императора, направлявшаяся из Таганрога в столицу, привезла его тело в Коломенское.

Александровский дворец завершил историю дворцового строительства в Коломенском. В 1835 г. сюда прибыл император Николай I. Но проект нового дворца, созданный архитектором А.И. Штакеншнейдером в 1836 г., остался неосуществленным (хотя ландшафтные работы к его постройке, кажется, начинались).

Локусы двух исчезнувших дворцов XVIII и начала XIX в. совпадают (тогда как их знаменитый предшественник XVII столетия стоял на другом месте). Они ждут теперь внимания не столько историков архитектуры, сколько археологов. При прокладке пожарного водопровода в 1970-х гг. на их участке, представляющем сейчас всхолмление над краем террасы к северу от церкви Вознесения, в разрезе траншеи были отчетливо видны белокаменные и кирпичные своды, а также значительные по объему завалы строительных деталей и блоков. Стоит вспомнить и о том, что именно здесь старые исследователи Коломенского (И.В. Маковецкий и др.) помещали княжеский двор Василия III и Ивана Грозного.

От Екатерининского дворца почти не осталось вещевых памятников – деталей интерьера; они не выявлены и в собраниях других музеев. Такую же картину мы наблюдаем для дворцов XVII в., в том числе и деревянного дворца в Коломенском. Это связано с тем, что мебель перевозилась с места на место. А.В. Топычканов полагает, что «только перед “царским пришествием” помещения дворца наполнялись предметами, необходимыми для проживания государевой семьи»[45]. В русских дворцах мебели хронически не хватало[46], что Екатерина II отметила лично в 1751 г.: «При дворе в это время был такой недостаток в мебели, что те же зеркала, кровати, стулья, столы и комоды, которые нам служили в Зимнем дворце, перевозились за нами в Летний дворец, а оттуда в Петергоф и даже следовали за нами в Москву. Билось и ломалось в переездах немалое количество этих вещей, и в таком поломанном виде нам их и давали, так что трудно было ими, пользоваться»[47]. Описание екатерининского дворца в Коломенском показывает более оптимистичную картину наполнения мебелью, которая частично сохранялась во дворце и после ее смерти, о чем свидетельствует «Опись, находящейся в Коломенском дворце мебели, вещам и прочее» 1802 г.

В его же ведении находились «негодные к употреблению» вещи из дворца, которые продавались[48]

[40] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 483. Л. 1.

[41] См.: *Каулен М.Е.* Работы архитектора Е.Д. Тюрина в Коломенском // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 1. М.: б. и., 1991. С. 94.

[42] Там же. С. 95.

[43] *Тюрина-Митрохина С.А.* Евграф Тюрин – архитектор и коллекционер (Исторические разыскания к биографии). М.: Изд-во УРАО, 2005.

[44] Подробнее см.: *Каулен М.Е.* Работы архитектора Е.Д. Тюрина… С. 92–105.

[45] *Топычканов А.В.* Повседневная жизнь Коломенского дворца второй половины XVII века. М.: Издательско-полиграфический отдел МГОМЗ, 2018. С. 27.

[46] *Баранова С.И.* Из опыта создания древнерусских дворцовых интерьеров: мебель // Вестник Московского государственного художественно-промышленного университета. 2020. № 2. Ч. 1. С. 34–51.

[47] Цит. по: *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. М.; Л.: Академия, 1934. С. 293.

[48] «Дело о продаже состоящих в ведении камер-цалмейстера камер-фурьера Граве, хранящихся в могазеинах на записном дворе и в Коломенском дворце, негодных ко употреблению по камер-цалмейстерской части вещей» (РГАДА.Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29491).

с торгов московским купцам[49]. Среди проданных вещей: «обои китайские красные с личинками и с разными цветочками, завесов подъемных длиною 6 аршин, шириною в 4 полотнища тафтяных белых с подзором и высечкаю такою ж, с шнурами шелковыми пять, при них у всех восемь свинцовых подвесок, канапе резное крашеное, обито полуситцом одно, при камине дульцо и метелка и другие»[50].

Видимо в этот ряд могли попасть изразцы, хранящиеся в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника (далее – МГОМЗ). Они могли быть проданы и позже сноса самого дворца, так как относились к печам, находящимся в хозяйственных (служебных) помещениях. Часть из них местная легенда связывает с ныне не существующим домом Кошкина, который находился в селе Коломенское по ул. Большой, 85.

По преданию, в 1767–1768 гг. его построил смотритель дворца К.Д. Брыкин якобы из бревен деревянного Коломенского дворца Алексея Михайловича. Позднее дом принадлежал С.М. Лапшину, а в 1855 был продан крестьянину Ф.Д. Кошкину за 950 рублей серебром и в 1911 г. унаследован его сыновьями и внуками. Известно, что это здание в 1787 г. посещала императрица Екатерина II, а в 1821 г. – император Александр I[51].

В описи дома[52] приводятся, в числе прочего, и сведения об изразцовых печах: «Печи были такие: в передней и кухне нижнего этажа, в верхней и нижней части пристройки – русская изразцовая печь… В верхней передней (моленной) – изразцовая печь голландка. Печь нижних передней и кухни и печь верхней части пристройки – с лежанкой»[53]. До 1957 г. бывшая дворцовая печь украшала дом Кошкина, затем была разобрана и изразцы пополнили собрание МГОМЗ (рис. 7).

Рис. 7. А.В. Филиппов. Зарисовка изразца печи в доме Кошкина в Коломенском с надписью: «Лапшин д(ом) Кошкина в с. Коломенское под Москвой». Вторая половина 1940-х годов. Архив Филиппова.

Часть изразцов, хранящихся в музее и традиционно относящихся к екатерининскому дворцу, не имеет точных данных о поступлении[54]. Но обилие изразцовых печей, упоминаемых в описях, широко распространенная практика вторичного использования изразцов для кладки новых печей, к которым они докупались «в прибавку», позволяют поверить в достоверность легенды. Дополнительным аргументом служат фрагменты аналогичных предметов, найденных при археологических раскопках в Коломенском[55].

Это сильно фрагментированные красноглиняные гладкие изразцы с высокой московской румпой (чаще утраченной) и многоцветной росписью по белой эмали, сделанной уверенной рукой цехового мастера, специализирующегося на популярных московских мотивах: летящих птицах над корзиной

[49] «Ведомость проданным в Коломенском дворце ветхим, ко употреблению для двора неспособным и к сбережению не нужным вещам московским купцам Ивану Григорьеву и Степану Золотареву, ценою за три тысячи за триста за пять рублей» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 29491).

[50] Там же.

[51] См.: *Зенина М.А.* «Осчастливленные стариной». Этнография села Коломенское, села Дьяково и деревни Садовая слобода. М.: Coda, 2004. С. 32.

[52] «Описи дома села Коломенского умершего крестьянина Тимофея Иванова Лапшина, состоящего в селе Коломенском на Большой улице. 1855 года февраля 27 дня»(МГОМЗ. Редкие рукописные и старопечатные книги. Инв. А-924/27 л. 15–16 об.).

[53] См.: *Зенина М.А.* «Осчастливленные стариной»… С. 34. М.А. Зенина также пишет: «В домах некоторых крестьян можно было увидеть предметы из дворца царя Алексея Михайловича. Например, у Порфирия Кошкина (бывший дом Лапшина) в 1920-е гг. имелись петля от ворот, накладка, дверная скоба, украшенная гравировкой и насечкой; возможно, они были принесены в дом смотрителем дворца К.Д. Брыкиным» (см.: *Зенина М.А.* Коломенские селения в конце XIX–начале XX века // Государево село Коломенское и его жители. М.: МГОМЗ, 2007. С. 180).

[54] Некоторые из них имеют запись в инвентарных книгах МГОМЗ: «Коломенское. Приказные палаты».

[55] Среди находок изразцов в настоящее время доминирующей группой являются изразцы из деревянного Коломенского дворца (1667–1767).

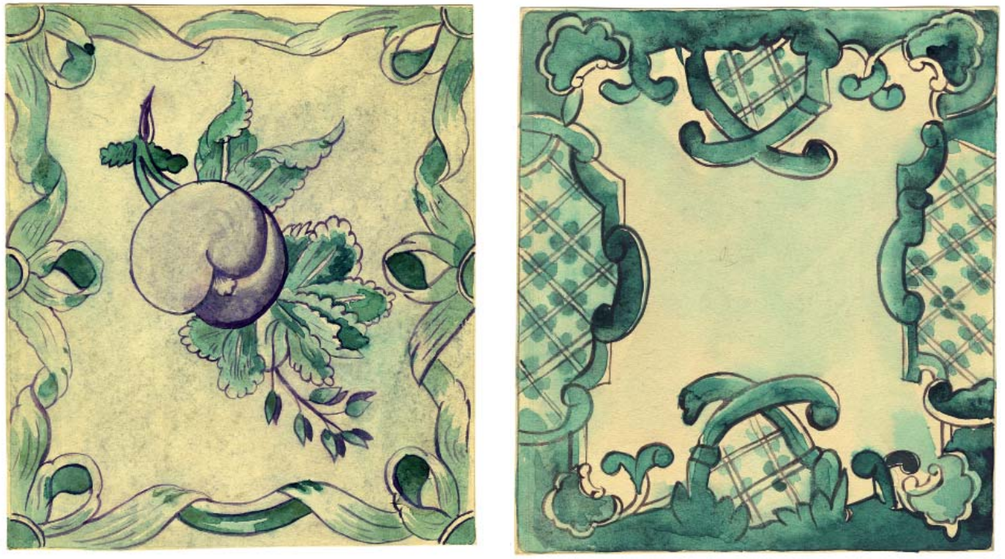

Рис. 8, 9. А.В. Филиппов. Зарисовки изразцов из собрания музея в Коломенском. Вторая половина 1940-х годов. Архив Филиппова.

с цветами[56], яблоках с пышными листьями[57], тонких стеблях с цветами и листьями[58], попугаях с колокольчиками, сидящих на ветвях[59], с зеленой росписью «трельяжная сетка» в картушах[60] (рис. 8–9).

Последние, судя по записям в инвентарных книгах, относили к дворцу Александра I. Однако этот мотив росписи является одним из самых ранних среди коломенских находок, относящихся к XVIII в., так как связан с рисунком «трельяжная сетка», чрезвычайно распространенным в Петербурге с 1720-х по конец 1760-х гг.[61]. Уместно напомнить, что подобный орнамент стал главным украшением предметов первого российского фарфорового сервиза «Собственный», изготовленного в середине XVIII столетия для императрицы Елизаветы Петровны на Невской порцелиновой мануфактуре.

Один из наиболее ранних вариантов подобного орнамента на изразцовых печах в Москве и ее окрестностях также встречается в елизаветинское время. Это парадные покои архимандрита Амвросия (Зертис-Каменского) в Трапезных палатах Ново-Иерусалимского монастыря, в которых печи с сине-белыми изразцами были сложены в середине XVIII в.[62] (рис. 10, 11). Аргументом в пользу датировки коломенских изразцов с «трельяжной сеткой» является также изразец с аналогичным орнаментом (в центре – пейзаж) и надписью на лицевой стороне: «Сей мастер Афанасий Трубицен 1776 году июня 24 дня» из собрания Государственного Исторического музея[63].

Изразцы остальных наборов имели самое широкое распространение на всей территории России.

[56] См.: *Бродская А.А.* Коллекция изразцов XVIII века… С. 218.; *Баранова С.И.* Русский изразец… С. 325; *Она же.* Изразцовая летопись Москвы. М.: Русский импульс, 2012. С. 151.

[57] *Бродская А.А.* Коллекция изразцов XVIII века… С. 220.; *Баранова С.И.* Русский изразец… С.324; *Она же.* Изразцовая летопись… С. 151.

[58] *Баранова С.И.* Русский изразец… С. 329.

[59] *Бродская А.А.* Коллекция изразцов XVIII века… С. 221; *Баранова С.И.* Русский изразец… С. 324; *Она же.* Изразцовая летопись… С. 151.

[60] *Баранова С.И.* Русский изразец… С. 332.

[61] *Реброва Р.В.* Трельяжная роспись на изразцах и территория ее распространения (по результатам исследования исторических памятников в Санкт-Петербурге, Новгороде, Таллине, Нарве, Рундале) // Архитектурная керамика мира. Вып. 3. СПб.: Коло, 2019.С. 33–41.

[62] *Черненилова Л.М.* Фонд изразцов Музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим»: формирование и изучение // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. М.: Коллектор, 2016. С. 73. В облицовке печей также использовались аналогичные коломенским изразцы с тонкими стеблями с листьями и цветами, но с синей росписью. В настоящее время печи воссозданы.

[63] *Сергиенко И.И.* Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII века // Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 75. М.: б.и., 1990. С. 48.

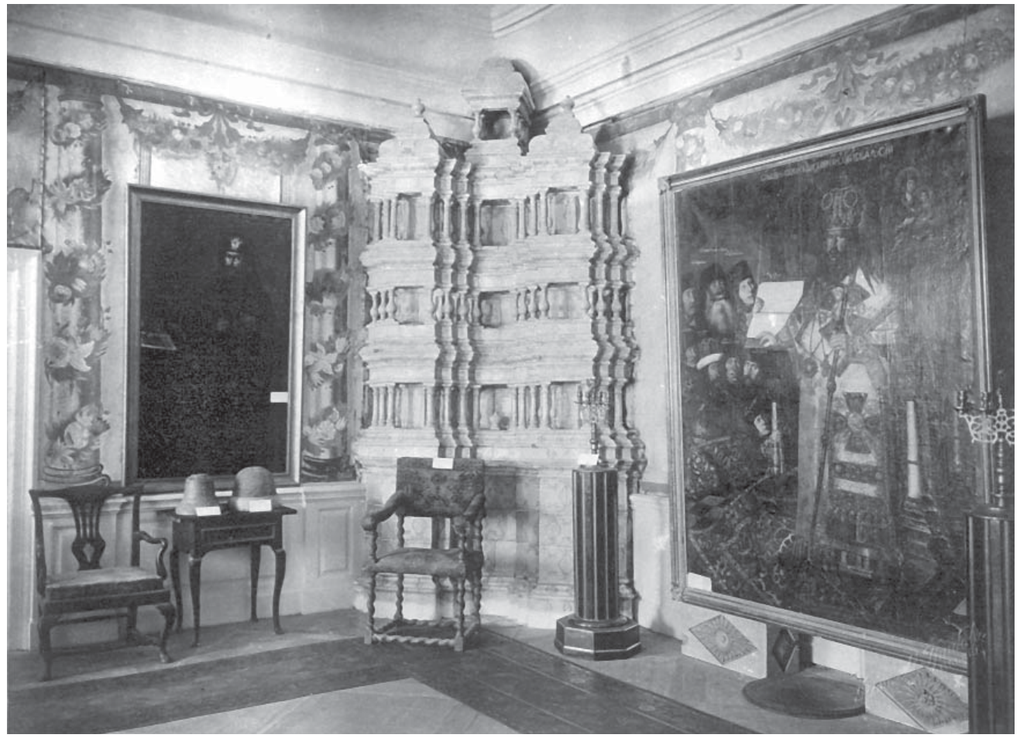

Рис. 10. Музей памяти патриарха Никона в Ново-Иерусалимском монастыре в парадных покоях архимандрита Амвросия (Зертис-Каменского). Печь, облицованная изразцами с «грильяжной сеткой» середины XVIII в. Фото 1880-х гг.

Многочисленные изразцы, аналогичные коломенским, найдены при натурных исследованиях или археологических раскопках в Андреевском[64], Ново-Иерусалимском, Новодевичьем[65], Высоко-Петровском монастырях[66], при раскопках Императорского путевого дворца в Твери и др.[67] Находки в двух последних связаны с указами Екатерины II: первый из них последовал в связи с работами по «переделыванию» и «деланию» новых печей монастыря в 1763 г.[68]; второй – в связи со строительством Путевого дворца (1764–1766). В этот круг изразцов, которые условно можно назвать «екатерининскими», входят, в том числе, и коломенские, перекочевавшие из дворцовых, пусть и служебных, построек в местные крестьянские дома.

В Коломенском обозначены и редкие находки (раскопки 1972 г.) изразцов с бело-синей росписью: фрагмент пояска с изображением птицы (КП-12542/106) и фрагменты стенных (КП-12542/117,119) с сине-белой рамкой из стилизованных ромашек. Этот материал вызывает особый интерес, так как речь идет о распространенной группе сюжетных изразцов, появление которых в Москве традиционно связывают с 1740–1750 гг. Им близки фрагменты изразцов, найденных в Царицыно и в Твери, которые исследователи

[64] Аналогичные изразцы (фрагменты) были найдены при натурных исследованиях церкви Воскресения в Пленицах в 1970-х гг. В настоящее время находки, переданные архитектором Л.А. Шитовой, хранятся в собрании МГОМЗ.

[65] Раскопки Института археологии РАН 2018 г.

[66] *Маслих С.А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство, 1976. Рис. 250; 2-е изд. М.: Изобразительное искусство, 1983. Рис. на с. 234–235.

[67] Изразцовые печи (скорее всего переложенные) с аналогичными изразцами сохранились, например, в архимандритском корпусе Михайло-Архангельского монастыря в Юрьеве-Польском.

[68] См.: *Сергиенко И.И.* Изразцы Высоко-Петровского монастыря Москвы // Археология и художественное видение: исторические контексты. М.: РГГУ, 2019. С. 325–334.

Рис. 11. Изразцовая печь в Трапезных палатах после разрушения Ново-Иерусалимского монастыря в 1941 г.

относят к постройкам, предшествующим архитектурным проектам Екатерины II[69]. В этом случае указанные находки в Коломенском можно связать с пребыванием Елизаветы Петровны, неоднократно посещавшей место своего рождения, но, вероятно, стоит расширить время бытования этого вида изразцов, неоднократно встречающихся и в «екатерининских» комплексах.

Как мы видим, чудом сохранившееся изразцы XVIII в. в собрании МГОМЗ имеют археологическое подтверждение. Безусловно, они являются важным хронологическим маркером екатерининской эпохи, заслуживающим тщательного изучения. Ждут своего исследования другие археологические находки, приобретающие огромную ценность при отсутствии иных свидетельств. Среди них найденная в 2000 г. при раскопках на территории Кормового двора белокаменная скульптура, которая могла быть одним из упомянутых в Описи (см. выше) украшений дворца[70]. К екатерининскому периоду в истории Коломенского тяготеют фрагменты керамических белоглиняных цветочных горшков, гончарной чернолощеной посуды и другие многочисленные находки, рассказывающие не только об обитателях дворца XVIII в., но и крестьянах Коломенской дворцовой волости, избы которых нередко украшали изразцовые печи[71]. Справедливо отмечая необходимость изучения этих печей, Н.А. Кренке писал: «…о роли царского дворца в формировании интерьеров крестьянских построек»[72]. В этом случае археологические находки становятся свидетельством редкой модели взаимопроникновения в Коломенском элитарной и народной культур, что позволяет подтвердить многочисленные местные легенды.

Раскопки руин дворцов XVIII–XIX вв. представили бы сегодня особый интерес: ведь это несомненный памятник древности (граница охраняемого археологического наследия законодательно уже сдвинута в начало XX в.). Важным шагом это было бы и для Коломенского. Введя в состав демонстрируемых объектов, по крайней мере, одну (но исторически – две или три) великолепную архитектурно-археологическую руину, музей напомнил бы об интереснейшем периоде жизни усадьбы второй половины XVIII – XIX вв., отодвинутом на второй план.

[69] Археология парка Царицыно / Сост. Н.А. Кренке.М.: Институт археологии РАН, 2008. С. 175. Рис. 16; *Хохлов А.Н.*, *Мелькова В.Р.* Комплекс изразцов из раскопок в Императорском путевом дворце в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 8. Тверь: Твер. науч.-исслед. ист.-археол. и реставрац. центр, 2016. С. 307–318.

[70] В настоящее время скульптура представлена в экспозиции МГОМЗ «Вехи истории Коломенского».

[71] Подробнее см.: *Ильина М.Н.* Крестьяне дворцовой Коломенской волости в XVIII веке // Государево село Коломенское и его жители. М.: МГОМЗ, 2007. С. 104–139.

[72] *Кренке Н.А.* Изразцовые печи в селах Коломенское и Дьяково // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 2. М.:б. и., 1993. С. 132.

Список литературы

Археология парка Царицыно / Сост. Н.А. Кренке. М.: Институт археологии РАН, 2008. 364 с.

Ачаркан Д.-М.И. Дворцовое село Коломенское: история его памятников зодчества по архивным данным [Рукопись]. М., 1918 // Московский государственный объединенный музей-заповедник. Редкие рукописные и старопечатные книги. Инв. А-1596, К-13404.

Баранова С.И. Из опыта создания древнерусских дворцовых интерьеров: мебель // Вестник Московского государственного художественно-промышленного университета. 2020. № 2. Ч. 1. С. 34–51.

Баранова С.И. Изразцовая летопись Москвы. М.: Русский импульс, 2012. 231 с.

Баранова С.И. К истории строительства Екатерининского дворца в Коломенском // Архитектурное наследство. Вып. 63. М.; СПб.: Коло, 2015. С. 78–95.

Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 432 с.

Баранова С.И., *Горохова Е.Г.*, *Ухналев А.Е.* Достоверная история о многократном пребывании Ее Императорского Величества Екатерины Второй Императрицы и Самодержицы Всероссийской в дворцовом селе Коломенском. М.: МГОМЗ, 2016. 48 с.

Баранова С.И., *Ухналев А.Е.* Екатерининский дворец в Коломенском и московское дворцовое строительство в первой половине царствования Екатерины II // PetroPrimoCatharinaSecunda. Два монарха, две эпохи – преемственность, развитие, реформы. Материалы VIII Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2017. С. 254–265.

Беляев Л.А., *Кренке Н.А.* Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 4. М.: б. и., 1993. С. 72–113.

Беляев Л.А., *Кренке Н.А.* Деревянный дворец конца XVII века в Коломенском: опыт археологической локализации // Российская археология. 2005. № 4. С. 176–188.

Бродская А.А. Коллекция изразцов XVIII века из села Коломенского // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 5. М.: б. и., 1993. С. 212–223.

Зенина М.А. «Осчастливленные стариной». Этнография села Коломенское, села Дьяково и деревни Садовая слобода. М.: Coda, 2004. 215 с.

Зенина М.А. Коломенские селения в конце XIX – начале XX века // Государево село Коломенское и его жители. М.: МГОМЗ, 2007. С. 140–183.

Ильина М.Н. Крестьяне дворцовой Коломенской волости в XVIII веке // Государево село Коломенское и его жители. М.: МГОМЗ, 2007. С. 104–139.

Каулен М.Е. Работы архитектора Е.Д. Тюрина в Коломенском // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 1. М.: б. и., 1991. С. 92–105.

Клименко Ю.Г. Архитектор московских императорских дворцов П.В. Макулов (1730–1778) // Архитектурное наследство. Вып. 46. М.: URSS, 2006. С. 166–179.

Кренке Н.А. Изразцовые печи в селах Коломенское и Дьяково // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 2. М.: б. и., 1993. С. 131–137.

Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. [1-е изд.] М.: Изобразительное искусство, 1976. 29 с. + 80 л.; 2-е изд. М.: Изобразительное искусство, 1983. 28 с. + 110 л.

Полюлях А.А. Об одном из видов московских изразцов: изразцы с мраморовидным декором // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 15. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 421–429.

Реброва Р.В. Трельяжная роспись на изразцах и территория ее распространения (по результатам исследования исторических памятников в Санкт-Петербурге, Новгороде, Таллине, Нарве, Рундале) // Архитектурная керамика мира. Вып.3. СПб.: Коло, 2019. С. 33–41.

Сергиенко И.И. Заводы гончарные и изразцовые XVIII–XIX вв. // Из истории русской керамики и стекла XVII–XVIII веков. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 62. М.: б. и., 1986. С. 61–66.

Сергиенко И.И. Изразцы Высоко-Петровского монастыря Москвы // Археология и художественное видение: исторические контексты. М.: РГГУ, 2019. С. 325–334.

Сергиенко И.И. Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII века // Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 75. М.: б. и., 1990. С. 29–50.

Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. М.; Л.: Academia, 1934. 477 с.

Суздалев В.Е. Очерки истории Коломенского. М.: Лето, 2004. 160 с.

Топычканов А.В. Повседневная жизнь Коломенского дворца второй половины XVII века. М.: Издательско-полиграфический отдел МГОМЗ, 2018. 143 с.

Топычканов А.В. Политическое пространство царских загородных резиденций второй половины XVII века. М.: Индрик, 2019. 328 с.

Тюрина-Митрохина С.А. Евграф Тюрин – архитектор и коллекционер (Исторические разыскания к биографии). М.: Изд-во УРАО,2005. 90 с.

Федосеева Е.П. Описание архитектурных материалов. Москва и Московская обл. Л.: б. и., 1956. (Труды отдела рукописей Гос. публ. биб-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина). 88 с.

Хохлов А.Н., *Мелькова В.Р.* Комплекс изразцов из раскопок в Императорском путевом дворце

в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 8. Тверь: Твер. науч.-исслед. ист.-археол. и реставрац. центр, 2015. С. 307–318.

Черненилова Л.М. Фонд изразцов Музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим»: формирование и изучение // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. М.: Мат-лы I и II Всерос. науч.-практ. конф. (Новый Иерусалим, 2014–2015): сб. ст. и тез. М.: Коллектор, 2016. С. 65–74.

С.И. Баранова

В ожидании археолога: неизвестные дворцы Коломенского XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: дворец Екатерины II, археология, дворцовые описи, мыльня, изразец, изразцовые печи

Аннотация: Дворец Екатерины II в Коломенском (1767–1816) долгое время остававшийся неизвестным, был исследован главным образом на основании архивных материалов: описей, чертежей и планов. В настоящее время в его изучении письменные свидетельства преобладают над археологическими и визуальными. Актуальная для изучения дворца ситуация с «ожиданием археолога» раскрыта на примере многочисленных находок изразцов, подтвердивших происхождение хранящихся в собрании МГОМЗ аналогов. Одна из наиболее полных серия «екатерининских» изразцов позволила не только отразить историю дворца, но и стать эталонным комплексом для датировки многочисленных аналогов в Москве и за ее пределами.

S.I. Baranova

In waiting of archeologist: unknown palaces in Kolomenskoye of the 18th and 19th centuries

Keywords: Catherine the Great palace, historical archeology, palace inventories, bath room, tile for ovens

Abstract: The palace of Catherine the Great in Kolomenskoye (1767–1816), which remained unknown for a long time, has been studied predominantly on the basis of archive materials: inventories, drafts and plans. Recently in its study the written records preponderate over archeological and visual ones. The actual situation with the recearch of the palace (when "an archeologist is awaited") is shown by the example of numerous findings of tiles that confirmed the origin of similar tiles stored in collection of Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve. One of the most complete series designated as tiles of Catherine the Great palace not only reflects the court history. It also became the benchmark collection required for dating of numerous analogs found in Moscow and outside of it.

В.А. Буров

XVIII век на Соловках в зеркале археологических источников

В XVIII столетии бытовая, хозяйственная, военная, строительная, церковная история Соловецкого монастыря оказалась менее насыщена чередой событий, нежели в предшествующие три века. Из размеренной монастырской жизни выбиваются три события: посещение Петром I Соловков в 1702 г., секуляризация монастырских береговых вотчин Екатериной II в 1762 и 1764 гг. и подготовка Соловецкой крепости к обороне во время военной кампании 1790 г.

Для XVIII в. мы располагаем значительным количеством разнообразных исторических документов. Это разного характера описи Соловецкого монастыря, летописцы, финансовая и хозяйственная отчетность и прочее. Они хранятся в архивах и почти не изданы. Больше повезло графическим изображениям обители, что напрямую увязывается с интересами многочисленных паломников и активной издательской деятельностью собирателя гравюр Д.А. Ровинского в 1880-е гг. В Новое время были выполнены первые схематические и инструментальные планы монастыря, введенные в оборот только во второй половине XX в.

Для археолога, ведущего раскопки на Соловках и постоянно имеющего дело с культурными напластованиями XVIII столетия, перечисленные источники служат путеводной нитью. Симбиоз археологии и истории порой открывает новое видение ушедшей эпохи. Археология обладает свойством не только дополнять данные письменных документов и графических источников, но и материализовывать предметы и объекты, которые, казалось, исчезли навсегда, стерты с лица земли. Приведем примеры, относящиеся к конкретным объектам Соловецкого монастыря.

Утраченные культовые здания

В 1753 г. вместо деревянной часовни преп. Германа, в которой первоначально были погребены трое соловецких святых – Савватий († 1435), Герман († 1484) и Маркелл († 1663), построили каменную, «четвероугольную с осмериком»[1]. Устойчивое схематическое изображение ее западного фасада присутствует на гравюрах вплоть до середины следующего столетия. В 1859 г. данную часовню сменила просторная церковь, устроенная в подклете возведенного Свято-Троицкого собора. В ходе раскопок в 2003 г. были установлены подлинные размеры, план и местоположение часовни 1753 г. Ее руины размещались в юго-западном углу обширного помещения одноименной церкви, а южная стена часовни оказалась под южной стеной церкви (рис. 1). Часовня середины XVIII в. действительно оказалась прямоугольной. Ее внутреннее пространство было ровно в четыре раза меньше помещения новой церкви (2,9 × 6,55 м – 18,9 кв. м против 5,12 × 15,36 м – 78,6 кв. м; внешние параметры около 4,9 × 8,4 м). Часовня была сложена из кирпича размером 9 × 18/19 × 29/30 см. Ширина стен 0,90–0,95 м. Ее северо-западный и северо-восточный углы оформляли лопатки шириной 0,80–85 м. Дверной проем в западной стене имел слегка скошенные стенки. В основании проема лежал уплощенный валун[2].

[1] Летописец Соловецкого монастыря. М.: В Университетской типографии у В. Окорокова, 1790. С. 91–92; *Досифей, архим.* Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. Изд. 4-е. М.: Тип. скоропечатня В. Кирилова, 1847. С. 112.

[2] *Буров В.А.* Церковь преподобного Германа Соловецкого XIX в.: история и археология // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Вып. 4. Архангельск; М.: ТСМ, 2005. С. 75–91.

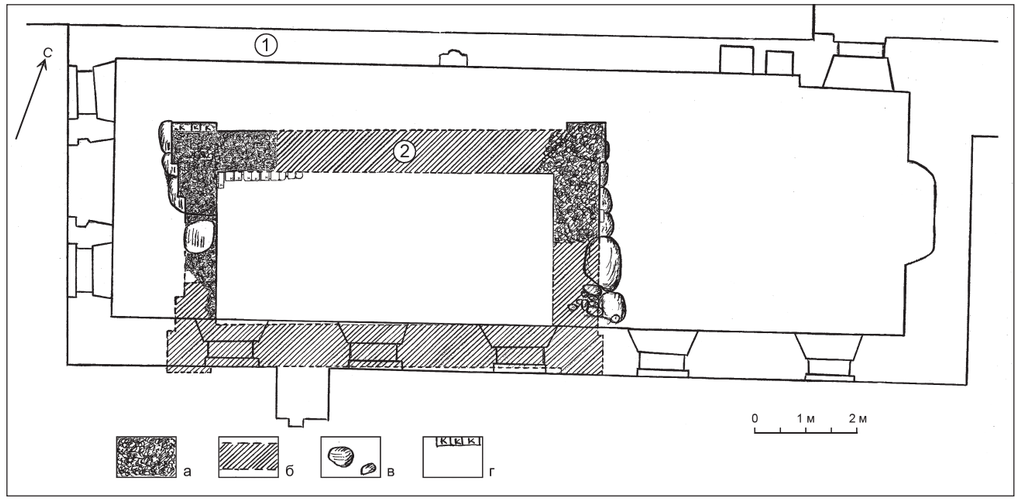

Рис. 1. Остатки разобранной часовни преп. Германа 1753 г. в структуре подклета церкви преп. Германа 1859 г. Соловецкий монастырь, раскопки 2003 г. 1 – церковь 1859 г. 2 – часовня 1753 г. Условные обозначения: а – известковый раствор кладки 1753 г.; б – реконструкция стены 1753 г.; в – валунный камень; г – кирпичи кладки 1753 г.

Жилые комплексы – кельи

На рубеже XVIII–XIX столетий данная застройка, расположенная по периметру центрального монастырского двора[3], подверглась коренной перестройке: растесывались малые окна, ломались своды, пробивались новые дверные проемы, менялась система печного отопления, выстраивалась новая коридорная система. В подпольное пространство келий сбрасывались куски известковых кладочных швов, кирпичи, в том числе профилированные, слюдяные пластины от сломанных оконниц, осколки новых вставляемых оконных стекол, глина от печей и даже фрагменты печных полихромных рельефных изразцов. Рабочие могли потерять монеты. Значение данного строительного мусора двоякое. С одной стороны, это важный источник по зодчеству XVII в. С другой – перед нами материальное воплощение кратких известий соловецких летописцев: «…почти все здания, в разных годах построенные внутри монастыря по бесправильной древней архитектуре, приведены в лучший вид по новому плану»[4]. Особо следует отметить находки обломков печных полихромных рельефных изразцов рубежа XVII–XVIII вв. Соловецкие документы о них ничего не сообщают. Между тем науке предоставлена реальная возможность предъявить разнообразие изразцового убранства соловецких печей[5] (рис. 2).

Производственные комплексы

Первые археологические свидетельства ремесленного производства на территории Соловецкого монастыря были получены в 1997 г. Перед третьей печурой крепости к северу от Архангельской башни, в слое мусора начала XIX в. обнаружились следы косторезного производства: опиленные оленьи рога, кости, заготовки ручки ножей. Упоминания о данном ремесле выявить в письменных источниках не удалось. В 2000–2001 гг. в южных помещениях Новобратского корпуса был полностью исследован комплекс монастырской Котельной мастерской XVII–XVIII вв., в которой чинилась медная посуда, работала медеплавильная печь, изготавливались и ремонтировались слюдяные оконницы. Полученная археологическая

[3] *Буров В.А.* История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск: б. и., 2011.

[4] *Досифей, архим.* Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. Изд. 3-е. М.: Унив. тип., 1833. С. 123; Он же. Географическое, историческое и статистическое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. Ч. 1. М.: Унив. тип, 1836. С. 193: *Буров В.А.* История келейной застройки… С. 133–136.

[5] *Буров В.А.* Изразцовое убранство братской кельи № 9 Соловецкого монастыря // Соловецкий сборник. Вып. 13. Архангельск: б. и., 2017. С. 43–64.

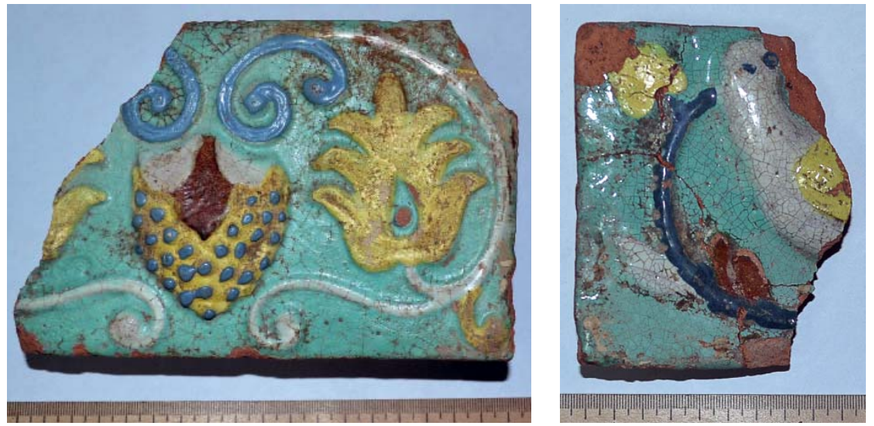

Рис. 2. Печные изразцы рубежа XVII–XVIII вв. из братской кельи № 8. Соловецкий монастырь, раскопки 2016 г.

коллекция предметов материальной культуры насчитывает около 2 тыс. единиц. Это отходы производства: медный крой, слиточки меди, шлаки, глиняные тигли, куски породы слюды, слюдяные пластины – заготовки и целые вставки в оконные рамы. Данные артефакты, о которых ничего не сообщают письменные источники, существенно дополняют сведения описи 1705 г. В ней впервые приведено подробное описание многочисленного инструментария котельной мастерской и соседней кузницы: «Котелного дела железных снастей. Шесть стоек, семь кобылин, крюк точилной, шуруп тисковой. Гвоздилно, две доски золотилные, две подставки, цыркиль. Две пилы болшая да малая, трои тиски колодные, 14 стоек да пять кобылин, наковално без носка, десят ожимок больших и малых, две доски гвоздилных, две подставки, трои ножницы, чем медь режут. Шесть молотов, мех неболшой кожаной. Оконничных снастей. Двои ножницы, чем слюду режут, трои молотка, двои опоки железные, два сверла. Серебреной снасти. Двои ножницы, чем серебро режут, двои клещи волоковые, трои доски волоковые, две доски винтовалные. Тиски ручные, трои острогубцы, руски терпуг, осмь пил, два трезуба, наковално большое, наковално ж малое в колодах, две наковалны с носками неболшие, батай, двои емии, наковално одну носках, что стоканы делают, 18 молотков одноручных, клещи гвоздилные, 15 чеканов железных, два скребка, два воронила, дорожник железный, что серебро делают, два кружала, два безмена, у одного гиря медная, а у другово железная»[6]. В раскопках же данный инструмент не был обнаружен[7].

Валунная крепость Соловецкого монастыря

Это уникальное фортификационное сооружение конца XVI в., центр обороны Беломорья вплоть до самого начала XIX столетия. В 1790 г. во время пребывания на Соловках военной команды во всех 64 печурах подошвенного боя были поставлены деревянные платформы под пушки. Руководил работами инженер-подпоручик Я.В. Васильев, подробно описавший свою деятельность на Соловках[8]. На двух чертежах, им выполненных, изображены пушки, стоящие на настилах (рис. 3). Археологическое исследование двух печур подтвердило существование платформ и позволило установить варианты их конструкций. Целый, хорошо сохранившийся деревянный настил обнаружен в четвертой печуре к северу от Архангельской башни (рис. 4). Он состоял из трех бревен-лаг, уложенных перпендикулярно амбразуре. Поверх них были настланы доски, крепившиеся с помощью железных кованых гвоздей и деревянных цилиндрической формы нагелей[9]. Иная конструкция прослеживается в печуре юго-западного прясла рядом с Прядильной башней. Здесь в основе решетчатой конструкции платформы лежали четыре бревна-лаги перпендикулярно амбразуре, наполовину погруженные в песчаную подушку. К ним поперек с помощью железных кованых костылей

[6] Опись Соловецкого монастыря и вотчин его, составленная дьяком Карпом Андреевым по указу Петра I. 1705 г. // ГИКМЗ «МК». Инв. № Рук-1404. Л. 295–296.

[7] *Буров В.А.* Итоги археологического исследования в Новобратском корпусе Соловецкого монастыря // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Материалы и исследования / ГИКМЗ «МК». Вып. 17. М., 2003. С. 174–193.

[8] Сокращенное историческое описание Соловецкого монастыря. 1790 г. О острове Соловецком с чертежами 1790 г. // ОР РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 4302.

[9] *Буров В.А.* Настил под пушку конца XVIII в. из Соловецкого монастыря // Российская археология. 2000. № 4. С. 183–193.

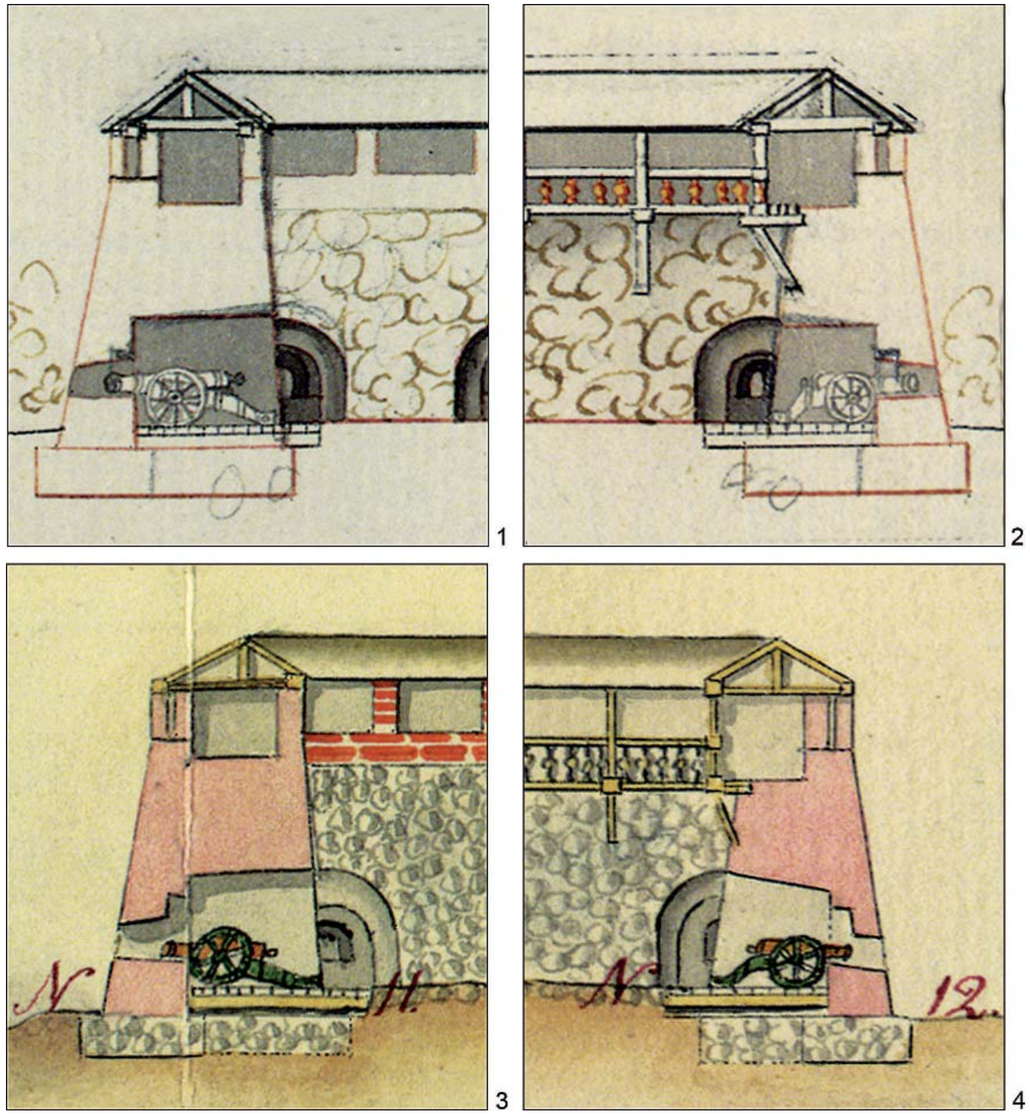

Рис. 3. Деревянные платформы под пушки на чертежах инженера-подпоручика Я.В. Васильева. 1790 г. (Сокращенное историческое описание Соловецкого монастыря. 1790 г. О острове Соловецком с чертежами 1790 г. (ОР РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 4302. Л. V, VIII). Увеличено.

Рис. 4. Деревянная платформа под пушку 1790 г. Соловецкой крепости, 4-я печура к северу от Архангельской башни. Раскопки 1999 г.

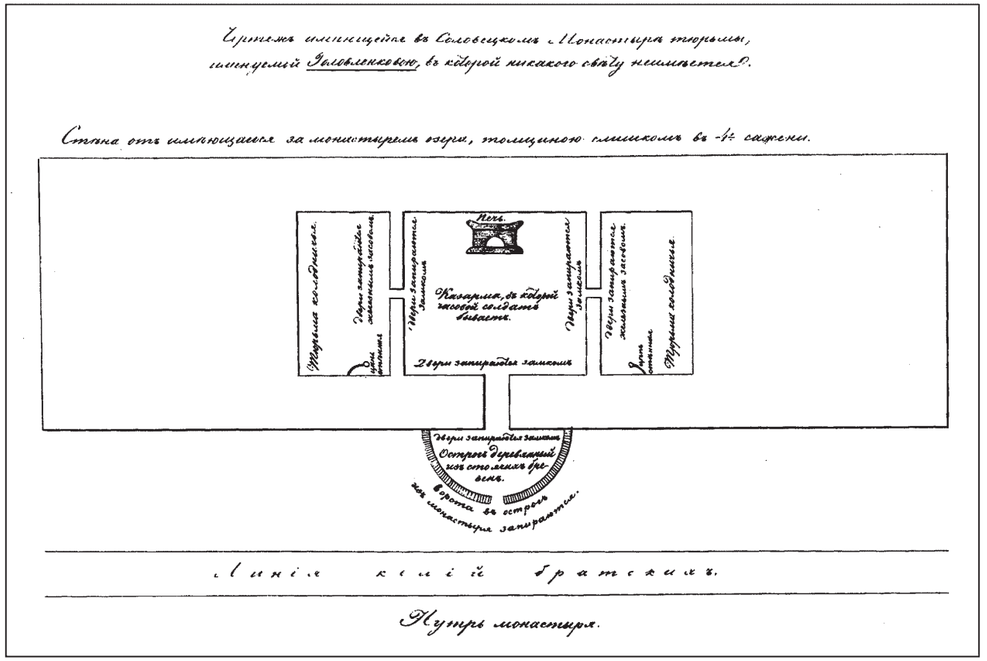

Рис. 5. План Головленковой тюрьмы Соловецкого монастыря, копия XIX в. Размер 12 × 34,1 см (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2941).

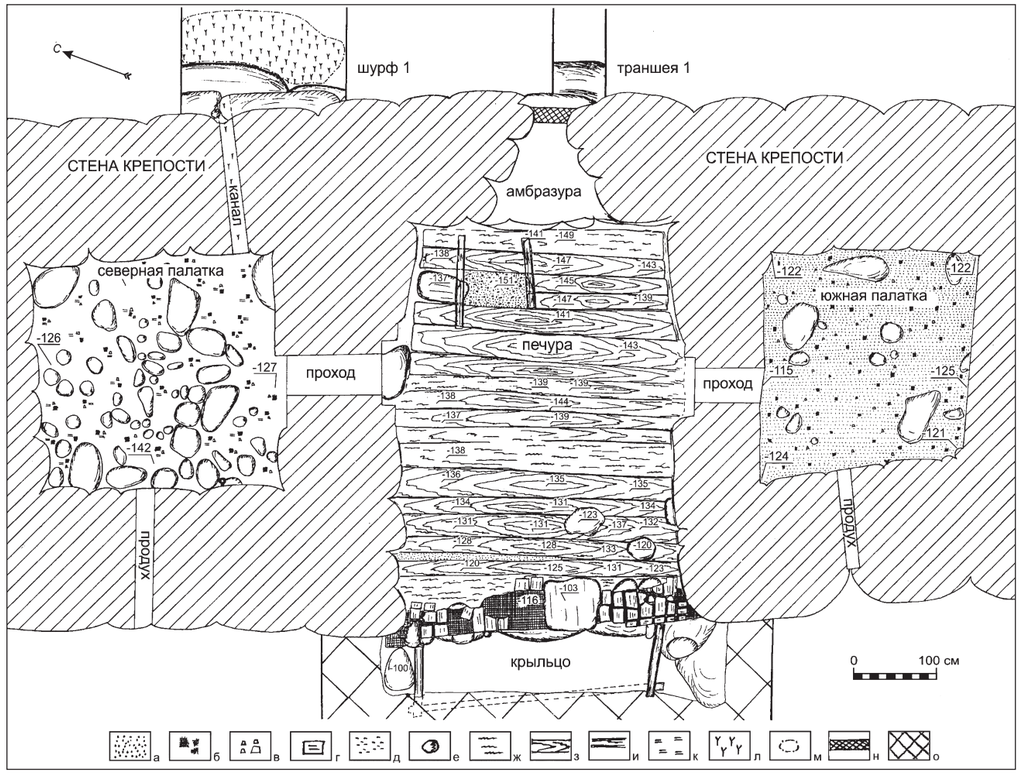

Рис. 6. Головленкова тюрьма Соловецкого монастыря. Архитектурно-археологический план. Раскопки 1997–1999 гг. Условные обозначения: а – песок; б – известь; в – битый кирпич; г – целый большемерный кирпич; д – уголь; е – камень; ж – тлен; з – лага; и – бревно крыльца; к – глина; л – рыбные кости; м – зона скопления рыбных костей; н – заложенная амбразура; о – современный перекоп.

крепились три расколотые пополам бревна. Затем сверху стелились доски, которые прибивались коваными гвоздями. Перед печурой было сделано булыжное мощение[10].

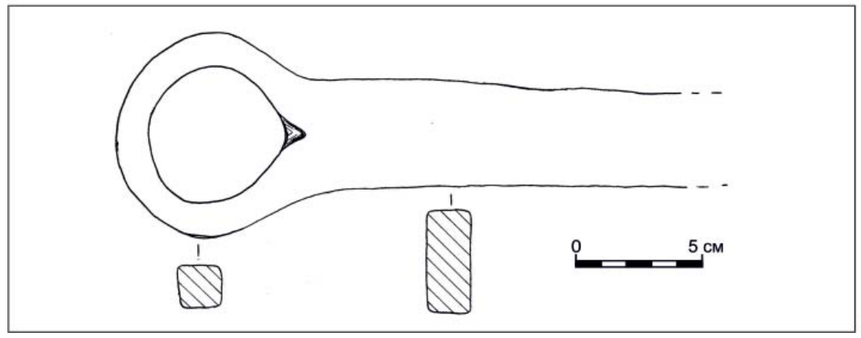
Другой объект, расположенный внутри крепостной стены, в третьей печуре к северу от Архангельской башни, являлся тюрьмой. Она просуществовала полтора столетия и в 1743 г. была упразднена по указу императрицы Елизаветы Петровны. Свое название тюрьма получила по имени первого узника дворянина Ивана Головленкова. Историкам было известно описание Головленковой тюрьмы, состоявшей из двух помещений, примыкавших к печуре. Выдвигались разные версии ее местонахождения. При этом полностью игнорировалась ее привязка на плане соловецких тюрем 1743 г. Выявленный в РГАДА В.В. Скопиным еще один план Головленковой тюрьмы в копии XIX в. (рис. 5) позволил нам окончательно ее локализовать и в 1997–1998 гг. осуществить комплексное историко-археологическое исследование данного памятника, засыпанного землей и полностью забытого. Установлен точный план тюрьмы (рис. 6). Теперь можно побывать во всех трех помещениях тюрьмы, увидеть железную полосу с петлей, к которой в цепях приковывали колодников (рис. 7). Прояснился также ряд важных архитектурных деталей[11].

[10] *Буров В.А.* Платформа под пушку из Соловецкого монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1982. Л.: Наука, 1984. С. 513–515.

[11] *Буров В.А.* Головленкова тюрьма XVI–XVIII вв. Соловецкого монастыря. СПб.: Омега, 2000.

1

2

Рис. 7. Головленкова тюрьма, северная палатка. 1 – западная стена с закрепленной полосой с петлей на конце, предназначенной для крепления цепи колодника. 2 – железная полоса.

Приведенные примеры – свидетельство того, как раскопки и анализ артефактов могут качественно повлиять на восприятие сообщений письменных и графических источников. Они заставляют взглянуть на упоминаемые события предметно, тем самым существенно уточнив и верифицировав (а иногда и полностью изменив) представление о самих событиях, которые, к тому же, благодаря археологии становятся гораздо более наглядными.

Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7

Список литературы:

Буров В.А. Головленкова тюрьма XVI–XVIII вв. Соловецкого монастыря. СПб.: Омега, 2000. 64 с.

Буров В.А. Изразцовое убранство братской кельи № 9 Соловецкого монастыря // Соловецкий сборник. Вып. 13. Архангельск: б. и., 2017. С. 43–64.

Буров В.А. История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск: б. и., 2011. 490 с.

Буров В.А. Итоги археологического исследования в Новобратском корпусе Соловецкого монастыря // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Материалы и исследования / ГИКМЗ «МК». Вып. 17. М., 2003. С. 174–193.

Буров В.А. Настил под пушку конца XVIII в. из Соловецкого монастыря // Российская археология. 2000. № 4. С. 183–193.

Буров В.А. Платформа под пушку из Соловецкого монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1982. Л.: Наука, 1984. С. 513–515.

Буров В.А. Церковь преподобного Германа Соловецкого XIX в.: история и археология // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Вып. 4. Архангельск; М.: ТСМ, 2005. С. 75–91.

Васильев Я.В. Сокращенное историческое описание Соловецкого монастыря. 1790 г. О острове Соловецком с чертежами 1790 г. // ОР РГБ. Ф. 178. Д. 4302.

Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. Ч. 1. М.: Унив. тип, 1836. 446 с.

Досифей, архим. Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. Изд. 3-е. М.: Унив. тип., 1833. 175 с.

Досифей, архим. Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. Изд. 4-е. М.: Тип. скоропечатня В. Кирилова, 1847. 187 с.

Летописец Соловецкого монастыря. М.: В Университетской типографии у В. Окорокова, 1790. 94 с.

Опись Соловецкого монастыря и вотчин его, составленная дьяком Карпом Андреевым по указу Петра I. 1705 г. // ГИКМЗ «МК». Инв. № Рук-1404.

В.А. Буров

XVIII век на Соловках в зеркале археологических источников

Ключевые слова: Соловецкий монастырь, часовня преп. Германа, кельи, мастерские, крепость

Аннотация: Для археолога, имеющего дело с культурными напластованиями XVIII столетия, исторические источники являются путеводной нитью. Симбиоз археологии и истории открывает материализованное видение ушедшей эпохи. Раскопки и анализ артефактов могут качественно повлиять на восприятие сообщений письменных и графических источников. Конкретные примеры – объекты Соловецкого монастыря: часовня преп. Германа 1753 г., котельная мастерская, перестройки келий рубежа XVIII–XIX вв., настилы под пушки и Головленкова тюрьма каменной крепости.

V.A. Burov

The 18th century on Solovki in mirror of archeological sources

Keywords: Solovki monastery, Reverend Herman's chapel, cells, workshops, the fortress

Abstract: An archeologist dealing with occupational layers of the 18th century, historical sources are a guiding thread. The symbiosis of archeology and history opens a materiliazed vision of bygone epoch. Excavation and analysis of artifacts may have a qualitative impact on perception of messages contained in written and graphic sources. Specific examples are objects of Solovki monastery: Reverend Herman chapel built in 1753, cauldron workshop, restructuring of cells at the turn of the 18th and the 19th centuries, decking for guns and Golovlenkova prison of the stone fortress.

А.А. Голубинский

Точность в изображении города XVIII в. на планах Генерального межевания

Первыми российскими массовыми картографическими источниками, в которых прослеживается стремление к возможно более высокой точности передачи пространства на бумаге, стали материалы Генерального межевания, проводившегося с середины XVIII в. Они насчитывают более 600 тыс. планов земельных владений в основном по Европейской территории России.

В историографии, рассматривающей картографию Генерального межевания, уже ставился вопрос об адекватности переноса на бумагу данных о границах земельных дач, а также предпринимались попытки «привязки» планов к современной картографической основе[1]. Изначально природа этих сомнений заключалась в критическом подходе исследователей-практиков межевого процесса конца XIX – начала XX в. к межеванию XVIII в.[2] Одно из господствующих представлений в историографии заключалось в том, что планы Генерального межевания недостоверны из-за недобросовестности землемеров. Опираясь на локальный материал, авторы считали, что «величина ошибок обмера землевладений не зависит от протяженности их границ», они также небезосновательно предполагали, что величина погрешности увеличивалась с удалением от уездного города. При этом изучение специфики городских планов и свойственных им неточностей в сравнении с другими картографическими материалами XVIII в. вообще не проводилось. В настоящей статье делается попытка взглянуть не на величину ошибки, ведь для каждого типа материалов размер погрешности может быть разным (он индивидуален в силу различий подходов землемеров к процессу, процедуры уточнения планов, сложности ландшафта, спешки, превратностей погоды и т.д.), а на природу ошибок при обмерке города вообще. Тем более актуальным это становится в преддверии публикации межевых материалов по российским городам XVIII в. В данном случае речь идет о двух проектах, посвященных истории городской планировки и городской инфраструктуры Европейской части России XVIII в. Они, в свою очередь, позволят оценить, в какой мере исследователь может рассчитывать на те данные, которые предоставляет картографическая информация периода начала Генерального межевания. Один проект связан с электронной публикацией всех городских планов из фонда 1356 РГАДА (порядка 1000 планов по примерно 300 городам в основном Европейской России); другой посвящен реконструкции облика территории современной Москвы по планам XVIII в. – оба проекта из-за пока сравнительно небольшой вовлеченности материалов Генерального межевания в научный оборот могут оказать огромную помощь не только историкам, но и археологам.

[1] Из последних – работы А.А. Фролова, А.В. Гедымина, А.А. Голубинского, А.И. Глухова, В.М. Матасова: *Гедымин А.В.* Опыт использования материалов русского межевания в географических исследованиях для сельскохозяйственных целей // Вопросы географии. Т. 50. М.: Географгиз, 1960. С. 147–171; *Голубинский А.А.* Грамотность крестьянства Европейской России по материалам полевых записок Генерального межевания. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2011. С. 185; *Матасов В.М.* Методические аспекты анализа пространственной структуры угодий Касимовского уезда в конце XVIII в. // Геодезия и картография. 2016. № 3 (март). С. 59–64 и др.

[2] *Герман И.Е.* История русского межевания. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1914. С. 227; *Кавелин С.П.* Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. М.: «Правоведение» И.К. Голубева, 1914. С. 81; О государственном Генеральном межевании в России. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1868; *Рудин С.Д.* Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1915; *Иванов П.И.* Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М.: Тип. С. Селивановского, 1846. С. 69; *Малиновский Ф.Л.* Исторический взгляд на межевание в России до 1765 г. СПб.: Тип. А.А. Сычева, 1844. С. 123.

Рис. 1. Фрагмент плана Москвы 1790 г. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 2475.

Прежде всего, следует учесть, что ответственность землемера за точность плана касалась исключительно описания его границы; помощник землемера, фиксировавший так называемую «внутреннюю ситуацию», за указание тех или иных объектов, их месторасположение на плане ответственности не нес. Более того, пока не обнаружено ни одного описания «внутренней ситуации» на площади, покрываемой планом (тогда как для обозначения границ существовала специальная текстовая форма, называвшаяся «полевой запиской»)[3]. Также сложно представить ситуацию, когда помощник землемера в одиночку в ограниченный период времени сумел бы обойти всю площадь дачи. В значительной мере ему приходилось опираться на показания поверенных и, в редких случаях, понятых, а их познания в области мер длины и расстояний могли быть весьма приблизительными. Причем чем больше была по площади дача, тем ниже вероятность указания достоверных данных. Также землемерная партия была обязана завершить описание в возможно более короткие сроки (при бесспорной ситуации, так называемом «полюбовном разводе», оно продолжалось не менее полугода); спешка также не способствовала аккуратности заполнения бумаг.

Как показали недавно введенные в научный оборот парцеллярные планы по нескольким городам Нижегородской и Костромской губерний, планы городов, как и уездные, составлялись из нескольких (чаще всего описывавших часть города, занятую укреплением, а также церковные земли)[4]. Они обладали всеми свойствами, присущими другим материалам Генерального межевания. При составлении чистовых парадных вариантов, украшенных гербом и другими декоративными элементами, художественное оформление было сложной и самостоятельной частью дела, что иногда мешало завершению работы над планом. Выразилось это в достаточно большом проценте незавершенных документов, но когда эта работа удавалась, на них подчас отражались элементы ландшафтного и культурного своеобразия региона, очень напоминая парадные атласы XVIII и первой половины XIX вв. Однако, как и в случае с уездными планами, землемеры испытывали особые сложности с обобщением информации. Имели место искажения геометрии – сдвиги и повороты – при состыковке меньших фрагментов. Это проявлялось при сопоставлении нескольких изображений одного города (такие фрагментарные планы по г. Балахна стали недавно доступны исследователям онлайн)[5]. Характерной особенностью делопроизводства по городам является значительно более высокая степень контроля за ходом и результатами межевания из-за высокой образованности поверенных от города[6], что также являлось частой причиной незавершенности работ. Исходя из того, что и все остальные документы появились на свет подобным же образом, обсуждаемые в данной статье проблемы становятся общими для всех городских планов; для Москвы же данная ситуация приобретает критический характер, так как в ее случае речь идет об обобщении не десятков, а, можно предположить, сотен документов. Поэтому выявить неточности в передаче информации возможно следующим образом: сопоставив границы и приграничные условные обозначения, переходящие элементы ландшафта и инфраструктуры, сопоставить также и числовые показатели измерения длин и углов (Рис. 1).

Межевые изображения Москвы также известны, однако в силу их частого использования, а также и по причине того, что их хранение было организовано в папках, для помещения в которые документ приходилось многократно сгибать, центральные части документов, как правило, несмотря на попытки реставрации, находятся в очень ветхом состоянии. В частности, самый детальный обобщающий межевой план Москвы 1790 г. дошел до настоящего времени в лохмотьях[7].

Следствием этого стало то, что в ходе подготовки публикации материалов Экономических примечаний и планов городов[8] авторскому коллективу

[3] За исключением абрисов планов, изредка встречающихся в «полевых записках».

[4] РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6901–6915 (города Костромской губернии); 6938–6945 (города Нижегородской губернии).

[5] URL: http://rgada.info/goroda. Дата обращения 15.07.2019.

[6] *Голубинский А.А.* Грамотность крестьянства… С. 111–112.

[7] РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2475.

[8] Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Центральная Россия / Подгот. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Тула: Аквариус, 2016.

пришлось обойти вопрос публикации изображения Москвы времен Генерального межевания, адресовав исследователей к документу 1775 г., однако этот чертеж значительно проигрывает по своей детализации материалам, обнаруженным среди межевых дел РГАДА по другим городам, так как основной массив обобщающих сведений Генерального межевания по городам составляют изображения масштаба 100 саженей в дюйме. Известные же московские планы – 1776 г. («… вокруг города Москвы с лежащими на пять верст дачами») – 1 верста в дюйме. То же самое касается известных чертежей 1739 г. (Ивана Мичурина), 1796 г. (И. Марченкова и Т. Полежаева[9]); «Царствующего города Москвы с показанием лежащих мест на тритцать верст в округе» 1766 г. также принадлежат к изображениям значительно меньшего масштаба.

Таким образом, источник для исследования – картографические материалы Генерального межевания по конкретным земельным дачам, составленные в середине – второй половине XVIII в. Эти планы, предназначенные, главным образом, для того, чтобы прекратить расхищение фондов государственных земель, должны были снять вопрос о земельной собственности[10]. Основной масштаб, использованный в этих документах – 100 саженей на дюйм. На планах отображались расположения населенных пунктов с указанием специфики построения тех или иных зданий, особенности землепользования, будь то пашня, сенокос, лесные угодья, гористая или болотистая местность, фиксировались пути сообщения, водные ресурсы – реки, речки, озера. Для некоторых планов время создания растягивалось на несколько десятилетий в связи со спорами, но, в общем и целом, составить план по одной даче – так назывался обособленный земельный участок середины XVIII в. – можно было за один сезон – в зависимости от погоды с апреля-мая по октябрь для обмера и осенне-зимний период для оформления чистового варианта описания и черчения схемы. По многим московским участкам обмеры к 70-м гг. XVIII в. были полностью завершены (Рис. 2).

Рис. 2. Фрагмент плана Донского монастыря (Генеральное межевание). РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Ед. хр. Д-3 «синее».

Обработка карт осуществлялась с использованием свободно распространяемого программного обеспечения QGIS, а также онлайн-оболочки, созданной в сотрудничестве А.А. Фролова, А.А. Голубинского и С.С. Кутакова с участием компании NextGIS; эта оболочка была использована для публикации чертежей XVI–XVII вв. (http://rgada.info/geos2/)[11]. Ландшафт города очень

[9] План Столичнаго Города Москвы. Гравирован и печатан на иждивении Московскаго купца Тимофея Полежаева, 1796 г. Гравюра на меди, 760×490. В нижней части – указатель нескольких десятков объектов, улиц и площадей, сгруппированных по частям города.

[10] Принцип Генерального межевания заключался в том, чтобы выделить участки с четко выявляемыми границами, включавшими в себя подчас владения нескольких помещиков. Разбор земельных споров между и внутри дач производился за счет самих владельцев, таким образом, предотвращалось возникновение земельных споров с государством и церковью.

[11] В отличие от проекта по чертежам, планы Генерального межевания привязываются по большому количеству точек. Так, план Т-16 «красное» (здесь и далее цвет галки плана – обязательная часть шифра – указывается в среднем роде) привязывался по 15 точкам, из них 5 были со слишком большими отклонениями – видимо, имело место физическое повреждение плана или искажение при соединении немалого (21) количества фрагментов.

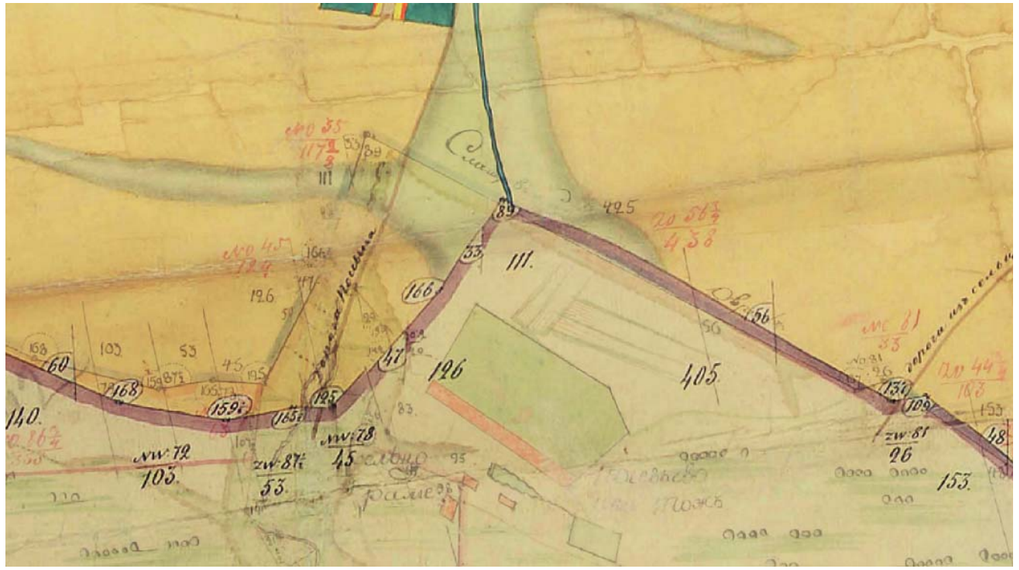

Рис. 3. Нестыковки планов дач Генерального межевания. На данном рисунке в одной системе координат наложены друг на друга два плана дач, исправления обозначены красным.

сильно изменился, многих как рукотворных, так и природных ориентиров, существовавших в XVIII в., уже не существует. В частности, ориентировка на речную сеть, которая служила основой для привязки планов малого масштаба, уже не эффективна; структура населенных пунктов растворилась в современной городской застройке. Таким образом, привязка этих планов может осуществляться только за счет выделения неизменных элементов (главным образом, это сохранившиеся церковные строения) и соотнесения с их границами соседствующих земельных дач. Для юго-западной и западной части Москвы такими ориентирами стали Андреевский, Донской, Данилов и Новодевичий монастыри. В качестве отрицательного примера возможностей локализации приведем речку, протекавшую мимо довольно большого села Семеновского, располагавшегося рядом с современным Московским университетом, Детским музыкальным театром, Большим московским цирком – о ее течении свидетельствует лишь один коллектор, располагающийся на территории Дворца пионеров (ул. Косыгина, д. 17).

Технология межевого процесса, его инструментарий – астролябия и межевая цепь – пусть уже не представляли больших проблем при освоении офицерами, для большинства же населения Российской империи были приборами невиданными[12]. Таким образом, во второй половине XVIII в., когда проводилось Генеральное межевание, даже владельцы не всегда могли проконтролировать точность описания границ. Поэтому для завершения работ над планом данные приходилось подгонять. Следствием были масштабные исправления в полевых записках. На планах подобные ситуации, бывало, отображались следующим образом (Рис. 3).

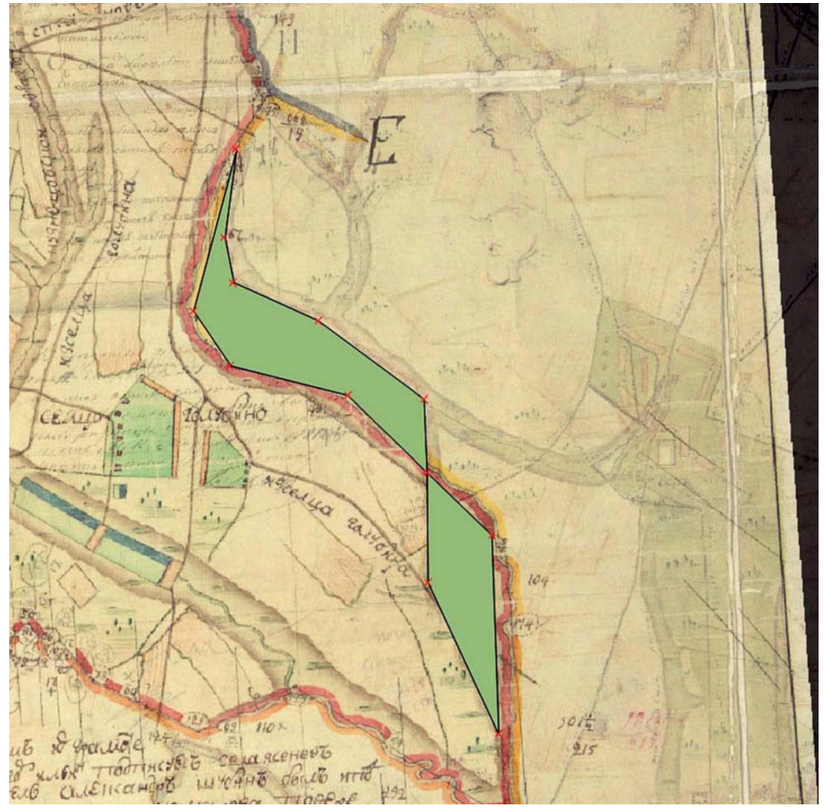
Рассмотрим несколько казусов межевого процесса. Первой категорией ошибок являются недочеты текстовых вставок в планы – неточности в «шапках» и в описаниях смежных земель. Например, при привязке земель села Уского (У-3 «синее»)[13] выяснилось, что оно, по описанию смежных земель (обязательная часть межевого плана), должно граничить с Тропаревым и деревней Брюховой (Т-3 «красное»), на втором же плане упоминания о соседстве с Уским нет.

Для него был выбран метод тонкостенного сплайна. Тем планам, которые можно привязать с определенной уверенностью, подходит трансформация Гельмерта, для остальных же с большей или меньшей вероятностью приходится использовать трансформации тонкостенного сплайна.

[12] См.: *Aleksei Golubinskii*. New Technology and the Mapping of Empire: The Adoption of the Astrolabe // Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850. Cambridge: Open Book Publishers, 2017. P. 69–76.

[13] Здесь и далее, если не указано иное, начало шифра следующее: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256.

Рис. 4. Различие в границах планов Я-2 «синее» и Г-15 «синее» (2 изображения).

Вторая категория ошибок – несовпадение хода межи, как, в частности, около деревни Раменье (от него пошло название района Раменки), когда землемерам пришлось при различных длинах сторон примиряться с искаженными изображениями. Таким образом, в описании земель Генерального межевания, преследовавшего цель охватить всю возможную территорию, появлялись лакуны (Рис. 4).

Несовершенство планов осознавали и сами землемеры – так, на плане Я-2 «синее», созданном землемером Виктором Назимовым в 1766 г., но перечерченным в правление Александра I, есть отметка: «вследствие известия М. Кон. [Межевой конторы. — *А.Г.*] от 12 марта 1881 года за 351 сделана эта надпись о том, что по смежеству от G до H сельцо Голубино [(Г-15 «синее», созданное, кстати, тем же самым землемером Назимовым). – *А.Г.*] выведенные разницы [нестыковки планов. – *А.Г.*] утверждены определением М. К. марта 4 дня 1881 года…». Таким образом, итогом работы по публикации может стать неполное покрытие территории Москвы, так как некоторые планы ветшали, устаревали, заменяясь новыми, в них происходили правки в связи с замеченными ошибками. При этом по соседним территориям предыдущие планы оставались вполне актуальными. Принято обычно считать (см. историографию выше), что граница изображалась довольно точно в случае, если граница – река. В этом случае нужно было через каждые 10 саженей измерять расстояние до ее течения. Так как таких измерений нет, то, очевидно, землемер мог свободно пройти вдоль течения реки. Так, привязка плана В-22 «синее», особенно обширной части северной его границы, столкнулась с существенными проблемами, связанными с ходом Андреевского оврага. Землемеры не смогли, видимо, пройти по меже вдоль оврага, а воспользовались возможностью, прописанной в межевом законодательстве, об обмере русел рек и других естественных препятствий, отступив на отмеренное расстояние от недоступной территории и отметив всё это на плане.

Рис. 5. Планы В-22 «синее» и А-12 «синее».

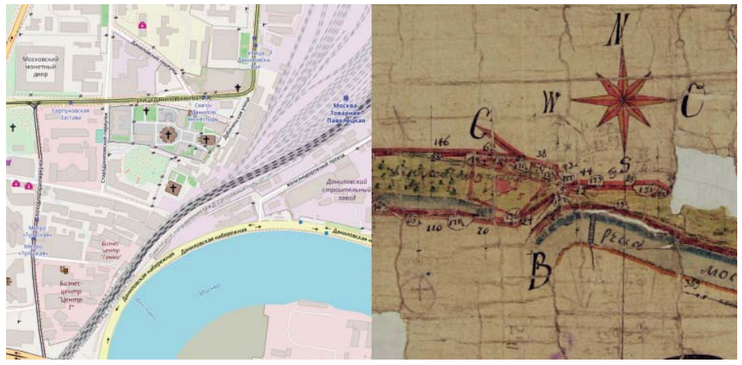

Рис. 6. План Д-3 «синее» и современная карта.

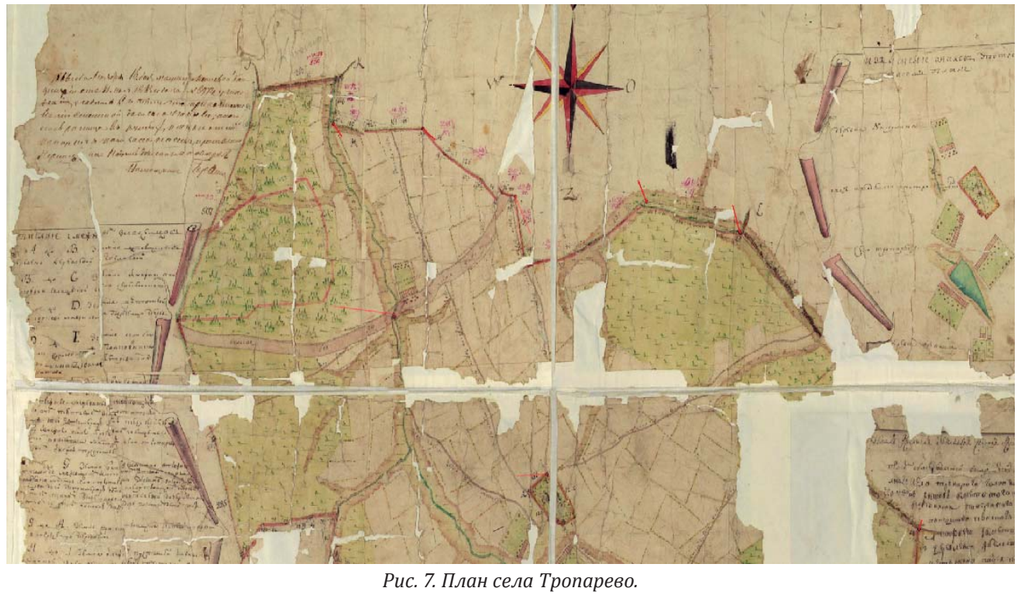

Рис. 7. План села Тропарево.

Однако это не могло не повлечь за собой увеличение искажений на данных участках соседних карт (с А-12 «синее»). Обращает на себя внимание, что в некоторых местах обмеры не согласуются (Рис. 5).

Так, план села Воробьева (В-1 «синее») имел несколько ориентиров, из которых некоторые проходили по границе В-20 «синее», но более всего землемерам приходилось полагаться на берег реки Москвы на западной части плана, хотя ширина реки на плане и на современной картографической основе не совпадают. В таких случаях землемеры активно использовали и другие ориентиры, в частности, монастырские постройки. Отметим, что здания монастыря не всегда являлись точными направляющими для привязки. Яркий пример этому - чертеж Данилова монастыря (план Д-3 «синее») (Рис. 6).

Известно, что западная часть ограды монастыря перестраивалась, однако на межевом плане форма стены представлена весьма упрощенно, стены спрямлены, землемеры отобразили ее схематично; расстояние от зданий монастыря до Москвы-реки существенно различается, даже при учете возможной русловой эрозии (Рис. 7)[14].

Бывали и случаи, когда приходилось сомневаться в качестве соотнесения межевого плана с современной топографией. Так, тяжело привязывался план Тропарева (Т-3 «красное») и соседних деревень. Периферийные части плана, особенно обращенные на юго-восток, страдают от серьезных искажений при передаче внутренней ситуации. Сильно пострадавший от использования, «посаженный» на современную основу в виде плотной бумаги, он частично утратил корректность отображения информации.

Следующим типом неточностей стал брак в отображении условно корректных цифровых значений сторон и углов в графической форме. В качестве ориентиров для привязки плана Б-4 «синее» (Борисовское, Зюзино тож) использовались границы плана села Семеновского в западной его части. Соотнесение хода межи показало, что в разных планах по цифровым показателям он мог совпадать, но при этом отображение межи очень существенно различалось. Несколько поворотных пунктов соотносились практически идеально, затем следовало значительное отклонение. Необходимо принять

[14] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. Т-3 «красное».

Рис. 8. Привязка В-4 «синее».

во внимание, что в данных местах не было физических искажений плана, связанных, например, с износом или реставрацией носителя[15].

Другой пример – «внутренняя ситуация» плана В-4 «синее» (Воронцовские пруды) также, как представляется, зафиксирована не лучшим образом: если отталкиваться от межи, она сделана корректно, если же принимать во внимание описание территории внутри границ, разночтение весьма значительно (Рис. 8).

Отметим, что в целом, для всего города Москвы, структура природных ориентиров, которую было принято отображать на планах Генерального межевания, в значительной степени изменилась, например, овраги, при соотнесении с картой Шуберта 1860 г.,[16] часто оказывались другой конфигурации. Структура расселения села Зюзино (план З-8 «синее») с карты Шуберта едва угадывалась, однако удалось соотнести соединение дорог из села Зюзина в деревню Чертаново и в село Ясенево с более поздним изображением. Таким образом, привязка центральной и восточной частей плана была

[15] Соединение плана из нескольких частей было проведено корректно и не потребовало ручной обработки; точность привязки, вызвавшей некоторые сложности, тем не менее, доказательна – в правильности привязки северо-западной части плана нас убеждает конфигурация оврагов на территории Московского городского дворца творчества детей и юношества (Дворца пионеров), сохранившаяся до настоящего времени.

[16] Для определения координат использовался сервис etomesto.ru. Определить соответствие участка плана Генерального межевания шубертовской карте было весьма непросто – конфигурация многих населенных пунктов изменилась, гидрологические объекты поменяли свое местоположение, дороги были перенесены на другие места.

Рис. 9. Планы И-3 «синее».

бы существенно затруднена, если бы не возможность соотнесения с более поздними картами меньшего масштаба (Рис. 9).

При определении местоположения плана И-3 «синее» (Изютино) принималось во внимание, что, хотя очень сильно изменилось устройство самого населенного пункта, расстояние до большой серпуховской дороги представлялось неизменным. Однако выяснилось, что в процессе подготовки плана землемеры допустили ошибку, и границы не состыковались – у углов и линий сторон значения частично не совпали, имелись дополнительные повороты и изгибы межи. Удивительно, что при этом землемеры не пользовались результатами межевания соседних участков. Приведенное несоответствие не являлось следствием механической ошибки при переписывании, так как на обоих планах достигалась точность до половины градуса, и эти доли градуса в разных случаях указаны. Неувязки в некоторых случаях достигали 18 градусов, причем визуально участки планов совершенно не различаются (Рис. 10).

Обращает на себя внимание и то, что на планах по разные стороны от поворотного пункта обозначены места расположения ямы с камнями или межевого столба. Возможно, это свидетельствует о небрежности в фиксации подобных объектов, возможно – в их отсутствии как таковых[17].

Таким образом, поселенческая структура, дорожная система, хотя и могут оставаться ориентирами для определения местоположения тех или иных населенных пунктов, но весьма

[17] Характерно отображение ям и столбов на плане В-8 «красное» (Владычное), не совпадающее по местоположению ям со смежным ему К-13 «синее».

Рис. 10. Фрагменты Н-2 «синее» и И-3 «синее» (2 изображения).

приблизительными. По планам Генерального межевания также видна и трансформация топонимов – например, Ачаково -> Очаково (на плане Т-16 «красное», созданном в правление Николая II и ставшего воспроизведением более раннего плана 1766 г.). При создании территории уезда и в процессе переименования населенных пунктов во времена Екатерины II, правительство пыталось решить также и задачу по разделению совпадающих топонимов, однако даже в рамках Московского уезда это не удалось[18]. Так, привязка территории Знаменского существенно осложнилась тем, что рядом были два Знаменских – собственно Знаменское и Знаменское, Аксиньино тож. Отметим, что по результатам привязки, существовавший с 1706 г. храм иконы Божией Матери «Знамение» оказался посередине плотины пруда, что еще раз свидетельствует о качестве описания внутренней территории дачи: погрешность составила около 150 метров. При этом боковая сторона плана может быть привязана достаточно точно – по течению реки Химки.

Ошибок не удалось полностью избежать и при систематизации планов в ходе составлении описи – при создании научно-справочного аппарата картографических материалов уникальный случай произошел с планом Бибирева: в нем перепутаны цвета галки (обязательной части архивного шифра) в описи – вместо Б-7 «синей» стоит «красная». Поскольку дела часто использовались, обычно в них ошибки такого рода не встречались. Другой казус при систематизации произошел с планом В-5 «синее». На нем основным (дачеобразующим) в шапке назван населенный пункт «Давытково», тогда как в деле шифр помещен в литеру «В» (село Волынское).

При создании в 1834 г. копий с плана села Растокина при описании смежных земель переписывавший ошибся, дважды упомянув в списке смежных земель Медведково (Р-1 «красное»). На плане Г-3 «красное» неверно указаны смежные земли – вместо земли «предписанного дворцового села Измайлова…» должно быть Черкизово. В силу гибели исходного экземпляра, на основе текстовых материалов он был воссоздан, однако не безупречно[19]. К сожалению, некоторым планам повезло и того меньше – для них в дореволюционное время не было сделано копий. Так, в ужасающем состоянии находится сейчас план с. Коломенского (К-7 «красное»), большая часть графической информации которого утеряна безвозвратно.

[18] См.: *Голубинский А.А.* Грамотность крестьянства … С. 125–127.

[19] «По определению Межевой канцелярии, учиненного 1790го года октября 3 дня сия копия с оригиналом причинена вместо разных сличение от гнилости истреблявшаго в канцелярском чертежном архиве орегиналнаго плана». РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Ч. 1. Ед. хр. Г-3 «красное».

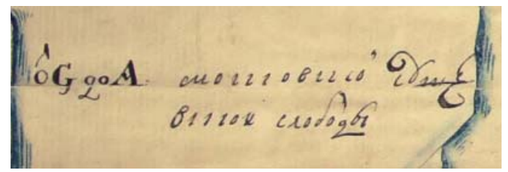

Рис. 11. Фрагмент Б-1 «синее».

Существенная сложность также заключается и в том, что некоторые территории центральной части города, которые, видимо, первоначально межевались как самостоятельные дачи, вошли в состав города и были изъяты из состава межевых планов. Они не были включены в созданные в середине XIX в. описи и указатели. Но при этом ссылки на них на самих межевых планах остались. Только таким образом мы узнаем о существовании плана Московской Ямской слободы или Сущевской слободы (На плане Б-1 «синяя» Бутырской солдатской слободы) (Рис. 11).

Подводя итог исследованию казусов московских планов Генерального межевания, заметим, что, несмотря на обнаруженные неточности, городские планы и планы Генерального межевания вообще, если абстрагироваться от большей или меньшей приблизительности при отображении внутренней ситуации дачи, на удивление точны, так как при подробном изучении порядка 135 изображений земельных дач (включенных в состав проекта по реконструкции облика территории современной Москвы), существенные нарекания вызывают лишь около 25.

Общее наблюдение заключается в том, что для более поздних копий, видимо, характерна более качественная отрисовка самих планов – на них имеется значительно меньше графических несовпадений.

Итак, источниками искажений на планах являются:

1) различный подход землемеров к созданию картографических материалов. В середине XVIII еще не сложилась единая практика описания границ, проходящих по гидрологическим объектам, не была создана система проверки полученных при первичном описании земель данных. При этом сложности в составлении обобщающих уездных и губернских планов не приводили к переделке исходных межевых материалов, корректура планов начала массово проводиться только в середине XIX в.;

2) вопросы сохранности оригиналов. При реставрации планов, относившихся к XVIII в., оригинал разделялся на несколько частей и прикреплялся к отдельным сгибам основы. Таким образом достигалась его наилучшая сохранность, однако со временем сама основа подвергалась деформации,

особенно это характерно для крупных планов. Природа этой деформации подчас заключалась в формировании новых линий сгибов. Бумага разного времени также вела себя по-разному – в пересушенном воздухе хранилища (влажность иногда опускалась ниже 20%) бумага позднейшего времени становилась очень плотной и неразгибаемой – в отличие от основы XVIII в., – что делает корректное считывание информации планов затруднительным.

Опыт обобщения групп планов можно проследить на основе материалов уездных и губернских карт и атласов, которые появлялись в ходе межевания. При этом генерализация данных происходила не всегда удачно[20], границы земельных дач приобретали разительно отличавшуюся от исходных изображений форму; также, естественно, сильно теряя в информативности. Тем не менее, несмотря на перечисленные особенности, заставляющие подвергать документы Генерального межевания критике, они представляют собой свидетельство настоящего подвига со стороны государства, сумевшего в обозримые сроки (примерно за 45 лет была обмежевана практически вся Европейская часть России) создать полноценный кадастр, ставший на более чем 150 лет основой для всех земельных дел в нашей стране и в настоящее время являющийся непревзойденным справочником для изучения локальной, в том числе и городской, истории.

[20] См., например, From survey plans to land cover maps: Data generalization in the cartographic materials of the general land survey in Russia (1765–1800) / A.A. Golubinsky, I.O. Alyabina, O.V. Shalashova, D.A. Khitrov // 26 International Cartographic Conference. Dresden. Germany, August 25–30, 2013. Proceedings. Dresden. Germany. Edited by Manfred F. Buchroithner representing an editorial group of Buchroithner, Manfred F.; Prechtel, Nikolas; Burghardt, Dirk; Pippig, Karsten; Schröter, Benjamin on behalf of the International Cartographic Association. 2013. P. 1–7.

Список литературы

Гедымин А.В. Опыт использования материалов русского межевания в географических исследованиях для сельскохозяйственных целей // Вопросы географии. Т. 50. М.: Географгиз, 1960. С. 147–171.

Герман И.Е. История русского межевания. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1914. 291 с.

Голубинский А.А. Грамотность крестьянства Европейской России по материалам полевых записок Генерального межевания. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2011. Рукопись.

Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Центральная Россия / Подг. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Тула: Аквариус, 2016. 760 с.

Иванов П.И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М.: Тип. С. Селивановского, 1846. 151 с.

Кавелин С.П. Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. М.: «Правоведение» И.К. Голубева, 1914. 348 с.

Малиновский Ф.Л. Исторический взгляд на межевание в России до 1765 г. СПб.: Тип. А.А. Сычева, 1844. 157 с.

Матасов В.М. Методические аспекты анализа пространственной структуры угодий Касимовского уезда в конце XVIII в. // Геодезия и картография. 2016. № 3. С. 59–64.

О государственном Генеральном межевании в России. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1868. 28 с.

План Столичнаго Города Москвы. Гравирован и печатан на иждивении Московскаго купца Тимофея Полежаева, 1796 г. Гравюра на меди, 760 × 490.

Рудин С.Д. Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1915. 547 с.

Golubinskii A. New Technology and the Mapping of Empire: The Adoption of the Astrolabe // Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850. Cambridge: Open Book Publishers, 2017. P. 69–76.

From survey plans to land cover maps: Data generalization in the cartographic materials of the general land survey in Russia (1765–1800) / A.A. Golubinsky, I.O. Alyabina, O.V. Shalashova, D.A. Khitrov // 26 International Cartographic Conference. Dresden. Germany, August 25–30, 2013. Proceedings. Dresden: Edited by Manfred F. Buchroithner representing an editorial group of Buchroithner, Manfred F.; Prechtel, Nikolas; Burghardt, Dirk; Pippig, Karsten; Schröter, Benjamin on behalf of the International Cartographic Association, 2013. P. 1–7.

URL: http://rgada.info/goroda. Дата обращения 15.07.2019.

А.А. Голубинский
Точность в изображении города XVIII в. на планах Генерального межевания

Ключевые слова: Генеральное межевание, планы городов, планы Москвы XVIII в., точность, источниковедение

Аннотация: В статье рассматривается история появления планов городов, начерченных в период Генерального межевания, описывается методика привязки планов провинциальных городов и Москвы, разбираются факторы, влиявшие на точность планов – удаленность от уездого центра, размер земельной дачи, извилистость границ, близость к естественным преградам (рекам и болотам), рассматривается соответствие описания границ близлежащих дач, приводятся примеры некорректной фиксации названий населенных пунктов. Разбирается также вопрос корректности расположения на плане тех или иных объектов.

A.A. Golubinskiy
Accuracy of the City Plans of the 18th century of the General Land Survey

Keywords: General Land Survey, city plans, plans of Moscow of the 18th century, accuracy, source study

Abstract: The article discusses the history of the appearance of city plans drawn during the General Land Survey, describes the method of linking the plans of provincial cities and Moscow, analyzes the factors that affect the accuracy of the plans - the distance from the county center, the size of the land, the tortuosity of the borders, proximity to natural barriers (rivers and swamps), the correspondence of the description of the borders of nearby cottages is considered, examples of incorrect fixation of the names of settlements are given. The issue of the correctness of the location on the plan of certain objects is also examined.

А.Н. Гуслистова

Территория крепости Вологды в XVII–XVIII вв. по результатам историко-археологических исследований

Археологические раскопки, проходящие на территории исторических городов, значительно расширяют источниковую базу при изучении периода XV–XVII вв., по которому письменные свидетельства о жизни горожан далеки от исчерпывающей полноты. Вместе с тем, полученные в результате раскопок материалы требуется сопоставить со сведениями имеющихся в наличии письменных источников. Для Вологды характерны как значительный объем сохранившихся источников XVII в. (кроме кадастров это сотни актов, касающихся быта и экономической деятельности горожан), так и множество археологических исследований в исторической части города. Это позволяет вполне подробно изучить топографию отдельных районов и связать археологические комплексы с объектами и людьми, упоминаемыми в письменных источниках.

Территория в центральной части Вологды, археологическое изучение которой наиболее интенсивно проводилось в последние полтора десятилетия, во второй половине XVI – XVII вв. располагалась в границах крепости, построенной в правление Ивана Грозного. На протяжении XVII–XVIII вв. эта крепость постепенно разрушалась и в начале XIX в. ее последние остатки были уничтожены в ходе «благоустройства» центральной части города. Тем не менее, планировка улиц на протяжении XVIII в., судя по всему, сохраняла сложившиеся в предыдущее время очертания. В правление Екатерины II для Вологды был утвержден Генеральный план, в соответствии с которым значительно изменялась планировка города, поскольку новые трассы улиц были проложены с игнорированием сложившейся топографии. В результате реализации этого Генерального плана уже к середине XIX в. старая топография города практически не читалась и для привязки к местности сведений источников XVII в. стали требоваться дополнительные изыскания.

О существовании остатков крепости грозненского времени еще в 1782 г. писал А.А. Засецкий, называвший ее замком[1]. Н.И. Суворов, в 1861 г. подробно проанализировав переписную книгу 1711–1712 гг., предложил для удобства повествования условно разделить территорию Вологды в XVII – начале XVIII в. на четыре района: собственно Город (крепость), Верхний и Нижний посады и Заречье[2]. Он же первым попытался описать расположение улиц внутри крепости, сравнивая их с современной ему планировкой, что вызвало некоторые затруднения. Неизвестными остались для него расположение Никольских каменных ворот, происхождение названия Соловецкой улицы. Также сомнительной представляется его версия расположения Преображенской улицы «от ц. Николая на Извести до ц. Благовещения», тогда как церковь Преображения (по которой, несомненно, получила названия и улица) находилась совсем в другом месте; не совсем ясно месторасположение Пятницкого и Благовещенского мостов. Несмотря ни на что, это была первая попытка реконструировать топографию территории внутри крепости на начало XVIII в.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-49-350008 «Вологда в период Позднего Средневековья: междисциплинарные исследования по материалам раскопок влажного культурного слоя в границах крепости XVI в.»).

[1] *Засецкий А.А.* Историческия и топографическия известия о городе Вологде. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1782. С. 57. «Город сей… имеяся селениями на обеих сторонах реки Вологды, и оныя по течению на правой стороне и по большим развалинам и воротам видимо бывшей каменной замок».

[2] *Суворов Н.И.* Вологда в начале XVIII века // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 год. Вологда: 1861. С. 10 (третьего счета).

В 1885 г. А.Е. Мерцалов описал Вологду по сведениям писцовой книги 1627 г. (наиболее ранней сохранившейся подробной переписи зданий города), перечислив улицы и количество дворов, в том числе на территории крепости, сосчитал и прокомментировал количество лавок, указал социальный состав их владельцев[3].

В XX в. интерес историков сосредоточился на изучении строительства самого фортификационного сооружения. На основе детального описания крепости в переписной книге 1657 г. Н.В. Фалиным в 1924 г. была предпринята первая попытка восстановления плана вологодских крепостных стен в том виде, в каком они существовали в 50-х г. XVII в. Детальную реконструкцию сетки улиц внутри крепости, в отличие от Н.И. Суворова, он делать не стал, но вполне четко и ясно обозначил, где, по его мнению, располагались основные административные здания, храмы, Гостиный двор и торговые ряды[4].

В 1947 г. краеведом В.И. Соколовым и художником А.К. Ведровым был нарисован «Перспективный план Вологды XVII в.», в котором художественных достоинств, несомненно, оказалось больше, чем исторической достоверности[5]. В 1958 г. М.В. Фехнер, повторяя уже известные сведения, описывающие Вологду по писцовой книге 1627 г., подробно осветила историю проведения первой геодезической съемки города и появления первого и самого раннего плана существующей на 1780 г. застройки[6].

В новейшей историографии истории археологических исследований внутри крепости посвящены две книги. В «Очерках вологодской археологии» подробно изложены научные результаты полномасштабных раскопок 2007–2011 гг. в районе Кремлевской и Торговой площадей, описаны найденные усадьбы и обширные вещевые комплексы (керамика, кожаная обувь, предметы быта, промыслов и ремесел)[7]. В монографии И.П. Кукушкина рассматриваются проблемы археологических исследований средневековой Вологды, в ней проведена реконструкция архитектурного облика вологодской крепости после ее ремонта в 1630-х гг.[8]

Изначально заселение и застройка Вологды происходили в тесной взаимосвязи с ландшафтно-топографической ситуацией – наиболее древние постройки были найдены на возвышенном участке правого берега р. Вологды при впадении в нее ручья Хрулева. Вологодское городище XIII–XIV вв., или Город (по терминологии летописей) было укрепленным поселением. Впервые в явном виде Город упоминается в жалованной грамоте 1467 г. князя Андрея Васильевича Меньшого на двор Кирилло-Белозерского монастыря: «что купили собе двор в Городе на Вологде»[9]. Тот факт, что в данном случае речь идет не о городе в широком смысле, а об его укрепленной части, подтверждает другая грамота этого же князя от 1471 г., согласно которой этот двор локализуется «на Вологде внутру Города»[10]. В двухсоставном виде (Город и посад) Вологда впервые упоминается в летописном известии о смерти князя Андрея Васильевича Меньшого. В Вологодско-Пермской летописи сообщается, что «град Вологда по смерти его в десятыи день загореся в неделю и згоре весь. Посад же не згоре божиим заступлением»[11]. Эти две части Вологды названы и в летописном известии о передаче располагавшихся в ней церквей в состав Пермской епархии в 1492 г. В соответствии с решением церковного собора, митрополит и новгородский архиепископ передали Пермской епископии свои церкви в Вологде «в городе и на посаде»[12]. В следующем году пермский владыка Филофей заложил «в своем монастыре на Вологде в слободке» церковь Вознесения[13]. Таким образом, уже с XV в. в Вологде присутствуют все крупные элементы городской топографии: крепость, посад, слобода, монастырь, храмы.

Вологодская крепость встречается в письменных источниках и позднее. В дополнительных записях, входящих в состав Спасо-Прилуцкого вида «Летописца от 72-х язык», сообщается, что 12 мая 1525 г. «погоре град Вологда и посад погоре мало

[3] *Мерцалов А.Е.* Очерк г. Вологды по писцовой книге 1627 г. Вологда: Тип. Волог. Губ. правления, 1885.

[4] *Фалин Н.В.* Вологодская крепость в XVII в. // Север. 1924. № 1 (5). С. 7–32; *Фалин Н.В.* Топографическое описание города Вологды в XVII в. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 652. Д. 41.

[5] Рисунок хранится в фондах Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

[6] После пожара 1773 г. местными землемерами впервые была произведена геодезическая съемка города. «План прожектированныи губернскому городу Вологде», который составлялся на месте, был наложен на снятый с натуры план города. На нем показана существовавшая застройка, границы отдельных владений, особо выделены все церкви, а также малочисленные каменные здания, которые было необходимо включить в новую планировку (см.: *Фехнер М.В.* Вологда. М.: Госстройиздат, 1958. С. 15).

[7] В глубину веков: очерки вологодской археологии / Л.С. Андрианова, М.Г. Васенина, Н.Б. Васильева и др. Вологда: Древности Севера, 2016. С. 83–91.

[8] *Кукушкин И.П.* Вологодская крепость. Вологда: Древности Севера, 2018.

[9] АСЭИ. Т. 2. М.: Издательство Академии наук, 1958. № 180. С. 113.

[10] Там же. № 195. С. 126.

[11] ПСРЛ. Т. 26. М.; Л.: Издательство Академии наук, 1959. С. 274.

[12] «…дал ему митрополит Зосима из своея митрополии на Вологде в городе и на посаде все свои церкви, а Генадеи, архиепископ Ноугородцкии, из своея архиепископьи дал ему тако же все свои церкви на Вологде же, в городе и на посаде, к Пермьскои епископьи впрок неподвижно со всеми церковными пошлинами» (ПСРЛ. Т. 26. С. 288).

[13] Там же. С. 288.

не весь»[14]. В следующем году, по замечанию того же летописца, «град на Вологде ставили»[15]. Упоминается крепость на Вологде и в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна[16]. Располагалась эта крепость в районе, в XVII в. носившем название Ленивая площадь (позднее Ленивая площадка). Археологические раскопки позволили уточнить границы крепости и выявить относящиеся к ней ров и вал[17]. По свидетельству Петра Петрея, деревянная крепость была срыта в 1566 г. перед началом строительства каменной[18].

История строительства новой крепости во второй половине XVI в. (по указанию Ивана IV) и этапы ее восстановления и реконструкции в XVII в. описаны достаточно подробно[19]. Она была сооружена ниже по течению р. Вологды на относительно ровном и частично заболоченном участке. Всего было возведено 11 каменных башен – 9 по юго-восточной стене (вдоль р. Золотухи) и 2 по северо-западной. Две другие стены с башнями были деревянными и даже, по некоторым сведениям, частично недостроенными. Изначально крепость сооружалась с учетом новейших фортификационных достижений, поэтому каменные башни были поставлены на равном расстоянии друг от друга, однако строительство растянулось на десятилетие, поэтому конфигурация остальных трех деревянных стен и башен уже не была геометрически четкой, и скорее следовала особенностям рельефа.

Сведения о заселении участка на момент постройки крепости дают результаты археологических исследований. Наиболее значимые по объему и научной ценности материалы получены в 2007–2008, 2011, 2020 гг. в ходе раскопок на Кремлевской и Торговой площадях в северной части крепости (работы Л.С. Андриановой, Н.Б. Васильевой, И.Ф. Никитинского, А.Ю. Кашинцева). Общая исследованная площадь составила 1360 м^2. Мощность антропогенных отложений на разных участках достигала от 4,0 до 4,6 м, а хронологический диапазон культурного слоя определен XIV–XX вв. Значительная толщина культурного слоя объясняется топографическими особенностями местности (низинный заболоченный участок с прудами, оставшимися от верховых болот), вследствие чего происходило быстрое накопление влажного культурного слоя, благодаря которому хорошо сохранились изделия из органических материалов, остатки жилых и хозяйственных построек, мостовые, частоколы. Хорошая сохранность древесины позволила взять для дендрохронологического анализа большое число образцов. В общей сложности исследованию подверглись 99 образцов, которые позволили построить непрерывную дендрохронологическую шкалу с 1374 по 1899 г.[20]

Первоначальное освоение территории, подвергшейся археологическому изучению, происходило уже в XIV в. – на материке были обнаружены пахотные борозды и найдены свидетельства рыболовства. Культурный слой, датированный концом XIV – началом XV вв. был выявлен в раскопе на Торговой площади 15 в 120 м от берега р. Вологды. В это время здесь уже существовала городская усадьба, включавшая в себя жилую избу, пару хозяйственных построек, замощенный бревнами двор. Чуть дальше от реки мощность культурного слоя возрастает. Освоение данного участка пришлось на вторую половину XV в. – в раскопе на Кремлевской площади, 8 были найдены следы сооружения сложной дренажной системы (канавы были закрыты бревнами, переложены в 2–3 слоя ветвями елей и засыпаны землей).

Еще чуть дальше от берега в трех смежных раскопах на просп. Победы, 20 были найдены следы пяти дворов-усадеб конца XV в. шириной от 7 до 11 м. Учитывая плотность их постройки, можно предположить, что, по крайней мере, вся северная часть крепости, располагавшаяся поблизости от реки, интенсивно осваивалась в течение всего XVI в. Писцовая книга 1627 г. сообщает, что одновременно с крепостными стенами было начато возведение нескольких каменных построек – Софийского собора, церкви Благовещения и двух каменных палат для хранения царской казны. Часть сооружений, мешающих строительству крепости, пришлось перенести. Археологические данные подтверждают свидетельства письменных источников – остатки найденных дворов были покрыты тонкой прослойкой известняка, завезенного для строительства башен и Софийского собора.

В это же время в крепости возводится царский дворец – резиденция Ивана Грозного на время его пребывания в Вологде. Его точное местоположение в источниках не указано, однако известно, что в 1568 г. на царском дворе началось строительство церкви Рождества Христова, а напротив нее каменной палаты. Рождественская церковь до настоящего времени не сохранилась, однако,

[14] ПСРЛ. Т. 28. М.; Л.: Издательство Академии наук, 1963. С. 161.

[15] Там же. В Холмогорской летописи говорится о том, что «град Вологду срубили» (ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 136).

[16] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 359, 361.

[17] *Кукушкин И.П.* Вологодская крепость… С. 22–25.

[18] *Масса И.* О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса, Петр Петрей; [пер. с гол. А.А. Морозова, пер. с нем. А.Н. Шемякина]. М.: Фонд Сергея Дубова, Рита-принт, 1997. С. 184.

[19] *Кукушкин И.П.* Вологодская крепость… С. 43–91.

[20] *Жаворонков Ю.М.* Дендрохронологическая датировка образцов древесины, обнаруженных при археологических раскопках в 2011 году в центральной части города Вологды (в границах крепости XVI века) // «Homo Eurasicus»: в системах социальных и культурных коммуникаций: СПб.: Л-Принт, 2020. С. 83–91.

ее расположение можно локализовать поблизости от Рождественской башни вологодской крепости. В нескольких десятках метров от этого места располагается существующая ныне церковь Покрова Богородицы, которая, по писцовой книге 1627 г., находилась «на старом на государеве дворе»[21]. Таким образом, царская резиденция занимала значительную территорию в районе крепостной стены на берегу реки Вологды, на месте современного здания по ул. Орлова, 6 и дороги рядом с ним. Где находились другие административные учреждения в XVI–XVII вв. определить пока затруднительно. По описанию писцовой книги 1627 г., таможенная, земская, воеводская, дьячая и губная избы, тюрьмы и государственные амбары, а также Гостиный двор и торговые ряды находятся внутри крепости между Пятницкой и Благовещенской башнями. Однако по той же книге известно, что Гостиный двор и торговые ряды до вологодского разорения 1612 г. находились за крепостью на посаде, ниже по течению р. Вологды и только потом были перенесены в Город. Не исключено, что часть административных учреждений во второй половине XVI в. тоже находилась за пределами крепости.

Особенно активно территория крепости застраивается в XVII в. В раскопах было обнаружено несколько срубных построек как небольших размеров, так и более крупных, таких как сруб № 4 на Кремлевской пл., 8А, где сохранился бревенчатый накат под печь и остатки самой кирпичной печи. Примерно в середине XVII в. сруб был перестроен. Новое сооружение, окруженное массивным забором-заплотом, представляло собой крупную трехкамерную постройку – связь «изба – сени – изба», состоящую из двух домов: переднего («летнего») дома, выходившего окнами на улицу, и небольшого заднего дома с печью («зимовка»). Между собой дома были соединены настилом-«мостом». Помимо жилого дома внутри усадьбы располагались две хозяйственные постройки, мостки и три врытые в землю бочки, одна из которых являлась колодцем оригинальной конструкции. За пределами усадьбы располагался край мостовой, ведущей к церкви Покрова на Торгу. Вероятно, дом просуществовал до пожара второй половины XVIII в., а затем был отстроен заново ближе к Кремлевской площади, в соответствии с «красной линией», установленной при Екатерине II. Остатки сгоревшего дома были заложены елочными гатями и засыпаны землей. Несколько деревянных сооружений XVII в. (мостовая, остатки срубов с вымостками) обнаружены в раскопе на Торговой площади, 15. С XVIII в. связаны две довольно крупные деревянные постройки (раскопы на просп. Победы, 20) и мощный каменный фундамент, найденный в раскопе на Торговой пл., 15.

Таким образом, археологическое изучение пространственной организации объектов внутри крепости выявило несколько важных элементов городской инфраструктуры – городские усадьбы XV–XVII вв. и несколько деревянных мостовых. Для того, чтобы соотнести данные археологии с письменными источниками нужно прежде всего сопоставить разновременные и разнохарактерные источники между собой, последовательно восстанавливая историческую топонимию в границах крепости XVI в. в разные хронологические отрезки. Имея данные о конкретных результатах раскопок с одной стороны, и зная названия улиц и примерное местонахождение дворов с другой, мы можем реконструировать имена и социальный статус домовладельцев, чьи дворы-усадьбы были открыты в ходе раскопок.

К сожалению, писцы не придерживались единых правил при фиксации вологодской городской топографии. По разным писцовым и переписным книгам одна и та же улица могла иметь разное количество дворов (например, на Покровской улице в разное время числилось от 13 до 25 дворов, в Пятницкой со всеми переулками от 67 до 200). Очевидно, что здесь речь идет не о физическом исчезновении дворов, а о разных методах идентификации улиц как писцами, так и самими горожанами. В результате такой «подвижности» городской топографии один и тот же двор мог быть отнесен к разным улицам. Например, осадный двор семьи купцов суконной и гостиной сотни Белавинских в 1627 г. располагался на Большой улице, в 1646 г. на Покровской, в 1678 гг. – на Большой Мостовой, в 1711 г. – на Мостовой улице[22].

Наиболее надежным топографическим ориентиром для реконструкции сетки улиц могут служить храмы, часть которых была построена в первой половине XVI в., а может быть и в конце XV в., но в любом случае до сооружения грозненской крепости[23]. Именно по церквям, а в некоторых случаях и улицам, на которых они стояли, были названы крепостные башни. Хотя названия некоторых башен не были постоянными (по трем кадастрам 1627, 1657, 1685 гг. три каменные проезжие башни в юго-восточной стене крепостной носили разные наименования), однако описания улиц ориентировались, прежде всего, на них.

В первую очередь, внутри крепости можно отметить основные устойчивые магистральные направления улиц. Это Большая (Мостовая) улица,

[21] Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Т. 3. Вологда: Древности Севера, 2018. С. 24. В 1627 г. Покровская церковь была деревянной и была посвящена Богоотцам Иоакиму и Анне.

[22] Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Т. 1. М.: Кругъ, 2008. С. 6, 81; Т. 2. М.: Кругъ, 2008. С. 125; Т. 3. Вологда: Древности Севера, 2018. С. 94.

[23] Например, при описании пожара 1525 г. сказано, что в Вологде сгорело 30 церквей (ПСРЛ. Т. 28. С. 161).

идущая от Никольских проезжих ворот (в юго-восточной части крепости) до Софийского собора и далее к Ильинским воротам (в северо-западной части). Ее расположение по 1627 г. и остальным кадастрам описывается достаточно четко: «*от старых от проезжих ворот идучи к Соборной церкви*»[24]. Трасса проходила мимо Казанской, Покровской, Никольской церквей и царской резиденции, еще существовавшей в первой половине XVII в. По всей видимости, фрагмент мостовой именно этой улицы был обнаружен в раскопе на Торговой пл., 15.

Параллельно Большой, прямо по центру крепости шла Пятницкая улица, от Пятницких ворот к церкви св. Параскевы Пятницы. Трассу поперечных улиц гипотетически можно определить, отталкиваясь от расположения крепостных башен и мостов. Соответственно, в районе Вознесенской, Соловецкой, Рождественской башен находились и одноименные улицы. Некоторые улицы в кадастрах привязаны только к административным зданиям (съезжей, приказной, воеводской избам, Гостиному двору). Из-за того, что точное местоположение этих объектов на данный момент неизвестно, выходящие к ним улицы и переулки локализуются довольно условно.

Самый ранний сохранившийся схематичный план расположения улиц и дворов Вологды, датированный 1780 г., подтверждает трассировку улиц, реконструированную по письменным источникам и археологическим исследованиям, хотя названия улиц на нем не обозначены. Зато достаточно четко видна старая планировка с контурами дворов, поверх которой проложена новая сетка кварталов, разработанная в соответствии с генеральным планом. Эта планировка в целом соответствует переписным книгам XVII – первой половины XVIII в. Особенно четко обозначена проходящая посередине крепости Пятницкая улица, на которой в Переписной книге 1711 г. зафиксировано 115 дворов и 11 переулков. Новые кварталы было запланировано разместить по обе стороны этой центральной магистрали, что и было реализовано в следующем веке. Большая улица, наоборот, прослеживается на схеме только до Софийского собора. Определить названия поперечных улиц сложнее, так как на плане отсутствуют все башни северной стены крепости, уже полностью разрушенной к тому времени.

[24] Расположение улицы на 1646 г.: «идучи по Большой улице от каменных ворот к съезжие избе» и «улица Большая Мостовая от съезжие избы идучи», на 1678 г. – просто Большая Мостовая. На 1685–1686 гг. «проезжую Большую дорогу» (Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Т. 1. С. 3, 6, 80, 180), на 1711 г. – «по Мостовой улице» (Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Т. 2. С. 125), «в той же большой улице» (Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Т. 2. С. 127).

Едва ли мы ошибемся, если назовем мостовую, найденную в раскопах на Кремлевской пл., 8А, в 2011 и в 2020 гг., идущую от Покровской церкви по направлению к Пятницкой улице, Покровской улицей. Слой XVII в. четко фиксирует мостовую шириной 2,60–3 м и несколько дворов по обе стороны от нее. В слое XVI в. на этом месте огородная земля со следами частокола. Что дает право говорить об отсутствии Покровской улицы в первой половине XVI в. И что напрямую подтверждается письменными источниками, которые свидетельствуют о строительстве Покровской церкви (Иоакима и Анны) во второй половине XVI в.

Трудность ее реконструкции заключается в противоречивости сведений, содержащихся в городских кадастрах. По данным писцовой книги 1627 г., на Покровской улице было 60 дворов, из них 29 посадских[25]. Общая ширина дворов составляла 348,5 саженей (ок. 742 м), и если предположить, что дворы были по обе стороны дороги, то мы получаем улицу длиной 370 м. Однако, если принять во внимание наиболее ранний топографический план Вологды 1780 г., то поперечных улиц такой длины мы не найдем. Можно сделать предположение, что Покровской улицей в 1627 г. обозначили группу дворов, находящихся около Покровской церкви, но необязательно выстроенных строго линейно друг за другом. Гораздо более убедительным выглядит число дворов на Покровской улице на 1646 г. – 22, и на 1678 г. – 13 дворов. Хотя размеры дворов в этих книгах не указываются, но локализовать их непосредственно по сторонам обнаруженной археологическими методами улице кажется более реальным.

В переписной книге 1685–1686 г. нет описания дворов, однако в записи о Покровской церкви есть упоминание двора «вдовы Каптелины Ивановской жены Бердяева», как наиболее близкого к храму[26]. Далее топоним «Покровская улица» из кадастров исчезает, и дворы, находившиеся на ней, оказываются приписанными к другим улицам. План Вологды 1780 г. облегчает задачу реконструкции

[25] Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Т. 3. С. 71, 72, 81, 84–85, 88, 97–98.

[26] «А мерою под церковью и около церкви земли в длину от проезжеи Большои дороги к городовому валу дватцат шесть сажен с четвертью с аршином поперег по лицу от Покровскои проезжеи дороги в переднем конце до огороду одиннатцать сажен бес полутора аршин. Всреди монастыря от тои же дороги до двора вдовы Каптелины Ивановскои жены Бердяева поперег девять сажен с аршином в заднем конце от тои же дороги поперешнику ж девятнатцать сажен до проезжево переулка и в том чине под церковью земли в длину десять сажен с четвертью с аршином, поперег три сажени. А от церкви по правую сторону по дороге три сажени бес полуаршина, по левую сторону до огороду полпяты сажени к Большои дороге от крылца три сажени» (Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Т. 1. С. 183).

и поиска «исчезнувшей» Покровской улицы – на карте четко обозначены 7 участков на одной стороне улицы и 4 на другой.

Практически рядом с Покровской улицей в раскопе на Кремлевской пл., 8А в непосредственной близости с обнаруженным жилым двором, который неоднократно перестраивался на протяжении XVII в., был найден угол дома, судя по его строению и находкам в нем, имевшего нежилое, административные назначение. Интересно, что, по данным городских кадастров этого времени, есть двор, которым на протяжении ста с лишним лет владела одна семья помещиков Бердяевых. В начале XVII в. он располагался на Покровской улице, но, ввиду неустойчивости писцовой топонимики, впоследствии «переехал» в переулок Большой улицы рядом со съезжей (приказной) избой. Близость найденной усадьбы к Кремлевской площади, ее возможная принадлежность одним хозяевам на протяжении века, по данным археологических исследований, нахождение рядом некоего административного здания – все указывает на возможность идентификации этого двора как родовой усадьбы Бердяевых[27].

Сопоставление кадастровых источников показывает, что непостоянным было не только наименование улиц и башен, но и само население. На протяжении XVII в. большая часть дворов сменяет владельцев (причем для некоторых из них характерна крайне высокая частота переходов из рук в руки) и лишь некоторые усадьбы сохранялись в собственности одной семьи на протяжении всего XVII в.[28] Археологические материалы свидетельствуют, что такая ситуация была характерна для района Покровской и Рождественской улиц и в более раннее время. Если в материковом слое обнаружены следы распашки (т.е. участок использовался в аграрном производстве), то в нижних строительных горизонтах (кон. XIV–XV в.) найдены усадьбы, владельцы которых, судя по представительному набору рыболовных орудий, занимались рыболовством[29]. В более поздних слоях, относящихся к концу XVI–XVIII вв., рыболовное снаряжение встречается редко и зачастую в переотложенном состоянии. Зато появляются комплексы, связанные с ремесленным производством (кожевенным, ювелирным и др.). В целом, эти материалы можно интерпретировать следующим образом. Первоначально, данная территория относилась к городской сельскохозяйственной округе. Первое постоянное население этой городской окраины было связано с рыболовным промыслом. К середине XVI в. это уже вполне сложившийся городской район с преимущественно ремесленным посадским населением. Строительство крепости и происходивший одновременно с этим перенос на новое место соборного храма, епископской резиденции и административных зданий, строительство царского двора и новых храмов, изменили социальный облик населения района. Здесь появляются усадьбы дворян, осадные дворы крупных купцов и монастырей. Однако, несмотря на наличие царской резиденции, район Покровской и Рождественской улиц не стал элитарным. Неподалеку располагалось архиепископское подворье и, вероятно, с этим связано появление здесь Поповской улицы, шедшей параллельно Покровской от Широкой к Пятницкой. Еще одной социальной группой, компактно проживающей в этом районе, были площадные подьячие[30]. Составитель Вологодской летописи (судя по всему, насельник Спасо-Прилуцкого монастыря) особо отметил, что пожар, от которого пострадали дворы в районе Покровской, Рождественской и Никольской церквей, начался на дворах Федора Воробьева и Ивана и Михаила Иевлевых[31]. В переписной книге 1711–1712 гг. обнаруживаются дворы братьев Иевлевых (в переулке в Поповскую улицу) и вдовы сына Федора Воробьева (в переулке от приказной избы), причем во всех трех случаях указан профессиональный статус этих лиц – подьячие[32].

С пожарами, затронувшими в разное время, судя по сообщениям летописей, район Рождественской и Покровской улиц, можно связать даты заготовки древесины, обнаруженной в раскопах в этом районе и датированной дендрохронологическими методами. Например, со строительством после пожаров 1499, 1525, 1679 и 1698 гг. вероятно, связаны образцы древесины, заготовленной в 1500, 1501, 1525, 1526 и 1700 гг.[33]

[27] В 1786 г. в этом же районе был продан за долги дом «деревянной теплой со службами а построенной был подполковником Григорьем Григорьевым сыном Бердяевым и наследником ево а в котором году неизвестно» (Государственный архив Вологодской области. Ф. 476. Оп. 1. Д. 17).

[28] *Грязнов А.Л.* Население Рощенской улицы Вологды в XVII – начале XVIII в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 6. М.: МГУ, 2019. С. 217–221; *Гуслистова А.Н.* Петровская улица г. Вологды в XVII – начале XVIII в.: история и реконструкция // Некрасовские чтения. Материалы III Всероссийской научной конференции (памяти доктора исторических наук, профессора Ю.К. Некрасова). Вологда: ВоГу, 2017. С. 114–119.

[29] *Андрианова Л.С.* К вопросу о речном рыболовстве в позднесредневековой Вологде (по материалам раскопок в границах города-крепости XVI века) // Археология Севера: материалы VIII археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. Вып. 8. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2020. С. 99.

[30] Востребованность их услуг можно оценить не только исходя из концентрации в одном районе административных зданий, торговых рядов и, судя по всему, городской площади, но и непосредственно по частным актам вологжан, в которых площадные подьячие выступают не только составителями документов, но и послухами.

[31] ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. С. 190.

[32] Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Т. 2. М.: Кругъ, 2008. С. 132, 136.

[33] Образцы № 34, 45, 46а, 58, 75, 83, 117 (*Жаворонков Ю.М.* Дендрохронологическая датировка образцов древесины. С. 88–90).

Если по району Рождественской и Покровской улиц можно говорить о постепенном повышении социального статуса его жителей на протяжении XVI–XVII вв., то по району, относившемуся к первоначальному ядру города, располагавшемуся в пределах первой крепости, прослеживается обратная картина. Снос укреплений и перенос торга и административных зданий (как гражданской, так и церковной администраций) привел к постепенной трансформации социального облика жителей этого района и принципиальному изменению характера использования владений в этом районе. Писцовая книга 1627 г. фиксирует здесь так называемый Ленивый торг с несколькими лавками (судя по всему, отличающийся заметно меньшей интенсивностью торговых операций по сравнению с торговыми рядами в стенах крепости). Там отмечен и участок, на котором находился старый архиепископский двор с расположенными рядом дворами архиепископских бобылей. Значительная часть храмов, имевшаяся в этом районе и сгоревшая в Смутное время, так и не была восстановлена (судя по всему, из-за убыли населения). Еще более показательна реконструируемая по кадастрам и актам деятельность семьи Сычуговых, которые занимались огородным промыслом и на протяжении нескольких десятилетий скупали дворы в районе старого городища, а затем переводили эти дворы в разряд огородных мест[34]. Таким образом, кардинально менялся не только характер использования участков в этом районе (с жилого на производственное), но и социальный состав жителей района.

Здания, построенные в конце XVIII – XIX в. соответствии с Генеральным планом, постепенно заменили собой предыдущую застройку территории крепости, уничтожая последние следы средневековой планировки и топографии города. Однако реконструкция топонимии по писцовым и переписным книгам XVII–XVIII в. и соотнесение этой реконструкции с археологическими данными позволяет детально изучить городскую топографию и связать археологические комплексы с объектами и людьми, упоминаемыми в письменных источниках.

[34] *Гуслистова А.Н.* Никольская улица в Вологде в XVII – начале XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXI международной конференции. Москва, 12–14 апреля 2018 г. М.: РГГУ, 2018. С. 126–129.

Список литературы

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (АСЭИ). Т. 2. М.: Издательство Академии наук, 1958. 727 с.

Андрианова Л.С. К вопросу о речном рыболовстве в позднесредневековой Вологде (по материалам раскопок в границах города-крепости XVI века) // Археология Севера: материалы VIII археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. Вып. 8. Череповец: Череповецкое музейное объедение, 2020.

В глубину веков: очерки вологодской археологии / Л.С. Андрианова, М.Г. Васенина, Н.Б. Васильева и др. Вологда: Древности Севера, 2016. 135 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 774 с.

Грязнов А.Л. Население Рощенской улицы Вологды в XVII – начале XVIII в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Выпуск 6. М.: МГУ, 2019. С. 217–221.

Гуслистова А.Н. Никольская улица в Вологде в XVII – начале XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXI международной конференции. Москва, 12–14 апреля 2018 г. М.: РГГУ, 2018. С. 126–129.

Гуслистова А.Н. Петровская улица г. Вологды в XVII – начале XVIII в.: история и реконструкция // Некрасовские чтения. Материалы III Всероссийской научной конференции (памяти доктора исторических наук, профессора Ю.К. Некрасова). Вологда: ВоГУ, 2017. С. 114–119.

Жаворонков Ю.М. Дендрохронологическая датировка образцов древесины, обнаруженных при археологических раскопках в 2011 году в центральной части города Вологды (в границах крепости XVI века) // «Homo Eurasicus»: в системах социальных и культурных коммуникаций: СПб.: Л-Принт, 2020. С. 83–91.

Засецкий А.А. Историческия и топографическия известия о городе Вологде. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1782. 87 с.

Кукушкин И.П. Вологодская крепость. Вологда: Древности Севера, 2018. 200 с.

Масса И. О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса, Петр Петрей; [пер. с гол. А.А. Морозова, пер. с нем. А.Н. Шемякина]. М.: Фонд Сергея Дубова, Рита-принт, 1997. 554 с.

Мерцалов А.Е. Очерк г. Вологды по писцовой книге 1627 г. Вологда: Тип. Волог. Губ. правления, 1885. 51 с.

Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Т. 1. М: Кругъ, 2008. 391 с.; Т. 2. М: Кругъ, 2008. 398 с. Т. 3. Вологда: Древности Севера, 2018. 390 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 26. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 412 с.; Т. 28. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 412 с.; Т. 33. Л.: Наука, 1977. 252 с.; Т. 37. Л.: Наука, 1982. 228 с.

Суворов Н.И. Вологда в начале XVIII века // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 год. Вологда: 1861.

Фалин Н.В. Вологодская крепость в XVII в. // Север. 1924. № 1 (5). С. 7–32.

Фалин Н.В. Топографическое описание города Вологды в XVII в. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 652. Д. 41.

Фехнер М.В. Вологда. М.: Госстройиздат, 1958. 216 с.

А.Н. Гуслистова

Территория крепости Вологды в XVII–XVIII вв. по результатам историко-археологических исследований

Ключевые слова: Археология средневекового города, крепость, топонимика, топонимия, башни, улицы, посадские дворы, церковь

Аннотация: В статье анализируются данные археологических исследований территории бывшей крепости г. Вологды и данные письменных источников: писцовых и переписных книг XVII – начала XVIII в. Реконструируется расположение башен крепости, улиц и главных храмов.

A.N. Guslistova

Territory of the Vologda fortress in the 17th and the 18th centuries, according to results of historical and archeological research

Keywords: Archeology of a medieval city, fortress, toponymy, towers, streets, village courtyards, church

Abstract: The article analyzes the data of archaeological research of the territory of the former fortress of Vologda and the data of written sources: scribe and census books of the 17th – early 18th centuries. The location of the fortress towers, streets and main temples is being reconstructed.

Д.Н. Лысенко, А.М. Сляднев, Л.Л. Галухин,
З.Ю. Жарников, П.Н. Барахович, М.А. Глушенко

Оборонительные сооружения Енисейского острога середины XVII – начала XVIII в.:

археология, дендрохронология, письменные источники*

Енисейский острог был основан в 1619 г. на левом берегу Енисея около устья речки, позднее получившей название Мельничной, примерно в 65 километрах ниже места впадения в Енисей Ангары (Верхней Тунгуски). Благодаря удачному географическому положению к середине XVII в. изначально небольшой острожек, куда служилые люди собирали ясак с остяцких и тунгусских родов, вырос в крупный торгово-промысловый центр Средней Сибири[1].

В связи с этим, а также по причине обострения военно-политической обстановки в регионе (вторжения джунгар в Красноярский уезд в 1667 г. и последующего затяжного противостояния с енисейскими киргизами) во второй половине XVII – первой трети XVIII в. на территории Енисейска периодически производились фортификационные работы, о которых можно узнать из документальных источников. Так, после разрушительного наводнения 1649 г., на том же левом берегу р. Мельничной в начале 1650-х гг. при воеводе А.Ф. Пашкове был построен новый расширенный острог, который защищал основные административные и торговые постройки, церкви, а также часть посада (рис. 1). Этот острог на протяжении второй половины XVII – начала XVIII вв. несколько раз ремонтировался и отстраивался заново после масштабных стихийных бедствий (наводнений и пожаров) и существовал еще в первой трети XVIII в. В 1667 г. при воеводе К.А. Яковлеве для защиты разросшегося посада вдоль правого берега Мельничной был спешно возведен еще один острог, который к 1675 г. пришел в негодность[2]. В 1733 г. вокруг всего Енисейска был возведен новый «палисад», остатки которого сохранялись еще в 1770-х гг.[3]

В 2013–2019 гг. в Енисейске действовала программа подготовки к празднованию 400-летия города, в рамках которой на территории его исторического центра проводились масштабные спасательные археологические работы, в обязательном порядке предваряющие ремонтно-реставрационные мероприятия на основных памятниках архитектуры, а также работы по благоустройству городской среды. В период 2013–2018 гг. исследовано более 25 тыс. м^2 площади городского культурного слоя, в том числе на территории трех исторических некрополей (Богоявленского собора, Троицкой церкви и Христорождественского женского монастыря). Раскопки показали наличие на городской территории мощного (до четырех метров) «влажного» культурного слоя, обеспечившего высокую степень сохранности археологического материала, в первую очередь – остатков деревянных построек. Прослежено до восьми последовательно сменявших друг друга строительных ярусов, отражающих

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ «Русское население Сибири XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении», проект № 18-18-00487

[1] *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск: СО АН СССР, 1965. С. 126.

[2] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 612. Л. 208.

[3] РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 5. Л. 2 об.–3 об. О состоянии башен енисейского острога в конце XVIII в. см. рапорт 1845 г. енисейского учителя истории и географии В. Гашкевича, прилож. 6 в изд. *Горбачев В.Т. Крадин Н.Н. Крадин Н.П. Крушлинский В.И. Степанская Т.М. Царев В.И.* Градостроительство Сибири. СПб.: Коло, 2011. С. 688.

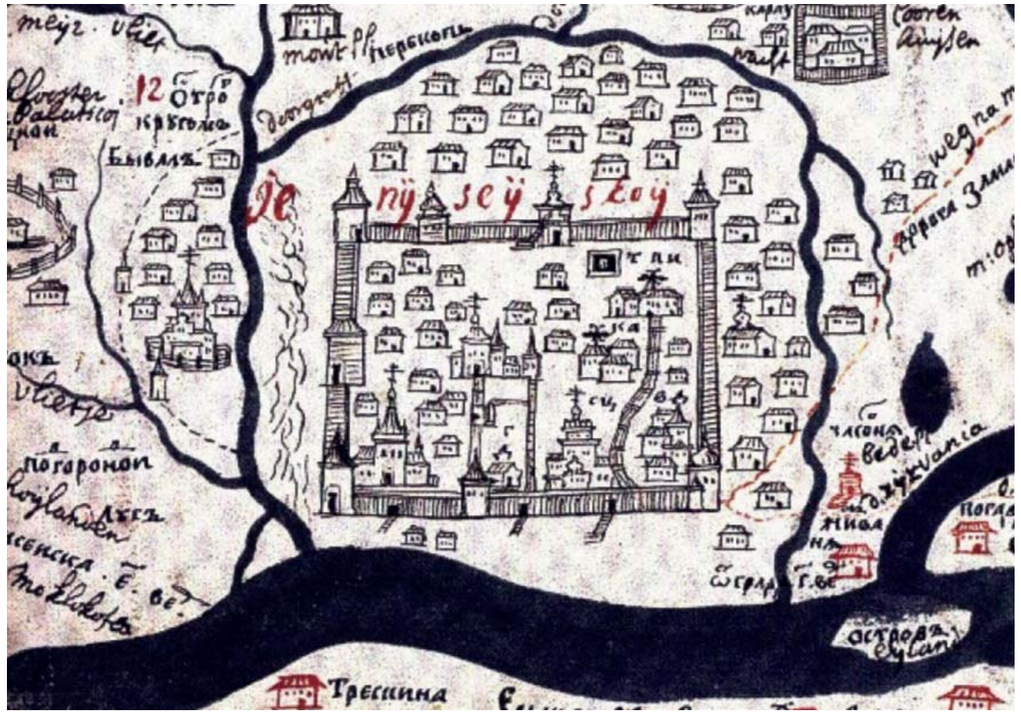

Рис. 1. Енисейский острог на чертеже С.У. Ремезова (Чертежная книга Сибири, 1699–1701 гг.).

как развитие дворовых хозяйств отдельных усадеб, так и эволюцию общегородской планировки. Были зафиксированы следы регулярно происходивших в Енисейске пожаров и наводнений, о которых имеются данные и в письменных источниках. При этом архивные данные выступили важным материалом для датирования раскопанных слоев и построек.

Одним из наиболее знаковых результатов стало обнаружение на различных участках раскопов остатков построек времени существования Енисейского острога (XVII – начала XVIII в.). Зафиксированы как остатки казенных сооружений (жилые и хозяйственные строения воеводского двора, пороховые погреба, стены, торговые лавки и погреб гостиного двора), так и частной жилой застройки. Однако базовым репером, ставшим ключевым как для понимания исторической топографии Енисейского острога, так и развития города в XVIII в., стал периметр его укреплений. Остатки острожных стен были обнаружены и изучены в ходе разведочных археологических работ 2013 г. и площадных раскопок 2015–2018 гг. Всего было исследовано семь участков острожной стены (западной и южной) общей протяженностью 68 м (рис. 2). Острожные укрепления были выстроены в 0,5 км западнее устья р. Мельничная по периметру левобережного широкого песчаного руслового вала Енисея, являвшегося самым высоким и сухим местом, доминировавшим над окружавшей его заболоченной низиной.

Западная стена изучена на единственном участке протяженностью 13 м во дворе здания бывшего уездного училища (ул. Бабкина, 1). В плане она представляла собой два параллельных частокольных ряда (рис. 3), ориентированных по линии ССВ-ЮЮЗ (перпендикулярно береговой линии). Ось стены в целом параллельна современной улице Бабкина и пролегает к востоку от нее. Культурный слой мощностью порядка 0,5 м здесь был представлен пересохшими органогенными слоями (навоз, щепа) с углистыми прослоями, лежащими на погребенной почве «горизонта первоосвоения», подстилаемой песчаными и супесчаными отложениями руслового вала[4].

[4] *Мещерин М.Н.* Культурный слой Енисейска: вопросы практики и теории // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск: Издательский дом «Наука», 2017. С. 28–32.

Рис. 2. План-схема расположения изученных участков острожных стен в г. Енисейске.

Рис. 3. Остатки западной острожной стены.

Южная стена была изучена на шести участках общей протяженностью 55 м. Стена была возведена вдоль тылового шва руслового вала на границе сухой возвышенности (внутриострожная территория) и обводненной низины. Ось стены расположена вдоль южной стороны современной ул. Ленина. На различных участках было зафиксировано от двух до четырех частокольных рядов (рис. 4, 5), ориентированных по линии ЗСЗ-ВЮВ (параллельно береговой линии). Культурный слой здесь достигает мощности 4 м и представляет собой влажные органогенные напластования, основу которых составляют щепа и навоз, разделенные углистыми прослоями пожаров, слоями супесчаных отсыпок, выкидов и т.п.

Основу конструктива острожных стен представляют вертикально установленные столбы-тынины диаметром 0,2–0,3 м, изготовленные из сосны, реже кедра. Столбы устанавливались в специально подготовленную траншею шириной 0,4–0,6 м и глубиной от 0,8 до 1,2 м. Перед установкой дно траншеи бутовалось суглинком, который способствовал равномерной усадке стен, после чего траншея засыпалась отработанным грунтом. На ряде участков в траншее были обнаружены короткие отрезки бревен, горизонтально уложенные в основание стен в качестве дополнительного бутовочного материала.

Из 232 изученных остатков острожин у 179 экз. степень сохранности позволила проследить способы сплачивания столбов друг с другом, которые можно разделить на две категории: пристыковка в пазы-канавки (вогнутый продольный паз с одной стороны каждого бревна) и с продольной протеской

Рис. 4, 5. Остатки южной острожной стены.

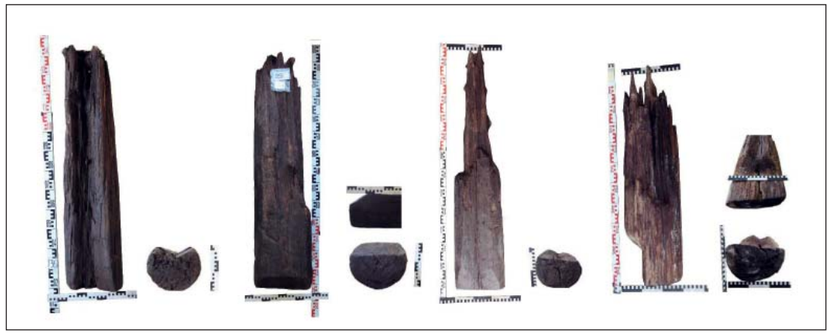

Рис. 6. Варианты обработки острожных столбов для состыковки друг с другом.

(выровненным кантом бревна). Дополнительным признаком является наличие затески – срубленного края основания острожины (рис. 6). Специфический способ крепления острожин через продольный паз сближает эту традицию с Ляпинским острогом в Западной Сибири, где данный признак был выделен как наиболее архаичный[5].

Из всех исследованных участков острожных стен наиболее информативным стал участок суммарной протяженностью 17 м в центральной части южной стены острога, зафиксированный в 2016–2017 гг. в трех раскопах, расположенных на дворовой территории между памятниками архитектуры

[5] *Кочедамов В.И.* К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири // Краткие сообщения института археологии. Вып. 113. М.: Наука, 1968. С. 69. *Баландин С.Н.* Оборонная архитектура Сибири XVII в. // Города Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 13.

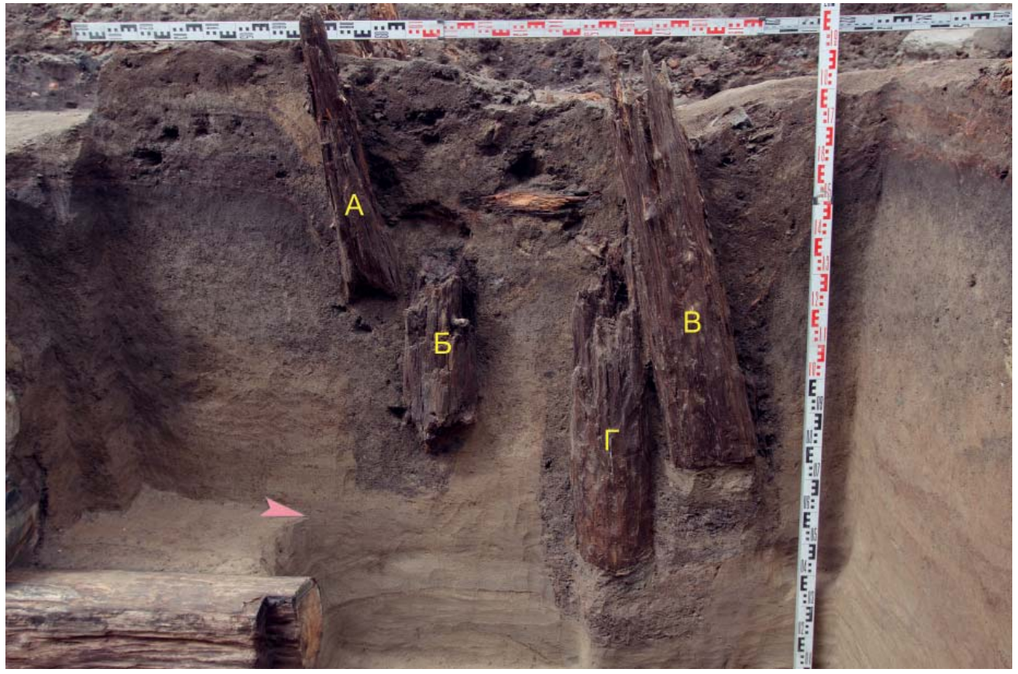

Рис. 7. Разрез частокольных траншей в стенке раскопа.

«Дом Дементьева» (ул. Ленина, 109), «Дом Кытманова» (ул. Ленина, 105) и «Усадьба Баландина» (Ленина, 103). Острожный частокол здесь был представлен четырьмя параллельными рядами столбов, установленных в раздельных траншеях, прорезающих друг друга. Расстояние между рядами не превышает 0,5 м. Полученный сводный стратиграфический разрез участков выявил разноуровневую глубину залегания оснований каждого ряда с соответствующими уровнями впуска траншей (рис. 7, 8). Слои строительства располагались, как правило, с одной стороны траншеи и представлены выкидами перемешанного грунта в сочетании с щепой, натесанной в процессе установки столбов. Эти слои разделены между собой наносными отложениями, накопившимися в период функционирования острожной стены, а также следами одномоментного разрушения в результате пожара (прокаленная поверхность, слои угля). Показательно в этом смысле возрастание количества примесей в отработанном материковом грунте (выкиде), которым производилась обратная отсыпка каждой траншеи после установки в нее частокола, поскольку при строительстве каждого нового ряда перекапывалось одно и то же место, где успевал накопиться культурный слой.

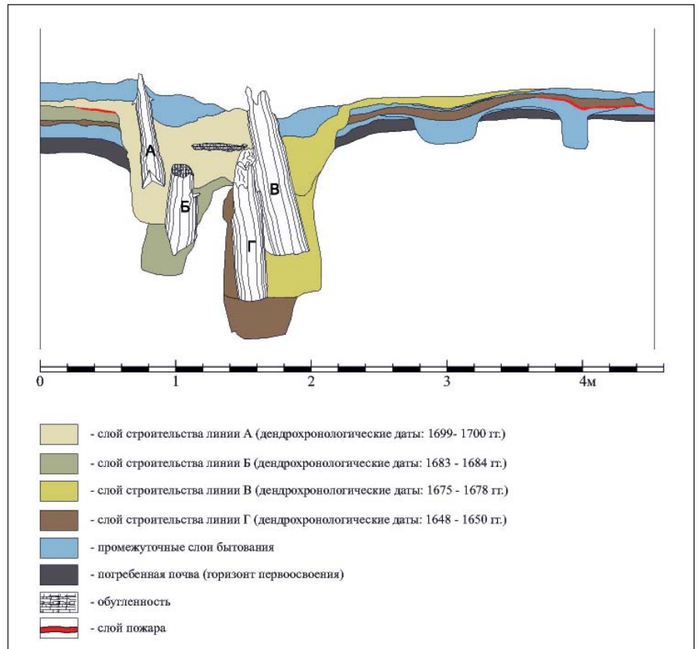

Рис. 8. Прорисовка стратиграфического разреза.

Для проведения дендрохронологического анализа с каждого ряда производился отбор наиболее хорошо сохранившихся бревен частокола. Всего было исследовано 64 образца древесины с различных линий западной и южной стены острога, из них датировать удалось 51[6]. Датировка спилов и кернов с острожных бревен производилась на основании региональной древесно-кольцевой хронологии (ДКХ) по сосне обыкновенной (Pinus sylvestris L.) протяженностью 412 лет, построенной по живым деревьям, произрастающим вокруг Енисейска, а также по образцам с памятников деревянного зодчества (дома по ул. Декабристов, 1; ул. Перенсона, 67, 69, 71, 73 и ул. Тамарова, 13)[7].

В процессе исследования (по мере извлечения) частокольные ряды были условно обозначены линиями **А-Б-В-Г**. Нижеследующее описание каждого ряда приведено соответственно их стратиграфической позиции (снизу-вверх).

Линия Г. Занимает наиболее раннюю стратиграфическую позицию в произведенных разрезах. Выкиды из траншеи залегают непосредственно поверх слоя, перекрывающего горизонт первоосвоения. Глубина траншеи 1,3–1,9 м относительно условного материка, основание частокола находится 0,4–0,5 м выше ее дна. Заполнение – мешаная светлая супесь практически без включений культурных остатков. Среди бревен встречены исключительные экземпляры, которые можно считать переиспользованными верхушечными частями острожин с характерной затеской торцов в виде четырехгранных конусов. Общее количество

[6] *Жарников З.Ю., Лысенко Д.Н., Глушенко М.А., Галухин Л.Л., Мыглан В.С.* Результаты дендрохронологической датировки образцов Енисейского острога // Ежегодник «Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры». Вып. 7 (на момент написания статьи находится в печати издательства Иркутского государственного университета).

[7] *Жарников З.Ю., Гевель Е.В., Мыглан В.С.* Бревенчатое наследие Сибири – старейшие сооружения деревянного зодчества Енисейска // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 5. С. 24–36.

извлеченных столбов в линии составляет 71 экземпляр. Дендрохронологическое датирование 18 образцов дало даты рубки деревьев в пределах 1639–1650 гг. из которых 12 дат приходится на 1648–1650 гг.

Линия В установлена севернее и поверх предыдущей линии Г. Общая глубина траншеи составляет 0,9–1,3 м, из которых 0,7–1,1 м приходится на глубину впуска в материковый грунт. Заполнение траншеи – мешаная супесь темного цвета с включением щепы, навоза и т.д. Всего в линии было зафиксировано 65 бревен. Обработка спилов дала 12 дат в пределах 1669–1678 гг., из которых семь было датировано в рамках 1675–1678 гг.

Линия Б расположена южнее створа линий В–Г. Траншея глубиной 1–1,2 м впущена в материковый грунт на глубину 0,9 м, остальная часть находится в толще сырых культурных отложений. Заполнение – переотложенный материковый суглинок с органическими включениями. Линия разрушена в результате сильного пожара, следы которого зафиксированы на примыкающей территории. Бревна были извлечены при строительстве следующей линии, некоторые из них были переиспользованы в качестве подпорных лежней. На всех изученных участках линии сохранилось только 26 бревен, состояние древесины которых не позволило провести дендрохронологическое определение.

Линия А является последним этапом функционирования сооружения и установлена на месте сгоревшей линии Б и южнее ее. Траншея глубиной 0,6–0,8 м впущена в материковый грунт на глубину 0,2 м, остальная часть (около 0,4 м) находится в толще сырых культурных отложений. Заполнение – мешаный материковый суглинок и коричневая супесь с преобладанием последней. Дендрохронологическому обследованию из 56 сохранившихся бревен подверглись 19 экземпляров, датировка спилов которых пришлась на период 1698–1700 гг. Абсолютное большинство образцов (18) показали даты 1699–1700 гг., и только одна дата пришлась на 1698 г.[8]

Полученные материалы, дополненные имеющимися на данный момент историческими сведениями, позволяют выстроить следующую последовательность строительства и ремонта острожных стен.

Линия Г по полученным датам соотносится со строительством нового острога при воеводе А.Ф. Пашкове. Сохранившиеся документы содержат довольно скупые сведения об этом сооружении. Известно только, что было «по острогу шесть башен проезжих, две башни глухих»[9].

В 1676/1677 г. произошел пожар, в котором пострадал острог, гостиный двор и другие торговые постройки, а также, как минимум, две церкви (Спасская и Троицкая)[10]. Следы этого пожара зафиксированы на торцах бревен линии Г. Острог восстанавливался, главным образом, за счет жителей Енисейска. Затраты «государевой казны» коснулись покупки уклада (железа) на изготовление кузнецами «пазников» для «острожной новой поставки». Также известно, что была «куплена изба на караульню к Воскресенским воротам»[11]. Восстановлению острога после пожара соответствуют даты, полученные с линии В. Наиболее поздние даты лесозаготовки приходятся на 1678 г., что, в целом, соответствует темпам строительства.

Линию Б, несмотря на отсутствие в настоящий момент календарных дат, можно соотнести с ремонтом 1683/1684 г., произведенным при воеводе боярине К.О. Щербатом, который «велел тот острог починить енисейским записным плотникам Родьке Левонтиеву с товарыщи, а к ним в прибавку велел… тот острог починить гулящим людям плотникам Пятунке Гусеву, Ивашке Чермному». По воеводскому приказу мастера «острог починивали и связьми укрепили»[12]. Вскоре К.О. Щербатой снова распорядился ремонтировать острог записным плотникам Федоске Осипову «с товарищи», чтобы набранные в Западной Сибири казаки, двигавшиеся через Енисейск в Даурию на войну против империи Цин, «видя острог некрепкий и ветхой, над городом и над жилецкими людьми никакова разоренья не учинили»[13].

Линия Б погибла в пожаре, следы которого повсеместно фиксируются как на самих тынинах, так и на прилегающих участках. Остатки этого пожара, являющегося одним из опорных стратиграфических реперов при раскопках в Енисейске, фиксируются и на других изученных участках как на внутриострожной территории, так и за ее пределами. Бедствие произошло 19 сентября 1703 г. и уничтожило гостиный двор с другими торговыми постройками, таможенную избу, две приходские и соборную Богоявленскую церковь, 85 дворов «всяких чинов людей»[14]. В огне сгорело 506 саженей «стоячего острогу» и 5 башен (в том числе 4 проезжих)[15]. Вероятно, пострадала «центральная» и «верхняя» (если ориентироваться по течению Енисея) части острога, а «нижняя» часть, где находились различные казенные строения (съезжая изба, амбары, двор воеводы), осталась невредимой.

[8] *Жарников З.Ю., Лысенко Д.Н., Глушенко М.А., Галухин Л.Л., Мыглан В.С.* Результаты дендрохронологической датировки…

[9] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 505. Л. 272.

[10] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 850. Л. 48, 49, 106.

[11] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 811. Л. 59, 64.

[12] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 850. Л. 242.

[13] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 815. Л. 98 об., 99.

[14] Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1. 1700 – 1713 гг. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1882. С. 239, 240

[15] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1374. Л. 1, 1 об.

Острог восстановили на следующий год после пожара полностью в прежних размерах (протяженностью 661 сажень, не считая башен). В 1704 г. построили четыре проезжие башни, а одну «глухую» завершили в 1705 г.[16] Острог опять восстанавливали силами всех жителей Енисейска. Известно, что воевода Б.Д. Глебов силами своих личных слуг построил 20 саженей острога, а подьячий «с приписью» И. Борисов – 5 саженей. На строительство ушло 7400 «бревен троесаженных»[17].

В связи датировкой пожара возникают вопросы в интерпретации полученных данных линии А, траншея которой прорезает углистый слой, но крайние дендрохронологические даты бревен приходятся на 1700 г. Стратиграфическая позиция слоя и находки в нем позволяют однозначно датировать его катастрофой 1703 г. При этом на самих тынинах следы пожогов отсутствуют. Несогласованность данных дендрохронологического датирования и стратиграфии можно объяснить следующими обстоятельствами. 27 марта 1699 г. Б.Д. Глебову было указано из Сибирского приказа восстановить острог на правом берегу р. Мельничной, который возвел К.А. Яковлев в 1667 г.[18] В 1704 г. воевода отчитался об исполнении указа, однако, восстановил он не острог К.А. Яковлева, а погибшие в пожаре 1703 г. укрепления[19]. Не исключено, что бревна, заготовленные для восстановления острога за р. Мельничной по указу 1699 г., использовались при восстановлении периметра сгоревших укреплений основной крепости. Также это косвенно подтверждается быстротой восстановления острога.

В свете полученных данных нельзя обойти стороной вопрос внешнего облика енисейских острожных стен. В историографии существует несколько подходов к интерпретации устройства оборонительных укреплений русских городов в Сибири. Так, А.В. Никитин, исследовавший остатки сооружений Братского острога того же периода, пришел к выводу, что несколько частокольных рядов, зафиксированных им в плане, представляют собой основную линию стоячего острога и дополнительные опоры снаружи и внутри стены. Присутствие одного или двух рядов частокола он объясняет «или меньшей высотой стены, или твердостью грунта»[20].

Раскопки участка красноярского «большого» острога в 2000 г. также выявили два ряда частоколов, находящихся на расстоянии 1 м друг от друга. Объяснено это было устройством полатей с внутренней стороны оборонительной стены[21].

В обоих случаях сделан вывод об одновременном существовании нескольких столбовых рядов в качестве остатков единой конструкции оборонительного сооружения. К сожалению, на приведенных в качестве примера объектах не были получены дендрохронологические данные как с частокольных, так и с других построек, зафиксированных в раскопах, при общем сложном и разнородном планиграфическом наполнении обоих изученных участков. Енисейская же ситуация (последовательность стратиграфичеких позиций частокольных траншей и серия дендрохронологических дат для каждого ряда) позволяет сделать вывод о наличии в остроге однорядной стены, периодически ремонтируемой и обновляемой.

К тридцатым годам XVIII в. острожные укрепления постепенно разрушаются как по естественным причинам, так и в результате стихийных бедствий (наводнения, пожар 1727 г.)[22]. С этого момента в усадебную жилую застройку начинают вовлекаться земельные участки, на которых ранее располагались частокольные стены. До этого времени на прилегающих к острожной стене территориях не фиксировалось каких-либо жилых построек, что, вероятно, было связано с противопожарной зоной «отчуждения», регулировавшей размещение жилой застройки относительно жизненно важных оборонительных укреплений. Этот перелом нашел отражение как в археологических, так и картографических материалах. Так, на плане Енисейска 1734 г. изображен только юго-западный угол острога, а на территории, прилегающей к нему, находятся различные казенные и частные строения (рис. 9)[23].

Таким образом, острог, возведенный А.Ф. Пашковым в 1651 г., претерпел несколько эпизодов ремонтов и восстановлений, но каждый раз работы проводились на одном и том же месте при сохранении тех же размеров крепости. При этом, учитывая размеры острога, составлявшие около 1,3 км в периметре, следует иметь ввиду, что изученные участки стен и зафиксированные в них строительные этапы могли иметь локальный характер и отличаться от других участков, где причин для перестроек могло не быть. Кроме того, открытым остается вопрос о местоположении восточной и северной стен острога. Крайний восточный зафиксированный пункт местонахождения частокола южной стены был обнаружен в подвале дома Л.Ф. Флеера

[16] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1417. Л. 19.

[17] РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 5. Л. 2.

[18] РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 5. Л. 1.

[19] РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 5. Л. 2.

[20] *Никитин А.В.* Раскопки Братской крепости // Краткие сообщения института Археологии. Вып. 85. 1961. С. 118–126.

[21] *Тарасов А.Ю.* К истории изучения Красноярского острога // Народы Приенисейской Сибири. История и современность. Красноярск: РИО КПТУ, 2001. С. 145–149.

[22] РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 5. Л. 21, 21 об.

[23] *Буланков В.В. Шумов К.Ю.* Енисейск. Очерки по истории развития и застройки города. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1999. С. 155.

Рис. 9. Фрагмент плана Енисейска 1734 г. с указанием остатков стен Енисейского острога.

(ул. Ленина, 101). При этом в центральной комнате подвала был зафиксирован разрыв частокольного ряда шириной 8 м, застеленного дощатым настилом, возможно, представлявшего собой мощение башенного проезда. При раскопках по периметру здания дома Савельева (ул. Ленина, 95), расположенного через два здания к востоку от дома А.Ф. Флеера (82 м), южной линии острожной стены обнаружено не было. Таким образом, восточная стена должна пролегать между домом Л.Ф. Флеера и домом Савельева. Учитывая тот факт, что западная и южная стены находятся в створе современных улиц Бабкина и Ленина, сложившихся, по всей видимости, еще в середине XVIII в. вдоль стен утратившего свое значение острога, можно предположить, что створ современной улицы Диктатуры Пролетариата может в какой-то мере фиксировать направление восточной стены острога. Вероятно, большая часть северной стены острога была уничтожена регулярными весенними паводками[24].

[24] *Горбачев В.Т., Крадин Н.Н., Крадин Н.П., Крушлинский В.И., Степанская Т.М., Царев В.И.* Градостроительство Сибири. СПб., С. 688.

Список литературы

Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири XVII в. // Города Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 7–37.

Буланков В.В. Шумов К.Ю. Енисейск. Очерки по истории развития и застройки города. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1999. 214 с.

Горбачев В.Т., Крадин Н.Н., Крадин Н.П., Крушлинский В.И., Степанская Т.М., Царев В.И. Градостроительство Сибири. СПб.: Коло, 2011. 776 с.

Жарников З.Ю., Гевель Е.В., Мыглан В.С. Бревенчатое наследие Сибири – старейшие сооружения деревянного зодчества Енисейска // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 5. С. 24–36.

Жарников З.Ю., Лысенко Д.Н., Глушенко М.А., Галухин Л.Л., Мыглан В.С. Результаты дендрохронологической датировки образцов Енисейского острога // Ежегодник «Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры». Вып. 7 (на момент написания статьи находится в печати издательства Иркутского государственного университета).

Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск: СО АН СССР, 1965. 296 с.

Кочедамов В.И. К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири // Краткие сообщения института археологии. Вып. 113. М.: Наука, 1968. С. 67–73.

Мещерин М.Н. Культурный слой Енисейска: вопросы практики и теории. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск: Издательский дом «Наука», 2017. С. 28–32.

Никитин А.В. Раскопки Братской крепости // Краткие сообщения института археологии. Вып. 85. 1961. С. 118–126.

Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1. 1700–1713 гг. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1882. 604 с.

Тарасов А.Ю. К истории изучения Красноярского острога // Народы Приенисейской Сибири. История и современность. Красноярск: РИО КПТУ, 2001. С. 145–149.

Д.Н. Лысенко, А.М. Сляднев, Л.Л. Галухин, З.Ю. Жарников, П.Н. Барахович, М.А. Глушенко
Оборонительные сооружения Енисейского острога середины XVII – начала XVIII вв.: археология, дендрохронология, письменные источники

Ключевые слова: археология, Енисейский острог, частокол, стратиграфия, дендрохронологическое датирование, письменные источники

Аннотация: В 2013–2018 гг. при проведении археологических работ на территории исторического центра г. Енисейска Красноярского края были обнаружены остатки деревянных частокольных стен Енисейского острога. На различных участках раскопов фиксировалось от двух до четырех параллельных рядов частокола, расположенных вплотную друг к другу, но при этом имевших различные стратиграфические позиции. Дендрохронологический анализ серийно отобранных образцов древесины позволил определить время строительства каждого ряда с точностью до одного-двух лет. Полученная датировка подтверждается документальными материалами XVII–XVIII вв., хранящимися в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

D.N. Lysenko, A.M. Slyadnev, L.L. Galukhin, Z.Y. Zharnikov, P.N. Barakhovich, M.A. Glushenko
Stockade fortifications of Yeniseisk fortress in the middle of 17th – early 18th c.: archeology, dendrochronology, written sources

Keywords: archeology, Yeniseisk fortress, stockade walls, stratigraphy, dendrochronological dating, written sources

Abstract: In 2013–2018 while carrying out archeological works in the historical center of the city of Yeniseisk, Krasnoyarsk region, the remains of stockade walls of Yeniseisk fortress were found. In different areas of the excavations, from two to four parallel rows of stockade were recorded, rows were located close to each other, but with different stratigraphic positions. Dendrochronological analysis of serially selected wood samples made it possible to date the time of each row construction with an accuracy of one to two years. The resulting dating is confirmed by documentary materials of 17th and the 18th centuries, stored in the Russian State archive of ancient acts (RGADA).

А.Г. Ситдиков, А.С. Старков

Историческая топография Казанского Богородицкого монастыря XVI–XVIII вв.

(по материалам археологических исследований)

История Казанского Богородицкого монастыря начинается с обретения чудотворного образа в Казани 8 июля 1579 г. Согласно «Повести о явлении чудотворной иконы Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, иже в Казани», в 1579 г. новоявленную казанскую икону с пожарища переносят в приходскую деревянную церковь Николая Чудотворца Тульского, где служат ей молебен[1].

Увидев образ чудотворящей иконы Богородицы, царь Иван Васильевич с сыновьями повелел на месте обретения – между церковью Николы Тульского и крепостью – устроить девичий монастырь, поставить церковь, кельи, ограду. Сделано это было на части посада, полностью уничтоженной пожаром, после которого на пепелище и была обретена икона девочкой Матроной.

Первая деревянная церковь во имя Пресвятой Богородицы поставлена, вероятно, в начале 1580-х гг.[2] Позднее возведена теплая церковь во имя Рождества Богородицы. В 1594 г. в монастыре был освящен «храм предивен камен» в честь «Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честного и славного Ее Одигитрии чудотворного Образа явления с двумя приделами»[3].

Первый каменный («старый» холодный) храм монастыря представлял собой сооружение о пяти главах, с трехчастным членением фасада, позакомарным покрытием, верхним ярусом окон в закомарах, мощным порталом. Таким собор изображен на миниатюре из лицевого списка «Повести о явлении...» митрополита Казанского и Астраханского Ермогена[4]. Храм был выполнен в выраженном монументальном московском стиле XV–XVI вв. «Предивность» храма определялась его размерами, превышающими размеры Благовещенского собора в Казанском кремле, и, прежде всего, богатой рельефной декорировкой его простенков резными узорами. Нарядность храма усиливалась разнообразием чешуи глав, а также изображением над порталом новоявленной иконы, о чем находим свидетельства в другой лицевой повести Ермогена («Вкратце о житии первого архиепископа Гурия и священноепископа Варсонофия»)[5].

В конце XVIII в. было принято решение о перестройке первоначального («старого») собора. Проект нового храма был разработан столичным архитектором И.Е. Старовым и утвержден для строительства в 1796 г. Екатериной II. В 1799 г. на месте «старого» холодного собора был торжественно заложен большой новый собор («молодой») в присутствии императора Павла I с сыновьями. Высочайшими особами в основание храма положены закладные камни и медная доска (106,7 × 53,3 см, весом 71,7 кг) с именами царствующей фамилии и преосвященного Амвросия, архиепископа Казанского, с указанием года основания собора[6]. Новый собор был построен под руководством казанского архитектора Е.М. Емельянова в 1808 г.

[1] Творения святейшего Гермогена, Патриарха Московского и всея России. С приложением чина поставления в Патриарха. Издание Церковной Комиссии по чествованию юбилейных событий 1612, 1613 и 1812 гг. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1912. С. 1–16.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Повесть о явлении чудотворной Иконы... Л. 200–221.

[5] Вкратце о житии и о пребывании иже во святых отец наших Гурия, первого архиепископа Казанского, и священноепископа Варсонофия Тверского, первого архимандрита во граде Казани..., после 1595 – начало XVII в. // БАН. П. I. А .17. Л. 222–285.

[6] *Малов Е.А.* Казанский Богородицкий девичь монастырь, история и современное его состояние. Казань: Тип. Ун-та, 1879. С. 6–7.

Рубеж XVIII–XIX вв. для монастыря становится переломным: большинство древнейших построек разбирается на строительные материалы. Приступив в 1795 г. к своим обязанностям, новая энергичная игуменья Софья, видя сильную переуплотненность территории, решительно хлопотала о прибавке смежных земель. Составленный в 1803 г. М. Емельяновым генеральный план монастыря показывает расширение его территории более чем в два раза с прибавкой земли соседних городских церквей Николы Чудотворца Тульского, Сретения Господня и Адмиралтейской конторы[7]. Задача переустройства всех строений, бывших по большей части деревянными и хаотически разбросанными (кроме холодного «молодого» собора и колокольни 1725 г. постройки), была поставлена перед новым Казанским губернским архитектором (1804–1809 гг.), Я.М. Шелковниковым. Холодный собор и колокольню он заключает в оправу в виде замкнутого кольца из нескольких зданий, раскрытую лишь в сторону Пятницкой церкви и Казанского кремля. Спроектированные единовременно и по одному генеральному решению все отдельные объекты вновь создаваемого Я.М. Шелковниковым ансамбля монастыря – кельи игуменьи, теплая церковь Николы Тульского, Святые врата, лазарет – были выдержаны в единой классицистической стилистике[8].

В середине XIX в. была реконструирована колокольня храма. Старая колокольня, построенная в 1725 г., была признана стилистически не соответствующей новому храму. Казанский губернский архитектор И.П. Безсонов в 1850 г. выполнил обмеры существующей колокольни и подготовил проект ее переустройства[9]. Он предполагал: новую архитектурную облицовку, новую повышенную и крытую белым железом главу, оштукатурку и окраску, установку нового медного креста и под ним шара, а также забутовку камнем с заливкой известью бывшего под колокольней ледника. В результате перестройки на четырех углах были сложены на новых фундаментах столбы до пяты свода. Все здание колокольни снаружи связали двумя обручами из брускового железа. Перестройку закончили к 1853 г.

Последняя крупная реконструкция собора была в начале XX в. В 1910–1913 гг. в рамках подготовки к празднованию 300-летия дома Романовых, в подвальных помещениях собора Казанской иконы Божией Матери было решено построить Пещерный храм с часовней на месте обретения Казанской иконы Божией Матери и освящена церковь Рождества Пресвятой Богородицы[10]. Место сооружения часовни было выбрано под алтарем главного холодного собора монастыря. Попечительство над часовней приняла Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия на Большой Ордынке в Москве. В 1911 г. был совершен чин основания «пещерных» храма и часовни в подвальном этаже холодного собора (архит. А.В. Щусев) и начаты строительные работы. В подвальной части здания было увеличено подсводное пространство, как в часовне, так и в церкви на 96 см, а также кирпичом на цементном растворе подлицованы все внутренние стены, увеличена ширина коридоров, соединяющих церковь и часовню. Стена для иконостаса была выложена кирпичом, сделаны цементно-бетонные полы, оштукатурены стены и своды, поставлены две печи с притоками наружного воздуха, обелены двери, окрашены стены и полы. Снаружи были отремонтированы стены храма, тамбуры и каменные лестницы в подвал[11].

В 1932 г. собор в результате подрыва был разрушен. Колокольня была разобрана около 1935 г. На месте колокольни разместили электроподстанцию. В военные годы на территории монастыря в 1942 г. была построена табачная фабрика с многочисленными производственными и административными корпусами. Фабрика просуществовала до 2005 г., когда ее корпуса были демонтированы, а оборудование вывезено на новую производственную площадку.

Археологические работы на территории монастыря были начаты еще А.Х. Халиковым в 1985 г. с западной стороны собора[12]. По его наблюдениям, стратиграфически культурные слои в монастырском комплексе имели четыре хронологических горизонта. Общая мощность культурного слоя достигала 70–80 см. Наиболее ранний горизонт (IV слой) мощностью 5–10 см, представлен фрагментарно и единичными находками, датируемыми XIII – первой половиной XIV в. Он сформировался в период освоения Богородицкого холма болгаро-татарским населением эпохи Золотой Орды. Горизонт, датируемый исследователем XV–XVI вв. (III слой), был представлен слоем мощностью в 10–15 см.

[7] Генеральной планъ Казанскому Богородитцкому второкласному Девичью монастырю... // НМ РТ. КППи-119823/12

[8] Планъ и фасадъ вновь кпостроению ограды указанскаго девичья монастыря. *Емельянов (М.Е.).* 1806 г. // НМ РТ. КП-10/174

[9] Фасады, планы и разрез на исправление колокольни Казанского первоклассного девичьего монастыря в городе Казани. Архит. И.П. Безсонов 1850 г. // НМ РТ. КППи-117398.

[10] *Зеленецкий А.* Освящение храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы и часовни на месте явления Казанской чудотворной иконы Божией Матери в память трехсотлетия царствования Дома Романовых. Казань: Центр. тип., 1914.

[11] *Зеленецкий А.* Освящение храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы... С. 7–8.

[12] *Халиков А.Х.* Отчет об археологических наблюдениях в Казани в 1985 г. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65А.

Рис. 2. Фотограмметрия раскопа LXXII – 2016 г.

Второй стратиграфический горизонт (слой II – со второй половины XVI до XVIII в.), выделяемый А.Х. Халиковым, имеет мощность около 30–65 см. Он насыщен многочисленными прослойками, образовавшимися в результате строительных работ в монастырский период. Верхние прослойки (I слой – XVIII–XX вв.) мощностью до 30 см состоят из обломков кирпича, камня и раствора. Они насыщены строительным мусором, связанным с разрушением храма и следами деятельности табачной фабрики, эвакуированной сюда в период Великой Отечественной войны.

Немногочисленные находки раннего времени (XIV–XV вв.) были обнаружены и при других раскопках, проводившихся в этом районе в последующем. Так по материалам раскопок 1997 г. на «Старом городище» на площади 104 м^2, предпринятых вдоль северного фасада Крестовоздвиженского корпуса, П.Н. Старостин указывал на существование поселения позднеболгарской и золотоордынской эпохи. Он также отмечал, что культурный слой общей мощностью до 80–90 см в раскопе сильно поврежден объектами XVII–XX вв. Результаты исследований указывали на включение данной территории в район посада, известного в период Казанского ханства по письменным источникам как «Старое городище»[13].

Последующие работы на территории монастыря и прилегающих участках позволили зафиксировать аналогичные культурные напластования и выделить горизонты, увязываемые с перестройками монастырских объектов. Также было установлено, что территория холма осваивалась с эпохи раннего железного века, о чем свидетельствовали находки керамики этого времени.

С 2001 г. велись подготовительные работы по воссозданию храма: выведена табачная фабрика и проведены первые археологические исследования на территории объекта. Был заложен раскоп на предполагаемом месте нахождения апсиды собора Казанской иконы Божией Матери. В результате исследований были получены сведения по стратиграфии на территории монастыря, обнаружена апсида храма и выявлен монастырский некрополь[14].

Летом 2016 г. в соответствии с решением о воссоздании главного храма Казанского Богородицкого монастыря – собора Казанской иконы Божией Матери – были начаты масштабные работы по вскрытию остатков разрушенного в 1932 г. каменного храма[15].

Археологические полевые исследования были проведены на площади около 2500 м^2. В раскопе были обнаружены остатки кирпично-каменного сооружения 53,40 × 43,80 м, вытянутого по линии восток-запад. Оно представляло собой руинированные стены, фундаменты, контрфорсы и подвалы собора Казанской иконы Божьей Матери 1799–1808 гг. (рис. 2). Северо-западный угол собора, сохранившийся лучше остальных частей храма, фиксировался на высоту выше дневного уровня фасада здания. Здесь же был открыт фрагмент северной входной лестницы и часть уличного мощения[16].

Общая мощность культурного слоя в раскопе достигала 180–200 см. Верхние отложения до 30–40 см состояли из слоя, образовавшегося в результате разборки здания табачной фабрики в начале 2000-х гг. В стратиграфическом разрезе поверх булыжной мостовой выделялся мощный слой до 70 см, связанный с разрушением собора в 1932 г. Слои XIX–XVIII вв. мощностью 50–80 см представляли

[13] *Старостин П.Н.* Отчет о раскопках Старого городища, проводимых летом 1997 г. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5; *Ситдиков А.Г.* Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Фэн, 2002. С. 202–205.

[14] *Хузин Ф.Ш., Печенкин А.В.* Отчет об археологических исследованиях на территории бывшего Богородицкого монастыря. Р. XXXVII. 2000 г. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 120; *Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г.* Отчет об археологических исследованиях на территории бывшего Богородицкого монастыря. 2001 г. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 155.

[15] Повесть о явлении чудотворной Иконы Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, иже в Казани. Сочинено смиренным Ермогеном, митрополитом Казанским и Астраханским в лето 7102 [1594], после 1595 – начало XVII в. // БАН. П. I. А 17. Л. 200–221.

[16] *Ситдиков А.Г.* Отчет о проведении комплексных архитектурно-археологических исследований при воссоздании Собора Казанской иконы Божьей Матери (Республика Татарстан, г. Казань, ул. Большая Красная, д.5, Казанский Богородицкий монастырь). Казань, 2018. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный архив.

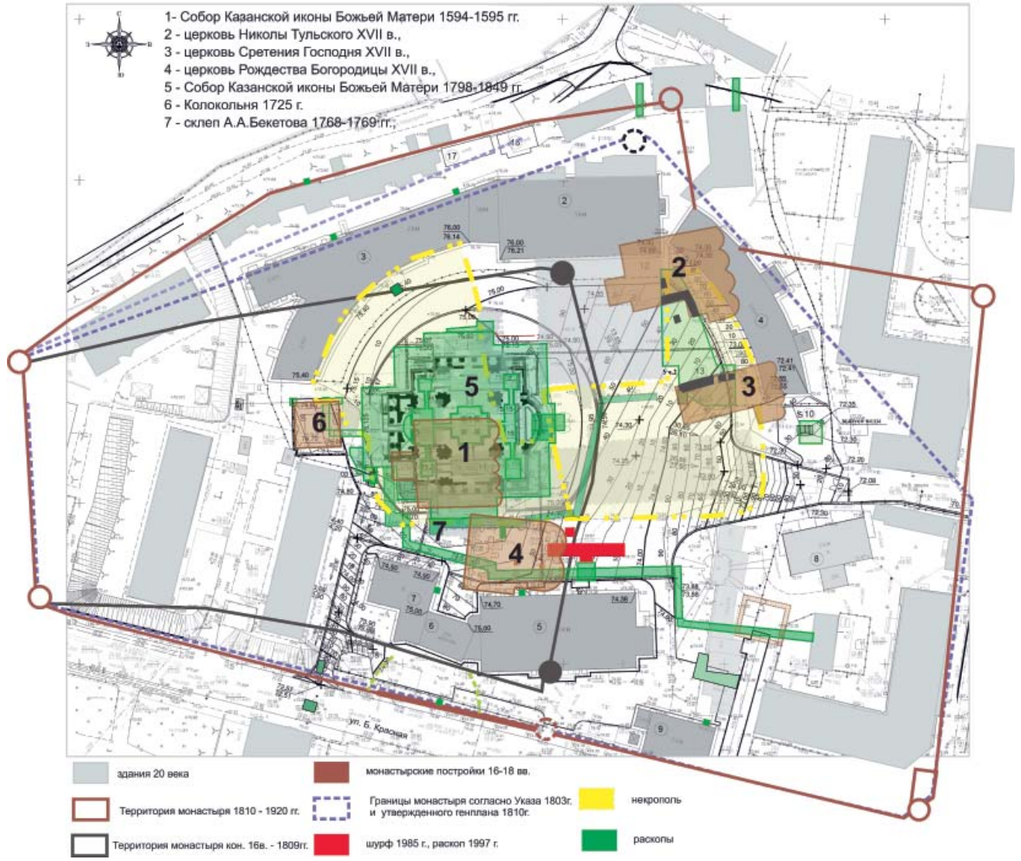

Рис. 1. План археологической изученности территории Казанского Богородицкого монастыря 1985–2018 гг.

напластования с большим количеством строительного мусора, образовавшимися в процессе строительных и ремонтных работ собора и строений монастыря. Слои XVII–XVI вв. покоились на светло-сером подзоле, толщиной 60 см. Объекты ранее второй половины XVI в. в этом раскопе не были выявлены. В переотложенном виде найдена керамика XIII–XV вв., указывающая на присутствие следов более раннего поселения.

В ходе работ 2016 г. в подвальных помещениях собора были расчищены Пещерный храм и церковь Рождества Пресвятой Богородицы[17]. На сохранившихся оштукатуренных стенах высотой до 2 м фиксировались остатки росписей-фресок. По архивным данным подвальные помещения собора Казанской иконы Божией Матери перестраивались. Разный состав цементного раствора и кирпичей в стенах собора подвальных помещений также указывал на многочисленные ремонтные работы и перестройки. Вскрытые остатки здания иллюстрируют архитектурно-строительную историю монастыря дореволюционного десятилетия XX в.

В ходе исследований северо-западного угла собора Казанской иконы Божией Матери постройки 1799–1808 гг., проведенных в 2016 г., был выявлен ленточный фундамент каменного здания, вытянутого по линии восток-запад (10,02 × 11,50 м)[18]. Обнаруженная стена представляла собой остатки

[17] Там же.

[18] Там же.

фундамента предшествующего собора Казанской иконы Божией Матери, возведенного в 1594–1595 гг. Кладка была сложена из рваного бута, кирпичного боя, с проливками известкового и глиняного растворов. Толщина стен достигала 180 см. Выявленный фрагмент фундамента имел продолжение под кладку западной стены собора.

В 2017 г., при устройстве полов внутри Пещерного храма, была продолжена расчистка белокаменной стены раннего храма[19]. Она представляла собой белокаменную кладку на известковом растворе шириной до 3 м, вытянутую по линии запад-восток, протяженностью 27,40 м на исследуемом участке. В конце XVIII в. ранний собор был разобран за «ветхостью» перед строительством «молодого» собора. Можно предположить, что выявленная белокаменная кладка фундаментов являются не только остатками оснований стен собора XVI в., но и, предположительно, связана с колокольней, которая примыкала к собору.

В ходе археологических исследований 2016 г. по периметру здания и внутри постройки было обнаружено более 3000 предметов, большинство из них являются фрагментами позднейшей керамики XIX–XX вв., в также изделия из металла, стекла, монеты, изразцы. Имеются немногочисленные находки XIV–XVI в., в числе которых керамика общеболгарская и в болгарских традициях. Доля ее составила около 1% от общего количества фрагментов выявленной керамической посуды в раскопе.

В 2017–2018 гг. были проведены археологические исследования по изучению остатков исторически известных архитектурных объектов: церковь Николая Чудотворца Тульского, церковь Сретения Господня, церковь Рождества Богородицы, колокольня собора Казанской иконы Божией Матери. Общая площадь исследований составила около 1110 м^2 (рис. 1).

Раскопом LXXVI проведены исследования по определению местоположения колокольни собора Казанской иконы Божией Матери[20]. В ходе исследований на месте разрушения колокольни зафиксированы ее северо-восточный и северо-западный угол, восточный и северный фас. Ширина фундамента нижнего четверика колокольни составила пять метров, кирпичная кладка стен на известковом растворе сохранилась на высоту 3–4 рядов, глубина закладки фундамента от верхнего цокольного ряда каменных блоков составляла 180 см. Нижний ярус колокольни имел размеры 14,5 × 14,5 м. Фундаментные блоки были уложены вплотную к стенкам котлована. Следов устройства деревянной опалубки не фиксировалось. Заполнение нижнего четверика колокольни состояло из кирпичного боя и строительных остатков.

Общая мощность культурного слоя, сформировавшегося около колокольни, достигала 150–160 см. Напластования покоились на светло-серой супеси (подзоле). Горизонты слоя, отложившиеся выше дневного уровня строительства колокольни в 1725 г., были представлены чередовавшимися прослойками строительного мусора, общей мощностью около 60 см. Горизонты XVI–XVII вв. представлены перекрывающими друг друга прослойками темно-серой супеси с включением угля и прокаленной глины, серой супеси общей мощностью до 90 см.

Исследования на раскопе LXXIII (2017 г.) были направлены на изучение двух приходских церквей Николы Чудотворца Тульского и Сретения Господня[21]. Работы проводились Казанским отрядом Института археологи РАН, под руководством Л.А. Беляева и И.И. Елкиной. Площадь раскопа LXXIII составила 364 м^2. Мощность слоя на исследуемом участке достигала 150 см. Верхние горизонты представляли собой техногенный балласт и подсыпки советского времени, в основании которых сохранились участки культурного слоя XVI–XVII вв. По материалам исследования, при перестройке в 1810–1816 гг. здание церкви Николая Чудотворца Тульского монастыря, вероятно, было сильно повреждено строительными работами. Рядом с постройками выявлены захоронения монастырского кладбища XVII–XIX вв., в том числе с кирпичными склепами.

В раскопе был выявлен южный придел перестроенной в камне церкви и один из внутренних столбов. Под фундаментными рвами шириной до 180 см фиксировались остатки от столбовых конструкций диметром 15–20 см. Основание фундамента сложено из крупных белокаменных блоков, обломков, чередующихся с обломками поменьше, с большим количеством крошки и кирпичным боем на известковом растворе. Внутренний столб шириной около 220 см, был сложен по периметру из грубо отесанных крупных известняковых блоков с забутовкой внутренней части колотым белым камнем, пролитым известковым раствором.

[19] *Беляев А.В.* Об археологических раскопках при «устройстве полов в Пещерном храме» Собора Казанской иконы Божьей Матери на территории Казанско-Богородицкого монастыря, г. Казань. Б.Красная, 5, в 2017 году. Раскоп 72. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный архив.

[20] *Беляев А.В.* Отчёт об археологических раскопках в г. Казани, по ул. Б.Красная, 5, Казанский Богородицкий монастырь. Раскоп №76, в 2017 г. В 2-х томах. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный архив.

[21] *Елкина И.И.* Отчет на выполнение научно-исследовательских комплексных архитектурно-археологических работ при воссоздании Собора Казанской иконы Божьей Матери (Республика Татарстан, г. Казань, ул. Большая Красная, д. 5, Казанский Богородицкий монастырь). Москва, 2018 // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный каталог.

В южной половине раскопа были обнаружены фундаментные рвы северного фаса церкви Сретения Господня (построенной около 1692 г.), шириной около 2 м. По дну котлована фундамента фиксировалось свайное поле из деревянных столбиков. Общая длина прослеженного фундамента составляет не менее 14 м. Кладка стены вытянута в направлении запад-восток с уклоном на 15 градусов к северу[22].

В восточной части раскопа LXXXIII были вскрыты участки монастырской ограды[23]. Был обнаружен фундамент шириной 140–150 см, сложенный из крупного грубо отесанного и рваного бутового камня на известковом растворе. Расположение фундамента совпадает с оградой монастыря XVIII–XIX вв., демонтированной в 1803–1808 гг. после расширения территории монастыря в этой части на 4 сажени.

В раскопах LXXVII (2017 г.) и LXXXIII (2018 г.) были выявлены фундаменты церкви Рождества Богородицы[24]. Храм располагался у «молодого» собора в «двух саженях» от его юго-восточного угла. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы, датируемая по историческим свидетельствам, около 1648 г. была разобрана. Обнаруженный в раскопе фундамент церкви был сложен по принципу панцирной кладки. Крайний ряд кладки был выложен из крупных, грубо отесанных известковых камней, скрепленных друг с другом известковым раствором. Заполнение между крупными камнями представляло собой забутовку из фрагментов кирпичного боя и колотого известняка, которая была в четыре слоя на известковом растворе. Длина выявленной кладки составила 31 м, ширины 160–180 см при сохранившейся высоте до 160 см.

В XX в. участок, где располагался храм, был нивелирован. Мощность культурного слоя в раскопе составила 120 см. Верхние слои XIX–XX вв. представлены горизонтами насыщенными строительными остатками толщиной до 65 см. Под ними фиксировались пласты XVI–XVIII вв. темно-коричневой и бурой супеси, мощностью до 60 см. Слой в раскопе LXXXIII (2018 г.) был сильно поврежден погребениями монастырского некрополя. На исследованном участке было выявлено 27 захоронений, в том числе 3 в кирпичных склепах.

К древнейшим археологическим находкам, обнаруженным на участках работ, относятся развалы сосудов датируемых XIV–XV вв., монета Золотой Орды XIV в. К товарам импорта относится дорогая поливная посуда XVII в, а также серебряное «эре» шведского короля Юхана III 1587 г. Со временем штурма г. Казани войсками Московского царя Ивана IV Васильевича в 1552 г., вероятно, связано обнаруженное пушечное каменное ядро диаметром около 30 см.

Значительную часть площади монастыря занимали некрополи, ставшие объектами исследования в ходе раскопок 2016–2018 гг. Было выявлено более 200 погребений XVII–XX вв. Обнаружены одиночные и групповые кирпичные склепы, часть которых сильно пострадала при строительстве зданий табачной фабрики в середине XX в. Кирпичные склепы на отдельных участках раскопов LXXII и LXXXIII могли располагаться в 3–4 яруса[25]. Склепы имели арочные своды, были вытянуты по линии запад-восток, кладка крепилась с помощью глиняного раствора. В раскопах LXXIII и LXXXIII помимо склепов во время раскопок было найдено около 60 грунтовых погребений[26]. Часть погребений, ориентированных по линии ЮЮЗ-ССВ, относятся к приходским кладбищам церквей Сретения Господня и Николая Чудотворца Тульского.

На участках в северо-восточной части раскопа LXXII (2016 г.) следов православного погоста

[22] Там же.

[23] *Старков А.С.* Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на участках, планируемых к хозяйственному освоению по воссозданию Собора Казанской иконы Божьей Матери в 2018 г. (Раскоп LXXXIII). Казань, 2018. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный каталог.

[24] *Беляев А.В.* Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на участках, планируемых к хозяйственному освоению при прокладке сетей и объектов инженерно-технического обеспечения по воссозданию Собора Казанской иконы Божьей Матери в 2017 г. II часть. Прокладка сетей и объектов инженерно-технического обеспечения (прокладка сетей теплоснабжения Комплекса Богородицкого монастыря от котельной КАИ. I очередь). (Раскоп LXXVII). Казань, 2017. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный каталог. *Старков А.С.* Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на участках, планируемых к хозяйственному освоению по воссозданию Собора Казанской иконы Божьей Матери в 2018 г. (Раскоп LXXXIII). Казань, 2018 // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный каталог.

[25] *Ситдиков А.Г.* Отчет о проведении комплексных архитектурно-археологических исследований при воссоздании Собора Казанской иконы Божьей Матери (Республика Татарстан, г. Казань, ул. Большая Красная, д. 5, Казанский Богородицкий монастырь). Казань, 2018. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный архив. *Старков А.С.* Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на участках, планируемых к хозяйственному освоению по воссозданию Собора Казанской иконы Божьей Матери в 2018 г. (Раскоп LXXXIII). Казань, 2018. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный каталог.

[26] *Елкина И.И.* Отчет на выполнение научно-исследовательских комплексных архитектурно-археологических работ при воссоздании Собора Казанской иконы Божьей Матери (Республика Татарстан, г. Казань, ул. Большая Красная, д. 5, Казанский Богородицкий монастырь). Москва, 2018 // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный каталог. *Старков А.С.* Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на участках, планируемых к хозяйственному освоению по воссозданию Собора Казанской иконы Божьей Матери в 2018 г. (Раскоп LXXXIII). Казань, 2018. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный каталог.

Рис. 3. Могильные камни Склепа А.А. Бекетова.

не прослежено, что косвенно указывает на структуру размещения функциональных зон монастыря[27]. Наибольшая концентрация погребений в раскопе № LXXII (2016 г.) фиксировалась у северо-западного угла «молодого» собора, здесь насчитывалось до 4–5 ярусов погребений.

С родовыми усыпальницами связаны две надгробные плиты, обнаруженные у западной лестницы воссоздаваемого собора. Надписи на плитах: «Под сим камнем погребено тело госпожи полковницы Натальи Федоровны Бекетовой, скончалась 1768 году декабря 23 дня»; «Под сим камнем погребено тело господина полковника Афанасия …. Бекетова, преставился 1769 года августа 5 дня» (рис. 3). Можно предположить, что захоронения принадлежат полковнику Афанасию Алексеевичу Бекетову, в 1729–1731 гг. и 1751– 1752 бывшему воеводой в Симбирске[28].

Исследования на территории Богородицкого монастыря в ходе работ по воссозданию собора Казанской иконы Божией Матери, одного из главных символов Казани, опирались на комплексные археологические, исторические и реставрационные изыскания. Были выявлены и изучены многие утраченные в разные годы монастырские объекты. Благодаря исследованиям появились новые знания об истории монастыря и прошлом Казани. Полученные в ходе исследований данные легли в основу специально созданного музея представляющего разные этапы сложной судьбы этого уникального объекта культурном наследии России.

[27] *Ситдиков А.Г.* Отчет о проведении комплексных архитектурно-археологических исследований при воссоздании Собора Казанской иконы Божьей Матери (Республика Татарстан, г. Казань, ул. Большая Красная, д.5, Казанский Богородицкий монастырь). Казань, 2018. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1.

[28] Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Приложение к памятной книжке на 1868 год. Симбирск: Симбир. губ. стат. ком., 1868. С. 177–186.

Список литературы

Беляев А.В. Отчет об археологических раскопках при «устройстве полов в Пещерном храме» Собора Казанской иконы Божьей Матери на территории Казанско-Богородицкого монастыря, г. Казань. Б. Красная, 5, в 2017 году. Раскоп 72. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный архив.

Беляев А.В. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на участках планируемых к хозяйственному освоению при прокладке сетей и объектов инженерно-технического обеспечения по воссозданию Собора Казанской иконы Божьей Матери в 2017 г. II часть. Прокладка сетей и объектов инженерно-технического обеспечения (прокладка сетей теплоснабжения Комплекса Богородицкого монастыря от котельной КАИ. I очередь). (Раскоп LXXVII). Казань, 2017. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный каталог.

Беляев А.В. Отчёт об археологических раскопках в г. Казани, по ул. Б. Красная, 5, Казанский Богородицкий монастырь. Раскоп №76, в 2017 г. В 2-х томах. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный архив.

Генеральной планъ Казанскому Богородитцкому второкласному Девичью монастырю…// НМ РТ. КППи-119823/12

Вкратце о житии и о пребывании иже во святых отец наших Гурия, первого архиепископа Казанского, и священноепископа Варсонофия Тверского, первого архимандрита во граде Казани…, после 1595 – начало XVII в. // БАН. П. I. А. 17. Л. 222–285.

Елкина И.И. Отчет на выполнение научно-исследовательских комплексных архитектурно-археологических работ при воссоздании Собора Казанской иконы Божьей Матери (Республика Татарстан, г. Казань, ул. Большая Красная, д. 5, Казанский Богородицкий монастырь). Москва, 2018 // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный каталог.

Зеленецкий А. Освящение храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы и часовни на месте явления Казанской чудотворной иконы Божией Матери в память трехсотлетия царствования Дома Романовых. Казань: Центр. тип, 1914. 35 с.

Малов Е.А. Казанский Богородицкий девичь монастырь, история и современное его состояние. Казань: Тип. Ун-та, 1879. XXI. 141 с.

Планъ и фасадъ вновь кпостроению ограды указанскаго девичья монастыря. *Емельянов (М.Е.).* 1806 г. // НМ РТ. КП-10/174

Повесть о явлении чудотворной Иконы Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, иже в Казани. Сочинено смиренным Ермогеном, митрополитом Казанским и Астраханским в лето 7102 [1594], после 1595 – начало XVII в. // БАН. П. I. А 17., Л. 200–221.

Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Приложение к памятной книжке на 1868 г. Симбирск: Симбир. губ. стат. ком., 1868. 281 с.

Ситдиков А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Фэн, 2002. С. 160–206.

Ситдиков А.Г. Отчет о проведении комплексных архитектурно-археологических исследований при воссоздании Собора Казанской иконы Божьей Матери (Республика Татарстан, г. Казань, ул. Большая Красная, д. 5, Казанский Богородицкий монастырь). Казань, 2018. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный архив.

Старков А.С. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на участках, планируемых к хозяйственному освоению по воссозданию Собора Казанской иконы Божьей Матери в 2018 г. (Раскоп LXXXIII). Казань, 2018. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Электронный каталог.

Старостин П.Н. Отчет о раскопках Старого городища, проводимых летом 1997 г. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5.

Творения святейшего Гермогена, Патриарха Московского и всея России. С приложением чина поставления в Патриарха. Издание Церковной Комиссии по чествованию юбилейных событий 1612, 1613 и 1812 гг. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1912. 110 с.

Фасады, планы и разрез, на исправление колокольни Казанского первоклассного девичьего монастыря в г. Казани. Архит. И.П. Безсонов 1850 г. // НМ РТ. КППи-117398.

Халиков А.Х. Отчет об археологических наблюдениях в Казани, в 1985 г. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65А.

Хузин Ф.Ш., Печенкин А.В. Отчет об археологических исследованиях на территории бывшего Богородицкого монастыря. Р. XXXVII. // Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 120.

Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.В. Отчет об археологических исследованиях на территории бывшего Богородицкого монастыря. 2001. Научный фонд МА РТ ИА АН РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 155.

А.Г. Ситдиков, А.С. Старков
Историческая топография Казанского Богородицкого монастыря XVI–XVIII вв. (по материалам археологических исследований)

Ключевые слова: Республика Татарстан, Казанская икона Божией Матери, Казанский Богородицкий монастырь, археологические раскопки, архитектура, руины XVI–XIX вв., Пещерный храм

Аннотация: В статье содержатся краткие итоги археологического изучения территории Казанского Богородицкого монастыря за 2016–2018 гг., полученные в результате работ по проекту воссоздания Собора Казанской иконы Божией Матери на месте ее обретения.

A. G. Sitdikov, A. S. Starkov
Historical topography of Bogoroditsky monastery of the 16th – the 18th centuries (based on the materials of archeological research)

Keywords: Republic of Tatarstan, Kazan icon Of the Mother of God, Kazan Bogoroditsky monastery, archaeological excavations, architecture, ruins of the 16th-19th centuries, the Cave temple

Abstract: The article presents brief results of archaeological research of the territory of the Kazan Mother of God Monastery in 2016–2018, obtained as a result of the reconstruction project of the Cathedral of the Kazan icon of the Mother of God, at the site of its discovery.

И.Н. Шамина

Ограды русских монастырей начала XVIII в. по переписным книгам 1701–1702 гг.

Ограда – часть культурного образа монастыря, она имеет символическое значение. Однако повседневность и практические потребности монастырской жизни диктовали конкретные строительные решения. Изучение оград, в том числе и монастырских, уже предпринималось исследователями, в первую очередь археологами и историками архитектуры. Н.П. Крадин рассмотрел остатки сохранившихся крепостных сооружений Николо-Карельского монастыря[1]. Ограду Николо-Корельского монастыря XVI–XVII вв. изучали С.О. Шаляпин и И.М. Гостев. Авторы пришли к выводу, что она, трижды перестроенная в течение рассматриваемого времени, сохранила многие типичные черты средневекового зодчества и является одним из ярких образцов деревянной архитектуры Беломорья[2]. М.А. Капитонова охарактеризовала комплекс каменной ограды Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в 1690-х гг., которая была возведена в эти годы взамен деревянной[3]. Вопроса монастырских оград коснулась и Т.А. Кислых в статье, посвященной монастырским комплексам Архангельской губернии[4].

В настоящей статье рассматриваются виды монастырских оград, зафиксированные в переписных книгах 1701–1702 гг. Описание монастырей Российского государства и их вотчин в начале XVIII в. составлялось в связи с передачей управления духовными корпорациями в 1701 г. из приказов Большого Дворца и Патриаршего разряда воссозданному Монастырскому приказу. По наблюдениям И.А. Булыгина, оно продолжалось до 1705 г.[5], однако на большинстве территорий завершилось в течение 1701–1702 гг. К сожалению, до наших дней дошли переписные книги далеко не по всем уездам. Для настоящего исследования мною привлекались переписные монастырские книги по Москве, Вологодскому, Коломенскому, Тульскому, Каширскому, Угличскому, Галичскому и ряду других уездов Российского государства. В них приводятся данные преимущественно по средним и малым обителям. Рассмотренные источники хранятся в фонде Монастырского приказа (Ф. 237) РГАДА, часть из них опубликована.

Переписные монастырские книги – весьма содержательный источник. В них даются сведения о церковном убранстве, ризнице, библиотеках, архиве, составе братии и работников, а также хозяйстве монастырей. Большое внимание составители уделяли и монастырским зданиям – храмам, кельям, хозяйственным постройкам и монастырским оградам. Однако следует заметить, что если в одних переписных книгах стенам уделяется довольно много внимания, то в других о них имеются лишь краткие упоминания, а в третьих – сведения об оградах и вовсе отсутствуют.

Первые монастырские ограды возникали вместе с самим монастырями, и информация о них

[1] *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988.

[2] *Шаляпин С.О., Гостев И.М.* Деревянная ограда Николо-Корельского монастыря в XVI–XVII вв. // Новые материалы по истории фортификации. Статьи и материалы III и IV международных научно-практических конференций. Архангельск: Новодвинка, 2016. С. 189–199.

[3] *Капитонова М.А.* Архитектурно-археологическая стратификация и конструкции ограды Ново-Иерусалимского монастыря // Российская археология. 2013. № 1. С. 42–52.

[4] *Кислых Т.А.* Объемно-планировочная структура монастырских комплексов Архангельской области // Научные труды: Проблемы развития отечественного искусства. 2017. № 40. С. 53–68.

[5] *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М.: Наука, 1977. С. 35.

содержится в Житиях святых – основателей монастырей. Почти всегда это были деревянные сооружения, которые с течением времени перестраивались и к началу XVIII столетия в крупных и экономически развитых монастырях стали полностью или частично каменными.

Описания монастырских стен в переписных книгах начинаются, как правило, со святых ворот, представлявших собой наиболее укрепленную часть стены. Какой-либо закономерности расположения святых ворот относительно сторон света в источниках не прослеживается. Видимо, оно зависело от удобства подхода к монастырю. Над святыми воротами помещались иконы, соответствующие посвящению главного монастырского храма, а также образы наиболее почитаемых в монастыре святых. Святые ворота могли быть украшены и различными архитектурными элементами. Так, в Карпищевой пустыни Галичского уезда их венчали «четыре бочки[6]. На тех бочках глава, на главе крест древянной. Глава и бочки окожучены лемехами[7] древянными»[8].

В некоторых монастырях над святыми воротами располагался надвратный храм. Например, в Троицком Белопесоцком монастыре Каширского уезда это была «церковь каменная во имя Николая Чюдотворца с папертьми»[9], в орловском Успенском (ранее Богоявленском) – каменная Петропавловская церковь «об одной главе»[10]. В тульском Иоанно-Предтеченском монастыре на святых воротах находился, судя по всему, соборный храм: «Церковь на святых воротах каменная с дву сторон с папертью во имя Иоанна Предтечи. Крыта тесом, о пяти главах, крыты черепицею»[11].

Иногда вход в монастырь над святыми воротами венчала колокольня, как, например, это было в вологодском Спасо-Нуромском монастыре, Успенской Жуковой пустыни Галичского уезда или в Лихвинском Афанасьевском монастыре – «колокольня рублена в восмерик, крыта тесом»[12]. Примером постройки «в восьмерик» может служить колокольня из села Сыра Пермского края, которая была построена здесь в XVIII в. Колокольня, правда «восьмерик на четверике», с проездными воротами имелась, например, в Николо-Корельском монастыре. Проездные ворота из Николо-Корельского монастыря находятся сейчас на территории Музея-заповедника «Коломенское».

В переписной книге Николаевского Венева монастыря Тульского уезда указаны виды дерева, из которых сделаны святые ворота. Сами они были дубовыми, а «глава» над ними – осиновая[13]. В качестве особенности святых ворот в Астраханском Троицком монастыре можно указать, что в них в стене находилась келья, в которой жили монастырские сторожа[14]. В Жуковой Успенской пустыни Костромского уезда в святых вратах был пристроен чулан[15].

Судя по всему, в некоторых монастырях святые ворота не использовались по назначению в повседневной жизни. Так, в Авраамиевом Городецком монастыре в переписной книге рядом со святыми воротами описаны «входныя врата каменные»[16]. В галичском Николаевском монастыре «малые входные ворота» располагались справа от святых: «пред теми ж святыми враты вход из манастыря и выход забраны в столбы досками»[17]. В Авраамиевом Новозаозерском монастыре помимо святых ворот располагались «двои входные врата на монастырь древянные ж»[18].

Другие элементы монастырских оград выполняли практические функции и имели лишь утилитарное значение. Помимо святых и входных ворот во многих монастырях имелись также различные виды хозяйственных ворот. Например, «водяные ворота на пруд» в Дмитровском Борисоглебском монастыре; «взвоз» в Вологодском Спасо-Каменном монастыре, «которым в монастырь из озера воду возят»; «служни» ворота в Троицком Киржачском монастыре; задние ворота «к реке Дубенке, что ходят на мелницу» в Троицком Стромынском монастыре. Хозяйственные ворота в Троице-Сергиевом Свияжском монастыре выводили на конюшенный двор, а в Троицком Махрищском – в «рыбный сад».

Описания монастырских стен в источниках представляют большое разнообразие возможных конструкций. Некоторые, как правило, крупные монастыри окружали каменные стены. Это были, в первую очередь, обители, имевшие военно-стратегическое значение. К примеру, каменная ограда к началу XVIII в. была в Троицком Белопесоцком монастыре. Основанный в конце XV в., он располагался вблизи южных границ государства и имел для Москвы стратегическое значение – стоял на пути крымских татар, периодически разорявших русские земли. Уже ко второй половине XVI в. ограду сделали частично каменной. В ней имелось пять башен с бойницами, где размещалось оружие: «А на ограде две пушки волконые государевой дачи, да монастырских девять пушок, да дватцать

[6] Бочка – крыша, имеющая форму полуцилиндра с повышенным и заостренным верхом, в результате чего на фасаде образуется килевидный фронтон.
[7] Лемех – деревянная черепица из тонкого осинового теса.
[8] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 23. Л. 591 об.
[9] Там же. Кн. 40. Л. 425.
[10] Там же. Кн. 58. Л. 669.
[11] Там же. Л. 523.
[12] Там же. Кн. 21. Л. 149 об.
[13] Там же. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 217. Л. 128 об.–129.
[14] Там же. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 40. Л. 302.
[15] Там же. Кн. 23. Л. 591 об.
[16] Там же. Л. 680.
[17] Там же. Л. 805 об.
[18] Там же. Л. 370.

пищалей, да зелье полтретья пуда, да пятдесять ядр»[19]. Кирпичные стены взамен деревянных в 1640–1650-х гг. были возведены и в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре.

Каменная ограда в Селижаровом Троицком монастыре включала в себя четыре круглых угловых башни. Однако на плане конца XVIII в.[20] изображены лишь три из них. Башни могли использоваться и для хозяйственных целей, как, например, в Кирилло-Белозерском монастыре Свиточная, Мережная, Воскобойная, Плотничья и др., и для жилья. К примеру, в Дмитровском Борисоглебском монастыре в одной из каменных башен жили священнослужители, а в другой находилась «летняя келья» архимандрита[21]. Жилые кельи были устроены и в башнях Угличского Покровского монастыря, а в одной из башен Угличского Николаевского монастыря располагалась кузница[22].

Однако не все монастыри, имевшие когда-то военно-стратегическое значение, сохранили к началу XVIII в. реальные укрепления. Так, коломенские Голутвин и Бобренев монастыри вместе с другими обителями, расположенными на р. Оке, когда-то образовывали так называемый «Пояс Пресвятой Богородицы» и защищали Коломну и соседние города от набегов татар. Однако к началу XVIII в. их стены вряд ли могли выдержать натиск неприятеля. Так, в Голутвине монастыре участки каменной ограды имелись лишь со стороны святых ворот. Вся остальная часть стены была деревянная, к тому же сильно обветшавшая[23].

В начале XVIII в. встречались ограды, совмещавшие в себе и каменные, и деревянные элементы. Так, в Киржачском Троицком монастыре над каменными стенами была возведена другая – «деревянная рубленая, крытая тесом»[24]. В Авраамиевом Городецком монастыре на момент описания имелись три разных типа оград, построенных в разное время: каменная, каменная ветхая и деревянная: «От святых ворот по левую сторону из монастыря каменной ограды четыре сажени с четвертью аршином. От той каменной ограды… забору бревенного тритцать три звена… От того забору ограды ж каменной шестьдесят восмь сажен без четверти. Подле той вышеписанной каменной ограды каменной же ветхой ограды десять сажен»[25].

[19] ОР РГБ. Ф. 303 (Троице-Сергиева лавра). Разд. 13. № 476.
[20] Опубликован: *Осипова Г.Н.* Святые места земли Селижаровской. Тверь: Лилия Принт, 2008. С. 13.
[21] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 17. Л. 161 об.–162.
[22] Углич: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1887. С. 173, 226.
[23] *Шамина И.Н.* Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4 (47/48). С. 161.
[24] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 40. Л. 2.
[25] Там же. Кн. 23. Л. 680 об.

Строительство новой каменной стены с четырьмя небольшими башнями по углам завершилось в монастыре в 1764–1768 гг.[26].

Подавляющее же большинство российских обителей в начале XVIII в. имели деревянные стены. Переписные книги дают не только общую их характеристику, но и приводят данные о различных конструкциях. Так, в некоторых монастырях сохранились ограды в виде тына. Этот вид ограждений известен со времен Древней Руси[27]. Тыновые стены устраивались, как правило, во рвах и на валах. Наиболее высокой подобная стена была в том случае, если возводилась на ровной местности, и наименьшей высоты – если тын ставился на высоком земляном валу с крутыми откосами. В начале XVIII в. частично огорожен тыном оставался Николаевский Венев монастырь: «Вкруг всего монастыря и сада городба заборная и стоячим тыном»[28]. Тын со стороны конюшенного двора сохранился и в ограде Троицкого Алатырского монастыря[29].

Наиболее распространенными, особенно в небольших южных монастырях, являлись деревянные заборы. В Борисоглебской пустыни на Великом озере во Владимирском уезде ограда представляла собой «замет в столбы», то есть забор из горизонтальных досок, закрепленных концами в пазах вертикальных столбов[30]. В Астраханском Троицком монастыре была «городьба в столбах, забрано в бревны»[31]. В вологодском Григорьеве Пельшемском – «бревенная в заплот»[32], то есть сплошная ограда из бревен.

В строительстве крепостных сооружений широко использовались срубы («клетки»). Примеры таких оград имели место и в монастырях, большей частью северных. Так, например, в Вологодском Иннокентиеве-Комельском монастыре в начале XVIII в. была «ограда рубленая, крытая о четыре угла»[33], подобное строение имел и Павлов Обнорский монастырь[34]. В Глушицком монастыре

[26] *Зонтиков Н.А.* Авраамиев Городецкий в честь Покрова Пресвятой Богородицы монастырь // Православная энциклопедия. Т. 1. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. С. 161.
[27] *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество… С. 12.
[28] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 217. Л. 129 об.
[29] Алатырский Троицкий мужской монастырь: Документы 1612–1703 годов / Сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015. С. 328.
[30] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 18. Л. 139.
[31] Там же. Кн. 40. Л. 331 об.
[32] *Шамина И.Н.* Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII – начала XVIII вв. // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4 (23/24). С. 48.
[33] *Шамина И.Н.* Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2 (13/14). С. 73.
[34] *Шамина И.Н.* Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2 (17/18). С. 74.

ограда была «рублена с лица в брус, в высоту в две сажени, покрыта тесом на два ската в зубец»[35]. В Николаевском Пешношском монастыре ограда описана как «город деревянной, рублен клетками. По нем ход. Крыт город и башни тесом»[36].

В некоторых монастырях в конструкцию деревянных стен входили башни. Они были разных форм: например, шестигранные в Одоевском Анастасове монастыре[37], восьмиугольные и четырехугольные – в Николаевском Пешношском[38]. По наблюдениям Н.П. Крадина, башни с шестью и восьмью стенами в отличие от четырехугольных, давали возможность соединять стены ограды не только под прямым углом. Достоинством многоугольных башен было то, что они выступали за линию ограды тремя, четырьмя или пятью стенами, что значительно увеличивало поле обзора[39].

Часто в роли монастырских стен выступали различные хозяйственные постройки. Так, в Вологодском Иннокентиеве-Комельском монастыре в стене были «зделаны вместо лавок тридцать шалашей, приезжают богомольцы на праздник и харчем торговати»[40]. Аналогичным, судя по всему, образом в расположенных неподалеку от Иннокентиева Спасо-Нуромском монастыре было «приделано к монастырской стене вместо лавок шалашей с шездесят, покрыты с стеною в ряд дранью»[41], в Павлове Обнорском – «вместо ограды погребы каменныя, и поварни каменныя, и анбары деревянныя»[42]. В Рождественском монастыре в Перемышле к монастырю был пригорожен скотный двор[43].

Ограды в некоторых, как правило, небольших монастырях являлись лишь формальными. Так, Петровский монастырь в Мценске был огорожен «с одну сторону в забор струговыми досками, а с трех сторон кольем и плетнем»[44]. Плетень служил оградой и в Троицком монастыре Крапивны[45]. Вряд ли могла выполнять функции защиты и деревянная стена Болховского Рождественского монастыря, которая на момент описания «розвалилась»[46].

Во многих переписных книгах приводятся сведения о протяженности монастырских стен в саженях. Некоторые описания отличаются особой подробностью и позволяют составить довольно точную схему расположения таких сооружений. Например, в Московском Никитском монастыре было «от Никицкой болшой улицы по переулку, что словет Кисловка, по каменной ограде тритцать деветь сажен с полуаршином. Да от каменной ограды по забору десеть сажен. В другом конце от Никитцкой же болшой улицы подле двора боярина князя Ивана Борисовича Троекурова… по забору тритцать восмь сажен. По Никитцкой болшой улице по святым воротам по каменной ограде сорок шесть сажен с полусаженью. В другом конце от переулка, что словет Кисловка, до двора боярина князь Ивана Борисовича Троекурова сорок шесть сажен с аршином»[47].

В некоторых источниках содержатся данные и о высоте стен. Так, в Вяземском Иоанно-Предтеченском монастыре высота «рубленной клетками» ограды составляла полторы сажени[48], в Николаевском Улейминском монастыре – шесть аршин, в Угличском Покровском – аршин с четвертью[49]. О высоте башен упоминается в переписной книге Николаевского Пешношского монастыря: «в равенстве з городовою стеною, не совершена»[50]. Иногда указывалась и толщина стен. Наиболее мощные из рассмотренных мною деревянные стены зафиксированы в Николаевском Пешношском монастыре: «з башнею ширина меж стен в три сажени с аршином»[51]. В Троицком Селижарове и Покровском Угличском монастырях толщина стен составляла два аршина, в Угличском Улейминском – полтора аршина с вершком[52].

Монастырские стены образовывали, как правило, четырехугольник. Однако были и исключения. Так, в конце XVI в. началось строительство каменных стен в Соловецком монастыре, после чего он приобрел форму пятиугольника[53]. Ограда Коломенского Брусенского монастыря представляла собой окружность: «А в концах того монастыря мерят немочно, для того ограда круг монастыря круглая»[54].

Монастырская стена могла быть и не замкнутой. Примером служит, в частности, ограда Вологодского Спасо-Каменного монастыря, расположенного на небольшом Каменном острове в Кубенском озере. В качестве обязательного

[35] *Башнин Н.В.* Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря: опись имущества и строений 1701 г., переписные книги вотчины 1702 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4 (31/32). С. 157.
[36] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 40. Л. 347–347 об.
[37] Там же. Кн. 21. Л. 193–193 об.
[38] Там же. Кн. 40. Л. 347–347 об.
[39] *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество… С. 20.
[40] *Шамина И.Н.* Преподобный Иннокентий Комельский… С. 73.
[41] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 43. Л. 40 об.
[42] *Шамина И.Н.* Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря… С. 74.
[43] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 21. Л. 222.
[44] Там же. Л. 452.
[45] Там же. Кн. 58. Л. 688 об.
[46] Там же. Кн. 21. Л. 133.
[47] Там же. Кн. 17. Л. 6.
[48] Там же. Л. 507.
[49] Углич: материалы для истории города… С. 173, 226.
[50] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 40. Л. 347.
[51] Там же.
[52] Углич: материалы для истории города… С. 173, 226; РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 17. Л. 295.
[53] *Романенко Е.В.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 83.
[54] *Шамина И.Н.* Переписные книги… С. 224.

атрибута там стояли каменные святые ворота: «в них решетка и полотенца деревянные». Над святыми воротами находилась церковь в честь Усекновения Главы Иоанна Предтечи. Роль части монастырских стен играли постройки: «Вместо ограды кругом того монастыря властелинских и братцких дватцать четыре кельи». Здания были построены на «режи» – бревенчатой решетке, которая служила для укрепления берега. В хозяйственной же части монастыря – «у взвозу» ограды вовсе не было: «По скаске того монастыря жителей бытьде воротам невозможно, по вся годы весною ломает лдом, для того и не строят»[55]. Не имел замкнутой ограды также и Лихвинский Афанасьевский монастырь: «С одной стороны ограда забрана в забор, а с трех сторон ограды нет»[56].

Небольшие монастыри, как, например, Вологодская Симоно-Воломская пустынь, могли вообще не иметь стен. Не огорожен к моменту описания 1702 г. оказался и сравнительно крупный Вознесенский девичий монастырь в Мценске, утративший стены после пожара.

Таким образом, в изучаемый период монастырские ограды отличались разнообразием. Их конструкция определялась местными традициями и экономическими условиями. Обязательным архитектурным элементом являлись лишь святые ворота с иконами или надвратной церковью (колокольней). Из 89 изученных мною монастырей каменные стены к началу XVIII в. имели 9 (10%). Как правило, это были сравнительно крупные городские монастыри. Частично каменные стены имели 5 (5,6%) монастырей. Подавляющее большинство обителей – 60 (67%) – к началу XVIII в. оставались с деревянными оградами. У многих из них они находились в ветхом состоянии. Два монастыря были огорожены плетнем, у одного – Спасо-Каменного – оградой служили монастырские постройки. У трех монастырей ограды не было вовсе, либо она имелась лишь с одной стороны. Информацию о стенах восьми монастырей из переписных книг 1701–1702 гг. получить не удалось.

Ниже в алфавитном порядке даны описания святых ворот и оград рассмотренных мною монастырей из переписных книг 1701–1702 гг. Поскольку в разных источниках и литературе монастыри могли называться по-разному, в данном списке они приводятся по наиболее известным наименованиям или, если таковые отсутствуют, по географическому принципу.

Авнежский в честь св. Троицы монастырь: «Да у монастыря же ворота святые рублены в замок. А на них верх шатровой покрыт тесом. Крест деревянной обит белым железом. Да на воротах же на одной стороне, от монастыря которая изнутри, образ Господь Саваоф. По сторонам восмь образов преподобных отец. Писаны красками. На тои же стороне на других воротах образ Живоначалныя Троицы, да образ Пречистые Богородицы Тифинския, да образ Спасов. На том же образе писаны притчи. Да на другой стороне святых ворот вне монастыря деисус на девяти цках. Писаны красками. На тои же стороне над меншими вороты образ Нерукотвореннаго Спаса да Вход во Иеросалим. Да образ Лазорево воскресение. У тех же ворот причелины[57] и под шатрами летопись кругом, писаны красками черными. У монастыря же другие ворота, что ходить на конюшенной двор, створные. А монастырь кругом огорожен забором клетками, покрыт желобьем»[58].

Авраамиев Городецкий в честь Покрова Пресвятой Богородицы монастырь: «Святые врата и подле тех святых врат по правую сторону входныя врата каменные. В тех вышеписанных святых вратах врата древянные створные решащчатые болшие. Во входных вратех ворота древянныя ж брусчатые, полотенцо[59] дощаное. Около того монастыря от святых врат по левую сторону из монастыря каменной ограды четыре сажени с четвертью аршином. От той каменной ограды около того манастыря забору бревенного тритцать три звена, забраны в столбы. От того забору ограды ж каменной шестьдесят восмь сажен без четверти. Подле той вышеписанной каменной ограды каменной же ветхой ограды десять сажен. Около того ж монастыря древянной ограды дватцать восмь звен, бревенные, рублены в заплот. От той древянной ограды шестнатцать звен бревенныя рублены в лапу. Из монастыря клетками вкруг того монастыря мерою двести семьдесят сажен… На вышеписанной огражденой каменной стене башня каменная ж, подле ветхой каменной же ограды другая башня каменная ветхая. Той башни у дверей два пробоя[60], цепь накладная железная»[61].

Авраамиев Новозаозерский в честь Успения Пресвятой Богородицы: «На монастыре святые врата древянные створные. А на них поставлены иконы, писаны на обеих странах… На тех святых вратах крест опаян белым немецким железом.

[55] Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Изд. подгот. О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова при участии А.П. Анишиной, Н.А. Бараевой, Е.А. Виноградовой, А.Н. Красикова, С.Н. Смольникова, И.Н. Шаминой. Вологда, 2011. С. 155.
[56] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 21. Л. 150.
[57] Причелина – резная доска, прикрывающая торец двускатной тесаной крыши от излишней влаги.
[58] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 40. Л. 209 об.–210.
[59] Полотенце – короткая, украшенная сквозной резьбой доска, закрывавшая стык причелин.
[60] Пробой – металлическая дужка, служащая для навешивания замка, с острыми концами, которые пропускаются (пробиваются) сквозь дверь.
[61] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 23. Л. 680, 680 об., 681.

Да двои входные врата на монастырь древянные ж… А у тех святых врат и у входных пять пробоев, да скоба, да пять огибней, да задвижной крюк болшей железные. Да у тех же святых врат перильца забраны с дву сторон досками». «Да круг того монастыря ограда древянная, рублена в замок. Мерою круг монастыря двести сорок полдевяти сажени: длиннику шездесят семь саженей, поперешнику шестьдесят шесть саженей трехаршинных»[62].

Авраамиева в честь Собора Пресвятой Богородицы Верхняя пустынь: «На монастыре святые врата бревенные, рублены в угл… В тех святых вратех с монастыря дверцы решешчатые древянные. Из монастыря в тех же святых вратех створные ворота, два полотенца тесовые. Подле тех святых врат входные ворота – три вереи[63] бревенные, полотенцо тесовое. Ветхи»[64].

Авраамиева в честь Положения Ризы Господней Великая пустынь: «На монастыре святые врата и подле тех святых врат входные ворота… Вышеписанные святые врата и входные ворота – три вереи бревенные, два полотенца тесовые. Около того монастыря забору девяносто шесть звен, забраны в столбы бревнами. Зело ветхи»[65].

Алатырский в честь св. Троицы монастырь: «На монастыре ж святые ворота створные и с калиткою. Писаны красками. Решетка писана красками ж. Над вратами Божие милосердие деисусы на семи цках. На воротех же писаны ангели… У ворот засов железной, ворота крыты тесом, на воротех крест железной полужен. На монастыре ж ворота тчанные, крыты драньем[66]. Над вороты образ Видение великого чюдотворца Сергия, писан на красках. На конюшенной двор с монастыря ворота створные да калитка решетчатая, крыта тесом. Монастырь огорожен с трех сторон заборами, а с конюшенного двора тыном. На конюшенной двор с улицы ворота створные с калиткою, крыты тесом, замок вислой, засов железной»[67].

Александров Куштский в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь: «Круг тое пустыни забор бревенной в столбы. Мерою тое пустыни от святых ворот кругом сто семдесят шесть сажен. Святые ворота ветхи»[68].

Анастасов в честь Рождества Богородицы монастырь в Одоеве: «Около монастыря ограда древянная забором. Святые ворота древянные, на них деисус. Писаны на красках. На вратех глава крыта чешеею древянною. Меж ворот четыре сажени с полуаршином. От святых ворот до водяных ворот шеснатцеть сажен с полусаженью. Ворота створчатые, крыты тесом. Меж ворот полтрети сажени. От ворот до башни науголной семнатцеть сажень без четверти. Башня древянная рубленая шестигранная, крыта тесом. Башня мерою вкруг полчетверти сажени. От наугольной башни семдесят три сажени с полусаженью. Башня шестигранная не крыта. Вкруг башни три сажени без четверти. От второй башни до третей башни шестьдесят сажен с полусаженью. Башня шестигранная мерою вкруг три сажени без четверти, крыта тесом. От третей башни до четвертой башни сорок семь сажен. Башня шестигранная. Вкруг башни мерою три сажени без четверти, крыта тесом. От четвертой башни до святых ворот четырнатцеть сажен. И всего вкруг монастыря мерою двести сорок семь сажен с аршином»[69].

Астраханский в честь св. Троицы монастырь: «Церковь над святыми вороты каменная Вход в Иеросалим о пяти главах. З дву сторон паперть каменная покрыта тесом». «Да над святыми вороты часовня деревянная, а в ней образ месной Пресвятые Троицы, писан на краске». «Задние ворота каменные, крыты тесом». «На правой стороне во святых воротех в стене келья, а в ней живут сторожи, вшед в монастырь в святыя ворота на правой стороне». «Круг монастыря городьба в столбах, забрано в бревны»[70].

Балахнинский в честь Покрова Пресвятой Богородицы монастырь: «Святые ворота древянные рубленые. Около монастыря ограда древянная в столбах, забором забрана простым. И сему монастырю мера: длина 40 сажен, поперешнику 25 сажен»[71].

Белевский в честь Воздвижения Креста Господня монастырь: «Круг монастыря ограда древянная. Святые вороты рубленые с колиткою, мерою четыре сажени с полусаженью. На них деисусы писаны на красках. От святых ворот по стене до угла дватцать две сажени. От угла по другой стене до воденых ворот дватцеть четыре сажени. Мерою ворота две сажени без полуаршина. От ворот по стене пять сажень до Никифорова двора, по задней стене четырнатцать сажен. От угла по третей стене сорок пять сажен. По четвертой стене до святых ворот восмь сажен. И всего круг монастыря мерою сто дватцать четыре сажени с аршином»[72].

Белевский в честь Преображения Господня монастырь: «Около монастыря от святых ворот каменною церковною стеною до угла пять сажень два аршина. От угла к реке Оке до зобору древянного пять сажен без полуаршина. От церковной стены зобором до угла тритцать одна сажень с аршином. От угла до церкви каменной четыре сажени два аршина. По церковной каменной стене мерою осмнатцать сажен. От церковной стены древянною рубленою стеною, что от реки Оки, тритцать девять сажен. От угла стеною, что от города, пятьдесят пять сажен с четвертью. От угла до водяных ворот осмнатцеть сажен. Ворота мерою полтретьи сажени. От воденых ворот по церковной стене до угла четыре сажени без полуаршина. От угла до святых ворот три сажени. Святые ворота мерою две сажени без трех четвертей. Ворота с калиткою. Всего мерою круг монастыря сто восмьдесят семь сажен с полуаршином. Ограда древянная ветха»[73].

Белопесоцкий в честь св. Троицы монастырь: «Монастырь ограда каменная». «На старых монастырских каменных воротах церковь каменная во имя Николая Чюдотворца с папертьми»[74].

Бобренев в честь Рождества Пресвятой Богородицы монастырь в Коломне: «У монастыря святыя ворота с калиткою каменныя, покрыты тесом… Ограда кругом монастыря деревянная ветха… Мера тому монастырю с южные страны по воротной стене тритцать четыре сажени. С восточные стены мимо церковного алторя до северные стены дватцеть семь сажень. По северной стене от восточные до конюшенных ворот сорок сажень. По западной стене от ворот до северные стены тритцеть восемь сажен»[75].

Болховский в честь Рождества Христова монастырь: «Святые ворота каменные пять сажен без аршина. От святых ворот до Кирилова двора Коргина тритцать одна сажень. Другою стеною сорок семь сажен. По третей стене пятдесят сажен. По четвертой стене от угла забором до воденых ворот осмнатцеть сажен. Мерою ворота три сажени. От воденых ворот до святых ворот пятдесят одна сажень с аршином. И всего круг монастыря мерою двесте пять сажен. Ограда розвалилась»[76].

Борисоглебская пустынь, что на Великом озере во Владимирском уезде: «А по мере тое Борисоглебские пустыни от святых врат на правую страну круг монастыря до святых же врат около ограды двести семьдесят восмь сажен. В том числе в мере и святые врата. Святые врата рублены в две стены в ус[77]. Другие врата въезжие. На святых вратех семь икон. Святые врата и въезжие дощатые. На святых и въезжих вратех крышка полаткою. Над ними вырублен шатер. На шатре глава обита чешуею древянною. Крест опаен белым немецким железом, а все крыто тесом. От святых врат в длину тое пустыни мерою девяносто сажен. Поперег тое пустыни мерою семьдесят семь сажен. Около пустыни городьба замет в столбы, ветха»[78].

Брусенский в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь в Коломне: «Святые ворота древянные. На них образ Воскресения Христова. Ограда вкруг монастыря древянная ветхая. От святых ворот по северной стране церквей по монастырю и по огороду мерою длины сорок восмь сажен. Да северной страны от Голутвинского подворья подле келей по монастырю и по огороду поперег внутри мерою тритцеть четыре сажени с полуаршином. А в концах того монастыря мерить немочно, для того ограда круг монастыря круглая»[79].

Буныров в честь Благовещения Пресвятой Богородицы монастырь в Алексинском уезде: «Монастырь огорожен забором, мерою по святым воротам, и по задней стене, и по старанам по сороку сажен. Святые ворота деревянные створные. На них деисус»[80].

Варнавина в честь св. Троицы пустынь в Галичском уезде: «На монастыре святые врата… А подле их входные ворота – три вереи бревенные. Два полотенца тесовые прибиты гвоздьем железным. И у тех же святых врат задвижка, замок веслой, два пробоя. У входных ворот три петельки на крючках, защелочка, чепь накладная однозвенная железные. На том же монастыре другия ворота створные въезжия… две вереи бревенные, два полотенца тесовые. Подле тех ворот калитка. Тои калитки у дверей защелочка, скоба железные. Около того монастыря забору пятьдесят два прясла бревенные, забран в столбы»[81].

Венев во имя свт. Николая Чудотворца монастырь: «Святыя ворота дубовыя рубленые в брус, щиты воротные створчетые двойные… Подволока у ворот в касяк, покрыты тесом. На вратех глова крыта чешуею осиновою. На ней крест, обит белым железом. Мера тому монастырю: длиннику семьдесят две сажени, поперечнику по святым воротам сорок шесть сажен с аршином; в другом конце сорок одна сажень с аршином без трети». «Вкруг всего монастыря и сада городба заборная и стоячим тыном»[82].

Воротынский Спасо-Преображенский монастырь: «Монастырь огорожен забором. Святые ворота рубленыя, покрыто тесом. Мерою по святым воротам тритцать пять сажен. По сторонния стены по сороку по пяти сажен. По задней стене дватцать четыре сажени»[83].

---

[62] Там же. Л. 370 об.–371, 384.
[63] Верея – столб, на который навешивается полотенце ворот.
[64] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 23. Л. 749 об.
[65] Там же. Л. 508–508 об.
[66] Драньё – тонкие дощечки для обивки стен и потолка, для покрытия крыши.
[67] Алатырский Троицкий мужской монастырь… С. 328.
[68] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1 Ч. 1. Кн. 43. Л. 88 об.
[69] Там же. Кн. 21. Л. 193–193 об.
[70] Там же. Кн. 40. Л. 289, 289 об., 299, 302, 311 об.
[71] Там же. Кн. 18. Л. 12 об.
[72] Там же. Кн. 21. Л. 119–119 об.
[73] Там же. Л. 29–29 об.
[74] Там же. Кн. 40. Л. 401, 425.
[75] *Шамина И.Н.* Переписные книги… С. 210.
[76] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 21. Л. 132 об.–133.
[77] Рубка в ус – способ сопряжения брусьев под углом около 45 градусов.
[78] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 18. Л. 138 об.–139.
[79] *Шамина И.Н.* Переписные книги… С. 224.
[80] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 21. Л. 227 об.
[81] Там же. Кн. 23. Л. 730 об.–731.
[82] Там же. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 217. Л. 128 об.–129, 129 об.
[83] Там же. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 21. Л. 245.

Вяземский во имя Иоанна Предтечи монастырь: «Около того монастыря ограда деревянная рублена клетками, вышиною полторы сажени. По углам тои ограды по башне деревянной, а вышина тем башням от земли до крышки по две сажени и болши. Длины и ширины полторы сажени и болши… По стене мимо монастырских святых ворот длиннику семдесят шесть сажен без аршина. От посацкой слободы по стене длиннику шестьдесят одна сажень с полусаженью. От поповского саду по стене ширины шестьдесят восмь сажен. От монастырской слоботки по стене ширины семьдесят одна сажень»[84].

Вязниковский в честь Благовещения Пресвятой Богородицы монастырь: «А мерою в том монастыре от святых врат в длину до задней оградной стены шестьдесят восмь сажен. А поперек того монастыря мерою пятдесят четыре сажени с полусаженью. В том же монастыре святые врата древянные брусяные о седми столпцах, в столп по осми углов, вверх о четырех бочках. Глава у бочки и под главою закомарочки обиты чешуею древянною. Крест древянной, опаен белым немецким железом. Крыты тесом. Подзорные доски со всех сторон четырех стран писаны краски». «У святых врат затворы створные древянные. Другие – меншие, одинакие, на железных петлях». «Подле святых врат другие врата – въезжие створные стамовые[85], крыты драницами. Подле их калитка проходная. Над нею покрыто тесом. Святые врата, и з другими меншими вратами, и с рубленными столпцами мерою поперек полпяты сажени. В длину тех врат мерою три сажени три четверти». «Да мерою вкруг монастыря по оградной стене от святых врат налево по оградной стене до угла дватцеть две сажени. А от того угла налево до угла ж дватцеть девять сажен. А от угла направо до угла ж пятнатцеть сажен. А от того угла направо до конюшенного двора семь сажен с полусаженью. Ограда прясла в замет без кровли, ветхи. Да в той же ограде монастырской конюшенной двор. А от того конюшенного двора хоромным строением до угла и до монастырского огорода дватцать семь сажен. А от того угла налево конюшенным же двором хоромным строением до монастырского квасного ледника пятнатцеть сажен. А от того ледника монастырскою оградною стеною и хоромным строением до задних монастырских ворот, что ходят на гумно, дватцеть три сажени. А задние ворота стамовые, крыты тесом, ветхи. А от тех задних ворот монастырским хоромным строением мерою до угла брацкие кельи дватцеть шесть сажен с полусаженью. А от того келейного угла налево в круге стеною оградною до чистокола на столбах и до саду тритцеть сажен без полуаршина. А от того столба направо в круте честоколом до столба ж старой ограды осмнатцеть сажен с аршином. А от того столба налево в круте до новой рубленой ограды восмь сажен с полусаженью. А рубленые оградные стены мерою до угла десять сажен с полусаженью. А от того угла оградные стены до святых врат мерою сорок сажен без аршина. А та ограда рублена в клетки, покрыта драницами. Всего вкруг монастыря мерою 276 сажен с аршином»[86].

Вязниковский в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы монастырь: «Длина монастырю от святых врат до воденых врат девяноста шесть сажен. В средине того монастыря поперечнику пятдесят сажен с аршином. Поперечнику ж к святым вратом дватцать восмь саженей… А та древянная ограда рублена в лапу»[87].

Галичский во имя свт. Николая Чудотворца монастырь: «Под церковию архидиакона Стефана святые врата… створные древянные, полотенцо дощаное, прибито к брусу гвоздми железными… По правую страну тех святых врат малые входные ворота, полотенцо дощаное прибито гвоздьем железным. Пред теми ж святыми враты вход из манастыря и выход забраны в столбы досками. Около того монастыря забору бревенного сорок четыре прясла, забраны в столбы. Того ж монастыря ворота въезжие, вереи бревенные»[88].

Галичский Зачатьевский монастырь: «На монастырь ворота входные древянные о дву вереях. Вереи бревенные, полотенцо дощаное»[89].

Георгиевский приписной к Троице-Сергиеву монастырь: «Огорожен заборы в столбы. Святые врата рубленые. Покрыто тесом. На вратех Божия милосердия деисус на шти цках. Другие врата створные дощатые. Третие малые воротца – калитка»[90].

Голутвин в честь Богоявления (Старо-Голутвин) монастырь в Коломне: «Над святыми враты церковь каменная во имя Введения Пресвятыя Богородицы, покрыта тесом, а главы черепицею древянною». «Извне монастыря от конюшенной избы до квасоваренной каменной стены четыре сажени со аршином. А каменной стены со святыми вороты дватцать шесть сажен без полуаршина. Да древяной ограды тритцать три сажени полтретья аршина. И всего каменной и древянной стены шездесять три сажени. По восточной стене тритцать две сажени с третью. По южной стене пятдесят девять сажен. По западной стене от конюшенного двора тритцать восемь сажен с аршином. И вкруг того монастыря деревянная ограда вся ветхая»[91].

[84] Там же. Л. 507–507 об.
[85] Стамовый – отвесный, перпендикулярный.
[86] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 18. Л. 82, 82 об., 83, 83 об., 84, 84 об.
[87] Там же. Л. 117 об. – 118.
[88] Там же. Кн. 23. Л. 805–805 об.
[89] Там же. Л. 776.
[90] Там же. Кн. 40. Л. 215.
[91] *Шамина И.Н.* Переписные книги… С. 133, 161.

Городеченская в честь Благовещения Пресвятой Богородицы пустынь в Серпейском уезде: «Монастырь огорожен забором»[92].

Гороховецкий во имя свт. Николая Чудотворца монастырь: «Около монастыря ограда древянная рубленая, пятдесять звен, ветха. Монастырю длина 33 сажени, поперешнику 31 сажень»[93].

Гремяченский в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь в Лихвине: «А около того монастыря ограда деревянная, во многих местех забор розвалился. Святые ворота, на них деисус. Писаны на красках. Ворота створчатые с колиткою. С угла до ворот святых семь сажен. От святых ворот до угла сорок сажен. По другой стене до угла тритцать семь сажен. В третей стене от реки Оки тритцать пять сажен. По четвертой стене сорок три сажени. И всего 160 сажен»[94].

Григориев Пельшемский (Лопотов) в честь Собора Пресвятой Богородицы монастырь в Вологодском уезде: «У того монастыря святые ворота рубленые, на них верх шатровой. Ограда круг того монастыря бревенная в заплот, ветха, а во многих местех и розвалилась. Мерой того монастыря кругом сто восмьдесят сажень с полусаженью»[95].

Дивногорская в честь св. Троицы пустынь в Угличском уезде: «Круг монастыря заборы, трои ворота. С южную страну святые ворота створные с прикалитком, крыты тесом в зубец. На воротех образ Вседержителя Спаса, седяща на престоле. В деисусе 7 икон, по обе стороны святых ворот по стене мерою длиннику 58 сажен. С восточную страну поперешнику по стене мерою 44 сажени. С северную сторону ворота створные, крыты тесом в зубец. На воротах образ архангела Михаила. По обе стороны ворот по стене мерою длиннику 56 саженей. С западную страну ворота створные, крыты тесом в зубец. На вратах образ Живоначальной Троицы, писан красками. По обе стороны ворот по стене мерою поперешнику 42 сажени»[96].

Дионисиев Глушицкий в честь Покрова Пресвятой Богородицы монастырь в Вологодском уезде: «Святые ворота рубленые, а в них полотенца дощаные створчатые, другие полотенца решетчатые, створчатые. Во святых воротах деисус со апостолы, всего тринатцать икон, писаны на красках. На другой стороне образ Всемиластиваго Спаса с протчими святыми, писаны на краске. Всего восмь икон. Кругом того монастыря ограда рублена с лица в брус, в высоту в две сажени, покрыта тесом на два ската в зубец. Мерою кругом по ограде того монастыря от святых ворот до тех же мест сто девяносто пять сажен трое аршин»[97].

Дмитровский Борисоглебский монастырь: «Около монастыря ограда каменная, кругом ея мерою сто девеноста семь сажень. Три башни. У первой башни от святых ворот на углу архимандричьи кельи, в башне летняя келья. Под теми кельями и под башнею трапеза да братцкая трапезная келья и прочие службы. В другой башне живут крылошане, под нею полата ж. От тои башни в стене водяные ворота на пруд. По стене ж построена казенная келья. Под нею кладовая полата. От тои кельи на четвертом углу башня пуста. Ограда и башни крыты тесом. Кровля новая»[98].

Добрый в честь Покрова Пресвятой Богородицы монастырь в Лихвинском уезде: «Около монастыря каменной ограды от реки Оки до ворот десять сажен. Ворота четыре аршина. На воротех башня каменная. От ворот стеною до угла сорок девять сажен. С угла до святых ворот десять сажен. Святые ворота шириною по стене сажень с четвертью. На святых воротех деисус, стенное писмо. От святых ворот до проезжих ворот пятнатцеть сажен. Проезжие ворота мерою по стене полторы сажени без четверти. От тех ворот до деревянной ограды стены четыре сажени. Всего мерою каменной ограды девяносто две сажени. Толщина – аршин с четвертью. От каменной ограды деревянной ограды мерою по стене до наугольной древянной башни дватцать две сажени без аршина. Башни три сажени без аршина, по другую сторону три сажени без аршина. От тои башни до башни деревянной семдесят три сажени с четвертью. По другой стене две сажени с четвертью. От тои наугольной башни до башни ж наугольной к Оке реке пятдесят семь сажен. Башня мерою по стене две сажени. По другой стене две сажени. От тои наугольной башни от Оки реки деревянного забору пятнатцеть сажен. Всего мерою деревянной ограды и забору сто восмдесят сажен с аршином. Каменная ограда не покрыта, а деревянная ограда и башни крыты тесом и во многих местах обвалилась. На монастыре к деревянной ограде двор конюшенной… на углу конюшни башня деревянная»[99].

Дорогощанский в честь св. Троицы монастырь в Мещовском уезде: «Святыя ворота с калиткою древянные. На них деисусы и церковь во имя Собор архангела Михаила. Святые ворота и с калиткою мерою без аршина четыре сажени. От святых ворот до угла дватцать две сажени. От угла по другой стене до угла ж семдесят три сажени. От угла по третей стене до угла ж пятдесят сажен. От угла по четвертой стене до проезжих ворот

[92] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 21. Л. 136.
[93] Там же. Кн. 17. Л. 430 об.
[94] Там же. Кн. 21. Л. 145 об.
[95] *Шамина И.Н.* Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря… С. 48.
[96] Углич: материалы для истории города… С. 239.
[97] *Башнин Н.В.* Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря… С. 157.
[98] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 17. Л. 161 об.–162.
[99] Там же. Кн. 21. Л. 621–622.

тритцать три сажени. Проезжия ворота мерою две сажени. От проезжих ворот до угла дватцать две сажени. От угла до святых ворот дватцать восмь сажен. Всего двесте тритцать три сажени два аршина. Ограда – забор в столбы, ветха»[100].

Дорофеева пустынь в Угличском уезде: «Монастырь длиннику 254 сажени, поперешнику 20 сажен, а огорожен забором в столбы. Ворота святые. Над вороты деисус, по обе стороны писаны на красках. Над вороты колокольня рублена – восмерик, шатровая на стропилах… Другие ворота на столбах, покрыты тесом[101].

Жукова в честь Успения Пресвятой Богородицы пустынь в Галичском уезде: «Под колоколнею древянною на монастырь вход святых врат бревенной, рублен в лапу… Святые врата и входные воротца полотенца дощаные. Вышеписанные святые врата с одну сторону полотенцо обито брусками дощаными ж. В вышеписанном входе святых врат чюлан бревенной же рублен. В одной связи того входа того чюлана у дверей цепь накладная, пробои железные. По левую сторону святых врат на монастырь ворота въезжие, другие входные болшие о трех верех бревенных, полотенца дощаные. У входных ворот скоба, два кольца железные. Меж вышеписанными святыми вратами и входными ограды четыре клетки, рублены в замок, бревенные шесть рядов. Около того монастыря забору пятдесят два звена, забраны в столбы бревенные. На монастырь же двои воротца входные малые. Тех ворот входных две скобы, кольце, защелочка железные. Ворота ж болшие въезжие – две вереи бревенные»[102].

Иннокентиев Комельский Спасо-Преображенский монастырь в Вологодском уезде: «На монастыре ворота святые рублены в брус, на них шатер. В воротах образ Всемилостивого Спаса в деисусе с разными святыми на семи цках, писан красками. На другой стороне писано образ Обретение Честные Главы с разными святыми. Кругом монастыря ограда рубленая, крытая, о четыре угла. По углам неболшие башни деревянные. А мерою кругом двести дватцать одна сажень. Подле святых ворот в стене зделаны вместо лавок тридцать шалашей: приезжают богомольцы на празник и харчем торговати»[103].

Казанский в честь св. Троицы монастырь: «Монастырь огорожен в столбы забором. И тои ограды четырех перш нет. Святые ворота створныя, три полотенца, доски дубовые в косяк на железных крепах, крыты тесом. На вратех поставлен крест четвероконечной железной. Над вороты деисусы десять икон, и в том числе на одной цке писано на оба лица образ Всемилостиваго Спаса да образ Знамения Пресвятыя Богородицы»[104].

Карпищева в честь Казанской иконы Божией Матери пустынь в Галичском уезде: «На манастыре врата святые створчатые древянныя… На тех святых вратах четыре бочки. На тех бочках глава, на главе крест древянной. Глава и бочки окожучены лемехами древянными. Подле святых врат ворота входныя, двои ворота въезжия да калиточка маленкая. Около того монастыря з дву сторон зачата рубити ограда, древянная бревенна в замок, на одну сторону монастыря клетками. Да забору бревенного забрано в столбы сорок звен»[105].

Киржачский в честь св. Троицы монастырь: «Круг монастыря ограда и ворота святые каменные. Над каменною оградою ограда деревянная рубленая, крыта тесом. На обе стороны башни нарублены деревянные ж, крыты тесом же. На них верхи шатровые с караулнями. Над святыми вороты деисус на четырех цках: образ Спасов, образ Пречистые Богородицы, образ Иоанна Предтечи, образ Николая Чюдотворца. По другую сторону образ Живоначальныя Троицы, образ Благовещения Пресвятыя Богородицы, образ Видение великого чюдотворца Сергия, образ благоверного царя Константина и матери его Елены, в средине честный крест. Над святыми воротами шатер каменной обит тесом. На шатре крест железной, глава обита чешуею, ветх. Святые ворота и своды писаны красками. У ворот засов железной, замок вислой. Над другими воротами, что словут служни, образы деисус на трех цках. По другую сторону в киоте образ Видение великого чюдотворца Сергия, писан на золоте. У ворот засов железной, замок вислой. В тои же ограде ворота деревянные створные с калиткою, что у приказу. На вратех образ Всемилостиваго Спаса писан на красках. У ворот и у калитки засовы железные, замки вислые. Ворота ж, что преж сего бывал конюшенный двор, каменные. На вратех шатер деревянной да Божия милосердия образ Животворящий крест, да в молении Пресвятая Богородица, да чюдотворец Сергий. У ворот засов железной, замок вислой»[106].

Кожарова во имя свт. Николая Чудотворца пустынь в Галичском уезде: «На монастыре святые врата. Подле тех святых врат входныя ворота. А те вышеписанные святые врата створныя… А те вышепомянутые святые врата и подле тех врат входныя ворота о трех вереях бревенных, полотенца тесовые… Вкруг того монастыря забор бревенной, забран в столбы бревенныя»[107].

[100] Там же. Л. 566.
[101] Углич: материалы для истории города… С. 242–243.
[102] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 23. Л. 591 об., 592–592 об. В рукописи листы пронумерованы с ошибкой. В итоге в ней оказались два листа с номером 592. В данном случае имеется в виду первый из этих листов.
[103] *Шамина И.Н.* Преподобный Иннокентий Комельский… С. 73.
[104] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 40. Л. 122 об.
[105] Там же. Кн. 23. Л. 979 об., 984.
[106] Там же. Кн. 40. Л. 2–2 об.
[107] Там же. Кн. 23. Л. 952 об.–953.

Коломенская во имя свт. Николая Чудотворца пустынь на р. Гнилуше: «С восточные страны святые ворота. На них церковь во имя святаго мученика Никиты, не освящена. А на церкви колокольня… Вкруг монастыря ограда древянная»[108].

Коломенский Спасо-Преображенский монастырь: «С полунощные страны у монастыря святые ворота каменные шатровые да к ним приделаны другие, малые вороты. Во вратех образ Спасителев, Богородичен и Предтечев, да два аггела, да апостолов Петра и Павла, да преподобных Сергия и Савы на одной цке, писаны на красках… Длинику того монастыря от конюшенного двора извне по забору, что около святых врат, до переулка, что словет Каменной, по мере сорок пять сажень с четвертью сажени. З другой стороны с востоку от того ж Каменного переулка по проезжей Болшой улице извне по забору до конюшенного огорода мерою дватцеть пять сажень с полусаженью. Да поперечнику по переулку, что словет Каменной, по забору от площади до каменной монастырской ветхой ограды девять сажень. А каменной ограды по тому ж переулку излучиною двенатцеть сажен. Да по тои же каменной ветхой ограде и по забору тем же переулком до проезжей улицы дватцеть семь сажен с четвертью. Поперечник же в другом конце подле конюшенного двора церковной северной стены до проезжие улицы мерою дватцеть восмь сажен без трети»[109].

Крапивенский в честь св. Троицы монастырь: «Монастырь мерою в длину к реке и с огородом сто пятнатцать сажен, поперег в одном конце дватцеть сажен, в другом конце по реке Плове шездесят сажен. Монастырь и огород огорожен плетнем»[110].

Лихвинский во имя свт. Афанасия Александрийского монастырь: «Около монастыря ограды древянной по передней стене до святых ворот мерою две сажени два аршина. Святые ворота рубленые в четыре угла. Мерою по стене две сажени два аршина. Во святых воротех деисусы писаны на красках, ветхи. На воротех колокольня рублена в восмерик, крыта тесом. От святых ворот до проезжих ворот адиннатцеть сажен полтора аршина. Проезжие ворота с калиткою, мерою две сажени два аршина с четвертью. От проезжих ворот до угла тринатцать сажен без полуаршина. По другой стене двенатцеть сажен полтора аршина. По третей стене от бобылских дворов тритцать две сажени. По четвертой стене от попова двора дватцать пять сажен. С одной стороны ограда забрана в забор, а с трех сторон ограды нет. Всего круг монастыря по мере сто две сажени»[111].

Макариевский в честь св. Троицы Желтоводский монастырь: «Круг монастыря забор бревенной, забран в столбы, иные звенья рублены в лапу. Мерою круг монастыря двести восмьдесят сажен без одной сажени… На монастыре святые врата створныя древянные. У тех святых врат двои петли на крюках болших, замок висучей, задвишка железные. Подле тех святых врат другие ворота входные створчатые. У тех входных ворот двои петли на крюках, защелочка, замок железныя. На тех входных воротах воротечка маленькия. У тех маленьких воротечек двои петли, защелочка, два пробоя, кольце железныя. На монастыре ж двои ворота въезжие. Тех обоих ворот четыре пробоя, две задвишки, два замка веслыя железныя»[112].

Махрищский в честь св. Троицы монастырь: «Огорожен забором в столбцы»; «Врата святые покрыты тесом. На них крест железной, опаян железом немецким. На вратех, идучи с монастыря, деисус пять образов. На другой стороне образ Святые Троицы, да образ Ведения великого чюдотворца Сергия, да образ Иоанна Богослова, писаны на красках на одних цках. По сторон херувимы и серафимы. У тех же святых врат построено вновь образ святаго пророка Илии. На другой стороне Иоанн Лествичник. У тех же ворот два засова железных, шесть скоб полуженных, два замка вислых… У тех же ворот рыбной сад огорожен тыном. У ворот замок нутреной деревянной»[113].

Московский во имя св. Никиты Мученика монастырь: «А мерою тот Никитцкой девич монастырь от Никицкой болшой улицы по переулку, что словет Кисловка, по каменной ограде тритцать деветь сажен с полуаршином. Да от каменной ограды по забору десеть сажен. В другом конце от Никитцкой же Болшой улицы подле двора боярина князя Ивана Борисовича Троекурова, что преж сего был двор боярина Богдана Матвеевича Хитрова, по забору тритцать восмь сажен. По Никитцкой Болшой улице по святым воротам по каменной ограде сорок шесть сажен с полусаженью. В другом конце от переулка, что словет Кисловка, до двора боярина князь Ивана Борисовича Троекурова сорок шесть сажен с аршином»[114].

Московский Ивановский (во имя Иоанна Предтечи) монастырь, что на Кулишках: «От святых ворот по Ляпунову переулку длиннику девяносто две сажени с аршином. В другом конце подле соляного двора до Ляпунова переулка длиннику восемдесять две сажени с аршином. От святых ворот до соляного двора сорок четыре сажени. Итого имеетца в обеих концах поперечнику по дватцати

[108] Там же. Кн. 58. Л. 728 об.
[109] *Шамина И.Н.* Переписные книги… С. 123.
[110] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 58. Л. 688–688 об.
[111] Там же. Кн. 21. Л. 149 об.–150.
[112] Там же. Кн. 23. Л. 289–290.
[113] Там же. Кн. 40. Л. 60, 81 об.
[114] Там же. Кн. 17. Л. 6.

по две сажени с полуаршином. Ограда около того монастыря каменная, трои ворота створчетые, затворы железные»[115].

Мценский в честь Вознесения Господня монастырь: «Монастырь мерою в длину тритцать семь сажен, поперег тож. А городбы нет, потому что тот монастырь горел недавно»[116].

Мценский Петровский (Петропавловский) монастырь: «Монастырь огорожен с одну сторону в забор струговыми досками, а с трех сторон кольем и плетнем. Мерою в длину пятдесят семь сажен, поперег тритцать шесть сажен»[117].

Новосильский в честь Сошествия Святого Духа монастырь: «Монастырь огорожен в забор дубовым плашем. Святыя ворота крыты тесом, одне и з главою, деисусов на обеих воротех два пояса. Монастырь в длину тритцать восмь, поперег тритцать одна сажень»[118].

Нуромский Спасо-Преображенский монастырь в Вологодском уезде: «На монастыре врата святые, рубленые в брус, затворы дощатые. Над ними колоколня, а на колоколне пять коло[кол]ов… На святых вратах с приходную сторону в деисусе образ Всемилостиваго Спаса со святыми на девяти цках, писаны на краске. На другой стороне образ Происхождения Честнаго Креста Господня на красках. Над малыми вороты образ Распятия Господня со святыми на пяти цках. На другой стороне образ разных святых, писаны на красках. Круг монастыря ограда рубленая с трех сторон, а с четвертую сторону огорожено забором. Кругом сто девяносто восмь сажен. Да за монастырем приделано к монастырской стене вместо лавок шалашей с шездесят, покрыты с стеною в ряд дранью»[119].

Оптин в честь св. Троицы монастырь в Болхове: «Около монастыря мерою святые ворота каменные с колиткою. На них деисус писан на красках. Ветхи. Мерою по воротам пять сажен. От святых ворот до воденых ворот осмнатцеть сажен без аршина. Мерою ворота две сажени. От ворот до забору дватцеть три сажени. Забором до угла сорок пять сажен. До угла пятдесят три сажени. От угла до святых ворот семнатцать сажен. И всего круг монастыря мерою сто девяносто адна сажень»[120].

Оптин монастырь Макарьевская пустынь в Козельском уезде: «Святые ворота крыты дранью. На них деисусы. По другую сторону с монастыря образ Знамения Пресвятые Богородицы. Ворота мерою сажень. От ворот до угла тритцать две сажени с полусаженью. От угла до задних ворот девять сажен. Ворота мерою сажень. От ворот до угла дватцеть три сажени. По задней стене до угла сорок семь сажен. От угла до угла ж тритцать восмь сажен. От угла до святых ворот тринатцеть сажен. Всего сто шестьдесят четыре сажени с полусаженью»[121].

Орловский в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы монастырь: «Монастырь огорожен забором. Мерою в длину сорок три сажени. Поперег тритцать семь сажень»[122].

Орловский в честь Успения Пресвятой Богородицы (что ранее был Богоявленский) монастырь: «На святых вратах церковь Петра и Павла каменная об одной главе». «Круг монастыря с трех сторон ограда каменная, а с четвертой огорожено тыном. Каменная ограда вышиной четыре аршина, а мерою в длину с одну сторону семьдесят сажен, з другую сторону тритцать четыре сажени з двемя аршины. С третью сторону тритцать девять сажен. Четвертая сторона древянная, мерою сорок четыре сажени»[123].

Павлов Обнорский в честь св. Троицы монастырь в Вологодском уезде: «Ограда круг всего монастыря деревянная, четвероугольная, рубленая, а от реки Нурмы вместо ограды погребы каменныя, и поварни каменныя, и анбары деревянныя. В начале на монастырь святыя ворота деревянныя, вереи резные. На вратах верх шатровой, глава чешуйчатая. На главе крест деревянной, паян белым железом. С приходную сторону над святыми вратами у шатра в киоте Спасов образ Нерукотворенный на красках. Да на святых вратах в тябле образов с приходную сторону: в деисусе Спасов образ со святыми в десяти лицах, да над ними в другом тябле Владычних праздников десять образов. Да над малыми враты Спасов образ Нерукотворенный. Все писаны на золоте. Да с монастыря на другой стороне образ Воплощение Пресвятыя Богородицы с пророки в девяти лицах. Да на другом тябле праздников Владычних десять образов, все на золоте. Да над малыми враты образ Иоанна, списателя Лествицы. От святых ворот до угла на левую сторону с приходу десять сажень с полусаженью, а от того угла по стене до другова угла длиннику девяносто три сажени, а от другова угла к реке Нурме до третьева угла поперешнику сорок две сажени, а от третьева угла подле погребныя стены до четвертова угла мерою восмьдесят семь сажень, а от четвертова угла до святых ворот шестьдесять сажень. Святые ворота мерою три сажени. И всего мерою круг всего монастыря и святым воротам двести девяносто пять сажень с полусаженью»[124].

[115] Там же. Л. 76–76 об.
[116] Там же. Кн. 21. Л. 458.
[117] Там же. Л. 452.
[118] Там же. Л. 402 об.
[119] Там же. Кн. 43. Л. 40–40 об.
[120] Там же. Кн. 21. Л. 100 об.–101.
[121] Там же. Л. 440–440 об.
[122] *Шамина И.Н.* Документы по ранней истории орловского Введенского монастыря // Вестник церковной истории. 2018. № 3/4 (51/52). С. 38.
[123] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 58. Л. 669, 676 об.
[124] *Шамина И.Н.* Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря… С. 74.

Паисиев в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь в Галиче: «На монастыре подле святых врат входные врата. Да на конюшенной двор ворота болшие створные. Подле тех ворот прикалиток небольшей. Да с монастыря ж сьезжие ворота створные болшие, полотенца дощаные. У святых ворот и входных две цепи, два пробоя, два крюка задвижные, два замка висучие железные. Круг того монастыря ограда древянная. Мерою круг монастыря триста пятдесят сажен… На оградной стене девять башен… и круг монастыря ограда и башни крыты тесом»[125].

Перемышльский в честь Рождества Богородицы монастырь: «Круг монастыря мерою святые ворота тройные, крыты тесом. На воротех Божия милосердия образ Рождество Пресвятые Богородицы. Две иконы пророков. Ворота мерою три сажени. От монастырского коровья двора до заднего угла тритцеть шесть сажен. От угла до задних ворот три сажени. Ворота мерою сажень. От ворот до угла дватцеть две сажени два аршина. От угла до переднего угла тритцать четыре сажени полтора аршина. От угла до святых ворот дватцать две сажени с аршином. И всего сто дватцать две сажени полтора аршина. К монастырю пригорожен скотной двор, круг двора сараи, крыты соломою»[126].

Пешношский во имя свт. Николая Чудотворца монастырь: «Ворота святые на запад к реке Яхроме. Подле тех ворот другие ворота неболшие. А от святых ворот городовой стены, идучи в монастырь, налево до середней башни дватцать две сажени. А середняя башня осмиугольная, высотою в равенстве з городовою стеною, не совершена. З башнею ширина меж стен в три сажени с аршином. А от середней башни до науголной башни городовой стены дватцать две сажени два аршина. Башня осмиугольная не совершена. А от тои угольной башни до проезжей конюшенной башни городовой стены семнатцать сажен. Башня четвероугольная над вороты, шатер каменной. Около шатра гулбище[127]. Да от тои башни города деревяннаго рублено клетками до науголной башни тритцать пять сажен с аршином. А от тои башни вправо до середней башни городовой стены тритцать две сажени с аршином. А от середней башни до наугольной башни дватцать две сажени два аршина. А от наугольной башни городовой стены до каменного ледника тритцать одна сажень с аршином. Город деревянной, рублен клетками, по нем ход. Крыт город и башни тесом»[128].

Резванский во имя свт. Николая Чудотворца монастырь в Перемышле: «Святые ворота, на них деисус, писаны на красках. Ворота мерою без четверти три сажени. От святых ворот до угла тритцать семь сажен. На углу башня мерою две сажени, крыта дранью. От угла тритцать восмь сажен. На углу башня мерою два сажени. От угла до угла сорок девять сажен. От угла до проезжих ворот полчетверты сажени. Ворота мерою сажень с аршином. От ворот до угла дватцеть семь сажен с полусаженью. От угла до святых ворот четыре сажени. На двух углах башен нет. Ограда в забор, во многих местех повалилась. И всего круг монастыря мерою сто шестьдесят семь сажен с полусаженью»[129].

Саввина пустынь в Каширском уезде: «Круг монастыря ограды забором дватцеть одно звено, а остаток загорожено плетнем. Мера монастырю длины тритцать две сажени, поперечнику в одном конце дватцеть пять, в другом дватцеть две сажени»[130].

Свияжский в честь св. Троицы монастырь: «Огорожен заборы в столбы. Святые ворота рубленые. Над святыми вороты образов деисус на девяти цках. На другой стороне на тех же цках образ Пресвятые Троицы с приписными святыми. На вратех рублена церковь во имя великого чюдотворца Никона об одной главе, ветха. Паперть от пожару розломана. Врата створные, у вратех засов железной, замок нутреной. По стороне святых врат калитка, у нее замок деревянной. С монастыря на конюшенной двор ворота с прикалитком, крыты тесом. Над ними образ Видение великого чюдотворца Сергия»[131].

Селижаров в честь св. Троицы монастырь: «Около монастыря ограда каменная, в вышину и з зубцами три сажени. По углам четыре башенки круглые. В ширину ограда аршина в два, покрыта тесом. А вкруг около монастыря мерою двесте сорок сажен. К заводу святые ворота с рондуком[132], каменные затворы деревянные. А на затворех писано красками з золотом: на правом затворе притча богатаго и Лазаря, на левом затворе – введение Лотово из Содома. Над затвореми вверх тех ворот образ Святые Троицы… Настенное писмо, рундук… крыты тесом, по тесу чешуею древянною»[133].

Семигородняя в честь Успения Пресвятой Богородицы пустынь в Вологодском уезде: «А мерою круг того монастыря сто сорок сажен. Огорожен тот монастырь забором, ветх»[134].

Серапионова в честь св. Троицы пустынь во Владимирском уезде: «Святые врата створные дощатые и выезжие врата дощатые ж. В вереях,

[125] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 23. Л. 125–125 об.
[126] Там же. Кн. 21. Л. 222.
[127] Гульбище – терраса или галерея, окружающая здание по периметру поверх перекрытий подклета.
[128] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 40. Л. 347–347 об.
[129] Там же. Кн. 21. Л. 587 об.
[130] Там же. Кн. 58. Л. 425–425 об.
[131] Там же. Кн. 40. Л. 153.
[132] Рундук – площадка крыльца, пристроенного к дому; мощеное возвышение или сень, навес над таким крыльцом.
[133] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 17. Л. 295–295 об.
[134] *Шамина И.Н.* Переписная книга Успенской Семигородней пустыни Вологодского уезда 1702 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2 (45/46). С. 108.

покрыты тесом, ветхи. Около тое пустыни городьба, замет в столбы, ветха»[135].

Симоно-Воломская пустынь в Устюжском уезде: «А около тоя пустыни никакой ограды нет»[136].

Соколова в честь Рождества Богородицы пустынь в Каширском уезде: «Мера тому монастырю длины з дву сторон по дватцети сажен. Поперечнику в переднем концу по святыя воротами тринатцеть, а в заднем конце семнатцеть сажен»[137].

Солигаличский в честь Воскресения Христова монастырь: «На монастырь вход святых врат бревенной, рублен в замок. На том входе глава окожучена лемехами древянными. На тои главе крест древянной. В том входе над святыми вратами образ Живоначальные Троицы». «Святые врата створныя брусчатыя, полотенца дощаныя, прибиты гвоздьем. У тех святых врат петли на крюках болшие железныя. Подле тех святых врат ворота входныя брусчатыя ж. Полотенце дощаное прибито гвоздьем железным. У тех входных ворот петли на крюках, три скобы железные. От тех святых врат по правую и по левую стороны около монастыря ограды древянной пятнатцать звен. Промеж тех звен с монастыря и на монастырь клетками рублены в замок бревенныя на тот же монастырь двои ворота въезжия. Полотенца дощаные, вереи бревенные. Тех ворот одне створныя. Подле тех створных ворот воротечка входные маленкия. У тех створных и малых ворот колце, защелочка железная. У других въезжих ворот замок древянной, прибит тремя пруты железными, защелочка, скоба… железныя». «Около того монастыря забор тритцать четыре звена, забраны в столбы бревенные»[138].

Солигаличский в честь Рождества Пресвятой Богородицы монастырь: «На монастырь святые врата бревенные рублены в замок… А святые врата створные брусчатые, полотенце дощаное. У тех святых врат двои петли на крючках железные. Подле тех святых врат по левую сторону входные врата малые брусчатые, полотенцо дощаное… Около того монастыря ограды четырнатцеть звен бревенные, рублены в замок»[139].

Спасо-Каменный монастырь в Вологодском уезде: «В монастыре святые ворота каменные, в них решетка и полотенца деревянные. На тех воротах церковь во имя Усекновения Иоанна Предтечи, что описана в сих переписных книгах выше сего, под нею святые ворота. В… правую сторону от их ж, святых ворот, круг монастыря мерою до северных ворот тритцать сажень. От тех ворот до взвозу, которым в монастырь из озера воду возят, шестьдесят две сажени, а ворот на том взвозе нет. По сказке того монастыря жителей, быть-де воротам невозможно: по вся годы весною ломает лдом, для того и не строят. От того взвозу до вышеписанных святых ворот восмьдесят одна сажень. Всего мерою круг того монастыря сто семьдесят три сажени, а вместо ограды кругом того монастыря властелинских и братцких дватцать четыре кельи на режи»[140].

Стромынский в честь св. Троицы монастырь: «Огорожен забором. Ворота святыя в трех вереях, покрыты тесом. На вратех крест животворящей опаян немецким железом… Другие ворота задние к реке Дубенке, что ходят на мелницу, в трех вереях, покрыты драньем. На вратех образы Василия Великого, чюдотворца Сергия на одной цке»[141].

Сямженский Спасо-Евфимьев монастырь в Вологодском уезде: «На монастыре святые врата рубленые в брус. На них в деисусе по обе стороны образ Господа Вседержителя и с прочими святыми, писаны на красках. От святых врат круг монастыря ограда забрана в столбы. А мерою того монастыря кругом от святых врат до тех же святых врат сто семдесят одна сажень»[142].

Торопецкий Небин в честь св. Троицы монастырь: «Монастырь огорожен забором. Забор ветх. Мерою по святыи воротам дватцать сажен. По задней стене и по посторонние по дватцати сажен»[143].

Тотемский Спасо-Преображенский монастырь на р. Воче: «Святые врата брусчатые, полотенце дощаное, прибито гвоздьем железным. Подле тех святых врат по правую сторону ворота входные, полотенце дощаное ж. Тех святых врат и входных ворот три вереи бревенные. У входных ворот два колца на спнях железные. Около монастыря забору семьдесят шесть звен, забрано в столбы бревенные»[144].

Тульский во имя Иоанна Предтечи монастырь: «Церковь на святых воротах каменная, с дву сторон с папертью, во имя Иоанна Предтечи. Крыта тесом, о пяти главах, крыты черепицею». «Да круг того монастыря ограда каменная. С полуденной страны оградной стены вышина двух аршин. По восточной, и по западной, и северной стенам вышины по полторы сажени. Толщина тем стенам мерою аршин… Мера тому монастырю: длиннику пятдесять сажен, поперечнику сорок четыре сажени… Да в монастырской же ограде конюшенной двор, а на нем живет дворник»[145].

[135] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч .1. Кн. 18. Л. 128.
[136] *Говорова А.Н.* Житие преподобномученика Симона Воломского // Вестник церковной истории. 2008. № 4 (12). С. 56.
[137] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 58. Л. 435.
[138] Там же. Кн. 23. Л. 485 об., 486, 486 об.
[139] Там же. Л. 871–871 об.
[140] Переписные книги вологодских монастырей… С. 155.
[141] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 40. Л. 122.
[142] Переписные книги вологодских монастырей… С. 252.
[143] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 17. Л. 363.
[144] Там же. Кн. 23. Л. 556–556 об.
[145] Там же. Кн. 58. Л. 523, 550–550 об.

Тульский в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь: «Вкруг того монастыря городьба древянная ветха. Мера тому монастырю с полуденной страны длиннику тритцеть девять сажен с полуаршином. По другой стране длиннику по монастырю и по огороду тритцеть одна сажень. С восточной страны поперечнику дватцеть шесть сажен с аршином. З заподные страны поперечнику дватцеть сажен»[146].

Угличский в честь Воскресения Христова монастырь: «Круг монастыря в восточную страну св[ятые] ворота каменные. На воротах глава и крест опаяны белым железом. На воротех писано стенным письмом Воскресение Христово с праотцы и со пророки. У ворот затворы древяные на подставах железных. На другой стороне ворот писано Знамение Пресвятой Богородицы на престоле. От святых ворот к Волге каменной стены 36 саж[ен] да забору 10 сажень до угла. От угла по северной стране до погосту церкви Иоанна Предтечи 24 сажени. Погостом по проеждево переулка до угла 50 саж[ен]. Переулком западною стороною до ворот, что ездят на монастырь, 18 сажен. Ворота древяные крыты тесом. От ворот тем же переулком 36 сажен до угла. От угла в полуденную сторону до каменной стены 10 сажен. Да каменной стены до ворот 10 сажен. Ворота каменные, на воротах глава и крест опаяны железом белым. На воротах писано стенное письмо: Отечество с праотцы. На другой стороне писано Господь Вседержитель со апостолы. У ворот затворы древянные на подставах железных. От ворот каменной стены до наугольной башни 22 сажени. Башня кругом 8 саженей, крыта тесом шатром. На шатре яловчик белово железа. От башни на угольной каменной стены с восточной страны до св[ятых] ворот 46 сажен. Высота каменной стены сводом, свод каменной, не крыт»[147].

Угличский в честь Покрова Пресвятой Богородицы монастырь: «Построены св[ятые] ворота к Волге реке каменные с калиткою. На св[ятых] воротах построена церковь Николая Чудотворца каменная ж с папертьми о 5 главах, главы обиты черепицею… По обе стороны св[ятых] ворот построены башни каменные. В башнях 2 кельи жилые с сеньми, 6 окошек с решетками, 4 окошка без решеток… Ограда каменная от реки Волги от св[ятых] ворот в 1-й башне по правую сторону св[ятых] ворот по одну сторону 5 сажен, от башни ограды длиннику 22 сажени, вышина той ограде 4 сажени, толщина той ограде 2 аршина, ограды длиннику 18 сажен, вышина аршин с ¼. По другую сторону святых ворот в башне по одну сторону 7 сажень с ½ сажени. От башни ограды длиннику 2 сажени, вышины 4 сажени, толщина 2 аршина. А крыта та ограда тесом в зубец»[148].

Угличский во имя свт. Алексия монастырь: «А около монастыря ограды половина деревянныя, рублена клетцки. Со входную сторону в оградной стене створчатыя деревянныя ворота на крюках железных. Да по другую с полуденную сторону створчатыя ворота с прикалитком на железных крюках, засовы и замки железныя, столбы каменныя. Над вороты деисусы 7 икон. На другой стороне образ Московских чюдотворцев. А по мере того монастыря вдоль по Дворцовой улице 70 сажен, поперег против олтарей 44 сажени. На другой стороне с южную сторону святые ворота створные с прикалитком на крюках железных, столбы каменныя, засовы и замки железныя. Над воротами деисус, писан на обе стороны. В длину того монастыря от ограды с востоку 85 сажен с ½ сажени, да на запад по проезжему переулку за поварни 38 сажен с ½ сажени»[149].

Улейминский во имя свт. Николая Чудотворца монастырь в Угличском уезде: «Церковь на святых воротах каменная святой Троицы». «Святые ворота створные деревянные. На святых воротах деисус 7 икон, писаны на красках. Ограда по Ростовской дороге от святых ворот каменная по среднюю круглую башню 18 сажен с аршином. Около той круглой башни 3 сажени 1 аршин. От той средней башни до наугольной башни 4 сажени 6 четвертей. Около четвероугольной башни 4 сажени 6 четвертей. От четвероугольной башни до наугольной башни по стене 26 сажен. Около наугольной башни 7 сажен без 2 вершков. От наугольной башни по стене к водяным воротам 45 сажен. Водяных двои ворота: одни створныя, а другие одинакие, деревянные, мерою обои ворота 5 сажен. На воротах на верху 2 кельи братцкие каменные, промеж кельями сени. Над кельями шатер. Крыты кельи и шатер тесом в зубцу… От водяных ворот до наугольной кузнешной башни по стене 22 сажени 3 четверти. Наугольная осмероугольная башня мерою 8 сажен. От наугольной осмероугольной башни до середней башни четвероугольной 27 сажен. Около четвероугольной башни 4 сажени. От середней четвероугольной башни до наугольной башни ж 26 сажен с ½ аршина. Около наугольной башни 8 сажен 1 аршин ¾. От наугольной осмероугольной до середней четвероугольной башни 16 сажен 1½ аршина. Около четвероугольной башни 3 сажени 1½ аршина. От четвероугольной башни до святых ворот 15 сажен 5 четвертей. А вышина той всей ограде 6 аршин. Толщина той ограде 1½ аршин с вершком. А крыта та ограда и башни тесом в зубец»[150].

Учемский монастырь (Кассианова пустынь) в Угличском уезде: «На святых воротах церковь во имя благовернаго царя Константина и матери его Елены»[151].

[146] Там же. Л. 605–605 об.
[147] Углич: материалы для истории города… С. 197.
[148] Там же. С. 173.
[149] Там же. С. 208.
[150] Там же. С. 225–226.
[151] Там же. С. 233.

Ферапонтов в честь Благовещения Пресвятой Богородицы монастырь на р. Монзе (Адреянова пустынь): «Святые врата древянные створные, полотенцо тесовое. Подле тех святых врат ворота входные де[ре]вянные, полотенце тесовое ж… Пред теми святыми вратами и перед входными вороты перила тесовые. Другие входные ворота… о трех вереях бревенных, полотенцо тесовое, створные. Подле тех ворот малые входные ворота, полотенцо тесовое… Выезжие ворота болшие о дву вереях бревенных. Около того монастыря забору тритцать шесть звен бревенные, рублены в замок»[152].

Флорищева пустынь в Гороховецком уезде: «Церковь на вратех святых преподобного Ефрема Сирина каменная. От сих врат братцкие кельи каменные – нижние да верхние. Всех шесть келей. По другую сторону святых ворот нижних две келей да верхних две ж… Сему монастырю длина семдесят пять сажен, поперечнику то ж»[153].

Юхнов в честь Казанской иконы Божией Матери монастырь в Мещовском уезде: «Круг монастыря ограда. Святые ворота древянные, мерою меж ворот сажень с аршином. На святых воротех образ Нерукотворенного Спаса. От святых ворот к реке Угре до угла восмь сажен. От угла до угла сорок сажен. От угла до угла шестьдесят девять сажен. От угла до гуменных ворот пятнатцать сажен. Ворота мерою сажень с аршином. От ворот до угла, что к речке к Унове, тритцать адна сажень. От угла до воденых ворот восмь сажен. Ворота мерою сажень. От ворот до святых ворот пятдесят одна сажень. Итого вместе дватцеть пять сажен. Ограда рубленая древянная, во многих местах развалилась»[154].

[152] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 23. Л. 924 об.

[153] Там же. Кн. 17. Л. 405–405 об.

[154] Там же. Кн. 21. Л. 471–471 об.

Список литературы

Алатырский Троицкий мужской монастырь: Документы 1612–1703 годов / Сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015. 512 с.

Башнин Н.В. Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря: опись имущества и строений 1701 г., переписные книги вотчины 1702 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4 (31/32). С. 139–177.

Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М.: Наука, 1977. 328 с.

Говорова А.Н. Житие преподобномученика Симона Воломского // Вестник церковной истории. 2008. № 4 (12). С. 5–60.

Зонтиков Н.А. Авраамиев Городецкий в честь Покрова Пресвятой Богородицы монастырь // Православная энциклопедия. Т. 1. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. С. 161–163.

Капитонова М.А. Архитектурно-археологическая стратификация и конструкции ограды Ново-Иерусалимского монастыря // Российская археология. 2013. № 1. С. 42–52.

Кислых Т.А. Объемно-планировочная структура монастырских комплексов Архангельской области // Научные труды: Проблемы развития отечественного искусства. 2017. № 40. С. 53–68.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 190 с.

Осипова Г.Н. Святые места земли Селижаровской. Тверь: Лилия Принт, 2008. 40 с., ил.

Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Изд. подгот. О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова при участии А.П. Анишиной, Н.А. Бараевой, Е.А. Виноградовой, А.Н. Красикова, С.Н. Смольникова, И.Н. Шаминой Вологда: Древности Севера, 2011. 496 с.

Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. 329 с.

Углич: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1887. 358 с.

Шаляпин С.О., Гостев И.М. Деревянная ограда Николо-Корельского монастыря в XVI–XVII вв. // Новые материалы по истории фортификации. Статьи и материалы III и IV международных научно-практических конференций. Архангельск: Новодвинка, 2016. С. 189–199.

Шамина И.Н. Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII – начала XVIII вв. // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4 (23/24). С. 30–63.

Шамина И.Н. Документы по ранней истории орловского Введенского монастыря // Вестник церковной истории. 2018. № 3/4 (51/52). С. 29–39.

Шамина И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2 (17/18). С. 17–107.

Шамина И.Н. Переписная книга Успенской Семигородней пустыни Вологодского уезда 1702 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2 (45/46). С. 99–111.

Шамина И.Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4 (47/48). С. 96–226.

Шамина И.Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2 (13/14). С. 26–99.

И.Н. Шамина.
Ограды русских монастырей начала XVIII в. по переписным книгам 1701–1702 гг.

Ключевые слова: Переписные книги 1701–1702 гг., монастыри, монастырские ограды

Аннотация: В статье рассматриваются виды монастырских оград, зафиксированные в переписных книгах 1701–1702 гг. Как свидетельствует источник, они отличались разнообразием, а их конструкция определялась местными традициями и экономическими условиями. Обязательным архитектурным элементом являлись лишь святые ворота с иконами или надвратной церковью (колокольней). Подавляющее большинство обителей имели деревянные ограды, около 10% – каменные. У части монастырей оградой служили различного рода постройки, некоторые и вовсе не имели стен.

I.N. Shamina
Fences of Russian monasteries of the early 18th century, according to census books of 1701–1702

Keywords: census books of 1701–1702, monasteries and monastic fences.

Abstract: Types of monastic fences recorded in census books of 1701–1702 are considered in the article. According to the source, fences were diverse and their construction was determined by local tradition and economic circumstances. Only the Holy gatewith icons or the Gateway Church (bell tower) were mandatory architectural features. The greater part of monasteries had wooden fences, only 10% of monasteries had stone fences. Some part of monasteries were fenced with buildings of various types, some of monasteries did not have fences at all.

Часть II

ЦЕРКОВЬ, СВЯЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

Л.А. Беляев

Археология и литературные источники XVIII–XIX вв.

Глубокая связь становления археологии и литературного процесса XVIII–XX вв. в общем русле развития европейской культуры подмечена давно. В России о ней много писал А.А. Формозов, которому удалось показать глубокую многостороннюю родственность, а также длительную популярность сформированных еще в XVII в. историко-археологических нарративов[1]. Однако и в его, и в более поздних работах (например, у Н.И. Ершова[2] и, применительно к некрополю, у С.Ю. Шокарева)[3] речь идет в первую очередь о влиянии археологических открытий на литературу, которое очевидно. Сами раскопки, особенно плоды их визуальной и вербальной фиксации, а также и находки, вплетаясь в контекст культуры Нового времени, порождали новую художественную стилистику[4]. А подчас и вторично выпадали из культурного оборота, чтобы вновь вернуться в него в изменившихся, совсем непривычных обстоятельствах, как обретенная реликвия, в чем-то подобная перстню Поликрата. Они служат, конечно, не только материалами для развития археологии как науки, но занимают определенное место в системе культурных атрибутов эпохи, чрезвычайно при этом усиливая драматизм, свойственный историческому нарративу в прошлом и не вовсе покинувший сочинения современной эпохи.

Яркий пример такого дважды найденного предмета, который оказался связан с историей литературы, как говорится, «грубо, зримо» – это Перстень Дмитрия Веневитинова. Пишу здесь слово «перстень» с большой буквы, поскольку это и конкретный предмет, и часть заглавия известного стихотворения, полного предчувствия смерти («К моему перстню», 1827). Медный перстень, найденный при раскопках Геркуланума и подаренный (так говорит традиция) молодому поэту княгиней Зинаидой Волконской, в том же году, следуя поэтическому завету, наденет на палец умирающего Дмитрия его друг Федор Хомяков[5]. Через век его извлекут в ходе перезахоронений, предпринятых при уничтожении московских монастырей[6]. Он обретет вторую, совершенно особую жизнь в русской культуре, станет частью названий новых художественных произведений[7], окажется в экспозиции Литературного музея. В какую дисциплину уложить такой *кейс*? В биографику и просопографию, в историю литературы[8] или в штудии некрополей? Числить его по категории антиквариата, в разделе «судьбы вещей»? Ведь трудно не согласиться, что перстень теперь не целиком равен своим описаниям и фотографиям, – но столь же невозможно извлечь его из рамок предметной археологии! А если так, то какого времени? Античного?[9] Нового? Советского? Чтобы голова окончательно пошла кругом, вспомним о трогательной чашечке дешевого фарфора, извлеченной из погребения Алексея Хомякова в Московском Даниловом монастыре[10].

Дело тут, конечно, не только в соотнесении вещи с общей историей культуры, но более в мемориальном контексте. Он выводит нас в широкое пространство литературной археологии. Это «натурная биографика», археологическое исследование сюжетов, прямо связанных с судьбами писателей и поэтов. Подлинно детективными оказываются истории сохранения и изучения материальных меморий чуть ли не всех классиков XIX в. Достаточно напомнить об истории погребения великого поэта в Святогорском монастыре и последующих «реставрациях» его склепа[11], или об изучении погребальных сооружений Н.В. Гоголя в Даниловом монастыре, позволившем распутать узел городских легенд, с ними связанных[12]. В сущности, к той же совершенно детективной по характеру работе относятся задачи по поиску и атрибуции погребений значимых церковных писателей, среди которых есть подлинно удачные, такие как анализ топографии и установление состава погребенных на кладбище Духовной академии в Троице-Сергиевой лавре (работы А.В. Энговатовой и др.)[13] или благополучно завершенный поиск склепа архиепископа Никифора (Феотоки)[14].

Это направление увлекательно и успешно использует инструментарий археологии для расширения культурного ландшафта. Однако есть еще одна, потенциально очень перспективная точка соединения: использование литературных текстов как источников для археологической рефлексии, археологической интерпретации. Эта линия очень развита в археологии древневосточного и классического периодов, которая, по сути дела, вышла из освоения их литературного наследия. Но применима ли она для позднего времени? Это нам предстоит увидеть.

Известно, что литература XVIII–XIX вв. полна рассказов, отражающих синхронную им бытовую культуру, позволяющих понимать и толковать обычаи и т.п. Особенно важны те произведения, которые возникают на грани описательной этнографии и собственно литературы. Таковых очень много. Можно назвать, например, тексты реалистической и натуральной школы, в активе которых санкт-петербургские «Физиологические очерки»; «Наши, списанные с натуры русскими», а также и гораздо более ранние сюжеты, в которых романтизм не мешает появлению очень точных натурных зарисовок, как в пушкинском «Гробовщике». Как известно, сборники очерков середины XIX в. часто выглядят как развернутые интерпретации публиковавшихся в том же томе гравюр, что ставит вопрос о взаимно иллюстративном характере «текста» и «картинки». Нужно согласиться, что, добавляя сюда археологию, мы просто умножаем уже наличествующие сущности, но, соединяя слово и изображение с материальным объектом, представляем явление более объемно. Снисходительно похвалим археологов за готовность пополнить, например, издания сочинений на кладбищенские темы, довольно обильные в XVIII–XIX вв., подлинной атрибутикой в виде, скажем, серии накладок для гробов, наивная символика которых, действительно, способна усилить образность текста[15] и даже современных ему

[1] См., например, неоднократно публиковавшийся очерк А.А. Формозова о феномене «Синопсиса» Иннокентия Гизеля (последнее издание см.: *Формозов А.А.* Наследие «Синопсиса» // *Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука. М.: Гриф и К, 2012. С. 10–24). Стоит вспомнить и «Тератургиму» Антония Кальфонийского, явственно ориентированную на «Подземный Рим» аббата Бозио. Интересный подход предложен А.Н. Дорониным (см. *Доронин А.Н.* Древняя Русь до Древней Руси: М.В. Ломоносов о началах российской нации // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М.: Росспэн, 2017. С. 358–392) и другие работы по близкой тематике в сборниках Германского Исторического института в Москве.

[2] *Ершов И.Н.* Михаил Пришвин и российская археология. М.: ИА РАН, 2012.

[3] *Шокарев С.Ю.* Источники по истории московского некрополя XII – начала XX в. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

[4] Обзор до начала XXI в. см.: *Беляев Л.А.* Классические древности как фактор развития западноевропейской культуры // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова. М.: Гриф и К, 2010. С. 562–587.

[5] «Архивный юноша» Федор Степанович Хомяков (1802–1829) – рано умерший брат знаменитого славянофила Алексея Хомякова, ненадолго переживший поэта.

[6] Могилу Д.В. Веневитинова в Симоновом монастыре вскрыли в 1930 г. (22 июля). Первую публикацию перстня после его извлечения, вместе с текстом стихотворения и протоколом вскрытия см.: *Веневитинов Д.В.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Academia, 1934. С. 114–115. Снят с безымянного пальца правой руки в присутствии М.Ю. Барановской (Там же: С. 422–423). Сейчас перстень нашел изначально уготованное ему археологами место: по обнаружении передан в Государственную библиотеку, а затем в Литературный музей (кто знает, навсегда ли?).

[7] *Осокин В.Н.* Перстень Веневитинова. Этюды о художниках и писателях. М.: Советская Россия, 1969.

[8] Вряд ли археологи согласятся, что «Перстень же из Геркуланума, вдохновлявший великого поэта, вырванный из контекста погребенной под вулканическим пеплом материальной культуры, принадлежит уже целиком культуре словесной» (*Куллэ В.А.* Перстень Геркуланума // Знамя. 1999. № 4. Электронный ресурс: https://magazines.gorky.media/znamia/1999/4/minus-slovo.html (дата обращения 03.06.2020).

[9] Анализ перстня как изделия римского периода, разумеется, уже производился.

[10] *Долгополова С., Малютина В.* Судьба хомяковских реликвий // Подмосковный летописец. 2011. № 1. С. 82–87. Погребение вскрыли в 1931 г., в один день с могилой Н.В. Гоголя.

[11] В России XVIII–XIX вв. погребения часто совершались таким образом, что найти их сегодня без широкой археологической работы совершенно невозможно. Иногда это случалось вполне намеренно (как с погребением Радищева), чаще оказывалось случайным стечением обстоятельств. Подробнее в истории погребальных древностей Святогорского монастыря можно будет разобраться только после скрупулезно протоколируемых архитектурно-археологических и антропологических исследований. См. обзор энтузиаста А.Н. Зинухова «Где на самом деле похоронен Пушкин?»: https://www.pravda.ru/culture/36822-gde_na_samom_dele_pokhoronen_pushkin/ (дата обращения 20.06.2020).

[12] *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: «Даниловский благовестник»; Институт археологии РАН, 2012.

[13] *Энговатова А.В., Яганов А.В., Высоцкий А.Л., Курицын М.А.* Архитектурно-археологические исследования на территории Московской духовной академии в 2016 году // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 261–271.

[14] *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря... С. 15–38; приложения.

[15] *Беляев Л.А.* «Гробы повапленные». Образцы аллегорических композиций конца XVIII–XIX в. с кладбища Свято-Данилова монастыря в Москве // Живая старина. 2005. № 1. С. 4–6 (перепечатано: *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря... С. 144–148).

иллюстраций (содержащих, как правило, идеализированный и лишенный многих деталей образ). То же самое можно сказать и о других примерах из предметного мира, которые не обязательно извлекать из земли: вещей Нового времени довольно много в музеях, исследование которых – тоже археология (этно-археология).

Однако для позднего периода интереснее, пожалуй, не вклад археологии в литературу или общую культуру, а то, что литературные источники оказываются способными на современных им примерах прояснять археологические наблюдения, остающиеся подчас необъяснимыми или, по крайней мере, смутными. Более того, полученные таким путем заключения не остаются в рамках Нового времени: их можно экстраполировать на более ранние периоды, где таких недоумений гораздо больше. Можно шагнуть отсюда и в другую сторону, к теории археологии и моделированию достоверности как инструменту интерпретации археологических контекстов.

Приведу два примера. Их совместное рассмотрение должно открыть нам дверь в пространство, где внезапное взаимопроникновение источников принципиально разных видов оказывается естественным и образует поле, на котором даже очень поздняя археология может работать самостоятельно, опираясь на собственные источниковедческие подходы.

Как уже сказано, в необъятной массе текстов XVIII и XIX вв. многие имеют очевидные археологические коннотации. Это касается, в числе прочего, прозы мемуарной или, во всяком случае, восходящей к воспоминаниям автора. Таковы «Рассказы бабушки» Елизаветы Петровны Яньковой (урожд. Римской-Корсаковой) (1768–1861) и «Печерские антики» Николая Семеновича Лескова.

Е.П. Янькова, например, рассказывает о погребении мужа, для которого, пока он находился при смерти, оставили неосвященным новопостроенный придел в храме родовой усадьбы, уже даже и расписанный. Это позволило *post mortem* похоронить его в алтаре, который выступил в данный момент времени просто как часть общего кладбища, и уже затем завершить отделку и освятить алтарь. Что при раскопках увидит археолог? Он установит, что могила выкопана сквозь пол и слой строительства, и уверенно заявит: нарушен традиционный запрет хоронить в алтарях. Тем самым он совершит серьезную ошибку в интерпретации, ведь ситуация совершенно обратная: традицию строго соблюли, по крайней мере, формально, ведь нет запрета возводить новые храмы на уже существующих кладбищах, напротив, это естественно[16].

У Н.С. Лескова находим, впрочем, и обратный пример – нелегальное погребение, извинительное, впрочем, с точки зрения сентиментальной. Один из его «печерских антиков», дьякон мало значительной Троицкой церкви в центре старого Киева, понимая невозможность получить разрешение на погребение усопшей супруги под алтарем, но и не желая с ней расставаться, придумывает сложный ход. Получив документы о захоронении в другом месте, он закопал тело под алтарем тайно, в особой «пещерке». О чем подумает археолог при раскопках, обнаружив подобный контекст? Опять же, прежде всего, о нарушении запрета хоронить в алтарях. И тут же вспомнит о возможности и желательности таких погребений для прославленных во святых. Несомненно, появятся рассуждения о вероятных духовных заслугах неизвестной подвижницы, погребенной «в особой крипте». За отсутствием возможности понять детали процесса, в ход пойдут рассуждения о неизвестной святой, местно почитаемой в Киеве в XIX в. Какие фантастические гипотезы могут быть построены на подобном, технически вполне доброкачественном, полевом материале – лучше не задумываться, чтобы не впасть в гиперкритику.

Создается впечатление, что литературные источники, которыми может воспользоваться археолог, касаются исключительно погребений. Это не совсем так. Взяв, например, рассказ той же книги Н.С. Лескова «Печерские антики» о подготовке старообрядцев к приезду в Киев Николая I на открытие Цепного моста (1852 г.), удалось немного прояснить старую проблему появления термина «корсунчик» и, одновременно, общую картину почитания корсунских реликвий[17]. Нет сомнения, что дальнейшая работа в этом направлении принесет новые интересные открытия (например, крайне интересные литературные сюжеты, связанные со старообрядчеством, давно эксплуатируются этнографами).

Доля истины в том, что археология часто имеет дело с кладбищенским сюжетом, конечно, есть. Это диктуется самим резервуаром источников для изучения прошлого по его материальным следам. Развитие современной физической антропологии убеждает, что именно скелетные останки уже стали одним из главных источников сведений о прошлом человечества, особенно его «дописьменной» части. В будущем, вероятно, станут и просто главным. Но и без антропологии кладбище, конечно,

[16] Подробнее: *Беляев Л.А.* Погребения в алтарях: литературные решения археологических загадок // Живая старина. № 2. 2016. С. 8–10.

[17] Подробнее: *Беляев Л.А.* Корсунские реликвии в Московской Руси: подлинная история креста-«корсунчика» // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 530–542.

Рис. 1. Зачатьевский монастырь. Надвратный храм Спаса Нерукотворного (1692–1697 гг.). Вид со стороны монастыря. Фотография начала XX в. Архив ГМА им. А.В. Щусева.

самое место для археолога Нового времени, который может использовать литературные материалы в развитии биографики, просопографии, исторической топографии города.

Хороший пример дают сюжеты из записей Е.П. Яньковой, связанные с жизнью Зачатьевского монастыря на Остоженке в конце XVII–XIX вв., которые по-новому зазвучали с началом большого археологического проекта (Институт археологии РАН, 2003–2013 гг.). Этот проект позволил решить старый вопрос о соотношении Зачатьевского с Алексеевским монастырем, древнейшим девичьим в Москве (XIV – вторая половина XVI в.)[18]. Был исследован и ряд более поздних историко-культурных эпизодов, затронутых при раскопках. Так, в 2013 г. пришлось обратить внимание на церковь Спаса Нерукотворного, единственный церковный памятник, сохранившийся в монастыре (рис. 1). Эта надвратная церковь построена в 1692–1697 гг. Андреем Леонтьевичем Римским-Корсаковым (1664–1704), представителем калужской ветви рода Корсаковых, стольником царя Петра Алексеевича. Это было время процветания семьи, которая должна была располагать средствами: Андрей в те годы был воеводой на Вятке, его брат Иван побывал воеводой в Саранске и Смоленске, а сын Михаил служил поручиком лейб-гвардии Семеновского полка.

Храм не миновали церковные преобразования Петра I: в 1722 г. появился указ «о затворении девичьих монастырей», и Спасскую церковь пришлось объявить приходской. В 1724 г. были устроены крыльцо и лестница со стороны улицы, которая выводила на галерею, к входу в церковь. Клир храма стал на время отчасти независимым от монастыря, но после тяжб храм удалось вернуть обители. Следует учитывать, что с точки зрения богослужебной и для совершения треб монастырь в нем не нуждался, в окружающей слободке были другие «храмы вне стен», ближайший из которых – Воскресения Словущего (XVI–XVII в.) – стоял прямо на Остоженке. Поэтому, несмотря на перемены в отношениях государства и монастырей, до 1774 г. церковь оставалась во владении Римских-Корсаковых, служа им родом домового храма, благо дома находились неподалеку.

Наземный подклет церкви Нерукотворного Спаса служил усыпальницей. На его стенах и сейчас сохраняются три резные надгробные доски. Первая – снаружи, на южном углу подклета – принадлежит Марии Федоровне Шаховской († 1738), вдове Андрея Леонтьевича Римского-Корсакова (рис. 2). Две другие внутри, на стенах подклета: дочери А.Л. Римского-Корсакова и М.Ф. Шаховской, Дарье Андреевне (1700 – 13.03.1724), жене (с лета 1717 г.) Василия Ивановича Мещерского[19] и Елене

[18] *Беляев Л.А.* Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков // Исторические записки. Т. 18 (136). М.: РАН, 2019. С. 5–45.

[19] Надпись читается довольно четко, сообщая точную дату смерти, титул княгини, имя и отчество погребенной, а также полное имя супруга. В тексте «Рассказов бабушки…» в одном месте неуверенно названо имя дочери А.Л. Римского-Корсакова и М.Ф. Шаховской – Марья: «… Василий Андреевич и Михаил Андреевич, были родные братья; была у них еще сестра, помнится, Марья Андреевна за князем Мещерским» (Рассказы бабушки (Рассказы Е.П. Яньковой): Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Изд. подгот. Т.И. Орнатская. Л.: Наука, 1989. С. 25, прим.). В другом месте имя названо более уверенно: «у дедушки Михаила Андреевича была сестра Марья Андреевна за князем Мещерским» (Там же. С. 37). Мария включена также в сводную родословную поколенную роспись, помещенную в издании (вкл. между С. 96 и 97), где зато не отмечена Дарья. Сопоставление письменных и эпиграфических источников заставляет предположить контаминацию имен. Вполне вероятно, что Е.П. Янькова перепутала имя своей двоюродной бабушки по отцовской линии, ошибочно назвав ее Марьей, а пересказ внука, Д.Д. Благово, усилил это припоминание. Однако генеалогический форум (https://www.geni.com/people/%D0%94%D0%B0%D1%80%D1%8C%D1%8F-%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0-%D0%BA%D0%BD-%D0%9C%D0%B5%D

Рис. 2. Зачатьевский монастырь. Храм Спаса Нерукотворного, южный угол подклета. Надгробие Марии Федоровны Шаховской (+ 1738 г.), вдовы Андрея Леонтьевича Римского-Корсакова: а - общий вид; б - резная таблица.

Рис. 3. Зачатьевский монастырь. Храм Спаса Нерукотворного, интерьер подклета. Надгробие Дарьи Андреевны (1700 – 13.03.1724), дочери А.Л. Римского-Корсакова и М.Ф. Шаховской, жены (с лета 1717 г.) Василия Ивановича Мещерского.

Рис. 4. Зачатьевский монастырь. Храм Спаса Нерукотворного, интерьер подклета. Надгробие Елены Григорьевны (+ 1705 г.), жены Ивана Леонтьевича Римского-Корсакова (+ 1698 г.).

Григорьевне († 1705), жене Ивана Леонтьевича Римского-Корсакова († 1698), родного брата храмоздателя (рис. 3 и 4).

В ходе работ выяснилось, что и сами эти погребения целы. Под полом обнаружены кирпичные своды, устроенные осями вдоль стен; они не вскрывались. В засыпке подпольного пространства найдены фрагменты плит и целое надгробие Михаила Андреевича Римского-Корсакова, сына храмоздателя (рис. 5). Он умер молодым, в возрасте 32-х лет (14.09.1736 г.). Саркофагообразная скульптура интересна как памятник прикладного искусства и малых форм архитектуры второй трети XVIII в. Камень прекрасной сохранности и включает хорошо видимые следы раскраски (красный фон и желтые рельефные буквы). Содержание надписи М.А. Римского-Корсакова мало добавляет к истории рода – персонаж известен, связь храма с его семьей очевидна.

Зато связи монастыря с родом Римских-Корсаковых, а также устройство их кладбища хорошо иллюстрирует привлечение «Рассказов бабушки». Дело в том, что Михаил Андреевич – это дедушка по отцовской линии Елизаветы Петровны Яньковой, то есть бабушки-рассказчицы[20]. Он был положен рядом с родителями и вышеназванными Шаховскими, так как мать Михаила Андреевича была из их рода. Сама Елизавета выросла вблизи Зачатьевского монастыря: дом Корсаковых был рядом, в начале Остоженки, в приходе известнейшей московской церкви Ильи Обыденного. В этой церкви уже не очень молодая по понятиям XVIII в. Елизавета (ей было 25 лет) в 1793 г. венчалась с Дмитрием Александровичем Яньковым (мы упомянули его выше в рассказе о погребении в алтарях)[21].

1%89%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F/600000002291350885 79 (дата обращения 26.06.2020) указывает оба имени, как родных сестер, бывших замужем за родственниками с фамилией Мещерский: Дарья Андреевна – за Василием Ивановичем Мещерским (согласно надписи на плите), а Марья Андреевна – за безымянным Мещерским (согласно повествованию Е.П. Яньковой). Есть ли в распоряжении форума независимые источники для реконструкции такой близкородственной комбинации – неизвестно.

[20] В 2006 г. в Гос. музей А.С. Пушкина поступил портрет ее отца Петра Михайловича Римского-Корсакова (сына М.А. Римского-Корсакова) конца 1780-х – начала 1790-х гг. См.: Московская семья Яньковых-Благово. Три века истории. М.: Гос. музей А.С. Пушкина, 2008. С. 30–31, 55–58. Известна фотография с портрета супруги М.А. Римского-Корсакова Прасковьи Васильевны (дочери историка В.Н. Татищева), созданного в 1730-е гг. и не выявленного к настоящему времени (Там же. С. 43).

[21] В 2006 г. в Гос. музей А.С. Пушкина поступили два портрета Д.А. Янькова 1770 и 1794 гг. См.: Московская семья Яньковых-Благово… С. 34–35, 58–60, 65–66.

Рассказы о жизни пяти поколений семьи записал внук Е.П. Яньковой по материнской линии, Дмитрий Дмитриевич Благово́, выросший в ее доме. Он примет сан и закончит жизнь как архимандрит Пимен[22]. Это подчеркивает связь Корсаковых с церковными кругами и двумя монастырями, генетическое родство которых в то время, вероятно, еще помнилось. Елизавета, можно сказать, ни на минуту не забывает о них, особенно о Зачатьевском. Она пишет: «Изо всех московских монастырей ближайшие от всех нас были два, Алексеевский у Пречистенских ворот и Зачатиевский за Остоженкой. Оба монастыря были прекрасные, но первый был совсем на юру и на шумном месте, а Зачатиевский и теперь в глухом месте, в то время был почти и совсем за городом»[23].

Итак, даже в XIX в. монастырь сохранял сильное впечатление старины, тишины, загородного уюта. Жизнь в Москве была тогда и в целом очень домашней. Яньковы изначально не были в родстве с Корсаковым, но семьи издавна породнились, так сказать, через монастыри, прихожанами которых были, в которых неоднократно живали и даже постригались.

Так, Анна Васильевна Братцова, по мужу Новосильцева, овдовев, постриглась в Зачатьевский монастырь с именем Александры, схиму приняла как Анфиса. У нее было три дочери: Степанида, жена Ивана Федоровича Татищева; Дарья жена Петра Алексеевича Соковнина и Мария жена Василия Михайловича Шишкина.

На дочери Степаниды, Анне Ивановне Татищевой, женился Александр Данилович Яньков[24]. Их сын Дмитрий и стал супругом нашей рассказчицы, Елизаветы. Таким образом, Анна Васильевна (Александра/Анфиса) приходилась бабушкой Анне Ивановне (Татищевой, † 1751), жене Александра Яньковского, свекра нашей «бабушки».

Когда Александр Данилович Яньковский женился, схимнице Анфисе было уже более семидесяти, она скончалась три года спустя после женитьбы Янькова на ее внучке Анне Татищевой. Схимницу похоронили у соборной церкви Зачатьевского монастыря «против самого алтаря», а несколько лет спустя рядом с нею – двух ее дочерей, Степаниду Татищеву († 1756) и Марию Шишкину, да и зятя, Ивана Федоровича Татищева († 1756)[25].

Рис 5. Зачатьевский монастырь. Храм Спаса Нерукотворного, интерьер подклета. Надгробие Михаила Андреевича Римского-Корсакова (+ 14 сентября 1736 г.): а – в момент обнаружения (2104 г.); б – современное состояние.

Несмотря на постоянное вторичное использование надгробий, характерное для хозяйственной и благочестивой традиции русской Церкви[26], а также на тотальное разрушение некрополя в период господства атеизма, нам удалось обнаружить один из памятников Татищевых. В основании колокольни XIX в. вместе с другими был положен саркофагообразный камень с надписью о кончине Степаниды Алексеевны Новосильцевой († 1756), жены умершего в том же году коллежского советника Ивана Федоровича Татищева (рис. 6)

[22] Портреты Д.Д. Благово, его отца Дмитрия Калиновича и матери Аграфены Дмитриевны, в том числе и ранее не публиковавшиеся, и поступившие в 2006 г. в Гос. музей А.С. Пушкина см.: Московская семья Яньковых-Благово… С. 38–42, 60–65.

[23] Рассказы бабушки… С. 237.

[24] Рассказы бабушки… С. 41–42. См. также сводную родословную поколенную роспись, помещенную в издании (вкл. между С. 96 и 97). Портреты супругов см.: Московская семья Яньковых-Благово… С. 26–27.

[25] Рассказы бабушки… С. 42. В 2006 г. в гос. музей А.С. Пушкина поступил портрет неизвестного начала XVIII в., атрибутируемый как портрет И.Ф. Татищева (Московская семья Яньковых-Благово… С. 25) или его двоюродного брата – выдающегося историка В.Н. Татищева (Там же. С. 52–55).

[26] О двойственности восприятия надгробий как сооружений мемориальных, важных, прежде всего, для сохранения памяти о покойном и, одновременно, моленных, то есть рассматриваемых как своего рода *de voto*, посвящение Господу, овеществленная молитва о спасении души, – специальной работы нет. Однако примеры того и другого археологически фиксируются и позволяют хотя бы поставить эту проблему. См.: *Беляев Л.А.* Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. № 3. 2018. С. 2–7.

Рис. 6. Зачатьевский монастырь. Надгробие Степаниды Алексеевны Новосильцевой (+ 1756), жены коллежского советника Ивана Федоровича Татищева. Фрагмент эпитафии в картуше.

Для нас важны, прежде всего, указания на связи семьи Яньковых с монастырем. Бабушка пишет о Зачатьевском как о своем: они «всегда часто езжали в этот монастырь и очень к нему привыкли», «зачастую бывали там по воскресеньям и праздникам, знали игуменью и многих монахинь и были там точно у себя». Родная сестра Елизаветы, Анна Петровна, долго готовясь к обетам, выбрала именно его как семейный монастырь Корсаковых[27].

Постриг вдовы по смерти мужа был все еще довольно обычным делом, женщины в XVIII и XIX вв. часто заканчивали жизнь монахинями или белицами монастырей[28]. Конечно, и в ту эпоху уход в монастырь не был легким шагом. Сестры трудно расставались, грустили, Анна даже просила первое время не навещать ее, дать «привыкнуть к келье». В то же время до настоящей (во всяком случае, внешне выражаемой) аскезы было далеко. Будущая инокиня постепенно передала имущество родным, оставив себе денег только на покупку кельи «и на самонужнейшие расходы»[29]. Впрочем, описание простого быта послушницы из знатной семьи говорит само за себя: «отказываясь от всех сует житейских, сестра устроилась в своей келье как возможно проще и, кроме полудюжины серебряных столовых и чайных ложек, ничего ценного и дорогого с собой не взяла. Три небольших комнатки и кухонька, в которой поместилась Спиридоновна-стряпуха, благочестивая вдова-солдатка, жена одного солдата, убитого в 1812 году – вот келья, в которую переехала сестра Анна Петровна». Впрочем, дела благочестия занимали ее целиком: «Она вела самую уединенную и монашескую жизнь, ходила в церковь… ко всем службам, келий чужих не посещала, у себя занималась рукоделием, работала что-нибудь для церкви, и так как хорошо вышивала золотом, то вышила много для церкви… К себе она принимала всех, кто приходил, и сказала раз навсегда Спиридоновне, чтобы тем из монахинь, которые придут попросить чего-нибудь, муки, крупы, маслица и т п., ни в чем никогда не отказывать, и каждый день хотя несколько копеек положила себе всегда подавать нищим, которые стоят при выходе из церкви, а тогда их бывало очень много»[30].

Жизнь дамы была спокойна, комфортна, но не избавлена от послушаний, духовных наставлений и смирения. Пройдя их, послушница обычно становилась рясофорной монахиней и могла ожидать полного пострижения: «Мать Палладия, строгая и опытная в жизни монашеской, приняв под свое руководство сестру Анну Петровну, вела ее как следует путем нелегким и была к ней очень взыскательна, а по-нашему, по-мирскому, даже и слишком сурова. Иногда приедем мы к сестре на целый день, она и скажет нам: “Вы говорите, а я буду молчать”. И весь день, а иногда и несколько дней сряду она молчит, значит, что мать Палладия запретила ей говорить. Иногда она целый день оставалась без пищи и питья или ей велено было лежать. Все, что мать Палладия говорила ей делать или не делать, она исполняла беспрекословно и никогда нимало не роптала. Я всегда удивлялась ее терпению и нередко осуждала за то, что ее слишком строго испытывали. Сестра ходила в церковь и там читала по очереди псалтирь и синодик. В непродолжительном времени ее постригли в рясу, и несколько спустя она пожелала и настоящего пострижения, то есть в мантию»[31].

Все эти сведения, несомненно, важны и для интерпретации бытовых контекстов монастырской археологии, они могут быть использованы и ретроспективно, для оценки материалов келий предшествующего периода XVI–XVII вв. Так что описание жизни состоятельной семьи Яньковых в середине XVIII в. по «Рассказам бабушки» могло бы составить хороший «комментарий» к вещевому материалу этого времени.

Е.П. Янькова вспоминает многих игумений монастыря: в XVIII в. она видела в детстве Амфилохию; Доримедонта (Протопопова) вступила в монастырь скоро после бабушкиного замужества, а «скончалась в 1817 году в преклонных летах» (Анна Петровна вступила еще при ней, но та вскоре умерла, и в 1818 г. в монастырь прислали старицу Митрополию, игуменью Георгиевского девичьего монастыря, упраздненного после 1812 г.)[32]. Позже монастырем управляла игуменья Вера (урожд. Варвара Михайловна Львова, 1802–1875). Она приняла обеты по смерти мужа (полковника Василия Ивановича Головина) и их малолетней дочери, по совету митрополита Филарета (Дроздова). Е.П. Янькова близко ее знала, так как их дочери учились танцам в доме Львовых на Пречистенском бульваре. В Зачатиевском монастыре Вера построила церковь Святого Духа с богадельней для старух (1846–1850, архитектор М.Д. Быковский) и своей кельей. Она сама написала туда все иконы, и после служения в сане игумены во многих монастырях в марте 1867 г. вернулась на покой в Зачатьевский, где была погребена в своей церкви (надгробие не сохранилось)[33].

Текст «Рассказов» изобилует знакомыми сюжетами церковной этнографии, которые, правда, не так легко вписать в археологический контекст, как ранее упоминавшиеся, но в целом это возможно. Анна/Афанасия скончалась всего пятидесяти лет в 1826 г. апреля 20, сразу после Пасхи. Кончина ее была омрачена (или украшена, в зависимости от точки зрения читающего) соблюдением очередного монастырского обычая, «смерти на рогоже». Она описана так: «…монахини не дали ей умереть покойно и на целые сутки продлили ее муки… она уже совсем кончалась, вдруг монахини притащили к постели рогожу и разостлали на полу: “Это для матушки”, – говорят они, – “она кончается, так следует помереть на рагозине|”… они взяли больную и стащили на пол на рогожу. Может статься», – рассказывает с возмущением Елизавета, – «по-ихнему, по-монашескому, так это и должно быть, но, признаюсь, близкому человеку видеть это очень тяжело. Бедная сестра стала бредить, от испуга сделались у ней корчи, и она при всем своем смирении и кротости начала роптать, может быть, и в бреду. Я не могла равнодушно смотреть на нее в таком положении, простилась с нею, горько заплакала и отправилась домой, а она еще всю ночь пострадала и скончалась к утру. Отпевали ее в пятницу, и так как это было на Святой неделе, то пели “Христос воскресе”, а мы, все родные, находившиеся на погребении, были в белом, и непохоже было на похороны…»[34]. Конечно, тут же вспоминается другой монастырский обычай – подкладывать под голову при погребении кирпич или камень, имеющий, в том числе, и аскетические коннотации[35], которые можно видеть в традиции монашеской смерти на рогоже.

Интересно, что похоронили ее в Данилове монастыре[36], вопреки обычаю погребать монашествующих в их обители, каковой, в нашем случае, выступала Зачатьевская, где лежало много Корсаковых – старое правило уже не соблюдали строго[37]. Возможно, ему мало следовали и в прошлом (чем больше мы знакомимся с биографиями отдельных монашествующих, тем чаще убеждаемся, что они часто оканчивали земной путь далеко от места пострижения).

Можно долго цитировать рассказы «бабушки», важные для археолога, работающего на Остоженке в частности и в Москве вообще – археология XVIII–XIX вв. это, во многом, археология старомосковской жизни (недаром многие из сюжетов археологи публикуют в журнале по фольклору, «Живой старине»)[38]. Достаточно устойчива связь археологии и с литературой. Очевидна их взаимная зависимость

[27] Рассказы бабушки… С. 237.

[28] Отмечу, что, кроме Анны Петровны, сестра Варвара, жила при Аносине монастыре (Рассказы бабушки… С. 280–282).

[29] Рассказы бабушки… С. 237.

[30] Рассказы бабушки… С. 238.

[31] Рассказы бабушки… С. 239.

[32] Рассказы бабушки… С. 237.

[33] Рассказы бабушки. С. 224.

[34] Рассказы бабушки… С. 309.

[35] Интерпретация обычная в рамках демонстрации аскезы: *Макаров Н.А.* Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // Советская археология. 1981. № 2. С. 111–116; возможность «бытового» объяснения повышенного изголовья (с привлечением нового текста): *Мусин А.Е.* Христианизация Псковской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. С. 75; библейские и евангельские коннотации: *Беляев Л.А.* Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источник // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V. Вып. 2 (5). Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2011. С. 72–84.

[36] Рассказы бабушки… С. 309.

[37] Попутно заметим, что Е.П. Янькова в завещании от 12 февраля 1842 г. просила похоронить себя в Новодевичьем монастыре (Духовное завещание Елизаветы Петровны Яньковой // Московская семья Яньковых-Благово… С. 19–24).

[38] Дмитрий Григорьевич Давиденко выступил не только научным редактором этой статьи, но внес много нового в разбор генеалогических связей представителей семьи Римских-Косаковых. Искренне благодарю его за помощь.

при поиске погребений, при реконструкции памятных зданий, планировании музеев, выяснении деталей быта. Недаром в связи с раскопками сейчас постоянно звучат имена русских классиков, в списке которых оказываются рядом Н.В. Гоголь и родители Ф.М. Достоевского, церковный писатель архиепископ Никифор (Феотокис) и менее известные авторы. Эта новая плоскость, новое пространство позволяет по-новому увидеть и сами источники: в мемуарном жанре явственно выступает его археологичность, а в материальных объектах всё более проглядывает не присущая им, в общем, «литературность». Археология России достигает на этом материале уровня соединенности с письменной традицией, который свойственен исследованиям античности. Полагаю, что в этих исследованиях на наших глазах формируется одно из направлений поздней русской археологии – «археология литературная».

Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7

Список литературы

Беляев Л.А. Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков // Исторические записки. Т. 18 (136). М.: РАН, 2019. С. 5–45.

Беляев Л.А. «Гробы повапленные». Образцы аллегорических композиций конца XVIII-XIX в. с кладбища Свято-Данилова монастыря в Москве // Живая старина. 2005. № 1. С. 4–6.

Беляев Л.А. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источник // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V. Вып. 2 (5). Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2011. С. 72–84.

Беляев Л.А. Классические древности как фактор развития западноевропейской культуры // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова. М.: Гриф и К., 2010. С. 562–587.

Беляев Л.А. Корсунские реликвии в Московской Руси: подлинная история креста-«корсунчика» // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 530–542.

Беляев Л.А. Некрополь Данилова монастыря в XVIII-XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: «Даниловский благовестник»; Институт археологии РАН; 2012. 504 с.

Беляев Л.А. Погребения в алтарях: литературные решения археологических загадок // Живая старина. 2016. № 2. С. 8–10.

Беляев Л.А. Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. 2018. № 3. С. 2–7.

Веневитинов Д.В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Academia, 1934. 533 с.

Долгополова С., Малютина В. Судьба хомяковских реликвий // Подмосковный летописец. 2011. № 1. С. 82–87.

Доронин А.Н. Древняя Русь до Древней Руси: М.В. Ломоносов о началах российской нации // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М.: Росспэн, 2017. С. 358–392.

Ершов И.Н. Михаил Пришвин и российская археология. М.: ИА РАН, 2012. 240 с.

Зинухов А.Н. Где на самом деле похоронен Пушкин. Электронный ресурс: https://www.pravda.ru/culture/36822-gde_na_samom_dele_pokhoronen_pushkin/ (дата обращения 20.06.2020).

Куллэ В.А. Перстень Геркуланума // Знамя. 1999. № 4. Электронный ресурс: https://magazines.gorky.media/znamia/1999/4/minus-slovo.html (дата обращения 03.06.2020).

Макаров Н.А. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // Советская археология. 1981. № 2. С. 111–116.

Московская семья Яньковых-Благово. Три века истории. М.: Гос. музей А.С. Пушкина, 2008. 76 с.

Мусин А.Е. Христианизация Псковской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. 272 с.

Осокин В.Н. Перстень Веневитинова. Этюды о художниках и писателях. М.: Советская Россия, 1969. 123 с.

Рассказы бабушки (Рассказы Е.П. Яньковой): Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Изд. подгот. Т.И. Орнатская. Л.: Наука, 1989. 471 с.

Формозов А.А. Наследие «Синопсиса» // Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М.: Гриф и К, 2012. С. 10–24.

Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя XII – начала XX в. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 488 с.

Энговатова А.В., Яганов А.В., Высоцкий А.Л., Курицын М.А. Архитектурно-археологические исследования на территории Московской духовной академии в 2016 году // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 261–271.

Л.А. Беляев
Археология и литературные источники XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: историческая археология, русская литература, церковные обряды и обычаи, погребальные практики, просопография, монастыри и монашество

Аннотация: Археология XVIII–XIX вв. в России – совсем новая ветвь науки. Эту часть гуманитарной науки на Западе обычно называют *исторической археологией*, в России – *археологией национального периода,* или просто *поздней археологией*. Современное российское законодательство признает поселения, погребения и артефакты Нового времени археологической частью культурного наследия России. Однако внутри науки эта отрасль только ищет свое место, пытается определить проблематику и возможный вклад в общую историю культуры. В числе направлений оказывается и самый важный раздел национальной культуры – история литературы. Сравнение литературных текстов и археологических источников показывает точки, где они могут оказаться взаимно полезны. Тексты, особенно мемуарные или близкие к этнографии, позволяют объяснить наблюдаемые археологами при раскопках «странности» (например, захоронения в алтарях), проследить генезис терминов и понятий. В свою очередь, археология позволяет решать вопросы биографики и просопографии, связанной с жизнью писателей.

L.A. Belyaev
Archaeology and literary sources of the 18th – 19th c.

Keywords: historical archaeology, Russian literature, Church habits and rituals, funeral practices, prosopography, monasticism

Abstract: Archeology of the 18th – 19th centuries in Russia was totally new branch of science. In the West this part of humanitarian science is commonly designated as the *historical archeology* while in Russia it is designated as *archeology of national period* or simply *late archeology*. The current Russian law recognizes settlements, burials and artifacts of the Modern period as archeological component of the Russian cultural heritage. However, this branch is still in search of its proper place inside the science and trying to define its perspectives and its possible contribution to a wider, general history of culture. The most important part of national culture, history of literature, turned out to be among directions of the new science. Comparison of literary texts and archeological sources demonstrated points where they could be mutually useful. Texts, particularly memorial and close to ethnography allow explaining 'anomalies' archeologist observe in the process of excavations (interments in the sanctuaries, for instance) and retracing genesis of terms and notions. In its turn, archeology allows solving issues related to biographical studies and to prosopography.

А.В. Беляков

Надгробия царевичей /князей Сибирских из Новоспасского монастыря по сведениям Г.Ф. Миллера

Генеалогией Сибирских Шибанидов, в первую очередь потомками хана Кучума (Кучумовичами), за последние двести пятьдесят лет исследователи занимались много и продуктивно[1]. Однако и в настоящее время остается большое количество белых пятен. Нам до настоящего времени неизвестен полный список членов данного рода. Мы располагаем более чем отрывочной информацией о дочерях и женах сибирских царевичей. Однако если Кучумовичи, жившие в XVI–XVII вв., относительно часто становились предметом специальных исследований, то их потомки конца XVII–XVIII вв. практически не изучались. Обнаруженные нами в портфелях Г.Ф. Миллера список с несохранившихся до нашего времени надгробий Сибирских царевичей/князей из некрополя Московского Новоспасского монастыря, казалось бы, позволяет частично заполнить имеющиеся лакуны[2]. Там были похоронены царевич Алексей Алексеевич (Иш-Мухаммед бин Алтанай бин Кучум), его жены, дети и внуки. Данный источник доносит до нас уникальные свидетельства, не фиксируемые нигде более. Так, становится известно имя еще одного сына царевича Алексея Алексеевича – царевича Иева Алексеевича. Логичнее всего предположить, что он умер в младенчестве или же раннем возрасте и поэтому его имя не успело попасть на страницы иных источников. Но более пристальное изучение документа приводит к выводу о том, что содержащаяся в нем информация далеко не всегда является истинной.

Обнаруженный список ставит перед исследователями ряд вопросов. Так, далеко не все однозначно с атрибуцией надгробий, а также указанными годами жизни. Если в рукописи Г.Ф. Миллера датой смерти царевича Алексея Алексеевича названо 12 июня 1680 г., то составители «Московского некрополя» указали 16 февраля 1686 г.[3] Вторая дата, на первый взгляд, должна быть ближе к истине. Но ее также следует поставить под сомнение. Дело в том, что, по Г.Ф. Миллеру, в этот день скончалась вторая супруга царевича – княгиня Анастасия Васильевна. Свой вклад в путаницу вносит справочник П.В. Долгорукова, где датой смерти княгини стоит 16 мая 1686 г.[4]

Можно предположить, что подобная ситуация возникла из-за плохого состояния надписей на надгробиях. Г.Ф. Миллер приводит тексты 10 эпитафий. Автор «Московского некрополя» отмечает только четыре надгробия (княгиня[5] Анна Григорьевна, супруга царевича Григория Алексеевича; царевич Григорий Алексеевич; царевич Алексей Алексеевич; князь Яков Васильевич)[6]. Логично предположить, что надгробие княгини Анастасии Васильевны было принято за памятник на могиле ее супруга – царевича Алексея Алексеевича. В таком случае надгробие царевича Алексея Алексеевича, умершего 12 июня 1680 г., принадлежало не внуку Кучума, а его правнуку – также Алексею Алексеевичу. Однако С.В. Любимов, правда, без ссылки на источник утверждает, что 6 января 1688 г. тот со своими братьями продал княгине Анне Васильевне Черкасской вотчину в Романовском уезде за 500 рублей[7]. Ниже мы еще вернемся к данному сюжету.

К тексту Г.Ф. Миллера имеются многочисленные вопросы. Так, по данным С.В. Любимова, Федор Васильевич родился не в 1727 г., а в 1717 г.[8] Первая супруга царевича Василия Алексеевича – Анна Семеновна Грушецкая, – по сведениям того же автора, умерла в 1711 г.[9] Князь Яков Васильевич также не мог прожить 33 года, появившись на свет в 1711 и умерев в 1742 г. Ту же несуразность отметили и авторы Московского некрополя, но П.В. Долгоруков преодолел ее, механически перенеся дату рождения на 1709 г.[10]

Определенную ясность вносит изданное в 1802 г. сочинение И.Г. Воейкова (Ювеналия)[11], посвященное описанию Новоспасского монастыря. Оно, по-видимому, не было известно П.В. Долгорукову и С.В. Любимову. Автор, в частности, приводит списки эпитафий с надгробных плит, расположенных на территории обители. Выясняется, что Г.Ф. Миллер в своем списке не передает дословно надписи с надгробных камней, а также допускает ряд неточностей и дополнений биографического характера.

И.Г. Воейков дает описание восьми надгробий. Отсутствуют погребения князя Сергея Васильевича Сибирского и княгини Анны Семеновны – жены царевича Василия Алексеевича. Почему это произошло? Логичнее всего предположить, что к рубежу XVIII–XIX вв. надгробия были утеряны или же находились в состоянии, когда надписи на них прочесть уже не представлялось возможным. В таком случае мы можем установить, как в дальнейшем «исчезали» надгробия. К моменту, когда ими заинтересовался П.В. Долгоруков, камень с могилы царевича Петра Алексеевича отсутствовал. Надгробие же князя Федора Васильевича было явно дефектным. Вместо 25 мая 1724 г. дата рождения указана как 1717 г. К рубежу XIX–XX вв. надгробие было утеряно так же, как и камни над могилами княгини Прасковьи Алексеевны и царевича Алексея Алексеевича. Надгробие княгини Анастасии Васильевны находилось в таком состоянии, что его приняли за могильную плиту ее мужа – царевича Алексея Алексеевича. Так «родились» ошибки, в дальнейшем ретранслированные С.В. Любимовым, А.В. Беляковым и другими авторами.

Вернемся к сведениям, содержащимся в описании Новоспасского монастыря 1802 г. Содержание четырех надгробий из списков Г.Ф. Миллера и И.Г. Воейкова в целом совпадает. Хотя у И.Г. Воейкова есть дополнительная информация. Например, становится известно, что княгиня Анастасия Васильевна умерла в 6 часов, а смерть Анны Григорьевны наступила в 7 часов дня.

Данные о четырех погребенных расходятся более существенно. По Г.Ф. Миллеру, царевич Алексей Алексеевич умер 12 июня 1680 г. И.Г. Воейков утверждает, что смерть наступила 19 мая того же года. Разнятся сведения о князе Якове Васильевиче. Г.Ф. Миллер сообщает, что тот появился на свет в 1711 г. и умер в чине подполковника, прожив 33 года, в 1742 (sic!) г. И.Г. Воейков не приводит года рождения и отмечает, что на момент смерти Яков Васильевич был полковником. Возникает вопрос: каким образом ошибочное свидетельство о рождении князя Якова Васильевича в 1711 г. стало известно составителям «Московского некрополя»? У нас имеется только одно объяснение. Указанная дата действительно была выбита на надгробии. Заметив эту несуразность, И.Г. Воейков не исправил ее, а просто убрал. Сведения о князе Федоре Васильевиче Г.Ф. Миллер дополнил информацией о том, что на момент смерти тому был 31 год и он служил капитаном во Втором Московском полку[12]. Однако наибольшие разночтения касаются царевича Иева Алексеевича. У И.Г. Воейкова

[1] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М.: Восточная литература, 2005; Т. 2. М.: Восточная литература, 2000; Т. 3. М.: Восточная литература, 2005; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 3. СПб.: Тип. Карла Вингебера, 1856. С. 53–54; *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. СПб.: Тип. II Отд. Собственной е.и.в. канцелярии, 1855; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1864; Т. 3. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1866; *Шишкин Н.И.* История города Касимова с древнейших времен. Рязань: Благовест, 1999; *Любимов С.В.* Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг.: Тип. Андерсона и Лойцянского, 1915. С. 55–79; Княжеские роды Российской империи. Т. 3. М.: ИПК Вести, 1996. С. 103–104; *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Олега Абышко, 2018.

[2] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Картон 284. Ч. 2. Тетрадь 5. Л. 11.

[3] Московский некрополь. Т. 3. М.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. С. 97.

[4] *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 3. С. 54.

[5] Следует коротко остановиться на особенностях титулатуры крещеных татарских царевичей (Кучумовичей в частности) в России. Мужчины всегда назывались царевичами/князьями, их жены и дочери – княгинями и княжнами соответственно. Однако после 1724 г. (ранее принятая датировка этого события как 1717 или же 1718 г., скорее всего, ошибочна) царевича Василия Алексеевича и всех его потомков велено было называть только князьями (*Г.Б.* Сибирский царевич Василий Алексеевич в Архангельской ссылке (1718–1727 гг.). (Из архивных дел дальнего севера) // Русская старина. 1905. Т. 122. № 5. С. 404–411).

[6] Московский некрополь. Т. 3. С. 97–98.

[7] *Любимов С.В.* Опыт исторических родословий… С. 72.

[8] Там же. С. 75.

[9] Там же. С. 71.

[10] *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 3. С. 54.

[11] *Ювеналий* (И.Г. Воейков). Краткое историческое описание Московского ставропигиального первоклассного Новоспасского монастыря, из разных исторических, церковных и гражданских, печатных и рукописных книг и документов во время правления оным монастырем архимандрита Иакинфа Карпинского собранное и им рассмотренное, и одобренное любителями же древностей, ныне на свете изданное. Москва: Губернская тип., 1802. Ювеналий – автор ряда генеалогический исследований, строитель Полубенской пустыни (с 1760 г.), игумен Одрино-Николаевского монастыря (с. 1763 г.), Новосильского Духова монастыря (с 1767 г.), Вологодского Корнилиева монастыря (с 1775 г.). 12 апреля 1784 г. из-за болезни уволен на покой в ставропигиальный Новоспасский монастырь – по собственной просьбе. Там он и умер в 1807 г. (Ювеналий (Воейков) // Русский биографический словарь. [Т. 24.] СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1912. С. 309–310).

[12] Информация о том, что князь Сергей Васильевич являлся ротмистром Кирасирского полка, возможно, также отсутствовала на надгробии. Скорее всего, эти сведения тоже были добавлены Г.Ф. Миллером.

он превращается в Петра Алексеевича, умершего 19 февраля 1674 г., в день святого мученика Харлампия, в 5-м часу ночи[13]. То есть мы «потеряли» одного сибирского Шибанида, зато обнаружили место погребения еще одного внука Кучума – Петра (Дост-Мухаммеда) бин Алтаная. Помимо этого, мы можем говорить о том, что потомки царевича Алтаная далеко не всегда стремились быть захоронены на родовом кладбище, как это было у их некрещеных родственников. В Новоспасском монастыре, по-видимому, хоронили только умерших в Москве. Традиция перевоза тел усопших не сформировалась. Также на монастырском кладбище не фиксируются могилы жен, принявших православие после вступления в брак. Места их захоронения на настоящий момент неизвестны. Нет сведений и о надгробиях детей, умерших в младенчестве, хотя синодики рода говорят, что таких случаев было много[14].

Сведения из портфелей Г.Ф. Миллера, действительно, далеко не всегда полностью аутентичны. Искажения возникали по трем причинам: 1) сокращение дополнительной информации эпитафии (не фиксируется час смерти и сведения о соответствующем дне святого), все внимание сосредоточено на имени погребенного и его родственных связях; 2) неправильная передача имени и даты смерти; 3) внесение дополнительной информации, известной исследователю об этом человеке. К сожалению, данные наблюдения заставляют нас поставить под сомнение и другие сведения о московских некрополях, приводимые указанным автором. Известно, что черновую работу для Г.Ф. Миллера часто выполняли его подчиненные. Они были слабо заинтересованы в точной передаче данных.

В целом в сложившейся ситуации мы склонны более доверять свидетельствам И.Г. Воейкова. Однако, нельзя исключать, что и там могут содержаться отдельные искажения. История с датой рождения князя Якова Васильевича служит наглядным примером того, как это могло происходить. Но на настоящий момент это все же, судя по всему, наиболее точный источник по рассматриваемой нами теме.

Природу ошибок составителей «Московского некрополя» также можно объяснить исключительно нерадением или же низкой квалификацией технических исполнителей. К глубокому сожалению, в дальнейшем эти неточности многократно тиражировались составителями генеалогических справочников и исследователями, в том числе и автором этих строк. Это в свою очередь ставит вопрос о создании нового справочника по истории Кучумовичей в России, по возможности избавленного от прежних заблуждений.

Не все понятно и с тем, как были оформлены захоронения. В «Московском некрополе» сообщается, что плиты находились в подклете собора монастыря. Однако туда они могли быть перенесены позднее. Отметим, что ближайшие родственники Кучумовичей – Касимовские царевичи – имели родовой некрополь в московском Златоустовском монастыре. Это была отдельно стоящая каменная палатка, которую монахи еще в середине XVIII в. разобрали за ненадобностью. Сохранилось свидетельство о продаже братией многопудовой двери палатки[15]. Кстати, в этом же монастыре нашли упокоение и члены семьи еще одного сибирского царевича – Андрея Кучумова[16]. Следует учесть и тот факт, что погребение в церковном подклете также могло оформляться в виде отдельной каменной палатки. По крайней мере, именно такую картину мы наблюдаем в случае с родовой усыпальницей князей Мстиславских в московском Симоновом монастыре[17]. В Новоспасском монастыре погребения также иногда оформлялись аналогичным образом.

Крещеные Кучумовичи явно тяготели к строительству подобных сооружений. Помимо уже упомянутой нами палатки в Златоустовском монастыре, можно привести еще один пример: это погребение в касимовском Казанском девичьем монастыре касимовского же царевича Якова (Иакова) Васильевича. Об этом человеке документально известен только один факт – это дата его смерти 7 января 1677 г. Все остальные «свидетельства» являются более поздними «осмыслениями» возможной праведной жизни местночтимого святого блаженного царевича Иакова. Над могилой царевича построили каменную (кирпичную?) «часовню» (мавзолей) с тесовой крышей. Скорее всего, она была сооружена родственниками. К середине XIX в. крышу заменили на железную. Сохранился рисунок и план первоначального вида часовни, сделанный И.С. Гагиным на общем плане Казанского монастыря. На них изображена достаточно простая, почти квадратная (приблизительно 4,25 × 4 м) палатка с четырехскатной крышей с небольшим крестом наверху. С левой стороны на фасаде располагалось

[13] *Ювеналий*. Краткое историческое описание… С. 32–33.

[14] *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мір, 2011. С. 67–75.

[15] РГАДА. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 59. Л. 134 об.

[16] *Беркович В.А., Егоров К.А.* Новые материалы о потомках хана Кучума (по результатам охранных исследований в историческом центре Москвы) // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований. Екатеринбург; Нефтеюганск; Ханты-Мансийск: Магеллан, 2014. С. 296–301.

[17] Надписи, находящиеся в Симоновом Московском монастыре // Древняя российская вивлиофика. Ч. 19. М.: В тип. компании типографической, 1791. С. 385.

Рис. 1. Первоначальная палатка (часовня) касимовского царевича Якова Васильевича в Казанском монастыре г. Касимова.

Рис. 2. Внутренний вид палатки (часовни) и плита касимовского царевича Якова Васильевича.

зарешеченное прямоугольное окно, справа – входная дверь, украшенная фигурным порталом. Еще одно окно имелось на боковой стене (рис. 1). Кроме могилы царевича (рис. 2), отмеченной строго посередине палатки, в ней ничего не было. Во второй половине XIX в., при игуменье Рафаиле, старую часовню разобрали и на ее месте построили новую. Ее внешний вид известен нам по фотографиям первой половины XX в. Это восьмигранное сооружение из красного кирпича. Каждая грань заканчивается закомарой (кокошником). Над зданием – железный свод с небольшой главкой (рис. 3). Посреди часовни над могилой сделано возвышение из кирпича, на котором и лежало надгробие[18].

Таким образом, различные генеалогические справочники, а также ранние работы по описанию русских некрополей подчас не могут служить надежным источником информации. В них содержатся значительные искажения, вызванные как описками, недостаточной квалификацией и слабой заинтересованностью технических исполнителей, так и неправильным прочтением надписей, находящихся к тому времени в более чем плачевном состоянии. Сведения подобных изданий необходимо в обязательном порядке проверять архивными данными и иными независимыми свидетельствами. В противном случае исследователи рискуют допустить досадные ошибки.

Рис. 3. Часовня построенная над могилой царевича Якова во второй половине XIX в.

[18] *Беляков А.В.* Касимовский царевич Яков (Иаков). Мифологизация образа // Пятые Яхонтовские чтения. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010. С. 89–94; *Беляков А.В.* Чингисиды в России… С. 161–162.

Приложение

№1
Надгробия Новоспасского монастыря по данным Г.Ф. Миллера.

1. 1758-го года сентября 10 дня преставися раб божий капитан князь Федор Васильевич сын Сибирской, сын царевича Василия Алексеевича Сибирского, жития его было 31 год, а служил во Втором Московском полку.

2. 1704-го апреля 12 дня преставися раба божия Сибирского царевича Василия Алексеевича жена его княгиня Анна Семеновна.

3. 7198-го (1690) июня 23 дня преставися раба божия дочь Сибирского царевича Алексея Алексеевича, жена стольника Ивана Яковлевича Волынскаго Прасковья Алексеевна.

4. 1740-го года ноября в 27 день преставися карасирскаго полку ротмистр князь Сергей Васильевич сын Сибирской, жития его было 30 лет и 5 месяцев.

5. 1742-го году генваря 24 день преставися подполковник князь Яков Васильевич Сибирской, а рождения его было 711 года, жития ж его было 33 года.

6. 7188-го (1680) года июня 12 день преставися раб божий Сибирской царевич Алексей Алексеевич.

7. 7182-го (1674) февраля 9-го дня преставися раб божий Сибирской царевич Иев Алексеевич.

8. 7196-го года (1688) августа 13-го дня преставися раба божия Сибирского царевича Григория Алексеевича жена княгиня Анна Григорьевна.

9. 7193-го (1685) марта 31 день преставися раб божий Сибирской царевич Григорей Алексеевич.

10. 7194-го (1686) февраля 16 день преставися раба божия Сибирского царевича Алексея Алексеевича жена его, княгиня Настасья Васильевна.

РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Картон 284. Ч. 2. Тетрадь 5. Л. 11.

№2
Надгробия Новоспасского монастыря по данным И.Г. Воейкова

22) Лета 7182 (1674) февраля 9-го дни, на память святого мученика Харлампия, преставися раб Божий Сибирской царевич Петр Алексеевич в 5 часу ночи.

23) Лета 7188 (1680) года маия 19 день преставися раб Божий Сибирской царевич Алексей Алексеевич.

24) Лета 7193 (1685) марта в 31 день, на пямять преподобного отца нашего Ипатия епископа Гагрского, преставися раб Божий Сибирской царевич Григорей Алексеевич.

25) 7194 (1686) февраля 16 день в 6 часов преставися раба Божия Сибирскаго царевича Алексея Алексеевича жена его, княгиня Анастасья Васильевна.

26) Лета 7196 (1688) августа в 13 день 7 часу дни преставися раба Божия Сибирского царевича Григория Алексеевича жена княгиня Анна Григорьевна.

28) Лета 7198-го (1690) иуня в 23 дня, на память святые мученицы Агрипины, преставися раба Божия дочь Сибирского царевича Алексея Алексеевича, жена стольника Ивана Яковлевича Волынскаго Параскева Алексеевна.

29) 1742 генваря в 24 день преставися раб Божий подполковник князь Яков Васильевич Сибирской, жития ж его было 33 года.

32) Князь Федор Васильевич Сибирской родился в 1724 маия 25 дня, скончался в 1758 сентября 19 дня и погребен под сим камнем.

Ювеналий (Воейков Иван Григорьевич). Краткое историческое описание Московского ставропигиального первоклассного Новоспасского монастыря, из разных исторических, церковных и гражданских, печатных и рукописных книг и документов во время правления оным монастырем архимандрита Иакинфа Карпинского собранное и им рассмотренное, и одобренное любителями же древностей, ныне на свете изданное. Москва: Губернская тип., 1802. С. 32–33.

Список литературы

Беляков А.В. Касимовский царевич Яков (Иаков). Мифологизация образа // *Пятые Яхонтовские чтения. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010. С. 89–94.*

Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мір, 2011. 510 с.

Беркович В.А., Егоров К.А. Новые материалы о потомках хана Кучума (по результатам охранных исследований в историческом центре Москвы) // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований. Екатеринбург; Нефтеюганск; Ханты-Мансийск: Магеллан, 2014. С. 296–301.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1864. 498 с.; Т. 3. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1866. 502 с.

Г.Б. Сибирский царевич Василий Алексеевич в Архангельской ссылке (1718–1727 гг.). (Из архивных дел Дальнего Севера) // Русская старина. 1905. Т. 122. № 5. С. 404–411.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 3. СПб.: Тип. Карла Вингебера, 1856. 523 с.

Княжеские роды Российской империи. Т. 3. М.: ИПК Вести, 1996. 278 с.

Лакиер А.Б. Русская геральдика. СПб.: Тип. II Отд. Собственной е.и.в. канцелярии, 1855. 632 с.

Любимов С.В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг.: Тип. Андерсона и Лойцянского, 1915. 108 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Восточная литература, 2005. 630 с.; Т. 2. М.: Восточная литература, 2000. 795 с.; Т. 3. М.: Восточная литература, 2005. 598 с.

Московский некрополь. Т. 3. М.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. 432 с.

Надписи, находящиеся в Симоновом Московском монастыре // Древняя российская вивлиофика. Ч. 19. М.: В тип. компании типографической, 1791. 418 с.

Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Олега Абышко, 2018. 486 с.

Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань: Благовест, 1999. 217 с.

Ювеналий (Воейков) // Русский биографический словарь. [Т. 24.] СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1912. С. 309–310.

Ювеналий (И.Г. Воейков). Краткое историческое описание Московского ставропигиального первоклассного Новоспасского монастыря, из разных исторических, церковных и гражданских, печатных и рукописных книг и документов во время правления оным монастырем архимандрита Иакинфа Карпинского собранное и им рассмотренное, и одобренное любителями же древностей, ныне на свете изданное. Москва: Губернская тип., 1802. 93 с.

А.В. Беляков
Надгробия царевичей/князей Сибирских из Новоспасского монастыря по сведениям Г.Ф. Миллера

Ключевые слова: Кучумовичи, московский некрополь XVIII в., Новоспасский монастырь, Г.Ф. Миллер

Аннотация: Статья посвящена генеалогии Сибирских Шибанидов (Кучумовичей) – царевичей и князей Сибирских конца XVII – первой половине XVIII вв. Проанализировав тексты эпитафий с надгробий Московского Новоспасского монастыря, обнаруженных в портфелях Г.Ф. Миллера, автор приходит к выводу о том, что они содержат значительные искажения – по вине технических исполнителей, которые копировали указанные надписи. Сходные, но не идентичные ошибки по тем же причинам имеются в генеалогическом справочнике П.В. Долгорукова и справочнике «Московский некрополь». Это ставит вопрос об уровне доверия к данным источникам.

A.V. Belyakov
The Tombstones of Siberian princes/dukes from the Novospassky monastery according to G.F. Miller

Keywords: Kuchumovichi, Moscow necropolis of the 18th century, Novospassky monastery, G.F. Miller

Abstract: The article is devoted to the genealogy of Siberian Shibanids (Kuchumovichs), Siberian princes (tsareviches) and dukes (knyazes) from the late of 17th – to the first half of the 18th centuries. During the analysis of the texts of the epitaphs from the tombstones of the Moscow Novospassky Monastery, which were found in the portfolios of G.F. Miller, the author comes to the conclusion that they contain significant distortions – due to the fault of technical performers who copied these inscriptions. Similar, but not identical errors made for the same reasons are contained in the genealogical directory of P.V. Dolgorukov and “Moscow Necropolis” reference book. This raises the question of the level of trust in these sources.

Е.Е. Васильева

Особенности деревянных погребальных сооружений XVIII в.

В настоящей статье рассмотрена выборка деревянных погребальных конструкций, происходящих из 28 некрополей: 6 мужских монастырей (Успенского монастыря г. Старицы, Введенского монастыря г. Бежецка Тверской области, Чудова монастыря Московского Кремля, Петровского монастыря г. Ростова Великого, Спасо-Преображенского монастыря г. Ярославля; на территории Троице-Сергиева монастыря рассмотрено 6 некрополей – некрополь при Духовской, Трапезной, Михеевской церквях, при Успенском соборе, Академический некрополь и Смоленское кладбище), 3 женских (Алексеевского и Николо-Улейминского монастырей г. Углича, Рождественского монастыря г. Ростова Ярославской области), 12 городских кладбищ (кладбищ при Спасо-Преображенском соборе, у церкви Богоявления, при церкви Алексия человека Божия, при церкви Жен Мироносиц г. Твери, при церкви Рождества Христова на Горе г. Кашина Тверской области, некрополя Угличского кремля, кладбищ при церквях Исидора Блаженного, Бориса и Глеба г. Ростова Великого, кладбища при церкви Иоанна Златоуста, г. Ярославля, Исуповского могильника Сусанинского района Костромской области, некрополя при Благовещенском соборе г. Гороховца Владимирской области, некрополей Дмитровского кремля). Проанализировано 188 погребальных конструкций, полученных при исследовании монастырей, 408 – городских прицерковных кладбищ. Из этого объема отобраны погребения, имеющие датировку с точностью до века – всего 43, происходящих с территории монастырских некрополей и 264 – с территории городских. Датирование захоронений осуществлялось на основании комплекса признаков – проведенных историко-архивных исследований, анализа общей планиграфии и стратиграфии, погребального инвентаря, обнаруженного при исследовании погребения, результатов естественно-научных (дендрохронологии, радиоуглеродного датирования) и криминалистических методов. Необходимо отметить, что многие ученые связывают время прекращения функционирования городских прицерковных кладбищ с законами второй трети XVIII в. о запрете на захоронения в черте городов. Это законодательное регулирование правил погребения привело к тому, что количество исследованных археологически погребений XVIII в. значительно меньшее, чем погребений предыдущего периода, хотя нами достоверно установлено, что на отдельных городских кладбищах единичные захоронения горожан совершались и в более позднее время[1]. В связи с этим выявление отличительных особенностей деревянных погребальных конструкций XVIII в. представляет особый интерес.

Наиболее представительная выборка погребений XVIII в. происходит с кладбища при церкви Иоанна Златоуста г. Ярославля – всего 44 погребения с сохранившимися деревянными погребальными конструкциями. Кладбище функционировало в период с конца XV по середину XIX вв., в связи с чем удалось сравнить выборку деревянных гробов XVIII в. с выборками гробов XVI и XVII вв. (выборки XV и XIX вв. малочисленны). Можно говорить о том, что с XVIII в. для составных гробов становится повсеместным использование крепления досок в сквозной ласточкин хвост. Кроме того, поперечное сечение составных гробов постепенно трансформируется из прямоугольника в трапецию – вначале это еле

[1] Например: *Васильева Е.Е., Решетова И.К.* Об одной группе захоронений XIX века на кладбище при церкви Иоанна Златоуста в городе Ярославле: археология и антропология // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: ТНИИРЦ, 2017. С. 379–384.

заметно, однако постепенно трапециевидная в сечении форма становится все более ярко выраженной. Доски гробов становятся менее массивными.

Долбленых гробов меньше, чем гробов-ящиков, однако в процентном соотношении они составляют 39% выборки. Что касается формы, то она значительно упрощается, в отдельных случаях выделяется лишь приподнятое оголовье.

Такие же хронологические маркеры фиксируются и при анализе материалов, полученных при исследовании других кладбищ Ярославской и соседних областей. Так, при исследовании кладбища второй половины XVI–XVIII вв. при церкви Исидора Блаженного в Ростове погребения интересующего нас периода совершены в составных гробах. Отмечается, что гробы прямоугольные в сечении, в одном погребении прослежено, что доска дна была наборной[2]. Во время работы при церкви Рождества Богородицы в Рождественском монастыре г. Ростова исследованы погребения конца XVII – последней трети XVIII в. Все они совершены в составных гробах. Два гроба имели наборные крышки, из двух досок. Авторы работ отмечают, что гробы были чуть трапециевидные в сечении. В случае погребения 6[3] можно точно говорить о том, что доски стенок с торцами крепились на сквозной ласточкин хвост. Интересно, что в двух захоронениях под голову погребенным положена подушка из доски 6 см толщиной[4]. Одна долбленая колода интересующего нас периода была обнаружена при работах при церкви Бориса и Глеба в Ростове. Однако, ввиду плохой сохранности дерева, выявить конструктивные особенности не удалось[5].

Во время работ в угличском Николо-Улейминском монастыре, среди прочих, обнаружено захоронение 2/2 XVIII в. Погребение совершено в дощатом гробу, трапециевидном в сечении и с двускатной крышкой[6].

При исследовании в городе Кашине Тверской области при церкви Рождества Христова на Горе обнаружено 9 погребений в гробах, из них три в долбленых колодах, остальные в составных гробах с креплением на пазах. Хорошо видны выступы досок стенок за торцы[7].

Схожую конструкцию имеют и составные гробы, обнаруженные при изучении некрополей Дмитровского кремля. Среди захоронений XVIII в. встречено два погребения в составных гробах трапециевидной в плане формы и три долбленых колоды ладьевидной формы[8].

Для выделения отличительных черт деревянных погребальных конструкций XVIII в. необходимо охарактеризовать вместилища для тела, использовавшиеся в предшествующие хронологические периоды. Подробное описание деревянных погребальных сооружений XVI–XVII вв. дано в другой статье в настоящем сборнике[9], поэтому здесь мы представим лишь основные тезисы.

И для долбленых, и для составных гробов монастырских и городских некрополей прослеживается общая тенденция к утоньшению стенок и торцов. У долбленых колод постепенно упрощается форма, что выражается как во внешнем, так и во внутреннем оформлении. Так, антропоморфные ниши для головы сменяются прямоугольными, а в XVII в. внутреннее пространство погребальной конструкции оформлено не всегда, и только в случае взрослых погребений. Для антропоморфных колод наблюдается постепенная смена линии плечиков с плавной на прямую. Для составных гробов характерно не только утоньшение досок, но и появление наборных досок крышек. Что касается способа крепления досок гроба друг с другом, то наиболее часто встречается крепление на глухой паз и гребень.

Характеризуя деревянные погребальные конструкции XVIII в. можно отметить то, что у колод антропоморфной формы линия плечиков становится практически прямой, выступающее оголовье – практически трапециевидным (рис. 1). Для колод остальных видов также характерно упрощение как внешнего оформления погребальной конструкции, так и внутреннего. Ниши для головы более не встречаются, а приподнятое оголовье можно встретить в единичных случаях, при этом высота его незначительна – 1–2 см. Ножная часть также не оформлена, за исключением плавного сужения к ногам, стенки колод имеют практически одинаковую ширину по всей длине.

Доски составных гробов в целом еще более утончаются. Для гробов, доски которых крепились

[2] *Кашкин А.В., Самойлович Н.Г.* Отчет об охранных археологических исследованиях у церкви Исидора Блаженного в г. Ростове Великом в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 47553. С. 14.

[3] Согласно нумерации погребений, данной авторами отчета.

[4] *Самойлович Н.Г.* Отчет по теме: «Охранные археологические исследования на участке прокладки дренажа у церкви Рождества Богородицы в Рождественском монастыре г. Ростова Ярославской области» // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24865. С. 5.

[5] *Иоаннисян О.М.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях церкви Бориса и Глеба в Ростове, проведенных Архитектурно-археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1990 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 15844. С. 5.

[6] *Томсинский С.В.* Отчет о раскопках на селище Грехов ручей, Николо-Улейминском монастыре и в г. Мышкине в 2000 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 22762. С. 16.

[7] *Иванова А.Б.* Отчет об охранных археологических исследованиях на территории посада г. Кашина Тверской области в 2002 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 27438. С. 74–83.

[8] *Энговатова А.В.* Некрополи Дмитровского кремля. 2020 (в печати)

[9] См. статью: *Васильева Е.Е., Тарасова А.А.* Характеристика качества жизни городского населения по археологическим и антропологическим данным (на примере кладбища при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле).

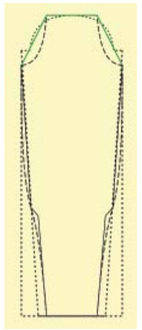

Рис. 1. Наиболее распространенная в XVIII в. форма оголовья антропоморфных колод. Общий вид.

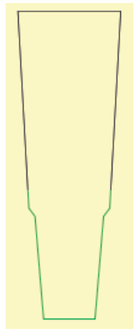

Рис. 2. Составные гробы антропоморфной формы. Общий вид.

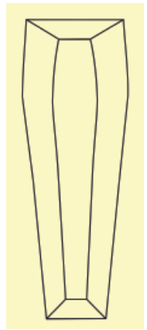

Рис. 3. Составной гроб трапециевидной формы с расширением в плечиках. Общий вид.

без гвоздей, практически повсеместным становится использование крепления на сквозной ласточкин хвост. В связи с этим прослеживается утолщение концов боковых досок, что обеспечивает более прочную конструкцию крепления при помощи пазов. С XVIII в. сечение составных гробов повсеместно становится трапециевидным. К XVIII в. относится появление еще одного подвида составных гробов, имеющих следующую конструкцию – дно со стенками представляют собой единый короб, торцы прибиты железными гвоздями к стенкам. Ножная часть ярко выражена – фиксируется сужение боковых стенок к ногам, усиленное уступом («коленом») (рис. 2). Подобные гробы встречены при раскопках кладбища, расположенного возле церкви Воздвижения Креста Господня в Великом Новгороде.

При анализе деревянных погребальных конструкций XVIII в. необходимо также кратко упомянуть о законодательных изменениях первой трети XVIII в., регулирующих правила захоронения. Помимо различных требований санитарного характера, появляются требования, касающиеся оформления вместилищ для тела. Так, в 1724 г. издан указ «О неделании дубовых гробов». От священников стали требовать никого в дубовых гробах не погребать[10]. Позже Петр I запретил и изготовление долбленых сосновых гробов – их теперь можно было делать только из досок. Однако в единичных случаях долбленые колоды встречаются как на территории некрополей крупных монастырей, так небольших провинциальных.

Относительно соотношения долбленых и составных гробов можно сказать следующее – до XVIII в. на территории монастырских некрополей составные гробы встречаются в единичных случаях. С XVIII в. ситуация меняется – теперь составные гробы либо преобладают над долблеными, либо полностью их вытесняют, причем наибольшее распространение получают составные гробы трапециевидной в плане формы. На городских прицерковных кладбищах ситуация иная – и до XVIII, и в XVIII в. количество составных гробов превышает количество долбленых колод в 1,6–1,8 раз, но резкого вытеснения одного вида погребальных конструкций другим не прослеживается. При этом захоронения детей практически повсеместно совершались в долбленых колодах, лишь с XIX в. для захоронения детей стали преимущественно использовать составные гробы, а не долбленые колоды.

И для монастырских, и для городских некрополей (как для захоронений взрослых, так и захоронений детей в XVI–XVII вв.) наиболее распространенными видами долбленых колод являются колоды антропоморфной и ладьевидной форм.

На монастырских некрополях антропоморфные колоды встречаются в период XV–XVII вв., причем наиболее активно они используются в XVI–XVII вв., а с XVIII в. полностью исчезают. Колоды ладьевидной формы также начинают фиксироваться при исследовании погребений XV в., и распространены в XVI–XVII вв. Единично они встречаются и в XVIII в., причем в нашей выборке присутствует только подвид Б (по типологии Т.Д. Пановой)[11].

На городских некрополях в XVIII в. по-прежнему чаще всего встречаются колоды антропоморфной формы, количество ладьевидных колод снижается, уступая колодам трапециевидным, а вот прямоугольные колоды для захоронений взрослых в XVIII в. более не используются (встречены только детские прямоугольные). Что касается составных гробов, то и в XVI–XVII, и в XVIII вв. количество гробов трапециевидной в плане формы преобладает над гробами прямоугольными.

Интересные наблюдения можно сделать, проанализировав материалы из различных монастырей. Так, наиболее «передовыми» в отношении моды на деревянные погребальные конструкции можно назвать крупные монастыри Москвы. К примеру, на территории некрополя Новоспасского монастыря встречены составные гробы со слабо выраженным рельефом на досках, обивкой и металлическими ручками. К сожалению, сохранность

[10] *Энговатова А.В.* Краткие сведения о законодательстве, касающемся правил погребения // Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. (Методика полевых археологических исследований). М.: ИА РАН, 2011. С. 46.

[11] *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. С. 73.

древесных останков не позволяет установить форму крышек[12]. На территории Троице-Сергиевой лавры к XVIII в. относятся несколько погребений, совершенных в долбленых колодах и лишь одно погребение в составном дощатом гробу, обтянутом тканью. Погребение идентифицировано как захоронение архимандрита Кирилла (Флоринского) († 9 (22) января 1744 г.). Захоронения в трапециевидных составных гробах, сложенных из профилированных досок, с обивкой и металлическими ручками, массово начинают встречаться в лаврских некрополях лишь с XIX в. На территории же провинциальных монастырей следов обивки или других украшений деревянных погребальных конструкций в захоронениях XVIII в. не обнаружено.

Таким образом, постепенно к XIX в. основным видом погребальной конструкции становится составной гроб трапециевидной в плане и в сечении формы, с креплением досок при помощи гвоздей. Появляется новый подвид составных трапециевидных гробов – деревянные гробы-ящики трапециевидной формы с расширением в плечиках. Расширение это достигалось путем изгиба боковых досок гроба и крышки методом резки пропилов, которые наносились перпендикулярно доске дна, поперек узору дерева. Крышки таких гробов, как правило, двухскатные, центральная доска также имеет расширение (рис. 3).

Кроме того, доски гробов и крышки зачастую стали иметь рельефный профиль на лицевой поверхности. Рельеф мог быть ярко выраженным или слабо выраженным, но в богатых захоронениях он чаще всего присутствует. Кроме того, на крышках гробов могли быть выполнены рельефные изображения в виде восьмиконечного креста. Это мог быть барельеф или набитый на крышке крест из планок.

Встречаются и другие объемные украшения досок – например, встречен гроб, верх стенок которого украшал ряд часто набитых декоративных гвоздиков.

Практически повсеместно в монастырских и центральных городских некрополях стала использоваться тканевая обивка гробов. Это могла быть парча, глазет[13] или другие, менее богатые ткани. Гробы могли быть полностью обиты тканью, иногда лентами украшались только края досок гроба, в местах скрепления их гвоздями.

В отдельных случаях фиксируются декоративные навершия, украшающие крышки гробов. Это составные деревянные навершия, обвитые нитью. Деревянная основа оплетена равномерно, витки однонаправленные, концы нитей отогнуты на внутреннюю сторону деталей навершия. В местах сужения деревянной основы поверх оплетки намотаны поперечные нити. Навершия крепились по углам крышки гроба, с внешней ее стороны, причем в отдельных случаях они располагаются только в головной части гроба, а иногда украшают все четыре угла. Такие украшения встретились при исследовании захоронений XIX – начала XX вв. Академического некрополя Московской духовной академии Троице-Сергиевой лавры и некрополя при Спасо-Преображенском соборе г. Твери.

Довольно редкой находкой можно считать ножки деревянных гробов. Известные нам экземпляры все имеют бутонообразную форму, их количество всегда равняется четырем. Крепились они посредством вставки их верхней части в глухие пазы, выполненные в доске дна. Ножки деревянных гробов обнаружены лишь на Академическом некрополе Московской духовной академии Троице-Сергиевой лавры.

Металлические ручки у деревянных гробов встречаются значительно чаще. Они могут быть выполнены из разных материалов – и бронзы, и подобных сплавов, и простого железа. Форма их также различна – от простой до высокохудожественной. Количество ручек у одного гроба могло быть разным, чаще всего их четыре – по две с каждой стороны, однако нередки случаи нахождения ручек также и на торцевых стенках. Иногда в местах крепления ручек фиксируются также декоративные орнаментированные металлические пластины. Встречены металлические ручки у гробов погребений XIX – начала XX в., в некрополях Троице-Сергиевой лавры – Академическом, Смоленском, Успенском и в некрополе при Спасо-Преображенском соборе г. Твери.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– подтверждается одновременное сосуществование в XVIII в. долбленых и составных гробов на территории и монастырских, и городских некрополей. Несмотря на запретительное законодательство XVIII в., и в XVIII в., и в более позднее время осуществлялись захоронения в долбленых колодах;

– прослежено, что именно к XVIII в. относится значительное упрощение форм погребальных сооружений как на территории городских прицерковных кладбищ[14], так и на территории монастырских некрополей, где только с XIX в. начинают массово использоваться украшения погребальных конструкций и появляются новые подвиды составных гробов.

[12] См. 2-й выпуск издания материалов археологических исследований на территории Новоспасского монастыря (в печати).

[13] Упоминание о захоронениях, совершенных в «глазетовых гробах», встречаются в некрологах преподавателям Московской духовной академии, опубликованных в журнале «Богословский вестник».

[14] *Васильева Е.Е., Энговатова А.В.* Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле: уточнение времени бытования некрополя по археологическим и дендрохронологическим данным // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: сб. статей / Под ред. А.Е. Леонтьева. Ярославль: Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2016. С. 28–33.

Список литературы

Васильева Е.Е., Решетова И.К. Об одной группе захоронений XIX века на кладбище при церкви Иоанна Златоуста в городе Ярославле: археология и антропология // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Выпуск 10. Тверь: ТНИИРЦ, 2017. С. 379–384.

Васильева Е.Е., Энговатова А.В. Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле: уточнение времени бытования некрополя по археологическим и дендрохронологическим данным // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: сб. статей / Под ред. А.Е. Леонтьева. Ярославль: Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2016. С. 28–33.

Иванова А.Б. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории посада г. Кашина Тверской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 27438.

Иоаннисян О.М. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях церкви Бориса и Глеба в Ростове, проведенных Архитектурно-археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1990 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 15844.

Кашкин А.В., Самойлович Н.Г. Отчет об охранных археологических исследованиях у церкви Исидора Блаженного в г. Ростове Великом в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 47553.

Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радуница, 2004. 195 с.

Самойлович Н.Г. Отчет по теме: «Охранные археологические исследования на участке прокладки дренажа у церкви Рождества Богородицы в Рождественском монастыре г. Ростова Ярославской области» // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24865.

Томсинский С.В. Отчет о раскопках на селище Грехов ручей, Николо-Улейминском монастыре и в г. Мышкине в 2000 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 22762.

Энговатова А.В. Краткие сведения о законодательстве, касающемся правил погребения // Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. (Методика полевых археологических исследований). М.: ИА РАН, 2011. 56 с.

Энговатова А.В. Некрополи Дмитровского кремля (2020; в печати).

Е.Е. Васильева

Особенности деревянных погребальных сооружений XVIII в.

Ключевые слова: археология, XVIII в., монастырские некрополи, приходские кладбища, колоды, составные гробы

Аннотация. Статья посвящена детальному исследованию одного из элементов погребального комплекса. Задача данной статьи – выявить отличительные особенности деревянных погребальных конструкций XVIII в., рассмотрев их в комплексе сооружений XVI–XVII вв. и XIX в. В основу работы легли материалы, полученные при археологических исследованиях городских и монастырских некрополей, расположенных преимущественно на территории Верхнего Поволжья.

E.E. Vasileva

The features of burial wooden constructions of the 18th century

Keywords: archeology, the 18th century, monastery's necropolises, churchyard, tree-trunk coffins, composite coffins

Abstract: The article is devoted to a detailed study of one of the elements of the burial complex. The purpose of this article is to identify the distinctive features of the wooden funeral structures of the 18th century, having examined them in the complex of structures of the 16th and the 17th centuries and of the 19th century. The work is based on the materials obtained during the archaeological research of the urban and monastery necropolises, located mainly in the Upper Volga region.

Е.Е. Васильева, А.А. Тарасова

Характеристика качества жизни городского населения по археологическим и антропологическим данным

(на примере кладбища при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле)

В ходе масштабных археологических раскопок 2004–2017 гг. на территории исторического центра города Ярославля была исследована часть городского приходского кладбища при церкви Иоанна Златоуста конца XV – середины XIX вв. в центре Ярославля (раскопы по адресу г. Ярославль, Волжская набережная, д. 1). Каменная церковь была построена в 1690-е и утрачена в 1930-е гг. Раскопками был выявлен фундаментный ров северо-западной ее стенки, а также свайное поле фундамента колокольни. Следов более ранней деревянной церкви обнаружено не было.

Всего было изучено 280 погребений, их можно распределить по четырем хронологическим ярусам (рис. 1). Датировка погребений выполнена с применением традиционных археологических методик – с учетом стратиграфии и планиграфии погребений, наличия погребального инвентаря в отдельных погребениях, обнаруженных аналогий, а также дендрохронологии.

Что касается погребального инвентаря, интересно отметить, что до работ 2017 г. в 225 погребениях этого некрополя было обнаружено всего два нательных креста во фрагментах и в отдельных погребениях были зафиксированы остатки обуви, в том числе ритуальной обуви XVI в. В 2017 г. обнаружено два монашеских погребения с четками, и в 13 погребениях найдены нательные кресты XVII–XIX вв.

При сравнении конструктивных элементов деревянных гробов погребений разных хронологических ярусов, можно отметить некоторые различия.

С конца XV в. начинают использоваться долбленые колоды ладьевидной формы – причем для Ярославля характерно массовое использование таких гробов для захоронений младенцев. Долбленые колоды XVI в. имеют выраженное оголовье и изножье, однако для этого периода такая характеристика относится только к внешнему оформлению гроба. Внутреннее же оформление сводится к прямоугольным нишам для головы и приподнятому оголовью. Составные гробы также весьма разнообразны, однако объединяющий для них признак – прямоугольная в сечении форма. Стоит отметить, что, хотя составных гробов больше, чем долбленых, соотношение их примерно два к одному. Это один из признаков рядовых городских прицерковных кладбищ – на монастырских и центральных городских кладбищах в этот период абсолютно преобладают долбленые колоды.

Гробы XVII в. значительно отличаются от гробов предыдущего периода. Резко снижается количество долбленых колод – теперь их меньше, чем составных примерно в семь раз. Что касается особенностей форм, то можно сказать следующее: изголовье и изножье выражается очень слабо как внутри, так и снаружи. Доски становятся тоньше, сами гробы в целом менее массивные. Кроме того, резко снижается качество конструкций. Выражается это как в появлении гробов с креплением на гвоздях, наборных досок дна, крышки, так и в худшей обработке дерева в целом.

Погребальные конструкции XVIII в. подробно охарактеризованы в другой статье настоящего сборника[1].

В процессе изучения антропологической серии из кладбища при церкви Иоанна Златоуста были применены различные методы. В частности, использовался метод цифровой микрофокусной рентгенографии. С его помощью на большеберцовых костях ярославцев различных эпох удалось

[1] См. статью *Е.Е. Васильевой* «Особенности деревянных погребальных сооружений XVIII века».

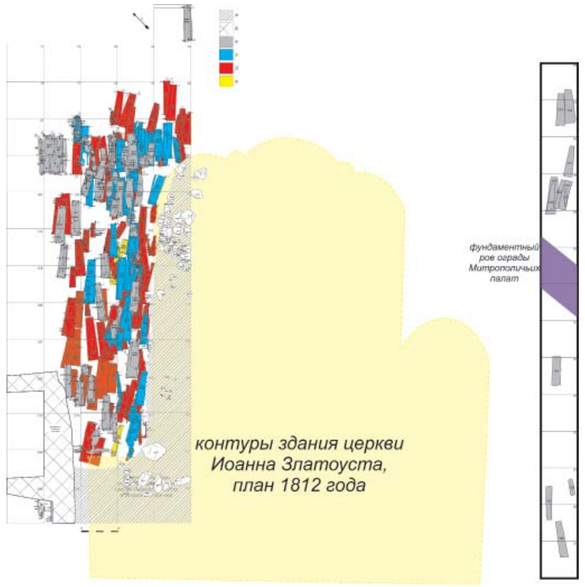

Рис. 1. Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле, хронологические ярусы погребений: а – фундаментные рвы северо-западной стенки каменной церкви Иоанна Златоуста и колокольни при ней; б – фундамент современной постройки; в – погребения XVIII в.; г – погребения XVII в.; д – погребения XVI в.; е – погребения конца XV в.

С целью изучения частоты встречаемости линий Гарриса, запечатлевающих различные неблагоприятные эпизоды (например, острое голодание, лихорадочные состояния и др.), испытываемые индивидами в детском возрасте, исследованы скелетные останки из точно датированных погребений XVI и XVII вв., а также из погребений из раскопок 2017 г., предварительно датированных XVIII–XIX вв. Рентгенографирование проводилось при помощи микрофокусного аппарата ПРДУ производства компании ЭЛТЕХ-Мед (Санкт-Петербург) на базе Института археологии РАН[4]. ЛГ подсчитывались на рентгеновских изображениях большеберцовых костей в области нижнего метафиза.

Выборка XVI в. составила 22 индивида (8 мужчин, 14 женщин); в выборке XVII в. также 22 индивида (15 мужчин, 7 женщин); третья выборка включает останки 13 индивидов (7 мужчин, 6 женщин) из погребений, датированных XVIII–XIX вв.

В результате исследования линии Гарриса удалось зафиксировать у 62,8% жителей Ярославля XVI в., 73,6% ярославцев XVII столетия и в 80,4% горожан XVIII–XIX вв. При этом частота встречаемости признака повышается за счет увеличения количества мужчин, испытавших в детском возрасте стрессовые эпизоды (рис. 2). В женских группах всех трех столетий признак встречается с приблизительно равной частотой, которая составляет 73,6% для XVI в., 70,8% для XVII в. и 75% для XVIII–XIX вв., среди мужчин же признак зафиксирован в 36,7%, 75% и 85,7% соответственно. Таким образом, выявленная в предыдущих исследованиях тенденция гендерных различий для более ранних эпох[5], свидетельствующих о большой подверженности девочек физиологическим стрессам, прослеживается в XVI в., но не характерна для более поздних выборок. При этом в целом можно констатировать, что в женских группах во все исследуемые исторические периоды показатели частоты встречаемости линий Гарриса остаются стабильно высокими.

зафиксировать наличие такого маркера эпизодического стресса, как линии Гарриса, которые можно наблюдать только на рентгенограммах длинных костей. Линии Гарриса (ЛГ) – это поперечные линии повышенной плотности костного вещества, локализованные в области диафиза или метафиза, которые отражают реакцию организма на резкие колебания «качества жизни» в период активного роста индивидуума[2]. Экспериментальные исследования показали связь образования этого признака с развитием физиологического стресса, дефицитом витаминов A, C и D, протеинов[3].

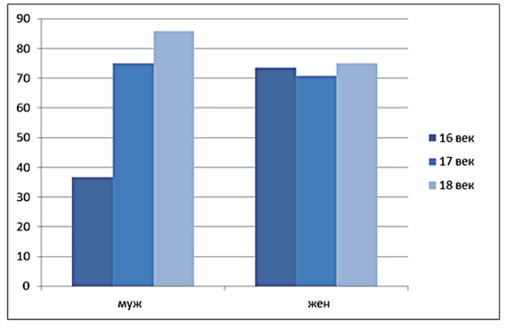

Рис. 2. Частота встречаемости линий Гарриса у мужчин и женщин в разные исторические периоды (%).

[2] *Harris H.A.* Lines of arrested growth in long bones in childhood. Correlation of histological and radiographic appearances in clinical and experimental conditions // British Journal of Radiology. No 4. 1931. P. 580–586; *Platt B.S., Steward R.J.* Transverse trabeculae and osteoporosis in bones in experimental protein calorie deficiency // British Journal of Nutrition. 1992. No 16. P. 403–405

[3] *Acheson R.M.* The effect of starvation, septicaemia and chronic illness on the growth cartilage plate and metaphysis of the immature rat // Journal of Anatomy. 1959. No 83. P. 123–130; *Park E.A.* The imprinting of nutritional disturbances on the growing bone // Pediatrics. 1964. No 33. P. 815–862.

[4] Авторы выражают искреннюю благодарность и признательность за руководство в работе с рентгенодиагностической установкой и помощь в интерпретации результатов д.и.н. М.Б. Медниковой.

[5] *Медникова М.Б., Энговатова А.В., Тарасова А.А.* Диахронные изменения качества жизни населения Ярославля в XIII–XVII вв. по данным радиологии // Российская археология. 2015. № 3. С. 43, 48.

Список литературы

Медникова М.Б., Энговатова А.В., Тарасова А.А. Диахронные изменения качества жизни населения Ярославля в XIII–XVII вв. по данным радиологии // Российская археология. 2015. № 3. С. 41–53.

Acheson R.M. The effect of starvation, septicaemia and chronic illness on the growth cartilage plate and metaphysis of the immature rat // Journal of Anatomy. 1959. No 83. P. 123–130.

Harris H.A. Lines of arrested growth in long bones in childhood. Correlation of histological and radiographic appearances in clinical and experimental conditions // British Journal of Radiology. 1931. No 4. P. 561–588.

Platt B.S., Steward R.J. Transverse trabeculae and osteoporosis in bones in experimental protein calorie deficiency // British Journal of Nutrition. 1992. No 16. P. 483–495.

Park E.A. The imprinting of nutritional disturbances on the growing bone // Pediatrics. 1964. No 33. P. 815–862.

Е.Е. Васильева, А.А. Тарасова
Характеристика качества жизни городского населения по археологическим и антропологическим данным (на примере кладбища при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле)

Ключевые слова: археология, колоды, составные гробы, рентгенография, линии Гарриса

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию материалов, обнаруженных при раскопках многоярусного кладбища у церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле. Результаты антропологических исследований полностью соотносятся с данными, полученными при анализе археологического материала.

E.E. Vasileva, A.A. Tarasova
Characteristics of the quality of life of the urban population based on archaeological and anthropological data (on the example of a cemetery at the church of John Chrysostom in the city of Yaroslavl)

Keywords: archeology, tree-trunk coffins, composite coffins, radiography, Harris lines

Abstract: The article is devoted to a comprehensive study of the materials discovered during the excavations of a multi-tiered cemetery near the Church of St. John Chrysostom in Yaroslavl. The results of the anthropological studies completely correspond to the data obtained in the analysis of the archaeological material.

А.В. Лазукин

Белокаменные надгробия XVIII в. Зачатьевского монастыря

(предварительная публикация)

Задача статьи – представить коллекцию белокаменных надгробных памятников и их фрагментов, которая была собрана при масштабных археологических исследованиях Института археологии РАН, проводившихся (в основном) с 2003 по 2010 г. в Зачатьевском монастыре на Остоженке (г. Москва, 2-й Зачатьевский пер.). Главные результаты этих работ хорошо известны, так как они во многом изменили и обогатили московскую историческую топографию и, конечно, представления о прошлом обители. Удалось документировать и заново представить основные этапы ее эволюции и доказать, что это ветвь древнейшей девичьей обители Москвы, Алексеевской. Были обнаружены остатки каменных храмов и ранее неизвестной трапезной; жилых и хозяйственных деревянных монастырских построек; объектов инфраструктуры. Исследовалась как центральная часть монастыря с остатками соборного комплекса (начало XVI – середина XIX в.), так и ряд периферийных участков. Собран и обширный материал по монастырскому некрополю XIV–XVIII вв.

Материалы раскопок опубликованы пока не полностью[1], работа над ними продолжается. Особенно мало до сих пор сказано о резных белокаменных надгробиях Нового времени, представляющих очень внушительную коллекцию.

В XVIII–XIX вв. кладбище занимало значительную часть монастырской территории и включало участки, где до конца XVI в. вообще не хоронили. Особенно быстро оно развивалось вокруг церкви Неопалимой Купины. С 1580-х гг. здесь стояла небольшая каменная палатка, отмечавшая точку, почитавшуюся как место погребения основательниц Алексеевского монастыря – преподобных Юлиании (его первой игумении) и монахини Евпраксии, ее сестры. Палатка была поставлена на месте сгоревших деревянных построек, еще раньше смененных строительной площадкой. Во второй половине XVIII в. палатку перестроили в маленькую надгробную церковь, с развитием соборного комплекса вошедшую в его состав в качестве придела. Внутри придела находились два памятных места, оформленных покровами с изображениями сестер; их ограждала и покрывала шатровая сень, а перед восточной стеной располагались алтарь и иконостас. Что собой представляли сами надгробия, остается неизвестным.

На периферии имелись и другие зоны погребений, прежде всего родовое кладбище Римских-Корсаковых, связанное с церковью Спаса над вратами монастыря[2].

Надгробия XVIII в. встречались при раскопках обычно в перемещенном состоянии, на своих местах их осталось крайне мало. Часто они входили в состав более поздних кладок. Одна компактная группа камней образовала выравнивающую платформу под округлым в плане фундаментом колокольни первой половины XIX в., где они были выложены по окружности, веерообразно, торцами наружу. После разборки остатков кладки часть их удалось сохранить, несмотря на то, что вес огромного сооружения заставил камни растрескаться.

В целом коллекция насчитывает свыше 150 целых экземпляров и крупных фрагментов. Они представляют не все основные типы памятников, характерные для XVIII в. Но эволюция русского

[1] Последняя по времени статья с подробной библиографией: *Беляев Л.А.* Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков // Исторические записки. Т. 18 (136). М.: РАН, 2019. С. 5–45.

[2] См. о нем в статье Л.А. Беляева в настоящем сборнике.

белокаменного надгробия от конца XVII до последней трети XVIII в. отражена хорошо[3]. Среди плит – массивные намогильные плиты (трапецоиды или параллелепипеды) без орнамента, но с резными надписями на торцах и настенные, по-видимому, «таблицы», также с резными текстами. Обе эти формы унаследованы от старомосковской традиции. Есть переходные типы, с помещенным на верхнюю грань Голгофским крестом. Многочисленны и характерные для второй и третьей четверти столетия надгробные памятники в форме саркофага, среди которых есть как довольно простые, так и чрезвычайно пышно украшенные высокой резьбой, включающей декоративные элементы: картуши для надписей с растительным обрамлением; драпировки; гербы; ангелоподобные фигуры «гениев» и атрибуты смерти – черепа, песочные часы и т.п. Надписи включают традиционные, но ставшие гораздо более пространными сообщения о смерти погребенных, включающие некоторые подробности их жизни (родственные связи, занимаемые должности и т.п.). Их дополняют ламентации и просьбы о божественном милосердии, цитаты из молитв и другие тексты, свойственные жанру русской кладбищенской эпитафии только с XVIII в. и ранее практически неизвестные. Надписи резаны очень искусно, причем как в технике обронной резьбы, так и более простой, заглубленной трехгранно-выемчатой. Все даты на плитах приведены исключительно от Рождества Христова, часто используется древнерусская буквенная цифирь, но в употребление входят и арабские цифры.

Итак, в морфологическом и стилевом отношении надгробия образуют несколько групп. Самые ранние изделия типологически восходят к XVII в., а самые поздние относятся к 1770-м гг. (в коллекции к этому периоду принадлежат 30 белокаменных намогильных памятников и их фрагментов и 6 настенных таблиц). Представим избранные примеры, относительно хорошо сохранившие декор и надписи.

I. В 2003 г. одно из надгробий было обнаружено *in situ.* Его отличает массивность (длина 178 см; ширина в изголовье 74/65 см; высота в изголовье 55 см; ширина в изножье 55/52 см; высота в изножье 40 см) и простота формы (верхняя и боковые грани гладкие). Текст в 4 строки размещен на торце изголовья в простой профилированной рамке размером 61 × 41 см. Центром композиции служит изображение четырехконечного креста с традиционными аббревиатурами IC/XC под титлами и NI/KA, разрывающее текст первой строки (довольно типичный прием для торцевых надписей московских надгробий начиная с последней трети XVII в.). Буквы четкие и глубоко врезаны.

[3] Подробная библиография и общая история русского надгробия: *Беляев Л.А.* Э.П.И. Надгробие // Православная энциклопедия. Т. 48. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2017. С. 284–308.

Рис. 1. Надгробие схимницы Анны (Рудаковой). Белый камень, резьба. 1720 г.

АѰК (= 1720) Г(о) ГОду ІЮ + ЛЯ В К (20) Де(нь) ПРЕ
СТАВИСЯ РАБА БОЖИЯ СЕЯ ОБИТЕ
Рудакова д(о)ч(ь)
ЛИ СХИМОНАХИНЯ АНнА ЖІТИЯ ЕЯ
ОГ (= 73) ЛЕТ А ПОГРЕБЕНА СЕМ МЕСТЕ

Характерно, что строгость надписи нарушает дополнительная строка мелкими буквами, помещенная между второй и третьей строками текста, и сообщающая мирскую (девичью?) фамилию схимницы: «РУДАКОВА д(о)ч(ь)». Возможно, резчик пропустил эти слова, но гораздо вероятнее, что заказчики (семья покойной?) остались недовольны слишком глухой формулой (рис. 1).

II. Аналогичное надгробие обнаружено при строительных работах зимой 2007 г. во время выборки грунта у северной лестницы собора. Оно залегало в верхних горизонтах монастырского кладбища (возможно, также *in situ*). От предыдущего экземпляра его существенно отличает наличие декора на верхней плоскости, где вырезано рельефное изображение восьмиконечного креста и орудий страстей по его сторонам. Под средней перекладиной сохранились рельефные буквы традиционных

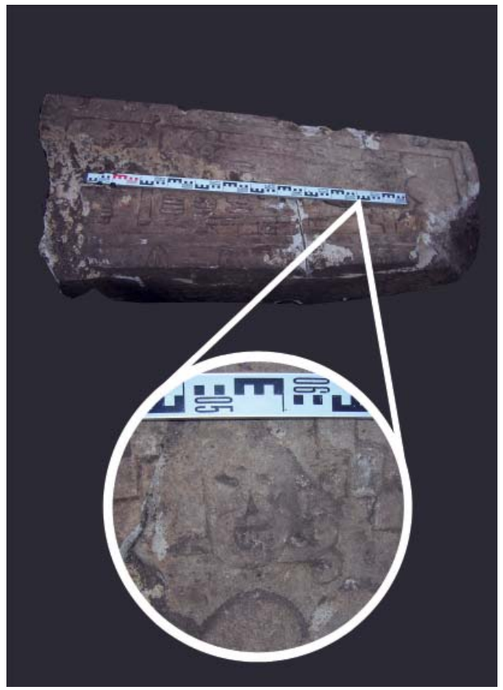

Рис. 2. Монашеское надгробие Екатерины (Васильевой). Белый камень, резьба, раскраска. 1709 г. Декор на верхней плоскости.

Рис. 3. То же, текст на торце.

обозначений: NИ (справа) и (К)А (слева), и ниже вертикально расположенные буквы К (копие), (Т) (трость), М (место), Л (Лобное), Р (Рай), (Б) (бысть). В основании креста изображена стилизованная гора и человеческий череп в ее недрах. Вся композиция заключена в широкую (до 8 см) рамку с редкими листьями дуба. Надгробие довольно крупное: длина182 см, ширина 75/55 см, высота 68/43 см.

Информативный текст помещен на торец в изголовье и обрамлен резной рельефной рамкой с растительным орнаментом, на отдельных элементах которой сохранились следы раскраски (рис. 2–3).

ѰАѰθ (1709) г АпРЕЛ(Я) ….
ѡтЦА Н(А)ШЕго И ЧУДОТВОРЦА ТИТА(?)
ПРЕСТАВИСЯ РАБА БЖИЯ СХЇМоНА
ХЇНЯ ЕКАТЕРИНА ВАСИлЕВА Д(очь?) …
ПОСЕсТРАМ СТОЛ(ЬНИКА?)…..
СТЕ …

Довольно многочисленны белокаменные памятники барочного типа в виде пышных, богато декорированных саркофагов с округлыми ребрами и выпуклыми гранями, которые ближе к крышке получают обратную курватуру и становятся вогнутыми вместо выпуклых. Их изголовье шире изножья. Верхняя часть таких памятников имитирует крышку гроба. Длинные стороны покрыты рельефным изображением пальмовых ветвей и лавровых листьев, а грани украшены рельефом из листьев аканфа, ленты или драпировки. В центре длинных боковых сторон располагается декорированная лиственным орнаментом рамка с текстом, выполненным в технике обронной резьбы или в трехгранно-выемчатом стиле. Надписи отличаются от тестов XVI–XVII вв. более светским характером и развернутостью, часто они зарифмованы. Неотъемлемой частью орнамента барочного саркофага выступают символы смерти (череп, кости), дворянские гербы или монограммы, которые помещаются на торцевых частях.

III. Характерный образец такого типа – надгробие Степаниды Алексеевны Татищевой (†1756 г.), жены коллежского советника Ивана Федоровича Татищева, одно из обнаруженных зимой 2007 г. в кладке основания колокольни соборного храма

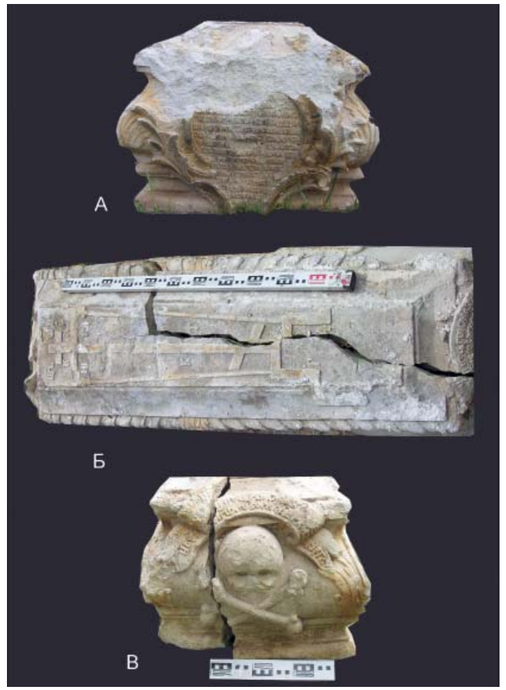

Рис. 4. Памятник Степаниды Алексеевны Татищевой. «Обронная» и трехгранно-выемчатая резьба. Раскраска. 1756 г. Торцевая часть изголовья (А), верхняя плоскость (Б) и торец изножья (В).

Рис. 5. То же, боковые поверхности (Г, Д), фр-т текста (Е).

(рис. 4–5). Его длина 178 см; в изголовье ширина 70 см, высота 58 см; в изножье ширина 52 см, высота 45 см.

На правой боковой грани сохранился обронный текст в овальном картуше, украшенный рельефным орнаментом (высота букв 1,7 см; между строками интервал 1,3 см). На рамке, буквах и фоне сохранились следы краски светло-желтого цвета. Это рифмованный текст молитвенно-эпитафийного характера, начинающийся с традиционного обращения к путнику:

ЗДЕ ПУТНИЧЕ ПРИ МОЕМ ГРОБЕ МАЛОСТЯ НИ; ПОМЫСЛИ СМЕРТЬ КАКИМЪ …Ч(е)Л(о)В(е)КИ БРАНИ/ ТАБО ДШУ МОЮ ОТ ТЕЛА РАЗЛУЧИЛА; В ПЛАЧЕВНОМ С(И)М ГРОБЕ КОСТИ ЗАКЛЮЧИЛА / ВОЗДОХНИ И ПРОСЛЕЗИСЬ РЦЫ МА(ЛИ)ТВУ КО Б(о) ГУ; ДАНА СТРАШНОМ СУДИЩИ ДАСТ МИЛ(О)СТЬ МНОГУ

Другой аналогичный текст имеется на левой боковой грани:

ХОТЯ ЗДЕ ПРИНИКНУТИ КО СМЕРТНОМУ ГРОБУ; МОЛЮ ПРОСЛЕЗИСЯ СОКРУШИТЬ УТРОБУ/ ЗАНЕСМЕРТЬ МЯ ВСЕМ МЕ(С)ТЕ СИЦЕ ЗАКЛЮЧИЛА; ПЛОТ МОЮ И КОСТИ В ЗЕМЛЮ ПРЕВРАТИЛА/ ВОЗДОХНИ О….И ПРОСЛЕЗИСЬ КЪ Б(о)ГУ; ….ДАДШИ МО ….УД ПОДАСТЪ …М(и)Л(ос)ТЬ… МНОГУ/ ВСЕХЪ БО ПРЕДЛЕЖИ ДОЛГЪ СЕЙ РАВНОУ УМРЕТ(И); ДА….. СПО… ВИНУ ЗРИТИ

Информационный текст помещен на торец в изголовье. Его фланкировали крылатые фигуры (ангелы или гении), которые поддерживали корону. Буквы выполнены мелким шрифтом (высота 1,5 см), интервал между строк равен 0,5 см. На месте даты рождения в тексте пропуск.

[1756 ГО]ДУ ФЕ
[ВРАЛЯ ВЪ 24] ДЕНЬ ПРЕСТА
[ВИСЯ РАБА] БЖИЯ КОЛЕЖЪ
СКОГО СОВЕТНИКА ИВАНА ФЕДОРО
ВИЧА ТАТИЩЕВА ЖЕНА ЕВО
СТЕФАНИ…..ВА ДОЧЬ

Рис. 6. Памятник Д. Воронцова. Белый камень. Рельефная и трехгранно-выемчатая резьба. Раскраска. 1765 г. Верхняя плоскость (А) и боковая поверхность (Б).

Рис. 7. То же, торцы изголовья (В) и изножья (Г).

НОВА…И … ДИЛАСЪ
ВЪ ГОДУ (НОЯ)БРЯ
ДНЯ А ТЕЗОИМЕНИ
СТВО ЕЯ ТОГОЖЪ
НОЯБРЯ ВЪ АІ
ДЕНЬ И ПОГРЕБІНЪ
ПОД СИМЪ КА
МНЕМЪ

На торце изножья помещена классическая траурная композиция из черепа со скрещенными костями, над которым полукругом развернута лента с раздвоенными концами и рельефным текстом. Читаются следующие буквы:

«ЗРИИЛВ….СТА ГЛАВУ……
ИВОЗДО(Х)НЫ…. СРЦА…ОРН..Д..ЖЕРТВУ»

IV. Интересно, что оформление даже небольших детских памятников включает многие из вышеописанных элементов, хотя бы в упрощенном виде. Так, надгробие Дмитрия Воронцова († 1765 г.), которое было обнаружено в 2007 г. в основании соборной колокольни, исполнено в виде небольшого саркофага (длина 80 см, изголовье шириной 40 см, высотой 27 см; изножье шириной 33 см, высотой 17 см) с выпуклыми боковыми стенками и десятигранной верхней частью (рис. 6–7).

На лицевой поверхности вырезан Голгофский крест с орудиями страстей – копьем и тростью. В верхней части креста помещены аббревиатуры ИС/ХС под титлами, несколько ниже – начальные буквы слов К(опие), Т(рость), М(есто), Л(обное), Р(ай), Б(ысть), Г(ора), Г(олгофа), Г(лава) А(дамова). Высота букв 2,5 см. Вся композиция заключена в простую рамку шириной 4,0 см со следами раскраски желтым («золотым») цветом. На левой боковой поверхности резной текст в растительной рамке. Буквы зачернены, их высота 2,0 см, междустрочный интервал 1,5 см.

1764 ГОДА АВГУСТА 12 ДНЯ РАДИЛСЯ ДМІТРЕ
ІВАНОВ СЫНЪ ВАРАНЦОВЪ А УМЕРЪ 1765 ГОДУ
ІЮНЯ 17 ДНЯ

На торце в изголовье изображен дворянский герб в рамке барочных очертаний и две восседающие обнаженные фигуры «ангелов». Они поддерживают венчающую композицию корону. *Блазон герба*:

Рис. 8. «Таблица» неустановленного стольника. Белый камень. Резьба. 1710 г.

Пятиугольный щит, скошенный справа серебром и червленью. В сердце щита помещен стилизованный жезл (?) с розеткой в центральной части. Над щитом расположен турнирный рыцарский шлем с решеткой и нашлемником в виде короны. По сторонам шлема изображена воинская арматура. Щитодержатели – восстающие кони. Их подножием служит горизонтальная балка с переброшенной перевязью (?). На поверхности элементов декора местами сохранилась раскраска темно-серым (черным) цветом.

Правая сторона надгробия гладкая. На торце в изножье вырезан рельефный человеческий череп без нижней челюсти. По сторонам его расположены две кости. Расцвет надгробий такого типа приходится на середину XVIII в., когда вместе с ними бытовали более скромные, сравнительно дешевые изделия простых форм.

V. Третий тип погребальных знаков XVIII в. – настенные таблицы, или памятные доски, которые крепили на стены храмов (часто на значительном удалении от могилы). Они прямоугольные или квадратные, с обрамлением лицевой плоскости резной рамкой (часто с богатой рельефной резьбой: листья аканфа, лавровые ветви, герб

или корона, четырехконечный крест). В центральной части вырезался текст-эпитафия, в отдельных случаях весьма пространный. Три фрагмента таких таблиц обнаружены в слое балласта в ходе исследований, три целые таблицы вмурованы в кладку подклета надвратного храма. Самый ранний фрагмент таблицы датирован 1710 г. (рис. 8). Он обнаружен в слое строительного мусора в северной части монастыря. Это прямоугольная таблица размером 43,5×[39]×5,6 см. Текст на лицевой поверхности заключен в профилированную рамку шириной 3,5 см. Буквы врезанные, средне-вытянутых пропорций, канавки мачт трехгранные, утолщенные. Максимальная высота букв 5,5 см, количество строк – 3, расстояние между строк – 2,2 см. В центре первой строки помещено резное изображение четырехконечного креста с аббревиатурами IC/X(C) под титлами (вверху) и НІ/К(А) (внизу).

АѱІ г (=1710 г.) ДЕКАБРЯ……..
РАБЪ БЖІЙ СТОЛ[ЬНИК]……..
МАТВЕЕВИЧ [….]……..

VI. Более поздняя таблица, Марии Федоровны Корсаковой (†1738 г.), на южной стене часовни под Спасским надвратным храмом, отличается богатством отделки (см. рис. к статье Л.А. Беляева в настоящем сборнике). Ее размер: высота 96 см, ширина 86 см. Внутренняя рамка, в которую заключен текст, декорирована пышным растительным и антропоморфным орнаментом, а сверху ее венчает округлый медальон под короной. Высота букв 3,3 см, интервал между строк 1,5 см. Текст состоит из 8 строк:

«1738(?)ГО ГОДУАПРЕЛЯ 1 Ден(ь) ПРЕСТАВИСЯ
РАБА БЖИЯ ВДОВА МАРИЯФЕДО
РОВА …КАСАКОВА РОДИЛАСЬ…
7 … (В ЗАМУ)ЖЕ(С)ТВЕ БЫЛА ЗА СТОЛ
НИ(КОМ) … ЕВИЧЕМ РИМСКИМ
КОрСА(КО)ВЫ(М) …
16 Лет … БЛАЖЕН
… ОТ РОЖД …»

Тексты памятников несут информацию о захороненных лицах, их социальном статусе, семейном положении и пр. и могут служить источниковедческой базой при изучении генеалогических связей московского (и не только) дворянства. Встречаются представители семей Римских-Корсаковых, князей Щербатовых, Мещерских и других менее титулованных дворян, особенно для 1740-х–1760-х гг. Среди них есть имена и фамилии, которые ждут отождествления с женщинами, упоминаемыми в бумагах монастырского архива (для этого времени достаточно многочисленных), что открывает еще одну перспективу дальнейшей работы.

Интересно, что в основном надписи упоминают женщин – из 25 погребенных, имена которых отражены на плитах, только 5 мужчины, в то время как для XVI–XVII вв. пропорция и в Зачатьевском, и в других монастырях иная: в девичьем монастыре женщины – около 60%, здесь же – 80%, что усугубляет общую картину гендерного превалирования.

Полное каталожное описание надгробий Зачатьевского монастыря будет опубликовано в общем труде о нем, но полный список упоминающихся на них жителей Москвы XVIII в. приводится здесь для того, чтобы предоставить этот материал историкам генеалогии и семейной истории:

†1697 г. Анна Ивановна, вдова, дочь стольника Ивана Михайловича Баскакова

†1701 г. Александра, схимница

†1705 г. Елена Григорьевна, жена Ивана Леонтьевича Римского-Корсакова (в Спасском храме)

†1709 г. Екатерина Васильева дочь стольника, схимонахиня

†1720 г. схимонахиня Анна (Рудакова)

†1724 г. Дарья Андреевна (1700 – 13.03.1724), дочь А.Л. Римского-Корсакова и М.Ф. Шаховской, жена Василия Ивановича Мещерского (таблица в Спасском храме)

†1735 г. Аграфена Ивановна, дочь Ивана Федоровича Щепотева, жена Ивана Васильевича, 32-х лет

† 1736 г. Михаил Андреевич Римский-Корсаков (умер 14.09., 32-х лет)

†1738 г. Мария Федоровна Шаховская, вдова Андрея Леонтьевича Римского-Корсакова (на стене подклета Спасского храма)

†1740 г. Евдокия Васильевна, жена Ивана Ивановича Аничкова, «морского флота лейтенанта»

†1744 г. Анна Андреевна Щербатова, княгиня

†1747 г. сын Никитин

†1756 г. Стефания (Степанида) Алексеевна Новосильцева, жена коллежского советника Ивана Федоровича Татищева

†1759 г. (18.04) Анна, монахиня Зачатьевского монастыря

1760 г. Иван Васильевич Перепечин, коллежский асессор (род. в 1695 г.)

†1761 г. Дмитрий, сын полковника и «московского губернаторского товарища» Ивана Ивановича Макати(на), 3-х лет

1764/1765 г. Дмитрий Иванов сын Воронцов

†1766 г. Марфа Алексеева дочь Ильина, девица (род. 1740 г.)

†1767 г. София Нефедова (урожд. Федорова?)

†1768 г. «Афанасева дочь Петровская», капитанша

† 17…8 (22.02) г. Елена Васильевна Бибикова, 21 года

…Екатерина Римская-Корсакова, род. в 1733 г.

…Екатерина, дочь Якова Герасимовича Рахманинова, обер-секретаря родилась в 1756 г.

…Мария Михаиловна, инокиня Маргарита, жена поручика Федоровича, жила в монастыре 7 лет и 4 месяца, в возрасте 70 лет

Список литературы

Беляев Л.А. Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков // Исторические записки. Т. 18 (136). М.: РАН, 2019. С. 5 - 45.

Беляев Л.А. Э.П.И. Надгробие // Православная энциклопедия. Т. 48. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2017. С. 284–308.

А.В. Лазукин
Белокаменные надгробия XVIII в. Зачатьевского монастыря (предварительная публикация)

Ключевые слова: Москва, Зачатьевский монастырь, белокаменное надгробие, памятник

Аннотация: В статье рассматривается коллекция намогильных памятников конца XVII–XVIII в., которые были обнаружены на территории Зачатьевского монастыря г. Москвы в период проведения археологических раскопок 2003–2008 гг.

A.V. Lazukin
18th Century white stone gravestones from the Zachatievsky convent (preliminary publication)

Keywords: Moscow, Zachatievsky convent, white stone gravestone, monument

Abstract: The article discusses the collection of white stone gravestonesof the17th – 18th centuries. They were discovered in Moscow on the territory of the Zachatievsky convent during the archaeological excavations in 2003–2008.

С.Ю. Шокарев

Материалы для изучения истории некрополя в «портфелях» Г.Ф. Миллера

Историку и археографу Герарду Фридриху Миллеру (1705–1783) принадлежит обширное собрание разнообразных материалов по русской истории и этнографии, известное как «портфели Г.Ф. Миллера». Это собрание находится в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 199. Оп. 1, 2). Общую характеристику «портфелей Г.Ф. Миллера» еще в конце XIX в. дал архивист Н.В. Голицын[1].

Г.Ф. Миллер одним из первых отечественных историков обратил внимание на такой вид исторических источников, как памятники эпиграфики, в том числе мемориальной. В 1750-е гг. он, вероятно, стал инициатором публикации текстов с надгробий Архангельского собора в редактируемом им журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Эта публикация была подготовлена поэтом и литератором А.П. Сумароковым при участии другого поэта М.М. Хераскова[2]. С.С. Илизаров установил, что Г.Ф. Миллер переписывался по этому поводу с М.М. Херасковым, который непосредственно копировал надписи в Архангельском соборе[3].

Переехав в Москву в 1765 г., Г.Ф. Миллер сам обратился к изучению московских надписей, в том числе и намогильных. Этот начальный этап исследования старомосковской эпиграфики рассмотрен А.Г. Авдеевым в историографическом очерке, открывающем текст докторской диссертации, защищенной в РГГУ 25 сентября 2020 г.[4].

Материалы по эпиграфике, в основном, сосредоточены в портфеле 413, Ч. 1 (Оп. 2). Здесь находятся 13 списков эпитафий из Архангельского и Успенского соборов, Вознесенского, Новоспасского и Чудова монастырей, с отдельных гробниц (патриарха Никона, царя Федора Алексеевича, царевны Софьи, князя Б.И. Куракина). Здесь же собраны списки с других памятников эпиграфики, не мемориальных – надписи на Царском месте в Успенском соборе, на Московском Кремлевском дворце, Новом гостином дворе, Печатном дворе, Сухаревой башне и т.д. Всего таких записей – 14. Некоторые подобные материалы присутствуют и в других портфелях (например, в портфеле 184 (Оп. 1), содержащем материалы по церковной истории).

Часть этих списков исследовалась и публиковалась. А.Б. Каменский установил, что Н.М. Карамзин использовал в «Истории государства Российского» две надписи из Георгиевского собора Юрьева монастыря из собрания Г.Ф. Миллера. Первая – строительная (1118/1119 г.), вторая – надгробная, княгини Феодосии, матери Александра Невского (1241 г.; судя по формуляру, составлена не ранее второй половины XVII в.). Надписи были опубликованы А.Б. Каменским в 1988 г.[5]

А.Г. Авдеев ввел в научный оборот списки Г.Ф. Миллера с надгробных надписей из Спасо-Преображенского собора и Знаменской церкви Новоспасского монастыря и сопоставил чтение Г.Ф. Миллера с публикацией архимандрита Ювеналия (Воейкова) (1802 г.)[6]. Эпитафии на могильных памятниках братьев Романовых (Никитичей) и их родственников из Знаменской церкви-усыпальницы стали предметом специального рассмотрения Г.Г. Донского. Изучив эти тексты, он предположил, что при Лжедмитрии I был создан особый «антигодуновский мемориал». Нами также привлекались списки эпитафий из Знаменской церкви в совместной с Л.А. Беляевым работе, посвященной истории формирования романовского некрополя в этой усыпальнице[7]. Эпитафии царевичей / князей Сибирских из этого же некрополя изучил и опубликовал А.В. Беляков (его работа напечатана в настоящем сборнике)[8]. Данные тексты находятся среди выписок по генеалогии этого рода[9].

Изучение материалов показывает, что Г.Ф. Миллер и его помощники (в делах есть списки, выполненные различными почерками) по-разному подходили к текстам. В некоторых случаях надписи копировались точно (насколько это было возможно), в других записи были сделаны с ошибками, сокращенно, тексты модернизировались. Например, списки погребенных и эпитафии из Архангельского и Успенского соборов, Вознесенского, Новоспасского, Троице-Сергиева монастырей[10] включают в себя эпитафии, пересказы этих текстов, комментарии к текстам. Так, после списка великих князей, погребенных в Архангельском соборе, особо выделены: «Некоторые сумнения в надгробных надписях соборной церкви Михаила Архангела», показывающие, что Г.Ф. Миллер пользовался разными списками и сопоставлял их друг с другом. Он писал: «О великом князе Симеоне Ивановиче показано, что скончался апреля 26 дня, а в другом списке тех же надписей написано: апреля 25 дня. О великом князе Иване Ивановиче, что скончался ноября 13 дня; в другом списке ноября 3 дня» и т.д.[11] Описание некрополя Вознесенского монастыря содержит указания на топографию захоронений: «1. в святых ворот вшед в церковь на правой стороне подле стены гроб гдрыни царицы и великия княгини Евдокии Лукъяновны гдря цря Михаила Федоровича преставися во 153 году августа в 18 день; 2. Гроб гдрыни царицы Марии Ильичны гдря цря Алексея Михайловича прставися во 177м году марта в 3 день…»[12] Всего в списке отмечены 40 захоронений, включая погребения Салтыковых и игуменьи монастыря Елены (Ржевской), расположенные в придельной церкви Успения Пресвятой Богородицы[13]. Похожее описание содержится в «Древней Российской Вивлиофике», однако текстуально оно несколько отличается от данного документа[14].

Особый интерес представляет изображение надгробия и эпитафии с могилы В.Н. Татищева из портфелей Г.Ф. Миллера. На листе начертано схематическое изображение надгробия в виде саркофага и дана пояснительная надпись: «Василий Никитич Татищев умер в принадлежащем ему сельце Болдино в 70-ти верстах от Москвы, которое по наследству ныне досталось Василью Евграфовичу Татищеву, где и похоронен на погосте в одной версте от онаго». В головном торце надгробия содержится надпись: «Родился Василий Никитич / Татищев 1686го года ап / реля 19. – вступил в службу / 1704го года – происхождение чи / нов и в полковники артилле / рии 724го году – в берг и в /». Далее надпись переходит на правую сторону надгробия: «монетного главным судьею 730го / обер-церемонимейстер 732». Затем на левой стороне: «генерал бергаммейстер 737. Тайный совет / ник и в том чине был в Оренбурге / и в Астрахани губернаторов и в том / чину 1750 году скончался июня 15го дня/». На крышке саркофага изображен крест и традиционные монограммы: «царь славы», «иис хс», «ни ка» и др.[15] Эпитафия в основном совпадает с текстом, опубликованным в «Русском провинциальном некрополе», и только обращение к подлинному памятнику может разрешить противоречия в текстах[16]. Это

[1] *Голицын Н.В. кн.* Портфели Г.Ф. Миллера. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, преемн. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1899.

[2] *Сумароков А.П.* Надписи, означающие лета преставление высочайших персон фамилии царской в Московском Архангельском соборе опочивающих // Ежемесячные сочинения в пользе и увеселению служащие. СПб.: При Императорской Академии наук, 1757. Ч. 2. Ноябрь. С. 387–404.

[3] *Илизаров С.С.* Забытый памятник научной мысли XVIII века // Путеводитель к древностям и достопамятностям Московским. М.: Янус-К; Московские учебники, 2009. С. 15.

[4] *Авдеев А.Г.* Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси. Дисс. на соиск. уч. степени докт. ист. наук. Т. 1. Исследование. М., 2019. Рукопись. С. 40–48.

[5] *Каменский А.Б.* Две новгородские надписи из «портфелей Г.-Ф. Миллера» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 109–113.

[6] *Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносвитов П.Ю., Елкина И.И., Авдеев А.Г.* Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома: Администрация Костромской области, Комитет по охране и использованию историко-культурного наследия, 2005. С. 117–137, 286–292.

[7] *Донской Г.Г.* Прокламации в камне против Бориса Годунова // Вопросы эпиграфики. Вып. 5. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 339–348; *Беляев Л.А., Шокарев С.Ю.* Ранние Романовы и их погребальная традиция. XVII век // *Беляев Л.А., Медникова М.Б.* В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 1. М.: Club-Print, 2018. С. 12–37.

[8] *Беляков А.В.* Надгробия царевичей / князей Сибирских из Новоспасского монастыря по сведениям Г.Ф. Миллера // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы международной научной конференции Москва, 31 октября – 1 ноября 2018 г. М.: Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН, 2018. С. 22–24.

[9] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 284. Ч. 2. № 5. Л. 11. Разные авторы по-разному обозначают архивные единицы внутри «портфелей» – дело, тетрадь или №. Мне кажется, более верно указывать №, поскольку иногда весь «портфель» представляет собой одно дело.

[10] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 5. №. 26; Оп. 2. Портфель 413. №№. 18, 19, 23, 24.

[11] РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 413. Ч. 1. №. 19. Л. 16.

[12] РГАДА. Ф. 199. Оп.1. Портфель 150. Ч. 5. № 26. Л. 1.

[13] РГАДА. Ф. 199. Оп.1. Портфель 150. Ч. 5. № 26. Л.1–4об.

[14] Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XI. М.: В типографии компании типографической, 1789. (2-е изд.) С. 236–241.

[15] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 284. Ч. 3. № 42. Л. 2.

[16] *Шереметевский В.В.* Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. С. 844.

касается, например, даты рождения В.Н. Татищева: у Г.Ф. Миллера она показана правильно, 19 апреля, в «Русском провинциальном некрополе» – ошибочно, 16 апреля, о чем там же имеется специальная оговорка. Как известно, могила и надгробие В.Н. Татищева сохранились на Рождественском погосте (ныне – Солнечногорский район Московской области), но памятник находится в плохом состоянии. Возможно, при будущих реставрационных работах описание из портфелей Г.Ф. Миллера будет востребовано. Интерес Г.Ф. Миллера к надгробию В.Н. Татищева примечателен еще и тем, что ученый таким образом стремился сохранить память о своем предшественнике, дополнить материалы к его биографии. Других надгробий с провинциальных кладбищ в собрании Г.Ф. Миллера нет. Историка больше интересовали статусные некрополи, где были похоронены правители и государственные деятели – Архангельский и Успенский соборы, Вознесенский и Новоспасский монастыри и др.

Точность копирования Г.Ф. Миллером и его «сотрудниками» памятников эпиграфики исследователи оценивают по-разному. Относительно копий с надписей из Новоспасского монастыря А.Г. Авдеев пишет: «исследователи XVIII в. не ставили своей целью научную публикацию надписей на плитах и в их списки не только вкрались существенные ошибки, но они зачастую опускали также те части надписей, которые казались им второстепенными»[17]. Имеются в виду Г.Ф. Миллер и игумен Ювеналий (Воейков), автор исторических описаний Новоспасского монастыря и Знаменской церкви-усыпальницы в этом же монастыре. Однако, оценивая списки с новгородских надписей из портфелей Г.Ф. Миллера, А.Г. Авдеев в другой работе отмечает «не только большой интерес исследователя к древнерусской эпиграфике, но и высокую степень точности копирования надписей»[18]. При этом новгородские надписи выполнены другим почерком, нежели почерк Г.Ф. Миллера[19]. А.Б. Каменский предположил, что эти копии попали к Г.Ф. Миллеру от английского путешественника У. Кокса, которого археограф просил выслать ему текст одной из надписей Георгиевского собора[20]. Таким образом, можно полагать, что степень точности в передаче текстов зависит от того, кто их копировал, и в собрании Г.Ф. Миллера встречаются тексты различной точности.

Г.Г. Донской, занимаясь историей «антигодуновского мемориала», образованного эпитафиями братьев Никитичей при Лжедмитрии I (такова гипотеза автора), опирается, прежде всего, на списки Г.Ф. Миллера[21]. Между тем, как показало наше исследование, в списках Г.Ф. Миллера, а также во всех текстах XVIII–XIX вв., передающих эпитафии Никитичей и их родни из Знаменской церкви-усыпальницы содержатся фактические ошибки и расхождения между собой. Например, в списке Г.Ф. Миллера указано, что В.Н. Романов «преставися <…> в заточении отъ царя Бориса в сибирскомъ граде на линии въ Ныпу на погосте» (15 февраля 1601 г.)[22]. Кроме инородного для начала XVII в. выражения «на линии», обращает на себя внимание грубая ошибка – В.Н. Романов был сослан в Пелым, где и умер. Загадочное «въ Ныпу» – это искаженное название села Ныроб, где был заточен и умер другой Романов – Михаил Никитич. В Новоспасском помяннике 1687 г. и «Путеводителе к древностям и достопамятностям московским…» (1792 г.) место кончины В.Н. Романова указано верно[23].

А.В. Беляков также установил, что списки с надгробий Сибирских царевичей из портфелей Г.Ф. Миллера расходятся и с данными других источников и справочников, страдают неточностями[24].

Таким образом, несмотря на личную добросовестность Г.Ф. Миллера как исследователя, тексты эпиграфических памятников из его портфелей далеко не всегда точны по отношению к оригиналам. Но поскольку многие из этих оригиналов утрачены, списки из портфелей Г.Ф. Миллера содержат уникальную информацию.

Не менее важным представляется сам факт обращения Г.Ф. Миллера к русской эпиграфике, интерес к ней и восприятие ее как исторического источника. Н.М. Карамзин, хотя и использовал в «Истории государства Российского» некоторые эпиграфические памятники, но при этом сожалел, что «на древних гробах нет надписей, или они вырезаны уже в новейшие времена…»[25]. Г.Ф. Миллер и его младший современник Н.И. Новиков, публиковавший в «Древней Российской Вивлиофике» эпитафии из московских монастырей, оказались более дальновидны. Они еще в XVIII в. оценили значение эпиграфики как исторического источника. Как известно, Г.Ф. Миллер помогал Н.И. Новикову в публикации исторических документов. Не вполне ясно, содействовал ли он также публикации Н.И. Новиковым текстов надгробных надписей. В любом случае, оба ревнителя отечественных древностей интересовались некрополем, источниками по его истории и сохранением памяти об умерших.

В портфелях ученого также собраны еще два вида источников, связанных с темой смерти и погребения.

[17] *Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносвитов П.Ю., Елкина И.И., Авдеев А.Г.* Усыпальница дома Романовых… С. 115.
[18] *Авдеев А.Г.* Памятники лапидарной эпиграфики… Т. 1. С. 213.
[19] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 184. Ч. 2. № 2, 4.
[20] *Каменский А.Б.* Две новгородские надписи… С. 112.
[21] *Донской Г.Г.* Прокламация в камне… С. 340.
[22] РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 413. № 18. Л. 50–50 об.
[23] *Беляев Л.А., Шокарев С.Ю.* Ранние Романовы и их погребальная традиция… С. 24–31.
[24] *Беляков А.В.* Надгробия царевичей / князей Сибирских… С. 22–24.
[25] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 27.

Следующая группа материалов – «стихи на смерть». Образцы мемориальной поэзии встречаются в собрании Г.Ф. Миллера несколько раз. Это – стихи на голландском языке на смерть Петра I, автоэпитафия архиепископа Могилевского Георгия (Конисского) (1717–1795), а также стихи на смерть поэта и автора первого московского путеводителя В.Г. Рубана (1742–1795)[26].

Еще один любопытный вид источников – описания похорон. Таких описаний в портфелях Г.Ф. Миллера два. Первое – описание погребения царя Ивана Алексеевича 29 января 1696 г.[27], второе – церемонии при похоронах московского генерал-губернатора князя В.М. Долгорукова-Крымского (1722–1782)[28]. Последнее представляет интерес как свидетельство о ритуале похорон высокопоставленных особ во второй половине XVIII в. Он не существенно отличается от исследованного М.О. Логуновой церемониала петровской эпохи[29], однако некоторые подробности могут быть ценны для исследователей.

Описание похорон начинается с печальной процессии. Ее должны были возглавлять духовные персоны «по старшинству», т.е. начиная с младших чинов – дьяконы, священники, игумены, протопопы, архиереи, вместе с ними шли певчие. Следом шествовали 34 человек из воинской команды с факелами в черных епанчах, в перчатках и шляпах с крепом на головах. Затем шли три армейских майора, каждый из которых нес подушку с орденом покойного (Св. Александра Невского, Св. Георгия, цепь ордена Св. Андрея Первозванного). У каждого из офицеров было по два ассистента полицейских по обе стороны процессии.

Потом шестерка лошадей везла гроб. У передних лошадей шли люди в черных епанчах и «шляпах с распущенным флером», а за ними еще по одному человеку («законских») с факелами. Кучер и фалейтер сидели в двух местах, и кучер держал «малый бич, перевязанный крепом». Под гробом на дрогах было положено малиновое с галуном покрывало.

Гроб генерал-губернатора держали за скобы шестеро офицеров, у каждого из которых было по ассистенту со шляпами в руках и свечами. Над гробом за древки несли балдахин шесть офицеров в кавалерийских шляпах, а еще шесть офицеров держали кисти и шнур (в шляпах, на руках белые перчатки). На крышке гроба были положены крест-накрест шпага и ножны, перевитые шарфом, а также шляпа, шпоры, перчатки. Все это было перевязано галстуком или флером.

За гробом шли родственники и близкие люди, штат покойного, высшие офицеры, а также 12 офицеров со свечами, «волосы сзади распущенные имея», выстроенные по два в ряд. За ними двигалась остальная публика – «господа, приглашенные на похороны»[30].

В этом деле также содержится список с эпитафии князя В.М. Долгорукова-Крымского. Известна эпитафия князю В.М. Долгорукому, составленная Ю.А. Нелединским-Мелецким, однако, если верить «Русскому провинциальному некрополю», ни одна из этих эпитафий не была помещена на надгробии князя, похороненного в церкви села Полуектова (Полуэктово) Рузского уезда[31].

Приводим эпитафию ниже, как интересный образец мемориальной поэзии XVIII в.:

Прехрабрых росских войск лежит здесь повелитель
К победам он их вел, был Крыма покоритель,
Но слава пусть о том парящая гремит
Мне Мельпомена так лить горних слез велит
Прохожий слезы лей
Над местом сим со мною
Смерть алчная своей
Скосила вдруг рукою
Скосила вдруг того о ком жалеет днесь
Пространный город сей, он полон вопля весь
Который в слух биет, весь воздух наполняет
И паметь позднему потомству оставляет,
Что добродетель сей почтенный муж любил
И истины святой уставы все хранил,
Прославил он себя правдивыми делами,
Москве начальник был, владел граждан сердцами
В благостроениях он славу почитал
И руку щедрую к нещастным простирал
Безсмертную себе тем память он оставил
И тверже мрамора свидетельство возставил[32].

[26] РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 414. № 3; Оп. 2. Портфель 413. Ч. 1. № 30, 31.
[27] РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 731.
[28] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 2. № 13.
[29] *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2011. С. 58–65.
[30] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 2. № 13. Л. 48–48об.
[31] *Николаев С.И.* Проблемы изучения малых стихотворных жанров (эпитафия) // XVIII век. Сб. 16. Л.: Наука, 1989. С. 45; *Шереметевский В.В.* Русский провинциальный некрополь… С. 261.
[32] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 2. № 13. Л. 49.

Список литературы

Авдеев А.Г. Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси. Дисс. на соиск. уч. ст. доктора исторических наук. В 2 т. М., 2019. Рукопись.

Беляев Л.А., Шокарев С.Ю. Ранние Романовы и их погребальная традиция. XVII век // *Беляев Л.А., Медникова М.Б.* В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 1. М.: Club-Print, 2018. С. 12–37.

Беляков А.В. Надгробия царевичей / князей Сибирских из Новоспасского монастыря по сведениям Г.Ф. Миллера // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы международной научной конференции Москва, 31 октября – 1 ноября 2018 г. М.: Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН, 2018. С. 22–24.

Голицын Н.В. кн. Портфели Г.Ф. Миллера. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, преемн. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1899. 150 с.

Донской Г.Г. Прокламации в камне против Бориса Годунова // Вопросы эпиграфики. Вып. 5. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 335–361.

Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XI. М.: В типографии компании типографической, 1789. 2-е изд. 448 с.

Илизаров С.С. Забытый памятник научной мысли XVIII века // Путеводитель к древностям и достопамятностям Московским. М.: Янус-К; Московские учебники, 2009. 560 с.

Каменский А.Б. Две новгородские надписи из «портфелей Г.-Ф. Миллера» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: Ин-т истории СССР, 1988. С. 109–113.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. М.: Наука, 1989. 637 с.

Логунова М.О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2011. 269 с.

Николаев С.И. Проблемы изучения малых стихотворных жанров (эпитафия) // XVIII век. Сб. 16. Л.: Наука, 1989. С. 44–55.

Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносвитов П.Ю., Елкина И.И., Авдеев А.Г. Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома: Администрация Костромской области, Комитет по охране и использованию культурного наследия, 2005.

Сумароков А.П. Надписи, означающие лета преставление высочайших персон фамилии царской в Московском Архангельском соборе опочивающих // Ежемесячные сочинения в пользе и увеселению служащие. СПб.: При Императорской Академии наук, 1757. Ч. 2. Ноябрь. С. 387–404.

Шереметевский В.В. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. 1008 с.

С.Ю. Шокарев

Материалы для изучения истории некрополя в «портфелях» Г.Ф. Миллера

Ключевые слова: некрополь, эпиграфика, кладбища Москвы

Аннотация: Знаменитый историк и археограф Г.Ф. Миллер (1705–1783) одним из первых в России обратил внимание на памятники русской средневековой эпиграфики. В его обширном собрании в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), известном как «портфели Миллера», находятся списки с памятников эпиграфики, в том числе мемориальной (эпитафии). Многие из памятников, с которых скопированы надписи, не сохранились. Поэтому «портфели Миллера» являются уникальными источниками для изучения средневековой эпиграфики, истории некрополя и генеалогии. Также в собрании Г.Ф. Миллера есть и другие материалы, связанные с историей некрополя и погребальной культурой (описание церемоний погребения знатных лиц, мемориальные стихи).

S. Yu. Shokarev

Materials on necropolistics in the portfolios of G.F. Miller

Keywords: necropolis, epigraphy, cemeteries of Moscow

Abstract: The famous historian and archeographer G. F. Miller (1705–1783) was one of the first in Russia who paid attention to the monuments of Russian medieval epigraphy. In his vast collection in Russian state archive of ancient acts, known as Miller's portfolios, there are copies of epigraphic monuments, including memorial ones (epitaph). Many of the monuments from which the inscriptions were copied have not been preserved. Therefore Miller's portfolios are unique sources for the study of medieval epigraphy, history of necropolis, and genealogy. Also in the collection of G. F. Miller there are other materials related to the history of the necropolis and funerary culture (description of burial ceremonies of notable persons, memorial poems).

А.В. Энговатова, А.Л. Высоцкий, О.В. Орфинская, Н.Н. Цветкова

Исследование погребения архимандрита Троице-Сергиева монастыря Кирилла Флоринского

Среди многолетних спасательных археологических исследований, проводимых в Троице-Сергиевой лавре с конца 1930-х гг., важнейшее место занимает изучение обширного монастырского некрополя как древнего, так и возникшего в Новое время[1]. Примеры таких работ Подмосковной экспедиции ИА РАН[2] последних лет – раскопки участков со средневековыми погребениями близ церквей Михеевской и Сошествия Святого Духа, а также Смоленского, Успенского и Академического кладбищ XIX в.; под трапезной палатой конца XVII в. Все исследования на территории лавры связаны, главным образом, с реставрационными, благоустроительными мероприятиями, прокладкой и реконструкцией инженерных коммуникаций.

Отметим, что некрополь Троицкого монастыря стал формироваться во второй половине XIV в., после возведения в созданной преподобным Сергием обители Троицкой церкви, и расширялся вплоть до начала XVIII в. Погребение вкладчиков в Троицком монастыре стало наиболее престижным, начиная со второй половины XV в., и эта тенденция продолжилась в XVI–XVII вв. В XVIII в. старая традиция сходит на нет, и лавра становится местом захоронения, по большей части, представителей монастырского духовенства, светских служителей и представителей их семей. Постепенно без надлежащего ухода, а также в результате перепланировок XVIII в. надземные элементы древнего некрополя (который занимал большую территорию в центре монастыря) были разрушены или скрыты под наслоившимся грунтом.

Лишь в 1820-х гг. по инициативе лаврских властей, поддержанной митрополитом Филаретом, устраиваются кладбища при главных монастырских церквях, за погребение на которых взималась плата. На территории Московской духовной академии в 1871 г. образовался корпоративный участок, где хоронили ее преподавателей и студентов, который официально считался частью соседнего Смоленского кладбища. Некрополь, вновь сформировавшийся в течение XIX – начала XX в., был уничтожен в 1930-х гг.

Археологический сезон 2009 г. был связан, в частности, с наблюдениями за земляными работами по укреплению подземных конструкций Успенского собора. При этом археологами учитывалось пожелание лаврских властей выявить и сохранить погребение троицкого архимандрита первой половины XVIII в. Кирилла Флоринского.

Из Списка настоятелей монастыря (с 1744 г. – лавры), составленного и дополненного в 80-х гг. XVIII в., известно, что Кирилл Флоринский «в 1743-м году умре в лавре и погребен церкви Успения пресвятые богородицы в паперте»[3]. После сломки древней паперти в 1781 г. и постройки вместо нее крыльца при западном входе в Успенский собор большинство внешних признаков бывших здесь погребений утратилось. Об этом свидетельствует факт, что среди надписей Троице-Сергиевой лавры, опубликованных Н.И. Новиковым[4], эпитафия Кирилла Флоринского

[1] Начало археологического изучения Троице-Сергиевой Лавры было положено А.В. Арциховским в 1939 г., хотя единичные незначительные по объему наблюдения проводились в ходе реставрации памятников 1920-х гг. В 1950–1990-х гг. охранные раскопки в Лавре проводились Т.В. Николаевой, В.И. Вишневским, А.Е. Бушуевым.

[2] Руководитель археологических исследований – заместитель директора Института археологии РАН, к.и.н. А.В. Энговатова.

[3] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подгот. Е.Н. Клитина и др. М.: Наука, 1987. С. 16.

[4] Надписи, имеющиеся в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре внутри и вне церквей на стенах и на гробницах царских и прочих знатных фамилий и других разных зва-

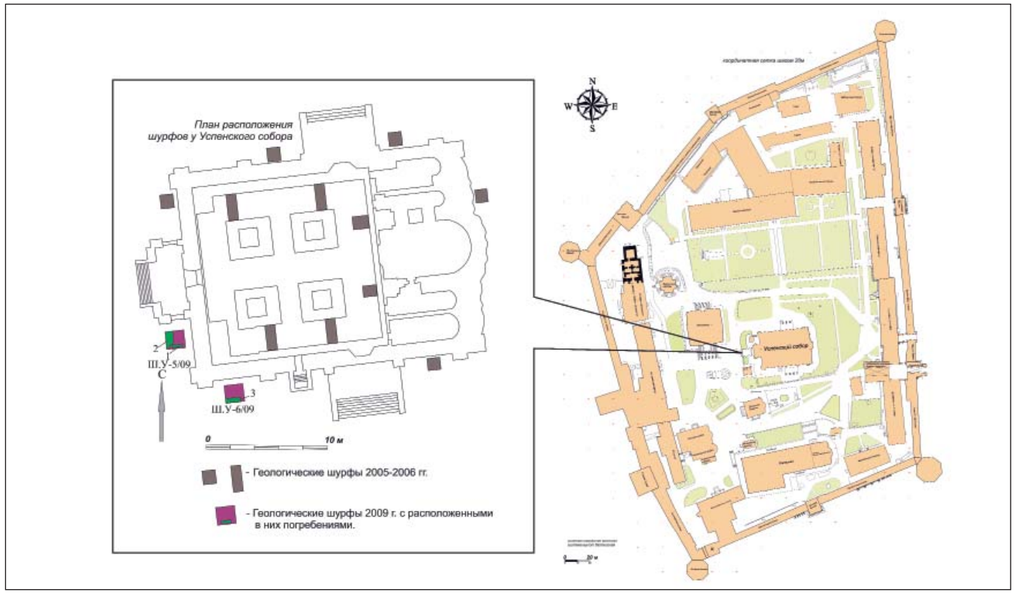

Рис. 1. План Троице-Сергиевой лавры и шурфов у Успенского собора.

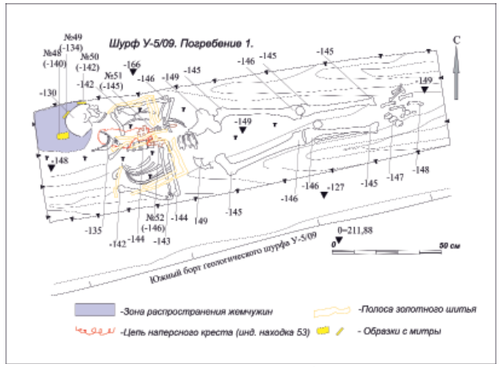

Рис. 2. План погребения.

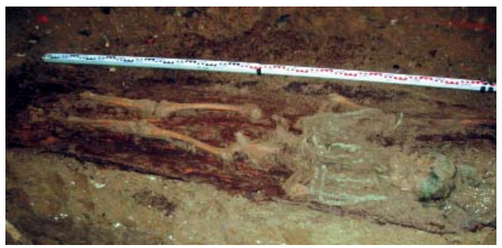

Рис. 3. Вид погребения с северо-запада.

отсутствует, нет ее в своде эпиграфических памятников архимандрита Леонида[5].

В шурфе, заложенном на расстоянии 1,0 м от наружной плоскости западной стены четверика Успенского собора и на 1,7 м южнее западного крыльца 1781 г. на глубине 3,2 м было обнаружено погребение в деревянном истлевшем гробу (рис. 1), обтянутом тканью с металлизированной нитью белого цвета[6]. Находившийся в нем погребенный лежал на спине, головой на запад, перпендикулярно стене собора, руки согнуты под острым углом, кисти расположены на нижней части грудной клетки (рис. 2, 3).

На костях был зафиксирован тлен органического материала с присутствием в некоторых местах металлизированных нитей от одеяния, вероятно, саккоса. В верхней части костяка выявлен тлен со светло-желтой металлизированной нитью в виде двух полос, образовывающих очертания

ний и чинов // Древняя российская вивлиофика. Ч. 16. М.: В типографии Компании типографической, 1791. Изд. 2-е. С. 311–326.

[5] *Леонид (Кавелин), архим.* Надписи Троицкой Сергиевой Лавры с прибавлением из книги лаврских надписей, составленной иеромонахом Гедеоном. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881.

[6] *Энговатова А.В.* Отчет о проведении археологических наблюдений за земляными работами и охранно-спасательных археологических работ на территории ансамбля Троице-Сергиевой Лавры, Московская область, г. Сергиев Посад. 2009 г. М., 2010 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 36525. Л. 48.

Рис. 4. Образки с митры погребенного.

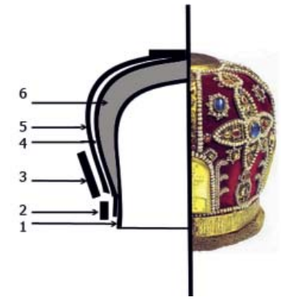

Рис. 5. Вариант конструкции митры (по О.В. Орфинской и Н.Н. Цветковой).
1 – слой тонкого войлока; 2- металлическая полоса с позолотой; 3 – иконка (образок); 4 – бархат; 5 – металлическая полоса; 6 – слой толстого войлока.

прямоугольников на правой и левой стороне костяка и сзади охватывающих шею[7]. Подобный характер расположения орнаментации детали церковной одежды соответствует епитрахили.

В районе головы погребенного встречено пятно тлена с металлизированной нитью и множеством жемчужных бусин. Здесь же найдены три образка медного сплава с рельефными изображениями апостола Павла, святителя Николая, апостола Петра (рис. 4) и три крупные овальные бусины темно-зеленого стекла с поперечным мелким рифлением. Расположение этих находок позволяет интерпретировать пятно тлена как остатки епископской или архимандричьей митры.

При проведении исследования и реставрации текстиля из погребения (реставраторы О.В. Орфинская, Н.Н. Цветкова) установлено, что митра была обтянута бархатом, расшитым бусинами из перламутра и стекла. Сверху ее опоясывала металлическая позолоченная полоса шириной 4 см с рядами из выпуклых мелких кружочков. Другие металлические полосы шириной 2,5 см, изготовленные из более тонкого металла, вероятно, располагались вертикально и к ним пришивались дополнительные декоративные элементы. Обнаруженные иконки крепились на эти полосы или между ними. Митра имела войлочную основу, которая в верхней части была усилена дополнительным слоем грубого войлока (рис. 5). Судя по микроостаткам ткани, изделие имело подкладку.

[7] *Энговатова А.В.* Отчет о проведении археологических наблюдений… Л. 48.

Облачение (вероятно, саккос) было сшито из шелковой двухцветной ткани с оплечьем, вышитым золотными нитями. Находилась в погребении епитрахиль из тонкой одноцветной шелковой ткани с мелким объемным рисунком, обшитая по краю золотной тесьмой и шнуром. На изделие были пришиты детали из ткани сине-зеленого цвета. Епитрахиль имела подкладку.

Пальцы правой руки погребенного лежали на деревянном восьмиконечном кресте с металлическим (с позолотой) рельефным изображением Распятия и тонкими металлическими обкладками на гранях (рис. 6).

Рис. 6. Деревянный крест с металлическим рельефным изображением Распятия на груди погребенного.

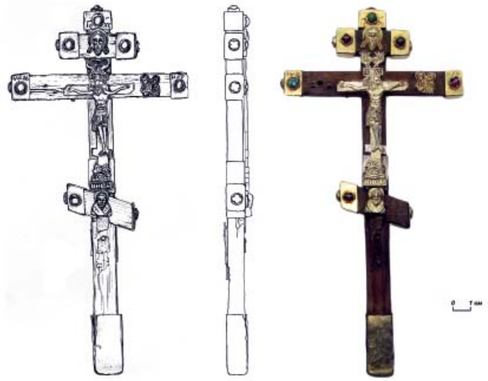

Рис. 7. Кресты из погребения.

Рис. 8. Портрет погребенного. Графическая реконструкция С.А. Никитина.

В погребении обнаружен также четырехконечный наперсный крест из медного сплава. Крест шарнирно подвешен к прямоугольной подвеске, которая крепится к цепочке из желтого металла (рис. 7).

В результате проведенных антропологических и судебно-медицинских исследований установлено, что возраст погребенного – около 40 лет[8]; судебно-медицинскому эксперту С.А. Никитину удалось реконструировать по черепу его портрет (рис. 8).

Совокупность обнаруженных находок, характер погребения позволили датировать его Новым временем и интерпретировать как могилу священнослужителя в сане епископа или архимандрита. Как известно из письменных источников, факты погребения архиереев в Троице-Сергиевом монастыре относятся к XV–XVI вв., но не позднее. Традиционным местом для некрополя высшего духовенства был участок к югу от Троицкого собора (Серапионова палатка и около нее), в непосредственной близости к мощам Сергия и Никона Радонежских[9].

В XVIII в. существовала традиция хоронить настоятелей, скончавшихся непосредственно в монастыре (их было немного) в западной паперти Успенского собора. Здесь в 1740 г. был погребен Арсений Воронов[10], а позднее – Лаврентий Хоцятовский (в 1766 г., к северу от ныне существующего западного крыльца)[11]. Если основываться на указании печатного Списка погребенных, то и Кирилл Флоринский положен «на юго-западной стороне от крыльца»[12].

По совокупности всех фактов – возраста погребенного, наличия на покойном архимандричьего облачения, уточнения места погребения в печатном Списке – можно с некоторой долей осторожности утверждать, что выявленная и исследованная в 2009 г. могила принадлежит троицкому архимандриту Кириллу Флоринскому[13].

Биография Кирилла Флоринского типична для выходца из малороссийского духовенства, представители которого первенствовали в российской церкви на протяжении значительного периода XVIII в. (с начала Синодального периода до времени царствования Екатерины II): занимали большинство кафедр и настоятельствовали в главнейших монастырях Империи.

Кирилл (светское имя, как и дата рождения его неизвестны), по разысканиям архиепископа Филарета Гумилевского, происходил из семьи священнослужителей слободы Ворожба, находящейся близ казачьего местечка Лебедин. Фамилия Флоринский дана им при обучении в духовных школах, светское же прозвище этого рода – Галич[14] –

[8] *Энговатова А.В.* Отчет о проведении археологических наблюдений… Л. 48. Прил. 5. Л. 3.

[9] Книга Живоначальные Троицы Сергиева монастыря, а в ней писано о кончине благоверных князей и бояр по чину Царского синклита, которые по вере своей в дом Живоначальные Троицы и Преч. Богородицы и радонежских чудотворцов Сергия и Никона вклады вотчинами и денгами давали, и телеса по их приказу были погребены в дому у Живоначальные Троицы // ОР РГБ. Ф. 304. I. № 820. Л. 3 об.–4.

[10] Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре… С. 83.

[11] Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре… С. 46–47.

[12] Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре… С. 48.

[13] После проведения комплексных исследований останки захоронены на месте их находки.

[14] Его отец священник Авдий Флоринский ([*Филарет (Гумилевский), архиеп*]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии: Отд. 3. Уезды Харьковский, Валковский, Ахтырский, Богодуховский, Сумской и Лебединский. М.: В типографии В. Готье, 1857. Стб. 511–512. Прим. 8).

фигурирует в ряде документов, связанных с самим Кириллом и его братом[15].

Вероятно, он обучался в духовной школе при Белгородской кафедре, или Харьковском коллегиуме[16], где и началась его духовная и преподавательская деятельность. На начальном этапе стремительно развивавшейся карьеры Кирилл, по-видимому, пользовался расположением основателя харьковского училища белгородского владыки Епифания Тихорского[17].

Так в 1729 г., будучи еще студентом, Кирилл Галич послан епископом Епифанием в «немецкие страны учиться, откуда возвратился в 1732 г.». В ноябре того же года новым архиереем Досифеем Богдановичем-Любимским определен «учителем школы пиитики в Харьковском коллегиуме». Пострижен и посвящен в иеродьякона 26 февраля 1733 г., а 13 мая в иеромонаха, и был назначен учителем философии.

Обязанности префекта харьковской школы иеромонах Кирилл выполнял с 1735 г. В следующем, 1736 г., Кирилл Галич отправлен в Санкт-Петербург «для определения во архимандрита и произведения в Лондон к содержащейся тамо публичной греческого исповедания церкви»[18]. Но в июле того же года Кирилл был переведен в Московскую славяно-греко-латинскую академию учителем богословия и префектом[19], почему посылка ученого монаха за границу не состоялась[20].

В 1741 г. иеромонах Кирилл в Академии «исправляет и ректорскую и префектскую должности и было бы весьма приличнее, не ожидая вакациальных дней, теперь же произвести его в архимандриты и определить ректором, тем более, что школу богословия писанием и ученикам преподаянием он почти окончил…». На основании этого представления указом Московской Синодальной канцелярии 31 мая 1741 г. Кирилл произведен в архимандриты и назначен ректором Московской Славяно-Греко-Латинской Академии[21].

Следующей важной ступенью в церковной карьере стало назначение Кирилла в сентябре 1742 г. архимандритом Троице-Сергиева монастыря[22], вместо перемещенного на черниговскую кафедру Амвросия Дубневича. Здесь, наверное, могли проявиться организаторские и педагогические способности нового троицкого архимандрита, которому пришлось заниматься устроением семинарии, учрежденной по указу императрицы Анны Иоанновны в сентябре 1738 г.[23]

Несмотря на изданный указ, к фактической организации школы по причине смерти императрицы в октябре 1740 г., и последовавших за этим известных политических событий, а также смены настоятелей монастыря, так и не приступили. Лишь только после посещения Троицкого монастыря в конце 1742 г. Елизаветой Петровной архимандрит

[15] Основание Харьковского коллегиума, нынешней Харьковской духовной семинарии // Молодик на 1844 год. Украинский литературный сборник. Харьков: В Университетской типографии, 1843. С. 31; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 20. (1740 г.). СПБ.: Синодальная типография, 1915. № 616. Стб. 446. В 1736 г. брат иеромонаха Кирилла «Петр Авдеев в просьбе о предоставлении ему места отца его подписался “сын Галич”». ([*Филарет (Гумилевский), архиеп*.]. Историко-статистическое описание… Отд. 3. Стб. 511–512. Прим. 8).

[16] Харьковский коллегиум – духовная школа, основанная в 1726 г. белгородским епископом Епифанием Тихорским при поддержке князя М.М. Голицына для подготовки священнослужителей для Белгородской и других южных епархий. Официально оформлена указом императрицы Анны Иоанновны в 1731 г. (Очерк истории Харьковского коллегиума. Харьков: В Университетской типографии, 1881). Сведения о том, что Кирилл Флоринский обучался «в Киеве и Париже», заимствованы составителями Списка погребенных (Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре… С. 48) из Списка настоятелей Троице-Сергиева монастыря конца XVIII в. (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря… С. 16). Сведения о местах обучения Кирилла представляются не слишком достоверными и напоминают монастырское предание.

[17] Работы по истории Харьковского коллегиума (Основание Харьковского коллегиума… С. 7–32; Очерк истории Харьковского коллегиума…; *Феодоровский Д.И.* Очерк истории Харьковского духовного коллегиума. СПб.: типография Департамента уделов, 1863) представляют ряд компиляций, в основу которых положена статья, помещенная в «Истории российской иерархии». (Прибавление о Харьковском коллегиуме // Амвросий (Орнатский), еп. История российской иерархии. Ч. 1. М.: При синодальной типографии, 1807. С. 632–643).

[18] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 21 (1741 г.). СПб.: Синодальная типография, 1913. № 615. Стб. 446.

[19] *Ковалев А.* Историческое описание ставропигиального второклассного Заиконоспасского монастыря в Москве, на Никольской улице. М.: Типография Л. и А. Снегиревых, 1887. С. 52; Прибавление о Харьковском коллегиуме… С. 641. Хотя в 1741 г. Кирилл Флоринский показывал, что указ о назначении в Москву он получил 15 июля 1737 г. (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 20 (1740 г.). СПБ.: Синодальная типография, 1915. № 416. Стб. 623).

[20] В связи с переводом Кирилла в Москву в Харьковском коллегиуме «философия учением приостановилась», а ученики разошлись (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 16 (1736 г.). СПб.: «Центральная» типолитография М.Я. Минкова, 1906. № 241. Стб. 262).

[21] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 20. (1740 г.). СПб., 1915. № 366. Стб. 371.

[22] В начале 1743 г. Кирилл Флоринский определен членом Святейшего Синода (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 23. (1743 г.). СПб.: Синодальная типография, 1911. № 26. Стб. 44).

[23] ПСЗ. Т. 10. СПб., 1830. № 7660. С. 620.

распорядился о присылке в новое училище детей духовенства Троицкой десятины. Однако, не успев начать нового предприятия, Кирилл Флоринский скончался 9 января 1744 г.[24] Так в одночасье, в одном шаге от епископской кафедры, закончилась быстро и блестяще развивавшаяся карьера одного из заметных представителей «ученого» духовенства аннинско-елизаветинской эпохи.

Находка забытого места захоронения дала возможность вновь обратиться к биографии Кирилла Флоринского и истории его недолгого служения в Троице-Сергиевом монастыре. Богатейший некрополь лавры хранит еще много интересных страниц истории, которые будут прочитаны археологами при дальнейших исследованиях.

[24] Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви / Сост. П.М. Строев. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1877. Стб. 141.

Список литературы

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подгот. Е.Н. Клитина и др. М.: Наука, 1987. 439 с.

Надписи, имеющиеся в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре внутри и вне церквей на стенах и на гробницах царских и прочих знатных фамилий и других разных званий и чинов // Древняя российская вивлиофика. Ч. 16. М.: В типографии Компании типографической 1791. Изд. 2. С. 311–326.

Книга Живоначальные Троицы Сергиева монастыря, а в ней писано о кончине благоверных князей и бояр по чину Царского синклита, которые по вере своей в дом Живоначальные Троицы и преч. Богородицы и радонежских чудотворцов Сергия и Никона вклады вотчинами и денгами давали, и телеса по их приказу были погребены в дому у Живоначальные Троицы // ОР РГБ. Ф. 304. I. № 820. Л. 3 об.-4.

Ковалев А. Историческое описание ставропигиального второклассного Заиконоспасского монастыря в Москве, на Никольской улице. М.: Типография Л. и А. Снегиревых, 1887. 132 с.

Леонид (Кавелин), архимандрит. Надписи Троицкой Сергиевой Лавры с прибавлением из книги лаврских надписей, составленной иеромонахом Гедеоном. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881. 98 с.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 16 (1736 г.). СПб.: «Центральная» типолитография М.Я. Минкова, 1906. 1038 стб.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 20 (1740 г.). СПб.: Синодальная типография, 1915. 1216 стб.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 21 (1741 г.). СПб.: Синодальная типография, 1913. 1486 стб.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 23 (1743 г.). СПб.: Синодальная типография, 1911. 1120 стб.

Основание Харьковского коллегиума, нынешней Харьковской духовной семинарии // Молодик на 1844 год. Украинский литературный сборник. Харьков: В Университетской типографии, 1843. С. 7–32.

Очерк истории Харьковского коллегиума. Харьков: В Университетской типографии, 1881. 76 с.

Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. 10. СПб.: В типографии II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 997 с.

Прибавление о Харьковском коллегиуме // Амвросий (Орнатский), епископ. История российской иерархии. Ч. 1. М.: При Синодальной типографии. 1807. С. 632–643.

Смирнов С.К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М.: В типографии В. Готье, 1855. 428 с.

Смирнов С.К. История Троицкой лаврской семинарии. М.: Типография В. Готье, 1867. 586 с.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. Издание Археографической комиссии. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1877. 1064, 68 стб.

Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре, от основания оной до 1880 года. М.: Типография Т. Рис, 1880. 101 с.

Феодоровский Д.И. Очерк истории Харьковского духовного коллегиума. СПб.: типография Департамента уделов, 1863. 50 с.

[*Филарет (Гумилевский), архиеп.*]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии: Отд. 3. Уезды Харьковский, Валковский, Ахтырский, Богодуховский, Сумской и Лебединский. М.: В типографии В. Готье, 1857.

Энговатова А.В. Отчет о проведении археологических наблюдений за земляными работами и охранно-спасательных археологических работ на территории ансамбля Троице-Сергиевой Лавры, Московская область, г. Сергиев Посад. 2009 г. М., 2010 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № № 36525.

А. В. Энговатова, А.Л. Высоцкий, О.В. Орфинская, Н.Н. Цветкова
Исследование погребения архимандрита Троице-Сергиева монастыря Кирилла Флоринского

Ключевые слова: Троице-Сергиева лавра, монастырский некрополь, идентификация погребенных, судебно-медицинская экспертиза, исследование археологических тканей, духовные школы первой половины XVIII в.

Аннотация: Археологическое изучение некрополя Троице-Сергиевой лавры включает в себя комплекс разноплановых методов – антропология, судебно-медицинская экспертиза, исследование археологических тканей, погребальных сооружений и инвентаря, создание источниковедческой базы как по персоналиям, так и по топографии монастырского кладбища. Показателен рассмотренный в статье пример погребения скончавшегося в 1744 г. архимандрита Кирилла Флоринского, где все перечисленные методики применены для идентификации личности погребенного.

A. V. Engovatova, A.L.Vysotsky, O.V. Orphinskaya, N.N. Tsvetkova
Examination of Cyril Florinski, the archimandrite of Holy Trinity-St. Sergius monastery (Laura), interment

Keywords: Holy Trinity-St. Sergius Laura, monasterial necropolis, identification of the buried persons, forensic medical examination, study of fabrics obtained in result of archeological excavations, spiritual schools of the first half of the 18th century.

Abstract: Archeological study of Holy Trinity-St. Sergius Laura includes a complex of various methods: anthropological studies, forensic medical examination, study of fabrics obtainedin the process of archeological excavations, study of funeral constructions and funeral inventories, creation of source study base related to persons and to monastery's cemetary's topography. A case of Cyril Florinski, archimandrite of Holy Trinity-St.Sergius Laura who died in 1744 is exibitive. All mentioned procedures were employed for identification of the buried person.

Часть III

ЛЮДИ, ПОЛИТИКА И ПРОСТРАНСТВО

Т.А. Базарова

Новгородский комендант Василий Матвеевич Вяземский (1664–1742)

В начале Петровской эпохи Великий Новгород был крупнейшим городом на Северо-Западе России, а также важным политическим, торговым и культурным центром. С XVI в. Новгородской землей управляли воеводы, которых назначали из бояр и окольничих, что соответствовало высокому статусу Великого Новгорода в иерархии русских городов. Воеводы обладали административной, военной и судебной властью, распространявшейся на всю Новгородскую землю. Однако, как отметил Е.В. Анисимов, завоевание Ингерманландии, основание на новгородских землях новой столицы – Санкт-Петербурга и, особенно, унификация местного управления, способствовали утрате Великим Новгородом «высокого статуса в системе власти и отношений самодержавной России» и превращению его в рядовой уездный город[1].

Первые изменения в административном управлении Новгородской землей произошли в начале Северной войны. Еще до создания в России губерний в Великом Новгороде появились губернаторы и коменданты[2]. После того как в ноябре 1700 г. новгородский воевода стольник боярин Иван Юрьевич Трубецкой (1667–1750) попал в сражении под Нарвой в шведский плен, его сменил генерал от инфантерии Аникита Иванович Репнин (1668–1726). Дивизия А.И. Репнина прибыла в Новгород со Средней Волги и не успела принять участие в битве под Нарвой. Согласно «Гистории Свейской войны», генералу «с новыми ево полками велено зимовать в Новегороде, и был он там некоторое время губернатором»[3].

Главой новгородской администрации А.И. Репнин оставался до марта 1701 г., когда он получил указ следовать с полками во Псков, а оттуда к Риге для соединения с саксонской армией[4]. Вторым (и последним) новгородским губернатором в истории петровской России стал генерал-майор Яков Вилимович Брюс (с 1701 по 1705), под руководством которого город окружили земляными укреплениями бастионного типа.

В начале Северной войны царь придавал Новгороду особое значение из-за близости к местам боевых операций. Первые новгородские губернаторы не имели думных и придворных чинов, они были опытными организаторами и боевыми генералами. Петр I требовал от них бесперебойно обеспечивать снабжение армии продовольствием, фуражом, боеприпасами, перевозку людских ресурсов, строительство оборонительных укреплений, сбор работных людей и мастеровых и др. По мере военных успехов русской армии в Ингерманландии уменьшалась роль Новгорода в политической жизни государства. В 1702 г. после взятия Нотебурга

[1] *Анисимов Е.В.* Великий Новгород при Петре Великом: конец XVII — первая четверть XVIII в. // *Анисимов Е.В., Базарова Т.А.* «Центр обширной провинции…»: Великий Новгород в эпоху Петра I: Хрестоматия. Великий Новгород: НовГУ, 2015. С. 3.

[2] В России должность губернатора была введена в ходе реформы 1708 г., когда царским указом территорию государства поделили на губернии. Однако само слово «губернатор» как синоним (или перевод на немецкий язык) «воеводы», вошло в лексикон царя и его приближенных намного раньше. Так, уже в 1694 г. царь называл губернатором архангелогородского воеводу Ф.М. Апраксина (*Милюков П.Н.* Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. С. 255–256).

[3] Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М.: Кругъ, 2004. С. 210.

[4] *Базарова Т.А.* «Чинить отпор бодро безо всякие робости»: Записная книга указов новгородского губернатора А.И. Репнина 1700–1701 гг. // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород: НовГУ, 2016. Т. 16 (26). С. 377–378.

царь назначил шлиссельбургским губернатором А.Д. Меншикова[5]. В том же году к Шлиссельбургу приписали Олонец, в 1703 г. завоеванную шведскую крепость Ниеншанц, а затем Пошехонье, Белоозеро и Каргополь с уездами[6]. После основания Санкт-Петербурга резиденция губернатора переместилась в дельту Невы. В 1704 г. в состав новой губернии включили Ржеву Володимерову, а также Дерпт, Нарву и Ивангород. 7 марта 1706 г. в ведение А.Д. Меншикова передали и Великий Новгород[7]. Сообщая о царском указе Ф.А. Головину, светлейший князь, по-видимому, впервые употребил название нового административного образования – «Ингерманландская губерния»[8].

После отъезда Я.В. Брюса к действующей армии в Польшу нового губернатора не назначили[9]. Управление Великим Новгородом передали коменданту. Первым новгородским комендантом стал стольник Иван Юрьевич Татищев (1652–1730). В конце XVII в. он был судьей Новгородской приказной палаты, а с 1701 г. руководил строительством судов на Новгородской земле. Начиная с 1706 г. царские указы адресовались И.Ю. Татищеву как «новгородскому коменданту». В делопроизводственных документах использовалось еще одно название должности – «воевода и комендант приказной палаты».

Законодательно появление Ингерманландской (с 1710 г. Санкт-Петербургской) губернии утвердил указ Петра I от 18 декабря 1708 г. (когда территорию государства поделили на восемь губерний)[10]. Создание новой губернии (в которую входил Новгород и уезд) с Санкт-Петербургом в качестве административного центра закрепило изменения в структуре управления Новгородской землей. Согласно государеву указу от 15 февраля 1712 г., надлежало «…в губерниях генерал-губернаторам и губернаторам в городы комендантов выбирать, по своему рассмотрению, годных и умных людей»[11]. Списки комендантов следовало отправлять в канцелярию Правительствующего Сената. В случае провинностей коменданты подлежали кригсрехту (военному суду) губернаторов «с виц-губернаторами, обер-комендантами и ландрихтерами обще»[12].

В 1715 г. коменданта И.Ю. Татищева сменил капитан лейб-гвардии Семеновского полка, полковник князь Василий Матвеевич Вяземский (1664–1742). До назначения в Новгород В.М. Вяземский участвовал в сражениях Северной войны, был ранен в битве при Лесной (1708), а также в Прутском походе (1711), и по состоянию здоровья получил отставку. В январе 1715 г. приговором Правительствующего Сената его определили комендантом одного из городов Азовской губернии[13]. Однако это назначение не состоялось, и весной 1715 г. В.М. Вяземский стал комендантом Великого Новгорода.

Исследователи отмечают, что в петровское время обязанности комендантов не были четко определены законодательством. Как правило, при назначении на должность они получили инструкции с учетом местной специфики. П.Н. Мрочек-Дроздовский различал две разновидности комендантов: начальников гарнизонов (военных администраторов, по мере надобности выполнявших обязанности гражданских властей) и начальников уездов[14].

В последние годы внимание исследователей неоднократно привлекала деятельность обер-комендантов и комендантов крепостей Северо-Запада России. Среди них – коменданты Петербургской крепости К.Э. Ренне[15] и М.О. Чемесов[16], выборгский

[5] После штурма шведская крепость Нотебург (ранее – Орешек) была переименована в Шлиссельбург.

[6] Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. Т. 4. СПб., 1830 (далее ПСЗ). № 1943. С. 225.

[7] 7 марта 1706 г. царь указал Ф.А. Головину: «Новгород, Великия Луки и прочия к ним принадлежащия городы по росписи господина Меншикова изволте отослать к Ингермонланской губернации со всем» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 1143. С. 149).

[8] *Масловский Д.Ф.* Северная война: Документы 1705–1708 гг. СПб.: Военная типография, 1892 (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1). С. 9–10.

[9] В 1705–1706 гг. Я.В. Брюс командовал артиллерией во время кампании русской армии в Польше, Великий Новгород губернатор покинул еще раньше. В 1702 г. Я.В. Брюс участвовал в подготовке штурма Нотебурга, а затем в других наступательных операциях русской армии в Ингерманландии. В январе 1703 г. в Великий Новгород прибыл стольник князь Михаил Иванович Вадбольский, который отчитывался в своих действиях перед новгородским губернатором (*Анисимов Е.В., Базарова Т.А.* «Центр обширной провинции…»: Великий Новгород в эпоху Петра I… С. 109, 116). В 1704–1705 гг. М.И. Вадбольского нередко именуют воеводой (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 173, 212, 298).

[10] ПСЗ. Т. 4. № 2218. С. 436

[11] Там же. № 2484. С. 805.

[12] Там же.

[13] Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого. Т. 5. Кн. 1. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1892. № 60. С. 37.

[14] *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Историко-юридическое исследование. Ч. 1: Областное управление эпохи первого учреждения губерний: (1708–1719 г.). М.: Унив. тип, 1876. С. 47–48.

[15] *Лелина Е.И.* Первый комендант Санкт-Петербурга // Петербургские чтения–96. СПб: Блиц, 1996. С. 62–65; *Лелина Е.И.* Первый комендант Санкт-Петербургской крепости Карл-Эвальд Ренне // Проблемы русской культуры XVIII века. Конференция памяти Н.В. Калязиной: Краткое содержание докладов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 56–57; *Андреева Е.А.* Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах – 2003. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. С. 10–14.

[16] *Славнитский Н.Р.* Комендант Санкт-Петербургской крепости М.О. Чемесов // Петровское время в лицах – 2018: К 20-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2018): Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018 (Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 97). С. 325–328.

обер-комендант И.М. Шувалов[17], обер-комендант Дерпта и Пскова К.А. Нарышкин[18]. Восстанавливая биографии, историки уточняли и сферу компетенции комендантов на разных этапах формирования Ингерманландской губернии. Так, Н.Р. Славнитский подчеркнул, что деятельность комендантов не ограничивалась задачами, прописанными в инструкциях, и регулировалась отдельными указами. Комендантына Северо-Западе были прежде всего начальниками гарнизонов, а обер-комендантыи – военачальниками и администраторами[19]. Комендантыи обер-комендантыотвоеванных у шведов или заложенных на новых территориях крепостей подчинялись петербургскому обер-коменданту Р.В. Брюсу. Однако в начале 1710-х гг. после переноса военных действий в Финляндию и назначения петербургским комендантом М.О. Чемесова (полномочия которого ограничивались делами гарнизона) контроль над обер-комендантами и комендантами полностью перешел под юрисдикцию губернатора А.Д. Меншикова и Петербургской губернской канцелярии.

Инструкция, которую получил от губернатора В.М. Вяземский в марте 1715 г., до наших дней не сохранилась. Однако она неоднократно упоминалась в ходе расследования, начавшегося через два года после вступления князя в должность коменданта. В июле 1717 г. его вызвали в Петербургскую губернскую канцелярию, чтобы он ответил на обвинения, выдвинутые архиепископом Ладожским и Карельским Аароном. Комендант потребовал «против артикулу воинских прав» и предоставления письменной улики[20], поэтому следствие затянулось. Сохранившиеся в Архиве СПбИИ РАН среди бумаг Новгородского архиерейского дома отписки, донесения и челобитные, а также переписка Разряда духовных дел с Петербургской губернской канцелярией проливают свет на взаимоотношения коменданта и представителей духовных властей Великого Новгорода. Данные материалы, а также письма коменданта А.Д. Меншикову (за 1716–1721), отложившиеся в РГАДА[21], позволяют не только восстановить ранее неизвестные историкам факты биографии В.М. Вяземского и круг обязанностей последнего новгородского коменданта Петровской эпохи, но также являются ценнейшими источниками по истории повседневной жизни Великого Новгорода.

Итак, в ходе становления Санкт-Петербургской губернии обладавших широкими полномочиями новгородских воевод и губернаторов сменили комендантыи. Они подчинялись губернатору А.Д. Меншикову, резиденция которого находилась в Санкт-Петербурге. Царские указы приходили в Великий Новгород уже не напрямую, а через распоряжения петербургского губернатора и вице-губернатора. В 1713 г. судебные разбирательства передали ландрихтерам[22]. В 1715 г. Петербургскую губернию поделили на доли, за каждую из которых отвечал особый ландрат. В Великий Новгород и Шелонскую пятину ландратом назначили Ивана Ивановича Мякинина, который вместе с комиссаром Иваном Ивановичем Ушаковым выполнял разнообразные поручения губернатора на Новгородской земле[23].

Д.А. Редин отметил, что местом пребывания ландратов становились города, в которых не было гарнизонов (остальными управляли комендантыи)[24]. Несмотря на то, что после победы под Нарвой Великий Новгород потерял значение оборонительного форпоста, почти до конца Северной войны в нем оставался небольшой военный гарнизон. Только 11 мая 1720 г. Великий Новгород вывели из числа крепостей: «велено Новгородскую крепость оставить и гарнизону там не быть»[25].

В распоряжение нового коменданта перешла новгородская приказная палата, в которой были дьяки, подьячие и городничие. Однако власть В.М. Вяземского распространялась преимущественно на военные дела, которые на практике

[17] *Проскурякова М.Е.* Устроитель российской административной практики в Старой Финляндии – Иван Максимович Шувалов: (?–1735) // Петровское время в лицах – 2012: К 280-летию Первого Кадетского корпуса (1732–2012): Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012 (Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 64). С. 248–254; *Проскурякова М.Е.* Обер-комендант Иван Максимович Шувалов: Как управлялся Выборг из Петербурга // Петровское время в лицах – 2016: К 35-летию отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2016): Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016 (Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 83). С. 277–283.

[18] *Славнитский Н.Р.* Кирилл Алексеевич Нарышкин в период своей деятельности на посту нарвского обер-коменданта в 1704–1709 гг. // Петровское время в лицах – 2012. К 280-летию Первого Кадетского корпуса (1732–2012): Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012 (Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 64). С. 269–275.

[19] *Славнитский Н.Р.* Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 50–57.

[20] Архив СПбИИ РАН. Колл. 183 (Новгородские акты). Оп. 1. Д. 462. Л. 92.

[21] РГАДА. Ф. 198 (Походная и домовая канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 483.

[22] Ландрихтером Петербургской губернии с 1712 г. был Федосей Семенович Мануков, распоряжения которого также поступали в новгородскую приказную палату (*Анисимов Е.В., Базарова Т.А.* «Центр обширной провинции...»: Великий Новгород в эпоху Петра I... С. 93–99).

[23] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 84. Л. 1 об.

[24] *Редин Д.А.* Ландратура Санкт-Петербургской губернии: штат, функции, место в системе управления (материалы к исследованию) // Res Historica: Czasopismo Instytutu UMCS. 2017. № 44. S. 78.

[25] *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 2: Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1861. С. 501.

ограничивались ремонтом крепостных укреплений, казарм, армейских магазинов и руководством гарнизоном. По прибытии в Новгород коменданту следовало принять в гарнизон драгунскую роту. Она не была полностью укомплектована, поскольку часть солдат направили к ландратам. В.М. Вяземскому предстояло довести число солдат в роте до «полного комплекта» – 117 человек[26]. К 1717 г. ему удалось набрать 50 человек из новгородских солдатских, казачьих и кормовых детей («робята малы»)[27]. Их он расставил по караулам «у градцких ворот, и в приказной полате у колодников, и на государеве дворе у пушек»[28].

Каждому солдату по присланной из канцелярии Правительствующего Сената ведомости полагалось три рубля ежегодного жалования и пол-осмины провианта на месяц[29]. Однако по словам коменданта, ландрат И.И. Мякинин выделял предназначенные для жалованья деньги с большим опозданием[30]. В.М. Вяземский в письмах губернатору не раз жаловался на низкую военную подготовку «новокомплектных» солдат. Помимо неопытных молодых драгун гарнизонную службу также несли и отставные солдаты бывшего полка Мирона Баишева («старые и дряхлые»)[31].

В 1715 г. комендант принял по списку 36 солдат-плотников, из которых десять не явилось на смотр, а двадцать пришлось отправить в Вышний Волочок к «верстному делу». Оставшиеся в Новгороде шесть человек приступили к починке царского дворца, который стал местом проживания коменданта («во дворце хоромное строение и на полатах кровли и заборы все огнило и обвалилось»). По словам коменданта, ландрат И.И. Мякинин, которому надлежало содержать все строение в порядке, не только не выполнял свои обязанности, но и не выделял дров для отопления помещений. Срочного ремонта требовал и Артиллерийский (Пушечный) двор, где сгнила кровля и начали обваливаться стены[32]. По распоряжению А.Д. Меншикова средства на ремонт следовало найти, «изоброчив» на Софийской стороне «салдацкие пустые места» бывшего полка Мирона Баишева, на которых новгородцы самовольно построили дворы[33]. С них ежегодно удавалось получать по 22 рубля, которые направляли на ремонт дворца, строительство караульной избы, покупку канцелярских принадлежностей и прочее.

Под надзором коменданта находились и оборонительные укрепления Новгорода, которые постепенно ветшали и разрушались. В мае 1717 г. «от болших розливных вод розмыло и осыпались» бастионы Малого земляного города. Требовали замены и сгнившие обрубы, которые защищали земляные стены от размывания[34].

Новгородский комендант также осуществлял полицейские функции, связанные с поддержанием порядка в городе и окрестностях и защитой города от пожаров. В марте 1717 г. по царскому указу он с пятьюдесятью «новокомплектными» солдатами сопровождал капитана Михаила Кураедова и штаб-лекаря Блинмена в их поездке в деревню Склеву в Бельском погосте Шелонской пятины, где от неизвестной болезни умирали крестьяне. В случае обнаружения язв коменданту следовало объявить карантин, сделать засеки и поставить заставы по дорогам[35].

В июне 1717 г. комендант получил распоряжение губернатора с сотней гарнизонных драгун и седельными мастерами выехать в Новгородский уезд для розыска и поимки воров, разбойников и тех, кто их укрывал. Однако ландрат И. Мякинин также отправил во Гдовский уезд для поимки разбойников – новгородских дворян Максима Гаврилова Неелова и Василия Григорьева Неелова – прапорщика Ивана Ушакова. Прапорщик задержал Максима Неелова и доставил в Новгород, передав И. Мякинину, а не в приказную палату коменданту[36].

В Великом Новгороде действия коменданта также затрагивали сферу интересов Архиерейского дома. В 1717 г. в одной из своих отписок епископ Карельский и Ладожский Аарон[37] упомянул, что в инструкции («пунктах»), которую 13 марта 1715 г. губернатор А.Д. Меншиков вручил В.М. Вяземскому при назначении на должность, особо оговаривалось: «иного кроме одного города и опроче служилых людей ведать, и до земских никаких дел касатся, и во оные вступать весма ему не велено»[38]. В 1717 г. в ответ на поданную на него жалобу В.М. Вяземский заявил: «...в домовые ни в какие дела, в которые царского величества указом вступать мне не велено, но я в такие дела и не вступаю»[39]. В ходе судебного разбирательства эту инструкцию искали среди бумаг губернской канцелярии, но так и не нашли. По-видимому, она сгорела в пожаре 23 декабря 1716 г.

Деятельность коменданта не раз вызывала неодобрение духовных властей. Так, в феврале 1716 г. после смерти митрополита Иова В.М. Вяземский по указу Правительствующего Сената опечатал архиерейскую ризницу (что вызвало недовольство

[26] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 483. Л. 8.

[27] Там же. Л. 11 об., 20.

[28] Там же. Л. 20 об.

[29] Там же. Л. 11.

[30] Там же. Л. 11 об.

[31] Там же. Л. 17, 20 об.

[32] Там же. Л. 2.

[33] Там же. Л. 9.

[34] Там же. Л. 13.

[35] Там же. Л. 8.

[36] Там же. Л. 19, 24.

[37] После кончины 3 февраля 1716 г. митрополита Иова в течение пяти лет Аарон управлял Новгородской епархией.

[38] Архив СПбИИ РАН. Ф. 183. Оп. 1. Д. 642. Л. 59 об.

[39] Там же. Л. 103 об.

судьи Разряда духовных дел Серапиона Аничкова). В 1717 г. комендант приставил караул к содержавшемуся в Архиерейском разряде раскольнику Семену Денисову (и был обвинен в его побеге)[40].

Присланные в Петербургскую губернскую канцелярию из Новгорода отписки содержали многочисленные жалобы на произвол и притеснения, которые чинил новый комендант архиерейским людям: разрешил ямщикам без согласования с Разрядом духовных дел селиться на архиерейских и монастырских землях; принимал челобитные на архиерейских людей; «незнаемо для чего» доставил и несколько дней держал в приказной палате стряпчего Кузьму Бухвостова, а также мать и жену подьячего архиерейского дома Тимофея Неелова; намеревался снести лавки на Софийской стороне в Большом земляном городе, чтобы принудить владельцев к уплате оброка (а они выделяли средства на содержание четырех богаделен); отправлял на работы людей, ждущих архиерейского суда, и пр.[41]

Обвиняли коменданта в оскорблении и избиении должностных лиц. Так, в присутствии Аарона и архимандрита Вениамина комендант напал на архиерейского дьяка Григория Наумова, которого «безвинно своими руками бил, и за волосы драл, и по земли волочил, и шпажным ефесом зубы ему до крове розбил»[42]. Переписывавший дворы в Водской и Обонежской пятинах комиссар Семен Михайлович Глебов доносил, что комендант его «…увечил и голову во многих местех тростью испробил до крови, и бранил всякою неподобною бранию, и хотел заколоть шпагою»[43]. Данный инцидент произошел вскоре после окончания литургии в Хутынском монастыре. Избитого С.М. Глебова доставили в Новгород на постоялый двор, где он был вынужден провести в постели несколько дней, поэтому «государеву делу учинилась остановка»[44].

Неодобрение духовных властей вызвала и деятельность коменданта, связанная с организацией противопожарных мер. Великий Новгород сильно пострадал от пожаров в мае 1709 и мае 1712 гг. В начале мая 1715 г. В.М. Вяземский известил архимандрита Серапиона Аничкова о полученном царском указе распределить новгородцев для тушения пожаров по сотням и десяткам «поулично», подготовить багры, топоры, «парусы» и прочее[45]. В мае-июне 1715 г. составлены списки городовых бобылей Торговой и Софийской стороны, а также крестьян Чудиновой улицы[46].

[40] Там же. Л. 103, 110.
[41] Там же. Л. 59 об.–60.
[42] Там же. Л. 96.
[43] Там же. Л. 78.
[44] Там же.
[45] Там же. Л. 2, 4.
[46] Там же. Л. 9–13.

Надо полагать, что примером для системы распределения обязанностей при тушении пожаров в Новгороде стала новая российская столица. В раннем Санкт-Петербурге пожары тушили военные, а когда в городе появилось постоянное население, то стали привлекать и гражданских. Сохранились пункты, данные поручику лейб-гвардии Преображенского полка Андрею Быкову в феврале 1716 г. Ему было велено переписать на Адмиралтейском острове всех чинов людей (светского и духовного званий) и создать систему выборных должностей из жителей. По сигналу пожарной тревоги они должны были спешить на пожар со своим инвентарем. Согласно инструкции, с каждых 100 дворов полагалось выставлять на пожар 30 человек с топорами, 20 – с ведрами, 10 – с двумя лестницами, 10 – с вилами и крюком. Кроме того, 30 человек дежурили при своих домах. Также каждые 100 дворов выставляли по пять караульщиков, дежуривших посменно[47].

23 мая 1717 г. новгородским объезжим назначили Авраама Алексеева сына Бастрикова[48]. Одной из обязанностей объезжего было следить за пожарной безопасностью. В июне он получил наказ: на Софийской и Торговой сторонах «у всякаго чина людей» запечатать избы, солодни и кузни, мыльни и бани[49]. В том же месяце поручение везде, «где архиерейского суда люди жилища своя имеют», запечатывать печи в избах и банях получил сын боярский Максим Жеглов. Также ему надлежало следить, чтобы на дворах в кадках была вода, имелись ушаты, лестницы и «прочее ко угащению огня приличное орудие»[50]. Таким образом, в 1717 г. печи у архиерейских людей запечатывали и представитель коменданта, и служитель Архиерейского дома. Архиепископ Аарон неоднократно подчеркивал, что домовые люди не подчиняются коменданту. Выступая против нововведений в пожаротушении, он утверждал, что многие из распределенных по десяткам людей часто бывают в отъезде по делам, а полагавшееся за «неприход на пожар» взыскание озлобит людей. Домовые люди «по древней обыкности» всегда приходили тушить пожары, за чем смотрели назначенные Архиерейским домом надзиратели.

В июле 1717 г. комендант прибыл в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию, чтобы ответить на обвинения архиепископа Ладожского и Карельского Аарона. Из Губернской дело передали в Походную канцелярию, где оно и рассматривалось в течение нескольких месяцев (опрашивали и собирали письменные показания потерпевших

[47] РГАВМФ. Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 116. Л. 190.
[48] Архив СПбИИ РАН. Ф. 183. Оп. 1. Д. 642. Л. 16.
[49] Там же. Л. 17.
[50] Там же. Л. 15–15 об.

и свидетелей, допрашивали обвиняемого)[51]. По-видимому, В.М. Вяземскому удалось ответить на все пункты выдвинутого против него обвинения, и к началу следующего года он вернулся в Новгород.

В марте 1718 г. В.М. Вяземский получил указ собрать новгородцев как военных, так и гражданских чинов в соборной церкви для приведения к присяге на верность царевичу Петру Петровичу[52]. 5 марта по его распоряжению в «пристойных местах» были прибиты листы с текстом манифеста[53].

Великий Новгород находился на дороге, соединявшей Москву и Санкт-Петербург. Комендант был обязан обеспечить бесперебойное продвижение курьеров, путешественников, грузов, предоставлять подводы и струги. Дорога между двумя столицами стала оживленной магистралью. В марте 1717 г. комендант докладывал, что курьеры берут по 10–20 подвод, «а в судки выходит к Санктпитербурху и к Москве по сороку и по пятидесят и болше»[54]. Нередко через Новгород проезжали знатные путешественники, в том числе государь и члены его семьи. Представителям царской фамилии и сопровождавшим их лицам не только подготавливали по 100–300 подвод, комендант лично осматривал состояние дороги, по которой они собирались проследовать[55].

Особенно сложно обеспечивать транспортом должностных лиц стало во время следствия по делу царевича Алексея Петровича. В феврале 1718 г., по именному указу комендант поставил на дорогах заставы из офицеров и солдат, чтобы до приезда Петра I никого не выпускать из Санкт-Петербурга и из Москвы без особой подорожной[56]. Заставы установили по Петербургской зимней Тесовской дороге, зимней новопроложенной дороге, летним Петербургским, Московской и Псковской дорогам[57]. Из Санкт-Петербурга без задержки пропускали только по подорожным за подписями А.Д. Меншикова, Я.Ф. Долгорукого, Д.М. Голицына, А.А. Матвеева. Всех остальных велено задерживать и отправлять в Новгород под караулом[58].

Согласно составленной для губернатора ведомости, с 1 февраля по 9 марта 1718 г. курьерам, офицерам и солдатам, следующим из Москвы в Санкт-Петербург (до Плотишной подставы) по подорожным, было предоставлено 128 почтовых подвод. Из Санкт-Петербурга до Москвы (до Броницкого яма) – 208 подвод. Ямских подвод до новой столицы (без перемены) отправили 521. Всего в отпуске из Новгорода в разных направлениях дороги находилось почтовых и ямских 916 подвод[59]. Подвод постоянно недоставало, поэтому комендант предложил собирать их с крестьян близлежащих от дороги деревень и новгородцев. В марте 1718 г. В.М. Вяземский докладывал, что ямщикам прогонных денег от Новгорода до Санкт-Петербурга дают по 6 денег на десять верст, чего не хватает даже на корм лошадям[60].

Нередко спешившие по государевым делам офицеры и вельможи отказывались дожидаться прибытия свободных подвод и пытались завладеть ими силой. Так, после того как в марте 1718 г. через Новгород в Санкт-Петербург проследовала царская семья со своими служителями, в распоряжении коменданта практически не осталось подвод. 29 марта в Новгород прибыли канцлер Г.И. Головкин и вице-канцлер П.П. Шафиров. Как доносил В.М. Вяземский: «И оной господин Шафиров приехал на его царского величества дворец, на котором повелено вашей светлости указом жить, и стал меня всякими словами поносить, чего я ни от кого своих командиров такой обиды не видал»[61]. Вице-канцлер не ограничился бранью. Он приехал на двор, где стояли «под караулом» подводы, и урядника, «выняв из-за пояса своего пистолет свой, и хотел застрелить, и к грудем ему прикладывал, и говорил, что-де тебя застрелю, также и каменданту твоему такая же пуля будет»[62].

Вскоре после отъезда П.П. Шафирова произошел еще один неприятный для коменданта инцидент. Царский денщик Василий Нелюбохтин не только самовольно забрал со двора В.М. Вяземского лошадей, избив денщиков коменданта, но и бранился «всякими неподобными словами и бестьем называл», а также ломал двери в избах, где тот пытался укрыться. Комендант изложил суть конфликта в челобитной Петру I, добавив: «и о вашем царском величестве говорил непристойные слова… да он же говорил бутто мать ево лутче цысарской матери»[63].

Комендантское правление Великим Новгородом закончилась в 1719 г., когда была образована Новгородская провинция, которую возглавил воевода Ю.Я. Хилков. Бывший новгородский комендант получил указ ехать в Казань, где в 1719–1721 гг. исполнял обязанности коменданта и временно замещал губернатора. После прибытия в Казань губернатора А.П. Салтыкова, В.М. Вяземский не сошелся с ним характером. Он пожаловался А.Д. Меншикову («стала обида от господина губернатора несносная, истинно, жить не можно») и попросил содействовать переводу в другое место («и рат везде быть, толко не в Казани»)[64]. Неизвестно,

[51] Там же. Л. 97.
[52] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 483. Л. 48.
[53] Там же. Л. 49.
[54] Там же. Л. 4.
[55] Там же. Л. 3–3 об.
[56] Там же. Л. 38.
[57] Там же. Л. 38 об.
[58] Там же. Л. 39.
[59] Там же. Л. 62–62 об.
[60] Там же. Л. 69.
[61] Там же. Л. 65 об.
[62] Там же. Л. 65 об.
[63] Там же. Л. 68–68 об.
[64] Там же. Л. 73 об.

помог ли ему светлейший князь, но в 1726 г. В.М. Вяземский приступил к обязанностям московского обер-коменданта[65].

Итак, в первой четверти XVIII в. новгородские коменданты, как прежде воеводы и губернаторы, возглавляли приказную палату. Круг обязанностей коменданта определялся полученной от петербургского губернатора инструкцией. Однако власть его распространялась прежде всего на гарнизон и потерявшую военное значение крепость. Влияние коменданта на гражданские дела в Великом Новгороде стремились ограничить власти Архиерейского дома. При выполнении задач полицейского характера комендант пересекался со сферой деятельности ландрата Петербургской губернской канцелярии, что провоцировало конфликты.

[65] Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М.: РОССПЭН, 2008. С. 264.

Список литературы

Андреева Е.А. Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах – 2003. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. С. 10–14.

Анисимов Е.В. Великий Новгород при Петре Великом: конец XVII – первая четверть XVIII в. // *Анисимов Е.В., Базарова Т.А.* «Центр обширной провинции…»: Великий Новгород в эпоху Петра I: Хрестоматия. Великий Новгород: НовГУ, 2015. С. 3–12.

Анисимов Е.В., Базарова Т.А. «Центр обширной провинции…»: Великий Новгород в эпоху Петра I: Хрестоматия. Великий Новгород: НовГУ, 2015. 486 с.

Базарова Т.А. «Чинить отпор бодро безо всякие робости»: Записная книга указов новгородского губернатора А. И. Репнина 1700–1701 гг. // Новгородский исторический сборник. Т. 16 (26). Великий Новгород: НовГУ, 2016. С. 377–415.

Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М.: Кругъ, 2004. 631 с.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого. Т. 5. Кн. 1. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1892. 584 с.

Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 2: Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1861. 642 с.

Лелина Е.И. Первый комендант Санкт-Петербурга // Петербургские чтения – 96. СПб: Блиц, 1996. С. 62–65.

Лелина Е.И. Первый комендант Санкт-Петербургской крепости Карл-Эвальд Ренне // Проблемы русской культуры XVIII века. Конференция памяти Н.В. Калязиной: Краткое содержание докладов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 56–57.

Масловский Д.Ф. Северная война: Документы 1705–1708 гг. СПб.: Военная типография, 1892. (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1). 443 с.

Милюков П.Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 678 с.

Мрочек-Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Историко-юридическое исследование. Ч. 1: Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г.). М.: Унив. тип, 1876. 220 с.

Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М.: РОССПЭН, 2008. 829 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Изд. 1-е. Т. 4. СПб: Тип. 2-го отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 881 с.

Проскурякова М.Е. Обер-комендант Иван Максимович Шувалов: Как управлялся Выборг из Петербурга // Петровское время в лицах – 2016: К 35-летию отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2016): Мат-лы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016 (Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 83). С. 277–283.

Проскурякова М.Е. Устроитель российской административной практики в Старой Финляндии – Иван Максимович Шувалов: (?–1735) // Петровское время в лицах – 2012: К 280-летию Первого Кадетского корпуса (1732–2012): Мат-лы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012 (Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 64). С. 248–254.

Редин Д.А. Ландратура Санкт-Петербургской губернии: штат, функции, место в системе управления (материалы к исследованию) // Res Historica: Czasopismo Instytutu UMCS. 2017. № 44. S. 75–88.

Славнитский Н.Р. Кирилл Алексеевич Нарышкин в период своей деятельности на посту нарвского обер-коменданта в 1704–1709 гг. // Петровское время в лицах – 2012: К 280-летию Первого Кадетского корпуса (1732–2012): Мат-лы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012 (Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 64). С. 269–275.

Славнитский Н.Р. Комендант Санкт-Петербургской крепости М.О. Чемесов // Петровское время в лицах – 2018: К 20-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2018): Мат-лы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018 (Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 97). С. 325–328.

Славнитский Н.Р. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 50–57.

Т.А. Базарова
Новгородский комендант Василий Матвеевич Вяземский (1664–1742)

Ключевые слова: губернская реформа, Петр I, Великий Новгород, воевода, комендант, губернатор

Аннотация: Исследуется деятельность полковника Василия Матвеевича Вяземского в качестве новгородского коменданта в 1715–1719 гг. В отличие от воевод, которые до начала XVIII в. обладали административной, военной и судебной властью, распространявшейся на всю Новгородскую землю, сфера компетенции комендантов была значительно сужена. Ее определял не царский указ, а инструкция петербургского губернатора А.Д. Меншикова, в подчинении которого находился В.М. Вяземский. Власть коменданта преимущественно распространялась на крепость и гарнизон, а также он выполнял функции полицейского характера. Важной задачей коменданта оставалась организация бесперебойного передвижения людей и перевозки грузов между двумя столицами. Влияние В.М. Вяземского на гражданские дела в Великом Новгороде стремились ограничить власти Архиерейского дома. Отсутствие четкого разделения полномочий коменданта и ландрата приводило к пересечению круга обязанностей и провоцировало конфликты.

T.A. Bazarova
Vassily Matveevich Vyazemski, Novgorod commandant (1664–1742)

Keywords: provincial government reform, Peter I, Veliky (Great) Novgorod, governor, commandant, governor

Abstract: The activities of Colonel Vasily Matveevich Vyazemsky as Novgorod commandant in 1715–1719 are investigated. In contrast to the voivode, who until the beginning of the 18th century had administrative, military and judicial power, extending to the whole of Novgorod land, the commandant's sphere of competence was significantly narrowed. It was not determined by the tsar's decree, but by the instruction of the St. Petersburg governor A.D. Menshikov, in whose submission was V.M. Vyazemsky. The commandant's power mainly extended to the fortress and the garrison, and he performed police functions. An important task of the commandant remained the organization of uninterrupted movement of people and the transport of goods between the two capitals. The church authorities sought to limit the influence of V.M. Vyazemsky on civil affairs. The lack of a clear separation of powers between the commandant and the landrat led to the intersection of responsibilities and provoked conflicts.

А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, С.М. Шамин

«Государево жалование» переводчикам Посольского приказа в XVII столетии: одежда и ткани

В России XVII столетия одежда и ткани играли важную роль в системе государевых пожалований подданным. Они служили не только материальным вознаграждением для служащих царю людей, но и являлись одним из средств выстраивания отношений внутри социума[1]. По мнению А.В. Малова «Среди всех видов пожалований служилых людей пожалование их в XVII в. тканями ведет свое происхождение от средневековой традиции жалования одежды сувереном своим слугам, исходя из обязанностей любого феодального суверена кормить, одевать и вооружать свои дружины. В то же время данные пожалования не составляли части какого-либо оклада служилых людей, а являлись наградой за вполне конкретные заслуги или службы»[2]. В нашем исследовании анализируются пожалования небольшой категории служивших царю людей – переводчиков Посольского приказа.

Данные о переводчиках Посольского приказа первой четверти XVII в. представлены в источниках весьма скупо[3]. Сколько-нибудь подробные материалы о пожаловании переводчиков тканями появляются в документах уже после Смутного времени. Сведения о периоде между 1613 и 1621 гг. систематизированы А.В. Маловым и О.С. Смирновой. Исследователи, проанализировав расходные книги Казенного двора, привели записи о награждении тканями 19-и переводчиков. Некоторым из них ткани давались неоднократно. Лишь в 5 случаях причина «дачи» не упомянута. Подавляющее большинство выдач связано с различными службами (16 упоминаний в документах). Трижды поводами для пожалования стала не только служба, но и выезд в Россию – «за службу и за выезд», «за выход и за службу», «за службу и за выход». Другие варианты были единичными – «за службу и за полонское терпение и за выход», «для Царегородцкие посылки и для их бедности», «за выход»[4].

Как мы видим, в начале XVII в. причиной подавляющего большинства всех выдач ткани были служебные успехи переводчиков. Дополнительным поводом для дачи жалования могли стать выезд в Россию на службу, выход из плена, бедность. Но эти причины оставались вторичными в отношении награды за службу. Факт дачи «за выход» без параллельного упоминания служб встречается всего один раз. Впрочем, мы не можем быть уверены в том, что сохранившиеся документы дают полную картину. Возможно, при наличии документов других типов распределение причин для пожалования было бы иным.

[1] См., к примеру: *Конев А.Ю.* Дар в практике религиозного выбора: из истории христианизации «иноверцев» Западной Сибири в конце XVI–XVII веке // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Мат-лы всерос. науч. конф. Вып. 4. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. С. 371–375.

[2] *Малов А.В.* «А пожаловал государь их за службу»: тканное жалованье ратным людям в 1613–1621 гг. (номенклатура и цены тканей) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сборник мат-лов IV междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.). Нижний Новгород: Нац. исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 35.

[3] *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 149–183; *Лисейцев Д.В.* Переводчик Посольского приказа Игнатий Андреевич Кучин (к вопросу о судьбе одного из «годуновских студентов») // Русский родословец. 2002. № 1 (2). С. 4–8; *Лисейцев Д.В.* Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI – середины XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М.: Древлехранилихе, 2006. С. 241–252.

[4] *Малов А.В., Смирнова О.С.* Пожалования на Казенном дворе переводчиков и толмачей Посольского приказа в 1613–1621/22 годах // Труды Института российской истории. (В печати) Благодарим авторов за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью статьи.

С 1630-х гг. мы имеем более пространные данные, позволяющие относительно подробно проанализировать практику пожалования тканей и одежды.

Награждение за службу

Наиболее распространенным видом пожалований оставались награды за различные службы. Они могли включать камку и сукно, а также меха[5]. Конкретные поводы для пожалований выглядят весьма разнообразно. К примеру, в 1650/1651 г. переводчика П. Литвинова посылали «в Литовскую сторону для проведывания вестей», за что он получил «сукно доброе» и 4 руб.[6]

В начале 1664 г. находившийся на постоянной основе в Новгороде переводчик Лазарь Цымерманов для получения жалования («побить челом тебе, великому государю») был вынужден специально просить разрешения на приезд в Москву. В челобитной он писал о своих многолетних службах, в том числе неоднократном участии в переговорах со Швецией. В результате по указу 14 мая 1664 г. ему было прибавлено жалование (к 25 руб. добавили 5 руб.), увеличен поденный корм (к 4 алтынам <12 коп.> добавили 6 денег <3 коп>) и «учинен» поместный оклад в 300 четей. Отдельно «за службу в приказ» выдали камку и сукно лундыш. Одновременно «за пожарное разорение» он получил из новгородских доходов 20 руб.[7] В данном случае награда была дана не за конкретное поручение, а за многолетнюю службу в целом.

Пожалования за конкретную дипломатическую миссию встречаются намного чаще. В 1632/1633 г. в Царьград посылался Билял Байцын, за это ему дали 40 куниц, камку кармазин, сукно лундыш, а также 52 руб. за убытки. В 1666/1667 г. Абдул Байцын получил за аналогичную посылку идентичный комплект мехов и тканей с увеличенной денежной выплатой «за убытки» (55 руб.)[8]. Сеендюк (Сююндук) Семенов сын Андреев за крымскую посылку 1644/1645 г. получил тафту и сукно[9], а Мартин Фрес (Фрез) за посылку в Швецию в 1664/1665 г. – лишь сукно[10]. Между тем Семену Лаврецкому в это же время по итогам поездки в Польшу дали гораздо более богатое пожалование – «однорядку лундышева сукна, кафтан камчатой, ферези дорогильные», а также бархатную шапку, отделанную соболем[11].

Тканное жалование могли давать не только за уже состоявшуюся посылку, но и при отправлении в посольство. В 1633/1634 г. за посылку в Царьград Мануилу Филаденскому пожаловано «сукно аглицкое да камка, за убытки – 50 рублей»[12]. Между тем, он уже получал деньги и ткань при отправлении в посольство. В 1634 г. «по государеву указу и по памяти за приписью дьяка Максима Матюшкина дано государева жалованья Посольсково приказу переводчиком греческому Мануилу Филаденскому, татарскому Уразматею Башмакову да толмачом Ондрею Ракову, Алмакаю Алышеву, Павлу Сагалаеву, Ивану Тулубаеву по 4 аршина сукна кострышу тмосинево по 2 рубли с полтиною портище, да по дорогам гилянским человеку по 1 рублю по 20 алтын по 4 деньги дороги. А пожаловал их государь для царегородскои службы»[13].

Получали вознаграждение и за выполнение крупных работ, для которых не требовалось выезжать из Москвы. К примеру, в 1675 г. переводчик Ефим Мейснер был приставлен «для толмачества» к бранденбургскому посланнику Ефиму Шкультету. К сожалению, в документе не говорится, что именно Мейснер сумел совершить во время исполнения этой службы, однако награда была экстраординарной – именным указом Алексей Михайлович пожаловал переводчику 50 руб. денег на платье и на 30 руб. собольих мехов[14].

Перевод книг, также мог вознаграждаться тканями. В 1678/1679 г. Иван Тяжкогорский получил атлас («в приказ») за перевод «триуголномерной и землемерной книги»; в 1685/1686 г. за «перевод огнестрелной книги» Леонтию Гроссу дали сукно кармазин и камку, а И. Тяжкогорскому, Юрию Гивнеру и Товису Мейснеру – «по сукну аглинскому, да по отласу». В том же 1685/1686 г. за книжный перевод Л. Гросс и И. Тяжкогорский награждены 10 аршинами атласа, а Ю. Гивнер и Т. Мейснер – 5 аршинами сукна кармазин[15]. Данное пожалование напоминает широко распространенные в других приказах, к примеру, в Оружейной палате, выплаты мастерам за изготовление вещей для царского обихода: «дать его великого государя жалованья за костяные суды от дел иноземцом костяного дела токарем Кирилу Толкачеву с товарыщи пяти человекам по сукну доброму кармазину, да по тафте человеку»[16].

[5] *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-история, 2017. С. 136.

[6] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1651 г. Д. 5.

[7] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 55–56, 87–89, 96–97.

[8] *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа... С. 136.

[9] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 34–35.

[10] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1664 г. Д. 10. Л. 27.

[11] Там же. Л. 36.

[12] *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа... С. 136.

[13] *Опарина Т.А.* Мануил Филаденский в нижегородском Печерском монастыре (к вопросу о социальном статусе иммигрантов в России) // Вестник церковной истории. 2013. № 1–2. С. 220.

[14] РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 147 об.

[15] РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 747. Л. 3–4; Д. 801. Л. 4. Благодарим О.В. Русаковского, любезно предоставившего нам эти данные.

[16] *Орленко С.П.* К истории повседневной жизни Бронной слободы второй половины XVII века, или о том, как Дракула со своей женой подрался // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 34.

Таким образом, дачи за службу «в приказ» (т.е. разовые акты, которые не были примером для дальнейших пожалований), как и в более раннее время, являлись наградой отличившимся переводчикам. Характерно, что при награждении за службы выписок из прежних случаев обычно не делали. Можно предположить, что в отличие от других дач, эти пожалования были связаны не только со статусом переводчиков, но и с конкретными успехами. Но при этом явно прослеживается стремление к их унификации.

Награждение за выезд в Россию

Выезд в Московское государство или отказ вернуться на родину (для тех, кого взяли в плен) после окончания войны также были причиной для дачи жалования. Такая практика действовала в разных приказах[17]. В Посольском приказе в начале XVII в., судя по наблюдениям А.В. Малова и О.С. Смирновой, такие пожалования в большинстве случаев давались переводчикам вкупе с наградой за службу. В документах второй половины столетия такой связи не прослеживается.

Дачи за выезд были тесно связаны со статусом переводчика. К примеру, 5 сентября 1673 г. Николай Спафарий получил за выезд экстраординарно большое пожалование: «кубок золочен с кровлею в 2 гривенки, 10 аршин камки адамашки, 5 аршин тафты доброй, 5 аршин сукна лундышу доброго, 40 соболей в 25 рублев, денег в приказ и на лошедь 50 рублев»[18].

В 1674 г. в Посольском приказе была составлена справка по выплатам такого рода, свидетельствующая о значительной дифференциации размеров и состава награждений. Самый ранний случай датирован 1617/1618 г.: «В прошлом 126-м году как были у великого государя свейские послы Густав Стенбук, и били челом великому государю Посольского приказа о переводчике о Олфере Выберхе, чтоб ево с Москвы отпустить в Свею. И Олферий бил челом великому государю в службу на вечное житье, а в Свею не поехал. И дано ему великого государя жалованья за выезд камки куфтерь, сукно лундыш доброй, 40 соболев в 30 рублев, денег в 20 рублев»[19]. Следом упоминалось пожалование Ивана фан Делдина (Адамова): «Во 155-м [1646/1647] году дано великого государя жалованья Посольского приказа розных языков переводчику Ивану фан Делдину кубок серебрян, бархат галанскои, камка куфтерь, тафта, сукно лундыш, 40 соболей в 40 рублев, денег 35 рублев»[20]. Здесь можно наблюдать самый разнообразный состав вознаграждения за выезд, включавший не только ткани и деньги, но также меха и драгоценную посуду. В 1668/1669 г. переводчик «греческого и волошского языков» Константин Христофоров получил 40 куниц, тафту добрую, сукно английское и 5 руб. денег; а в 1672/1673 г. греческий квартирмейстер Фома Крутиков – сукно английское, пару соболей (на 5 руб.), тафту добрую и 7 руб. денег. Наиболее поздняя дата документа – 1675/1676 г. Тогда шляхтичу Яну Брыскому за выезд дали тафту, сукно английское, пару соболей (на 5 руб.) и 5 руб. денег[21]. В конце документа специально отмечалось, что иноземцам, попавшим в Россию в качестве пленных, такого жалования не полагалось: «посольского приказа переводчикам Семену Лаврецкому, Ивану Гуданскому, Стахею Гадзаловскому за выезд не дано потому, что они взяты полоном»[22].

Судя по тому, что обзор пожалований охватывал максимально возможный хронологический период (с 1617/1618 г.) и фиксировал не только дачи, но и те случаи, когда жалование не давалось, целью его составителей было уточнить или подтвердить сложившуюся в Посольском приказе практику жалования за выезд. Очевидно, что в данном случае поводом для государевой милости был добровольный переход на службу к московскому царю.

Вопрос был поднят в связи с тем, что в 1674 г. ткани за выезд давались сразу двум польским переводчикам, которые, в отличие от перечисленных выше коллег, приехали в Россию добровольно. Указом от 12 октября 1674 г. шляхтич переводчик Гаврил Дорофеев Болотинский получил 40 соболей (на 30 руб.), 10 аршин камки кармазин и 5 аршин сукна лундыш. Данная выплата была лично инициирована главой Посольского приказа Артамоном Сергеевичем Матвеевым. Г.Д. Болотинский жил у него на дворе и учил сына, Андрея Матвеева[23]. Чуть позже, 9 декабря 1674 г., вспомоществование аналогичного размера, дополненное 10 руб. денег, получил другой польский переводчик – Иван Федоров Васютинский[24].

Поступление в приказ

Сходным по значению с жалованием за выезд в Россию было вознаграждение за поступление в Посольский приказ. В 1663 г. переводчик Петр Стралман бил государю челом о прибавке жалования, и, среди прочего, просил выдать ему одежду

[17] См., к примеру *Орленко С.П.* Иранские мастера и Оружейная палата в 60-е годы XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 65.
[18] РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 112 об.
[19] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. Д. 6. Л. 47.
[20] Там же. Л. 47–48.
[21] Там же. Л. 48–49.
[22] Там же. Л. 49.
[23] Там же. Л. 50–51.
[24] Там же. Л. 119.

(«платье»). Свою просьбу он аргументировал двумя доводами. Во-первых, переводчик ссылался на практику выдачи тем, кто вновь взят в Посольский приказ. Во-вторых, он сообщал о своей бедности[25]: «А которые ево братья переводчики иманы в Посолскои приказ в переводчики великого государя к делу вновь, и тем великого государя жалование для их скудости в приказ платье и на платье деньгами дано. И великий государь пожаловал бы иво Петра, велел ему своего великого государя жалованья на платье дати для ево, Петра, скудости»[26]. Сразу следует отметить, что какой-либо устоявшейся практики «дачи платья» в момент поступления в Посольский приказ документы не отмечают. Более того, фактов пожалований, сколько-нибудь близких по времени к моменту приема в дипломатическое ведомство, существенно меньше, чем общее число поступивших на службу переводчиков. Вероятно, такое вознаграждение практиковалось для малообеспеченных новых служащих с представительской целью.

Тем не менее, сотрудники Посольского приказа смогли сделать «на пример» весьма представительный список пожалований: «И выписано ему на пример. В прошлом 167 [1658/1659] году дано великого государя жалования по его, великого государя имянному указу Посолского приказу немецкого языка переводчику Василью Боушу на платье с Казенного двора две дерези холодные, одна бархатная, другая суконная с нашивками ценою 54 рубли 31 алтына 4 деньги. В том же во 167-м году дано великого государя жалованья полского и латинского языка переводчику Степану Щирецкому платье с Казенного двора на однорятку, сукно аглинское доброе, на дерези тафта добрая, на испод цки хрептовые бельи, на кафтан камка, шапка с соболем. Всего по цене на 20 рублев. Во 168-м году дано великого государя жалованья по его великого государя имянному указу немецкого языку переводчику Якову Олферьеву на платье в приказ 50 рублев. В прошлом 169-м году дано великого государя жалованья Посолского приказе полского и латинского языку переводчику Семену Лаврецкому с Казенного двора против переводчика Степана Щирецкого на 20 рублев. В 170-м году дано великого государя жалованья Посолского приказу полского языку переводчику Ивану Булаку с Казенного двора на платье на однорядку сукно аглинское доброе, на кафтан дороги добрые, на дерези киндяк, на шапку вершок сукно лундыш доброи, да пух к шапке, на штаны пол 2 аршина сукна анбарского доброго, да на дело и на приклад 5 рублев. В прошлом 171 году дано великого государя жалованья Посолского приказу свейского языку переводчику Ефиму фон Маиессену в приказ на платье из Большого приходу 30 рублев, ему ж с Казенного двора сукно лундыш доброи, камка да тафта, цки хрептовые бельи, пара соболей в 5 рублев. В том же году дано Посолского приказу полского языку переводчику Мартыну Фресу на платье в приказ с Казенного двора на однорятку сукно аглинское доброе, на кафтан дороги, на дерези киндяк, на шапку вершок суконной доброй, пух в 2 рубли, на штаны сукна анбурского пол 2 аршина, под дерези испод русачей да пух, да на приклад и от дела 5 рублев, сукно лундыш доброй, камка адамашка добра, цки хрептовые бельи, на шапку вершок суконной доброй да соболь в три рубля. И всего на дватцать на пять рублев да на приклад 5 рублев»[27]. Опираясь на эту выписку 6 ноября 1663 г. был дан указ о пожаловании свейского языка переводчика Петра Стралмана «на платье в приказ сукно лундыш доброи, камку адамашку добрую, цки хрептовые бельи, на шапку вершок суконной доброй да соболь в три рубли всего на дватцать на пять рублев, да на приклад пять рублев...»[28].

Данный документ интересен с нескольких точек зрения. Во-первых, он демонстрирует, что дачи тканями заменяли пожалование одежды. Скорее всего, это относится ко всем случаям подобных процедур. Во-вторых, в части примеров сохранены упоминания о том, что ткани жаловались «по имянному указу» или «в приказ». Это подтверждает наше наблюдение о том, что это действие не было автоматическим. Видимо, здесь можно наблюдать формирование новой практики пожалований, которая берет начало от дач за выезд на службу в Россию.

Выдачи за поступление на работу в приказ встречаем и позднее. 9 сентября 1668 г. в ведомство был зачислен «турченин» Дмитрий Асанов, который получил для «представительства»: однорядку из «доброго» кармазина с серебряными позолоченными пуговицами (за 12 руб.), ферязи тафтяные белые хрептовые (за 8 руб.), кафтан камчатый с пуговицами (за 7 руб.), соболью шапку с бархатным верхом (за 5 руб.), сапоги «желтые сафиянные», штаны «багрецевые» и «приклад» (на 5 руб.)[29]. Месяцем раньше пожалование получил Иван Тяшкогорский: «Да емуж велено на Казенном дворе сделать платья: кунтуш сукно кармазин нашивка золотом, да кафтан камчат с пугвицы серебряными, шапку бархатную с соболем, сапоги сафиянные желтые, штаны багрецовые»[30]. В составе данного пожалования особенно интересен кунтуш – польская верхняя одежда. Оказывается, несмотря на многолетнюю войну

[25] Такая жалоба была традиционной для челобитных. Ее нельзя рассматривать как достоверное свидетельство отчаянного положения переводчика.
[26] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 15.
[27] Там же. Л. 16–17.
[28] Там же. Л. 18.
[29] РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 54 об.; *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа... С. 133–134.
[30] РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 54.

с Речью Посполитой, польский костюм не только рассматривался как адекватный для переводчика Посольского приказа, но и мог быть изготовлен государевыми портными.

Греческий и польский переводчик К. Христофоров был зачислен в Посольский приказ 17 мая 1669 г. по прошению Александрийского Патриарха Паисия. Лишь год спустя (помета о выписке жалования «на пример» датируется 8 июня 1670 г.) он подал челобитную с просьбой о соответствующем вознаграждении, которое в итоге составило 40 руб. «на платье»[31].

Жалование за переход в православие

Вопрос о выдаче тканей и одежды при переходе иноверцев самых разных профессиональных групп в православие подробно изучен Т.А. Опариной. Исследовательница установила, что стоимость таких даров тесно связана с социальным статусом крестившегося человека. В некоторых случаях Т.А. Опарина определяет социальный статус, отталкиваясь от размеров пожалования[32].

При изучении пожалований одежды или ткани переводчикам мы также встречаем случаи наград за переход в православие («подначальство» и крещение). В 1646/1647 г. Михаилу (Имраэль) Семенову Кошаеву за крещение почти втрое увеличили годовой оклад (с 35 до 100 руб.), в пять раз – поденный корм (с 10 до 50 коп. в день) и в два раза – поместный оклад (с 400 до 800 четей). Также он получил серебряный кубок весом в три гривенки, бархат гладкий, камку куфтель, атлас желтый, 40 соболей (на 30 руб.), лисицу (за 5 руб.) и «ис конюшни» лошадь (за 40 руб.)[33]. По другим документам, М.С. Кошаев был пожалован однорядкой суконной, лундышем с кружевом, кафтаном, шапкой бархатной, сапогами, рубахой и портами[34]. Наличие двух последних предметов говорит о том, что это была награда за подначалие[35]. Символический отказ от старой веры подразумевал в том числе и кардинальную смену гардероба. Соответственно посещать службы и участвовать в обрядах неофит должен был в русской («православной») одежде.

В 1648/1649 г. крестился Степан Смайлев – дачу он получил «против М.С. Кошаева»[36]. В 1655 г. Федору Жадину за крещение выдали камку и сукно «лундыш добрый»[37]. С. Лаврецкий в 1667/1668 г. получил «на однорядку сукно кармазин доброе пуговицы серебряные золоченые, на ферези тафта, испод хрепты бельи; кафтан камчатой, шапка бархатная с соболем, штаны багрецовые, сапоги сафьянные»[38]. Петру Андерсону в 1668/1669 г. пожаловали тканей «против Лаврецкого, что ему дано в 176 г.». Кроме того, во Владимирской чети «на приклад» ему выделено 5 руб.[39]

Подначальное платье И. Тяжкогорского в 1669/70 г. включало однорядку (из сукна лундыш с круживо за 12 руб.), кафтан (камчатый за 9 руб.), зипун (тафтяной за 4 руб.), две шапки (бархатную «с душкою» за 4 руб. и суконную с пухом за 2 руб.), 2 «стоячие» ожерелья (за 10 руб.), а также сапоги, сорочку и порты (в сумме на 3 руб.). Кроме того, «на мелкое» выделялось 2 руб. Общая стоимость пожалования «потянула» на 46 руб. Значительная сумма пошла на одежду его жены. В ее комплект вошли опашень (багрецовой с серебряными пуговицами за 15 руб.), два летника (камчатый и дорогильный за 13 и 9 руб.), две атласных шапки (одна – вышитая золотом за 4 руб., другая – из красного атласа за 1 руб.), две шубы (дорогильная «на белках» за 7 руб. и киндячная за 3 руб. «с гривною»). Кроме того, на различные мелкие покупки выделили 20 руб. деньгами[40].

Годовое жалование

Самым распространенным видом «тканного» жалования для служилых людей Московского государства было «годовое» – ежегодные выдачи одежды или тканей. Чаще всего давали «годовые сукна» – 4 аршина сукна (реже 4 без четверти или 5), необходимые для изготовления новых кафтанов. «Годовое сукно» получали как служащие, обеспечивавшие дворцовые нужды (истопники, часовники и т.д.), так и военные – к примеру, пушкари и пушечные мастера[41]. В Оружейной палате в отдельных случаях годовое сукно выдавалось даже ученикам[42].

Подобные виды пожалований мы встречаем не только в государственных структурах, но и в церковных. Так, в конце XVII в. конюший Тобольского архиерейского дома получил «в жалование за полтину на рубахи и на штаны дватцать аршин холста хрящу за четыре алтына, коты красные за три алтына, аршин сукна сермежнаго за четыре алтына, шапка за десят алтын, шуба поношеная за две гривны, рукавицы вачеги за дватцать за четыре алтына две денги, девят аршин сукна сермяжнаго на зипун»[43].

Парадокс заключается в том, что в Посольском приказе XVII в. выдача «годовых сукон» не практиковалась. Наиболее близкими к такого рода пожалованию можно полагать дачи сторожам «по доброму сукну на кафтан». Однако данная процедура происходила крайне редко и связана была, вероятно, с необходимостью создания представительного вида у работников приказа, изредка участвовавших в дипломатических акциях. Самой малообеспеченной категории служащих на такой случай и выдавали ткани для пошива праздничной одежды – «для иноземных в приказ приходов». Первый раз это произошло в 1667/1668 г.[44], второй – два десятилетия спустя: в 1688 г. сторожа сами подали челобитную с просьбой о получении «по сукну на каждого человека для сделания кафтанов»[45]. Возможно, отдельные факты подобных пожалований в Посольском приказе нами не выявлены, однако в любом случае они были исключением, а не нормой.

Зафиксирован единственный случай назначения «регулярного» «суконного» жалования для переводчиков. Плененный иноземец Василий Боуш во время работы в Посольском приказе был пожалован двумя ферезеями, бархатной и суконной, и 5 аршинами сукна лундышу. Последние предполагались к выдаче раз в 2 года[46]. Мотивировалось это событие тем, что ему как переводчику приходится «быти при послех», то есть его частое участие в дипломатических мероприятиях требовало дополнительных представительских расходов на одежду. «Справление» ферезей, которые были изготовлены на Казенном дворе, произошло в 1658/59 г. (см. выше) и было приурочено к возникновению потребности участия переводчика на приемах иностранных делегаций.

Назначение же «двухгодичных» «сукон» имеет другую датировку – 24 марта 1664 г.[47] Одновременно «по его великого государя имянному приказу» В. Боуш «вместо поместья» стал получать еще и хлебное жалование по 50 четей ржи и овса. Такое крупное вознаграждение, как представляется, являлось разовой экстраординарной акцией за какую-либо крупную заслугу. Возможно, это связано с обнаружением В. Боушем и С. Лаврецким в 1661 г. в документах Посольского приказа грамоты с обращением императора к царю, позволившему русским дипломатам успешно провести дискуссию о титуловании правителя Московского государства с приехавшими «цесарскими» послами[48]. Второй, и последний, раз «годовое сукно» бывший курляндец получил в 1665/1666 г.[49], так как 30 декабря 1667 г. во время возвращения из дипломатической миссии в Бранденбург он скончался в Митаве[50].

После его смерти практика выдачи «годового суконного» жалования развития не получила – когда взятый на место В. Боуша Николай Спафарий потребовал себе соответствующую одежду, аргументируя свою просьбу тем, что «оклад учинен против Василия, а платья, как Боушу не дано», 26 февраля 1675 г. ему единовременно выдали вместо «платья» 40 соболей (в 60 руб.)[51].

Замена натуральных пожалований денежными

Как видим, во второй трети XVII в. сложившаяся в Посольском приказе традиция пожалования тканями была весьма разнообразной. Однако уже в 1670-х гг. документы фиксируют постепенное угасание такой практики в отношении служащих ведомства (в том числе и переводчиков). Это происходило в рамках общей стратегии российских властей, направленной на отказ от натуральных пожалований в пользу денежных выплат. К примеру, 15 февраля 1681 г. ядринскому воеводе был дан указ, в соответствии с которым местному иноверному населению при переходе в православие вместо соболей и сукон полагалось давать шестилетнюю льготу в выплате налогов или несении государственной службы[52].

Записи в одной из приходно-расходных книг Посольского приказа (за период с 20 января 1681 по 25 июля 1682 г.) позволяют понять особенности изменения практики «тканевого жалования». В этой книге, включающей информацию обо всех лицах, связанных с приказом, фиксировались как случаи **дарения тканей**, специально закупленных для этой цели дипломатическим ведомством,

[31] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 9. Л. 10–13 об.
[32] *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 114, 138, 139, 161, 162, 194, 198, 202, 241, 243, 246 и др.
[33] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1672 г. Д. 2. Л. 7.
[34] Там же. Л. 3–4.
[35] Подначалие – ознакомление (обучение) с постулатами веры. Обычно связано с «прикреплением» будущего неофита к какому-либо монастырю или церкви.
[36] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1672 г. Д. 2 Л. 5.
[37] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 113.
[38] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 118–119.
[39] Там же. Л. 119.
[40] Там же. Л. 115.
[41] *Малов А.В.* Пушкарского чина люди по данным расходных книг Казенного приказа в завершающий период Смутного времени (1613–1619 гг.) // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск VI. Ч. 2. С. 159–217.
[42] *Орленко С.П.* Ученики и организация ученичества в Оружейной палате XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 52.
[43] *Никулин Иоанн, свящ.* Приходо-расходная книга Тобольского архиерейского дома 1696/97 г.: денежные выплаты служащим // Вестник церковной истории. 2017. № 1–2. С. 319.
[44] *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа… С. 187.
[45] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 7.
[46] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 36.
[47] РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 60. См. также: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1664 г. Д. 10. Л. 63.
[48] *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа… С. 130.
[49] РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 60.
[50] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3. М.: Комиссия печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. Мин-ва иностр. дел, 1897. С. 9; Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. / Сост. П.И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. С. 322.
[51] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. Д. 6. Л. 168.
[52] ДАИ. Т. 8. СПб. 1862. С. 310–311.

так и дачи денег **вместо тканевого жалования**. Рассмотрим подробнее эти пожалования.

Первая группа включает случаи натуральных («тканевых») выплат за службы: «донским казаком зимовых и лехких станиц»[53], запорожским казакам «обоих сторон Днепра»[54] (далее в книге расписаны конкретные службы), проводнику «волуйскому вожу Калинке Зажарскому»[55], толмачу Терской приказной избы Семену Дмитриеву (за сопровождение присланного имеретинским царем Арчилом архимандрита Гаврила)[56]. Кроме служебных дач отмечено пожалование Петру Григорьеву, вероятно, выходцу из «бусурманских» земель, за крещенье «в православную християнскую веру»[57].

Второй комплекс объединяет примеры, когда взамен указанных в пожаловании тканей выдавались деньги. За крещение такие дачи получили шляхтич Петр Дорожинскоий (3,9 руб. «великого государя жалованья... для восприятия святые православные християнские веры»)[58] и иноземец Семен Саполович (8,3 руб. «его великого государя жалованья... для крещения православные християнские веры вместо сукна аглинского четырех аршин..., да за дараги..., да за цку белью хрептовую»)[59]. «Греченина» Венета Николаева пожаловали «за выезд его великого государя жалованья вместо тафты и сукна доброго денгами» (4,5 руб.)[60]. Выплата «на приезде» и за ткани следовала Афонской горы Георгиевского Зуграфского монастыря архимандриту Ефимию, келарю Кирьяну, дьякону Макарию и служке Ивашке Богданову[61]. Толмачу Посольского приказа Семену Валентинову полагалось «его великого государя жалованья... за полонное терпенье»[62].

Очевидно, что традиционная практика «тканного» пожалования для тех, кто был связан с Посольским приказом или вновь выезжал из какой-либо европейской страны, уже не действовала. Положенные им сукна, тафта, беличьи шкурки и т.д. упоминались лишь в качестве дани традиции и мерила ценности подарка. В реальности же ткани закупались и вручались тем, кто жил на территории Украины или в периферийных районах Российского государства. Особенно ярко это видно на примере пожалования упомянутых в рассмотренной книге толмачей: ведавшийся в Посольском приказе С. Валентинов получил вместо тканей деньги, а приехавший из Терков С. Дмитриев – ткани.

[53] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Д. 6а. Л. 28 об.–29 об., 282–282 об. и др.
[54] Там же. Л. 29 об.–30.
[55] Там же. Л. 144 об.–145.
[56] Там же. Л. 171 об.–172.
[57] Там же. Л. 199 об.
[58] Там же. Л. 54–54 об.
[59] Там же. Л. 99 об.–100.
[60] Там же. Л. 68.
[61] Там же. Л. 134–134 об.
[62] Там же. Л. 143 об.

Переводчики в данной приходно-расходной книге упоминаются дважды. Как и следовало ожидать, они попали в ту группу, которая получала деньги, а не натуральное пожалование. Переводчик Посольского приказа Павел Кулдинский (Кулвинский) 11 октября 1681 г. «для сибирской посылки» награжден «вместо сукна аглинского доброго денгами» – 5,2 руб.[63] Жена переводчика Людвига Коннахера Екатерина в декабре 1681 г. получила «для крещения православные християнские веры к денежной даче в прибавку за камку, за киндяк, за сафьян денгами» – 7,2 руб.[64]

Мы видим, что древняя традиция постепенно исчезает. Последним шагом в этом направлении стало изменение в формулировке пожалования. К середине 1680-х из формуляра Посольского приказа при выдаче денег исчезает упоминание о том, что они жалуются вместо тканей. К примеру, в 1686 г. шляхтич Михаил Юрьев сын Плосковицкий «за выезд, что он выехал ис Польши к ним великим государем служить в вечное холопство» получил 100 руб.[65], иноземец Петр Буларт «...для восприятия святого крещения» – 30 руб.[66], Матвей Ураз Тарбай Береузов «...за восприятие святые православные християнские веры» – 5 руб.[67]

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, все «тканные» пожалования переводчикам происходили в виде одежды либо тканей, из которых ее полагалось сшить. Ткани в «чистом» виде, как некая материальная ценность, к выдаче не предназначались. В подавляющем большинстве случаев пожалования были именно наградой, а не статьей дохода. Их размер определялся статусом награждаемого и поводом для награждения. Величина награды определялась стоимостью пожалования, при этом каких-либо предметов одежды, имевших особую наградную функцию, не выявлено. Таким образом, перед нами оказывается следующая картина слитых воедино социальных и экономических отношений – государь одевает тех, кто ему служит по их достоинству и службе. Эта система вознаграждения относится скорее к Средневековью, чем к Новому времени. Не случайно в конце 1670-х – начале 1680-х гг. российское правительство начинает от нее отказываться. Имеющий интенсивные контакты с Европой Посольский приказ был тем местом, где перемены проходили наиболее быстро и безболезненно.

[63] Там же. Л. 69–69 об.
[64] Там же. Л. 124–124 об.
[65] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Д. 7. Л. 78.
[66] Там же. Л. 83 об.
[67] Там же. Л. 89.

Следует отметить, что отдельные пожалования тканями, правда не связанные с переводчиками, встречаются в Посольском приказе и в более позднее время. Практика отдельных подарков продолжалась и в Коллегии иностранных дел. К примеру, российский резидент в Константинополе в 1747 г. подарил иерусалимскому Патриарху Парфению два отреза сукна[68]. Однако очевидно, что подобные мелкие презенты, призванные к укреплению дружеских отношений, носят совершенно иной характер, чем тканное жалование XVII в.

Если же говорить о подарках за крещение, то для отдельных регионов традиция пожалованиях тканей и одежды уходит далеко в XVIII столетие. В 1740 г. правительство предприняло попытку установить четкий перечень подарков и лишь в 1764 г. от этой практики полностью отказались[69]. Иные виды пожалований не исчезли, а превратились в явления, характерные для Нового времени. Так «годовое сукно» превратилось в вещевое довольствие и форменную одежду военнослужащих, а также в профессиональную одежду для ряда профессий.

[68] *Панченко К.А.* Иерусалимский патриарх Парфений (1737–1766) и Россия: непонятый союзник // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 275.

[69] *Конев А.Ю., Поплавский Р.О.* Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI–XVIII в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 170–171.

Список литературы

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3. М.: Комиссия печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. Мина иностр. дел, 1897. 319 с.

Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-история, 2017. 368 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 8. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1862. Т. 8. 372 с.

Конев А.Ю. Дар в практике религиозного выбора: из истории христианизации «иноверцев» Западной Сибири в конце XVI–XVII веке // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской научной конференции. Вып. 4. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. С. 371–375.

Конев А.Ю., Поплавский Р.О. Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI–XVIII в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 165–174.

Лисейцев Д.В. Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI – середины XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М.: Древлехранилище, 2006. С. 241–252.

Лисейцев Д.В. Переводчик Посольского приказа Игнатий Андреевич Кучин (к вопросу о судьбе одного из «годуновских студентов») // Русский родословец. 2002. № 1 (2). С. 4–8.

Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: ИРИ РАН, 2003. 485 с.

Малов А.В. «А пожаловал государь их за службу»: тканное жалованье ратным людям в 1613–1621 гг. (номенклатура и цены тканей) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сборник мат-лов IV междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.). Нижний Новгород: Нац. исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 34–52.

Малов А.В. Пушкарского чина люди по данным расходных книг Казенного приказа в завершающий период Смутного времени (1613–1619 гг.) // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск VI. Ч. 2. С. 159–217.

Малов А.В., Смирнова О.С. Пожалования на Казенном дворе переводчиков и толмачей Посольского приказа в 1613–1621/22 годах // Труды Института российской истории (В печати).

Никулин Иоанн, свящ. Приходо-расходная книга Тобольского архиерейского дома 1696/97 г.: денежные выплаты служащим // Вестник церковной истории. 2017. № 1–2. С. 302–332.

Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 383 с.

Опарина Т.А. Мануил Филаденский в нижегородском Печерском монастыре (к вопросу о социальном статусе иммигрантов в России) // Вестник церковной истории. 2013. № 1–2. С. 188–224.

Орленко С.П. Иранские мастера и Оружейная палата в 60-е годы XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 62–73.

Орленко С.П. К истории повседневной жизни Бронной слободы второй половины XVII века, или о том, как Дракула со своей женой подрался // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 33–38.

Орленко С.П. Ученики и организация ученичества в Оружейной палате XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 46–61.

Панченко К.А. Иерусалимский патриарх Парфений (1737–1766) и Россия: непонятый союзник // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 271–285.

Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. / Сост. П.И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. 574 с.

А.В. Беляков, А.Г. Гуськов С.М. Шамин. «Государево жалование» переводчикам Посольского приказа в XVII столетии: одежда и ткани

Ключевые слова: переводчики, Посольский приказ, пожалования, ткани, наградная одежда

Аннотация: В статье рассматривается практика пожалования переводчиков Посольского приказа одеждой и тканями. На материале XVII в. прослеживается эволюция данного вида вознаграждения в Посольском приказе и делается вывод о ее казуальном характере (т.е. отсутствии единой системы дарения). Стоимость пожалований определялась поводом для награждения, а также заслугами и статусом переводчиков. Установлено, что в 1680-х гг. «натуральные» пожалования в изучаемом ведомстве почти полностью исчезли, вытесненные денежными выплатами.

A.V. Belyakov, A.G. Guskov S.M. Shamin “Gosudarevo zhalovanie” to translators of the Posolskij prikaz in the XVII century: clothes and fabrics

Keywords: translators, investitures, cloths, award dress

Abstract: The practice of cloths and fabrics granting to translators of Posol’ski prikaz is considered in the article. Development of this type of remuneration in Posol’ski prikaz is traced and a conclusion is made that it had an ad hoc character, that is a single system of grants was absent. Value of grants was determined by the cause for award as well as by translators’ merits and their status. It is established that grants ‘in kind’ disappeared in the agency in the 1680s nearly completely and were superseded by money payments.

В.Л. Державин

Археологические памятники Нового времени на Шпицбергене

Работы Шпицбергенской археологической экспедиции на архипелаге ведутся около сорока лет. Но первые профессиональные раскопки были предприняты в середине прошлого столетия скандинавскими исследователями в заливе Ис-фьорд. Перед ними тогда были поставлены следующие задачи: поиск памятников первобытной эпохи (каменного века) и викингов. Но обнаруженные в результате раскопок объекты оказались крупными русскими промысловыми становищами XVIII – начала XIX в.[1]

Норманнская версия открытия Шпицбергена, безусловно, имела политический контекст и преследовала цель подтвердить точку зрения норвежских историков о достижении архипелага викингами еще в X в. Она получила широкую поддержку в норвежском обществе в конце XIX – начале XX в., когда страна переживала небывалый всплеск национального самосознания, готовясь порвать со шведской унией. Эта версия стала одним из решающих аргументов в установлении норвежского суверенитета над архипелагом, что отразилось на принятии решений Парижской конференции 1920 г. (Шпицбергенский трактат).

Однако еще с конца XIX в. шведские и норвежские ученые приступили на Шпицбергене к исследованию памятников русского историко-культурного наследия: становища, погребения, кресты, самые ранние из которых датировались XVIII в.[2] Следует заметить, что эти работы проводились не археологами, а специалистами иных дисциплин (геологами, ботаниками), поэтому во многом носили дилетантский характер, что отражалось на их качестве. С другой стороны, авторы раскопок неплохо знали исторический документальный материал, который использовали в своих публикациях[3].

Первая экспедиция Института археологии РАН (ИА АН СССР) под руководством В.Ф. Старкова отправилась на Шпицберген в 1978 г. Главная ее задача состояла в изучении русских становищ и выявлении памятников первобытного времени. Работы тогда велись на Западном Шпицбергене в Ис-фьорде на становище Руссекейла, связанном с именем известного помора Ивана Старостина († 1826), промышлявшего на Шпицбергене по заданию Соловецкого монастыря и проведшего 39 зимовок на архипелаге, причем последние 17 лет без выезда на материк[4]. Надо также заметить, что первобытная версия, выдвинутая впервые норвежскими исследователями, не получила подтверждения на археологическом материале. За все время исследований Шпицбергенской экспедицией ИА РАН было выявлено около сорока поморских объектов (становища, погребения, кресты, остатки судов и их детали), а также памятники, относящиеся к западноевропейскому китобойному промыслу XVII в.

В процессе изучения памятников российские исследователи пришли к важному, но дискуссионному выводу о начале освоения архипелага русскими зверобоями с середины XVI в., «расцвет» которого пришелся на XVIII в. Именно к этому времени относится подавляющее большинство русских памятников. Найденные на становищах яркие и разнообразные предметы промысловой культуры послужили основой для редкой археологической экспозиции музея «Помор» в российском поселке Баренцбург на архипелаге.

[1] *Christiannsen H.* The russian Settlemrnt at Russekeila and land Rise in Vestspitsbergen // Arctic-Journal of the Arctic Institute of North Amerika. Vol. 10: 2. 1961. P. 112–118.

[2] *Carlheim-Gyllenskold V.* På attionde breddgraden. Stockholm: без ук. Изд. Albert Bonniers Forlag. Stockholm, 1900; *Norberg H.L.* Om Spitsbergens kolonisation i aeldre tider // Tromso Museums Aarshefter. № 38–39, 1915–1916, 1918. P. 65–74.

[3] *Старков В.Ф.* Первые археологические раскопки на архипелаге Шпицберген. М.: Таус, 2011. С. 87–122.

[4] *Conway M.* No Man’s Land. Cambridge, at the University Press, 1906. P. 260, 272.

Анализ архивных и исторических источников, а также археологического материала позволяет говорить о том, что в XVIII в. старообрядцы играли значительную роль в организации промысловых экспедиций на Шпицберген, а также на Новую Землю. Причем многие промышленники обустраивали свои становища на берегах обоих архипелагов[5]. Правда, на промыслы уходили и представители синодальной церкви. О старообрядческом культурном пласте свидетельствуют изделия мелкой металлопластики, находки деревянных предметов религиозного назначения, надписи и др. В недавно изданной монографии, посвященной зверобойным промысловым экспедициям Выгорецкого старообрядческого общежительства в XVIII – первой половине XIX в., опубликованы источники о многочисленных морских экспедициях Даниловой пустыни (Выгорецкое общежительство) на Шпицберген и Новую Землю[6].

Окончательное прекращение в 50-е гг. XIX в. снаряжения промысловых судов на острова Арктики староверами, практически не имевшими государственной поддержки, скорее всего, было связано с закрытием Даниловой пустыни, что привело к упадку российских промыслов на архипелагах. Морские экспедиции на Шпицберген и на Новую Землю финансировались в основном старообрядческим капиталом, а после ликвидации Выгорецкого общежительства отправка судов в Арктику совсем прервались. Именно по этой причине русских зверобоев на Шпицбергене сменили норвежские охотники (трапперы), которые впервые там оказались не раньше 1797 г., причем не без помощи русских[7].

Последняя известная по источникам русская промысловая экспедиция отправилась на архипелаг из Архангельска в 1852 г., предприятие завершилось трагически на севере архипелага, когда партия осталась на зимовку. Из 18 человек выжило шесть поморов, которые на следующий год были спасены и вывезены на материк норвежскими охотниками[8].

Эти негативные для России процессы отразились на политической судьбе архипелага в первой четверти XX столетия и в результате подвели его под суверенитет Норвегии[9].

Крупномасштабные археологические раскопки на архипелаге (залив Хорнсунн) вели также польские ученые в последней четверти прошлого столетия (руководитель Я. Хохоровски). В ходе этих работ были исследованы многие поморские становища и погребения. Однако цель этих изысканий состояла в опровержении версии открытия Шпицбергена поморами в добаренцев период (сер. XVI в.), которую наиболее последовательно отстаивали советские археологи[10]. Польские археологи, как и их норвежские единомышленники (Т. Хольтгрен и др.), использовали результаты дендрохронологии, полученные в советской лаборатории[11], достоверность которых они, между прочим, не ставили под сомнение, только интерпретировали их иначе.

Шпицбергенская экспедиция изучает также и объекты, связанные с русским арктическим мореплаванием XVI–XIX вв. и, в частности, с экспедициями по поиску Северовосточного прохода (Северный морской путь). В заливе Решерш (Западный Шпицберген) были произведены раскопки уникального памятника XVIII в. – «лагеря Чичагова» на мысе Томтодден, который представлял собой русскую морскую базу, основанную в 1764 г. как провиантский склад и промежуточный лагерь для государственной полярной экспедиции под руководством В.Я. Чичагова, организованной по проекту М.В. Ломоносова[12]. После того как моряки покинули залив Решерш (1766 г.), оставленной базой воспользовались поморы-старообрядцы, промышлявшие в этом районе Шпицбергена, превратив ее таким образом в крупное становище, функционировавшее до первой трети XX в. Об этом также убедительно свидетельствуют архивные документы, многочисленные предметы зверобойного промысла, найденные во время раскопок на территории памятника, а также стоявшие там поклонные кресты, зарисованные художниками французской научной экспедиции на корвете «Решерш» в 1838 г.[13]

Но одними поморскими памятниками археологические исследования на архипелаге не ограничиваются. Большой интерес для археологов представляют европейские китобойные станции XVII в. (преимущественно голландские и английские) и норвежские трапперские (охотничьи) постройки XIX–XX вв. А в 70–80-е гг. прошлого столетия на Шпицбергене работала нидерландская археологическая экспедиция (руководитель Л. Хаккеборд), отчасти исследовавшая пос. Смееренбург на 80° северной широты, который являлся центром голландского китобойного промысла и самым северным в мире поселком, он был основан в 1614 г.

[5] *Визе В.Ю.* Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII–XIX вв. М.; Л.: Изд. и тип. Изд-ва Главсевморпути, 1948.

[6] *Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Европейская Арктика: морские и зверобойные промыслы Выговского старообрядческого общежительства в XVIII–XIX вв. Архангельск: Лодия, 2016.

[7] *Conway M.* No Man's Land. Cambridge: at the University Press, 1906. P. 260, 272.

[8] Ibid. P. 261.

[9] *Державин В.Л.* Староверы Груманта // Живая старина. 2018. № 4. С. 9.

[10] *Старков В.Ф.* Исследования на Шпицбергене и общие проблемы позднефеодальной археологии Русского Севера // Очерки истории освоения Шпицбергена. М.: ИА, 1990. С. 13.

[11] *Черных Н.Б.* Результаты дендрохронологического изучения дерева из раскопок на архипелаге Шпицберген // Очерки истории освоения Шпицбергена... С. 132.

[12] *Перевалов В.А.* Ломоносов и Арктика. М.; Л.: Изд-во и тип. Изд-ва Главсевморпути, 1949.

[13] *Державин В.Л.* Северо-Восточный проход и экспедиция В.Я. Чичагова. М.: Юлис, 2016. С. 43.

Довольно часто на архипелаге встречаются остатки китобойных печей для выплавки ворвани, поскольку разделка туш производилась на берегу, и следы палаток, оставленных западноевропейскими промысловиками XVII в. Часто рядом или непосредственно на этих местах поморы позже возводили становища (или станки – вспомогательные небольшие постройки для охоты), а затем здесь могли селиться и норвежские трапперы. Выбор одного и того же места для промыслов в различные эпохи был продиктован основными условиями, которые должны были удовлетворять охотников. А они представляются для всех универсальными: наличие удобной бухты, обязательно источник пресной воды и желательно плавника.

Остатки «индустриальной», или промышленной, археологии (шахты, узкоколейки, вагонетки, различные механизмы и проч.) конца XIX–XX вв. встречаются повсеместно. И несмотря на их позднюю датировку, скандинавские археологи эти памятники в научном отношении приравнивают к более раним (поморским и западноевропейским). Для них они представляют безусловный интерес, как и памятники периода Второй Мировой войны (самолеты, пушки, окопы, немецкие метеостанции).

Имеющиеся письменные источники дают возможность также идентифицировать многие памятники на архипелаге с определенными историческими персонажами: русскими промышленниками, мореплавателями, китобоями норвежскими охотниками, основателями русского, американского и европейского горнорудного производства. То есть за ними мы видим не только археологические объекты, достойные изучения, но и конкретных исторических личностей, с которыми они были связаны.

В заключение еще раз подчеркнем, что под защиту государства (в данном случае Норвегии) подпадают все без исключения памятники исторического наследия на Шпицбергене вплоть до 1945 г. Поэтому в «Законе об охране Окружающей среды Свалбарда (Шпицбергена)» закреплено следующее:

«§ 38 Основополагающий принцип.

Глава V. Памятники культуры.

Памятники культуры Свальбарда должны охраняться и сохраняться как часть культурного наследия и своеобразия Свальбарда и как звено в общем в общем управлении ресурсами окружающей среды.

§ 39. Автоматически охраняемыми объектами являются:

а) недвижимые памятники культуры, созданные до 1946 г.

б) движимые памятники культуры, созданные до 1946 г., когда их обнаруживают в ходе исследований, раскопок и иным образом;

К недвижимому памятнику культуры, автоматически подпадающему под охрану, относится также зона охраны, простирающаяся во всех направлениях на расстояние 100 м от видимой или известной внешней границы недвижимого памятника культуры… Движимые памятники культуры получают статус недвижимых, если они привязаны к конкретному объекту.

Директорат может принять постановление об охране памятников культуры, относящихся к периоду после 1945 г. и имеющих особую культурно-историческую ценность».

Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7

Список литературы

Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э. Европейская Арктика: морские и зверобойные промыслы Выговского старообрядческого общежительства в XVIII–XIX вв. Архангельск: Лодия, 2016. 188 с.

Визе В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII–XIX вв. М.; Л.: Изд. и тип. Изд-ва Главсевморпути, 1948. 72 с.

Державин В.Л. Северо-Восточный проход и экспедиция В.Я. Чичагова. М.: Юлис, 2016. 76 с.

Державин В.Л. Староверы Груманта // Живая старина. 2018. № 4. С. 7–10.

Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. М.; Л.: Изд-во и тип. Изд-ва Главсевморпути, 1949. 507 с.

Старков В.Ф. Исследования на Шпицбергене и общие проблемы позднефеодальной археологии Русского Севера // Очерки истории освоения Шпицбергена / Сб. ст., под ред. В.Ф. Старкова . М.: ИА РАН, 1990. С. 5–14.

Старков В.Ф. Первые археологические раскопки на архипелаге Шпицберген. М.: Таус, 2011. 127 с.

Черных Н.Б. Результаты дендрохронологического изучения дерева из раскопок на архипелаге Шпицберген // Очерки истории освоения Шпицбергена / сб. ст. под ред. В.Ф. Старкова. М.: ИА РАН, 1990. С. 107–123.

Carlheim-Gyllenskold V. På attionde breddgraden. Stockholm: Albert Bonniers Forlag. Stockholm, 1900.

Christiannsen H. The russian Settlemrnt at Russekeila and land Rise in Vestspitsbergen // Arctic-Journal of the Arctic Institute of North Amerika. 1961. Vol. 10: 2. P. 112–118.

Conway M. No Man's Land. Cambridge: University Press, 1906. 378 p.

Keilhau B.M. Reise i Ost og Vest Finnmarken samt til Beeren-Einland og Spitsbergen i arene 1827 og 1828. Christiania: Trykt hos J. Krohn, 1831. 247 s.

Norberg H.L. Om Spitsbergens kolonisation i aeldre tider. Tromsø Museums Aarshefter. 1918. № 38–39. Tromsø, P. 65–74.

В.Л. Державин
Археологические памятники Нового времени на Шпицбергене

Ключевые слова: Шпицберген, памятник, археологические раскопки, поморы, крест, архипелаг, китобои, становища, трапперы, письменные источники, староверы

Аннотация: На Шпицбергене археологические раскопки ведутся со второй половины XIX в., при их осуществлении были выявлены сотни памятников, относящихся к поморам, западноевропейским китобоям, истории открытия Северо-восточного прохода, норвежским трапперам (охотникам) и горнорудному производству XX в., включая советское присутствие, а также времени Второй Мировой войны. Все они без исключения представляют для археологов бесспорный интерес и находятся под охраной государства. Поэтому по норвежскому законодательству археологическими памятниками являются все культурно-исторические объекты до 1945 г. включительно. Учитывая наличие письменных источников, многие памятники Шпицбергена XVI-XX вв. можно увязать с вполне конкретными историческими личностями.

V.L. Derzhavin
Archaeological sites of the Modern time in Svalbard

Keywords: Spitsbergen, site, archaeological excavations, pomors, cross, archipelago, whalers, hunting stations, trappers, written sources, Old Believers

Abstract: Archaeological excavations have been carried out in Spitsbergen since the second half of the 19th century, during the implementation of which hundreds of monuments related to Pomors, West European whalers, the history of the opening of the Northeast Passage, Norwegian trappers (hunters) and mining industry of the 20th century, including the Soviet presence, as well as to the time of the World War 2. All of them, with no exception, deserve undeniable interest for archaeologists and are under state protection. Therefore, according to Norwegian law, archaeological sites are all cultural and historical sites up to 1945 including that date. Given the availability of written sources, many monuments of Svalbard 16th and the 20th centuries can be related to very specific historical figures.

Г.В. Ибнеева

Следственные материалы по делам российского местного православного духовенства 1760-х гг. как исторический источник

1767 г. явился знаменательным годом для России. Во-первых, это было время начала деятельности Уложенной Комиссии. Во-вторых, в преддверии ее работы Екатерина II осуществила путешествие по Волге, которое было отмечено знаком толерантности[1]. Известно, что она встречалась с представителями старообрядчества и мусульман. Старообрядцы были воодушевлены ее присутствием, следствием чего стала подача прошений с жалобами на местное православное духовенство. Объектом рассмотрения в данной статье являются два следственных дела, инициированные жалобами старообрядцев на православное духовенство, и проходившие в Синоде в 1767–1768 гг. Интерес к этим следственным делам определен тем, что их анализ позволяет показать отношение власти к прошениям старообрядцев, оценить методы коррекции поведения местного православного духовенства в рамках формирующейся идеологии толерантности.

Вышеупомянутые дела отложились в Ф. 796 «Канцелярия Синода» Российского государственного исторического архива. Канцелярия Синода была учреждена 25 января 1721 г. В данном фонде содержатся делопроизводственная документация Синода, журналы заседаний Синода и указы. Канцелярия Синода собирала также сведения о состоянии епархий, монастырей, приходов, церковных миссий и духовных учебных заведений.

Рассматривая судебно-следственные дела как источник изучения купечества, Е.Н. Ефремова выделила в их внутренней структуре три основные части: 1) инициативный документ, послуживший началом дела; 2) делопроизводственная документация, образовавшаяся в результате проведения предварительного следствия или мероприятий, направленных на исполнение решения вышестоящей инстанции; 3) вынесение магистратом решительного определения по делу или отчет об исполнении указа вышестоящего учреждения[2]. Вслед за ней, я подобным образом структурирую свою статью и выношу на обсуждение три вопроса:

1. Рассмотрение инициативных документов, послуживших началом следственных дел в отношении духовных лиц Тверской-Ямской слободы и Нижегородской губернии, а именно прошений старообрядцев Тверской-Ямской слободы, а также старообрядцев Нижегородского края.

2. Анализ прохождения данных следственных дел через Синод.

3. Обсуждение результатов следственного производства, связанных с вынесением Синодом определения по делам и приговора Екатерины II.

1. В июне – августе 1767 г. в Синоде слушается дело о притеснениях священниками раскольников Тверской-Ямской слободы Московской губернии. Прохождение этого дела было основано на донесении Московской Духовной консистории, которое и стало инициативным документом, послужившим началом дела. Данное донесение включает в себя фиксацию ряда документов, свидетельствующих о непозволительном поведении местного приходского духовенства в отношении старообрядцев, а с другой стороны, отражает факты домогательств и вымогательств церковников.

Во-первых, донесение свидетельствует о приводе 12 мая 1767 г. в Московскую Духовную консисторию

[1] См. о путешествии Екатерины по Волге в 1767 г.: *Ibneyeva G.* Catherine discovers the Volga region // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2008. Vol. 56. Heft 3. S. 349–357.

[2] *Ефремова Е.Н.* Судебно-следственные дела как источник изучения купечества // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сб. статей / Отв. ред. А.И. Аксенов. М.: ИРИ РАН, 2003. С. 178–192.

дьячка церкви великомученицы Екатерины села Покровского Козьмы Васильева со священником Иоанном Васильевым по причине драки в доме записного раскольника Еремея Тарасова.

Во-вторых, донесение воспроизводит рапорт капитана главной полицмейстерской канцелярии Прокофьева, который и сообщает о причинах конфликта и деталях происходящего. Как видно из его рапорта, 12 мая 1767 г. дьячок и священник пришли со «святой водой» в дом крестьянина записного раскольника Еремея Тарасова и не удовлетворившись суммой денег, которую дал Е. Тарасов (Е. Тарасов, сам не посещая церковь, всё же дал им 10 копеек, поскольку двор «состоит в том приходе»), устроили драку. В рапорте описывалось неподобающее поведение духовных лиц в доме Е. Тарасова и последствия этого визита: они избили живших в том доме крестьянских «женок» Февронью Иванову и Федосью Иванову, в результате чего у Февронии левая нога в колене «весма спухла», у Федосьи же был подбит левый глаз. Последняя впоследствии от побоев слегла[3].

В-третьих, сведения, отраженные в рапорте, подтверждались и дополнялись прошением раскольника Е. Тарасова, которое частично было воспроизведено в донесении Консистории. В прошении отмечалась крайняя степень эмоционального возбуждения священника Иоанна Васильева, который бил его жену Федосью Иванову «животворящим крестом господним». Глава семьи просил, чтобы с ними поступили «зато по законам»[4]. Священник и дьякон были взяты в Консисторию.

Данный факт не единичен. Вымогательство денег со стороны ряда священников Тверской-Ямской слободы было явлением систематическим[5]. Причем они не делали различий: приходили бесчинствовать не только в крестьянские дома, но и в более состоятельные – купеческие. Так, например, данное же доношение свидетельствует о другом прошении, поданном в Московскую консисторию 23 мая 1767 г. и подписанном московскими купцами – купцом первой гильдии Григорием Заплатиным, купцом второй гильдии Ильей Васильевым и другими на священников Василия Федорова, Василия Иванова и дьякона Кирилла Иванова церкви Василия Кесарийского Тверской-Ямской слободы. В нем говорилось о позднем приходе в декабре 1766 г. священника В. Федорова ко двору Г. Заплатина: «сказывая, якобы со крестом, и ломясь на дворе силою». Сообщалось также о факте «бития и брани» его приказчика московского купца Ильи Васильева во время отлучки Г. Заплатина в Санкт-Петербург. Помимо купцов, доношение было подписано и крестьянами. Там же они свидетельствовали об «озорстве» и «хулиганствах» священников:

– Об избиении и брани священником В. Федоровым крестьянина Андрея Евдокимова; о прошении у него денег.

– О брани священником и дьяконом Кириллом Ивановым крестьянина Егора Михайлова и его домашних.

– О метании тем же дьяконом в окошко дома Е. Михайлова грязью; о просьбе «пить вина и пива»; об унесении после угощения священником и дьяконом «стакана, которой у них отнят».

– О разбитии ими окон у крестьянина Павла Анофриева (пришел ко двору П. Анофриева со святой водой) и разломе дверей бревном. Об избиении и брани П. Анофриева священником.

– О приходе священником В. Федоровым и дьяконом К. Ивановым в 1767 г. в «пяток святой пасхи» в дом отставного солдата Познякова и разбитии окон; о брани Познякова и его домашних.

– Об унесении образа Казанской Пресвятой Богородицы[6].

Как видно, «бесчинства» священнослужителей были весьма разнообразными и никак не соответствовали статусу духовных лиц, призванных быть пастырями и наставлять на путь истинный. Раскольники просили рассмотреть это дело и запретить священнику и дьякону «в силу указов… таковых чинить озорничеств». Причем они просили, чтобы тем не делали скидку на то, что они священнослужители («…и что и священника и дьякону не ведать ежели же они священник»)[7].

В этом источнике нашло отражение стремление духовенства Тверской-Ямской слободы включить старообрядцев в число платежеспособных прихожан любыми средствами, даже самыми жесткими, что вызывает их отторжение.

Очевидно, что эти дела являются вполне типичными. Подобные факты встречаются и в других губерниях, в частности, в тех, где было большое количество старообрядцев. В фонде Канцелярии Синода

[3] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 397. Л. 1. По донесению Московской духовной консистории о причиняемых раскольникам, жителям тверской Ямской слободы, священниками обид. 17 июня – 28 августа 1767 г.

[4] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 397. Л. 1 об.

[5] Хождение священника по домам прихожан как в праздничные, так и в другие дни, сопровождавшееся разного рода поборами, было обусловлено невысоким правовым статусом приходского духовенства и их тяжелым материальным положением. Духовенству не только было необходимо прокормить свое, как правило, многочисленное семейство. Пастырь сам подвергался многочисленным поборам со стороны вышестоящего начальства и вынужден был изыскивать возможности, чтобы выжить. См.: *Федоров В.А.* Русская православная церковь и государство: Синодальный период (1700–1917). М.: Русская панорама, 2003. С. 44–51; См. также о сборах при обходах: *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. С. 142.

[6] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 397. Л. 2–2 об.

[7] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 397. Л. 2–2 об.

сохранилось оригинальное прошение нижегородских раскольников села Городца Балахонского уезда правительствующему Синоду (датируется оно ноябрем – декабрем 1767 г.), содержащее жалобу на священно- и церковнослужителей Нижегородской епархии. Данный документ отражает высокую степень самосознания старообрядцев. Хорошо зная правительственные акты в их отношении, старообрядцы оперируют ими и ссылаются на них, когда необходимо убедить власть в неправедности действий местных священников. Например, они сетовали, что, несмотря на манифест 1764 г. о дозволении вступать в двойной оклад, местные священники по преимущественно вымышленным соображениям примечают и притесняют местное старообрядческое население. Некоторых раскольников забрали светские и духовные команды и содержали их под караулом[8].

Обращает на себя внимание система аргументации старообрядцев. Риторика текста свидетельствует о том, что просители понимали, как его выстраивать. В частности, в тексте отражается апелляция к фискальному (государственному) интересу, а с другой стороны – нагнетание ситуации старообрядцами. «Все ныне состоят в опасности», писали они, поскольку «чрез таковые частовременные к ним приметки и представления» многие разоряются. Часть населения (несколько тысяч), ожидая притеснений, была вынуждена разойтись по разным местам. Оставшиеся несут за них подати, в силу чего их материальное благополучие может ухудшиться. По мнению челобитчиков, такая ситуация приведет «только к ущербу казенного интереса», а также к нарушению законов монарха. Поэтому они просили прислать распоряжение священнослужителям, которые в своей деятельности руководствовались бы «узаконениями» монарха[9].

К этому времени становится известным, что старообрядцев задерживают и в других епархиях. В связи с этим 19 декабря 1767 г. вышел указ о предписании Костромскому епископу Дамаскину освободить двух раскольников, содержащихся под караулом за неприглашение священника для крещения младенца. Ему давалось указание впредь «записным» раскольникам никаких обид не чинить[10]. Поэтому история с раскольниками Тверской-Ямской слободы, а также челобитная от нижегородских раскольников села Городца Балахонского уезда о притеснении их со стороны нижегородского духовенства, привели к следствиям. В последнем случае для слушания дела в Синоде был призван нижегородский архиепископ Феофан Чарнуцкий.

2. Прохождение подобных следственных дел через Синод предполагает проведение следственных мероприятий, которые сопровождались разного рода перепиской, сбором показаний и документальных свидетельств.

В ряде случаев этот комплекс источников не существует по отдельности, а включен в общее донесение местной Консистории. Сбор показаний, как правило, проводился уже на местах. Поэтому донесения, в частности, донесение Московской консистории в деле со старообрядцами Тверской-Ямской слободы, отражают содержание допросов священников, совершивших вышеозначенные проступки. Как в первом, так и во втором случае священники оправдывались, говоря, что все описано «по злобе таковой», и обосновывали свое поведение должностными обязанностями. В первом случае – приходом по причине храмового праздника, во втором – за требуемыми сведениями о рожденных детях, а также сведениями для внесения в ведомости о бывших и не бывших на исповеди[11].

Во-вторых, донесения фиксируют сбор показаний свидетелей как с потерпевшей стороны, так и со стороны обидчиков. Среди свидетелей происходившего был, например, карабинер Филат Козмин, который разнимал дерущихся и дал показания в пользу старообрядцев. Однако, обидчики также смогли организовать показания своих свидетелей, которые подтверждали благочестие бесчинствующих священнослужителей и чернили пострадавших («сами попа и дьячка били»). Во втором случае – с купцом Г. Заплатиным и другими – наблюдается стремление этих псевдосвидетелей нивелировать показания записных и потаенных раскольников. По их мнению, принимать во внимание свидетельства в пользу обиженных не следует, особенно тех, кто не проживает в данном приходе. Обиженному же, по их мнению, надлежало «показать время и православных свидетелей, нормально требовать в обиде своей удовольствия»[12].

Как отмечалось, прохождение следственных дел через Синод предполагает переписку, сбор показаний и документальных свидетельств, в том числе и со стороны обвиняемых лиц. В этом отношении особо выделяется комплекс источников по следствию нижегородского архиепископа Феофана Чарнуцкого (он призывается в Москву для слушания дела в Синоде). Этот комплекс источников включает в себя доношение Феофана от 7 декабря 1767 г., в котором

[8] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 706. Л. 21–21 об.

[9] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 706. Л. 22–22 об. Святейшему правительствующему Синоду покорнейшее прошение.

[10] О предписании Пр. Дамаскину, Еп. Костромскому, содержащихся за неприглашение священника для окрещения младенца и впредь записным раскольникам никаких обид не чинить, 19 декабря 1767 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи: Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. Т. 1. СПб., 1910. № 401. С. 460–461.

[11] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 397. Л. 1об.–2.

[12] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 397. Л. 3–3 об.

он выстраивает стратегию своей защиты. В этом тексте внимание власти обращается на ситуацию с увеличившимся количеством раскольников в Нижегородском крае, а также расписываются «богопротивные поступки» старообрядцев.

Данное доношение проливает свет на то, что вызывало особое порицание нижегородского епископа в отношении старообрядцев. Прежде всего, это свобода, с которой раскольники исповедовали свою веру. В донесении он с негодованием отмечал, что «раскольнические ереселначальники» безбоязненно ходят по домам. Выезжая из лесов и из скитов, «лжестарцы и лжестарицы» отвращают правоверных от православной церкви и научают их «раскольнической прелести»: они собирают народ и в домах своих «многочисленные молбища чинят»[13]. Возмущен был нижегородский владыка и отправлением ими обрядов, которые в понимании преосвященного являлись прерогативой православной церкви: постригают в монахи и монахини, «молитвословят» и крестят новорожденных младенцев («коих младенцов от святого крещения померло»), венчают, исповедывают больных. Остановился он и на недопустимых для христианина действиях: на погребении умерших в лесах и полях, отказе от церковных таинств, на поношении и битье священнослужителей. Все это, по мнению архиепископа, приводит к тому, что святые церкви приходят в запустение[14].

Чтобы быть убедительным, Феофан приложил к доношению выдержки из донесений священно- и церковнослужителей Нижегородской губернии за 1764, 1765, 1767 гг. о чинимых святой церкви «записными раскольниками противностей»[15], под которыми преосвященный понимал отправление обрядов старообрядцами и их неуважение к православному духовенству.

Однако, Екатерина и Синод могли вычитать из этих документов и другое обстоятельство: в доношении Феофана отразилось крайне нетерпимое и в целом негибкое отношение духовенства к старообрядческому населению. Сельские пастыри, считая это своей обязанностью, определенной инструкциями Синода, упорно склоняли староверов к соблюдению православных обрядов. Между тем такая настойчивость не была эффективной, а, напротив, только озлобляла население. Обращения духовенства вызывали резкие, временами издевательские ответы раскольников, не желавших принимать обряды и таинства русской православной (Синодальной) церкви. Так, иерей села Ступина Балахонского уезда Федор Сергеев в марте 1765 г. сообщает, что он спрашивал у Григория Григорьева из деревни Дроздово: «Дана ли молитва [новорожденному] младенцу»? На что тот ответил: «Молитву де очистительную читал и крестил того младенца Бог, а поп де надобен ли для прочитания той молитвы… де Бог знает»[16]. В некоторых случаях священнослужители принуждали родителей к крещению детей. У раскольников, не желающих крестить младенцев, священники спрашивали: «кто крестил их?», и получали ругательный ответ: «У нас де свои попы есть лутче вас, да и впредь вам до нас дела нет»[17].

Эти материалы содержат обширный объем информации, включающей данные о положении старообрядцев: об их количестве в различных уездах Нижегородского края, о неопределенности их правового статуса, приводящей к конфликтным ситуациям с православным духовенством.

3. Заключительная часть судебно-следственного производства связана с вынесением Синодом определения по делу и отчет об исполнении указа вышестоящего учреждения. Подготовка правовой основы решения лежала во-многом на делопроизводителях Синода. В ходе рассмотрения дела ими делались выписки из существующего законодательства, составлялся подробный экстракт по делу, выносимый для приговора. Ход обсуждения дела в его заседаниях практически не фиксировался, либо фиксировался обобщенно; большей частью в протокол вносилось окончательное решение, к которому пришли члены высшего духовного учреждения. Таким образом, в них не отражались разногласия, возникавшие по обсуждаемым вопросам.

Вердикт же Синода определялся как предшествующей законодательной практикой, так и активным обсуждением проблемных вопросов с императрицей. В данных делопроизводственных материалах отложилась переписка Екатерины II с генерал-прокурором Синода И.И. Мелиссино. Рекомендации императрицы брались Синодом за основу. Далее приговор поступал к Екатерине: как правило, она его утверждала, либо смягчала, как это было в отношении священников Московской епархии. Завершающими документами в деле были обычно указ о приговоре и присланные «репорты» архиепископов об его выполнении.

В протоколе заседания Синода, состоявшемся

[13] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 706. Л. 1–2. По донесению нижегородского епископа Феофана, и происходящих в его епархии от записных раскольников притеснениях церкви и ее служителей и непокорств (19 декабря–5 февраля 1768 г.), 1767 г.

[14] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 706. Л. 1–2.

[15] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 706. Л. 18. Экстракт учинен в духовной преосвященного Феофана епископа Нижегородского и Алатырского консистории, из поданных нижегородской епархии разных мест от священно и церковнослужителей доношений и объявлений в разные а именно 764, 765 767 годах о чинимых церкви святой и благочестию вновь записными раскольниками противностей.

[16] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 706. Л. 9–9 об.

[17] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 706. Л. 18–18 об.

в июне 1767 г., было определено, что упомянутые священники Тверской-Ямской слободы «в домы показанных раскольников хождении виновны». Таким образом, Синод, осуждая их приход, в результате чего «к соблазну народному… и вящему разврату продерзости произошли», вынес свой вердикт: выслать на один месяц священников Василия Федорова в Богоявленский монастырь, Василия Иванова в Сретенский монастырь, и подобрать им там соответствующее «пристойное» послушание. После исполнения данного наказания следовало взять у них подписку с обещанием не ходить без приглашения не только в раскольнические, но и в дома православных прихожан[18]. Вместе с тем можно заметить, что члены Синода пытаются облегчить положение вышеупомянутых священников. Так, высшие духовные иерархи подчеркивали, что в своей деятельности священники руководствовались существующими инструкциями Синода (они приходили в дома для того, чтобы внести сведения о новорожденных в вероисповедные ведомости)[19]. Духовное ведомство представило императрице свое определение на подтверждение.

Вышеозначенная ситуация высвечивает слабую сторону законодательства о расколе 1760-х гг. Как отмечал дореволюционный исследователь Б.В. Титлинов, с одной стороны, указы свидетельствовали о свободном исповедании своей веры, о беспрепятственной записи в раскол потаенных раскольников. Гражданские власти запрещали духовенству касаться раскольников. В то же время «оставались неотмененными прежние узаконения о “совратительстве” в раскол, о поимке раскольничьих учителей, уничтожении раскольничьих часовен, обязательном крещении детей раскольников в церкви и т.п.». Епархиальные начальства не сразу привыкли к новому порядку и все сбивались на старую систему. Они часто недоумевали и заваливали Синод жалобами на подобное положение вещей[20].

Вероятно, правительство сознательно допустило такую неопределенность. Не решаясь дать раскольникам свободу распространения своего учения, оно не осмеливалось и прямо отменить прежние указы. Отмена прежних указов для Екатерины была небезопасна и в политическом отношении. Ведь известно, что, взойдя на престол незаконным путем, она обосновывала свой поступок тем, что сделала это исключительно с целью защиты православия. С другой стороны, в рассматриваемом нами случае императрица не могла не отметить закоснелость (негибкость) местного духовенства, не усваивавшего ее либерального законодательства. Поэтому правительство ввело ограничение на применение старых законов, запретив духовной власти вмешиваться в раскольничьи дела без сношения с Сенатом.

Важным результатом следствий по вышеупомянутым делам явились указы Екатерины II от 17 августа 1767 г.[21] и от 19 января 1768 г.[22], в которых, она, ссылаясь на свои прежние постановления, повелела: как с прежними, так и с ныне записавшимися в раскол поступать одинаково, как с раскольниками, приехавшими из-за границы, то есть «не чинить им с детьми никаких притеснений» и в дома к ним священникам без требования не ходить. Таким образом, старообрядцы ограждались от настойчивости православного духовенства в исполнении православных обрядов. По сути, Екатерина апеллирует к своему законодательству и добивается его исполнения. С другой стороны, Екатерина пошла на смягчение наказания в отношении священников церкви Василия Кесарийского Тверской-Ямской слободы, как об этом ходатайствовал Синод: священник и дьякон не были посланы в монастырь.

В вышеозначенных указах нашла отражение и форма взаимодействия духовных властей и старообрядческого сообщества: духовным командам Синода полагалось по раскольническим делам ничего не предпринимать, а информировать о возникающих проблемах Сенат. В случае же необходимости Сенату и Синоду полагалось решать спорные вопросы совместно. Чтобы получить сведения о раскольниках, следовало сделать представление в Консисторию и осуществить это посредством светских команд[23].

Таким образом, можно заметить, что власть активно реагирует на прошения старообрядцев, корректируя поведение местного духовенства. Преосвященным были посланы копии указов, о получении и рассылке которых они рапортуют

[18] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 397. Л. 5 об.

[19] Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Кн. 1. СПб.: Тип. Мин-ва внутренних дел, 1860. С. 637.

[20] *Титлинов Б.В.* Гавриил Петров: митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. Пг.: Тип. М. Меркушева, 1916. С. 119–120.

[21] О воспрещении причтам села Васильевского и села Покровского Московской епархии ходить без приглашений в раскольнические дома, а необходимые о них сведения получать из консистории, которой поручается все сведения требовать от светских команд, 17 августа 1767 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений… Т. 1. С. 409–410.

[22] О представлении раскольникам Нижегородской епархии полной свободы в отправлении своих обрядов и о воспрещении православному духовенству ходить в раскольнические дома без зову, 16 января 1768 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений… Т. 1. № 410. С. 466–467.

[23] О воспрещении причтам села Васильевского и села Покровского Московской епархии… // Полное собрание постановлений и распоряжений… Т. 1. С. 409–410; О представлении раскольникам Нижегородской епархии полной свободы в отправлении своих обрядов… // Полное собрание постановлений и распоряжений… Т. 1. № 410. С. 466–467.

священнослужителям епархии. Докладывают они и об отсутствии в задержании и под следствием раскольников[24].

Рассмотрение следственных материалов по делам российского местного православного духовенства 1767 г. проливает свет на подход власти к проблемам взаимоотношений православного духовенства и старообрядческого населения, позволяет уточнить правовой статус раскольников, дать оценку адекватности восприятия православным духовенством либерального законодательства императрицы, а также изучить конкретные правительственные мероприятия, направленные на устранение конфликтных ситуаций между старообрядцами и местным православным приходским духовенством.

[24] РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 706. Л. 31. Феофан. Репорт о получении указа, 29 января 1768 г.; РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 706. Л. 33. Геннадий, епископ Суздальский и Юрьевский. Репорт о получении указа, 29 января 1768 г.

Список литературы

Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. 416 с. (Ethnographica Petropolitana).

Ефремова Е.Н. Судебно-следственные дела как источник изучения купечества // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. статей / Отв. ред. А.И. Аксенов. М.: ИРИ РАН, 2003. С. 178–192.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи: Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. Т. 1. СПб., 1910. 831 с.

Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Кн. 1. СПб.: Тип. Мин-ва внутренних дел, 1860. 792 с.

Титлинов Б.В. Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1730–1801). Его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. Пг.: Тип. М. Меркушева, 1916. 1197 с.

Федоров В.А. Русская православная церковь и государство: синодальный период (1700–1917). М.: Русская панорама, 2003. 480 с. (Страницы российской истории).

Ibneyeva G. Catherine discovers the Volga region // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2008. Vol. 56. Heft 3. S. 349–357.

Г.В. Ибнеева

Следственные материалы по делам российского местного православного духовенства 1760-х гг. как исторический источник

Ключевые слова: старообрядцы, приходское православное духовенство, прошение, следственные дела, протоколы, указы

Аннотация: В статье исследуются следственные дела, проходившие в Синоде в 1767–1768 гг., и, отложившиеся в Ф. 796 «Канцелярия Синода» Российского государственного исторического архива. В объекте рассмотрения – прошения старообрядцев на притеснения местного приходского духовенства, делопроизводственная документация Синода, а также указы Екатерины II как результат следствий по вышеупомянутым делам.

G.V. Ibneyeva

Investigation materials on cases of the Russian Orthodoxlocal clergy of the 1760s as a historic source

Keywords: Old Believers**,** parish Orthodox clergy, suits, investigation cases, minutes, decrees.

Abstract: Investigation cases instituted in Synod and left at F.796 “Chancellory of Synod” of the Russian State Historical Archive. The consideration is focused on petitions of Old Believers who protested against vexations put upon them by local parish clergy, on records of Synod proceedings as well as on Catherine the Great’s decrees as results of investigations made of the abovementioned cases.

А.П. Красовский

Оценка изменений совокупности сельских храмов Рузского уезда Московской губернии в XVII–XIX вв.

на основе документальных и картографических материалов

В истории России XVII–XIX вв. неоднократно имели место трагические события, надолго тормозившие ее поступательное развитие. Среди таковых можно назвать и бунты, и неурожаи, и войны... Особенно сильное влияние они оказывали на те территории России, которые лежали на пути следования к «сердцу Российского государства», Москве, незваных гостей, вынужденных проводить в них долгое время, накапливая силы и ожидая удобного момента для решительного «броска». Одной из таких являлась территория Рузского уезда Московской губернии.

Очевидно, что различные трагические события неблагоприятным образом отражались на состоянии Рузского уезда, однако лишь анализ конкретных документов соответствующих эпох позволяет наглядно представить себе действительную величину причиненного ими ущерба и оценить интенсивность последовавших за этим процессов восстановления и развития, что и было сделано в ходе представляемого исследования.

С этой целью в качестве объекта исследования были выбраны следующие показатели, характеризующие состояние уезда:

– количество и тип наиболее крупных сельских поселений (сел),

– количество и состояние расположенных на территории уезда храмов.

Подобный выбор обусловлен ролью, которую в рассматриваемый промежуток времени занимала сельская округа в жизни Русского государства и являвшиеся ее неотъемлемой частью села и храмы. Действительно, в эту эпоху именно в сельской местности проживает большая часть населения России, и именно в ней создается значительная часть ее богатства. Села – это, с одной стороны, своего рода центры местной администрации, в которые стекаются с прилежащих к ним территорий для отправки по месту назначения различные подати и сборы, и через которые проводятся в обратном направлении принятые властями решения, поступающие из уездных городов. С другой же стороны, села – это и центры жизни духовной, так как расположенные на их территориях храмы распространяют свое влияние на окормляемую ими территорию, обеспечивая выполнение различных церковных треб, а позднее и регистрацию от имени государства фактов рождения, браковенчания и смерти. Именно поэтому формирование сел в округе являлось одним из важнейших элементов становления государства, а их разрушение – величайшей трагедией, следствием которой является разрушение единого, слаженно функционирующего государственного механизма и церковного единения.

Подобно живому организму совокупность сельских храмов способна реагировать на внешнюю ситуацию, разрастаясь, если внешняя ситуация стабильна и благоприятна, и, наоборот, становясь реже, в условиях хаоса, неопределенности, нарушения сложившегося уклада общественной жизни и неблагоприятных природных условий.

В силу отмеченного, избранные для выполнения настоящего исследования наглядные показатели способны с достаточной степенью объективности для достижения целей настоящего исследования описать состояние уезда в различные эпохи.

Исследование было основано на собранных сведениях обо всех сорока девяти поселениях, перечисленных в реестрах метрических книг Рузского уезда за 1912 г.[1], содержащих информацию о находящихся на хранении в ЦГА Москвы соответствующих документах, и дополнительно еще об одном селе,

[1] ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 780. Д. 4367–4373.

приход которого был также отнесен к Рузскому уезду на схеме церковных приходов 1877 г.[2] При этом, как в случаях упоминания одного и того же села в материалах различных эпох под разными названиями, так и в случаях наличия второго села с таким же названием, была выполнена идентификация сел, в том числе и с использованием картографических материалов. Полученные сведения о селах и храмах уезда были систематизированы и представлены в табличном виде, после чего стало возможно дать оценку происходивших с течением времени изменений совокупности сельских храмов уезда.

При этом, следует заметить, что значительная часть сел с расположенными на их территориях храмами, в результате неоднократно осуществляемых реформ административно- и церковно-территориальных делений как исключалась, так и входила в состав Рузского уезда. Так, в результате одной из реформ административно-территориального деления, осуществленной в середине XVIII в., значительная часть сел, ранее относившихся к Рузскому уезду, была выведена за его границы, что отразилось также и на церковно-территориальном делении. Например, в одной из наиболее ранних книг исповедных ведомостей Рузской десятины 1741 г.[3] можно встретить такие села, как: Ильинское, Новлянское, Пестово, Соколово, Тархово и Чернецово, которые впоследствии будут выведены из нее. Это, как и противоположное ему, обстоятельства могли серьезным образом исказить вызванную объективными историческими событиями картину изменений анализируемой совокупности сельских храмов, поэтому сведения о таких селах и храмах были исключены из рассмотрения.

Следует заметить также, что на территории уезда существовали поселения и храмы, которые как не смогли восстановиться после разрушения во время различных трагических событий, так и прекратили свое существование в силу естественных причин. В источниках упоминаются «пустовые и оброчные земли», в которые преобразовались эти поселения, а также «церковные места»[4]. Однако большую часть подобных объектов невозможно уверенно идентифицировать, вследствие чего сведения о них не были приняты к рассмотрению (при этом изучение их истории могло бы стать предметом отдельного исследования). Это обстоятельство не позволило оценить абсолютную величину потерь сельских храмов Рузского уезда, имевшую место в результате трагедии начала XVII в., а оценена была лишь временная утрата тех храмов, которые продолжили существовать и на начало XX в. Невозможность же уверенной идентификации объясняется, в частности, тем, что на протяжении XVI – первой половины XVII в. в русском государстве чертежи и схемы участков местности составлялись лишь в исключительных случаях.

Храмы и села, основанные на протяжении рассматриваемого времени по мере развития территории уезда, в настоящем исследовании учтены в числе вновь основанных храмов и поселений, приобретших впоследствии статус села.

Собранные для выполнения анализа сведения представлены в таблице 1. Рассмотрим их организацию в таблице и назовем документарные источники и картографические материалы, использованные для их получения.

Строки таблицы представляют сведения о каждом из сел уезда, причем их названия, соответствующие упомянутым выше реестрам метрических книг, упорядочены по алфавиту. Под названиями сел в скобках приведены также их альтернативные названия (если таковые существовали) и, в необходимых случаях, признаки сел, которые традиционно использовались, например, для облегчения отыскания сведений о них в документах или на картах. В следствие того, что на протяжении XVI–XIX вв. одни из рассматриваемых сел[5] утрачивали этот статус, а другие поселения его приобретали, в таблице присутствуют не только села, но и поселения таких типов, как: «сельцо», «деревня», «слобода» и «погост»[6], и даже землевладения, например, «пустошь»[7] и «церковная земля».

[2] Схема церковных приходов и волостей Можайского и Рузского уездов 1877 г., составленная по поручению Московской губернской земской санитарной комиссии С. Матвеевым (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.retromap.ru/m/#_121881_z13_55.620532,36.408176 (дата обращения: 21.10.2018).

[3] ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 67.

[4] В данном случае под термином «церковное место» понимаются принадлежащие церкви участки земли, на которых ранее был расположен уничтоженный по каким-либо причинам храм. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии: Вып. 1. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1881. С. 3.

[5] В настоящей работе под термином «село» понимается одно из определений, данных в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «село –... крестьянское селение, в котором есть церковь». (Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.vehi.net/brokgauz/ (дата обращения: 30.04.2020)).

[6] Наиболее подходящим в случае настоящего исследования является определение этого термина, данное в Большом энциклопедическом словаре, где: «погост – <...> крупное селение с церковью и кладбищем...» (Большой энциклопедический словарь. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://www.vedu.ru/bigencdic/48607/ (дата обращения: 30.04.2020)).

[7] Определение этого термина, наилучшим образом отражающее существо рассматриваемых в настоящем случае процессов, дано в работе С.Г. Томсинского (Томсинский С.Г. Очерки истории феодально-крепостной России (Л.: Соцэкгиз, 1934. 304 с.). Под пустошью в ней понимается запустевшая (пустопорожняя), заброшенная, никем не владеемая, земля, на которой когда-то было поселение. (Википедия. Свободная энциклопедия. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пустошь_(топоним) (дата обращения: 30.04.2020)).

В столбцах таблицы представлены сведения о селах и храмах, объединенные в четыре группы по их источникам. При этом сведения, полученные из документов, находящихся на хранении в ЦГА Москвы, разбиты на две группы (I и IV). Это позволило в первых же столбцах таблицы указать наиболее востребованные названия поселений (сел, погостов и пустыни) и посвящения храмов[8], соответствующие 1912 г. Дальнейший же порядок расположения групп и столбцов соответствует возрастанию дат слева направо, начиная с группы II, представляющей сведения, соответствующие XV–XVI вв. и заканчивая группой IV, представляющей сведения XVIII–XIX вв.

1. В первом столбце группы I (сразу после столбца с порядковым номером) представлены типы и названия поселений согласно титульным листам метрических книг Рузского уезда за 1912 г.[9] Они, за исключением очевидных случаев, соответствуют названиям поселений, указанным и на титульных листах метрических книг 1860 г.[10] Для сел, вошедших в состав Рузского уезда из смежных с ним уездов, в результате неоднократных изменений административно-территориального деления территории Московской губернии, в сносках под таблицей указаны уезды, к которым они относились ранее. В скобках (в том случае, если название церковно-территориальных единиц не совпадало с названием единиц административно-территориальных) указана их прежняя принадлежность к единицам церковно-территориальным. Если то или иное село многократно меняло свою территориальную принадлежность, то уезд, из которого оно окончательно вошло в состав уезда Рузского, и десятина[11], в которой были обнаружены использованные для составления таблицы 1 сведения о нем, указаны в соответствующих сносках на последних местах.

В следующем столбце приведены полные (в верхней части) и краткие (в нижней части) сведения о посвящении храма. Краткие сведения были взяты из реестров метрических книг 1793, 1794 и 1796 г.[12], а полные, в большинстве случаев, с титульных листов книг исповедных ведомостей 1834 г.[13] Упомянутые документы являются далеко не единственными, в которых имеется подобная информация, и указаны лишь для конкретизации ее источников. В отношении приводимой в этом столбце информации следует сделать следующие замечания.

Сведения о сокращенных посвящениях (названиях) храмов указаны с целью придания наглядности происхождению от них названий некоторых из сел и землевладений, без которых в ряде случаев эта связь далеко не очевидна.

В редких случаях использования в документах для одного и того же храма также и иных сокращенных посвящений, они дополнительно пишутся в соответствующих ячейках таблицы, в скобках.

Если на территории села был основан второй храм, то в соответствующей ячейке таблицы приведены сведения как о первом, так и о втором храмах, при этом в верхних строках даются сведения о том храме, который был основан ранее.

Для выполнения идентификации некоторых поселений были использованы топографическая карта Московской губернии 1860 г.[14] и схема церковных приходов и волостей Можайского и Рузского уездов 1877 г.[15]

2. В состоящей из одного столбца группе II представлены сведения, в большей части, заимствованные из приправочных списков с писцовых книг 1567–1569 гг. Рузского[16] и 1558–1560 гг. Звенигородского[17] уездов. Использование материалов для смежного с Рузским Звенигородского уезда было целесообразно в силу того, что из него по результатам формирования территориальных делений много сел вошло в состав Рузского уезда. Остается лишь пожалеть, что в случаях с другими уездами этого сделать не удалось. В таких случаях соответствующие ячейки таблицы оставлены незаполненными, что свидетельствует о невозможности получения документарных сведений как о селах, так и о поселениях, которые могли располагаться на их местах ранее. В примечаниях к таблице приведены комментарии, необходимые для пояснения, каким образом разрешались осложнения, возникающие при наполнении этого столбца информацией.

3. В группе III представлены сведения, большей частью полученные из составленных В.И. Холмогоровым и диаконом Г.И. Холмогоровым обзоров[18]

[8] Иными словами, то, во чье имя или во имя какого события был освящен расположенный на соответствующей территории (села, погоста или пустыни) храм.

[9] ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 780. Д. 4367–4373.

[10] ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 2101, 2102.

[11] Вследствие того, что в различные эпохи для обозначения единиц адмнитстративно-территориального и церковно-территориального делений использовались различные понятия, в исторических документах можно встретить такие термины, как: «уезд», «округа», «десятина» и даже «провинция».

[12] ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 841, 852, 874.

[13] ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1252.

[14] Топографическая карта московской губернии 1860 г. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.etomesto.ru/download.php?map=karty-shuberta (дата обращения: 21.10.2018).

[15] Схема церковных приходов и волостей Можайского и Рузского уездов 1877 г...

[16] Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. / Сост.: С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М.: Памятники исторической мысли, 1997.

[17] Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. / Сост.: С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М.: Археографический центр, 1992.

[18] Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии: Вып. 1–11 / Собраны В.И. Холмогоровым и диаконом Г.И. Холмогоровым. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1881–1913.

документов примерно с начала XVII в. и до второй половины XVIII в., находившихся на хранении в конце XIX – начале XX в. в Московском Архиве Министерства Юстиции. В их число входили: писцовые, переписные и межевые книги; дозорные и окладные книги патриаршего приказа и прочие документы, составляемые для территории Рузского и смежных с ним уездов[19].

Первый столбец этой группы представляет сведения о состоянии сел на конец XVI – начало XVII в., косвенно отраженных в материалах указанных обзоров. К такому приему пришлось прибегнуть ввиду отсутствия необходимых документов, с одной стороны, и важности фиксации состояния поселений и храмов на эпоху, предшествующую Смутному времени, с другой. В следующем столбце, в верхних и нижних частях ячеек, соответствующих каждому селу, приведены сведения о поселениях (землевладениях) и храмах, соответствующие первым после Смутного времени переписям Рузского и смежных с ним уездов, проведенным в 1625–1626 гг.

Столбцы, объединенные под общим названием «После 1626 г.», представляют сведения о событиях, произошедших после этого года. В силу того, что они происходили в различное время, их даты указаны в двух специально отведённых для этого столбцах.

Небольшая часть сведений была получена из наиболее древних, датируемых второй половиной XVII в., чертежей, представленных специализированной Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVII–XVIII вв.»[20], интегрированной в сайт Российского государственного архива древних актов[21], а также с географической карты Московской провинции 1774 г.[22] и генеральных планов Рузского уезда 1792 г.[23] и 1797 г.[24]

Содержащиеся в столбцах «После 1626 г.» сведения имеют следующие особенности.

В левой паре столбцов приводятся даты и соответствующие им типы и названия поселений (землевладений), а в случае необходимости также и сведения о расположенных на их территориях храмах и о хозяйственном использовании их земель. При этом указанные даты соответствуют датам первых упоминаний в источниках этих поселений со вновь приобретёнными ими типами или названиями.

В правой паре столбцов, в верхних частях ячеек, представлены сведения о фактах воссоздания сельских храмов или об основаниях храмов на территориях поселений, раннее их не имевших. В нижних же частях ячеек приводятся сведения о типах и названиях, которые приобрели поселения после того или иного события. Указанные даты фиксируют окончание всего комплекса соответствующих мероприятий, завершившихся освящениями храмов и начало выплат ими в церковную казну соответствующих сборов, что является следствием особенностей документов, использованных авторами исторических обзоров. Применённые в группе термины, характеризующие состояния храмов, в комментариях не нуждаются, за исключением единственного термина «без пения», означающего отсутствие богослужений в храме[25].

4. В группе IV в большинстве своем представлены сведения, полученные из указанных выше метрических книг и исповедных ведомостей Рузского уезда, в дополнение к которым, в необходимых случаях, были использованы: опросные листы священнослужителей 1766 г.[26], метрические книги 1768 и 1826 гг.[27], исповедные ведомости 1741 и 1803 гг.[28] и ревизские сказки 1826 г.[29] Приведенные в этой группе даты соответствуют датам составления документов, в которых содержатся либо первые упоминания о поселениях как о селах, либо первые упоминания новых названий поселений и посвящений храмов.

Завершая рассмотрение устройства таблицы, следует заметить следующее.

Для улучшения восприятия сведений о некоторых поселениях, в работе приведены фрагменты картографических материалов, изображающие соответствующие участки местности.

Указываемые в таблице названия поселений и комментарии, сопровождающие их в необходимых случаях, приведены в том виде, в каком они присутствуют в документах и на картографических материалах соответствующих эпох. При значительных их

[19] Исторические материалы… Вып. 1–3, 9–11. М., 1881, 1896–1913.

[20] *Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С.* Веб–ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» (http://rgada.info/geos2) // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 75–84. DOI: 10.7256/2306-0891.2017.1.22025. URL: http://e-notabene.ru/istinf/article_22025.html.

Фролов А.А., Голубинский А.А. Новые чертежи XVII в., выявленные в фондах РГАДА // Российская история. 2019. № 2. С. 71–77.

[21] Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.». (Электронный ресурс: http://rgada.info/geos2 (дата обращения: 27.09.2019)).

[22] Географическая карта Московской провинции, сочинённая с генеральных уездных межевых планов попечением Межевой канцелярии членом коллежского советника Зенбулатова и инженер майором и над Чертёжною директором Горихвостовым 1774 г. РГБ (Электронный ресурс от 11 декабря 2017 г.).

[23] Генеральный план Рузского уезда одновёрстного масштаба 1778–1792 гг. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://ruklad.com/pgm-uezd.php?way=26-88 (дата обращения: 21.10.2018).

[24] Генеральный план Рузского уезда двухвёрстного масштаба 1778–1797 гг. (Электронный ресурс). Режим доступа: maps.litera-ru (дата обращения: 21.10.2018).

[25] Исторические материалы… Вып. 1. М., 1881. С. 3.

[26] ЦГА Москвы. Ф. 607. Оп. 1. Д. 15.

[27] ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 618, 1271.

[28] ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 67, 2032.

[29] ЦГА Москвы. Ф. 607. Оп. 1. Д. 359.

отличиях от современных норм (как и сопровождающих их оборотов речи), они записаны в кавычках.

В редких случаях отсутствия необходимых сведений в указанных выше документальных источниках была использована информация, предоставленная Электронным периодическим изданием «Храмы России»[30], что снабжено соответствующими комментариями.

Схемы и межевые описания, составленные профессором В.С. Кусовым[31], были использованы как в случаях возникновения значительных затруднений при идентификации поселений, так и в редких случаях, когда было необходимо исправить опечатки, допущенные издателями при подготовке к печати материалов, представляющих обзор названных выше документов. Следует отметить, что в использованных для этих целей работах профессора В.С. Кусова для некоторых сел указаны также и альтернативные названия, не приводимые в таблице по причине того, что автору настоящего исследования не приходилось их встречать в исторических документах и на картах.

Табл. 1. Сведения о поселениях (землевладениях) Рузского уезда и расположенных на их территориях храмах

№ № п/п	По сведениям, содержащимся в документах ЦГА Москвы		По сведениям, содержащимся в Писцовых книгах	По сведениям, содержащимся в материалах, обобщающих документы, хранившиеся в Московском архиве министерства юстиции в конце XIX – начале XX вв.						По сведениям, содержащимся в документах ЦГА Москвы	
	Типы и названия поселений (землевладений) по состоянию на 1912 г.	Сведения о посвящениях храмов в XVI–XX вв.	Типы и названия поселений (землевладений) и сведения о храмах в XV–XVI вв.	По состоянию на вторую половину XVI – начало XVII вв.	По состоянию на 1625–1626 гг.	После 1626 г.				В течение XVIII – первой половины XIX вв.	
		Полные		Типы и названия поселений (землевладений). Примечания, если требуются	Типы и названия поселений (землевладений)	Дата	Типы и названия поселений (землевладений)	Дата	Сведения о храмах	Дата	Типы и названия поселений
		Краткие			Состояние храмов		Сведения о храмах, если требуются		Новые типы и названия поселений, при их изменении		Посвящения храмов
	Группа I		Группа II	Группа III						Группа IV	
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
1	«Аббакумова пустынь»[32] (также – сельцо Аббакумово)	Святого Александра Невского						1894[33]	Впервые основан	1894	Абакумова пустынь
		Александроневский							Пустынь Аббакумова		Александроневский
2	Село Абрамово[34]	Происхождения Честных Древ Честного и Животворящего Креста Господня		Сельцо Абрамово (храма нет)	Сельцо Абрамово	1649	Сельцо Абрамово	1675	Впервые основан	1766	Село Абрамово
		Всемилостивого Спаса (Происхожденческий)			–				Село Абрамово		Происхожденческий

[30] Электронное периодическое издание «Храмы России» (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.temples.ru/ (дата обращения: 12.09.2018).

[31] *Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII в. Карты уездов. Описание землевладений. Т. 3. Карты 14 листов. М.: Издательский дом «Московия», 2004.; Станы и волости на землях Московской губернии. Карты по данным генерального межевания 1766–1770 гг. / сост. В.С. Кусов; текст и ил.: А.С. Кигим, В.С. Кусов. - [Репрод.] . М.: Новая городская типография, 2007. 1 к.

[32] Согласно административно-территориальному делению на конец XIX в., территория, на которой была образована пустынь, располагалась в Верейском уезде, рядом с селом Алексиным (Схема церковных приходов и волостей Можайского и Рузского уездов 1877 г…).

[33] Электронное периодическое издание «Храмы России» (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.temples.ru/ (дата обращения: 12.09.2018).

[34] Ранее относилось к Можайскому уезду (Исторические материалы… Вып. 10. С. 150, 151).

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
3	Село Алексино[35]	Покрова Пресвятой Богородицы		Село Олексино	Село Алексино	1627	Село Алексино. Храма нет	Ранее 1676	Воссоздан	1796	Село Алексино
		Покровский			Разрушен				Село Алексино		Покровский
4	Село Аннино	Знамения Пресвятой Богородицы		Село Аннино, Вельяминово тоже	Село Аннино			1656	Воссоздан	1766	Село Аннино
		Знаменский			Без пения				Село Знаменское, Аннино тоже		Знаменский
5	Село Ащерино	Собора Иоанна Предтечи (Зачатия Иоанна Предтеча)	Деревня Ощерино. Храма нет	Село Ощерино (храм основан)	Пустошь Ощерино			1644	Воссоздан	1766	Село Ощерино (Ащерино)
		Иоанно-Предтеченский (Предтеченский)			Без пения				Село Ощерино		Храм Собора Иоанна Предтечи
6	Село Борзецово	Успения Пресвятой Богородицы	Сельцо Борзецово. Храма нет	Село Борзецово (Храм основан)	Село Борзецово			Около 1656	Воссоздан	1766	Село Борзецово
		Успенский			Без пения				Село Борзецово		Успенский
7	Село Брынково	Первый – Страстотерпца Христова Егория (Георгия). Второй – Казанской Пресвятой Богородицы	Село Брынково[36]. Сведений о храме не приводится, но, на основе косвенных сведений можно заключить, что в нем храм был (Георгиевский)	Сельцо Брынково, Матвейцово тоже	Сельцо Брынково, Матвейцово тоже	1628[37]	Георгиевский храм воссоздан. Село Матвейцово, Брынково тоже	1701[38]	Основан второй храм (Казанский). Первый (Георгиевский) продолжает действовать	1705[39]	Село Богородское, (Брынково, Матвейцово)
											Казанский
		Первый – Георгиевский. Второй – Казанский		Сельцо Брынково, Матвейцово тоже	Разрушен				Село Брынково, Матвейцово тоже	1712[40]	Село Брынково
											Георгиевский
										1826	Село Брынково
											Казанский
8	Село Васильевское[41] (Городского стана)	Обновления Храма Воскресения Христова (Воскресения Христова)		Село Васильевское (На реке Москве. Колюбакинского благочиния)	Село Васильевское	1628	Село Васильевское	1673	Село Васильевское	1796	Село Васильевское
		Воскресенский			Действует						Воскресенский
9	Село Васильевское[42] (Ижевского стана)	Рождества Богородицы		Сельцо Васильевское	Пустошь Васильевская	1646	Сельцо Васильевское	1716	Впервые основан	1803	Село Васильевское
		Богородице-рождественский			–				Село Васильевское		Богородице-рождественский
10	Село Введенское-Клементьево[43]	Первый – Святителя и Чудотворца Николая. Второй – Введения во храм Пресвятой Богородицы		«Церковь в присёлке Клементьеве, приписанном к селу Шеборшину»	Село Клементьево	1629	Село Клементьево. Храм Никольский (Воссоздан)	Конец XVII в.	Основан второй Храм (Введенский)	1766	«Храм Введенский в Клементьеве»
										1793	«Храм Николаевский, что в Введенском Клементьеве»
		Первый – Никольский (Николаевский). Второй – Введенский			Разрушен					1796	Село Клементьево
											Николаевский
									Село Введенское	1834	Село Введенское
											Введенский

[35] Ранее относилось к Звенигородскому уезду (Исторические материалы… Вып. 2. С. 68–70).

[36] Получить сведения о селе из использованных материалов (Рузский уезд по писцовой книге...) возможности не представилось, так как в исходном документе отсутствовали тетради Городского стана, к которому оно относится (Рузский уезд по писцовой книге... С. 6). Однако по странному стечению обстоятельств запись о существовании поселения с типом «село» и названием «Брынково» присутствует в реестре использованных материалов (Рузский уезд по писцовой книге... С. 226), что позволило внести сведения о нем в таблицу 1.

[37] Исторические материалы… Вып. 1. С. 86.

[38] Исторические материалы… Вып. 1. С. 86.

[39] Исторические материалы… Вып. 1. С. 87.

[40] Исторические материалы… Вып. 1. С. 87.

[41] Ранее относилось к Звенигородскому уезду (Исторические материалы… Вып. 2. С. 22–24).

[42] Ранее относилось к Дмитровскому уезду (Исторические материалы... Вып. 11. С. 266, 267), а позднее – к Воскресенской округе и к Звенигородскому у. (к Дмитровской десятине).

[43] Ранее относилось к Можайскому уезду (Исторические материалы… Вып. 10. С. 35–40).

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
11	Село Воскресенское	Воскресенский (Обновления Храма Воскресения Христова)	Село Воскресенское. Храм Воскресения Христова	Село Воскресенское (Сычёвского стана)	Село Воскресенское (на речке Пальне)[44]	1628	Село Воскресенское. Церковная земля сдается в оброк до 1699 г.	1699	Воссоздан	1766	Село Воскресенское
		Воскресенский			Разрушен				Село Воскресенское		Воскресенский
12	Село Горбово-Мосальское[45]	Одигитрии Божией Матери Смоленской (Смоленской Пресвятой Богородицы)		Деревня Горбово	Пустошь, что была деревня Горбово	Ранее 1705	Сельцо Горбово (населено вновь)	1706	Впервые основан	1766	Село Одигитриевское
										1796	Село Горбово
		Одигитриевский (Смоленский)			–				Село Одигитриевское	1834	Село «Одигитриевское, Горбово тоже»
										Смоленский	
13	Село Горбово-Хованское[46]	Казанской Божией Матери (Казанской Пресвятой Богородицы)			Деревня Горбово	Ранее 1644	Сельцо Горбово	1644	Впервые основан	1766	Село Горбово
		Казанский			–				Село Богородицкое		Казанский
14	Село Дуброво	«Воскресение Христово»	«Церковь Воскресения Христова на погосте». («В Замошской волости Погост Дуброва, а на погосте Церковь Воскресение Христово…»)	Погост в Дубровках и место церковное	1) «Воскресения Христова место церковное в сельце Воскресенском, Дубровка тоже». 2) «Воскресения Христова и Николая Чудотворца место церковное в пустоши, что был погост в Дубровках»	Около 1684	Воскресенское кладбище и два двора крестьянских. «Смежна Воскресенская земля с Дубровками, и между ними речка Мешковка… От Воскресенского кладбища до Дубровки сажен с двадцать»[47]. (См. рис. 1)	–	–	–	–
		Воскресенский			Разрушен						
		Всемилостивого Спаса (Происхождения Честных Древ Честного и Животворящего Креста Господня)	Сельцо Щербинцово (в Замошской волости). Храма в сельце нет	Сельцо Щербинино	Пустошь Щербинино	1656	Сельцо Дуброва	1694	Основан	1741	Село Дуброва
											Спасский
		Спасский			–				Название села: часто – Дуброва, редко – Спасское	1834	Село Дуброво
											Спасский
15	Село Дьяково	Святых Мучеников и Благоверных Князей Бориса и Глеба	Сельцо Скорево. Храм «Борис и Глеб»	Село Скорево	Село Скорево, Дьяково тоже	1638	Церковная земля сдается в оброк	1657	Храм воссоздан	1766	Село Дьяково
		Бориса и Глеба (Борисоглебский)			Без пения				Село Дьяково		Борисоглебский

[44] В материалах (Исторические материалы… Вып. 1. С. 56) ошибочно указано: «на Вейне». Село Воскресенское было идентифицировано на схеме (*Кусов В.С.* Станы и волости на землях Московской губернии…) как расположенное на речке Пальне. К тому же, согласно указанной схеме, речка Вейна протекает в Замошской волости, а село Воскресенское, о котором здесь идет речь, располагается в Сычевском стане.

[45] Сведений о поселении на XVI в. получить не удалось, так как тетради Городского и Фоминского станов, а также и Кремиченской волости, в которых они могли находиться, в использованных материалах (Рузский уезд по писцовой книге… С. 6) отсутствуют.

[46] Сведений о поселении на XVI в. получить не удалось, так как тетради Городского и Фоминского станов, а также и Кремиченской волости, в которых они могли находиться, в использованных материалах (Рузский уезд по писцовой книге… С. 6) отсутствуют.

[47] Данный участок местности изображен на датированном 1684 г. «Чертеже земель по реке Озерне у сельца Дубровки» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 173. Л. 4), соответствующий фрагмент которого приведен на рис. 1.

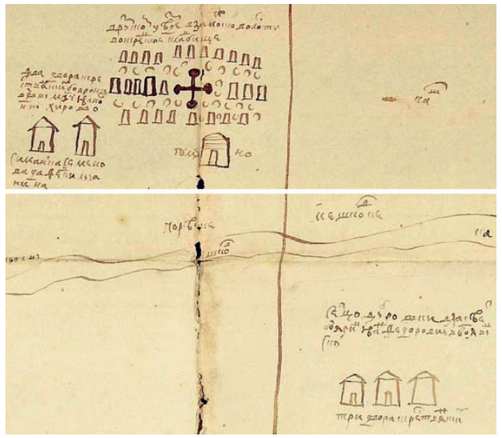

Рис. 1. Фрагмент чертежа XVII века с изображением Воскресенского кладбища и сельца Дубровки.

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
16	Село Ивойлово	Первый – Святителя и Чудотворца Николая. Второй – Обновления Храма Воскресения Христова	Село Федосово. Храм Николая Чудотворца	Село Ивойлово, Федосово тоже	Село Ивойлово	1627 – 1677	Село Ивойлово. Заброшенные земли постепенно восстанавливаются	1678	Впервые основан (Воскресенский)	1741	Село Ивойлово
		Первый – Никольский. Второй – Воскресенский			Разрушен				Село Ивойлово, Воскресенское тоже		Воскресенский
17	Село Казаново	Рождества Пресвятой Богородицы		Село Казаново	Сельцо Казаново	1628	Сельцо Казаново	1656	Воссоздан	1766	Село Казаново. Рождественский
		Рождественский			Разрушен				Село Казаново		
18	Село Каменка	Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова	Пустошь Каменка («Пустошь Каменка, что было село на речке на Каменке»). Храм не сохранился		Пустошь Дорки, деревня Каменка	1678 – 1688	«Пустошь Дорки, что было сельцо», и деревня Каменка расположены рядом. Принадлежат одному владельцу. Вероятно, произошло слияние	1710	Впервые основан	1794	Село «Богословское, Каменка тоже»
		Иоанно-Богословский			–				Село Богословское, Дорки тоже		Богословский (Иоанно-Богословский)
19	Село Картино[48]	Успения Пресвятой Богородицы	«Церковь Успения Богородицы на погосте». («Погост на Царя и Великого Князя земли на Москве реке, а на нём церковь Успение Пречистыя»)	«Церковь Успения Пресвятой Богородицы на погосте царя и великого князя на реке на Москве» в Угожском стане Звенигородского уезда	Пустошь	1679	Храм воссоздан. Церковная земля Успенского погоста сдавалась в оброк с 1636 по 1678 гг.	1715	Село Картин Погост	1796	Село Картинно
		Успенский			Разрушен						Успенский
20	Село Кожино	Воскресения Христова (Обновления Храма Воскресения Христова)				1646	Сельцо Кожино	1656	Впервые основан	1766	Село Кожино
		Воскресенский							Село Воскресенское		Воскресенский

[48] Ранее относилось к Звенигородскому уезду (Исторические материалы… Вып. 2. С. 103–105).

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
21	Село Козлово	Святых Мучеников Флора и Лавра	Село Семёновское. Храм «Фрол и Ловер»	Село Семёновское, Козлово тоже	Сельцо Козлово	1628	Церковной земли не обозначено	1690	Воссоздан	1794	Село Козлово
		Флоролаврский (Фрололаврский, Фрол и Ловер)			Без пения				Село Козлово		Флоролаврский
22	Село Колюбакино[49]	Рождества Пресвятой Богородицы		Колюбакино как село упоминается в документах 1548 г.	Село Колюбакино	1628	Село Колюбакино	1700	Село Рождествено	1794	Село Колюбакино
		Рождественский			Действует						Рождественский
23	Село Комлево	Знамения Пресвятой Богородицы				1713	Сельцо Комлево	1713	Впервые основан	1803	Село Комлево
											Знаменский
		Знаменский							Село Комлево	1826	«Знаменское, Комлево тоже»
											Знаменский
24	Погост Кремиченский[50] (тип поселения – «погост»)	Покрова Пресвятой Богородицы			«Церковь Покрова на Патриаршем Погосте в Кремичне»	Погост заброшенным никогда не был. Церковные службы в храме никогда не прерывались[51]		1741	Погост Покрова Пресвятой Богородицы, что в Кремичне	1766	Погост Кремиченский
		Покровский			Действует						Покровский
25	Село Крымское[52]	Первый – Николая Чудотворца. Второй – Спасо-Преображенский	Деревня Митино Дворское[53]. Храма нет	Деревня Крымское Дворище	Пустошь Крымское Дворище. Близ нее расположен Никольский храм	1635 и 1646	Деревня Крымское Дворище (населена вновь в 1646 г.). Близ нее расположена «Церковная Николаевская Земля на Пелге» (реке). Сдается в оброк с 1635 г.	1686	Впервые основан второй храм (Преображенский)	1796	Село Крымское
		Первый – Никольский. Второй – Преображенский			Разрушен				Село Преображенское («Преображенское, что была деревня Крымское Дворище»)		Преображенский
26	Село Лужки	Святителя и Чудотворца Николая	«Церковь Николая Чудотворца в Лужках». («Погост на государевой земле, а на погосте церковь Николы Чудотворца в Лушкех на реке на Рузе»)		«Патриарший Погост Лужки, что промеж деревни Толбузиной и сельца Тарханова». (См. рис. 2)	1626	Церковная земля сдается в оброк	1644	Воссоздан Никольский храм[54]	1741	Лужки (без указания типа поселения или землевладения)
											Николаевский
		Никольский (Николаевский)			Разрушен				Названия: часто – «Погост Лужки», редко – «Село Лужки»	1834	Село Лужки
											Николаевский

[49] Сведений о поселении на XVI в. получить не удалось, так как тетради Городского и Фоминского станов, а также и Кремиченской волости, в которых они могли находиться, в использованных материалах (Рузский уезд по писцовой книге… С. 6) отсутствуют.

[50] Сведений о поселении на XVI в. получить не удалось, так как тетради Городского и Фоминского станов, а также и Кремиченской волости, в которых они могли находиться, в использованных материалах (Рузский уезд по писцовой книге…. С. 6) отсутствуют.

[51] Учитываются перерывы в церковных службах, вызванные только чрезвычайными обстоятельствами государственного масштаба, такими как войны, бунты, смуты, голод и прочие.

[52] Ранее относилось к Звенигородскому уезду (Исторические материалы… Вып. 2. С. 80–82).

[53] Соответствие названий поселений установлено на основании исследования В.С. Кусова (*Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII в. С. 204. З/вл. № 269).

[54] Данный участок местности изображен на датированном приблизительно 1670 г. «Плане местности по реке Рузе от города Рузы до села Спасского» (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 3. № 52), соответствующий фрагмент которого приведен на рис. 2.

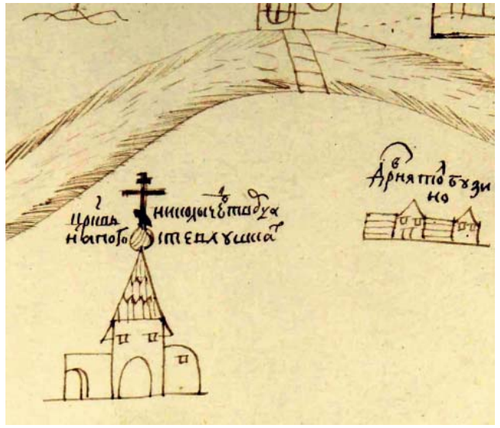

Рис. 2. Фрагмент чертежа XVII века с изображением Храма Николая Чудотворца на погосте в Лужках.

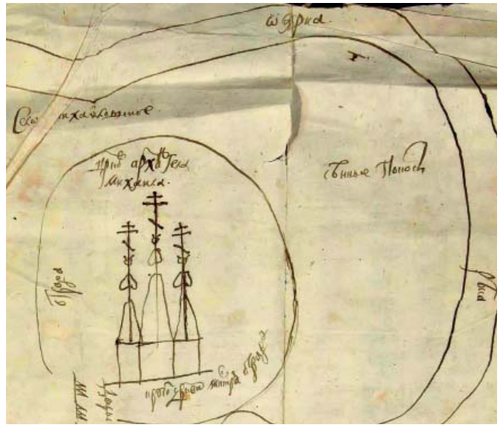

Рис. 3. Фрагмент чертежа XVII века с изображением Храма Архангела Михаила в селе Михайловском.

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
27	Село Михайловское[55]	Архистратиго-Михайловский (Архангело-Михайловский)	Село Михайловское на реке на Озерне, а в нём церковь Михаила Архангела…»)					1690	«Церковь Архангела Михаила»	1796	Село Михайловское
		Архангельский							Село Михайловское[56]. (См. рис. 3)		Архангельский (Михаила Архангела)
28	Село Мытниково	Первый – Архангела (Архистратига) Гавриила. Второй – Рождества Христова	Сельцо Мытниково. Храма нет	Сельцо Мытники	Сельцо Мытники	1628	Сельцо Мытники. Земли обрабатываются	1706	Впервые основан храм Гавриила Архангела	1766	Село Мытники
										1794	Село Мытниково
		Первый – Архангела (Архистратига) Гавриила. Второй –Христорождественский (Рождественский)			–				Село Архангельское	1834	Село «Архангельское, Мытники тоже»
										Не ранее 1781 г. – Христорождественский	
29	Село Назарьево (Назарово)	Троицы Живоначальной		«Назарова пустошь, что была деревня»		1646	Сельцо Назарово	1698	Впервые основан	1826	Село Назарьево (Звенигородской округи)[57]
		Троицкий							Село Назарово		Живоначальной Троицы

[55] Ранее относилось к Звенигородскому уезду (Исторические материалы… Вып. 2. С. 52).

[56] Относящиеся к XVII в. сведения о селе Михайловском и расположенном на его территории Храме Архангела Михаила приведены на основании датированного 1690 г. «Чертежа земель по реке Озерне и речке Городенке в Рузском уезде» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стлб. Муром. 36201. Ч. 2. Л. 463), соответствующий фрагмент которого приведен на рис. 3.

[57] Согласно административно-территориальному делению село Назарово (Назарова, Назарьева) было передано в число сел Рузского уезда из Звенигородского уезда в конце XVIII в. Так, на плане Рузского уезда 1792 г. (Генеральный план Рузского уезда одноверстного масштаба 1778–1792 гг.), территория, на которой оно расположено, не входит в состав Рузского уезда. На плане 1797 г. (Генеральный план Рузского уезда двухверстного масштаба 1778–1797 гг.) эта территория уже включена в его состав. Согласно же церковно-территориальному делению, это село продолжало оставаться в числе сел Звенигородской десятины на протяжении XVIII–XX вв., куда вошло из десятины Дмитровской, к которой относилось на протяжении XVI–XVII вв. (Исторические материалы… Вып. 11. С. 253, 254). Несмотря на это, сведения о селе было решено принять к рассмотрению, так как на схеме церковных приходов 1877 г. (Схема церковных приходов и волостей Можайского и Рузского уездов 1877 г.) его приход изображен (вероятно, ошибочно) относящимся к Рузскому уезду.

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
30	Село Настасьино	Николы Угодника (Николая Мирликийского)				1768	Деревня Настасьина[58]	1895[59]	Впервые основан	1895	Село Настасьино
		Никольский							Село Настасьино		Никольский
31	Село Нестерово	Преображения Господня				1768	Сельцо Нестерово[60]	1821[61]	Храм впервые основан	1824	Село Нестерово
		Преображенский							Село Нестерово		Преображенский
32	Село Никольское-Гагарино[62]	Святителя и Чудотворца Николая						1660	Воссоздан	1794	Село Никольское (Гагарина)
		Никольский (Николаевский)							Село Никольское	1834	Село «Никольское, что Гагарина»
										Николаевский	
33	Село Никольское-Долгорукова	Святителя и Чудотворца Николая	Село Никольское. Храм Николая Чудотворца	Село Никольское, Поскочино тоже	Село Никольское, Поскочино тоже	1628	Сельцо Никольское. Церковная земля сдается в оброк до 1666 г.	1678	Воссоздан	1766	Село Никольское
										1796	Село Никольское Долгорукой
		Никольский (Николаевский)			Разрушен				Село Никольское	1834	Село «Никольское Долгоруковых»
										Николаевский	
34	Село Онуфриево[63]	Успения Пресвятой Богородицы	Территория являлась вотчиной Онуфриева монастыря. Храма на месте будущего села не существовало	В 1623 г. –(под)монастырская слободка на берегу Тростенского озера. Храм Успенский	Пустоши. Земля и водные ресурсы монастырской слободки используются	1677	Подмонастырская слобода Онуфриевой пустыни. Храм Успенский	1705	Село Ануфриево	1796	Село Онуфриево
		Успенский			Действует					1834	Село Онуфриево (Ануфриево)
										Успенский	
35	Погост Георгиевский[64] (тип поселения – «погост»)	Первый – Страстотерпца Христова Георгия. Второй – Святой Живоначальной Троицы			Погост Георгиевский (В запустении)	1628	Церковная земля Мученика Георгия (Георгиевская) сдается в оброк	1691	Вместо Георгиевского основан Троицкий храм	1766	Село Георгиевское
		Первый – Георгиевский. Второй – Троицкий			Разрушен				Погост Живоначальной Троицы	1826	Погост Георгиевский
										Троицкий	
36	Погост Воздвиженский (тип поселения – «погост»)	Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня	Церковь Воздвижения на погосте в волости Юрьева слобода. («Погост на государевой земле на реке на Рузе, на погосте Церковь Всемирное Воздвижение»)	Погост Крестовоздвиженский (Воздвиженский)	Погост Воздвиженский (Частично в запустении)	1628	Церковная земля частично сдается в оброк. Храм Воздвиженский (действует с перерывами)	1681	Действует полноценно	1766	Погост Крестовоздвиженский (Воздвиженский)
		Воздвиженский (Крестовоздвиженский)			Без пения				Погост Крестовоздвиженский		Воздвиженский (Крестовоздвиженский)

[58] Географическая карта Московской провинции… 1774 г.; Генеральный план Рузского уезда одноверстного масштаба 1778–1792 гг.

[59] Электронное периодическое издание «Храмы России».

[60] Относящегося к указанному году отдельного описания сельца Нестерова обнаружить не удалось, однако это поселение упоминается при описании села Алексина (Исторические материалы… Вып. 2. С. 69). Нестерово как сельцо упоминается также и в работе В.С. Кусова среди поселений, межевые описания которых были составлены в 1768 г. (*Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII в… С. 209. 3/вл. № 344).

[61] Электронное периодическое издание «Храмы России».

[62] Ранее относилось к Звенигородскому уезду (Исторические материалы… Вып. 2. С. 63–65).

[63] Ранее относилось к Звенигородскому уезду (Исторические материалы… Вып. 2. С. 107–109).

[64] Ранее относилось к Можайскому уезду (Исторические материалы… Вып. 1. С. 151).

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
37	Село Петрово (Мансурово). При этом, Мансурово –расположенная рядом с селом Петровым деревня. Рядом с ними «погост» Никольской[65]. (См. рис. 4)	Похвалы Пресвятой Богородицы		1584 г. Сельцо Петрово. На речке Истрице (Истре). Сурожского стана	Село Петрово	1646	Село Петрово	1678, 1699	Храм существует, «…а попа в нём нет»	1834	Село Петрово
		–			Впервые основан (1623–1626 гг.)				Село Петрово	1847	Никольский
		Святителя и Чудотворца Николая	–	Село Мансурово «с находившеюся в нём издревле церковью св. Николая чудотворца» На речке Молодильне. Сурожского стана	Сельцо Мансурово	1631	Сельцо Мансурово	1696	Воссоздан		Село Петрово, Погост Никольской и Сельцо[66] Мансурово
		Никольский			Разрушен				Село Мансурово		
38	Село Петровское (Новопетровское) (Ижевского стана)	Святых Апостолов Петра и Павла				Ранее 1768	Сельцо Петровское[67]	1834[68]	Впервые основан	1847	Село Петровское
		Петропавловский							Село Петровское	Храм Петропавловский	
39	Село Покровское[69] (Тростенского стана)	Покрова Пресвятой Богородицы						1677	Впервые основан	1793	Село Покровское (Шереметева)
		Покровский (Богородицкий)							Село Покровское		Покровский
40а	В реестре метрических книг не упоминается, так как поселение имеет тип «деревня» с названием Покровская (Покрова, Покров)	Покрова Пресвятой Богородицы	Село Покровское в волости Юрьева слобода. Храм Покровский. В документе для поселения указывается также и тип «сельцо» с упоминанием о наличии в нем храма	Село Покровское	Село Покровское (Земля в запустении)	1636	Церковная земля остается в запустении до 1643 г.	1643	Воссоздан	1741	Село Покровское
										1793	Село Покровское (Орлова)
										1796	Село Покровское (Долгорукова)
		Покровский			Разрушен				Село Покровское	Покровский	
										С 1816 г. упоминания о поселении как о селе в документах и на картографических материалах отсутствуют	

Рис. 4. Фрагменты Топографической карты 1860 года (слева) и Схемы церковных приходов 1877 года (справа) с изображением взаимного расположения сёл Петрово (Мансурово) и Юркино.

[65] Ранее относились к Московскому и Звенигородскому (Исторические материалы… Вып. 3. С. 194, 195) уездам (Звенигородской и Загородской десятинам). На рис. 4 приведены соответствующие фрагменты, на которых упоминаемые в данном месте объекты выделены красным подчеркиванием: слева – Топографической карты 1860 г. (Топографическая карта московской губернии 1860 г.) и справа – Схемы церковных приходов 1877 г. (Схема церковных приходов и волостей Можайского и Рузского уездов 1877 г.).

[66] Согласно «Списку Господам Помещикам и имениям Рузского уезда. Февраля, 16 дня 1861 г.» (ЦГА Москвы. Ф. 4. Оп. 17. Д. 375. Л. 28 об.).

[67] Генеральный план Рузского уезда двухвёрстного масштаба 1778–1797 гг.

[68] Электронное периодическое издание «Храмы России».

[69] Ранее относилось к Звенигородскому уезду (Исторические материалы… Вып. 2. С. 73–75).

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
40б	Село Полуэктово (Волынщино[70])	Трёхсвятительский (Трёх Святителей Великих)	Полуехтово, при этом в документе для поселения везде указан тип «село», но упоминания о храме в нем отсутствуют	Сельцо Полуехтово «при селе Покровском» (Волости Юрьева Слобода)		–	Сельцо Полуехтово	1767 – 1795	Впервые основан	1796	Село Полуехтово (Полуектово, Полуэктово)
		Трёхсвятительский							Село Полуехтово		Трёхсвятительский
41	Село Поречье (На реке Москве)	Казанской Божией Матери						1763[71]	Впервые основан	1766	Село Поречье
		Казанский							Село Поречье		Казанский
42	Село Пречистенское[72] (Пречистое)	Успения Пресвятой Богородицы		Село Поповское (Ижевского стана, на реке Нудоль). Храм действует	«Пустошь, что было село Поповское»	1660 – 1670	Сельцо Поповское	1670	Воссоздан	1803	Село Пречистое
		Успенский			Разрушен				Село Пречистенское, Поповское тоже	1834	Село Пречистенское
										Успенский	
43	Село Рождествено-Новиково[73] (Скирмановского стана)	Рождества Христова	Село Марково. Храм Рождества Христова	Село Рождествено, Марково тоже	Село Рождествено	–	Село Рождествено (Не пустовало)	1627	Воссоздан	1793	Село Рождественское (Рождествено)
		Рождественский			Поврежден, без пения				Село Рождествено	1834	«Рождествено Новикова»
										Рождественский	
44	Село Савельево[74] (Мушковского, затем Ижевского станов)	Рождества Пресвятой Богородицы		Село Савельево. Храм существует	Село Савельево	1628	Село Савельево	1628	Действует	1803	Село Савельево
		Богородицкий (Богородице-рождественский, Рождество-Богородицкий)			Действует					Богородицкий	
45	Село Слядневo	Преображения Господня (Преображения Спасова)	Сельцо Слядневo. храма нет	Сельцо Слядневo	Пустошь Слядневo	После 1678	Сельцо Слядневo (Населено вновь)	1703	Впервые основан	1796	Село Слядневo
		Спасский (Преображенский)			–				Село Слядневo, Спасское тоже		Преображенский
46	Село Спасское	Преображения Господня (Преображения Спасова)	Село Спасское. Храм Преображения Спасова	Село Спасское	Село Спасское	Село заброшенным никогда не было. Церковные службы в храме никогда не прерывались[75]				1766	Село Спасское
		Преображенский			Действует						Преображенский
47	Село Старая Руза[76]	Преображения Господня (Всемилостивого Спаса)			Погост Спасский на реке Москве	1628	Погост Спасский в селе Старая Руза (Земля сдается в оброк до 1644 г.)	1644	Воссоздан, но действует с перерывами	Начиная со второй четверти XVIII в. упоминания о Храме Преображения Господня в селе Старая Руза в документах отсутствуют	
		Преображение Спасово			Упразднен по ветхости				Село Старая Руза		

[70] Название приведено согласно «Списку Господам Помещикам и имениям Рузского уезда. Февраля, 16 дня 1861 г.» (ЦГА Москвы. Ф. 4. Оп. 17. Д. 375. Л. 10 об.).

[71] Электронное периодическое издание «Храмы России».

[72] Ранее относилось к Звенигородскому и Дмитровскому уездам (Дмитровской и Волоколамской десятинам) (Исторические материалы… Вып. 9. С. 54, 55).

[73] Ранее относилось Звенигородскому уезду (Исторические материалы… Вып. 2. С. 90–92). При этом, до отнесения к уезду Звенигородскому, оно находилось в Рузском же уезде. Согласно церковно-территориальному делению в разное время относилось к Рузской, Сурожской и Звенигородской десятинам.

[74] Ранее относилось к Звенигородскому и Дмитровскому уездам (Дмитровской и Волоколамской десятинам) (Исторические материалы… Вып. 9. С. 43, 44).

[75] Учитываются перерывы в церковных службах, вызванные только чрезвычайными обстоятельствами государственного масштаба, такими как войны, бунты, смуты, голод и прочие.

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
47	Село Старая Руза[76]	Рождества Пресвятой Богородицы		Имеются сведения о сооружении храма в 1592 г.	Погост Старой Рузы. «Погост, что было прежде село Старая Руза, а на нём храм Рождества Пресвятой Богородицы»	1628	Село Старая Руза	Поселение заброшенным никогда не было. Церковные службы в храме никогда не прерывались[77]		1741	Село Старая Руза
		Рождественский			Действует						Рождественский
48	Село Тёплое	Знамения Пресвятой (Пречистой) Богородицы		Деревня Тёплое	Пустошь Тёплое	1646	Деревня Тёплое	1656	Основан. В документах указывается: «вновь»	1741	Село Тёплое
		Знаменский			–				Село Тёплое		Знаменский
49	Село Холм	Святого Александра Невского				1768	Деревня Холм[78]	1895[79]	Впервые основан	1895	Село Холм
		Александро-невский							Село Холм		Александроневский
50	Село Юркино[80] (Рожествено Юркино, Рождествено-Татищево). На речке Малой Истрице. (См. рис. 4)	Рождества Христова	Сельцо Юркинское. Храма нет Вероятно, основанный в XV в.[81] храм располагался поблизости от него, но на территории другого уезда	Сельцо «Юркинское». «Церковь *каменная* Рождества Христова… на погосте…». «Близ Рождественского погоста… деревня Татищево… и сельцо Юркино»	«Погост, а на нём храм во имя Рождества Христова» (Московского уезда, Сурожского стана). Сельцо Юркино (Звенигородского уезда, Тростенского стана). Деревня Татищева (Московского уезда, Тростенского стана)	В течение XVII в. идет земельно-имущественный спор. Тип «село» приобретает то Татищево, то Юркино, что зависит от вхождения в состав его территории погоста с расположенным на нем храмом		1737	Действует	1834	Рождествено Татищева
		Рождественский			Храм действует без перерывов.				Село «Татищево, оно же и Рождествено»		Рождественский

[76] Сведений о поселении на XVI в. получить не удалось, так как тетради Городского и Фоминского станов, а также и Кремиченской волости, в которых они могли находиться, в использованных материалах (Рузский уезд по писцовой книге… С. 6) отсутствуют.

[77] Учитываются перерывы в церковных службах, вызванные только чрезвычайными обстоятельствами государственного масштаба, такими как войны, бунты, смуты, голод и прочие.

[78] Географическая карта Московской провинции… 1774 г.; Генеральный план Рузского уезда одновёрстного масштаба 1778–1792 гг.

[79] Электронное периодическое издание «Храмы России» (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.temples.ru/ (дата обращения: 12.09.2018).

[80] В состав сел Рузского уезда вошло из уезда Звенигородского. Согласно церковно-территориальному делению упоминаемые в данном месте поселения и землевладения в разное время относилось к Сурожской и Загородской десятинам (Исторические материалы… Вып. 3. С. 258–263). На рис. 4 приведены соответствующие фрагменты, на которых упоминаемые в данном месте объекты выделены синим подчеркиванием: слева – Топографической карты 1860 г. (Топографическая карта московской губернии 1860 г.) и справа – Схемы церковных приходов 1877 г. (Схема церковных приходов и волостей Можайского и Рузского уездов 1877 г.).

[81] Электронное периодическое издание «Храмы России» (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.temples.ru/ (дата обращения: 12.09.2018).

Представленные в таблице 1 сведения позволяют сделать в отношении совокупности сельских храмов Рузского уезда следующие наблюдения.

1. В начале XVII в. в хозяйственной и духовной жизни уезда происходит, без преувеличения сказать, «катастрофа». Так, по состоянию на 1625–1626 гг. (годы составления первых из анализируемых документов) службы в 22 из 30 рассматриваемых сельских храмов, действовавших в начале XVII в., были прекращены вследствие либо их разрушения, либо опустошения поселений, на территориях которых они располагались. Из числа

таких поселений одно стало классифицироваться как сельцо, еще одно – как деревня, а шесть обратились в пустоши. Причиной этой катастрофы стала «Смута земли русской», последствия которой, приводимые в работе[82] для поселений Можайского уезда, могут быть в полной мере применимы и к расположенному рядом уезду Рузскому: «Смута земли русской, для которой были свойственны внутреннее брожение, колебание государственных устоев и грубый произвол иноземцев, а также действия западных соседей тогдашней России, литовцев и поляков, в 1609, 1613 и 1614 гг., привели к практически полному опустошению областей России, лежавших на пути следования иноземцев к Москве, и печальным образом отразились на духовной стороне ее жизни… Большая часть церквей, сёл и деревень подверглась разграблению и сожжению… Крестьян тех литовские люди побили и дворы их сожгли, оставшиеся в живых бежали… Убыль населения была столь значительна, что даже официальные писцы не могли в точности выполнить свою задачу за ненахождением старожилов, способных указать селения, обратившиеся в пустоши…».

При рассмотрении событий, последовавших за этой трагедией, следует различать одновременно протекавшие процессы как восстановления утраченного, так и создания поселений на неосвоенных ранее территориях и основания новых храмов.

2. По окончании Смуты начинается процесс восстановления. Находившиеся в запустении земли вновь населяются крестьянами и постепенно начинают ими обрабатываться. Из представленного материала можно видеть, что воссоздание утраченных поселений протекает вплоть до начала XVIII в., когда около 1705 г. было возобновлено последнее из них - деревня Горбово, получившее тип «сельца». Таким образом, можно сказать, что на восстановление утраченного понадобилось около 90 лет!

Первые сведения о воссоздании сельских храмов поступают уже примерно через десять лет после окончания Смуты. Так, в 1627–1629 гг. начинаются службы в первых четырех из 22 утраченных храмов. С 1643 по 1657 гг. (в течение четырнадцати лет) этот процесс протекает наиболее интенсивно, когда вновь открываются ещё восемь храмов. Службы же в остальных десяти храмах постепенно возобновляются к 1699 г. (то есть, на протяжении последующих сорока двух лет), причем на территории села Введенское-Клементьево в конце XVII в. основывается и второй храм.

3. Одновременно с восстановлением утраченных храмов происходит и основание новых храмов в тех поселениях (деревнях и сельцах), в которых их ранее не существовало. Следствием этого является обретение соответствующими поселениями статуса села. Сведения о первом храме, основанном на территории сельца Петрова Сурожского стана, поступают в 1623–1626 гг., а с 1644 по 1698 г. (к году, примерно совпадающему с годом завершения восстановления храмов утраченных) основывается десять новых храмов. В течение же последующих ста лет (практически, всего XVIII в.) в уезде будет основано восемь новых церквей; две из них станут вторыми храмами, которые вскоре придут на смену храмам, существовавшим в этих селах ранее. Следует отметить также, что шесть из восьми указанных церквей были основаны до 1716 г., а две – в течение 1763–1767 гг. Замедление в дальнейшем темпа основания новых храмов, по-видимому, свидетельствует о практически оптимальном сочетании их количества и расположения по территории уезда. Новые храмы основываются исключительно по мере развития уезда и роста его населения.

4. Нашествие Наполеона 1812 г. не принесло столь же катастрофических последствий, хотя и причинило ущерб сельским храмам уезда. Как видно из таблицы 1, в документах отсутствуют следы утраты поселениями статуса «села» и разрушения храмов. Однако, как можно судить, например, по материалам «Ведомости священников, которым дозволено священнодетельствовать в 1813 г.»[83], в некоторых храмах наблюдается перерыв в богослужениях из-за отсутствия священников. Среди архивных материалов этого времени имеются поступившие от священнослужителей записки, например, о повреждении строений храмов, утрате церковной утвари, шнуровых книг и прочих потерях. Очевидны также и имевшие место человеческие трагедии и хозяйственные потери, однако все они были значительно меньше тех, что имели место в результате Смуты. Сами села в большинстве своем были сохранены, а поврежденные храмы восстановлены в течение несравненно меньшего времени, чем после трагедии начала XVII в.

5. После того как в десятые годы XIX в. завершилось восстановление утраченного, в 1821 и 1834 гг. на территории уезда основываются два новых храма, и на этом совокупность сельских храмов приостанавливает свое развитие. Однако, насколько можно судить по сведениям документальных источников, духовные потребности увеличивающегося в течение большей части XIX столетия населения уезда удовлетворяются за счет роста количества священников, служащих в некоторых храмах, а не за счет основания новых храмов (то есть, без образования новых приходов). В конце же XIX в., в 1894 и 1895 гг., основываются сразу три храма, при этом происходит выделение новых церковных приходов из приходов, существовавших прежде.

[82] Исторические материалы… Вып. 10. С. III–IV.

[83] ЦГА Москвы. Ф. 607. Оп. 1. Д. 351.

Таким образом, можно сделать вывод, что с середины XVI и до начала XX в. наиболее тяжелое потрясение Рузский уезд претерпел в начале XVII в., ущерб от которого необходимо учитывать при анализе как процесса формирования и развития совокупности сельских храмов Рузского уезда, так и хозяйственного развития сельской территории уезда. «Смута земли Русской» отбросила развитие уезда, по приблизительных оценкам, минимум на сто лет назад. В человеческом измерении, на устранение его последствий потребовался труд пяти поколений русских людей! Игнорирование этого обстоятельства способно привести к представлению о более высоких темпах как развития хозяйства уезда, так и строительства сельских храмов на его территории в XVII – первой половине XVIII вв. На самом же деле интенсивно прирастающие количественные показатели в значительной части свидетельствуют не о создании новых, а о восстановлении утраченных в предшествующее трагическое время сельских поселений и разрушенных храмов.

Несмотря на неоднократно имевшие место в истории Рузского уезда трагические события, количество сельских храмов и сел в Рузском уезде с окончания XVI в. к началу века XX возросло с тридцати до пятидесяти.

В завершение хочется выразить надежду на то, что использованные для выполнения настоящей работы сведения о сельских храмах Рузского уезда XVI–XIX вв., а также выявленные в ходе работы их источники, станут полезными как для исследователей, работающих в областях истории, географии, краеведения и иных областях науки, так и для специалистов, занимающимися решением различных практических вопросов.

Список литературы

Большой энциклопедический словарь. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://www.vedu.ru/bigencdic/48607/ (дата обращения: 30.04.2020).

Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.». Электронный ресурс: http://rgada.info/geos2 (дата обращения: 27.09.2019)

Википедия. Свободная энциклопедия. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пустошь_(топоним) (дата обращения: 30.04.2020).

Генеральный план Рузского уезда одновёрстного масштаба 1778–1792 гг. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://ruklad.com/pgm-uezd.php?way=26-88 (дата обращения: 21.10.2018).

Генеральный план Рузского уезда двухвёрстного масштаба 1778–1797 гг. (Электронный ресурс). Режим доступа: maps.litera-ru (дата обращения: 21.10.2018).

Географическая карта Московской провинции, сочинённая с генеральных уездных межевых планов попечением Межевой канцелярии членом коллежского советника Зенбулатова и инженер майором и над Чертежною директором Горихвостовым 1774 г. РГБ, Электронный ресурс от 11 декабря 2017 г.

Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии / Собраны В.И. Холмогоровым и диаконом Г.И. Холмогоровым. Вып. 1–11 М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1881–1913.

Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описание землевладений. Т. 3. Карты 14 листов. М.: Издательский дом «Московия», 2004.

Материалы для истории Звенигородского края / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. Вып. 1. М.: Археографический центр, 1992. 154 с.

Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина М.: Памятники исторической мысли, 1997. (Мат-лы для истории Звенигородского края. Вып. 4). 300 с.

Станы и волости на землях Московской губернии. Карты по данным генерального межевания 1766–1770 гг. / Сост. В.С. Кусов; текст и ил.: А.С. Кигим, В.С. Кусов. – [Репрод.] . М.: Новая городская типография, 2007. 1 к.

Схема церковных приходов и волостей Можайского и Рузского уездов 1877 г., составленная по поручению Московской губернской земской санитарной комиссии С. Матвеевым (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.retromap.ru/m/#_121881_z13_55.620532,36.408176 (дата обращения: 21.10.2018).

Томсинский С.Г. Очерки истории феодально-крепостной России (Л.: Соцэкгиз, 1934. 304 с.

Топографическая карта московской губернии 1860 года (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.etomesto.ru/download.php?map=kartyshuberta (дата обращения: 21.10.2018).

Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С. Веб–ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» (http://rgada.info/geos2) // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 75–84. DOI: 10.7256/2306-0891.2017.1.22025. URL: http://e-notabene.ru/istinf/article_22025.html.

Фролов А.А., Голубинский А.А. Новые чертежи XVII в., выявленные в фондах РГАДА // Российская история. 2019. № 2. С. 71–77.

Электронное периодическое издание «Храмы России» (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.temples.ru/ (дата обращения: 12.09.2018).

Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.vehi.net/brokgauz/ (дата обращения: 30.04.2020).

А.П. Красовский
Оценка изменений совокупности сельских храмов Рузского уезда Московской губернии в XVII–XIX вв. на основе документальных и картографических материалов

Ключевые слова: Рузский уезд Московской губернии, исторические документы, исторические картографические материалы, восстановление поселений, развитие территории

Аннотация: В работе представлена систематизированная выборка сведений из архивных документов, обзоров, обобщающих архивные документы и из картографических материалов, характеризующая состояние поселений, землевладений и храмов Рузского уезда Московской губернии в XVII–XIX вв. Выполнена оценка произошедшего в начале XVII в. сокращения количества жилых поселений, обрабатываемых земель и действующих храмов, вызванного влиянием «Смуты земли русской». Прослежена динамика процесса восстановления и последующего развития сел и поселений иных типов, а также восстановления и создания новых храмов на их территориях. Представленный в работе материал может служить основой для проведения исторических, генеалогических и краеведческих исследований территории Рузского уезда Московской губернии, охватывающих соответствующий период времени.

A. P. Krassowski

Assessment of changes in the set of rural churches of the Ruzsky district of the Moscow province in the 17th – 19th centuries on the basis of documentary and cartographic materials

Keywords: Ruzsky district of Moscow province, historical documents, historical cartographic materials, settlement restoration, territory development

Abstract: The article presents a systematized selection of information from archival documents, reviews that summarise archival documents and cartographic materials, describing the state of settlements, landholdings and temples of the Ruzsky district of Moscow province in the 17th –19th centuries. The assessment of the reduction in the number of residential settlements, cultivated land and active churches that occurred in the early 17th century due to the "Turmoil of the Russian land", is carried out for Ruzsky district. The dynamics of the process of restoration and subsequent development of rural settlements and settlements of other types as well as the restoration and creation of new temples on their territories are traced. The material presented in this paper can serve as a basis for conducting historical, genealogical and local history studies of the territory of the Ruzsky district of the Moscow province covering the corresponding period of time.

А.И. Куприянов

Электоральные культуры горожан и дворян: источники изучения

(последняя четверть XVIII в.)

Одной из характерных черт эпохи Просвещения было стремление правителей узнать больше о важнейших аспектах жизни своих подданных. В правление Екатерины II это проявилось и в изменении документации о выборах, которая стала более информационно-насыщенной и единообразной после опубликования указа 14 декабря 1766 г. о выборах депутатов в Уложенную комиссию. В процессе реализации губернской реформы 1775 г. выборы, на которых избирали часть чиновников аппарата местного управления и весь состав судов нижней инстанции, обрели регулярный характер и стали проводиться раз в три года. В городах часть должностей наполнялась посредством выборов ежегодно. В результате, в местных архивах и в РГАДА отложился большой массив делопроизводственных источников о выборах.

Все исследователи, занимавшиеся последние тридцать лет историей городского и дворянского самоуправления, а также изучавшие историю сословий в отдельных регионах Российской империи, обращались в той или иной мере к хранящемуся в местных архивах комплексу документов о выборах (рис. 1.) Существует и успешный опыт монографических источниковедческих исследований об архивных комплексах городских учреждений[1], а также о родословных дворянских книгах[2]. На материалах Казанской губернии Г.А. Двоеносова констатирует, что «погубернская организация дворянских обществ и децентрализованный сословный учет привели к формированию и концентрации основной части источников по истории и генеалогии позднего российского дворянства в провинции». Поэтому она делает вывод о том, что изучение поднятых проблем должно опираться, «в первую очередь, на материалы местных дворянских сословных учреждений, как на первоисточники, и только затем уже целесообразно обращение к фондам центральных органов, занимавшихся сословным учетом, поскольку в них откладывались копийные документы»[3].

Родословные книги для изучения электоральной культуры или института выборов – источники сугубо вспомогательные. Однако некоторые авторы стали интерпретировать выводы Г.А. Двоеносовой излишне широко. В то время как сделанные исследовательницей наблюдения и выводы справедливы лишь для выяснения вопросов генеалогии, численности, источников происхождения дворянства. Однако без обращения к фондам центральных учреждений и высших органов власти мы не сможем понять ни правительственную политику в отношении института выборов, ни коммуникацию имперской власти и провинциального дворянства. Более того, исследование даже всего комплекса документов о выборах по одной губернии или одному городу (с замечательной формулировкой: «на примере») не позволяет реконструировать ситуацию в целом даже по великорусским губерниям. Тем более это справедливо для последней четверти XVIII в., когда институт выборов еще не обрел унифицированный характер. Мое обращение к истории выборов дворян и горожан Европейской части России: Московской, Тамбовской и Тверской губерний, а также сибирской – Тобольской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. свидетельствует

[1] *Середа Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М.: Памятники ист. мысли, 2004.

[2] *Двоеносова Г.А.* Дворянская родословная книга Казанской губернии 1785– 1917 гг.: реконструкция и источниковедческий анализ массового источника. Казань: Казанский гос. энергет. ун-т, 2004.

[3] Там же. С. 4.

о заметной вариативности и в существовавших электоральных практиках, и, отчасти, в самой электоральной культуре разных регионов[4].

Разумеется, в обширном корпусе письменных источников в зависимости от исследовательского подхода и избранной темы особое значение приобретают различные источники. Например, обращение к теме «Модернизация института выборов в Российской империи» требует в первую очередь изучения процессов разработки законодательных актов, регулировавших выборы и юридические права сословий и социальных групп. Для изучения электорального поведения и электоральной культуры избирателей последней четверти XVIII в. законодательные акты уступают пальму первенства делопроизводственным материалам органов государственной власти и самоуправления. Особо важную роль играет официальная переписка наместников и губернаторов с императрицей о подготовке и проведении выборов.

В донесениях (рапорты, реляции, письма) наместников (генерал-губернаторов) и губернаторов монарху с разной степенью подробностей сообщалось о сроках проведения выборов, количестве съехавшихся дворян, об избранном губернском предводителе и различных культурно-досуговых мероприятиях, сопровождавших губернский съезд дворянства. Донесения наместников наиболее интенсивны и разнообразны по содержанию между 1776 (первые выборы по новому положению) и 1785 гг., когда была обнародована Жалованная грамота дворянству. В первую очередь, из донесений М.Н. Кречетникова, Я.Е. Сиверса и преемника последнего П.С. Потемкина видна постоянная коммуникация между ними и Екатериной II. Эти же донесения свидетельствуют о том, что наместники на практике апробировали разные варианты включения/исключения дворянства разных социальных групп в электоральный процесс. Их законотворческая деятельность, опирающаяся на общие принципы социального устройства империи, в границах управляемых ими губерний имела творческий, новаторский характер. В литературе обычно обращают внимание на новации тверского, новгородского и псковского наместника Якова Сиверса в сфере законодательства о выборах, но не менее креативна была и деятельность Михаила Никитича Кречетникова – калужского и тульского, а с августа 1778 г. и рязанского генерал-губернатора. Об одном из своих оригинальных новшеств он с гордостью писал императрице Екатерине II: «по которому судьи действительно места свои занимают в новых присутствиях по старшинству своих чинов. Сему изысканию притчиной было замеченное мною из опытов. А теперь употребленным таковым здесь средством все дворянство

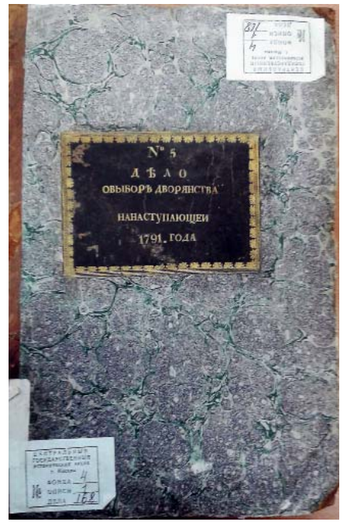

Рис. 1. Дело о выборе дворянства. 1791 г.

чрезвычайно довольны, и ни единого из определяемых нет, которой бы противу воли или с отягощением принимал возлагаемую должность»[5].

В редких случаях в донесениях генерал-губернаторов и губернаторов встречается информация об общественном мнении дворянства по поводу законодательства, регулировавшего выборы. В частности, в донесении М.Н. Кречетникова Екатерине II от 12 декабря 1776 г. сообщалось об отношении дворянства к введенному Я.Е. Сиверсом имущественному цензу. М.Н. Кречетников писал императрице, что, судя по разговорам, услышанным им в Москве, дворяне не считают цензы волей императрицы, но «относят сию *прискорбность, причиняемую дворянству*, от начальников (курсив мой. – *А.К.*)». «Прискорбность» – такова оценка дворянством установленных Я.Е. Сиверсом цензов. Учитывая, что эти разговоры происходили зимой, когда в Москву съехалось немало провинциальных дворян, такое мнение разделяли не только москвичи. Аналогичные «слухи» об ограничении избирательных прав «малопоместных» дворян носились накануне первых выборов и в Калуге, – сообщал М.Н. Кречетников. Поэтому наместник докладывал императрице, что он был вынужден успокоить дворян через предводителей: «все дворянство допустится к выборам, не исчисляя имущество душ»[6].

Переписка наместников с императрицей Екатериной II носила наиболее доверительный характер, который исчезает при ее преемниках – Павле I

[4] *Куприянов А.И.* Выборы в русской провинции. 1775–1861 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

[5] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729. Л. 29.

[6] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729. Л. 14 об.

и Александре I. Так, М.Н. Кречетников заверил императрицу, что он не будет допускать неимущих («малопоместных») дворян на должности судей, пользуясь «неприметным» способом[7]. Не менее откровенен был и рязанский наместник М.Ф. Каменский. Он сообщал об избранном на четвертый срок уездном предводителе – капитане князе Петре Гагарине, который по его предложению занял место уездного судьи Зарайского уезда Рязанской губернии. Мотивацию своего вмешательства в результаты выборов М.Ф. Каменский излагал весьма непосредственно: «но как он убог (здесь в значении «беден». – *А.К.*), то дворянство, назнача его предводителем, хотело дать ему чин уездного судьи, а он последнего брать не похотел, желая остаться предводителем и без жалованья… А потому я принужден нашелся сказать ему во уважение сих обстоятельств, что представлю о нынешнем его за девять лет его предводительства и чтоб остался он уездным судьею, уступя предводительство другому, на что он и согласился. Все сие происходило при всем дворянстве всей губернии»[8].

Формально М.Ф. Каменский как будто своим прямым и притом публичным вмешательством в результаты выборов исказил волю избирателей, то есть фальсифицировал итоги голосования. Но у нас есть основания оценить аргументы М.Ф. Каменского как искренние и правдивые, а не как стремление скрыть подлинные мотивы его вмешательства в результаты голосования. В пользу этого предположения свидетельствуют многие факты. В 1781 г., когда прошли данные выборы, для государева наместника, заинтересованного в успешной работе местных уездных и губернских учреждений, должность уездного судьи была важнее, чем уездного предводителя. Возможно, именно поэтому М.Ф. Каменский и предложил занять место судьи авторитетному в местном обществе князю Гагарину. Само же перемещение предводителя на должность уездного судьи не было инициативой М.Ф. Каменского. Он только поддержал желание дворянского собрания дать «место» бедному, но достойному дворянину. Уездные дворяне, избрав Гагарина предводителем, должность которого не оплачивалась, попытались обеспечить его жалованием за счет исполнения судейской должности. Рязанский наместник пошел на этот шаг, чтобы помочь бедному, но честолюбивому предводителю, исходя из интересов и дворянина, и службы. Казус Гагарина интересен еще и тем, что на выборные должности в Рязанской губернии «назначали» дворян порой и без процедуры голосования, а наместник им в этом нисколько не препятствовал. Решение дворянского собрания о замещении должностей без голосования («баллотирования»), как и публичное убеждение М.Ф. Каменским Гагарина – это явления патриархальной электоральной культуры, а не факты намеренной фальсификации выборов, как это может показаться сегодня.

Не менее ценны для изучения электорального поведения дворянства прилагаемые к этим донесениям наместников документы: «обряды» выборов, списки прибывших и отсутствовавших на выборах дворян, реестры избранных на должности. Значительно реже среди документов о выборах, направленных императрице, встречаются запросы по процедурным моментам или о допуске к выборам отдельных лиц либо целых групп городского населения (старообрядцы). Павел Сергеевич Потемкин, поддержавший ходатайство новоторжских и ржевских купцов о допуске старообрядцев к баллотированию на ответственные должности в городском самоуправлении, послал в качестве приложения подлинное ходатайство новоторжских купцов. В этом документе они ссылались как на опыт предыдущих лет, так и на последние выборы в столице: «а в прошедшем выборе и в столичном городе Санкт-Петербурге не обойденные»[9].

Среди документов, присланных в Петербург и соединенных с вышеупомянутой перепиской, присутствуют также жалобы на нарушения, имевшие место в ходе избирательной кампании, и запросы о том, могут ли дворяне направить ко двору депутатов для выражения всеподданнейшей благодарности за дарованные императрицей сословные «привилегии». Первые встречаются крайне редко, а последние в правление Екатерины II – всегда.

Наибольшую ценность среди документов, поступавших к монарху, имеют «экстракты» из журналов о дворянских губернских выборах. Этот источник представляет подробный пересказ всех событий электоральной губернской кампании, проводившейся раз в три года. В нем присутствуют самые разнообразные сведения: от сроков проведения выборов и количества участников съезда до подробной информации об организации торжественного шествия в церковь и проведенных культурно-досуговых мероприятиях. Вся эта разнообразная информация направлялась императрице. Ценность этих «экстрактов» особенно высока из-за того, что значительная часть других источников о выборах в XVIII в., хранившихся в местных архивах, оказалась утрачена.

В комплексе документации о выборах, отложившихся в местных архивах, особую роль играют баллотировочные (баллотированные) списки (эти же документы могли иметь и другое название – «избирательные списки») – аналоги протоколов современных избирательных комиссий. Однако источники XVIII в. являются значительно более интересными и информационно насыщенными документами. По своей внутренней структуре баллотировочные

[7] Там же.
[8] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 968. Л. 4 об.–5.
[9] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 973. Ч. 1. Л. 15–15 об.

списки, заполняемые при городских и дворянских выборах, близки, но не идентичны. При заполнении баллотировочных списков по правилам, на градских выборах в них должны быть указаны: ФИО, сословный статус, возраст, наличие недвижимой собственности, прежние службы, сведения о судимости, дата проведения голосования, число избирательных и неизбирательных баллов. Эти данные при использовании баллотировочных списков за несколько лет позволяют без привлечения других источников выявить отношение горожан-избирателей к конкретным выборным должностям, влияние ведущих купеческих семей на распределение престижных должностей, замещаемых по выбору, диапазон электоральных возможностей для горожан разного имущественного положения в конкретном городе, влияние на избирательный процесс лиц, возглавлявших городское самоуправление, активность/пассивность избирателей.

Дворянские баллотировочные списки имели некоторые отличия от городских. Эти отличия были связаны с сословными обязанностями и привилегиями дворянства. Они должны были содержать сведения: о чине, возрасте, службе, бытности под судом, наличии крепостных или недвижимости, о внесении в родословные дворянские книги, о предыдущей службе по выборам. Начиная с правления Павла I, следовало также представить указ об отставке. Баллотировочные списки составлялись вариативно: полные или краткие. Однако даже форма краткого баллотировочного списка (рис. 2.)[10] из Тамбова весьма информативна для понимания электоральной культуры провинциального дворянства:

Во-первых, из 10 уездных предводителей 9 имели воинский чин, явное свидетельство, что тамбовские помещики предпочитали видеть на этой должности, человека, имевшего опыт военной службы;

Во-вторых, из 10 уездных предводителей баллотировали на должность губернского предводителя восьмерых – очень высокий показатель для любого региона страны;

В-третьих, большинство из претендентов – 6 человек – «прокатили на воронах» или «забросали черняками», больше половины «белых» шаров положили лишь козловскому и кирсановскому уездным предводителям. Случайно ли, что перевес белых шаров оказался на стороне всего двух претендентов? Весьма вероятно – нет. Два кандидата – этот необходимый минимум, ибо итоги голосования не были окончательными. Генерал-губернатор или гражданский губернатор (в зависимости от статуса губернии) назначал губернским предводителем дворянства одного из двух представленных кандидатов по своему желанию.

[10] Государственный архив Тамбовской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 635. Л. 23.

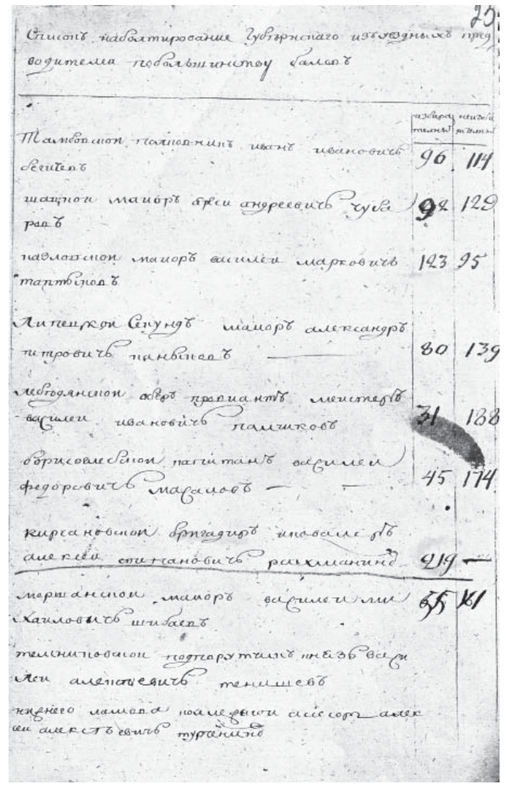

Рис. 2. Баллотировочный список предводителя дворянства Тамбовской губернии.

В-четвертых, (пункт связан с предыдущим) почему за А.С. Рахманинова проголосовали единогласно 219 человек? Может быть, потому, что он имел самый высокий среди кандидатов чин – бригадира? Но рядом с ним по чиновному рангу был тамбовский уездный предводитель полковник И.И. Бегичев, получивший 114 черных шаров! В принципе, можно было бы предположить, что А.С. Рахманинов был исключительно обаятельной и харизматической личностью, поэтому все единодушно за него и проголосовали. Но, «понимание приходит с опытом», как гласит слоган рекламной кампании одного известного парфюмерного бренда. Вот этот личный житейский и исследовательский опыт удерживает меня от легкомысленных интерпретаций и фетишизации архивных источников. Вероятность единогласия избирателей при действительно тайном голосовании, в котором участвует более 200 человек, стремится к нулю.

Рис. 3. Аргунов И.П. Портрет П.Б. Шереметева.

Напротив, с вероятностью близкой к 100% можно полагать, что в Тамбове выборы прошли по такому же, точнее, очень близкому сценарию, как и на первых выборах по Московской губернии в 1782 г. Тогда перед выборами губернского предводителя дворянства уездные предводители подошли к московскому главнокомандующему и именем своих уездов объявили, что все дворяне единогласно выражают желание иметь своим предводителем генерал-аншефа и кавалера, графа Петра Борисовича Шереметева (рис. 3). З.Г. Чернышеву не осталось ничего другого как закрыть глаза на это отступление от регламента и тут же поздравить П.Б. Шереметева «с доверенностью общества и отличным знаком достоинства, которым дворянство всей губернии его почтило»[11]. В свете такого сценария первых московских дворянских выборов поиск баллотировочного списка губернского предводителя становится бессмысленным занятием. В дальнейшем практика поднесения «белых» шаров сохранялась долгие годы, хотя и была запрещена законом. О ней упоминает и неоднократно участвовавший в выборах Лев Толстой в «Анне Карениной», действие которой происходит уже в пореформенной России. Однако казус с избранием П.Б. Шереметева выламывается из электоральной практики по причине масштаба этой фигуры и отсутствия опыта выборов губернского предводителя в Московской губернии. В дальнейшем обыденная практика оказания почета кандидату в предводители – поднесение на блюде «белых» шаров, что было запрещено законом, а затем проведения баллотирования среди других кандидатов, чтобы можно было представить губернатору в соответствии с законом двух лиц. Именно по этому сценарию прошли и выборы в Тамбове.

[11] ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 30. Д. 1. Л. 39 об.

Наконец, в-пятых, этот небрежно оформленный, с исправлениями цифр список, явно имел черновой характер: он был заготовлен, когда еще не был окончательно решен вопрос о поднесении «белых» шаров А.С. Рахманинову.

Баллотировочные списки (особенно черновые, фиксировавшие тут же перипетии электоральной борьбы) из фондов дворянского и городского самоуправления порой более информативны, чем аналогичные документы, направленные губернатору и губернскому правлению. Кроме того, нередко в беловых баллотировочных списках, направленных в губернские органы власти, результаты голосования представлены по порядку полученных баллов, а не в той последовательности как были баллотированы кандидаты. Иногда в XVIII в., главным образом, на первых выборах, «наверх» шли «реестры» избранных, а не баллотировочные списки, что не позволяет установить, сколько всего было участников выборов, какова была численность проголосовавших за конкретных кандидатов, а также число лиц, баллотированных на каждую должность. Эти данные являются важной информацией для понимания престижности каждой конкретной должности, активности и дисциплинированности участников выборов, их стремления или нежелания баллотироваться на ту или иную должность.

Подобные источники (реестры) затрудняют анализ *электорального поведения* избирателей, но являются важным фактом для изучения ментальности дворян и горожан, а также их *электоральной культуры*, которая теснейшим образом связана с политической и правовой культурой. В таком контексте массовое нарушение предписанных законом избирательных процедур часто не было сознательной фальсификацией волеизъявления избирателей, но было явлением специфического патриархального правового нигилизма, опиравшегося на представления о том, что выборы – это привилегия, дарованная монархом, которой избиратели могут распоряжаться по своему усмотрению, не слишком стесняя себя формальными процедурами.

Разумеется, историк не должен проявлять излишнюю доверчивость к баллотировочным спискам, как бы аккуратно и полно (в соответствии с законом и, что еще более важно, требованиями губернских властей) они ни были заполнены. В XVIII в., как и сегодня, результаты выборов не так уж и редко фальсифицировались, поэтому необходимо проверять этот источник другими, например, жалобами на нарушения в вышестоящие инстанции и материалами проверки этих жалоб, конечно, когда есть такая возможность. Жалобы избирателей и донесения наместников в верховные органы власти позволяют

анализировать электоральную культуру не только рядовых избирателей, деятелей самоуправления, губернаторов, но и имперской правительственной бюрократии. В этом контексте особо важную роль играет фонд канцелярии генерал-прокурора Сената[12].

Вместе с тем, абсолютизация таких источников как жалобы кандидатов и избирателей, донесения губернаторов о беспорядках на выборах, при игнорировании донесений других губернаторов о благополучно состоявшихся выборах, не позволили известному дореволюционному историку генерал-лейтенанту Н.Ф. Дубровину воссоздать взвешенную картину дворянских выборов[13].

Анализ баллотировочных списков дает возможность определить отношение дворянства разных страт к участию в самих выборах и в баллотировании на конкретные должности. Должности по выборам делились на два разряда: по дворянским службам (губернский и уездные предводители, депутаты дворянства, губернский секретарь дворянства) и чиновников в аппарат административного управления и суда. При рассмотрении баллотировочных списков в контексте изучения электорального поведения и электоральной культуры разных страт дворянства напрашиваются сами собой три критерия: 1. Размер собственности (прежде всего – количество крепостных душ мужского пола); 2. Чин по Табели о рангах дворянина. 3. Аристократический титул.

Обращение к этому источнику позволило скорректировать наблюдения дореволюционной историографии, видные представители которой вслед за чиновниками Министерства внутренних дел утверждали, что лучшие (богатые) дворяне к выборам равнодушны и в них не участвуют. По мнению А.В. Романовича-Славатинского, титулованная знать не хотела служить даже губернскими предводителями[14]. Однако если бы историк воспользовался не опубликованными списками дворянских предводителей, а избирательными протоколами, он бы убедился, как много обладателей княжеских и графских титулов жаждали занять кресла губернских предводителей дворянства. Сравнение списков участников выборов со списками дворян, баллотированных на разные должности, позволяет констатировать, что в целом чиновные и богатые дворяне, особенно жившие в провинции, в губернских съездах участвовали, но не хотели служить по выборам, исключая должность предводителя и отчасти совестного судьи.

[12] РГИА. Ф. 1374.

[13] *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. СПб.: Изд-во ДНК, 2007.

[14] *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: Тип. Мин-ва вн. дел, 1870. С. 492–494.

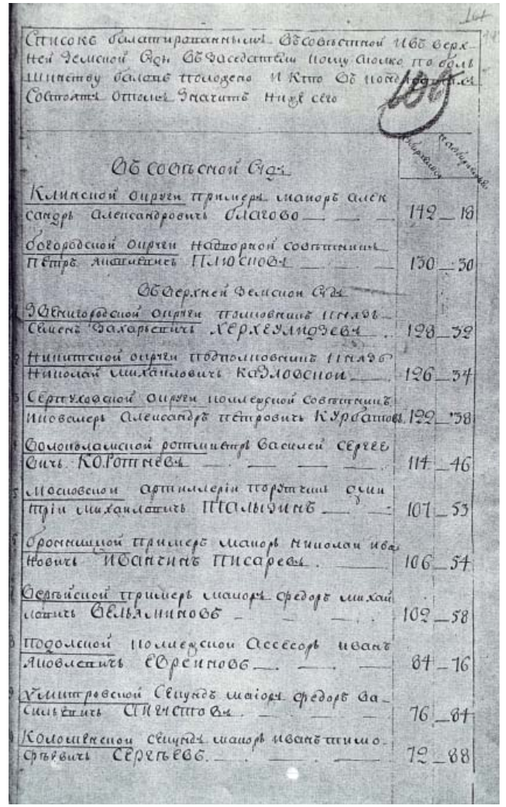

Рис. 4. Реестр кандидатам, баллотированным в заседатели совестного и верхнего земского судов. 1794 г. Фрагмент.

Усложнение документации, оформлявшей процедуру выборов, не сразу было усвоено на местах. И избранные лица, и канцелярские чиновники, готовившие документы, не всегда были в состоянии правильно заполнить формуляр баллотирования. Поэтому, когда мы видим документ под названием «Список баллотированным в Совестной и в Верхней земской Суды» (рис. 4), это еще не значит, что перед нами именно данный источник, а не нечто другое. Баллотировочный список составлялся по другому принципу: общий реестр участников выборов, против фамилий которых проставлялись баллы «за» и «против». Примером такого правильно оформленного документа является «Избирательный по баллам список в совестный и в верхний земский суд в заседатели с 1788 года вперед на три года» (рис. 5, 6). В нем кандидаты указаны в порядке баллотирования, а красным

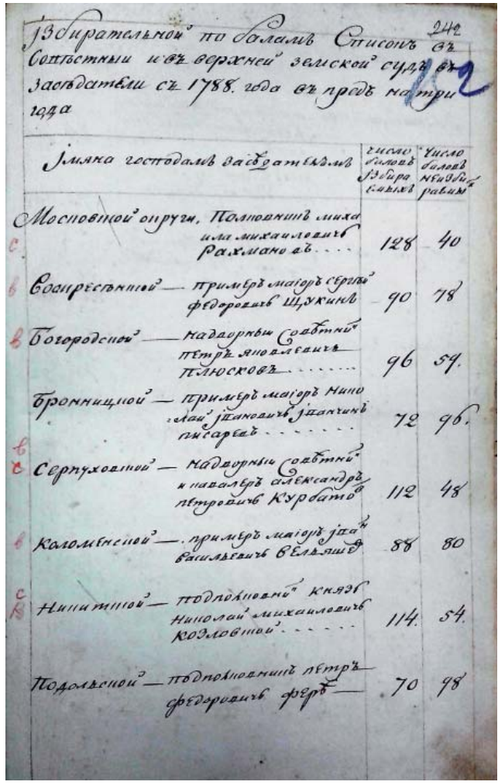

Рис. 5. Единое баллотирование кандидатов 1788.

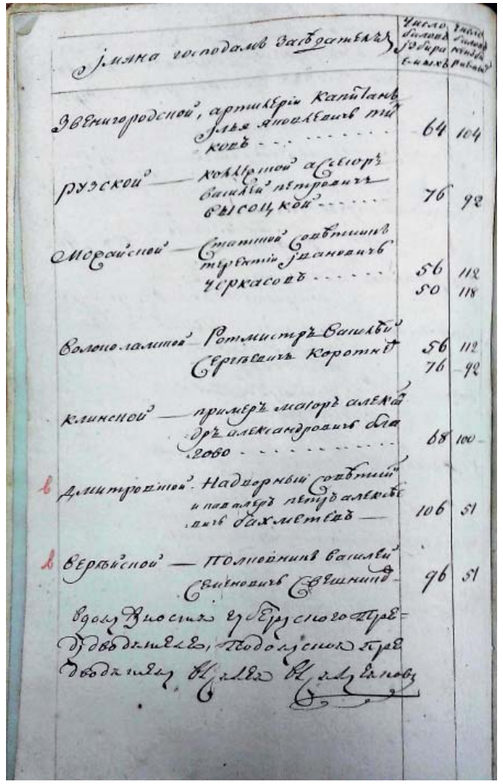

Рис. 6. Единое баллотирование кандидатов 1788.

карандашом или чернилами проставлены избранные в совестный суд («с») и в верхний земский суд («в»). Приведенный же ранее в качестве иллюстрации источник (декабрь 1794 г.) (рис. 4) – это не список, согласно которому баллотировались на должности претенденты, а список (реестр) избранных. Все кандидаты в нем расставлены по порядку набранных баллов. Список баллотирования в заседатели совестного и верхнего земского судов 1788 г. интересен еще и тем, что он свидетельствует об отказе дворянства Московской губернии от некоторых предписанных законом избирательных процедур. Согласно нормативным актам, следовало голосовать за кандидатов отдельно: в совестный суд и в верхний земский суд. В Москве же провели единое голосование, как и на трехлетие с 1788 г., по заседателям двух упомянутых судебных инстанций. В этих документах обращают на себя внимание два обстоятельства:

1. Кандидаты, набравшие больше других баллов, направлены в Совестный суд. Отсюда можно сделать вывод: совестный суд рассматривался участниками выборов как инстанция, которая престижнее верхнего земского суда.

2. Избранными считались и те лица, которые набрали менее половины голосов, но опередили других претендентов на вакантные места. В принципе, такая интерпретация результатов выборов – это нарушение закона, на которое до начала XIX в. дворянство и власть Московской губернии не обращали внимания. Причина снисходительного отношения к утверждению на должностях претендентов, набравших менее половины голосов избирателей, заключалась в том, что необходимо было наполнить присутственные места чиновниками, а дворян, как и купцов, желавших служить судьями или заседателями судов, было немного. Аналогичные нарушения имели широкое распространение, но по указанной выше причине ни избиратели, ни организаторы выборов, ни правительство таковыми их не считали.

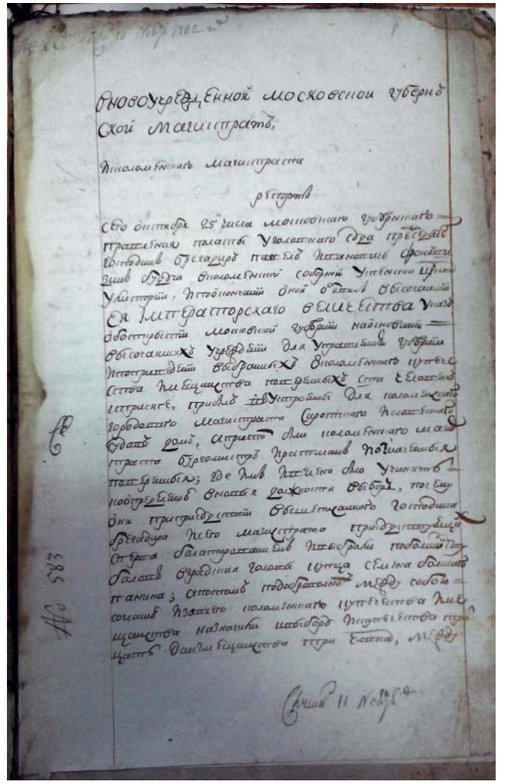

Рис. 7. Рапорт коломенского магистрата.

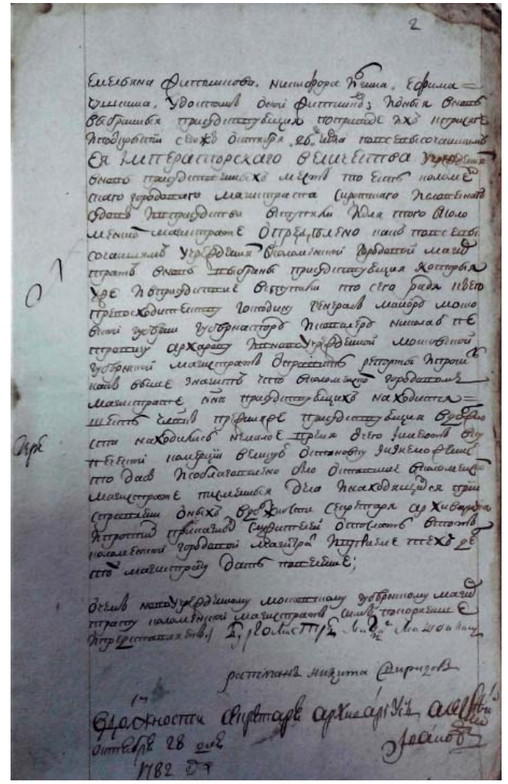

Рис. 8. Рапорт коломенского магистрата.

Первым единое (общее) голосование использовал в Калуге в январе 1777 г. исполнявший должность государева наместника М.Н. Кречетников, рекомендовавший утвердить первых двух кандидатов в совестный суд, а прочих в верхний земский суд. В Москве единое баллотирование дворянских кандидатов в заседатели различных губернских учреждений (совестный суд, приказ общественного призрения, палаты уголовного и гражданского суда) было устойчивой практикой в последней четверти XVIII – начале XIX в.

Еще дальше по пути редуцирования избирательных процедур пошли на первых выборах по новому положению на городских выборах в Коломне в октябре 1782 г. Там поверенные выборщики после избрания городского головы подвергли 30 купцов и 3 мещан баллотированию на должности бургомистров и ратманов магистрата, словесных судей, купеческого и мещанского старост[15]. В соответствии с результатами голосования между кандидатами были распределены должности в порядке престижности: 1-бургомистр, 2-й бургомистр и т.д. Однако сами итоги выборов, о которых коломенские городские власти уведомили московский губернский магистрат, были отражены в традиционном рапорте, частью которого стала информация о набранных кандидатами баллах, хотя следовало представить данные в форме таблицы. (рис. 7, 8).

Как сегодня следует оценивать организацию общих выборов заседателей в разные судебные инстанции? Учитывая позицию самих субъектов избирательного процесса XVIII в., которые не протестовали против таких практик, можно считать их проявлением рационализации громоздкой процедуры голосования. Кандидаты, баллотировавшиеся в судебные инстанции губернского уровня или городского уровня (Коломна), не имели ни профессионального юридического образования, ни опыта судебно-следственной работы (за редким

[15] ЦГА Москвы. Ф. 45. Оп. 1. Д. 248. Л. 1–2.

исключением), поэтому для них не было принципиально место (судебная инстанция) их службы по выборам. Куда важнее для горожан была должность, а для дворян – географический фактор, место, где придется служить: губернский или уездный город. Однако редкие, можно сказать, уникальные, исключения всё же имели место. Так, по окончании первых дворянских выборов в Твери заседатель совестного суда секунд-ротмистр Олсуфьев «изъяснялся притом государеву наместнику, что не быв упражнен в судебных делах, которые требуют испытанного знания, особливо в сем новом установлении совестного суда; а для того просил о увольнении от сего выбора, и чтоб ему по большинству голосов остаться в верхнем земском суде». Наместник приказал заступить его место лейтенанту флота Хвостову, а Олсуфьеву остаться в верхнем земском суде первым заседателем[16]. Эти сведения попали в экстракт о выборах, направленный Я.Е. Сиверсом императрице.

Для изучения электоральной активности дворянства и его отношения к выборам необходимы источники, информация из которых позволяет определить качественные (жалобы, прежде всего) и количественные параметры этих явлений. Количественные параметры наиболее корректно можно проследить по результатам явки на выборы.

Явка на выборы дворян определяется посредством обращения к следующим спискам:

а) прибывших на выборы;

б) отсутствовавших и приславших отзывы;

в) отсутствовавших и не приславших отзывы;

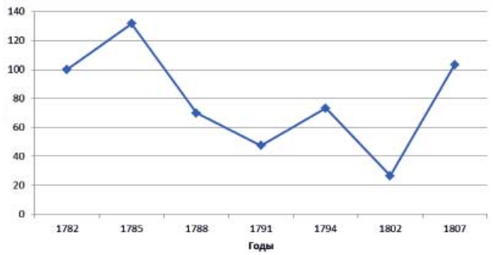
г) имевших право участия в выборах.

Отношение числа участников голосования к числу лиц, имевших избирательные права, позволяет определить явку на выборы или абсолютную электоральную активность дворянства. Я скептически отношусь к спискам «б», «в», «г», особенно к последнему. До 1831 г. учет дворян, имевших избирательные права, был организован не лучшим образом[17]. Опыт изучения дворянских выводов позволяет утверждать, что мы имеем дело не со статистикой, а с некими цифрами, часто довольно далекими от конкретных реалий. Напротив, относительная электоральная активность дворянства (сравнение разных выборов по одной и той же губернии за разные годы) – более надежный показатель измерения. С помощью же результатов баллотирования на разные должности можно проследить степень активности (социальной дисциплинированности) участников выборов в рамках одной избирательной губернской кампании.

[16] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 788. Ч. II. Л. 136 об.–137.

[17] Подробнее с этим сюжетом можно ознакомиться в книге: *Куприянов А.И.* Выборы в русской провинции…

Таблица 1
Электоральная активность дворянства Московской губернии. 1782–1807 гг.

Составлено по: ЦГА Москвы. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1, 3, 166; Ф. 16. Оп. 30. Д. 1.

Баллотировочные списки – впечатляющий историка источник, насыщенный разнообразной информацией, но его возможности достаточно ограничены даже для выяснения электоральной активности дворян. Приведу один пример: в 1802 г. московские выборы состоялись дважды: в апреле (избрали губернского предводителя и весь аппарат для трех новых уездов – Подольского, Богородского и Бронницкого) и в декабре – выборы судей и заседателей губернских судебных инстанций. В апреле 1802 г. (по сравнению с 1782 г.) явка составила всего 16,5% (66 человек), в декабре – 26,5% (106 человек). Налицо падение, а затем медленный рост. Готовое объяснение этим цифрам – «дней Александровых прекрасное начало». Сначала действовала инерция негативного отношения дворян к выборам, сложившаяся в годы правления Павла I, который ликвидировал губернский съезд дворянства, а в перспективе хотел ликвидировать и сам институт дворянских выборов. За восемь месяцев, которые разделяют выборы в Москве, отношение дворян к ним стало меняться в лучшую сторону. Это логически непротиворечивое объяснение, которое кажется вполне убедительным. Однако не проясненным оставался вопрос: почему все же так мало людей избирали губернского предводителя?

Изучение всего комплекса сохранившейся документации о выборах помогло разрешить эту загадку: в апреле в Москву съехались дворяне трех новых уездов, образовавшихся в границах губернии в результате административной реформы. Им надлежало избрать всю уездную номенклатуру, замещаемую по выборам. Вот они-то (их было не меньше 55 из 66 человек, участвовавших в выборах) избрали губернского предводителя дворянства из трех свежеиспеченных уездных предводителей. Московский главнокомандующий И.П. Салтыков (рис. 8), который реально и руководил организацией выборов, посчитал, что ради баллотирования одного

предводителя не стоит созывать дворян «старых» уездов, поэтому он распорядился провести заодно и выборы губернского предводителя. Его решение – яркий образчик патриархальной политической и правовой культуры «орлов» Екатерины, которые со своей ментальностью и неизменившейся электоральной культурой благополучно вошли в начало царствования Александра I.

Еще одним важнейшим источником для изучения выборов являются «обряды» губернаторов – инструкции о порядке проведения выборов. Я.Е. Сиверс, которому Екатерина II доверила проведение первых дворянских выборов по новому положению в Твери, Новгороде и Пскове, не считал всех дворян, собравшихся на губернский съезд, равными. Место каждого дворянина определялось «обрядом» в соответствии с иерархией, творчески разработанной самим наместником. Яков Сиверс использовал на тверских выборах одновременно две модели социальной иерархии: чиновную (в соответствии с Табелем о рангах) и имущественную (число крепостных душ мужского пола). Чиновная иерархия торжествовала во время официального открытия дворянского собрания, начавшегося «со слушания всех частей нового уложения». Чин во многом определял и место каждого участника выборов во время торжественного шествия в церковь для принятия присяги. После лиц, служивших по выборам судьями и судебными заседателями, в новгородском «обряде» предписывалось идти губернскому предводителю, за ним уездным предводителям по два в ряд, «а за теми *все члены общества, по чинам* по два же в ряд (курсив мой. – *А.К.*)»[18]. Таким образом, в ходе церемониального шествия участников выборов в церковь был использован комбинированный служебно-чиновный принцип организации участников торжественной процессии.

При размещении собравшихся в зале во время публичного чтения глав Учреждения для управления губернией Я.Е. Сиверс руководствовался порядком, изложенным в Табели о рангах. В «обрядах» Я.Е. Сиверса размещение участников выборов было продумано с геометрической четкостью, выражавшей служебно-чиновную иерархию собравшихся. Предводителям дворянства были поставлены стулья полуциркулем перед главным местом, «за оными на одной линии для девяти персон генералитетского чина поставлены же стулья. А протчее все дворянство по старшинству своих чинов, на приготовленных зеленым сукном покрытых лавках. Дворяне, не имеющие обер-офицерских чинов, стояли за оными»[19]. Таким образом, иерархия, оформленная с помощью выделения пространственных зон, отведенных каждому в соответствии с его рангом, была подкреплена предоставляемым им комфортом. Для одной группы были стулья, для другой – простые скамьи, для третьей вообще не было предусмотрено мест для сидения. Наконец, особо была очерчена наиболее почетная зона для наместника и правителя (генерал-губернатора и губернатора), которым полагались кресла, расположенные поблизости от портрета императрицы.

Во время самих выборов в залах при размещении участников действовала не чиновная или служебно-чиновная, но имущественная иерархия. Отдавая предписание о размещении собравшихся в зале для баллотирования, наместник руководствовался введенным им имущественным цензом: в первых рядах сидели помещики, владельцы 20 душ крепостных крестьян мужского пола, обладавшие активным и пассивным избирательным правом. За ними располагались малоимущие дворяне, у кого было от 10 до 19 крестьян. Они получали лишь активное избирательное право. «Таковых же дворян, которые менее имели десяти душ или же и николикого числа, поместить позади всех в особый ряд, и сидели б с протчими, не имев участия в балатировании, а довольствовались честию быть при выборе наличными»[20].

Анализируя размещение дворян, следует отметить, что оно было подчинено задаче удобного и организованного проведения выборов. На первых выборах в Твери и в Новгороде место баллотировочных ящиков отличалось от предписанного законодателем. Ящик не стоял на столе, его подносили для опускания шаров к сидящим на своих местах дворянам. С учетом этого обстоятельства функциональность размещения участников в соответствии с цензовым имущественным принципом становится очевидной и понятной. Впрочем, Я.Е. Сиверсу не удалось избежать противоречий: в «обряде» было предписание, чтобы дворяне садились по чинам, «как в списке взнесены»[21]. Я.Е. Сиверс, стремясь отдать должное чину как мерилу заслуг дворянина перед государством и государем, не заметил наличие в «обряде» потенциального конфликта чиновного и имущественного принципов социальной иерархии. Как составитель «обряда» не заметил очевидного противоречия в тексте документа? Имела ли тут место банальная невнимательность, базировавшаяся на обыденной практике доминирования принципа организации социальной иерархии в соответствии с чином, или же Я.Е. Сиверс полагал, что состоящие в генеральских и штаб-офицерских чинах дворяне должны быть достаточно состоятельными помещиками? Учитывая, что «обряд» выборов был подготовлен раньше списков участников собрания, вероятно, уместно говорить о банальной непродуманности возможных последствий данного шага.

[18] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 788. Ч. 2. Л. 43.

[19] Там же. Л. 123 об.

[20] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 788. Ч. 2. Л. 125 об.

[21] Там же. Л. 44.

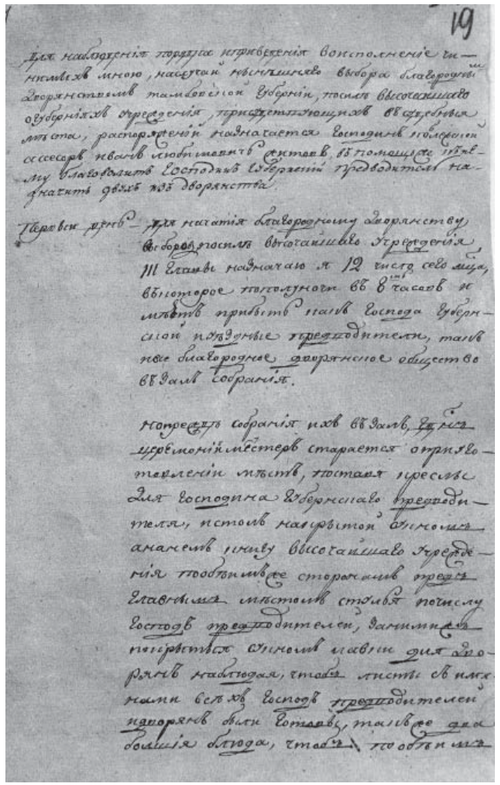

Рис. 9. Обряд выборов. Тамбов. Фрагмент.

В пользу этого же предположения косвенно свидетельствует и тот факт, что сам Я.Е. Сиверс, происходил из бедного остзейского дворянства, поэтому хорошо знал, что высокие чины и важные должности достигались не только богатством и знатностью, связями при дворе, но порой и служебными заслугами. Впрочем, согласно донесениям Я.Е. Сиверса императрице о выборах, всё обошлось не только без каких-либо эксцессов, но и без малейших проявлений неудовольствия участниками выборов.

Вероятно, такой принцип организации социального пространства дворянского собрания придумал сам Я.Е. Сиверс, основываясь на придворных церемониях, руководствуясь принципами петровской Табели о рангах, а отчасти и порядком размещения участников собрания, изложенным в Обряде выборов депутата в Уложенную комиссию 1766 г. Однако все это не помешало Я.Е. Сиверсу проявить большую самостоятельность, проигнорировав, по сути, два из трех основополагающих принципов социальной иерархии. Так, Обряд выборов 1766 г. предписывал дворянам садиться «не по преимуществу чинов, но по тому, как кто прежде в город прибыл и в списке отмечен». Уездные дворяне получали преимущество над дворянами, жившими в городе: «сиречь приезжие идут наперед так, как кто в город приехал, а в городе живущие между собою места разбирают по своим чинам»[22]. Я.Е. Сиверс же посчитал время приезда и место жительства (город или уезд) участников собрания несущественными факторами. Во главу угла он ставит «чин», как важнейший принцип организации социальной иерархии.

Обряд выборов, подготовленный тамбовским губернатором в январе 1798 г.[23], можно уже считать типовым (рис. 9). Но в том же деле о дворянских выборах по губернии есть источник, нечасто встречающийся в комплексе документации, связанной с организацией выборов, – «ордер», данный губернатором коллежскому советнику И.Л. Житову. Этот документ показывает ту доминирующую роль, которую в 1790-х гг. (да и позже) играли губернаторы в организации выборов.

В имперском законодательстве о выборах ни роль церемониймейстера, ни сам он совершенно не прослеживаются. Однако при исследовании делопроизводственной документации, связанной с выборами, фигура церемониймейстера встает во весь рост среди других участников избирательного процесса. На церемониймейстера порой возлагалось не только наблюдение за порядком во время официальных церемоний, но и подготовка самих выборов. Например, в Тамбовской губернии в организации выборов церемониймейстер играл весьма заметную роль. На январских выборах 1798 г. тамбовский губернатор фактически возложил на коллежского асессора И.Л. Житова все подготовительную работу, исключая составление списков избирателей. В его обязанности входило материально-техническое обеспечение губернского съезда дворянства: поиски столов, стульев, сукна, чернильниц, привлечение нижних воинских чинов для перетаскивания мебели и прочей черновой работы, секретарей для записи баллов, приказных служителей для вспомогательной работы по подготовке и проведению голосования. Завершая свой «ордер», губернатор сообщал, что выборы пройдут в здании, занимаемом главным народным училищем, «и дабы в нем все нужное было в готовности, о сем поручаю вам иметь попечение, а что потребно будет о том для заблаговременного приготовления обязаны вы представлять мне»[24].

Все эти разнообразные делопроизводственные источники не дают полной картины электоральных губернских кампаний времен правления Екатерины II. Лишь некоторые жалобы проливают свет на теневые стороны дворянских и городских выборов: формирование группировок («партий»), влияние административного ресурса на избирательную кампанию, мотивы вступления участников дворянских съездов в «партии» и т.д. Однако некоторые аспекты закулисных электоральных игр получили освещение в источниках личного происхождения: дневниках, записках, мемуарах. Например, А.М. Лунин записал о бытовавшей в Рязанской губернии в конце XVIII в. практике приглашения накануне выборов влиятельного кандидата на должность губернского предводителя: «В бытность мою ныне в губернии господин губернатор его превосходительство Михайло Иванович Кавалинский со многими другими сделав мне посещение, приглашали при наступающем поновлении судейских выборов принять мне на себя звание губернского предводителя, и не получив моего на словесные их делаемые мне почетные предложения и упрашивая соглашения расстались с тем, что не оставят меня о том же *просить еще от лица общества, что не могло бы уже иначе быть как письменно*… (курсив мой. – *А.К.*)»[25].

Из этой дневниковой записи следует считать установленным тот факт, что в Рязани в годы управления губернией М.И. Коваленским (1796–1800) существенным элементом электоральной кампании было письменное приглашение кандидатов на должность губернского предводителя от лица дворянского общества. Однако из текста записи не следует, что такая практика была особенностью Рязанской губернии. Вероятно, с ней мемуарист столкнулся (возможно, и сам ее активно продуцировал) еще во время службы правителем Полоцкого наместничества в 1784–1792 гг. А.М. Лунин, который не желал быть губернским предводителем, все же следовал нормам сформировавшегося электорального этикета, поэтому он подготовил на имя губернатора благодарственное письмо в случае получения письменного приглашения: «Под правительством вашего превосходительства многие из почтенного Рязанского благородного общества сделали мне честь *письменным приглашением* к должности губернского предводителя… (курсив мой. – *А.К.*)»[26]

Не менее содержательны мемуары поэта и драматурга И.М. Долгорукова, служившего вице-губернатором Пензенской губернии и губернатором Владимирской губернии. Они изумительно иллюстрируют гибкое отношение дворянина к одному и тому же явлению – влиянию губернатора на ход избирательной кампании. Это отношение зависело от позиции наблюдателя в этом процессе. Находившийся в конфликте с пензенским губернатором И.М. Долгоруков в сатирической манере изложил его вмешательство в ход дворянских выборов в Пензе в 1792 г., на которых желание губернатора сообщалось дворянам через губернских стряпчих: «Сии, подходя к каждому дворянину, шептали на ухо, на которую сторону ящика при наименовании избираемого бросать раздаваемые им шары; воля начальника, таким образом сообщаемая, невидимо в выборах содействовала»[27]. Когда же И.М. Долгоруков сам стал губернатором, то свое вмешательство в выборы он объяснял интересами службы. Более того, он наиболее последовательно из российских чиновников и единственный из литераторов выступил с апологетикой права губернатора назначить любого из двух первых кандидатов на должность губернского предводителя дворянства. «Закон коренной дает исключительное право генерал-губернатору из двух представленных от собрания дворян утверждать в звании губернского предводителя одного, кого он рассудит. Тут он не ограничен никакими правилами, ни числом шаров, ни чином, ни заслугами лица, словом, он утверждает, которого хочет, так напечатано в жалованной дворянству грамоте, и кроме пьяного Поливанова, никому не приходило на мысль на подобное преимущество другому жаловаться (ошибочное суждение. – *А.К.*). Один шар не делал такой разницы, которая бы изъявляла более наклонности целого дворянского сословия к одному пред другим, да хотя бы был и сильнее в пользу его подвиг, жалованная грамота не ставила числа шаров в основание произвола начальника губернии»[28].

Наконец, благодаря запискам другого современника – А.Т. Болотова о первых дворянских выборах в Туле и открытии наместничества, мы получаем представление об интересе провинциального дворянства к этим событиям, царившем приподнятом настроении и новых формах праздничной культуры, сопровождавших выборы: театре, приглашенном из Калуги, его репертуаре, маскараде, фейерверке[29]. Конечно, и в донесениях генерал-губернаторов императрице содержится информация об этой стороне электоральных кампаний, но в них нет откликов дворян на эти события. Напротив, впечатления А.Т. Болотова, членов его семьи, знакомых об участии в этих праздничных мероприятиях свидетельствуют, что усилия наместников и губернаторов по созданию праздничной атмосферы и привлекательного имиджа дворянских выборов на первых выборах в ряде губерний получили признательность провинциального дворянства.

[22] ПСЗ-I. Т. 17. СПб., 1830. № 12801. С. 1097.

[23] Государственный архив Тамбовской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 635. Л. 19–22.

[24] Там же. Л. 18–18 об.

[25] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 141. Л. 84.

[26] Там же. Л. 85 об.

[27] *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. Т. 1. СПб.: Наука, 2004. С. 307.

[28] *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем… Т. 2. С. 220.

[29] *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1793. Т. 3. СПб.: Печатня В. Головина, 1872. С. 718–728.

Список литературы

Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. Т. 3. СПб.: Печатня В. Головина, 1872. Стб. 7–1244.

Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. Т. 1. СПб.: Наука, 2004. 816 с.; Т. 2. СПб.: Наука, 726 с.

Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века. СПб.: Изд-во ДНК, 2007. 645 с.

Двоеносова Г.А. Дворянская родословная книга Казанской губернии 1785–1917 гг.: реконструкция и источниковедческий анализ массового источника. Казань: Казанский гос. энерг. ун-т, 2004. 171 с.

Куприянов А.И. Выборы в русской провинции. 1775–1861 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 400 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1135 с.

Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: Тип. Мин-ва вн. дел, 1870. 582 с.

Середа Н.В. Реформа управления Екатерины второй: источниковедческое исследование. М.: Памятники ист. мысли, 2004. 446 с.

А.И. Куприянов
Электоральные культуры горожан и дворян: источники изучения (последняя четверть XVIII в.)

Ключевые слова: выборы, электоральная культура, электоральное поведение, дворянство, горожане, исторические источники

Аннотация: В статье рассматривается комплекс источников, отражающих электоральные культуры русских дворян, купцов и мещан в последней четверти XVIII в. Изучение делопроизводственных документов РГАДА, ЦГА Москвы, архивов Твери и Тамбова позволило во многом по-новому посмотреть на проблемы формирования новой электоральной культуры дворянства и горожан, избиравших членов судов низшей и средней инстанций, а также органы дворянского и городского самоуправления. Электоральные практики дворян и горожан имели заметные локальные отличия, но правительство не слишком заботилось о действительной унификации избирательного процесса.

A.I. Kupriianov
Electoral cultures of urban dwellers and nobility: sources for study of the last quarter of the 18th century)

Keywords: elections, electoral culture, electoral behavior, nobility, urban dwellers, historical sources

Abstract: The article discusses a complex of sources reflecting electoral cultures of nobility, merchants, and common urban dwellers in the last quarter of the 18th century. Study of clerical papers stored in RGADA, CSA of Moscow, archives of Tver and Tambov cities allowed in many respects seeing problems of the new electoral culture of gentry and urban dwellers who elected members of lower and intermediate courts as well as of gentry and of urban self-government bodies with new eyes. Electoral practices of gentry and urban dwellers had noticeable local differences, but the government did not particularly care of a genuine unification of the election process.

Е.Н. Марасинова

Понятие *«политическая смерть»* в России первой половины XVIII в.

Каждому знакомо свидетельство князя Михаила Щербатова о том, что, вступая на престол в 1741 г., дочь Петра I пообещала отказаться от применения смертной казни: «Она при шествии своем принять всероссийский престол пред образом Спаса нерукотворенного обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствование свое повелением ее никто смертной казни предан не будет»[1]. Негласный мораторий на смертную казнь неукоснительно соблюдался на протяжении всего царствования Елизаветы Петровны, что привело к ограничению возможностей самозащиты трона, особенно в кризисный период смены придворной элиты после дворцового переворота. Это обстоятельство спровоцировало использование властью таких форм наказания, которые не приводили к физическому уничтожению противника, но демонстрировали окончательную девальвацию его статуса, обеспечивая тем самым полноту возмездия. Уже в первые годы правления императрицы актуализируются восходящие еще к более ранним эпохам практики *положения на плаху*, *шельмования*, театрализованной казни и появляется в официальных документах термин «*политическая смерть*». Данные способы расправы с оппонентами власти были направлены, прежде всего, на разрушение личного и социального достоинства человека, подвергаемого экзекуции.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №18-09-00461. Благодарю Фонд Михаила Прохорова за возможность работы над статьей в библиотеках США.

[1] «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1983. С. 55.

«Приговора к смертной казни не исполнять»

Седьмого мая 1744 г. появился довольно лаконичный указ, в соответствии с которым приостанавливалось исполнение решений по делам колодников, приговоренных к смертной казни и «политической смерти». Канцеляриям следовало высылать в Сенат описания их дел и ждать дальнейших распоряжений. Решение, само по себе беспрецедентное в истории Российской империи, сформулировано было сдержанно, лишено толкований и сопровождалось лишь краткой ремаркой: «Усмотрено, что смертные казни и политическую смерть чинят не по надлежащим винам, а другим и безвинно»[2].

Между тем термин «*политическая смерть*» вызвал глубокое недоумение на всех уровнях власти. Елизавета потребовала от Сената вопрос проработать и представить бумагу, где бы перечислялись законы, регламентирующие ритуал политической смерти и четко фиксирующие преступления, за которые полагалось подобного рода наказание. Спустя некоторое время императрица получила ответ: «За какие вины политическая смерть и какая именно положена – точных указов не имеется»[3]. Правда, во избежание монаршего гнева сенаторы все же упомянули некоторые экзекуции, соответствующие, с их точки зрения, понятию «политическая смерть». Все эти казни объединялись рядом сходных обстоятельств. Во-первых, они приходились на эпоху Петра Великого, с которой для многих

[2] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830 (далее – ПСЗ). Т. 12. 1744–1748. № 8944. С. 114. 1744 г., 7 мая.

[3] ПСЗ. Т. 13. 1749–1753. № 10087. С. 819–820. 1753 г., 29 марта.

политиков и мыслителей Елизаветинского правления, собственно, и начиналась актуально переживаемая история. Во-вторых, данные экзекуции включали несколько общих процедур: «сказание смерти», «положению на плаху» и всемилостивейшее избавление от натуральной смерти. Однако перечень этот оказался далеко неполным, содержание дел и приговоров проанализированы не были, и самое главное – выбранные сенаторами примеры казней никогда *политической смертью* не именовались. А между тем обстоятельства подобных экзекуций могли бы пролить свет на историю появления указанного понятия в русском языке и правовом сознании XVIII в.

«Положение на плаху»

Хорошо известно, что «начало славных дней Петра мрачили мятежи и казни»[4]. В октябре 1689 г. был приведен в исполнение приговор восставшим против царя стрельцам. Начальнику Стрелецкого приказа Федору Шакловитому, «забывшему страх Божий и государское крестное целование», отрубили голову, а образок Николая Чудотворца в серебряном окладе, бывший у него во время казни, передали под расписку священнику Иродиону церкви Вознесения Господня и Трех Святителей, что в стрелецкой слободе Троице-Сергиева монастыря. Сообщников «вора и изменника» Ф. Шакловитого Семена Рязанова, Дементия Лаврентьева и Ивана Муромцева также решено было жестоко наказать: «положить их на плаху и, подняв, сказать им, что великие государи пожаловали их – смертью казнить не указали, а указали бить кнутом, урезать языки и сослать их в ссылку в сибирские города на вечное житье». Милосердие царя мотивировалось без лишнего пафоса: «для своего государского многолетнего здравия»[5].

Однако на этом придворные треволнения не закончились. Буквально через несколько недель последовали новые казни. В данном случае не обошлось без ворожбы. Пожилой боярин Андрей Ильич Безобразов, назначенный воеводой на Терек, вынужден был подчиниться высочайшей воле и, покинув Москву, отправиться в далекое и трудное путешествие. Однако во время вынужденной остановки в Нижнем Новгороде его посетила спасительная идея: снискать милостивое расположение государя и получить разрешение на возвращение в столицу путем… чародейства. Сказано – сделано: тут же отыскали волхва Дорошку, который слыл еще и коновалом, приставили к нему человека А.И. Безобразова Ивана Щербачева и снарядили в Москву. Когда Петр направлялся из Савинского похода в село Хорошево, И. Щербачев указал на царя колдуну и тот принялся «напускать заговорные слова дьявольски по ветру», чтобы государь был добр к воеводе А.И. Безобразову. Для пущей верности одновременно ворожили в Нижнем: на костях и воде, а татарка в Касимове также прибегала к своим, ей одной ведомым заклинаниям. Однако чары на Петра не подействовали, а, напротив, спровоцировали доносы и самое пристрастное расследование. Воеводе А.И. Безобразову по приговору отрубили голову, коновала Дорошку сожгли в срубе на болоте и лишь И. Щербачев остался жив. Ко дню казни, назначенной на 8 января 1690 г., был уже готов сценарий: перед осужденным зачитывался указ, начинающийся со слов «вора Андрюшки Безобразова человек Ивашка Щербачев», затем следовали обвинения и приговор «казнить тебя смертью – отсечь голову», далее как и в любом театрализованном действии шла ремарка «(положить на плаху, а сняв с плахи сказать): Ивашка Щербачев! Великие государи смертью казнить тебя не указали, а указали тебе чинить жестокое наказание: бить кнутом и сослать тебя в ссылку в Сибирь»[6]. В данном случае счастливейшее избавление И. Щербачева преподносилось не как великая государева милость, а как неотвратимое и страшное наказание, мало отличающееся от натуральной смерти[7].

Через два года сходной экзекуции будет подвержен некто расстрига Ивашка, известный более под именем старца Иосифа. Человек этот имел сомнительную репутацию, и история, связанная с его именем, на первый взгляд, не совсем понятна. Он происходил из так называемых романовских или костромских татар, отцом его был Богдан Ахметов. Ивашка рано покинул родной дом, крестился, жил отшельником в им же построенной при большой костромской дороге часовне, потом подстригся под именем Иосифа и много лет

Пушкин А.С. Стансы // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1950. С. 344.

[5] См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб.: Археологическая комиссия, 1884. Стб. 265–270, 421–424; Т. 4. СПб.: Археологическая комиссия, 1893. Стб. 565–570; ПСЗ. Т. 3. 1689–1699. № 1349. С. 33–36. 1689 г., 11 октября.

[6] См.: ПСЗ. Т. 3. № 1349. С. 33–36. 1689 г., 11 октября; Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. Стб. 265–270, 421–424; Т. 4. Стб. 565–570.

[7] Может быть, именно поэтому современники оставили без внимания факты замены «смертной казни» ее имитацией. И.А. Желябужский записал в своем дневнике под 1689 годом: «В том же году пытан и казнен вор, бывший окольничий Федька Шакловитый. А ведомый же вор Сенька Рязанов бит кнутом, и отрезан ему язык, и сослан в ссылку» (*Желябужский И.А.* Записки с 1682 по 2 июля 1709. СПб.: Тип. Имп. Рос. наук, 1840. С. 22–23). Исследователи также не придали особого значения практике подобной экзекуции, которая несколько потеснила смертную казнь. См., например: *Белов Е.А.* Московские смуты в конце XVII века: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887.

скитался по разным монастырям. Как-то раз на пути из Сийской обители, что под Архангельском, у города Яренска старцу повстречался человек, который якобы свел его с опальным фаворитом поверженной царевны Софьи Василием Голицыным. Последний просил старца идти в Москву к его более удачливому двоюродному брату Борису Голицыну, приближенному Петра, и сказать буквально следующее: «Не допусти казни кузена, борись за его жизнь по крайней мере год – не долог век царя, тот же год ему и остался». Именно с этой вестью старец Иосиф в одеянии чернеца с неизвестными травами в котомке и явился глухой январской ночью в дом князя Бориса Голицына. Князь не собирался терять свой фавор и от греха подальше отправил старца-провокатора прямиком в Розыскной приказ. Пытки, очные ставки и даже специальная комиссия в Яренск, где содержался Василий Голицын, сделали свое дело: выяснилось, что расстрига Ивашка, он же старец Иосиф, просто оговорил В. Голицына, поскольку в свое время «князь сослал его за то, что у него дело было в Поместном приказе, как он, старец, был в Дорофееве пустыне». Неизвестные же травы в котомке оказались не зельем, а всего лишь лекарством от грыжи. Подобная неуклюжая месть, задействовавшая ни много ни мало «слово и дело», закончилась обычным приговором: «казнить смертью», правда, в особой интерпретации – «положить на плаху и, сняв, сказать “Ивашка-расстрига! Великие государи положили на милость – смертью тебя казнить не велели, а указали бить кнутом нещадно и сослать в Сийский монастырь”»[8].

В 1700 г. на эшафоте оказались вымогатели из города Венева, находящегося недалеко от Тулы. Земский староста с сообщниками вздумал торговать должностями: выборных таможенных и кабацких старост, с которых получить ничего не удалось, от сборов удалили, а на их место поставили более сговорчивых за 120 рублей. В результате не поздоровилось никому – «и тем, кто деньги взяли, и тем, кто деньги дали, велено [было – *Е.М.*] сказать смерть, положить на плаху и, с плахи подняв, бить кнутом и сослать в Азов с женами и с детьми на вечное житье». Казнь эта была устрашающей, поскольку впредь за «воровство и хитрость в сборах» полагалась натуральная смертная экзекуция[9]. Не прошло и двух лет, как последовало новое распоряжение: сняв с попа Петра Никитина священнический чин, «сказать ему смерть» за «научение» духовного сына лжесвидетельству, затем бить кнутом и отправить опять-таки в Азов на каторгу. Публичное наказание святого отца носило также назидательный характер, поскольку, согласно указу, отныне всех, кто еще рискнет давать неверные показания в суде, ожидал эшафот «безо всякого милосердия и пощады»[10].

Между тем, все перечисленные экзекуции именовались как угодно – *наказанием*, *казнью*, *положением на плаху*, но никак не *политической смертью*. По всей видимости, впервые это понятие появляется в русской правовой терминологии явно не без западноевропейского лингвистического влияния – в громком деле знаменитого толмача Петра I, крупнейшего дипломата и вице-канцлера барона П.П. Шафирова. Само выражение «*политическая смерть*» начинает мелькать в официальных документах уже за несколько месяцев до дела П.П. Шафирова. Так, например, дворянству запрещено было укрываться от службы под страхом «натуральной или политической смерти»[11]. Однако именно инсценированная казнь вице-канцлера стала первым громким наказанием, названным *политической смертью*.

От «казуса Шафирова» к «казусу Остермана»

П.П. Шафиров обвинялся в «упрямстве, учиненном против указов», на заседании Сената 31 октября 1722 г., когда рассматривался вопрос о почтах, находившихся под его управлением более двадцати лет. По регламенту вице-канцлер как заинтересованное лицо должен был покинуть обсуждение, о чем ему и заявил обер-прокурор Г.Г. Скорняков-Писарев, потрясая доской с наклеенным на нее текстом соответствующего указа. Вспыльчивый барон, будучи сенатором, подчиняться не стал и остался на заседании, обругав Г.Г. Скорнякова, приспешника своего давнего противника А.Д. Меншикова, «вором». Всемогущий временщик не остался в долгу, сцепился с П.П. Шафировым, а потом сопровождаемый Г.И. Головкиным и Я.В. Брюсом, покинул собрание. Оставшиеся в компании барона Д.М. Голицын, Г.Ф. Долгорукий и А.А. Матвеев готовы были продолжать слушания, но тут топнул ногой оскорбленный обер-прокурор и заседание Сената закрылось. На беду генерал-прокурор П.И. Ягужинский отсутствовал по делам государственной важности,

[8] См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 3. СПб.: Археологическая комиссия, 1888. Стб. 1071–1444; ПСЗ. Т. 3. № 1395. С. 89–91. 1691 г., 7 марта; *Воскобойникова Н.П.* Челобитные Василия Васильевича и Алексея Васильевича Голицына из ссылки (1689–1714) // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы VI Голицынских чтений. 23–24 января 1999 г. Большие Вяземы: ГИЛМЗ, 1999. С. 7–13.

[9] ПСЗ. Т. 3. № 1722. С. 671. 1699 г., 24 ноября; Т. 4. 1700–1712. № 1819. С. 90–91. 1700 г., 22 декабря.

[10] ПСЗ. Т. 4. № 1893. С. 185. 1702 г., 17 января.

[11] Герольдмейстер «… же повинен смотреть, дабы под именем малых дел [дворяне – *Е.М.*] по городам не укрывались, не маня никому, под штрафом натуральной или политической смерти» (ПСЗ. Т. 6. 1720–1722. № 3896. С. 497–499. 1722 г., 5 февраля).

а сам Петр был в тяжелейшем Персидском походе. Разумеется, до императора дошли известия о скандалах и потасовках среди сенаторов, оставшихся без непосредственного контроля со стороны главных персон. Петра, вероятно, особенно возмутило игнорирование государственных указов, опасное «сенатское несогласие», а также осквернение «чести судебного места надменной бранью».

Сентенция по делу столь крупной политической фигуры была показательной, поэтому без тщательно продуманной театрализации не обошлось. П.П. Шафирова торжественно лишили голубой ленты и шпаги и приговорили к отсечению головы, припомнив и выданное сверх нормы жалованье брату Михаилу, и растрату казенных денег во время поездки во Францию, и, как водится, «еврейскую природу»[12]. Казнь была назначена на 15 февраля 1723 г. в Кремле, где напротив сенатской канцелярии специально установили эшафот[13]. Находившийся тогда в Москве голштинский дворянин Фридрих Берхгольц записал: «Около 7-ми часов утра поехал я в Кремль. Вокруг эшафота стояло бесчисленное множество народа. Когда виновного на простых санях привезли из Преображенского приказа, ему прочли его приговор и преступления. После того с него сняли парик и старую шубу и возвели на возвышенный эшафот, где он стал на колена и положил голову на плаху; но прислужники палача вытянули ему ноги, так что ему пришлось лежать на своем толстом брюхе. Затем палач поднял вверх большой топор, но ударил им возле, по плахе – и тут Макаров от имени императора объявил, что преступнику во уважение его заслуг даруется жизнь»[14].

Смерть прошла совсем рядом с П.П. Шафировым, по всей видимости, навсегда опалив его сердце. Оглушенный, со слезами на глазах, он с трудом сошел с эшафота, не обращая внимания на поздравительные возгласы, и лишь когда ему пустили кровь, промолвил, что лучше уж вскрыть вены, чтобы разом покончить с мучениями. Столь мрачное жонглирование жизнью и смертью одного из первых лиц в империи потрясло и всех присутствующих: кто-то сожалел об этом, как искренне замечает Ф. Берхгольц, «очень честном человеке», кто-то тянул к нему руки с поздравлениями, кто-то строил догадки по поводу наказаний других участников скандала в Сенате. Государь же был очень мрачен, никого не принимал, скрылся в одной из комнат и даже обедал один[15].

Итак, обряд положения П.П. Шафирова на плаху практически впервые в русском законодательстве был назван *политической смертью*[16]. С тех пор подобные экзекуции, практиковавшиеся в судопроизводстве и ранее, ретроспективно получили конкретное терминологическое оформление. Одновременно уточнение определений породило новую форму наказания: публичное переживание заведомой инсценировки смертной казни. Однако мучительное ожидание неизбежного конца, страшные мгновения на эшафоте и ошеломляющее помилование психологически принципиально отличались от символичного театрального действия *политической смерти*, в которое были вовлечены и палач, и преступник.

«Казус Шафирова» дал импульс появлению целого ряда законодательных актов, направленных на повышение авторитета государственных указов среди подданных и ужесточение наказания за бесчинства в присутствиях. Прошло несколько месяцев с момента политической смерти П.П. Шафирова, а случай с «упрямством» барона нет-нет да и всплывал в текстах именных резолюций. В октябре 1723 г. было строжайше запрещено «браниться, здорить, кричать» и уж тем более драться в казенных местах. И если за словесную невоздержанность полагались штрафы и конфискация имущества, то рукоприкладство каралось *политической смертью*. То ли призывы Петра к благочинию не возымели действия, то ли император резонно полагал, что нравы не улучшаются одним росчерком пера, но в начале 1724 г. именной указ «о наказании за бесчинство» был повторен с расширенным толкованием. Власть неукоснительно требовала пристойного поведения в Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях и во всех судных местах, апеллируя к образу Высшего Судьи и называя любой суд *Судом Божьим*. И, наконец, буквально на следующий день последовал еще один устрашающий указ «о важности государственных уставов»,

[12] Кроме того, за П.П. Шафировым признавались и другие корыстные проступки, в частности: самовольное повышение почтовых такс; ловкое присвоение себе драгоценностей свояка А.М. Гагарина; обман полковника Воронцовского, у которого барон под видом займа взял в заклад деревню, а «денег не дал ничего» (См. об этом: *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. Ч. 3. М.: Тип. Каткова и К°, 1860. С. 28; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 9. Т. 17–18. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 456–466).

[13] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 248. Оп. 5. Д. 300. Л. 271 (см. также Л. 263–266, 267–270 об.).

[14] См.: *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 3. С. 28.

[15] *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 3. С. 28–29; *Бердников Л.И.* Евреи государства Российского (XV – начало XX вв.): Литературные портреты. М.: Человек, 2009. С. 82–84.

[16] Так, 24 октября 1723 г. был издан указ «О наказании за упрямство и бесчинство в судебном месте». В этом документе непосредственно упоминались обстоятельства скандала, связанные с именем барона: «Кто такое упрямство учинит, как Шафиров учил в Сенате, <…> казнить политическую смертью» (ПСЗ. Т. 7. 1723–1727. № 4337. С. 142–143. 1723 г., 24 октября).

чтобы неведением, «как в деле Шафирова», никто не отговаривался[17]. Приблизительно в это же время *политической смертью* пригрозили ловким приказчикам в случае, если они посмеют утаивать крепостные души без ведома помещика[18].

После кончины Петра и известного перераспределения политического влияния при дворе был издан указ «О внесении в Верховный тайный совет экстрактов из дел уголовных для доклада Ее Величеству о преступниках, приговоренных к смертной казни или политической смерти»[19]. При всех изменениях в структуре государственного управления этот документ сохранял актуальность на протяжении краткого царствования Петра II и всего правления Анны Иоанновны. Указ, с одной стороны, ставил под более жесткий контроль принимаемые на местах резолюции по уголовным преступлениям, а с другой – еще раз напоминал всем подданным, что высший суд остается исключительной прерогативой венценосной особы. В то же время сама ситуация, когда участь колодников решалась у подножия престола, в целом способствовала сокращению числа «смертных сентенций». Сравнение «мнений» полицмейстерских контор и канцелярий и окончательных приговоров показывает явную тенденцию к смягчению выносимых вердиктов по мере их продвижения к вершинам власти.

Так, граф Б.-Х. Миних, вдобавок ко всем своим регалиям и должностям в 1732 г. возглавивший еще и Петербургскую полицмейстерскую канцелярию, лично рассматривал дело ямщика Никиты Гайгарова, присланное из ямской конторы московской ямской слободы. Этот Никита Гайгаров, бесчинствовавший на дорогах от Петербурга к Красному кабаку и Екатерингофу, «с огня и с розысков» повинился в одном убийстве, двух разбоях и четырех грабежах. Полицмейстерская канцелярия требовала смертную казнь через повешение за ребро, Правительствующий Сенат по доношению Б.-Х. Миниха ограничился «более легкой смертью» с воздаянием за душу погибшего: «повесить в том месте, где он смертное убийство совершил»[20]. А вот в случае с посадским человеком Кондратием Пикиным казнь вообще была заменена ссылкой в Рогервик. Согласно сведениям, поступившим в полицмейстерскую канцелярию от генерал-инспектора Карла Гохмута, этот К. Пикин, будучи в услужении у самого П.И. Ягужинского, украл из казенной палаты деньги, а из гостиного двора – детские вещи, серебряное кружево и занавески. Отсутствие обвинений в убийствах и разбоях показалось неубедительным, и канцелярия настаивала на смертной экзекуции. Б.-Х. Миних же решил ограничиться битьем кнутом, вырезанием ноздрей и каторгой[21].

После издания в 1726 г. указа о запрещении вершить не только смертную казнь, но и политическую смерть без ведома высших государственных органов и доклада императрице[22], приговоры к *политический смерти* не выносились. Более того, сам этот термин практически исчез из законодательных документов. При этом симптоматично, что *положение на плаху* как форма помилования сохранялось в практике уголовных наказаний, однако *политической смертью* данная экзекуция не именовалась. Так, в 1739 г. Сенат постановил: крестьянину Семену Степанову за растление малолетней девки Улиты, дочери солдата Ямбургского полка Луки Зуева, «сказав смерть, положить на плаху и, подняв с плахи, бить кнутом, и, вырезав ноздри, сослать в Оренбург на вечную работу»[23].

Может быть, именно поэтому в самом начале правления Елизаветы Петровны дарование жизни под занесенным топором генерал-адмиралу и первому кабинет-министру А.И. Остерману было названо «всемилостивейшим освобождением от смертной казни», а не *политической смертью*. А.И. Остерман обвинялся в сокрытии завещания императрицы Екатерины I, по которому власть должна была перейти к Елизавете Петровне, попытке возвести на российский престол сына мекленбургской принцессы Анны, а дочь Петра Великого выдать замуж за «чужеземного убогого принца». Вместе с А.И. Остерманом по этому политическому делу проходили еще пять весьма значительных фигур: уже упоминаемый фельдмаршал Б.-Х. Миних, вице-канцлер М.Г. Головкин, обер-гофмаршал Р.-Г. Левенвольд, президент Коммерц-коллегии К.-Л. Менгден и действительный статский советник И.Н. Темирязев. Сентенция, принятая Генеральным судом и Сенатом в полдень 15 января 1742 г., отличалась крайней суровостью: Б.-Х. Миних был приговорен к четвертованию, М.Г. Головкин, Р.-Г. Левенвольд, К.-Л. Менгден и И.Н. Темирязев – к отсечению головы, но самое жестокое наказание ожидало А.И. Остермана – его приказано было колесовать и тело на колесо положить[24].

[17] ПСЗ. Т. 7. № 4337. С. 142–143. 1723 г., 24 октября; № 4431. С. 214–215. 1724 г., 21 января; № 4436. С. 216. 1724 г., 22 января.

[18] ПСЗ. Т. 7. № 4343. С. 146. 1723 г., 5 ноября.

[19] ПСЗ. Т. 7. № 4964. С. 700. 1726 г., 8 октября.

[20] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 781. Л. 324–234 об., 325–328, 330.

[21] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 781. Л. 318–320.

[22] См. указ «О внесении в Верховный тайный совет экстрактов из дел уголовных для доклада Ее Величеству о преступниках, приговоренных к смертной казни или политической смерти» (ПСЗ. Т. 7. № 4964. С. 700. 1726 г., 8 октября).

[23] ПСЗ. Т. 10. 1737–1739. № 7882. С. 881. 1739 г., 24 августа.

[24] См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 7–20 об. См. также: ПСЗ. Т. 11. 1740–1743. № 8476. С. 342–344. 1741 г., 28 ноября; № 8506. С. 567–577. 1742 г., 22 января; № 8775. С. 880–884. 1743 г., 29 августа.

Однако мало кто из государственных персон ожидал высочайшей конфирмации кровавой экзекуции через полтора месяца после того, как императрица поклялась перед образом Спаса никогда более не вершить смертной казни. И хотя работа комиссии по делам титулованных преступников держалась в строжайшем секрете и никакого манифеста о приговоре опубликовано не было, вся политическая верхушка, включая посланников, была очень неплохо осведомлена. Спустя несколько часов после окончания следствия секретарь саксонского посольства И.-З. Пецольд уже доносил первому министру Августа III графу Г. Брюлю придворные сплетни, полученные от вице-канцлера А.П. Бестужева-Рюмина: «Под величайшею тайною сказал он мне, что приговор оказался ужасным и что великий канцлер и генерал-прокурор[25] требовали, чтобы граф А.И. Остерман был колесован, а фельдмаршал Б.-Х. Миних – четвертован. Ее Величество императрица, однако, милосердна»[26]. На следующий день, 16 января, именной указ, направленный в Сенат и Генеральный суд, освобождал преступников и от смертной казни, и от «тяжкого наказания», а также прописывал сценарий положения на плаху А.И. Остермана[27]. 17 января в 8 часов утра высочайшее решение было доведено до сведения Сената, тогда же были внесены и незначительные коррективы в процедуру объявления смертного приговора и помилования[28].

Таким образом, исполнение неизвестной большинству жителей столицы сентенции сразу же приобрело оттенок продуманного назидательного представления, адресованного, прежде всего, простым подданным. 17 января 1742 г. в Петербурге на всех улицах раздалась барабанная дробь и «во всенародное известие» объявили о назначенной на завтра публичной казни «злоумышленных врагов целости империи», «чтоб всякого чина люди о сем ведали и для смотрения приходили»[29].

Ранним утром 18 января перед зданием двенадцати коллегий вокруг сооруженного эшафота выстроились солдаты Астраханского полка, сдерживающие толпу. Однако зловещие приспособления для наказания несчастного А.И. Остермана, приговоренного к колесованию, отсутствовали – на помосте зрители заметили только две плахи и топор. Арестанты давно уже были доставлены из Петропавловской крепости в здание коллегий и дожидались своего выхода. Ровно в 10 часов показалась процессия: давно страдающего подагрой А.И. Остермана в парике, черной бархатной фуражке и лисьей шубе везли на крестьянских дровнях, остальные осужденные шли следом. Все шестеро были абсолютно спокойны, а Б.-Х. Миних, вырядившийся почему-то в серый кафтан и ярко-красный военный плащ, даже вызывающе оживлен. Он дружески шутил с сопровождавшими его солдатами, убеждал их, что не струсит на эшафоте, как не трусил, когда водил их в атаку при Ставучанах и Очакове, а караульному унтер-офицеру, расчувствовавшись, подарил кошелек с червонцами на память.

А.И. Остермана подняли на помост на носилках, усадили на стул и сорвали бархатную фуражку и парик. Он первым выслушал «объявление о винах и преступлениях», зачитанное секретарем Сената Семеном Орловым в присутствии генерал-лейтенанта и обер-камергера С.Л. Игнатьева и обер-секретаря Сената П.В. Севергина[30]. Приговор к колесованию тут же был заменен на отсечение головы[31]. Графа положили на плаху, расстегнули ворот рубахи, обнажили шею, один из палачей держал голову за волосы, другой вынимал топор. В это же мгновение был зачитан указ о помиловании и ссылке на вечное житье в уже печально знаменитый Березов. После этого бывший первый министр невозмутимо приподнялся[32], застегнул ворот рубахи, попросил вернуть «парик и колпак»[33] и, не проронив более не слова, спокойно наблюдал за процедурой обвинения и затем провозглашения смягченного приговора прочим осужденным[34]. Плаха так и осталась неокровавленной, преступники

[25] Речь шла о преисполненных мстительных чувств князе А.М. Черкасском и князе Н.Ю. Трубецком.

[26] Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сборник Русского исторического общества. Т. 6. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1871. С. 401–402.

[27] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 5–6.

[28] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 22–23, 26–26 об.

[29] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 21.

[30] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 41 об.

[31] Е.В. Анисимов остроумно замечает, что «казнь первого министра правительства Анны Леопольдовны А.И. Остермана была уникальна, так как содержала двойное помилование» (*Анисимов Е.В.* Народу у эшафота // Journal of Slavic Research Center. Hokkaido University. 1997. С. 61).

[32] Упоминание историка Н.И. Костомарова о том, что ни о чем не ведавший палач, услышав о помиловании, в сердцах пнул ногой старика, не подтверждается сообщениями присутствовавших на казни очевидцев, – в частности, И.-З. Пецольда и английского посланника Э. Финча (*Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях главнейших деятелей. Т. 2. Вып. 7. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1888. С. 78). См., например: *Kleff B.* Graf Ostermann // Bochum: Ein Heimatbuch / Hg. von B. Kleff. Bd. 4. Bochum, 1938. S. 38–40.

[33] См. замечания Э. Финча: *Пекарский П.П.* Маркиз де ля Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб.: Тип. И. Огризко, 1868. С. 523.

[34] См. об этом: *Галем Г.* Жизнь графа Миниха, императорского российского генерал-фельдмаршала. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1806. С. 217–219; *Шишкин И.И.* События в Петербурге в 1740 и 1741 годах // Отечественные записки. 1858. Т. 118. С. 349–351; *Каратыгин П.П.* Семейные отношения графа А.И. Остермана // Исторический вестник: историко-литературный журнал. Т. 17. 1884. Сентябрь. С. 613–615; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 11. Т. 21–22. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 138–141.

избежали даже публичного наказания кнутом, спектакль был завершен, а собравшаяся на площади чернь осталась без зрелищ. «Вообще вся эта трагическая история, – в тот же день сообщал И.-З. Пецольд своему королю, – прошла без малейшего беспорядка, некоторые из народа, недовольные тем, что никто из осужденных не был казнен смертью, были тот час же приведены к совершенному молчанию»[35]. При этом посланник недоуменно добавлял: «Никто не может с достоверностью сказать, знал ли граф Остерман о том, что он будет помилован или нет»[36]. Между тем сам факт объявления во всенародное известие манифеста «о важнейших винах и преступлениях» осужденных лишь спустя две недели после состоявшегося помилования позволяет предположить, что в день казни у здания двенадцати коллегий собралась толпа зрителей и узкий круг посвященных участников театрализации смертной экзекуции[37].

После театрализованной расправы с А.И. Остерманом и прочими высокопоставленными «злодеями» термин «*политическая смерть*» прочно укрепляется в языке законодательных актов и употребляется, как правило, вместе с понятием «*смертная казнь*». При этом во время моратория на высшую меру наказания значение политической смерти, а также четкого понимания ее процедуры и обряда особенно возрастало.

Политическая смерть и смертная казнь

Не далее, как летом 1743 г. вопрос о соотношении этих двух видов столь зловещих приговоров возник уже в дипломатическом контексте. Шли последние недели затянувшихся переговоров по русско-шведской войне, в результате которой Стокгольм так и не сумел взять реванш и пересмотреть условия Ништадтского мира. Международные амбиции России были уже не столь высокими, а положение императрицы, недавно взошедшей на престол в результате дворцового переворота, не столь прочным, как двадцать лет назад у ее венценосного отца. Любая политическая оплошность могла сорвать подписание так называемого «Уверительного акта»[38], поэтому Елизавета Петровна весьма разгневалась, получив от главнокомандующего П.П. Ласси донесение о случаях мародерства и даже убийства мирных шведских подданных русскими солдатами. Ситуация усугублялась тем, что, по всей вероятности, пострадали даже не шведы, а финны, которым Елизавета за нейтралитет во время военных действий обещала спокойствие и поддержку в борьбе за суверенное государство. Решение о неприменении смертной казни приходило теперь в противоречие не только с приговором главнокомандующего, но и с дипломатическими расчетами.

Выход был найден в сфере терминологии: в обращении к шведскому канцлеру использовалось туманное понятие «*политическая смерть*». Спустя несколько дней императрица писала главнокомандующему: «Господин генерал-фельдмаршал, по сентенции приговорено убийцев и грабителей всех колесовать, а капрала и ефрейтора, которые оных для добычи отпускали, расстрелять <…>; на оное наша резолюция сия есть: хотя они и достойны за свое злодейство по закону Божию и по правам государственным наижесточайшей смертной казни, однако мы, от милосердия нашего, смерти предать их не хотим <…> и о том вы от себя к графу Шленбургу отпишите, что мы таким преступникам никакого упущения чинить не велим, а что их смертью казнить не велели, то объяви, что мы всякие смертные преступления не натуральною, но политическою смертию наказывать уставили»[39] Попыталась Елизавета смягчить оскорбленные чувства не только канцлера Карла Шленбурга (или Гилленборга), но и местных жителей, приказав наказать преступников «там же, где они то злодейство учинили, при шведских депутатах, которым, отыскав, все пограбленное отдать»[40].

Сама сентенция была рассчитана на публичный характер экзекуции и в целом соответствовала приговорам, предусмотренным Соборным Уложением: «Настоящим убийцам отсечь по правой руке и, вырезав ноздри, послать в вечную работу, а капрала и ефрейтора бить кнутом и, вырезав ноздри, тако ж вечно в работу послать в Сибирь, а которые

[35] Дипломатические документы… С. 409–410.

[36] Дипломатические документы… С. 408–411.

[37] Ср.: Манифест о вступлении на престол государыни императрицы Елизаветы Петровны с изъяснением преимущественного права Ее Величества на императорскую корону (ПСЗ. Т. 11. № 8476. С. 542–544. 1741 г., 28 ноября); Манифест об отмене смертной казни приговоренным к оной генеральным судом государственным преступникам Остерману, Миниху, Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву (ПСЗ. Т. 11. № 8506. С. 567–577. 1742 г., 22 января); Указ о рассылке манифеста от 22 января 1742 г. о важнейших винах и преступлениях бывших генерала адмирала Андрея Остермана, фельдмаршала Миниха, вице-канцлера Михаила Головкина… Б.м., 1742 г. 2 февраля; Манифест о злодейственных умыслах разных преступников противу Ее Императорского Величества и об учиненных им наказаниях (ПСЗ. Т. 11. № 8775. С. 880–884. 1743 г., 29 августа).

[38] См. об этом: *Соловьев С.М.* История России… Кн. 11. Т. 21–22. С. 222–223; *Писаренко К.А.* Абоский мир 1743 года // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 106–113.

[39] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 2. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 972–973; см. также: РГАДА. Ф. 248. Оп. 105. Д. 8321. Л. 262–263 об.; Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4; Сенатский архив. Т. 5. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1892. С. 651.

[40] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право… Т. 2. С. 972–973.

то грабленое принимали, тех шпицрутен гонять и на три года в каторжную работу послать»[41].

Данный указ от 2 августа 1743 г., не вошедший, кстати сказать, в Полное собрание законов, остался бы без особых последствий, если бы не «терминологический реверанс» в сторону шведского канцлера. Но упоминание о *политической смерти*, которая заключается в отсечении правой руки и заменяет собой смертную казнь, породит проблемы в сфере реализации уголовного законодательства в XVIII в., искажение в наименовании законов во время кодификации и, наконец, ошибочные выводы в историографии, интерпретирующей мораторий на смертную казнь в царствование Елизаветы.

Во-первых, указ, рассчитанный на дипломатический резонанс и связанный с конкретным фактом мародерства на чужой территории во время мирных переговоров, явно приходил в противоречие с общим мораторием и на политическую смерть, и на смертную казнь. Кроме того, форма публичного наказания бесчинствующих солдат русской армии, представленная в данном указе как политическая смерть и сводящаяся к отсечению правой руки, не соответствовала уже существующему обряду «сказания смерти и положения на плаху». Во-вторых, единственный раз, в 1743 г., промелькнувший в законах тезис о замене смертной экзекуции политической смертью перекочевал в указ от 29 марта 1753 г. в результате поиска сенаторами всех случаев упоминания данного термина и, наконец, определил название указа от 30 сентября 1754 г. – уже в процессе кодификации в XIX в[42]. В-третьих, исходя из данного ошибочного определения основного смысла указа в ПСЗ, некоторые исследователи делали неправомерный вывод о существовании в годы правления Елизаветы Петровны практики замены смертной казни политической смертью[43].

В действительности же натуральная смерть и инсценировка вынесения смертного приговора расценивались как почти равнозначные высшие меры наказания, которые и было запрещено вершить без санкции Сената и высочайшей конфирмации. Более того, смерть и ее публичная имитация настолько тесно сливались в формулировках сентенций, что неизбежно возникал некий терминологический конфликт и потребность в более четких определениях. Проблема дефиниций усугублялась еще и тем, что приговоры к смертной казни и политической смерти должны были оставаться на бумаге. Отчасти поэтому сенаторы избирали путь введения очевидных визуальных отличий помилованных преступников.

Весной 1746 г. на имя императрицы поступает доклад за подписью И.Ю. Трубецкого, А.И. Ушакова, А.Б. Куракина, А.И. Румянцева, А.Б. Бутурлина, И.И. Бахметева, П.И. Шувалова и А.Д. Голицына, которые предлагают: «подлежащи[м] к натуральной смертной казни, чиня жестокое наказание кнутом и вырезав ноздри, поставить на лбу “В”, а на щеках на одной “О”, а на другой “Р”», а осужденным на политическую смерть «чинить наказание кнутом с вырезанием ноздрей». После экзекуции все заклейменные преступники в кандалах должны отправляться «в вечную тяжелую и всегдашнюю работу». В данном докладе в общих чертах прописывался и обряд *политической смерти*: «ежели кто положен будет на плаху или взведен будет на виселицу, а потом объявлена им будет Ее Императорского Величества милость»[44]. Однако статус закона получили лишь некоторые нововведения сенаторов и то с «орфографическими коррективами». 9 июня 1746 г. был издан именной указ «О клеймении воров, разбойников и прочих уголовных преступников словом *вор*, означая на лбу “ВО”, на правой щеке “Р”, а на левой – “Ъ”»[45]. Речь, разумеется, шла только о несмываемом позоре и бессмысленности любого побега осужденных на смертную казнь. Судьба приговоренных к политической смерти, как и содержание самого понятия, оставались пока без высочайшей конфирмации. Доклад подносился Елизавете Петровне еще несколько раз, в 1746 и 1750 гг., но лишь в 1753 получил императорскую резолюцию[46].

Исследователи высказывали предположение, что самодержица хранила молчание несколько лет, так как терпеливо выжидала, когда несколько смягчится позиция сенаторов, стремящихся «компенсировать “натуральную смерть” увеличением

[41] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право… Т. 2. С. 972–973; см. об этом также: РГАДА. Ф. 248. Оп. 105. Д. 8321. Л. 262–263 об.; Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4; *Писаренко К.А.* Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743–1744 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 18. М.: Российский фонд культуры, Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, Российский архив, 1991. С. 33, 45–46.

[42] Несмотря на то, что в указе от 30 сентября 1754 г. ни слова не говорится о замене смертной казни политической смертью, название этого указа дается в историографии по ПСЗ: «О ревизии уголовных дел по разным ведомствам, и о подтверждении указа 1753 г., июня 18 о заменении смертной казни политическою, с объяснением, что почитать сею казнию и что наказанием» (Ср.: Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской: из Правительствующего Сената [30 сентября 1754]. [СПб.] Печатан по определению Правительствующаго Сената при Императорском Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 22 апреля 1776 г.; ПСЗ. Т. 14. 1754–1757. № 10306. С. 235–236. 1754 г., 30 сентября).

[43] См., например: Смерть политическая // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 30[A]. СПб.: Тип. АО «Издательское дело» Брокгауз-Ефрон, 1900. С. 523–524; *Курукин И.В., Никулина Е.А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 556.

[44] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 11–16 об.

[45] ПСЗ. Т. 12. № 9293. С. 558. 1746 г., 9 июня. В 1754 г. вернулись к более рациональному варианту «ВОР» без «Ъ» (ПСЗ. Т. 14. № 10306. С. 235. 1754 г., 30 сентября).

[46] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 33–34.

физических мучений»[47]. Однако решение, касающееся страшной отметки «ВОРЪ» было принято незамедлительно. А из текста доклада следует, что, напротив, его авторы предлагали не калечить преступников, как указывалось в распоряжении генералу П.П. Ласси периода русско-шведской войны, а использовать их труд, причем не столько из христианской жалости, сколько из прагматичного расчета. «Сенат приемлет смелость всеподданнейше донесть, что [ежели] отсечь по правой руке и, вырезав ноздри, ссылать в вечную работу, [то] такие безрукие ни к каким уже работам действительны быть не могут, но токмо туне получать себе будут пропитание»[48].

Наконец, в 1753 г. было дано более развернутое толкование *политической смерти*, которое, однако, ограничивалось описанием уже известного ритуала и наказанием, заменяющим вынесенный приговор. «Сенат рассуждает: политическою смертью должно именовать то, ежели кто положен будет на плаху или возведен будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей или хотя и без всякого наказания, только вечной ссылк[ой]»[49]. Кажущаяся противоречивость данной трактовки заключалась в том, что приговоры к политической смерти оставались без приведения в исполнение, а кнут, вырезание ноздрей и ссылка за «воровство и разбои» применялись повсеместно без каких-либо докладов в Сенат и *политической смертью* не считались. Таким образом, под ту или иную форму высочайшего запрета попадала не только смертная казнь, но и ее инсценировка, практически приравниваемая мораторием к смертной экзекуции по тяжести наказания.

Политическая смерть и шельмование

Руководствуясь современным здравым смыслом, *политическую смерть* логичней было бы уподобить *шельмованию*[50], однако в русском законодательстве XVIII в. эти понятия не отождествлялись. «Воинский устав», «Морской устав», «Краткое изложение процессов и судебных тяжеб», «Генеральный регламент» и ряд именных и сенатских указов связывали шельмование с «тяжелым чести нарушением». Позорное клеймо «ошельмованного» человек получал в результате оскорбительных для личностного и сословного достоинства ситуаций. К таковым относились: пытка, телесные наказания, «пребывание в руках палаческих» или просто обнажение в публичном месте; именование «вором» (что значит «шельма»[51]), прибитое на виселице имя, переломленная палачом шпага, пощечина в присутствии свидетелей, испрашивание прощения на коленях и т.п.[52]

В начале XVIII в., когда собственно и стали практиковать такое наказание, как *шельмование*, отношение к осужденным, «из числа добрых людей извергнутых», строго регламентировалось. Эти несчастные оказывались как бы вне закона и общества – их не разрешалось «в какое-либо дело, ниже свидетельство принимать», им нельзя было находиться на статской или военной службе, их без всяких последствий можно было ограбить и избить, поскольку они не имели права обращаться в суд с челобитной[53]. Но главное наказание для ошельмованного заключалось, по мысли Петра I, в изоляции от людей – под угрозой лишения чинов и ссылки на галеры запрещалось его «посещать и в компании допускать», «ибо, когда увидит, что он со свою братию в равенстве, то скоро забудет все, что ему учинено»[54].

По всей видимости, современники постоянно нарушали столь психологически сложно выполнимое распоряжение, поскольку требование остракизма несколько раз повторялось в петровских указах, сопровождалось весьма эмоциональными толкованиями, но так и осталось благим пожеланием, постепенно вытесненным ограничениями в месте проживания и принесении присяги.

Характерно, что после уже упоминаемой экзекуции Петра Шафирова, побывавшего в «руках палаческих», многие люди у эшафота поздравляли его с неожиданным помилованием. Не менее дружелюбно

[47] См., например: *Писаренко К.А.* Секретные протоколы Сената… С. 33–50.

[48] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 14–16 об.

[49] ПСЗ. Т. 13. № 10087. С. 819–820. 1753 г., 29 марта. Доклад Сената был конфирмован императрицей и подтвержден спустя год (ПСЗ. Т. 13. № 10101. С. 838–839. 1753 г., 25 мая; Т. 14. № 10306. С. 235–236. 1754 г., 30 сентября); РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 14–16 об., 38–40.

[50] Так, например, Е.В. Анисимов полагает, что шельмование как вид наказания было близко к политической смерти, которая в отличие от натуральной смерти не была физическим уничтожением преступника, а уничтожала человека как члена общества (*Анисимов Е.В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб.: Норинт, 2004. С. 246–248).

[51] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. С. 628.

[52] См.: ПСЗ. Т. 5. 1713–1719. № 3006. С. 382, 410; 1716 г., 30 марта; Т. 6. № 3534. С. 15–159. 1720 г., 28 февраля; Т. 11. № 8056. С. 73–75. 1740 г., 28 марта; Т. 15. 1758 – 28 июня 1762. № 11403. С. 884–885. 1762 г., 11 января; Т. 19. 1770–1774. № 13545. С. 179. 1770 г., 21 декабря; Т. 22. 1784–1788. № 16566. С. 883. 1787 г., 27 августа; Т. 23. 1789 – 6 ноября 1796. № 16910. С. 171. 1790 г., 23 октября; и др.; Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 2002. С. 154–168. См. об этом также: *Курукин И.В., Никулина Е.А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии… С. 554–556.

[53] См., например: ПСЗ. Т. 5. № 3006. С. 382, 410. 1716 г., 30 марта; Т. 6. № 3534. С. 158–159. 1720 г., 28 февраля; Т. 15. № 11403. С. 884–885. 1762 г., 11 января; и др.

[54] ПСЗ. Т. 6. № 3534. С. 158–159. 1720 г., 28 февраля.

были настроены гвардейцы по отношению к осужденным на публичную казнь противникам только что взошедшей на престол Елизаветы Петровны. «Солдаты, сопровождавшие Остермана и Миниха, Головкина и Левенвольде обращались с ними весьма ласково, называли их "отцами родными" и всячески утешали»[55], – сообщал очевидец событий секретарь саксонского посольства И.-З. Пецольд.

Несмотря на то что Петр в «Генеральном регламенте» пригрозил отправлять на галеры за дружбу с ошельмованными, судебные преследования исключительно за эту провинность практически отсутствуют. Обвинения в подобных порочащих контактах встречаются лишь как дополнение к перечислению более тяжких преступлений, совершенных осужденными. Так, в 1736 г. был казнен иркутский вице-губернатор Алексей Жолобов за взятки, которые он, как выяснилось, ухитрялся брать со всех – дворян, посадских людей, казаков, ясачных иноверцев, китайских перебежчиков и даже тунгусских шаманов. Алчность чиновника впечатляла: он принимал подношения деньгами, серебром, золотом, бархатом, парчой, тюневой китайкой, верблюдами, лошадьми и т.д. Неудивительно, что ко всем прочим своеволиям этот зарвавшийся вице-губернатор «имел с подозрительными и шельмованными людьми весьма фамильярные дружеские обхождения», однако на плахе он оказался не за эту провинность[56].

После правления Петра отношение законодательства не только к вступающим в контакт с публично наказанными, но и к самим ошельмованным[57] стало более лояльным, а вернее сказать, прагматичным. В 1740 г. разрешено было жить в Петербурге всем битым кнутом, кто имел в столице свой дом, торговые промыслы или просто не проходил по делу Тайной канцелярии, а также бедным солдатским, матросским и «других в службе обретающихся чинов» женам, которых пытали за проступки мужей[58]. В 1761 г. помещики получили право ссылать в Нерчинский уезд не только крестьян, которые «воровством, пьянством и прочими непристойными предерзостными поступками разорение приключают», но и наказанных кнутом, если они не старше 45 лет и годны к работе[59]. Иными словами, столица, а впоследствии Москва и губернские города, закрывались только для так называемых публично наказанных беспаспортных разбойников и воров, людей подозрительных, праздно шатающихся, «от которых никакого добра окроме злодейства быть не может»[60].

Показательно, что в царствование Екатерины понятие «*ошельмованные*» в текстах указов вытесняется определением «*публично наказанные*» с немаловажным добавлением – «по суду»[61]. Подданные, получившие удары кнутом, высылаются в уездные города и там зачисляются в рабочие люди[62]. Петровское требование объявлять ошельмованных вне закона и обеспечивать их психологическую изоляцию ни разу не воспроизводится в законодательстве второй половины XVIII столетия.

Постепенно исчезают и случаи ритуального восстановления чести ошельмованных и их возвращения в «компанию человеческую»[63]. По петровскому законодательству, прошедшие публичное наказание и каторгу офицеры и солдаты могли получить высочайшее прощение через обряд возложения на них знамени и вручения специального указа, подтверждающего снятие вины. Эти бывшие преступники вновь оказывались среди «добрых людей» и отныне никто, «ни мирской, ни духовный», не имел права напоминать им о прошлом[64].

Практика данного символического действа, распространившегося также на находящихся

[55] Дипломатические документы… С. 410.

[56] См.: ПСЗ. Т. 9. 1733–1736. № 7009. С. 876–879. 1736 г., 9 июля. См. об этом также: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. Т. 19–20. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 609.

[57] Исключение составляют наказания за лояльное отношение не собственно к ошельмованным, а к колодникам. См., например, дела о наказании караульного солдата Ивана Козлова за то, что он дал читать колоднику Четьи-Минеи; о протодиаконе Герасиме Иванове, сужденном за разговоры с колодником Тайной канцелярии Алексеем Львовым; о фельдшере Петре Протодиаконове, сужденном за сожаление к участи одного государственного преступника (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 484, 603, и др.).

[58] ПСЗ. Т. 11. № 8056. С. 73–75. 1740 г., 28 марта.

[59] ПСЗ. Т. 15. № 11216. С. 665–666. 1761 г., 15 марта.

[60] См.: ПСЗ. Т. 11. № 8056. С. 73–75. 1740 г., 28 марта; Т. 19. № 13545. С. 179. 1770 г., 21 декабря.

[61] Лишь в самом начале правления императрицы за оскорбления в адрес высочайшей персоны и апеллирование к имени Иоанна Антоновича помилованных поручиков Петра Хрущова и Семена Гурьева было приказано лишить чинов, фамилии, исключить из числа «благородных людей» и «шельмовать публично». Недонесшим на них Ивану и Петру Гурьевым присуждалась «политическая смерть» (ПСЗ. Т. 16. 28 июня 1762–1764. № 11693. С. 91–93. 1762 г., 24 октября; РГАДА. Ф. 6. Д. 396. О Семене, Иване и Петре Гурьевых, Петре и Алексее Хрущовых, имевших намерение лишить престола императрицу Екатерину II. 1762 г.).

[62] В 1790 г. мещанин Максим Золотарев украл у купца Ивана Дорофеева ассигнации и платье, за что получил 20 ударов кнутом и был выслан из Москвы в Калужскую губернию. Калужское наместничество этого публично наказанного принимать в своих уездных городах не захотело, сославшись на отсутствие «о рабочих людях особого постановления», и предложило отправить вора в Тобольск. Сенат эту идею отверг и распорядился наказанных кнутом содержать под надзором городничего и употреблять в казенных или партикулярных работах (ПСЗ. Т. 23. № 16910. С. 171–172. 1790 г., 23 октября).

[63] *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 13.

[64] ПСЗ. Т. 6. № 4083. С. 767–768. 1722 г., 4 сентября. См. также: Дело 1738 года о возвращении шпаги и об освобождении неправильно осужденного поручика Семена Халютина (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 638).

на статской и придворной службе, сходит на нет вместе с термином «*шельмование*» приблизительно в начале правления Елизаветы Петровны[65]. Неслучайно как раз в эти годы автор русского Лексикона историк и государственный деятель В.Н. Татищев определял «исключение из числа добрых людей» понятием «*политическая казнь*», но не «*шельмование*» и не «*политическая смерть*». Среди символических манипуляций над преступником: преломление шпаги, изгнание из войска, объявление в суде «нечестным», клеймение, которые В.Н. Татищев именовал *политической казнью*, главный обряд *политической смерти* – «положение на плаху» – отсутствовал[66].

При этом Екатерина II вовсе не отказалась от назидательных мероприятий, когда наиболее страшные преступления выносились на «всенародный позор» и в эти публичные действия включались те или иные ритуальные элементы *смертной казни*, *политической смерти*, *шельмования* или *церковного покаяния*.

Так, печально известная Дарья Николаевна Салтыкова, жестоко убившая более семидесяти своих крестьян[67], была приговорена Сенатом к смертной казни, замененной на целый ряд унизительных экзекуций, которые имели глубоко назидательный для подданных смысл. С одной стороны, представлялся случай продемонстрировать монаршее милосердие, с другой – использовать практически весь арсенал обрядов, направленных на прилюдное уничтожение личности преступницы. Императорским именным указом Д.Н. Салтыкова лишалась дворянства и фамилий отца и мужа, превращаясь в Дарью Николаеву дочь. Все население Москвы было заранее оповещено о дате ее публичного наказания. В назначенный день Салтычиху вывели на эшафот, установленный на Красной площади, и зачитали вынесенную Сенатом смертную сентенцию, а затем указ Екатерины об изменении наказания. Злодеяния помещицы были настолько чудовищны, что вопрос о помиловании молчаливо обходился, а напротив, заявлялось о «крайнем прискорбии» императрицы по поводу «бесчеловечных смертных убийств». Затем Д.Н. Салтыкову на глазах у собравшейся толпы приковали на эшафоте к столбу и повесили на шею доску с надписью «мучительница и душегубица». Спустя час закованная в железо преступница была направлена в специально для нее сделанную земляную тюрьму Ивановского монастыря, где ей предстояло находиться в темноте и полной изоляции до конца дней, чтобы «лишить злую душу всякого человеческого сообщества». Разумеется, Д.Н. Салтыковой запрещалось святое причастие, а также возможность находиться в храме – она выпускалась из заточения только во время службы, которую слушала у дверей церкви. Очевидно, что власть не слишком волновал вопрос духовного спасения обезумевшей крепостницы. Дело Салтычихи адресовалось прежде всего всему населению, чтобы «указ о наказании Дарьи Николаевой за мучительство крепостных и многие убийства» «всяк был известен и во всем государстве публиковался печатными указами»[68].

Достоинство подданного и самозащита власти

Двадцатилетний мораторий на смертную казнь в России середины XVIII в. стал реальностью, и, может быть, этот факт и побудил Чезаре Беккариа задаться вопросом: «является ли смертная казнь действительно полезной и справедливой в хорошо устроенном правлении». Во всяком случае, именно итальянский просветитель одним из первых с нескрываемым восхищением отозвался об «императрице Московии, подавшей отцам народов знаменитый пример, равный по меньшей мере многим победам, купленным кровью сынов Отечества». «Если только немногие общественные союзы и только на короткое время, – писал он в 1764 г., в подтверждение своих мыслей ссылаясь на историю только что закончившегося в России правления, – воздерживались от смертной казни, то это скорее говорит в мою пользу: такова участь великих истин – подобно молнии, озаряющих лишь на один миг мрачную ночь, которая окружает человечество»[69].

[65] В конце XVIII – начале XIX в. появится публичное прощение дворянина, подвергнутого гражданской казни, а пока в 1742 г. были изданы практически последние указы о театрализованном публичном прощении ошельмованных: указ Ее Императорского Величества об освобождении из ссылки и на публичном месте прикрытии знаменем секретаря придворной конторы Александра Яковлева (1742 г., 16 апреля); указ Ее Императорского Величества о возвращении из ссылки и публичном прощении бывшего генерала Федора Соймонова (1742 г., 14 марта) – РНБ. Русская книга гражданской печати XVIII в. 123/141. См. об этом также: Сенатский архив. Т. 5. С. 320.

[66] «Казнь политическая, когда кто из числа добрых людей извержен и оное бывает без наказания, яко в войске, когда шпагу над ним переломят и из войска выгонят; 2) в гражданском суде, когда кого всенародно за нечестного объявят, хотя и без наказания телесного, всякой чести, достоинства и имения лиша, сошлют в ссылку; 3) когда знак положен будет, яко член тела отсечен, ноздри вырваны или железом горячим на лице знак положится» (*Татищев В.Н.* Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. Ч. 3. СПб.: Тип. Горного училища, 1793. С. 123–124).

[67] С.М. Соловьев пишет о 75 жертвах Салтыковой по обвинению ее же крепостных (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 14. Т. 27–28. М.: Соцэкгиз, 1965. С. 125).

[68] ПСЗ. Т. 18. 1767–1769. № 13211. С. 782. 1768 г., 10 декабря.

[69] *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях». М.: Юриздат, 1939. С. 314–333.

«Императрица Московии» никогда не узнает об этих словах, как не узнает и о влиянии, которое оказал мораторий на состояние умов ее подданных. Собственно о приостановке смертной экзекуции «во всенародное известие» объявлено не было, однако в России сформировались два поколения людей, не видевших эшафота. Профессия палача постепенно утрачивалась[70], как утрачивалось и умение соорудить виселицу, что подтвердили трагические события казни декабристов. У правящей элиты подсознательно возникала привычка к тому, что смертный приговор существует лишь на бумаге и публичные казни не являются главным условием поддержания порядка в обществе.

Еще несколько десятилетий назад не вынутые из петель тела повешенных и прибитые тут же жестяные листы с перечислением их преступлений в назидание прочим были обычной картиной социального пейзажа России[71]. Казалось, что волна бунтов и разбоев накроет страну, если не поселить в сознании подданных «потомственный страх», о котором во время подавления башкирского восстания писал генерал-лейтенант князь Василий Урусов[72]. Первый русский обер-прокурор Павел Ягужинский в специальной записке императрице Екатерине I предлагал направить одного из сенаторов в провинции и наделить его правом «смертью казнить, а пока сие в действо не будет произведено, то ни страху, ни порядку не будет»[73].

Всего за два десятилетия правящая и образованная элита уже вполне была готова к дискуссии о целесообразности высшей меры наказания и масштабов ее применения, и произошло это не благодаря трактату Ч. Беккариа, а в результате внутренней установки императрицы Елизаветы Петровны. Проницательный С.М. Соловьев писал об этом: «Народ должен был отвыкнуть от ужасного зрелища смертной казни. Закона, уничтожавшего смертную казнь, не было издано: вероятно, Елизавета боялась увеличить число преступлений, отнявши страх последнего наказания; суды приговаривали к смерти, но приговоры эти не были приводимы в исполнение, и в народное воспитание вводилось великое начало»[74].

Как свойственно самодержавной России, «это великое начало» претерпело соответствующую трансформацию во время правления другой императрицы и сообразно ее установкам. Екатерина Алексеевна в ночь перед дворцовым переворотом ни русскому, ни немецкому Богу не молилась, никому перед иконой и распятием обетов не давала, а «молитвенником всех государей»[75] почитала, как ни странно, не Новый Завет, а трактат «О духе законов» простого смертного – француза Ш. Монтескье. Поэтому бескомпромиссно противостоять смертной казни она не собиралась, но и злоупотреблять пытками и экзекуциями считала нецелесообразным – исходя из просветительской рациональности.

Более чем за тридцать лет правления императрицы Екатерины II было три громких дела, завершившихся отсечением головы, повешением, виселицей по жребию и четвертованием: заговор подпоручика Василия Мировича, чумной бунт 1771 г. в Москве, приведший к убийству архиепископа Амвросия, и, наконец, пугачевщина. Однако массовые показательные казни участников восстания так или иначе девальвировали образ «милосердной государыни» и в целом не могли способствовать умиротворению подданных. Именно поэтому уже через несколько недель после подавления бунта императрица потребовала предать происшедшее «забвению и глубокому молчанию», похоронить выставленные напоказ тела казненных, а «лобные места истребить». Именно тогда присутственные места получили прямое указание – «а впредь по преступлениям, смертную казнь заслуживающим, поступать по точной силе 1754 года указа»[76], то есть экзекуции не вершить, а дела отправлять в Сенат и на высочайшую конфирмацию.

[70] Подразумевается должность профоса, в обязанности которого входило наблюдение за арестантами и исполнение телесных наказаний.

[71] Так в январе 1726 г. было приказано казнить комиссаров Новгородской провинции Обонежской пятины Никиту Арцыбашева, Григория Баранова и подьячего Якова Волоцкого: «повесить в той Обонежской пятине и написать вины их на жести, прибить к тем виселицам и тел их с тех виселиц не снимать». Преступление, доведенное таким образом до сведения всех жителей, заключалось во взятках и хищении казны – в частности, в покупке хлеба за счет средств из рекрутского подушного сбора и использовании уездных подвод без платежа прогонных денег (ПСЗ. Т. 7. № 4826. 1726 г., 24 января).

[72] *Соловьев С.М.* История России... Кн. 10. Т. 19–20. С. 608.

[73] Записка П.И. Ягужинского о состоянии России // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 4. 1860. С. 271.

[74] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 11. Т. 21–22. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 527. Во второй половине XVIII в. на страницах русской публицистики уже идет открытое обсуждение вопроса не только о целесообразности применения смертной казни, но и о возможности ее отмены (*Десницкий С.Е.* Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. В публичном собрании Императорского Московского университета на высочайший день рождения... императрицы Екатерины Алексеевны... Говоренное онаго ж Университета юриспруденции доктором, римских и российских прав публичным экстраординарным профессором Семеном Десницким апреля 22 дня, 1770 года. [М.]: Печ. при Имп. Московском университете, [1770]). См. об этом: *Lentin A.* Beccaria, Shcherbatov, and the Question of Capital Punishment in Eighteenth-Century Russia // Canadian Slavonic Papers. 1982. Vol. 24. № 2. P. 128–137.

[75] Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1765 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. 10. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1872. С. 29–31.

[76] ПСЗ. Т. 20. 1775–1780. № 14294. С. 104–106. 1775 г., 6 апреля.

Расправа с участниками восстания Емельяна Пугачева станет практически последней смертной казнью в Российской империи вплоть до повешения пятерых декабристов в 1826 г. Во время наполеоновских войн полковник М.М. Петров, впервые в жизни увидевший виселицу недалеко от городка Штропен, был глубоко потрясен: «Между прочим <...> вдруг предстало глазам моим <...> какое-то отдельное строеньице <...> не виданного никогда мною образа: с пятью столбами <...>, стоящими на высоком круглом цоколе. На столбах этих лежали перекладины. Я спросил проводника моего: "Что это такое?" Он отвечал: "Виселица". <...> Тоскливое изумление, как черный ворон, простерлось и объяло душу мою скорбию. "Как, – думал я, – и в те самые минуты, когда, казалось мне, что судьба совершила уже лестные желания мои, приблизив меня в благоговении к божественной Германии, к народу, казавшемуся мне, по описаниям и слухам от многих, благоизбранных нравов, и вот на первом шаге моем к ним встречает меня прекрасное ручательство – виселица!!"»[77].

Во второй период правления Екатерины в большинстве случаев возможность смертной казни аннулировалась сразу на самых низших инстанциях, а на высочайшую конфирмацию поступали, как правило, дела представителей дворянского сословия. И хотя определенная имитация *политической смерти* еще всплывала в некоторых приговорах[78], о самом понятии и терминологических изысканиях предшествующего царствования никто уже не вспоминал. Вырезание ноздрей превращалось в архаику, а семантика клеймения и вместе с тем понимание самого страшного преступления, а может быть, и греха, изменились. Некоторых преступников, помимо вечной «каторжной работы», приговаривали к специальному позорящему обряду: «поставить на лбу под виселицею первую букву слова "убийца"»[79].

Таким образом, в России XVIII в. существовала не только натуральная смертная казнь, но и такие способы социального и личностного уничтожения осужденного, как шельмование, клеймение словами «вор» или «убийца», «положение на плаху», политическая смерть, политическая казнь, преломление шпаги, лишение статуса, родовой фамилии и даже имени. Необъявленный двадцатилетний мораторий на высшую меру наказания, а также его негласное подтверждение после подавления бунта Емельяна Пугачева в известной мере актуализировали эти формы наказания, которые не предполагали лишения преступника жизни. В период правления Елизаветы Петровны так называемая *политическая смерть* или *положение на плаху* после дела А.И. Остермана и Б.-Х. Миниха оказались под запретом, поскольку являлись практической имитацией смертной казни, что, видимо, противоречило обету, данному императрицей. При Екатерине II уходит в прошлое и понятие, и практика *шельмования*, а термин «*политическая смерть*» постепенно заменяется на «*гражданскую казнь*», применяемую исключительно к представителям дворянского сословия. Но несмотря на все нюансы использования «повреждающих честь» наказаний, им свойственно нечто общее: стремление власти к самозащите путем лишения того, что она связывала с достоинством личности.

[77] 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М.: Мысль, 1991. С. 136–137. Благодарю Л.Ф. Писарькову за сведения об этом эпизоде (см.: *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. С. 298).

[78] Так, отставной капитан Турбин за убийство крепостной девушки был лишен дворянства, чинов, фамилии, возведен на эшафот, положен на плаху, заклеймен и сослан навечно в работу (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 15. Т. 29. М.: Соцэкгиз, 1966. С. 115–116).

[79] См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 50 об.–51; Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 51 об.; Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 431; Д. 5159. Л. 199–199 об.; Высочайше утвержденный доклад Сената о наказании за умышленное смертоубийство лишением чинов, дворянского достоинства и постановлением на лбу знака первой буквы слова «убийца» (ПСЗ. Т. 20. № 15032. С. 958–961. 1780 г., 9 июля) и др. См. об этом также: *Соловьев С.М.* История России... Кн. 14. Т. 27–28. С. 126–127; Кн. 15. Т. 29. С. 114–116.

Список литературы

1812 год: Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М.: Мысль, 1991. 477 с.

Анисимов Е.В. Народу у эшафота // Journal of Slavic Research Center. Hokkaido University. 1997.

Анисимов Е.В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб.: Норинт, 2004. 461 с.

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Юриздат, 1939. 464 с.

Белов Е.А. Московские смуты в конце XVII века: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. 94 с. (Отд. отт. Из Журнала Министерства Народного Просвещения).

Бердников Л.И. Евреи государства Российского (XV – начало XX вв.): Литературные портреты. М.: Человек, 2009. 487 с.

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. Ч. 3. М.: Тип. Каткова и К, 1860. 292 с.

Воскобойникова Н.П. Челобитные Василия Васильевича и Алексея Васильевича Голицына из ссылки (1689–1714) // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы VI Голицынских чтений. 23–24 января 1999 г. Большие Вязёмы: ГИЛМЗ, 1999. С. 7–13.

Галем Г. Жизнь графа Миниха, императорского российского генерал-фельдмаршала / Пер. с нем. Василий Тимковский. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1806. 226 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. 712 с.

Десницкий С.Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. В публичном собрании Императорского Московского университета на высочайший день рождения… императрицы Екатерины Алексеевны… Говоренное онаго ж Университета юриспруденции доктором, римских и российских прав публичным экстраординарным профессором Семеном Десницким апреля 22 дня, 1770 года. [М.]: Печ. при Имп. Московском университете, [1770]. 26 с.

Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сборник Русского исторического общества. Т. 6. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1871. С. 387–506.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 424 с.

Желябужский И.А. Записки с 1682 по 2 июля 1709. СПб.: Тип. Имп. Рос. наук, 1840. 314 с.

Записка П.И. Ягужинского о состоянии России // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1860. Кн. 4. С. 269–273.

Каратыгин П.П. Семейные отношения графа А.И. Остермана // Исторический вестник: историко-литературный журнал. Т. 17. 1884. Сентябрь. С. 603–623.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях главнейших деятелей. Т. 2. Вып. 7. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1888.

Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М.: Молодая гвардия, 2008. 638 с.

Пекарский П.П. Маркиз де ля Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб.: Тип. И. Огризко, 1868. 638 с.

Писаренко К.А. Абоский мир 1743 года // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 106–113.

Писаренко К.А. Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743–1744 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 18. М.: Российский фонд культуры, Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, Российский архив, 2009. С. 33–50.

Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1765 // Сборник Русского исторического общества. Т. 10. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1872. С. 29–31.

Пушкин А.С. Стансы // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1950. С. 344.

Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб.: Археологическая комиссия. Т. 1. 1884. 1280 стб.; Т. 2. 1885. 846 с.; Т. 3. 1887. 1472 с.; Т. 4. 1893. 1102 с.

Сенатский архив. Т. 5. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1892. 681 + 48 с.

Смерть политическая // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб. Т. 30[A]. СПб.: Тип. АО «Издательское дело» Брокгауз-Ефрон, 1900. Стб. 523–524.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 9. Т. 17–18. М.: Соцэкгиз, 1963. 701 с.; Кн. 10. Т. 19–20. М.: Соцэкгиз, 1963, 781 с.; Кн. 11. Т. 21–22. М.: Соцэкгиз, 1963. 648 с.; Кн. 14. Т. 27–28. М.: Соцэкгиз, 1965. 670 с.; Кн. 15. Т. 29. М.: Соцэкгиз, 1966. 744 с.

Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 2. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 816–1460.

Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. Ч. 3. СПб.: Тип. Горного училища, 1793. 217 с.

Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 2002. С. 154–168.

Шишкин И.И. События в Петербурге в 1740 и 1741 годах // Отечественные записки. 1858. Т. 118. С. 276–352.

Щербатов М.М. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1984. 175 + 340 с.

Kleff B. Graf Ostermann // Bochum: Ein Heimatbuch / Hg. von B. Kleff. Bd. 4. Bochum, 1938.

Lentin A. Beccaria, Shcherbatov, and the Question of Capital Punishment in Eighteenth-Century Russia // Canadian Slavonic Papers. 1982. Vol. 24. № 2.

Е.Н. Марасинова

Понятие *«политическая смерть»* в России первой половины XVIII в.

Ключевые слова: Русская история XVIII в., политическая смерть, шельмование, мораторий на смертную казнь, политический язык

Аннотация: Статья посвящена политическим последствиям негласного моратория на смертную казнь, неукоснительно соблюдавшегося на протяжении всего царствования русской императрицы Елизаветы Петровны, что привело к ограничению возможностей самозащиты трона, особенно в кризисный период смены придворной элиты после дворцового переворота. Это обстоятельство спровоцировало использование властью таких форм наказания, которые не приводили к физическому уничтожению противника, но демонстрировали окончательную девальвацию его статуса и тем самым обеспечивали полноту возмездия. Уже в первые годы правления императрицы актуализируются восходящие к более ранним эпохам практики *положения на плаху*, *шельмования*, театрализованной казни и появляется в официальных документах термин «*политическая смерть*». Данными способами расправы с оппонентами власть стремилась, прежде всего, разрушить личное и социальное достоинство человека, подвергаемого экзекуции.

E.N. Marasinova

The тotion of the "*political Death*" in Russia in the first half of the 18th century

Key words: Russian history of the 18th century, political death, defamation, moratorium on the death penalty, political language

Abstract: The article is devoted to the political consequences of an unspoken moratorium on the death penalty, which was strictly observed throughout the reign of the Russian Empress Elizaveta Petrovna. It led to a limitation of the self-defense of the throne, especially during the crisis period of the change of the court elite after the palace coup. This circumstance provoked the use by the authorities of such forms of punishment that did not lead to the physical destruction of the enemy, but showed a final devaluation of his status, thereby ensuring full retaliation. Already in the first years of the empress's reign, the practices of sending to the block, *defamation*, theatrical performance of the execution, dating back to even earlier eras, is updated and the term *political death* appears in official documents. These methods of reprisal against opponents of the government were aimed, first of all, at destroying the individual and social dignity of the person being subjected to execution.

О.А. Плех

Дела о наследстве как источник по изучению быта провинциального купечества последней четверти XVIII в.

(на материалах г. Вологды)

Культура повседневности дореволюционного провинциального города – актуальная и активно разрабатываемая тема исторических исследований. Обращаясь к этой проблематике, современные ученые особое внимание уделяют изучению жизненного уклада представителей делового мира[1]. Быт провинциального купечества рассматривается как «сложное и многоуровневое явление», сформировавшееся под влиянием «множества социальных, экономических и культурных процессов»[2]. Столь непростой предмет исследования и многоаспектность решаемых задач требуют привлечения самых разных документальных источников, среди которых хотелось бы выделить материалы по разделу наследственного имущества. Эти документы по сей день остаются малоиспользуемыми применительно к изучению быта провинциального купечества XVIII в.[3] Между тем они, как и духовные завещания[4], являются репрезентативным и информационно наполненным источником, позволяющим судить не только о хозяйственно-коммерческой деятельности, но и о ценностных ориентирах предпринимательского сословия.

В ходе работы с фондами Государственного архива Вологодской области удалось выявить несколько дел о наследстве купеческих семей г. Вологды, содержащих составленные в последней четверти XVIII в. описи движимого и недвижимого имущества[5]. В одном из них речь идет об имении, оставшемся после смерти купцов Исаевых – Михаила и его сына Андрея. На материалах этого дела в настоящей статье предпринимается попытка отразить содержательные возможности данного вида источника, которые позволяют некоторым образом реконструировать облик городской купеческой усадьбы.

Исходя из характера и назначения документов, анализируемые описи исследователи именуют «раздельные реестры», то есть описи, составлявшиеся при проведении семейных разделов.

[1] См., например: *Банникова Е.В.* Повседневная жизнь провинциального купечества: на материалах губерний Урала дореформенного периода: автореф. дис. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Оренбург, 2011; *Белик А.А.* Культура повседневности провинциального купечества конца XVIII – первой половины XIX вв.: На материалах Вятского края: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. культурологии. Киров, 2005; *Лернер Л.А.* Пространство повседневности русского купечества в XIX веке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 57. С. 204–210; *Маслова И.В.* Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв.: на материалах уездных городов Вятской губернии: автореф. дис. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Казань, 2011; *Ульянова Г.Н.* Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М.: Форум, 2012; и др.

[2] *Маслова И.В.* Культура повседневности уездного купечества в России в XIX – начале XX столетия: на материалах Вятской губернии // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2010. № 3 (11). С. 16.

[3] См., например: *Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю.* Описи купеческих имений XVIII века как источник по истории русского города // Рязанская вивлиофика: ист. альманах. Вып. 1: Памятники письменности в музеях и архивах Рязанской области. Рязань: Александр Рутман, 2000. С. 29–46; *Сазонова Е.И.* Материалы к истории мещанско-купеческого быта Ростова XIX века // Труды Ростовского музея. Ростов: РЯМЗ, 1991. С. 48–69; *Шадунц Е.К.* Сведения о провинциальном быте конца XVIII в. по описи имения Угримовых во Владимирской и Ярославской губерниях // История и культура Ростовской земли. 2006: материалы науч. конф. (12–14 ноября 2006 г., г. Ростов). Ростов: [Б. и.], 2007. С. 107–114.

[4] Подробнее см.: *Добычина Т.А.* Особенности духовного облика провинциальных предпринимателей второй половины XIX века (по материалам духовных завещаний) // Рождественский сборник. Вып. 15: Мат-лы конф. «Российская провинция: история, традиции, современность». Ковров: Маштекс, 2009. С. 78–87.

[5] Государственный архив Вологодской области. Ф. 1. Оп. 5. Д. 72; Ф. 178. Оп. 3. Д. 283.

Исследователи полагают, что они отличаются наибольшей полнотой и достоверностью, поскольку «члены купеческой семьи были напрямую заинтересованы в максимальном учете всего имущества»[6]. В материалах, как правило, содержалось описание земельных участков (застроенных и пустопорожних), строений (жилых и хозяйственных построек, торговых и промышленных заведений) и движимого имущества (домашняя утварь, производственный инвентарь, товары и проч.). Иными словами, раздельные реестры включают подробное описание движимого и недвижимого имущества, позволяющее не только охарактеризовать устройство городской усадьбы, но и наблюдать организацию промышленного производства. Особую ценность выявленным документам придает то, что Исаевы являлись довольно состоятельной, по меркам провинциального города, купеческой семьей[7].

Дело о разделе наследства началось в Вологодском городовом магистрате в январе 1786 г. Предыстория судебного разбирательства была следующей. В марте 1781 г. умер глава семейства Михаил. Его имение перешло в общее владение его жены Матрены и единственного сына Андрея. Однако уже в апреле 1782 г. умер Андрей. По закону имущество должны были разделить в соответствии с «указными частями»: Матрена, вдова Андрея Надежда и дочери Михаила – Аграфена Попова и Александра Козлова[8]. Судя по материалам дела, еще в 1784 г. наследницы смогли между собой договориться: Исаевы – вдова и дочери Михаила – должны были выплатить Надежде денежную компенсацию. Часть движимого имущества, «состоящего в торгах и промыслах», Надежда уступила за 4000 руб. Что же касается остальных вещей и недвижимости, то процесс согласования конкретной суммы затянулся[9]. Ситуация обострилась, когда в 1785 г. Надежда вышла замуж за коллежского асессора Вологодской казенной палаты Д.А. Петрова. По всей видимости, именно он, чиновник, хорошо знакомый с юридическими тонкостями имущественных споров, посоветовал жене обратиться за защитой своего наследства в суд. Подавая иск в январе 1786 г., Надежда указала, что ее бывшая свекровь и золовки распоряжаются имуществом по своему усмотрению, в связи с чем она просила городовой магистрат «учинить обстоятельную опись» имения и выделить причитающиеся ей «указные части». Кроме того, она особо подчеркнула, что «если при той описи» чего-то «не явится», то подаст еще один иск, поскольку Матрена с дочерями без ее согласия «чинят распродажу в разных городах» (речь шла о товарах)[10]. Исаевы, со своей стороны, просили произвести оценку собственности, чтобы Надежду «удовольствовать деньгами». При этом указали, что на «состоящее в торгах и промыслах движимое имение» она уже не может претендовать, поскольку, согласно прежней договоренности, с ней сполна расплатились и потому о «распродаже» товаров не должны давать «никакого ни в чем отчету»[11].

В марте 1786 г. Вологодским городовым магистратом была произведена опись имения. Отметим, что в изучаемый период процедура описи и оценки имущества не была законодательно регламентирована. На практике были возможны два варианта действий. Первый – описание имущества по мере продвижения по земельному участку / усадьбе / зданию. Речь идет о параллельном описании недвижимых объектов и находившегося в них движимого имущества. Для исследователя такие документы представляют особый интерес: знакомясь с описью, по сути, можно увидеть имение глазами оценщика, который, переходя от здания к зданию, из комнаты в комнату, фиксировал не только назначение помещений и размещенные в них вещи, но и нередко указывал на примечательные особенности внутреннего убранства (иными словами, что видел, то и описывал). Однако в этом же заключается и сложность работы с такого рода документами. Во-первых, оценщик мог передвигаться по усадьбе совершенно произвольно. Расположение в реестре зданий / помещений друг за другом вовсе не означало, что они находились рядом. В особенности проблематично представить местонахождение недвижимости на земельном участке, так как опись не предполагала составление планов и схем объектов. Оценщик, конечно, пытался привязать объекты друг к другу (например, «возле того каретника хлев», «возле того хлева конюшня», «при передних воротах строение» и т.п.), но это далеко не всегда вносило ясность (например, здание расположено «по левую руку», «по правую руку»). Кроме того, в самой описи движимые и недвижимые объекты перемешиваются, они рассредоточены по всему

[6] *Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю.* Описи купеческих имений XVIII века... С. 32.

[7] Подробнее см.: *Козина Г.Н.* Вологодские купцы – фабриканты и заводчики (XVIII – начало XX века) // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 85–148.

[8] По сведениям из Обывательской книги г. Вологды, Аграфена Исаева была замужем за Петром Филипповичем Поповым, который «за невладением руками и ногами» ничем не занимался, но сама Аграфена, «по объявленному капиталу» в 1792 г., вела торговлю в сибирских городах и имела «морской вояж» (ей принадлежали паи на разных судах). Мужем Александры был Иван Иванович Козлов, первогильдейский купец «торгового промысла», в 1780-е гг. организовавший в усадьбе Исаевых кожевенное производство (Государственный архив Вологодской области. Ф. 476. Оп. 1. Д. 17. Л. 183 об.–184, 384 об.–385).

[9] Государственный архив Вологодской области. Ф. 1. Оп. 5. Д. 72. Л. 55–55 об.

[10] Там же. Л. 51–51 об.

[11] Там же. Л. 55 об., 109.

документу, соответственно, для того, чтобы установить, сколько, например, в имении было икон или книг, необходимо внимательно изучить всё содержание и самостоятельно произвести подсчет. Второй вариант описания – это составление раздельных списков для недвижимости и движимого имущества. В таких описях, как правило, присутствуют определенная систематизация вещей и своего рода порядок фиксации объектов. Так, среди недвижимости первым описывается главный жилой дом, затем близлежащие хозяйственные строения (службы), а уже потом постройки «на заднем дворе». При этом характеристика земельного участка могла располагаться как до, так и после описания зданий. В описях движимого имущества был представлен перечень вещей с группировкой по их назначению (иконы, картины, книги, мебель и т.д.); обыкновенно, документ начинался с перечисления предметов религиозного культа.

В деле купцов Исаевых применялся первый вариант описания усадьбы. Изучаемый документ отражает, что оценщик сначала измерил и указал размеры земельного участка, а затем приступил к описанию объектов, расположенных на участке, начав «с заднего конца двора» и закончив главным жилым домом. Движимые объекты перечислялись в ходе описания недвижимых. Сделанные записи выглядят весьма хаотично и требуют очень внимательного анализа. Так, к примеру, описание главного дома следует после ветхого сарая и начинается со слов: «в каменных его Исаева палатах движимого имения…»[12]. Далее следует перечисление вещей. По содержанию очевидно, что оценщик начал с описания большого зала, расположенного на втором этаже (хотя прямого указания на это в тексте нет). Затем он перешел к прихожим покоям, переднему крыльцу, передним покоям, «задним маленьким покоям», кладовым, потом поднялся на третий этаж и, наконец, спустился на первый. Описание главного дома заканчивается указанием на его размеры и расположение на участке.

Необходимо также отметить, что в изучаемый период не существовало типового формуляра описи. По всей видимости, в каждом учреждении общепринятым являлся сложившийся на практике образец такого документа[13]. Анализируемый документ представляет собой рукопись на 27 листах. Записи сделаны одним почерком, поправки немногочисленны и выполнены тем же почерком (видимо, делались на месте). Документ заверен ратманом Захаром Кочергиным. При описи присутствовала Аграфена Попова, о чем сделана соответствующая пометка («руку приложила»), и Надежда Петрова (на обороте последнего листа присутствует запись, сделанная от ее лица). В документе выделено три графы: порядковый номер объекта, звание вещей, их оценочная стоимость (рубли, копейки). Последняя графа, к сожалению, осталась незаполненной, что не позволяет судить об общей стоимости имущества Исаевых, которая представляется весьма значительной. Всего в опись внесено 578 объектов, однако их наличное количество было гораздо большим, поскольку под одним порядковым номером чаще указывалось несколько вещей (например, № 136 – 3 стула столярных, № 138 – 4 книги Четьи-Минеи, № 179 – 3 зеркала больших, № 426 – 6 блюд оловянных глубоких, № 468 – 10 ящиков краски, и т.д.).

Итак, что же можно увидеть из описи имения Исаевых? Усадьба располагалась в Заречной части города, на набережной р. Вологды, в престижном месте – напротив соборной церкви и архиерейского дома. Размеры усадебной земли представляются довольно внушительными: ширина составляла 34 сажени, длина – 148 (или 72,54 × 315,77 метров). Здесь располагался жилой трехэтажный каменный дом, а во дворе многочисленные деревянные здания производственного и хозяйственного назначения (есть основания предполагать, что застройка была осуществлена после произошедшего в 1773 г. в этой части города сильнейшего пожара).

Жилой усадебный дом главным фасадом обращен на набережную. Он занимал участок 15 × 20 метров: «палаты трехэтажные, состоящие по берегу реки Вологды, вдоль длиною от переднего угла до передних ворот 7 сажень, да на дворе крыльцо на 1 сажень, от воротного угла на двор в длину меж палатой мерою 9 сажень»[14]. Это здание сохранилось по сей день (Набережная VI Армии, 95 / Рубцова ул., 1), оно известно как дом дворянской богадельни. Выявленные архивные материалы не позволяют узнать, каковы были итоги судебного разбирательства, однако известно, что усадьба в конечном счете перешла во владение Надежды Петровой. В XIX в. хозяева особняка неоднократно менялись, а в 1903–1904 гг. в нем был устроен дом для призрения потомственных дворян.

Внешний облик дома лаконичен и выдержан в духе классицизма: углы здания оформлены плоскими широкими лопатками; над высокими прямоугольными окнами второго этажа размещены декоративные фронтоны на кронштейнах; горизонтальное членение фасадов подчеркнуто межэтажными поясами и подоконными тягами; фасадный карниз украшен модульонами (сильным

[12] Там же. Л. 25 об.

[13] В научной литературе имеется ряд опубликованных описей имущества последней четверти XVIII в., оформление которых было различным (см., например: *Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю.* Описи купеческих имений XVIII века… С. 38–46).

[14] Государственный архив Вологодской области. Ф. 1. Оп. 5. Д. 72. Л. 48 об.

перестройкам здание не подвергалось и в целом сохранило свой первоначальный вид). Что же касается внутреннего убранства, то известно, что второй, парадный, этаж имел высокие потолки и окна, третий и первый этажи – сводчатые перекрытия, в покоях затворы на окнах и двери были железными. Об остальном судить довольно сложно, поскольку в описи имущества отсутствует подробное описание интерьеров. Отрывочные сведения можно найти лишь в дореволюционной литературе. В частности, Г.К. Лукомский, предполагавший, что особняк был построен «богатым откупщиком», особое внимание обратил на печи с изразцами: «здесь печи – несомненные свидетели еще того времени, когда на кораблях и барках были привезены морем из чужих стран печные изразцы, т.е. конца XVII века»[15]. Изразцы, служившие главным украшением дома, имели разный рисунок: были характерные для «петровского времени» голландские («лиловый и синий рисунок на белом фоне»), были и крупные «кафли» с орнаментом, напоминавшим персидские ковры. Г.К. Лукомский считал, что первые могли быть привезены из Англии или Голландии, а вторые были русского производства.

В описи содержится исчерпывающий перечень наличного движимого имущества, находившегося в главном доме. Опись начинается с большого зала[16]. Из мебели здесь указывалось следующее: один дубовый шкаф с комодом («наверху двери створные, стекольчатые, о семи стекол, а внизу два ящика выдвижные и двои дверцы с растворами и одни подъемные»), три стола («живописные с полами крашеные»), четыре стула (три «столярные, простые, с кожаными подушками, подержанные» и один «резной с канфовой желтой подушкой»), одна кровать («столярной работы, крашеная»), одно паникадило («медное, посредственной величины»), три зеркала (два из них «посредственной величины в золотых рамах, из них одно поменее в золотых резных рамах с вензельком», одно «небольшое в ящичке синем крашеном»). Здесь же располагался еще один деревянный шкаф, наполненный книгами, среди которых насчитывались 21 печатная[17] и 6 рукописных[18].

[15] *Лукомский Г.К.* Вологда в ее старине. СПб.: СКЛИИ, 1914. С. 284.

[16] Государственный архив Вологодской области. Ф. 1. Оп. 5. Д. 72. Л. 25–28 об.

[17] Четьи-Минеи (4 шт.), Беседы Иоанна Златоустого (2 шт.), Обличительные на иконоборцов, Апостольские деяния, книга Григория Назианзина, две книги Октоихов осмогласных, книга Ефрема Сирина, Минея общая, Библия, История древнего словенского народа, Псалтырь, Минея праздничная, Триод («цветная, самая ветхая»), Минея праздничная («самая ветхая, печатная, без переплету и без досок»), две книги нотные (см.: Государственный архив Вологодской области. Ф. 1. Оп. 5. Д. 72. Л. 27 об.–28).

[18] Триод постная, Октай, Часослов, Пролог (2 шт., обе ветхие), Устав (см.: Там же).

Почти все книги были религиозного содержания. Комнату украшали 14 икон, из которых 8 в серебряных позолоченных окладах, при этом три характеризовались как «старинные». Кроме того, украшением служили четыре картины, среди которых три, «писанные на холстах живописью Адама и Евы», и «портрет Великого князя Павла Петровича».

В прихожей располагались стол, стул и две скамейки, а также две иконы (одна из них – образ Всемилостивого Спаса с евангелистами – большая, на четырехлистовой доске, на ней один серебряный венец, а перед ней медная лампада с железной цепочкой; вторая – образ Троицы Живоначальной, «писаный по стеклу») и картина («о четырех временах года, самая ветхая»). Кроме того, здесь находилась «письменных дел шкатулка», где хранились документы, письма, долговые расписки, векселя, записные (черновые) тетради Михаила Исаева, а также «в бумажке слитков серебра лому 12 штучек и самые малые и тоненькие»[19].

В передних сенях были три иконы, и еще одна «на переднем крыльце». Богатое убранство имели передние покои[20]. В них находились 11 икон – пожалуй, в самых дорогих окладах (10 икон в серебряных позолоченных окладах, при этом у пяти – оклады «жемчужные с камешками»), две картинки, «печатные на бумаге, немецкие, в рамах столярных простых», и одна «небольшая, живописная, писаная на холсте, старинная». Из мебели здесь располагались: кровать, стол («большой живописной с полами»), небольшой столик, два стула («резные с канфовыми желтыми подушками»), два кабинета с ящиками, один большой остекленный шкаф и два небольших, три больших зеркала («стеновые в рамах золоченых по полименту с вензельками») и два небольших, часы «столовые в медном корпусе, резные и чеканной немецкой работы» и часы «столовые медные изломанные», а также небольшая медная шкатулка. В большом шкафу хранилась посуда из разных материалов (фарфоровая, стеклянная, хрустальная и каменная), причем многие предметы немецкого и китайского производства.

В следующей небольшой комнате[21] также было много предметов религиозного культа: 16 икон (7 в серебряных позолоченных окладах), два креста (один «поклонной медный резной»), медная лампада с цепями, «печатная картина» с изображением Печерской Богоматери с прочими «молящими» святыми. Здесь же находились стол, две скамейки, два стула с перилами и кожаными подушками, остекленный шкаф, немецкое зеркало, большое количество серебряной посуды, а также четыре сундука: в первом хранились многочисленная медная

[19] Там же. Л. 43 об.–44.

[20] Там же. Л. 29–31 об.

[21] Там же. Л. 32–42 об.

и оловянная посуда[22] и два ковра, во втором – два детских одеяла, мужская одежда[23], 6 шуб и несколько лоскутов меха, в третьем – шляпы, китайский халат, ткани[24], медная и оловянная посуда, цветная китайская каменная посуда, гири, два коромысла, бумага, нитки, 10 цветных сибирских ковров, в четвертом – большом, окованном железом – «набойчатые по выбойке разных рук платки»[25]. Кроме того, в этой же комнате хранились 10 ящиков вейновой водки (всего 144 штофа и 120 полуштофов), 22 ящика и 3 коробки красок (в том числе «деланной на берлинский манер»), оловянный ящик со старой одеждой, остатками тканей, остатками и целыми кусками кожи, бумагой и проч. В «нижней кладовой палате» также находился еще один сундук с мужской одеждой.

На третьем этаже особняка находились две «холодные» комнаты с девятью окнами. Из мебели здесь имелись два кресла с перилами, обитые желтой фанзой, и 5 стульев, также обитые фанзой[26]. На первом этаже были устроены две комнаты. В одной из них насчитывалось 9 икон (7 в серебряных окладах), 5 стеновых зеркал (3 в золоченых рамах, одно небольшое хрустальное), два медных подсвечника, стол расписной с полями, три маленьких столика, два стула с резными перилами и канфовыми желтыми подушками, три стула с кожаными подушками, кровать, кабинет «черепаховый с часами, при нем статуйки и зонтик, оправленные серебром», серебряные «поломанные» часы, остекленный шкаф с посудой[27]. В другой комнате размещались 4 иконы в медных окладах, 4 картины на холстах («с разными изображениями»), напечатанная на бумаге картина с изображением «море окияна», стеновое зеркало, стол, небольшой столик и 4 скамейки[28].

Рядом с усадебным домом стояла «изба людская» – небольшое деревянное строение с тесовой кровлей, простым крыльцом и железной дверью. В ней находилась простая кирпичная белая печь. Следует отметить, что окна в избе были ветхими волоковыми (слюдяными)[29], что любопытно, поскольку все прочие строения, расположенные на участке (даже баня и амбары), имели стеклянные окончины. Здесь, по всей видимости, проживали люди, находившиеся в услужении у Исаевых, которые, между прочим, были внесены в опись движимого имущества: две семьи «из калмык» (Иван Васильев, 45 лет, с женой Афимьей, 30 лет, и малолетними детьми: Никитой, Аграфеной и Авдотьей; Андрей Васильев, 25 лет, с женой Ириной, 22 лет) и один вдовствующий русский мужчина (Осип Андреев, 50 лет)[30]. Также в документе отмечено, что дети Ивана Васильева записаны в мещанское сословие.

У заднего крыльца главного дома, на левой стороне двора стояла баня с простой белой кирпичной печью. При ней были устроены сени с двумя окнами[31].

На территории усадьбы располагался ряд зданий производственного назначения. Известно, что с 1768 г. Михаил Исаев владел небольшим заводом, на котором было организовано производство зеленого стекла и стеклянной посуды. Завод был закрыт в 1781 г., когда умер глава семейства. В описи имущества перечисляются хранившиеся в одном из амбаров вещи, оставшиеся от производства стеклянной посуды (о чем далее будет сказано).

В 1773 г. Михаил открыл выбойчатую фабрику с капиталом в 1 500 руб. (на ней использовался вольнонаемный труд)[32]. Она размещалась у «задних ворот» в двух объединенных сенями деревянных «светлицах» – строение длиной 7 и шириной 6 саженей[33]. В первой светлице с тремя дверями и 10 большими окнами были белая кирпичная печь, 7 фабричных верстаков плотничной работы («старые и поломанные»), чугунный котел и три деревянных шкафа. Стены украшали 3 иконы и 4 картины («ветхие и подранные»). Во второй светлице, имевшей также белую кирпичную печь и 6 больших

[22] Описание посуды было простым и кратким, например: «один поднос большой четвероугольный», «три дюжины тарелок плоских старых», «два стакана маленьких гладких», «один самовар» и т.п.

[23] Описание одежды было кратким и могло включать указание на ткань («суконный», «бархатный», «шелковый» и т.п.), цвет («синий», «песочный», «оливковый» и т.п.), особенности шитья и кроя («подбит байкой», «безрукавной», «без подкладки»), в некоторых случаях указывалось, что изделие заграничного производства («немецкий», «китайский»). Например, «кафтан коричневой с медными пуговицами», «камзол шелковый рисованной», «шуба суконная песочная, мех барсовый, поношенная», «кафтан суконной алой немецкой» и т.п.

[24] Ткани перечислялись самые разнообразные (канфа, китайский бархат, даба, даленба, камлот, атлас, фанза и т.д.), разных размеров (в одних случаях фиксировали точный размер в аршинах, в других указывалось: «кусок», «остаток», «конец»).

[25] Ввиду того, что Исаевы владели выбойчатой фабрикой, здесь хранились и готовые платки, и заготовки для производства. В частности, перечислялось следующее: «в 1 штуке большей руки 8 платков; 17 штук средней неотделанных 285 платков; в 10 штуках синих средней руки 73 платка; в 54 штуках средних цветных 309 платков; в 14 штуках малой руки синих и цветных 121; в 10 штуках выбойки цветной мерою 136; 1 штука выбойки мерою 8 аршин; в 6 штуках миткали белой целых кусков; 1 штука той же миткали белой 8 ⅛ аршин; 3 штуки лаек белых целых» (см.: Государственный архив Вологодской области. Ф. 1. Оп. 5. Д. 72. Л. 40 об.–41).

[26] Там же. Л. 44–44 об.

[27] Там же. Л. 45–48.

[28] Там же. Л. 48–48 об.

[29] Там же. Л. 25.

[30] Там же. Л. 44 об.

[31] Там же. Л. 25.

[32] *Индова Е.И.* О российских мануфактурах второй половины XVIII века // Историческая география России, XII – начало XX в. М.: Наука, 1975. С. 293.

[33] Государственный архив Вологодской области. Ф. 1. Оп. 5. Д. 72. Л. 19 об.–20.

окон, находились деревянный куб с железными обручами, большая железная решетка, дубовая бочка, две простые набойчатые доски, «что набиваются масляной краской синей», 22 простые деревянные доски, два чана с вязовой золой, большой кирпичный очаг; на чердаке хранился станок с токарными инструментами. В этом помещении также имелась икона. Светлицы соединялись сенями, где стояла галанда с прибором и инструментами, круг на столбах, окованный железом, «на железном ходу с болтами». Рядом с описываемым зданием стояла красильная изба с кирпичными печью и очагом. Судя по описанию имения, на момент, когда оно производилось, фабрика уже не работала. Скорее всего производство было свернуто после смерти Андрея Исаева.

Недалеко от усадебного дома стояла пивоварня с сараем, оборудованная четырьмя котлами, 8 старыми чугунами и 4 старыми бочками[34]. Рядом с пивоварней также стоял ветхий деревянный сенник, где хранились двое старых саней и новый пивной чан.

На территории двора располагалась действующая кожевня, принадлежавшая мужу одной из дочерей Михаила – Ивану Козлову[35]. В ней имелись кирпичная печь и 18 чанов с кожами (один чан вмещал 170 кож). При кожевне был выстроен сарай, в котором стояла коляска и зимняя лежанка, обтянутая клеенкой. Здесь же хранились лодка и челн.

На участке имелось множество хозяйственных построек. По левой стороне тянулась линия из пяти старых деревянных амбаров (4 × 5 саженей)[36]: в первом хранились три деревянные масляные бочки, во втором – 20 березовых старых и поломанных дровен, 4 кибитки и двое розвальней. Про содержимое третьего амбара ничего не сказано. В четвертом было 65 простых коробок и ветхая лежанка, обитая кожей; в амбаре имелось два чулана с тремя сусеками и один «глухой», в котором лежали инструменты от галанды, «выбоечные» инструменты, набоечные доски и другие вещи, использовавшиеся в производстве платков. В пятом амбаре стояла дорожная коляска «с дрогами и со всем к ней принадлежащим прибором». За линией амбаров находились сараи, в которых хранились ветхая лодка, а также бревна и тес, «следуемые на дрова». Рядом стояла старая ветхая строгальня с кирпичной печью, шестью окнами с «затворками» и провалившимися полами.

Недалеко от кожевни стояли два небольших ветхих амбара, а при них два старых и поломанных железных котла. Рядом находилась летняя «белая» баня. Тут же – старая «свешная» изба с кирпичной печью и пятью окнами без окончин. Далее располагался амбар, в котором хранились старые чаны, бочки и кадушки, два небольшие жернова и колеса. По соседству стоял небольшой каретник. В нем размещались карета, возок, летняя одноколка, большие и маленькие сани. Возле каретника находился «скотский» хлев и три конюшни (в них – две лошади, два вороных мерина, две дойные черные коровы). Неподалеку от конюшен – хлебный амбар с 6 сусеками, одним чуланом и чердачным помещением. Содержимое амбара было следующим: 70 пудов ржаной муки, 2 четверти овса, 2 четверти ячменного солода, одна мера ржи и одна мера ржаного солода, а также деревянная посуда (лукошки, кадушки, ведра); на чердаке – 16 больших и малых новых деревянных бочек и кадок[37].

По правой стороне участка также тянулась линия из больших старых амбаров. Здесь хранились остатки стекольного производства, а также самые разные вещи: 5 медных котлов, медные «свешные» формы, маленький ведерный сальный котел, чугунная чашка, 6 ящиков с зеленым стеклом, якорь, «кошки», коромысла, гири, «барочные» снасти, веревки, хомуты, седла, парус, ручные пилы, краски, глина, листы железа, сандал, гвозди, бочки и бочонки, железные решетки и ставни, ветхие стеклянные окончины, 6 стеклянных колоколов, старая посуда и поломанная мебель и проч. Наверху в амбарах в три яруса была размещена стеклянная тара («без счету»): бутыли четвертные полуведерные, «полуосьмушные» кувшины, четвертные бутылки, «полуосьмушные» бутылки, «осьмушные» штофы и тара других «разных сортов»[38]. Недалеко от амбаров и «передних» ворот размещались два погреба, крытые тесом с вышками и сушильным окном.

Помимо собственности, расположенной в пределах усадьбы, Исаевы владели деревянными лавками, построенными на казенной земле в гостином дворе, сдававшимися в аренду. Одну лавку размером 2 × 3 сажени по договору с Михаилом Исаевым арендовал мещанин Андрей Котовиков («с которого году не помнит») за 8 руб. 50 коп. в год. Еще две лавки (общий размер – 3 × 3 сажени) были отданы Василию Волкову и Матвею Рогожину за 6 и 8 руб. в год соответственно[39].

Опись имущества Исаевых – довольно подробный документ. О его достоверности и полноте говорит тот факт, что Надежда Петрова, хорошо знакомая с составом имущества, ознакомилась с описью и на обороте последнего листа своей рукой вписала вещи, которых на месте «не явилось». В частности, речь шла о личных вещах Михаила Исаева (золотых карманных часах, золотом перстне с голубым

[34] Там же. Л. 25–25 об.

[35] Там же. Л. 21.

[36] Там же. Л. 20 об.–21.

[37] Там же. Л. 21 об.–22 об.

[38] Там же. Л. 23–25.

[39] Там же. Л. 49.

яхонтом, серебряных мужских пряжках, мужских пряжках с хрусталем, шинели коричневой суконной на стамедной подкладке) и четырех больших ящиках вейновой водки[40]. В остальном содержание описи не вызвало сомнений у истицы.

Представленное описание имущества Исаевых свидетельствует о том, что они владели довольно значительной по размерам городской усадьбой с большим трехэтажным жилым домом. Они могли себе позволить содержание прислуги, которую, по всей видимости, воспринимали как своих дворовых людей. Большой земельный участок позволял организовать здесь производство (стекольная и выбойчатая фабрики, кожевня), хранение товаров и инвентаря. Среди движимого имущества было представлено много ценных вещей, в том числе немецких и китайских. Помимо многочисленной мебели и посуды из разных материалов у Исаевых насчитывалось 64 иконы (из них 34 в серебряных окладах), 11 картин, 27 книг. Среди предметов интерьера имелись оригинальные заграничные вещи. Кладовые были заполнены дорогими товарами и материалами для производства (ковры, ткани, платки, кожи, краски, вейновая водка и проч.). Опись личных вещей Михаила Исаева поражает обилием разной одежды, в том числе шуб; у главы семейства имелись и ювелирные изделия (вероятно, и у остальных членов семьи они тоже были).

Таким образом, материалы о разделе наследства обладают значительным информационным потенциалом. Они позволяют не только оценить имущественное положение провинциальных купцов и их хозяйственную деятельность, но и приоткрыть завесу их частной жизни.

[40] Там же. Л. 49 об.

Список литературы

Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества: на материалах губерний Урала дореформенного периода: автореф. дис. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Оренбург, 2011. 46 с.

Белик А.А. Культура повседневности провинциального купечества конца XVIII – первой половины XIX вв.: На материалах Вятского края: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. культурологии. Киров, 2005. 17 с.

Добычина Т.А. Особенности духовного облика провинциальных предпринимателей второй половины XIX века (по материалам духовных завещаний) // Рождественский сборник. Вып. XV: Мат-лы конф. «Российская провинция: история, традиции, современность». Ковров: Маштекс, 2009. С. 78–87.

Индова Е.И. О российских мануфактурах второй половины XVIII века // Историческая география России, XII – начало XX в. М.: Наука, 1975. С. 248–345.

Козина Г.Н. Вологодские купцы – фабриканты и заводчики (XVIII – начало XX века) // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 85–148.

Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю. Описи купеческих имений XVIII века как источник по истории русского города // Рязанская вивлиофика: ист. альманах. Вып. 1: Памятники письменности в музеях и архивах Рязанской области. Рязань: Александр Рутман, 2000. С. 29–46.

Лернер Л.А. Пространство повседневности русского купечества в XIX веке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 57. С. 204–210.

Лукомский Г.К. Вологда в ее старине. СПб.: СКЛИИ, 1914. 362 с.

Маслова И.В. Культура повседневности уездного купечества в России в XIX – начале XX столетия: на материалах Вятской губернии // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2010. № 3 (11). С. 16–25.

Маслова И.В. Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв.: на материалах уездных городов Вятской губернии: автореф. дис. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Казань, 2011. 48 с.

Сазонова Е.И. Материалы к истории мещанско-купеческого быта Ростова XIX века // Труды Ростовского музея. Ростов: РЯМЗ, 1991. С. 48–69.

Ульянова Г.Н. Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М.: Форум, 2012. 272 с.

Шадунц Е.К. Сведения о провинциальном быте конца XVIII в. по описи имения Угримовых во Владимирской и Ярославской губерниях // История и культура Ростовской земли. 2006: мат-лы науч. конф. (12–14 ноября 2006 г., г. Ростов). Ростов: [Б. и.], 2007. С. 107–114.

О.А. Плех
Дела о наследстве как источник по изучению быта провинциального купечества последней четверти XVIII в. (на материалах г. Вологды)

Ключевые слова: купечество, купеческая усадьба, наследство, раздел имущества, провинциальный город, Исаевы, Вологда

Аннотация: Статья посвящена источниковедческой характеристике описей наследственного имущества купцов последней четверти XVIII в. На основе архивных материалов по разделу имения одной из купеческих семей г. Вологды предпринимается попытка отразить содержание раздельного реестра и представить возможности данного источника для изучения, с одной стороны, имущественного положения провинциальной купеческой семьи, а с другой – облика городской купеческой усадьбы.

O.A. Plekh
Inheritance cases as a source for studying the life of the provincial merchants of the last quarter of the 18th century (based on the materials of the city of Vologda)

Keywords: merchants, merchant's manor, inheritance, division of property, provincial city, the Isaevs, a merchant family, Vologda

Abstract: The article gives a characteristic of such a source as an inventory of the inherited property of merchants of the last quarter of the 18th century. Based on archival materials on the division of property of a merchant family of the city of Vologda, the author describes the contents of the dividing registry. The author describes the possibilities of using this source to study, on the one hand, the property status of a provincial merchant family, and on the other hand, the appearance of a city merchant's manor.

С.З. Чернов

Дачи Генерального межевания: портал между Новым временем и Средневековьем

(земли сел Аксиньина и Ославского Звенигородского удела)

Генеральное межевание, охватившее всю Россию во второй половине XVIII в., представляло собой, как известно, мероприятия по установлению точных границ отдельных владений (земельных дач). Не являясь реформой и отличаясь от классических земельных кадастров Западной Европы, это грандиозное предприятие эпохи Просвещения привело к созданию единственного в своем роде описания населенной части империи.

Как система фиксации дворянского землевладения Генеральное межевание потеряло свое значение после ликвидации старого порядка в России в 1917 г. Но как детальное описание территории, или, говоря языком современного законодательства, *историко-опорный план,* Генеральное межевание продолжает работать и привлекает все более пристальное внимание. Более того, мы становимся свидетелями нового явления – публикаций крупных блоков данных межевания по тематическому или географическому признакам[1].

В предлагаемой вниманию читателя статье Генеральное межевание рассматривается как непревзойденный инструмент по транслированию данных источников периода Средневековья (актов, писцовых и межевых книг, чертежей) и их «переводу» на язык источников Нового времени (карт Военно-топографического депо XIX в., карт XX в., космоснимков). В свою очередь, эта трансляция делает возможной отождествление поселений, кладбищ, дорог, угодий XIV–XVI вв. с селищами, могильниками и другими объектами, выявляемыми в ходе археологического обследования.

В качестве примера выбраны две обширные земельные дачи, располагавшиеся на обоих берегах Москвы-реки, к востоку от Звенигорода, – Аксиньино и Ославское, центрами которых являются села, сохранившиеся до наших дней (рис. 1). Материалы Генерального межевания позволили с высокой степенью точностью нанести на современную карту содержащиеся в актах Московской митрополии межевые описания первой половины XVI в. и воссоздать структуры землевладения, включающие волостное княжеское село, земли княжеских министериалов и вотчины вплоть до эпохи Юрия Звенигородского (1389–1434).

Перед тем, как обратиться к нашему диахронному исследованию, необходимо прочнее укорениться в системе координат Нового времени. Для этого постараемся обрисовать состояние этого края ко времени проведения Генерального межевания, опираясь на данные документальных источников и воспоминания современников.

Ославское и Аксиньино в период Генерального межевания

После окончания Смутного времени, в 1620 г., дворцовое село Ославское было отдано в поместье знаменитым впоследствии братьям Борису и Глебу Ивановичам Морозовым, которые в 1614 г. были взяты юным государем Михаилом Федоровичем «на житье во дворец» (рис. 4, № 122). В 1624 г. здесь числились «церковь Нерукотворного образа Господа нашего Иисуса Христа, древяна клецки, да великомученика Георгия», «помещичий двор, два двора прикащиков, два двора людских и 39 дворов крестьянских, людей в них 54 человека»[2].

[1] См., например: Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Центральная Россия / Подготовка к изданию Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Тула: Аквариус, 2016.

[2] *Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И.* Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII столетий. Вып. 2. Звенигородская десятина. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1882. С. 97.

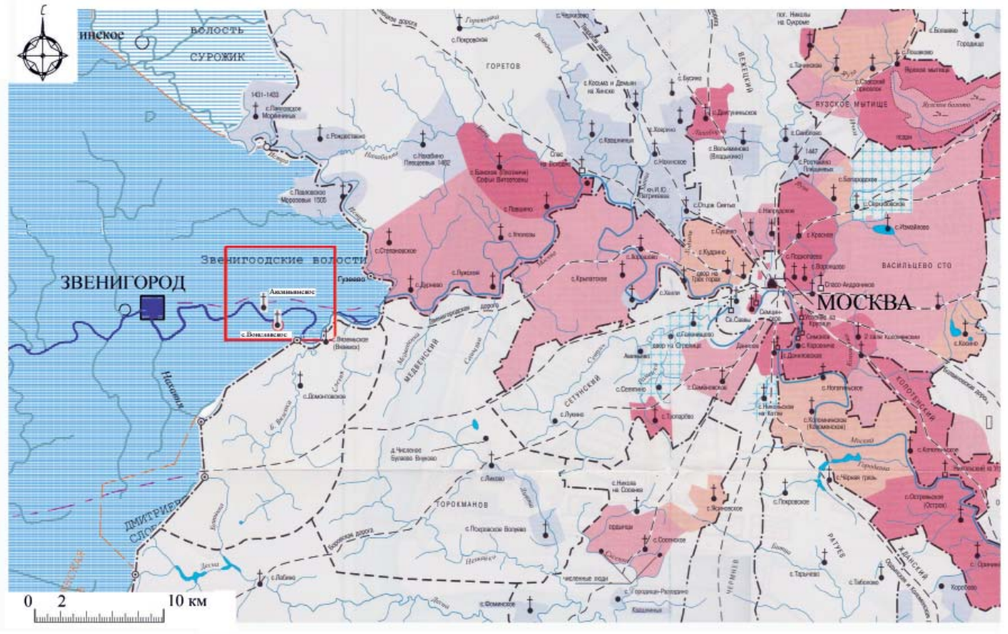

Рис. 1. Звенигородский удел и Московские городские станы в XV веке.
Район сел Ославского и Аксиньина обозначен контуром. Синим цветом показаны земли Звенигородского удела, красным – домениальные владения великих московских князей; бурым цветом – домениальные земли Серпуховского удела.

Борис Иванович (1590–1661), воспитатель царя Алексея Михайловича и первое лицо в правительстве страны в 1640-е гг., владел многими подмосковными имениями. «Столицей» его владений было село Павловская слобода на р. Истре. После смерти его брата, боярина Глеба Ивановича Морозова (1593–1662), половина села в 1663 г. досталась его вдове Федосье Прокопьевне (в девичестве Соковниной) – знаменитой радетельнице старой веры «боярыне Морозовой» – и сыну Ивану Глебовичу. В 1668 г. вдова Бориса Ивановича Анна Ильинична отдала свою часть Ославского Ивану Глебовичу. Иван Глебович умер бездетным и село вновь стало дворцовым.

В 1682 г. Ославское было пожаловано вдове боярина Матвея Васильевича Апраксина (1625–1668) Домне Богдановне (в девичестве Ловчиковой) и ее детям – стольникам Петру, Федору и Андрею. Пожалование было связано с тем, что дочь Матвея Васильевича и Домны Богдановны Марфа (1664–1715) в 1682 г. стала второй женой царя Федора Алексеевича. Через два месяца после свадьбы царь скончался, оставив ее вдовствующей царицей. Петр Матвеевич получил чин стольника в 1676 г., служил царю Ивану Алексеевичу, а с 1686 г . – его брату Петру[3]. В 1685 г. Домна Богдановна уступила свою часть имения детям, а в 1687 году в результате семейного раздела владельцами Ославского стали Андрей и Федор Матвеевичи.

Федор Матвеевич, знаменитый сподвижник Петра I, в 1693 г. сопровождал юного государя в Архангельск, был назначен архангельским воеводой и наблюдал за постройкой на Соломбале первого казенного торгового корабля. В 1696 г. после взятия Азова был произведен в полковники Семеновского полка. В 1700–1703 гг., будучи главой Адмиралтейского приказа, руководил строительством флота в Воронеже и осуществлял навигацию в Азовском море. В 1708 г. успешно оборонял Санкт-Петербург от нападения шведской эскадры. В 1709 г. Федор Апраксин получил звание генерал-адмирала и вошел в состав правительства[4]. В 1711 г.,

[3] *Poe Marshall T., Kosheleva O, Martin R., Morozov B.* The Russian Elite in the Seventeenth Century. V. 1. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2004. P. 387.

[4] Правящая элита Русского государства. IX – начало XVIII в. Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 476, 480, 485, 488.

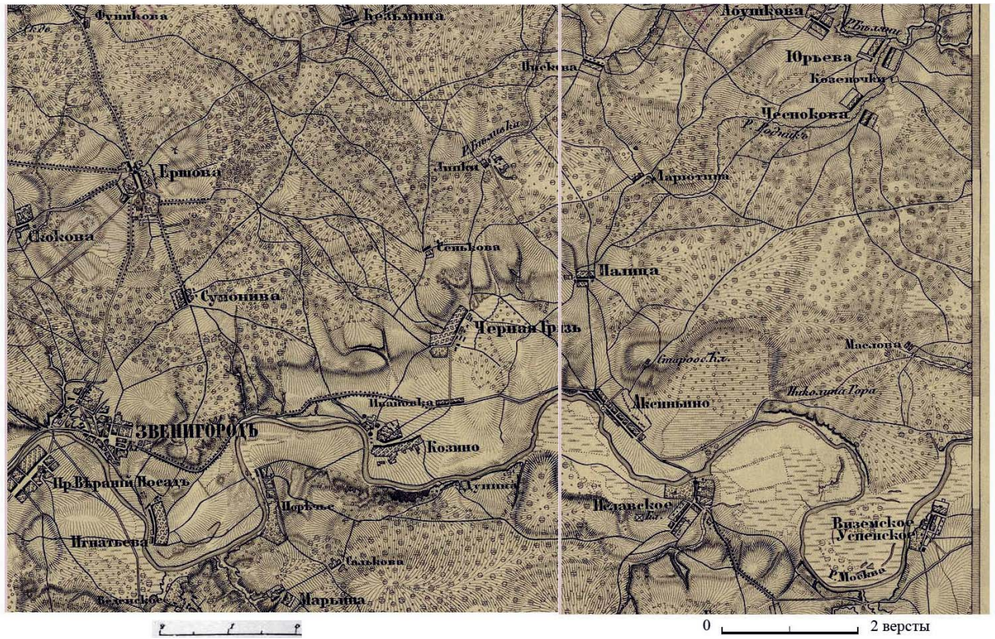

Рис. 2. «Топографическая карта Московской губернии, составленная с топографической съемки произведенной в 1852 и 1853 годах и гравированная в Военно-топографическом депо. 1860 г.: Масштаб в английском дюйме 2 версты или въ 1/84 000 долю настоящей величины» (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 21387).

Рис. 3. Село Аксиньино, Ислявское, Козино, Уборы в восточной части городских станов Звенигорода по Генеральному плану Звенигородского уезда 1784 г. Копия 1847 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 50. Ч. 5).

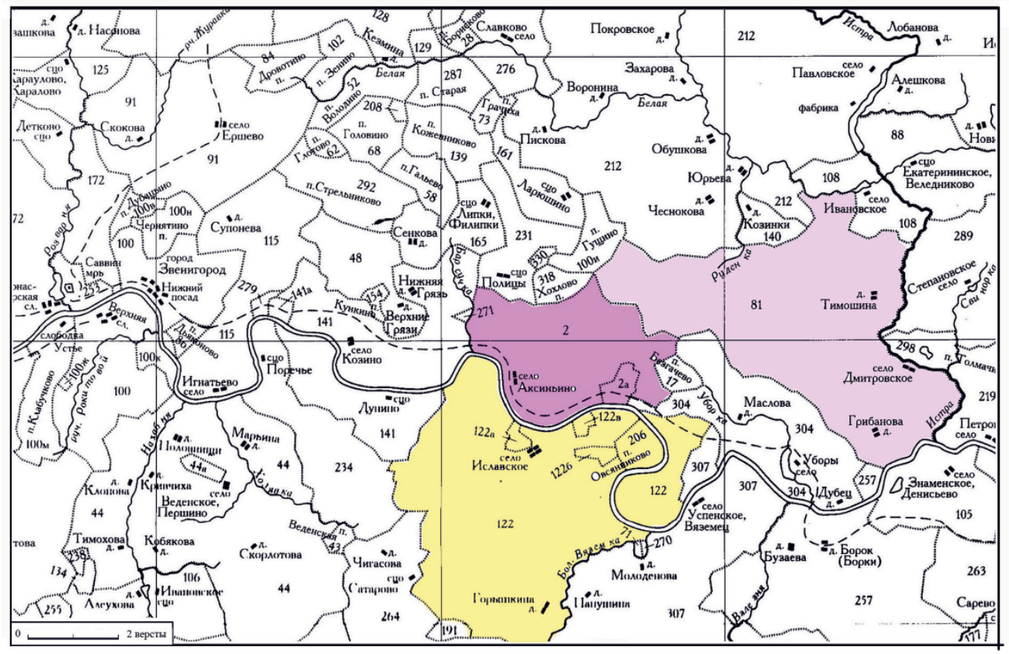

Рис. 4. Схема расположения земельных дач Генерального межевания Звенигородского уезда (восточная часть Городского стана). Цветом выделены земельные дачи: 2 – Аксиньино, село, владение Коллегии экономии, ранее Саввина монастыря, межевал 26 июня 1767 г. Языков; 81 – Дмитровское, село, владение Коллегии экономии, ранее Синодального ведомства, межевал 25 августа 1767 г. Языков; 122 – Ислявское (опубликовано: Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. М., 2004. Карты уездов. 7. Звенигородский уезд; Описания землевладений. Т. 1. М.: Издательский дом «Московия», 2004. С. 227, 232, 236.

после неудачного Прутского похода и мира с турками, руководил срытием крепости Азов. 27 июля 1714 г. под его командованием была одержана победа над шведским флотом при мысе Гангут. После смерти Петра I, в 1726 г., входил вместе с А.Д. Меншиковым в Верховный тайный совет. После вступления на престол Петра II и прихода к власти Долгоруковых удалился в Москву, где скончался 10 ноября 1728 г.

В 1713 г. Федор Матвеевич уступил свою половину Ислявского брату Андрею. Андрей Матвеевич (1763–1731) запомнился современникам в незавидной роли члена «Всешутейшего собора», в связи с чем получил прозвище «Бесящийся». Он пережил своего бездетного брата и передал имение сыну – Федору Андреевичу (1703–1754), при котором в селе была построена деревянная церковь Спаса Нерукотворного Образа. На момент проведения Генерального межевания (7 июня 1768 г.) село принадлежало внуку Андрея «Бесящегося» – Михаилу Федоровичу Апраксину.

Судя по плану земельной дачи[5] и составленному на основании планов дач Плану Звенигородского уезда (рис. 3, рис. 4, № 122), Ислявское представляло собой обширное имение, охватывавшее 2493 десятины, а вместе с церковной землей и пустошью Овсянниковой, которая принадлежала Федору Алексеевичу Апраксину, – 2640 десятин. В селе проживало 250 крестьян мужского пола, а в д. Горышкине – 108. На севере границей владения служила Москва-река, на юге – нижнее течение речки Вяземки. Вся центральная часть владения представляла собой ополье (1114 десятин). На левом берегу Москвы-реки к Ислявскому относился бор на Николиной горе и в излучине реки. На западе Ислявское граничило с землями д. Дуниной (входила во владения с. Козина), сельца Поречье

[5] Ислявское, село Московского уезда Вяземского стана, владение графа Михаила Федоровича Апраксина, межевана 7 июля 1768 г. Межевал Языков (РГАДА. Ф 1354. Оп. 262. Ч. 1. Д. И-15с)

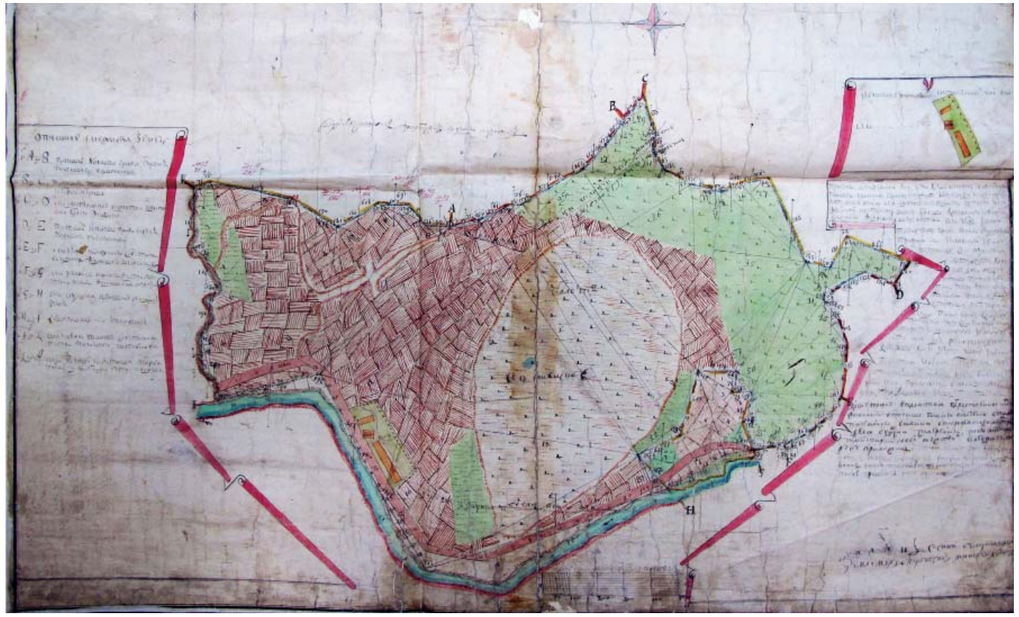

Рис. 6. «Геометрический специалной план Звенигородского уезду городского стану села Аксиньина с пустошми именуемыми Бусачевой, Сониной Шевяковой тож, Высокой, Горками, Новинками Починок тож, Блицыной, Белавинкой, Брятиной Макаровой тож, Ярыгиной, Лагиревой, Попадьиной, Дроздовой, отхожему лугу… на тяжебцах (?) на Грязях общаго владения Савино Сторожевского монастыря межеванья, учиненного в 1767 году июня 26 дня землемером капитаном Александром Языковым, а внутри того владения, отмежеванного от всех смежных владельцев, по исчислению земли состоит пашни триста шестьдесят десятин тысяча семьсот пятьдесят восемь квадратных сажень…» (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 252. ч. 1. Д. А-5 кр).

Рис. 5. Claire Clairmont (1798–1879) in 1819, painted by Amelia Curran (1775–1847) (Robert Gittings and Jo Manton. Claire Clairmont and the Shelleys. Oxford: Oxford University Press, 1992).

и д. Чигасово, а на востоке – с землями с. Успенское Вяземец.

В 1779 г. унаследовавший имение граф Матвей Федорович Апраксин – брат Михаила Федоровича Апраксина – продал его вдове Ивана Ивановича Дурново Пелагее Павловне, которая заложила его жене Ивана Петровича Архарова (1744–1815) Анне Яковлевне. При Павле I, в 1796–1797 гг., Иван Петрович занимал пост московского военного губернатора. В 1799 г. он отошел от дел и, обладая большим состоянием, выстроил в Ославском каменный храм Спаса с приделами: в честь иконы Всех скорбящих радости и великомученика Георгия. В том же году он передал Ославское своей дочери Марии Ивановне (1784–1834) и ее мужу сенатору Захару Николаевичу Посникову (1765–1833). С 1802 г. Захар Николаевич являлся членом Коллегии иностранных дел, которой руководил канцлер Александр Романович Воронцов (1741–1805). Знаком

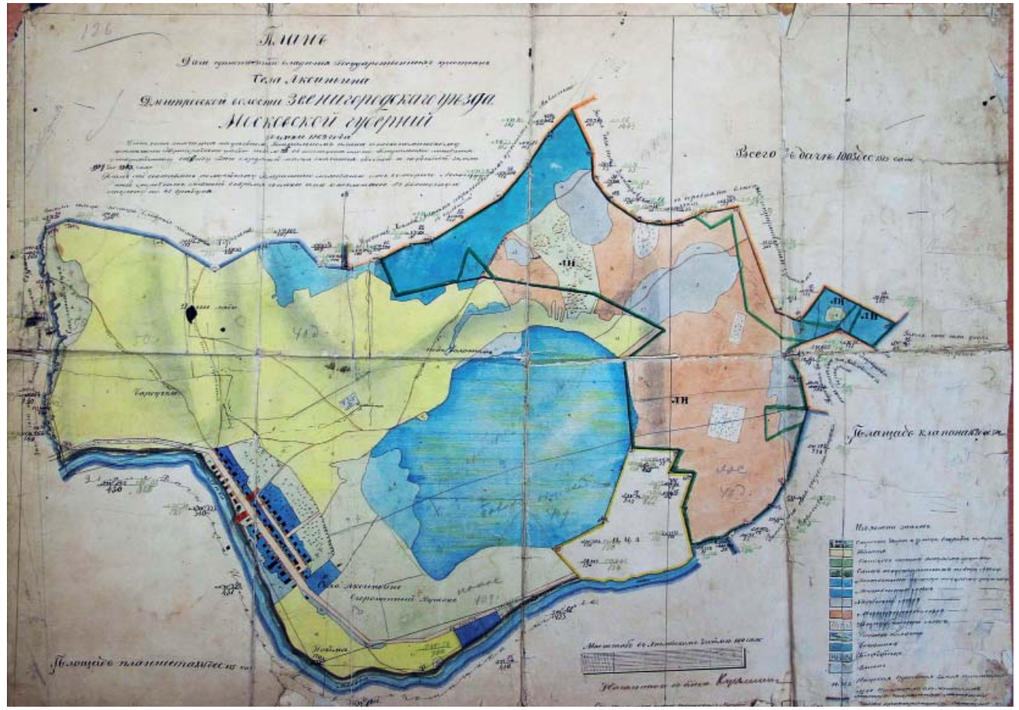

Рис. 7. «План единственнаго владения государственных крестьян села Аксиньина Дмитровской волости Звенигородского уезда Московской губернии. Съемки 1862 года» (Центральный государственный архив г. Москвы. ЦХД до 1917 (быв. ЦИАМ). Ф. 210. Оп. 31. Д. 630).

он был и с братом Александра Семеном Романовичем (1744–1842), послом в Лондоне. Это был круг людей, подготовивших поворот во внешней политике России от Тильзита (1807) к войне с наполеоновской Францией.

В начале 1825 г. судьба распорядилась так, что гувернанткой дочери Захара Николаевича и Марии Ивановны Дарьи стала незадолго до того приехавшая в Россию Клер Клермонт (1798–1879) (рис. 5) – приемная дочь английского якобинца, автора «Политической справедливости» Уильяма Годвина. Дневники Клер Клермонт, описывающие лето 1825 г., проведенное ею в Ославском, являются интереснейшим источником. По своей внутренней драматургии они живо напоминают «Красное и черное» Стендаля: Клер тщательно скрывала и свои взгляды, и знакомство с Байроном и Шелли, имена которых у всех были на устах. Клер внутренне смирилась с тем, что волею обстоятельств находилась в самом жерле континентального роялизма. Она испытывала признательность к своим нанимателям, но горько тосковала по прошедшей жизни, закончившейся для нее с гибелью П.Б. Шелли. И еще – ее бесило, что слуги спят на полу по всему дому.

Единственной отдушиной для Клер было общение с гувернером брата Дарьи Вани – поэтом Германом Габсом, родом из Страсбурга. Стихи Габса напоминали Клер некоторые идеи П.Б. Шелли, которого она высоко чтила. 24 мая Клер записала, что в этот день, к вечеру, в беседке «английского сада» в Ославском Гамбс читал ей и Марии Ивановне 9-ю и 10-ю песни своего «Моисея». Клер описывает этот вечер, когда они, слушая стихи, наблюдали, как косые золотые лучи заходящего солнца освещали темные леса за Москвой-рекой и саму беседку, «где каждый лист был полон солнца, подобно алмазу или самоцвету, сверкающему всеми оттенками…»[6]. Такова первая литературная зарисовка Николиной горы.

[6] *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М.: Наука, 1982. С. 501. Полная публикация дневников: The Journals of Claire Clairmont. 1814–1827 / Ed. by Marion Kingston Stocking. Cambridge: Harvard University Press, 1968.

Рис. 8. «Геометрический специальный план Звенигородского уезду Городского стану селу Уборам с прилежащими ему деревнями… Дубец, Степаноское, Маслово… владения … советника Володимера Федоровича Шереметева, межевания учиненного в 1767 г.» (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 252. Ч. 1. Д. У-2к).

Вернемся к описанию топографии периода Генерального межевания. За рекой Николина гора, покрытая сосновым бором, выступала к Иславскому мысом. Как свидетельствует план земельной дачи с. Аксиньина, снятый 26 июня 1767 г.[7] на мысу сохранялась старинная церковная земля (рис. 6). Из плана этой земли следует, что она принадлежала аксиньинскому храму Николая чудотворца и имела площадь 48 десятин, в том числе поле в 23 десятины[8].

Земельная дача с. Аксиньина включала, наряду с мысом Николиной горы, западную часть нынешней Масловской лесной дачи, обширное Аксиньинское болото и поля, окружавшие село. Это древнее владение московских митрополитов было передано царем Алексеем Михайловичем Саввино-Сторожевскому монастырю, а после указа о секуляризации церковных имений (26 февраля 1764 г.) управлялось Коллегией экономии. Владение имело площадь 991 десятин и включало 12 пустошей, которые были перечислены в титуле плана. Следовательно, соименные им деревни до смутного времени располагались в пределах границ земельной дачи Аксиньина. На западе это владение граничило с землями с. Козина, а на севере – с землями сельца Палицы, пустошей Хохловой и Гущиной.

К востоку от Аксиньина на планах соседних земельных дач мы видим обширные леса, которые образуют ныне Масловскую лесную дачу. До 1764 г. они входили в митрополичью вотчину, центром которой было село Дмитровское на Истре. Южная часть леса, лежавшая в котловине, по которой притекала Уборовская речка, относилось к селу Уборы. Судя по плану этого имения 1767 г. (рис. 8), оно занимало пространство в 802 десятины, большая часть которого находилась под лесом (339 десятин против 315 десятин полей) и принадлежала коллежскому советнику Владимиру Федоровичу Шереметеву[9].

[7] Аксиньино, село Городского стана, владение Коллегии экономии, ранее Саввина монастыря. Межевал 26 июня 1767 г. Языков (РГАДА. Ф 1354. Оп. 262. Ч. 1. Д. А-5к).

[8] Писцовая церковная земля церкви Николая чудотворца. Межевал 6 сентября 1767 г. Языков (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 262. Ч. 1. Д. 3-12к). К моменту военно-топографической съемки 1852–1853 гг. весь холм был уже покрыт лесом (Рис. 2). Узкое поле показано на плане 1767 г. и к северу от мыса, вдоль края коренного берега, обрамляющего Аксиньинское болото (ныне он также занят лесом; Рис. 6).

История исследований

Среди описанных выше земель древняя вотчина Московских митрополитов, располагавшаяся в XV–XVII вв. в районе звенигородского с. Аксиньина, погоста Никола на Песку и Масловской лесной дачи, вызывает совершенно исключительный интерес, поскольку по этой территории сохранился комплекс актов XV–XVI вв.

Первый опыт историко-археологического исследования этого края был предпринят А.В. Чаяновым в 1928–1929 гг.[10] «Непрерывный ряд документов XVI, XV и XIV века, – писал А.В. Чаянов, – относящихся к истории 10 селений, составляющих этот район, подводили нас непосредственно к славянским курганам XII–XIV веков, в изобилии находящихся в этом районе. В археологическом отношении этот район явился колыбелью славянской археологии, т. к. именно в этом районе Чертков в 1838 и 1845 гг. копал курганы Чертогрязья, а Бибиков в 1848 г. в селе Успенское-Вяземец делал раскопки большой группы курганов. Обе работы своевременно и очень хорошо были изданы и дают прекрасный набор вятичских вещей. За последние годы в селе Ославском были раскопки Исторического музея, находки которых выставлены в витринах музея»[11].

А.В. Чаянов провел разведки и составил археологическую карту района, открыл селище и осуществил раскопки курганов на Николиной горе, исследовал Успенское городище близ впадения р. Вяземки в Москву-реку.

Новый цикл археологических исследований начался на этом участке долины Москвы-реки в 1990-е годы. Близ д. Дунино была выявлена система селищ, окружающих Дунинское городище раннего железного века и образующих уникальный ландшафт, отражающий лесное скотоводство и раннее земледелие VII в. до н. э. – V в. н. э.[12] На противоположном от поселка Николина гора, ославском берегу р. Москвы был получен базовый разрез пойменных напластований долины реки Москвы и исследована стоянка бронзового века РАНИС-пойма[13].

Создана карта памятников археологии древнерусского времени (X–XIII вв.)[14], а также карта памятников археологии Одинцовского района в масштабе 1:25000 (Б.Е. Янишевский). Проведены раскопки и реставрация Поречевских курганных могильников XI–XIII вв., а под одним из них выявлен культурный слой раннего славянского селища X в. с лепной керамикой[15].

Продвинулось изучение памятников раннемосковского времени. А.В. Алексеев обследовал погосты на Николиной горе, в Аксиньине, Введенском монастырьке близ д. Чигасово, Игнатьеве и другие[16]. Особенно важна в плане нашего дальнейшего изложения находка в поселке Николина гора, на территории дачи Сигурда Оттовича Шмидта (1922–2013; проспект Шмидта, д. 53), белокаменных плиточных надгробий. Эта находка надежно локализует некрополь древнего храма Никола на Песку, который располагался в пределах поля, показанного на упоминавшемся выше плане Аксиньина 1767 г.

[9] Уборы, село Звенигородского уезда, владения коллежского советника Владимира Федоровича Шереметева. Межевал 4 сентября 1767 г. Языков (РГАДА. Ф 1354. Оп. 262. Ч. 1. Д. У-2к).

[10] Автор концепции крестьянской экономики и один из отцов экономического чуда в сельском хозяйстве Советской России А.В. Чаянов (1888–1937) в 1928 г. был снят с поста директора Института сельскохозяйственной экономии. Лишенный возможности полноценно работать по своей основной специальности, он решил посвятить летние месяцы археологии и в короткие сроки добился на этом поприще существенных успехов, внеся ряд новаторских предложений не только в формулирование целей исследования, но и в саму методику полевых работ (*Кренке Н.А.* Археологические работы А.В. Чаянова в долине Москвы-реки в 1928–1929 годах // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 23).

[11] *Чаянов А.В.* Отчет об археологических работах в Звенигородском уезде в 1928 и 1929 гг. (публ. подготовил Н.А. Кренке) // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 32.

[12] *Кренке Н.А., Марченко Н.А., Низовцев В.А., Онищенко М.В., Чернов С.З.* Дунинский ландшафтно-археологический комплекс. Опыт создания паспорта памятника истории и культуры // Экологические проблемы музеев-заповедников. Материалы Десятой Всероссийской научной конференции (Москва. 15–17 ноября 2005 г.) М.: [Институт Наследия], 2008. 147–173.

[13] *Кренке Н.А., Лазукин А.В., Алексеев А.В., Ершов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В.* Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 320–339; *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019.

[14] *Алексеев А.В.* Памятники древнерусского времени в окрестностях Звенигорода (материалы к археологической карте) // Археология Подмосковья. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2005. С. 111–115.

[15] *Чернов С.З.* Опыт реставрации и воссоздания утраченных элементов Поречьевских курганов близ Звенигорода в 1997–1999 гг. // Поиски идентичности. Реставрация. Восстановление. Воссоздание. Материалы XIV Чтений, посвященных памяти Л.А. Лелекова (1934–1988). М.: ГОСНИИР, 2002. С. 80–102.

[16] *Алексеев А.В.* Церковные древности Звенигородской земли. М.; Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2017. С. 69–83.

В 2012–2013 гг. А.В. Алексеевым были проведены археологические разведки в пределах земельной дачи Аксиньина и выявлены селища Аксиньино-2 раннего железного века в 1 км выше села по течению реки, а также два селища периода Средневековья – Аксиньино-3, близ кладбища, к северо-востоку от села, и Аксиньино-4 при впадении ручья Барсуки в Москву-реку (рис. 12). В 2015 г. раскопан двор вотчинника последней трети XVI – начала XVII в. на селище Игнатьево-2, сохранившемся на месте одноименного села – владения Елизаровых, отрасли бояр Добрынских, служивших в начале XVI в. князю Юрию Ивановичу Звенигородскому[17].

К югу от д. Дунино найден и исследован эталонный памятник раннемосковского времени – селище XIII–XVI вв. и могильник середины XIV – начала XVI вв. на месте д. Власьевской, располагавшейся на древней Можайской дороге в правобережной части земель княжеского с. Козина, которое в XV в. принадлежало Савино-Сторожевскому монастырю[18].

В настоящее время назрела необходимость детального изучения археологических памятников XIV–XVII вв. в районе Аксиньина. Такую работу можно спланировать лишь при условии предварительной локализации поселений и угодий, входивших в эту вотчину, и создания ее карты-реконструкции. Это заставляет обратиться к разбору ранних поземельных грамот Аксиньинской вотчины московских митрополитов и определить, с какими событиями связано их появление. Для того, чтобы эти документы «заговорили», необходимо поместить их в определенные исторические контексты, не забывая и о контекстах топографических, надежно заданных материалами Генерального межевания.

[17] *Алексеев А.В.* Проведение научно-исследовательских археологических работ в районе села Аксиньино, деревни Палицы и Грязь на территории Одинцовского муниципального района Московской области и города Москвы (Большой Москвы) в 2012–2013 гг. // Архив ИА РАН. Ф.1. Р-1. Б/н. *Алексеев А.В., Смирнов А.Н., Двуреченский О.В.* Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в окрестностях средневекового Звенигорода // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-центр, ИА РАН, 2018. Вып. 11. С. 253–289.

[18] *Чернов С.З., Гончарова Н.Н.* Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М., Вологда: Древности Севера, 2015. С. 444–459; *Чернов С.З.* Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // Российская археология. 2016. № 1. С. 70–84; *Чернов С.З.* Двор с монетными весами в д. Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 309–345.

Звенигородские городские станы в 1339–1425 гг. и их судьба в период династической войны 1425–1455 гг.

Звенигородский удел был выделен великим московским князем Иваном Даниловичем Калитой своему второму сыну Ивану Ивановичу Красному в 1339 г.[19] Этот ранний Звенигородский удел просуществовал 13 лет. В 1353 г. в связи со смертью от эпидемии чумы старшего брата Ивана Ивановича – великого князя Симеона Гордого (26 апреля 1353 г.) – удельный звенигородский князь стал великим московским и владимирским князем. Второй раз (после самого Ивана Калиты) в истории Московского княжества удельный князь начинал править в Москве. В московскую Думу вошли думцы князя Звенигородского – в частности, Хвост Босоволков. Это вызвало серьезный раскол во властной верхушке Московского княжества, выразившийся в убийстве Хвоста и в отъезде Вельяминовых в Рязань.

Во время составления духовной грамоты вел. кн. Ивана Ивановича Красного (6 января – 13 ноября 1358 г.[20]) Звенигород уже являлся городом, к которому «тянула» округа («Звенигород со всѣми волостми и с мыт(о)мъ и съ селы и з бортью и с оброчники и с пошлинами»[21]). Сравнение со списками волостей, содержащимися в более ранних духовных Ивана Калиты (1336, 1339) и более поздней духовной Дмитрия Донского (1389), позволяет утверждать, что под этими волостями подразумевались лежавшие к северу от Звенигорода Скирманово, Тросна, Негуча, а также слободы Замошская и Юрьева. Эта территория с прилегающими к ней с запада и юга шестью волостями, включая Рузу, была вновь выделена в удел второму сыну Ивана Красного и брату Дмитрия Ивановича – Ивану. Среди звенигородских сел впервые упоминается «село Выславьское»[22], которое отождествляют с позднейшим Воиславским (ныне Ивановское).

К моменту кончины Ивана Красного (13 ноября 1359 г.) старшему из его детей исполнилось 9 лет. После смерти отрока Ивана Ивановича (23 октября 1364 г.) земли Звенигорода вновь влились в состав земель старшего Калитовича, каковым на тот момент был 14-летний Дмитрий Иванович. Эта ситуация сохранилась на протяжении его княжения, то есть до 19 мая 1389 г.

Положение начало меняться после 1389 г., когда в соответствии с духовной грамотой Дмитрия Донского Звенигородский удел был восстановлен

[19] ДДГ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. №№ 1, 2.

[20] *Кучкин В.А.* Духовная грамота Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. Вып. 5. М.: Индрик, 2004. С. 240.

[21] ДДГ. № 4. С. 15.

[22] Там же.

и дан второму по старшинству сыну Дмитрия Ивановича – знаменитому в анналах русской истории Юрию Дмитриевичу, которому тогда было 15 лет. На этот раз удельное княжество, которое включило и заволжский Галич, превратилось в крупное субгосударственное образование и просуществовало 44 года (до кончины Юрия Дмитриевича 5 июня 1434 г.).

Это был период расцвета Звенигородского удела. В годы правления великого московского князя Василия Дмитриевича (1389–1425) влияние и авторитет Юрия Звенигородского был очень высок. По мере того как великий князь Василий Дмитриевич, кардинально изменивший состав своей думы, все далее отходил от наследия Дмитрия Донского, Юрий Дмитриевич расходился со старшим братом по многим вопросам, связанным с политикой государства. Так, Юрий Звенигородский, который в 1400 г. женился на Анастасии, дочери Смоленского князя Юрия Святославича[23], противился позиции Василия Дмитриевича, смирившегося с захватом Смоленска Витовтом[24].

Юрий Звенигородский продолжил и церковную политику своего отца и покровительствовал Троице-Сергиеву монастырю. На его средства был выстроен каменный Троицкий собор над обретенными 5 июля 1423 г. мощами Сергия Радонежского[25]. Ученик Сергия Радонежского Савва основал по просьбе князя подгородный монастырь в урочище Сторожа. Именно с этим духовным и культурным кругом связана работа в Звенигороде Андрея Рублева.

Хотя о Звенигородском уделе имеется обстоятельное исследование[26], мы до сих пор не имеем ясного представления о составе его городских станов и структуре землевладения в долине Москвы-реки от Звенигорода до устья р. Истры (рис. 1)[27]. Некоторый свет на этот вопрос бросает духовная грамота Юрия Звенигородского, написанная в 1433 г. По этому завещанию Звенигородский удел был поделен между двумя старшими сыновьями великого князя. Василию Юрьевичу, получившему впоследствии прозвище Косой, были переданы сам Звенигород, северные волости Тросна и Негуча, а также располагавшиеся на юге волости Оугож, Плеснь и Дмтриева слободка. Из отдельно оговоренных звенигородских сел Василию перешло Андреевское (к северо-западу от города), а его брату Дмитрию – Михайловское (выше города по течению Москвы-реки) и нелокализованное пока Микифоровское[28]. Городские станы Звенигорода (за вычетом последних двух сел), скорее всего, полностью принадлежали Василию Юрьевичу.

Ниже города по течению Москвы-реки, судя по актам, располагалось два крупных княжеских села, к которым «тянули» обширные земельные владения: Воиславское (ныне Ивановское) и Вяземское (ныне Успенское).

Юрий Дмитриевич скончался в Москве, будучи великим князем Московским и Владимирским, 5 июня 1434 г. После этого разразился самый кровавый и решающий акт династической войны за московский престол. Обстоятельства этой борьбы складывались таким образом, что Василию Юрьевичу не пришлось бывать в Звенигороде.

На тот момент в роду Калитовичей не осталось ни одного представителя поколения детей Дмитрия Донского и Владимира Андреевича Храброго. Среди поколения внуков этих князей старшим теперь являлся Василий – сын Василия Дмитриевича. За ним шли дети Юрия (Василий Юрьевич, Дмитрий Шемяка и не стремившийся к власти Василий Красный), дети Андрея (Михаил Белозерский и Иван Можайский) и единственный выживший в чуму 1424 г. представитель мужской половины серпуховских князей – Василий Ярославич. Взаимоотношения между этими князьями и решили судьбу московского престола.

После смерти отца Василий Юрьевич, которому тогда было около 30 лет, объявил себя великим князем. Однако находившиеся тогда во Владимире (они были посланы отцом против Василия Васильевича, засевшего в Костроме) его братья Дмитрий Шемяка и Василий Красный не поддержали его. Летописец так передает их позицию: «аще не восхотѣ Бог, да княжить отець нашъ, а тебѣ и сами не хотим»[29]. В результате такой парадоксальной политической конфигурации Василий Васильевич, которому только что исполнилось 19 лет, завладел Москвой. По договору, заключенному коалицией

[23] Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 8. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1859. С. 72.

[24] Детальный разбор политической истории 1389–1425 гг. и причин династической войны предложен в книге: *Шаров-Делоне С.А.* Дети Дмитрия Донского. (В печати).

[25] В главе «О обретении мощей святого отца Сергия» III Пахомиевской редакции «Жития Сергия Радонежского» говорится, что решение об открытии мощей было принято после явления Сергия Радонежского «властелину», бывшему ранее наместником князя Владимира Андреевича в Радонеже. О времени, когда произошло явление, сказано так: «Сему бывшю явлению по преставлении святого тридесятном лѣтом минувшим» (*Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 418). Следовательно, явление произошло после 25 сентября 1422 г. (25 сентября 1392 + 30 = 1422), а именно 5 июля 1423 г. Благодарю С.А. Шарова-Делоне, указавшего на эту хронологическую веху.

[26] *Юшко А.А.* Звенигород Московский и удел звенигородских князей. М.: ИА РАН, 2005.

[27] От устья Истры начинались Московские городские станы (*Чернов С.З.* Домен московских князей в городских станах. 1271–1504 гг. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.: Наука, 2005. Цветная карта).

[28] ДДГ. № 29. С. 73–75.

[29] ПСРЛ. Т. 25. М., Л.: Изд-во Академии наук, 1949. С. 251. В дальнейшем изложении хода войны ссылки на источники – см.: *Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. С. 69–99.

победителей, Дмитрий Шемяка получил Ржеву, а Дмитрий Красный – Бежецкий Верх.

Это, однако, не означало конца противостояния. Василий Юрьевич ушел со своим двором и сторонниками (среди них летописец выделяет московских гостей и суконников, то есть привилегированные корпорации купцов) в Ржеву и Новгород, а осенью 1434 г. захватил Бежецкий Верх в отместку предателям-братьям. В начале 1435 г. из Костромы он двинулся на Москву, но между Ярославлем и Ростовом, на реке Которосли, 6 января 1435 г. потерпел поражение в сражении с войсками Василия Васильевича.

Затем военная удача начала ему сопутствовать. В Вологде ему удалось захватить в плен трех главных воевод Василия Васильевича и нейтрализовать наиболее крупное военное формирование юного великого князя. Не чувствуя себя готовым к походу на Москву, Василий Юрьевич разгромил войска Заозерского князя, дочь которого позднее стала женой Шемяки. Собирая силы для удара, Василий Юрьевич чуть не погиб в Устюге, где на него готовили покушение.

Весной 1435 г. князь снова сконцентрировал свои силы на Костроме, куда к нему прибыли жители Вятки. Василий Васильевич счел за благо заключить с соперником договор. По нему Василий Юрьевич отказывался от претензий на Москву и получал Дмитров. Однако пробыв в Дмитрове всего месяц, он разорвал соглашение с великим князем и ушел с войсками в Кострому. Лето 1435 г. прошло без военных действий.

В конце осени, как только установился зимний путь, Василий Юрьевич захватил принадлежавший теперь Василию Красному Галич – оплот его отца. Затем в феврале 1436 г. после девятинедельной осады им был взят Устюг – центр великокняжеских земель на Русском Севере. Теперь весь Север Великого Московского княжества был в руках Василия Юрьевича, что увеличило число служилых людей в его войске.

Одновременно сам Василий Васильевич сделал шаг, которым умножил число своих врагов. Зимой 1436 г., когда Дмитрий Шемяка приехал в Москву звать его на свою свадьбу с Софьей, дочерью Заозерского князя, он арестовал своего главного тогдашнего союзника и отправил его в Коломну. Негодуя на предательский поступок Василия Васильевича, двор Шемяки во главе с Акинфом Волынским в составе 500 человек примкнул к Василию Юрьевичу.

Наступила весна 1436 г. Василий Юрьевич, двигавшийся из Вологды, переправился через Волгу и вышел к Нерехте, расположенной на пути из Костромы в Москву. Между тем Василий Васильевич смог сгруппировать вокруг себя коалицию князей, в которую входили Василий Ярославич Боровский, Андрей Можайский и прибывший из Литвы Иван Друцкий.

Решающая битва состоялась 14 мая 1436 г. в Ростовской земле у церкви Покрова в Скорятине. Войску Василия Юрьевича не доставало вятчан, посланных им против союзного Василию Васильевичу Ярославского князя. Не помог и удар, нанесенный по лагерю великого князя в нарушение перемирия. Войско Василия Юрьевича было разгромлено. Он бежал, но был схвачен и 21 мая 1436 г. ослеплен в Москве.

По договору, заключенному победителями 13 июня 1436 г., его владения – Дмитров и Звенигород – перешли великому князю Василию Васильевичу. Таким образом Звенигород и его городские станы, включая Ославское и Оксиньинское, перешли к великому князю Василию Васильевичу, а западная часть удела – Руза с волостями – оставались во владении Дмитрия Шемяки.

Василий Косой прожил еще 11 лет. В знаменитом послании духовенства Дмитрию Шемяке 29 декабря 1447 г. о Василии Юрьевиче говорилось так: «И попустил ли ему самому всесильный Бог? Ей, не попусти, яко же и сам веси, каково его ныне житіе и пребываніе»[30]. Судя по этим словам, положение Василия Косого было незавидным. Скорее всего, он находился в заточении. В 1448 г. его не стало.

Данная грамота Игнатия Васильевича Минина на село Аксиньино

Древнейшим документом, отражающим историю звенигородской вотчины московских митрополитов, является данная грамота Игнатия Васильевича митрополиту Ионе на село «Оксиньиньское». Этот акт дошел до нас в виде копии, которая открывает пятую (посвященную аксиньинским землям) главу копийной книги, созданной около 1538 г. и в дальнейшем пополнявшейся новыми документами[31].

Игнатий Васильевич Минин, пожаловавший митрополиту Оксиньинское, принадлежал к одному из боярских родов, которые стояли у истоков создания Московского государства[32]. Прадед Игнатия Васильевича осуществлял правеж ордынской дани в Ростове, произведенный им вместе с Василием Кочевым по повелению Ивана Калиты. По сообщению «Жития Сергия Радонежского» Епифания

[30] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб.: В типографии Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. С. 76.

[31] АФЗХ. Ч. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 6–9. № 95. С. 92.

[32] О генеалогии и службах бояр Мининых см.: Редкие источники по истории России. Вып. 1 / Сост. З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова. М.: Ин-т истории СССР, 1977. С. 179; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. С. 237–243.

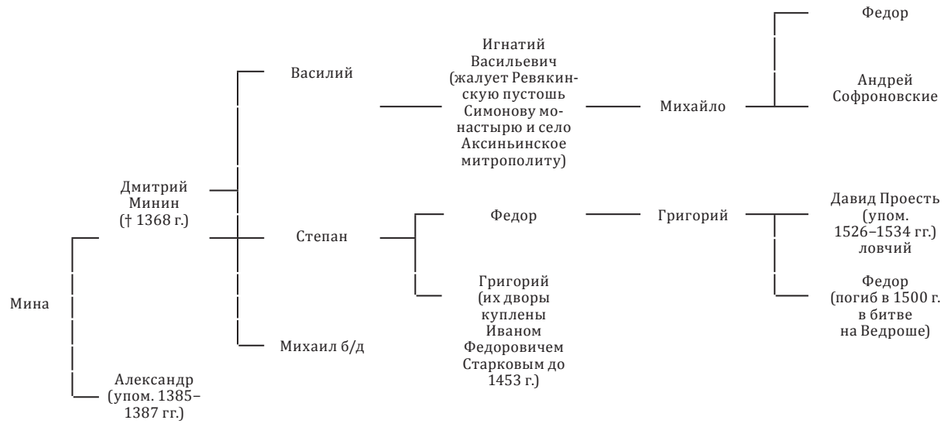
Премудрого, это событие произошло не позднее года после прихода на Русь татарской «рати Федорчуковой Туралыкова» и восшествия на великокняжеский владимирский престол Ивана Калиты 4 марта 1328 г.[33] Рассказ был записан, скорее всего, со слов Стефана – старшего брата Варфоломея (Сергия) Радонежского. Событие это произвело на современников сильное впечатление и запомнилось им как «насилование», в ходе которого старые порядки и обычаи круто менялись властью московского князя.

Дед Игнатия Васильевича Дмитрий Минич погиб в бою с войском Ольгерда на реке Тростне 21 ноября 1368 г. Летописец сообщает, что Дмитрий Иванович не успел собрать войско, «но елико воин обретошас[я] тогда в градѣ, сихъ отобравъ князь великіи и отъпусти въ заставу противу Олгерда, еже есть сторожевыи плъкъ, а воеводство приказано Дмитрію Минину, а отъ князя от Володимера отъ Андрѣевича воевода Акинфъ Федорович[ь], нарицаемыи Шуба, а съ ними рать Московьская, Коломеньская, Дмитровьская»[34]. Передовой полк принял на себя первый удар литовского войска и потерпел большой урон. С.Б. Веселовский в очерке о Мининых интерпретировал этот пассаж летописи несколько неожиданно: «родовые вотчины Мининых находились в Коломне, и этим объясняется, что Дмитрий Минич мог явиться на зов великого князя в самый короткий срок»[35]. Между тем Рогожский летописец прямо говорит, что в заставу были посланы воины, находившиеся на момент известия «в градѣ», то есть в Кремле.

Брат Дмитрия Минина «Александр Минич» сопровождал посланного весной 1383 г. в Тахтамышеву Орду[36] старшего сына Дмитрия Донского Василия Дмитриевича, остававшегося там более двух лет – фактически в качестве заложника (аманата). 10 ноября 1385 г. он бежал с княжичем Василием из Орды[37] и через Валахию и Литву вернулся в Москву 19 января 1388 г.[38] Судьба этого доверенного боярина Дмитрия Донского после прихода к власти Василия Дмитриевича (1389) не известна, но в Думе, сформированной в новое княжение, Мининых не было.

О следующем поколении Мининых – отце Игнатия Василии и его братьях Степане и Михаиле, деятельность которых пришлась на конец XIV – начало XV в., – практически ничего не известно (см. *Таб. 1*). «Степановьскіи двор Дмитриевич(а) и его дѣтеи, Григоріевъ и Федоровъ», располагавшийся в Кремле «на Подолѣ», был куплен боярином Василия II Иваном Федоровичем Старковым, о чем говорится в духовной грамоте кнг. Софьи Витовтовны (между 21 июля 1449 и 8 августа 1452 г.)[39].

Таблица 1. Родословие Мининых

[33] С вокняжения Ивана Калиты на владимирском столе 4 марта 1328 г. сводчик 1408 г. начинал отсчет «тишины великой» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг.: издание Государственной археографической комиссии Российской академии наук, 1922. Стб. 43–44).

[34] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 89.

[35] *Веселовский С.Б.* Исследования… С. 238.

[36] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 147.

[37] Там же. Стб. 151., 152.

[38] Там же. Вып. 1. Стб. 153.

[39] ДДГ. № 57. С. 177.

Как показало исследование, проведенное С.Б. Веселовским, внуки Игнатия Васильевича по своим коломенским вотчинам (Песоченский стан) усвоили родовое прозвище Софроновских, а правнуки Федора Степановича – Проестевы – продолжали владеть родовыми вотчинами в Коломенском уезде (Усть-Мерский, Брашев и Песоченский станы) в середине XVI в. и служили по дворовому списку с Коломны. Это позволило исследователю заключить, что коломенские вотчины восходят к владениям Дмитрия Минина.

Помимо данной на село Оксиньиньское, в нашем распоряжении имеется еще один документ, составленный Игнатием Васильевичем, – его данная грамота на пустошь Ревякинскую. Она сохранилась в архиве Московского великокняжеского Симонова монастыря и относится к периоду архимандритства Ионы и Ивана (конец 1420-х – 1444 гг.)[40]. Пустошь эта представляла собой небольшое владение, располагавшееся к востоку от Москвы, на пограничье Бохова и Пехорского станов, на северном берегу Малого (Верхнего) Медвежья озера, при большой Переславской дороге. Приведем этот документ целиком:

> «Се яз, Игнатей Васильевичь Минина, дал есмь в монастырь на Симонова, в дом святей Богородицы, Ивану архимандриту и з братьею, свою отчину и дедину в Бохове стану Ревякинскую пустошь, и с лесом и з бортью, на поминок своим родителем и себе.
>
> А на то послуси: Иван Володимеровичь, да брат его Александр Володимеровичь, да Иван Александровичь Румянцов, да отец мой духовный Петр, поп Михайлова Чюда, да Кузьма протопоп.
>
> А грамоту писал Игнатей сам своею рукою»[41].

Данная грамота Игнатия Васильевича Минина показывает, что ему, его отцу и деду Дмитрию Минину принадлежала пустошь Ревякинская. Это интереснейшее свидетельство означает, что еще в 1360-е гг. Дмитрий Минин владел крохотным участком земли на окраине бортной волости великого князя Дмитрия Ивановича. Как показало историко-топографическое и археологическое исследование, это владение не представляло ценности как сельскохозяйственное угодье. В тексте грамоты говорится «и с лесом и с бортью», но не упоминаются пашня и покосы. Следовательно, это была бортная деревня. Место на берегу Верхнего Медвежья озера было приспособлено для ловли птиц («перевесье»). Это «перевесье» упоминает Федоско Башлов на суде 1498/1499 г.: «А та, господине, дорога подле озера, а придет на ту же дорогу на Озеретцкую, где еси ты перво был; а придет к болоту к Ревякинскому, к перевесью»[42]. Речь идет об участке Стромынской дороги, который пролегает между Малым Медвежьим озером и Казенным озером («Ревякинское болото»), где и расположена была д. Ревякинская. Видимо, перевесье было устроено на прогалине (или просеке) в лесу, по которой птицы перелетали с озера на озеро[43].

Принадлежность такого нетипичного владения на вотчинном праве боярину Дмитрия Донского требует объяснения. Найти его помогает одно известие, касающееся внука Федора Степановича Минина – Давыда. В Беляевском списке Росписи дворцовых чинов «Давыд Григорьевич Проестев» показан в 1526–1534 гг. великокняжеским ловчим.[44] Если мы предположим, что служба в сфере управления промысловым княжеским хозяйством («путями») была в роду Мининых наследственной, факт владения Дмитрием, Василием и Игнатием Мининых небольшой промысловой деревней на краю Пехорской волости получает непротиворечивое объяснение. Такое владение могло быть полезным подспорьем для осуществления обязанностей по управлению великокняжескими землями. Возможно, и в 1368 г. Дмитрий Минич находился в Москве, так как занимал какую-либо должность по управлению княжеским хозяйством.

Почему же Игнатий Васильевич пожаловал пустошь Ревякинскую Симонову монастырю? Позднее он пожаловал «господину своему Ионе епископу нареченному в святейшую митрополью Русскую» свою большую вотчину – село Оксиньиньское на р. Москве в Звенигородском уезде[45], незадолго до того принадлежавшем Василию Косому. Быть может, он служил до этого галицким князьям и теперь искал защиты у митрополита?

Список послухов в данной на Ревякино укрепляет в этой мысли. Первыми названы братья Лыковы. Александр Владимирович Лыков появляется на страницах летописи в 1425/1426 г. как боярин юного Василия II, посланный под осажденный литовским войском Порхов для переговоров с Витовтом[46]. В жалованной грамоте, выданной Юрием Дмитриевичем во второе его великое княжение в Москве между 31 марта и 5 июня 1434 г., великий князь говорит о Александре Владимировиче

[40] АСЭИ. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук, 1958. С. 696.

[41] Там же. № 342. С. 339. См. также: *Антонов А.В.* Вотчинные архивы московских монастырей и соборов XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 2. М.: Археографический центр, 1997. С. 126. № 349.

[42] АСЭИ. Т. 2. № 418. С. 453.

[43] *Чернов С.З.* Домен московских князей… Рис. 5. № 2; Цвет. вкл., рис. 7.

[44] *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XVI и XVII вв. // Исторические записки. Т. 63. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 205.

[45] АФЗХ. Ч. 1. № 95. С. 92.

[46] ПСРЛ. Т. 18. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. С. 169.

Лыкове «мои боярин»[47]. Сын Ивана Владимировича Лыкова – Василий Иванович Жук Лыков – в 1443 г. был коломенским наместником, участвовал в походе двора Василия II на Рязань против татар царевича Мустафы и погиб в бою на р. Листани[48].

Румянцевы владели небольшими вотчинами в волостях Воря и в дмитровском Вышгороде. Василий Иванов сын Румянцева (видимо, сын послуха нашей грамоты Ивана Александровича Румянцева) был женат на дочери Ивана Васильевича Галицкого[49], братья которого (потомки древних Дмитрово-Галицких князей, ведущих свой род от Константина – младшего брата вел. кн. Александра Невского) упоминаются на службе кн. Юрию Дмитриевичу и кн. Дмитрию Шемяке с 1425 по 1446 гг.[50] Таким образом, пожалование Ревякинской пустоши, скорее всего, связано с обстоятельствами династической войны, когда на службу к галицким князьям переходили порой даже те бояре и слуги, предки которых традиционно «ведали» владениями великих московских князей (как, например, Иван Федорович Старков), а линия раскола проходила порой между братьями, как это видно на примере Добрынских.

После того, как мы составили представление о роде и службах Мининых, а также о возможной службе самого Игнатия Васильевича, следует вернуться к грамоте, в которой он распорядился селом «Оксиньиньским».

Эта грамота выделяется среди других данных грамот своим своеобразным формуляром. Она открывается преамбулой: «Милостью Божиею и Пречистые Его Матери и молитвой святого чудотворца Петра митрополита всея Руси». Мы видим, что саму возможность передачи в дар дому святого Петра собственной вотчины Игнатий Васильевич рассматривает как милость Божию, которая стала возможна после молитвы самого Петра митрополита (перед нами пример уже редко встречающихся в памятниках письменности XV в. молитвы мертвых за живых).

Далее следует обычная для данных грамот клаузула: «се яз Игнатей Васильевич дал есми село Оксиньиньское свою вотчину с церковью святым Николаем в Звенигородском уезде господину своему Ионе епископу нареченному в святую митрополию Русскую»[51].

Этот текст содержит значительную прямую и скрытую информацию. Игнатий Васильевич называет Иону своим господином. Следовательно, в момент написания грамоты он находился на его службе. Это обстоятельство позволяет объяснить и преамбулу грамоты. Скорее всего, Игнатий Васильевич благодарит Бога и митрополита Петра в том числе и за то, что дом святого Петра взял его под свое покровительство.

Во вторых он именует Иону «епископом, нареченным в святейшую митрополию Русскую». Эта формулировка дает возможность прояснить вопрос о датировке грамоты. Иона, родившийся в окрестностях Солигалича, принял постриг в одном из галичских монастырей, а затем перешел в Симонов монастырь. По свидетельству Иосифа Волоцкого до поставления в рязанские епископы Иона был архимандритом Симонова монастыря[52].

После смерти митрополита Фотия 1 июля 1431 г. на митрополию Всея Руси в Константинополе был поставлен смоленский епископ Герасим (казнен 26 июля 1435 г.). Осенью 1433 г. он вернулся в Смоленск, но не поехал в Москву из-за начавшейся там войны между Василием Васильевичем и Юрием Звенигородским. По мнению Е.Е. Голубинского, Рязанский епископ Иона был наречен в Москве в митрополиты в 1432 г. после возвращения Василия Васильевича из Орды с великим княжением (29 июня 1432 г.) и до начала войны с Юрием Звенигородским (8 февраля 1433 г.)[53]. Так или иначе, но 27 августа 1433 г., когда в Москве уже правил Юрий Дмитриевич, Иона упоминается в духовной грамоте Василия Васильевича Галичского как «владыка»[54], выполняющий функции митрополита[55].

Иона мог быть назван «епископом, нареченным в святейшую митрополию русскую», после этих событий и до его поставления в митрополиты

[47] Вел. кн. Юрий Дмитриевич закреплял пожалование с. Зеленцыно в переславской волости Великая Слобода, сделанное А.В. Лыковым в Махрищский монастырь. Из позднейшего судного дела устанавливается, что село принадлежало А.В. Лыкову 10 лет (1424–1434; АСЭИ. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук, 1952. С. 248).

[48] ПСРЛ. Т. 18. С. 192. (ошибочно назван Ильей); ПСРЛ. Т. 23. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. С. 151.

[49] АСЭИ. Т. 1. № 111.

[50] О круге радонежских бояр, связанных с братьями Галицкими см.: Чернов С.З. Три семьи Радонежских бояр // Русское Средневековье. Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М.: Древлехранилище, 2012. С. 653–711.

[51] АФЗХ. Ч. 1. № 95. С. 92.

[52] Великие минеи четьи. Сентября 9. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1868. Стб. 551–552. И.А. Голубцов датировал архимандритство Ионы в Симоновом монастыре периодом ок. 1437–1444 гг., но с этим нельзя согласиться (АСЭИ. Т. 2. № 347. С. 344).

[53] *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 2. М.: Университетская тип., 1900. С. 415, 419.

[54] АСЭИ. Т. 1. № 108. С. 87.

[55] Об интерпретации известия об Ионе 1433 г. см.: *Плигузов А.И., Семенченко Г.В.* Примечания составителей // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М.: Б.и., 1987. С. 647; *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 104; *Кистерев С.Н.* Источники о пребывании рязанского епископа Ионы в Константинополе // Россия и христианский Восток. Вып. 2–3. М.: Индрик, 2004. С. 65–66. С.Н. Кистерев обратил внимание на то, что духовную В.В. Галицкого 1433 г. подписал «владычен дьяк Карло», который позднее был дьяком московской митрополии (*Кистерев С.Н.* Источники о пребывании рязанского епископа Ионы… С. 65).

собором русских епископов 15 декабря 1448 г. Из этого периода необходимо исключить время, когда в Москве признавали митрополитом Исидора. Исидор прибыл в Москву 2 апреля 1437 г. Вскоре он отправился на Флорентийско-Феррарский собор. На четвертый день после возвращения в Москву 19 марта 1441 г. он был низложен. Таким образом, грамота на село Аксиньино может быть датирована либо 1433 – 2 апреля 1437 гг., либо 19 апреля 1441 – 15 декабря 1448 гг.

К какому из этих двух периодов можно отнести грамоту? Если Игнатий Васильевич Минин служил звенигородско-галичским князьям, то для него угроза потери Звенигородский вотчины могла наступить после смерти Юрия Звенигородского 5 июня 1434 г. или после разгрома и ослепления Василия Косого 14–21 мая 1436 г. Эти события укладываются в первый период правления Ионы в качестве «нареченного» на московскую митрополию. Что касается второго периода, то подобная ситуация могла иметь место после взятия Москвы войсками Василия Темного 25 декабря 1446 г. и ухода Дмитрия Шемяки в Галич. Однако от этого варианта следует отказаться, поскольку земли Звенигородских городских станов, где располагалось Оксиньинское, в то время уже давно (со времени заключения договора 13 июня 1436 г.) принадлежали великому князю Василию Васильевичу и были утрачены им лишь на короткий период потери им великого княжения (12 февраля – 25 декабря 1446 г.)

Поскольку Игнатий Васильевич Минин называет Оксиньинское своей вотчиной, можно полагать, что село принадлежало его отцу Василию Дмитриевичу, который мог получить его в связи со службой Юрию Звенигородскому. Иначе трудно объяснить появление столь значительного боярского владения в такой близости от одного из крупнейших княжеских сел звенигородских городских станов – Ислявского[56].

Таким образом, приходится признать, что племянник доверенного боярина Дмитрия Донского, старший в своем поколении Мининых – Василий Дмитриевич – перешел на службу в Звенигородский удел. Объяснить эту загадку можно только теми крутыми переменами в составе думы, которые произвел Василий I в начале своего великого княжения в 1390-е гг.

[56] Один из послухов грамоты Иван Истление упоминается как «дьякон Пречистые Рожества» и писец данной грамоты вдовы князя Семена Боровского, сына кн. Владимира Андреевича Храброго, на пустошь Лысцово в Берендеевом стане Дмитровского удела (АСЭИ. Т. 1. № 251. С. 164.). С большой долей вероятности можно полагать, что речь шла о родовом монастыре Серпуховско-Боровских князей в Москве – Рождестве на Рву.

Социальные миры в районе Воиславского после Юрия Звенигородского (1434–1462)

В середине 1450-х годов в соответствии с договором, заключенным не ранее лета 1454 г., Звенигород на короткое время перешел под управление союзника Василия Темного – серпуховско-боровского князя Василия Ярославича. Великий князь Василий Темный так охарактеризовал объем земель и прав князя Василия Ярославича: «отступил ти ся есмь в вотчину и въ оудѣлъ Звенигорода с волостьми, и с путми, и с селы, а волости Звенигородскіе, – Оугожа, Тростна, Нѣгучь, Ондрѣевское, Дмитреева слободка, да Кляповское, опроч(ь) Ерщовског(о) села»[57]. Таким образом Василий Ярославич получил земли, которые в 1436 г. были отняты Василием Васильевичем у Василия Косого, включая городские станы.

К этому времени относится жалованная грамота Василия Ярославича митрополиту Ионе на село Оксиньиньское от 22 октября 1455 г. Грамота определяла правовые условия, на которых строилось хозяйство московских митрополитов в Звенигородском уезде, как теперь начали называть Звенигородский удел. Василий Ярославич освобождал на 10 лет от податей людей, призываемых митрополичьими приказчиком «из иных княжений». Кроме того, в грамоте содержался перечень тех служб и податей, которыми были обложены крестьяне княжеских (черных) земель и от которых освобождались митрополичьи крестьяне с. Оксиньиньского:

> «Всем его людем пришлым и старожильцем не надобе ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни коня моего кормити, ни сен моих косити, ни к сотскому не тянути ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные никоторые пошлины»[58].

За этим перечнем угадываются особенности устройства жизни княжеских земель городских станов Звенигорода. Во-первых, отчетливо видно влияние на характер служб дороги из Москвы в Звенигород. Она шла левым берегом Москвы-реки – через Уборы, погост Никола на Песку, Оксиньинское и Мозжинку (рис. 3). Крестьяне там участвовали в поддержании ямской службы. Жители Оксиньиньского освобождались от этой тяжелой повинности, а также могли не выплачивать мыт (плата за провоз товаров) и тамгу (налог на добавленную стоимость при заключении торговой сделки) при провозе своих товаров по Звенигородской дороге.

[57] ДДГ. № 58. С. 180.
[58] АФЗХ. Ч. 1. № 96. С. 92, 93.

Фраза грамоты «ни коня моего кормити, ни сен моих косити» говорит о специализации княжеского хозяйства в соседнем Воиславском на коневодстве. Далее в грамоте употреблена общая форма обозначения всевозможных повинностей, которые княжеские (черные) крестьяне выполняли под руководством сотского, причем участие тех или иных групп крестьян в различных работах решалось бросанием жребия (розметы).

Суд наместников и тиунов Звенигородских распространялся на митрополичьих людей лишь по делам о душегубстве, разбое и татьбе (воровстве) с поличным. Праведчик (судебный исполнитель) и доводчик (следователь) не должны были брать поборов с митрополичьих людей, если правонарушения не входили в число перечисленных выше составов преступлений.

По не проясненным до сих пор причинам меньше чем через год после выдачи этой грамоты, 10 июля 1456 г., Василий Ярославич был схвачен по приказу великого князя Василия Темного, лишен уделов, сослан в Углич, а после попытки его освобождения в начале 1462 г. – брошен в заточение в Вологде, где и умер в 1483 г.

27 марта 1462 г. скончался Василий Темный. По его духовной грамоте Звенигород перешел к его третьему сыну Андрею Большому Углицкому, за которым находился до 1492 г.

Совершенно исключительный интерес для понимания социальной анатомии Воиславского, Аксиньина и окружающих земель восточной части городских станов Звенигорода в середине XV в., в начале правления кн. Андрея Углицкого, представляет правая грамота Ивана III митрополиту Феодосию на пустошь Бортеневу (Лагиреву)[59]. Правая грамота содержит изложение слушания дела и решение суда, состоявшегося не ранее начала правления Ивана III (28 марта 1462 г.) и не позднее ухода митрополита Феодосия с кафедры (13 сентября 1464 г.).

От имени митрополита на съезжем суде выступал дворецкий Семен, а от имени князя Андрея Васильевича, незадолго до этого получившего Звенигород по духовной грамоте своего отца Василия Темного, – судья Иван Хвощинский. Истцом выступал митрополичий посельский Вавулка (в его ведении находилось село Оксиньинское) вместе со старым посельским Серапионом, а ответчиком – Воиславский посельский Леша.

Истец вменял в вину ответчику то, что крестьяне с. Воиславского «проорали сильно и посеяли» пустошь Бортеневскую, причем самого Вавулку Леша, пришедший «с своими христиане с Воиславского», «с тех пожен сослал силою».

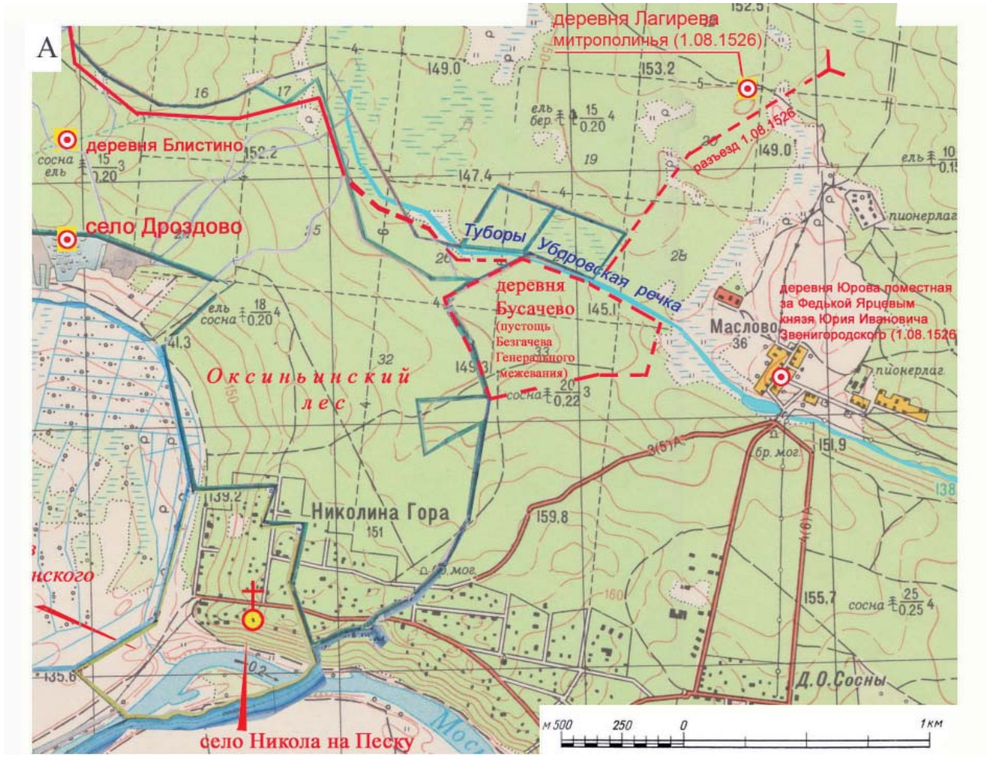
Необходимо приостановить изложение хода судебного заседания, чтобы дать читателю представление о местоположении пустоши Бартеневой (Лагиревой). Д. Лагирево упоминается в составе земель с. Оксиньинского в писцовой книге Звенигородского уезда 1558–1560 гг. В эти годы, отмеченные процветанием сельского хозяйства в подмосковных землях, при деревне распахивалось худой земли 8 чертей или 12 десятин (примерно 12 га) и ставилось 25 копен сена[60]. Такие угодья соответствуют одному крестьянскому двору. После Смутного времени деревня уже не восстанавливалась и обратилась в пустошь. Поскольку пустошь Лагирева упоминается в титуле Плана земельной дачи с. Аксиньина Генерального межевания 1767 г., есть основания полагать, что она размещалась в пределах этой земельной дачи (рис. 6).

Точнее локализовать д. Лагиреву можно на основании разъезжей грамоты, выданной 1 августа 1526 г. тогдашним Звенигородским князем Юрием Ивановичем митрополиту Даниилу[61] (рис. 10). Митрополичья земля с. Оксиньиньского д. Лагиревой «сошлася», как пишет князь Юрий Иванович в грамоте, «с моею поместную землей Федька Ярцева з братьею». Из такого определения следует, что мы имеем дело со «служними» землями князя, которые ранее раздавались во временное держание «слугам под дворским» – непривилегированным служилым людям, бывшим «праведчиками», «доводчиками», «посельскими» и управлявшим огромным хозяйством Звенигородских князей, созданным Юрием Звенигородским. С 1490-х гг. в целях унификации системы службы «служние земли» пошли в раздачу новой группе служилых людей – помещиков. Они получали землю во временное держание, но имели более стабильный социальный статус и более высокое положение, образуя основной контингент войска. На первых порах земли помещиков еще числились княжескими, но к середине века их учет уже вел Поместный приказ – отдельно от бывших княжеских земель, которые теперь стали именоваться дворцовыми. Этот момент важен для нашего изложения, поскольку мы получаем представление о типе землевладения в районе д. Лагирево.

Межа начиналась «от речки от Туборы», то есть от Уборовской речки. В настоящее время она берет начало в центре Масловской лесной дачи, протекает на юго-восток мимо д. Маслово и впадает в Москву-реку близ церкви с. Уборы (рис. 10). Межа вела лесом, пересекала путик от д. Лагирево к Юрову (видимо так именовалась деревня Федьки Ярцева), выходила на ржаное поле и далее к дорожке из «Юрова к Ильину» и выводила туда, где Лагиревская земля начинала межеваться с другим владением – «к Иванове земле Васильева сына Петрова»[62].

[59] АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 97.

[60] Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. // Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. М.: Археографический центр, 1992.
[61] АФЗХ. Ч. 1. № 19. С. 38.
[62] Там же.

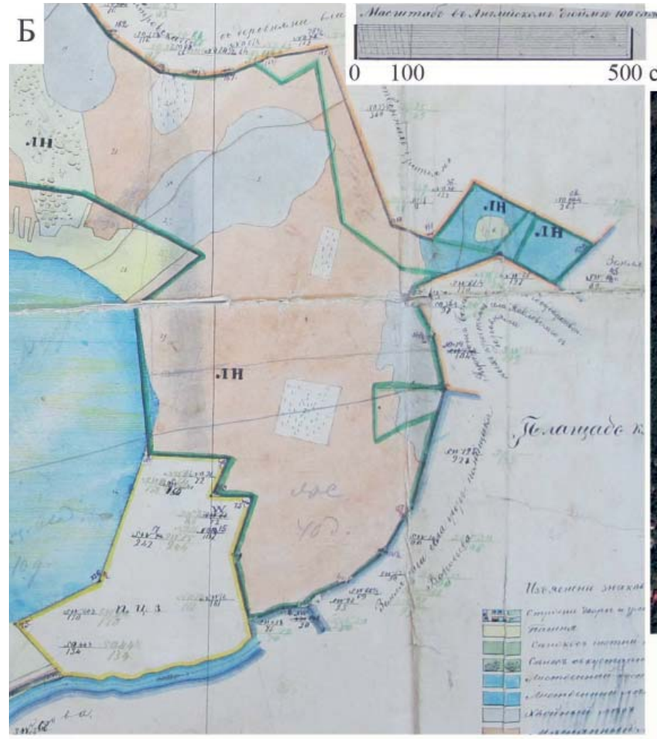

Рис. 10. Локализация средневековых поселений восточной части митрополичьей Аксиньинской вотчины на территории Николиной горы и Масловской лесной дачи. А – локализация д. Бусачевой и д. Лагиревой по данным разъезда 1 августа 1526 г. Геоподоснова – карта Главного управления геодезии и картографии (далее – ГУГК). Съемка 1958 г. Масштаб 1:25 000. Лист Р-47-83-В-в; Б – та же территория по «Плану единственнаго владения государственных крестьян села Аксиньина Дмитровской волости Звенигородского уезда Московской губернии съемки 1862 года» (см. рис. 7); В – космоснимок участка местности древней пустоши Лагиревой (западнее д. Маслово). 14.05.2017 г. (интернет-рессурс Google Earth).

Для локализации д. Лагиревой необходимо принять в расчет, что на южном, правом, берегу Уборовской речки располагалась другая Аксиньинская деревня – Бусачева[63]. Выше ее по течению Уборовской речки лежали аксиньинские земли, поэтому там не могло быть ситуации смежности с поместьем. Ниже Бусачевой, то есть прямо напротив нынешней д. Маслово, такая ситуация могла быть. Однако если представить, что Лагирева примыкала к Бусачевой с востока, поместье должно было располагаться слева от межи, ведущей от речки, а не справа, как сказано в грамоте.

Остается локализовать д. Лагиреву на месте единственного участка Аксиньинских земель 1767 г., которые заходили на левый, северный, берег Уборовской речки. Вынос плана земельной дачи с. Аксиньина 1767 г. на современную геоподоснову (рис. 10) показал, что ко времени секуляризации монастырских земель и Генерального межевания (1767 г.) за Саввино-Сторожевской обителью, которой тогда принадлежали древние митрополичьи земли, на левом берегу Уборовской речки сохранились лишь луга. Плато, где собственно и располагалась в XVI в. д. Лагирево, было монастырем утрачено.

[63] Пустошь Бусачева показана как отдельное земельное владение на Плане Аксиньинской земельной дачи Генерального межевания 1767 г. (рис. 6). Она надежно локализуется к западу от д. Маслово, на территории квартала Звенигородского лесничества (рис. 10).

Если локализовать начало межи 1526 г. у восточного окончания упомянутых выше лугов, показанных на плане 1767 г., то описание межи может быть непротиворечиво объяснено, исходя из существующих топографических реалий. Можно предполагать, что межа пролегала от Уборовской речки на северо-восток, лесом, примерно в 300 м от края нынешнего Масловского поля, вплоть до его северного угла (рис. 10). В таком случае земельный участок, относившийся в 1526 г. к д. Лагиревой, локализуется в лесу (кварталы 80, 81, 88, 89 Звенигородского лесничества), между полями нынешней д. Маслово (на ее месте располагалась д. Юрово Федьки Ярцева) и котловиной в верховьях Уборовской речки (рис. 12).

Вернемся к судебному заседанию 1462–1464 гг. В подтверждение прав на Бортеневскую пустошь старый митрополичий посельский Серапион представил грамоту следующего содержания:

> «Се яз Харя Лагирь дал есмь в дом Пречистой да и своему господину Ионе митрополиту киевскому и всея Руси свою пустошь Бортеневскую, что есмь себе купил у Микулы у Мишня да у Жеребила у Иванова человека Володимеровича и с лесом, и с пожнями, и с всем с тем, что к ней потянуло. А на то послухи: Серапион старец, да поп Данило Никольской. А грамоту писал Георгий Карлов. А подписал Иван Котов»[64].

Послухи Воиславского посельского утверждали, что пустошь Бортенева – «земля наша воиславская, а мы, господине, ту землю орали и косили, а и за Савкою, господине, та земля наша была за нашим христианином в выти». Они также связывали истоки прав волостных людей на пустошь с Харей Лагиревым, но вели дело к тому, что последний владел ею на правах волостного крестьянина:

> «А Харя, господине, у нас жил в селе Воиславском десять лет, а ту, господине землю делал. А как, господине, у нас Харя вышол из села, ужо тому двадцать лет,

[64] АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 97.

а мы, господине, от тех мест и до сех мест ту землю орем, и сеем, и в наем даем»[65].

Таким образом, если верить воиславским старожильцам, Харя Лагирь обрабатывал пустошь Бортеневу около 1432–1442 гг.

На этом старожильцы могли бы и остановиться. Но либо уважение к присяге, либо стремление показать осведомленность сыграли свою роль, и они продолжили так:

> «А из старины, господине, та земля Звенигородцкая, а на ней, господине, земле жил княж Юрьев Дмитриевича холоп Бортен, а после того, господине, жил княж Юрьев холоп Харя Лагирь, а за ним, господине, была княгинина Настасьина роба Коверница»[66].

Старожильцы не случайно назвали события 40–50-летней давности «стариной». За четверть века династической войны (1425–1456) произошло так много перемен, что времена Юрия Дмитриевича воспринимались как далекое прошлое.

Княгиня Анастасия, – как уже отмечалось выше, дочь Смоленского князя Юрия Святославича, – вышла за князя Юрия в 1400 г. В 1406 г. после потери Смоленска, захваченного литовцами, Юрий Святославич перешел на московскую службу и был наместником в Торжке. Опасаясь расправы за убийство Юлиании, жены вяземского князя, он бежал в Орду, где и погиб в 1407 г. Как сообщает 2-я Софийская летопись, 11 июля 1421 г. «преставис(я) княгини Настас(ь)я кн(я)жя Юрьева Дмитреевича во Звенигороде, а положена на Москвѣ у Вознесенья»[67], то есть в девичьем Вознесенском монастыре в Кремле. Таким образом, события, рассказанные старожильцами, имели место в 1400–1421 гг. до ухода Юрия Дмитриевича из Звенигорода в Галич в 1425 г.

На прямой вопрос судьи о времени передачи пустоши от Лагиря митрополиту, старец ответил, что это произошло 12 лет назад, что соответствует 1450–1452 гг. Следовательно, Харя Лагирь перешел на службу к митрополиту и передал ему свою землю через десять лет после того, как около 1442 г. он «съехал» из Воиславского.

На последнем этапе судоговорения воиславский посельский выставил в качестве старожильцев старого Звенигородского дворского Лариона Слинкова и нынешнего дворского Ермолу. Со своей стороны Серапион выставил троих «знахарей» (свидетелей). Один из них, Степан Кормилицын, утверждал, что он «наимовал у Хари у Лагиря косити, а Серапиона, есмь, господине доложил, а уже тому пятый год».

К этому свидетель добавил интересную подробность: Харя «жил на Песку, а холоп был княж Юрьев Дмитриевича»[68]. Это известие представляет собой первое упоминание поселения, существовавшего близ погоста Николы на Песку, следы которого обнаружены на территории пос. Николина гора (рис. 10). Судя по всему, Харя поселился у церкви Николы на Песке, когда поступил на службу к митрополиту Ионе.

Старожилец Иван Селифонов в своем рассказе охватил наибольший временной отрезок:

> «Яз, господине, ту землю знаю за пятьдесят лет, занеж, господине, тогда яз был при князи при Юрье пятидесятник, а на той, господине, земли седел княж Юрьев холоп Бортен приданой, а после того, господине, на той земле жил княж Юрьев холоп Харя Лагирь, а за ним, господине, была княгинина Настасьина роба Коверница, а то, господине, земля из старины Звенигородцкая, а к нам, господине, к черным не тянула, ни к бояром»[69].

Ценность этого рассказа состоит в том, что он повествует о времени до 1425 г., когда с. Оксиньинское еще было боярским и принадлежало Мининым. Рядом с ним располагалось с. Воиславское, жители которого относились к корпорации черных (волостных) людей. Наряду с этими двумя категориями земель существовала и третья – участки, на которых жили холопы князя Юрия Звенигородского, такие как Бортен и Харя Лагирь. Эта категория земель в ряде источников носит название «служние земли».

Суд был доложен третьей стороне, в качестве которой выступил юный государь, присудивший пустошь митрополии. Причиной послужило то, что митрополичьи знахари продемонстрировали более убедительную картину найма земли посельскими с. Оксиньиньского.

Судьба Хари Лагиря – слуги под дворским Юрия Звенигородского, который был вынужден крестьянствовать на протяжении десятилетия[70], – свидетельствует об упадке княжеского хозяйства в Звенигородском окологородье после смерти Юрия Дмитриевича (5 июня 1434 г.) и ухода двора Василия Косого на Север.

[65] Там же.
[66] Там же.
[67] Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М.: Языки славянской культуры, 2001. Стб. 49, 50.
[68] АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 98.
[69] Там же.
[70] *Чернов С.З.* Десять лет в Ислявском: «слуга под дворским» и волостные люди в городских станах Звенигорода первой половины XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1. С. 140–144.

Оксиньинское и Воиславское при Андрее Васильевиче Большом и Иване III (1473–1504 гг.)

Суд 1462–1464 гг. открывает нам «социальные миры» звенигородских городских станов, которые окружали владения московских митрополитов. Следует, впрочем, учесть, что этот документ позволяет рассмотреть лишь небольшой фрагмент картины – узкий круг отношений, связанных с однодворным селением, затерянным в лесах за Уборовской речкой.

Чтобы увидеть более широкую панораму, обратимся к документам, которые позволяют представить структуру митрополичьей вотчины и взаимодействие ее с княжеским с. Воиславским, располагавшимся, как говорилось выше, на противоположном берегу Москвы-реки.

Первый из документов – жалованная грамота кн. Андрея Васильевича Большого «на село Оксиньинское, да Грибаново, да Никола на Песку в Звенигородцком уезде», которая была дана в июле 1473 г., то есть сразу же после возведения в сан митрополита Московского Геронтия (29 июня 1473 – 28 мая 1489)[71].

Грамота почти слово в слово повторяет перечень льгот, данных митрополитам кн. Василием Ярославичем, однако, в несколько урезанном виде. Князь Андрей Большой указывал, что людям митрополичьим «не надобе моя дань до описи, доколе мой писец проедет». Подобное распоряжение можно объяснить тем, что со времени окончания династической войны прошло уже два десятилетия, за которые хозяйство на подмосковных землях было восстановлено.

Кроме того, грамота содержит два специальных постановления, свидетельствующих о конфликтах митрополичьих людей с жителями с. Воиславского. Первое из них показывает, что оксиньинские крестьяне собирались на пиры, а также устраиваемые в складчину (обычно на Николин день, Покров и Рождество) братчины:

> «Также есми их пожаловал, у которого у митрополича христианина лучится братшина или пир, и кто к ним придет из моего села из Воиславского незван на пир или в братшину, и государь или староста того человека незваного вышлет вон, ино ему к том (sic – *С.Ч.*) пени нет. А хто у них человек незваной ис пиру или из братшины вон не пойдет, а имет пити сильно, а учинится у них в той братшине или на пиру какова гибель или татьба, и яз ту гибель на том велю взяти вдвое без суда и без исправы»[72].

Желание воиславских крестьян участвовать в оксиньинских братчинах, возможно, отражало обычай более раннего времени, когда жители Оксиньино входили вместе с воиславцами в единую служебную корпорацию.

На то же указывают и постоянные попытки княжеских людей («волостных» крестьян с. Воиславского и проживавших в Звенигороде «людей под дворским») использовать угодья с. Оксиньина. Теперь на это налагался строгий запрет:

> «Также есми не велел в лес в Оксиньинской ездити своим людем городским и волостным без доклада, а кого изымают в лесе в Оксиньинском, а ехал без доклада, да в том его утяжут, и наместник мой возьмет на нем заповеди два рубля»[73].

Из этого места грамоты мы впервые узнаем о существовании Оксиньинского леса, который может быть уверенно локализован в восточной части позднейшей земельной дачи с. Аксиньина (рис. 6). В 1861 г. этот лес был отделен от крестьянского надела (рис. 7). Наложение границ земельной дачи на современную геоподоснову показало, что Оксиньинский лес начинался от погоста Николы на Песку и включал всю северную часть нынешнего пос. Николина гора, а также бор, лежащий к северу от пос. Конник (рис. 12).

В тот самый год, когда митрополит Геронтий получил жалованную грамоту на Оксиньинское, произошел первый конфликт Андрея Васильевича Большого с Иваном III. Андрей был недоволен тем, что ему не досталось части владений скончавшегося незадолго до того его брата Юрия. В 1479 г. Андрей Углицкий и Борис Васильевич Волоцкий отъехали от великого князя, но не были приняты псковичами, вернулись и осенью 1480 г. приняли участие в обороне южных рубежей княжества от нашествия войск хана Ахмата – знаменитом «стоянии на Угре». В сентябре 1492 г. за то, что князь Андрей Большой не послал своих воевод по приказу Ивана III в Крым, он был арестован и умер в тюрьме в 1493 г. Столь жестокое решение было вызвано угрозой повторения династической войны. В 1425 г. брат вел. кн. Василия Дмитриевича Юрий Дмитриевич препятствовал восшествию на престол юного сына великого князя. Теперь, в 1492 г., Иван III прочил на престол своего внука Дмитрия в обход сына Василия. В этих условиях возможные претензии Андрея Большого на власть представлялись вполне реальными.

Звенигород вошел в число владений Ивана III, в 1493–1496 гг. был передан казанскому царевичу Абдыл-Латифу, а через 12 лет, в соответствии с духовной грамотой государя (ранее 16 июня 1504 г.), –

[71] АФЗХ. Ч. 1. № 97. С. 93.
[72] Там же.
[73] Там же.

оставлен сыну Ивана III Юрию Ивановичу Дмитровскому (1504 – 8 марта 1536). Тогда же князь Василий Васильевич Голенин провел описание границы Московского уезда и Звенигородского удела. Расположенное восточнее Воиславского с. Вяземск (ныне Успенское) отошло к Московскому уезду, и новая граница пролегла от впадения речки Вяземки в Москву-реку до впадения в Москву-реку р. Истры (рис. 1).

Описание 1504 г. дает возможность узнать имена поселений и их владельцев за полвека до первого описания Звенигородского уезда в писцовой книге 1558–1560 гг. И здесь нам на помощь вновь приходит Генеральное межевание. Граница Московского уезда выходила к Москве-реке чуть выше впадения р. Вяземки и вела вниз по течению Москвы-реки. Вначале за рекой располагались земли «Воиславского села», которые соответствовали левобережной части земельной дачи с. Ислявского (рис. 4. № 122)[74].

Ниже с. «Вяземскъ, дву Ондрѣев Михаиловых детеи Овцына», на противоположном от него, левом, берегу Москвы-реки лежал «луг Изборескъ Якова Дмитриева сына Овцына»[75]. Речь идет о луге в левобережной части земельной дачи с. «Успенского Вяземец», зафиксированного на планах Генерального межевания (рис. 4. № 307; рис. 12)[76].

Еще ниже по течению Москвы-реки лежал «починок над Копылкінскими луги Иваново Васил(ь)ева сына Калитина», который не поддается локализации, и «луг на Дубце Семенов Овцына его села Мамонкинского». Луг располагался в пределах земельной дачи с. Уборы и д. Дубцы (рис. 4. № 304). Следовательно, с. Уборы[77] в 1504 г. называлось Мамонкинским и принадлежало Семену Овцыну. Восточнее Дубцов (деревня сохранилась до наших дней) в разъезжей грамоте упоминается «луг Бабинский да озерко княжь Федорова Хованьского его села Солославля», которое отождествляется с пустошью «Саларева Солослово тож» В.Ф. Шереметева, отмежеванной в 1766 г. (рис. 4. № 257).

От устья Истры в Москву-реку граница поворачивала вверх по течению Истры и входила в соприкосновение со второй вотчиной московских митрополитов в Звенигородском уезде. В 1504 г. эти земли находились во владении митрополичьего Новинского монастыря, располагавшегося в Москве, на Пресне, и были обозначены в разъезжей грамоте как «деревня Грибаново Новинского монастыря»[78].

[74] Восточная часть пос. Николина гора и излучина Москвы-реки к югу от него (в 1847 г. излучина была занята лесом – рис. 3).

[75] ДДГ. С. 381. Об Овцыных см.: Веселовский С.Б. Исследование… С. 458–459.

[76] Луг к юго-востоку от пос. Николина гора.

[77] В писцовой книге 1624–1625 г. упоминается как «деревня Уборы на Москве-реке» за Иваном Петровичем Шереметевым (*Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И.* Исторические материалы… Вып. 2. С. 102).

[78] ДДГ. С. 381.

Село Оксиньинское и Воиславское в 1526 г.

Следующий комплекс документов относится ко второй половине великого княжения Василия III. На четвертый год святительства митрополита Данила (1522–1539) кн. Юрий Иванович Дмитровский выдал ему три жалованные грамоты. Первая, датированная 25 декабря 1525 г., трактует вопрос о взаимоотношениях жителей Оксиньинского с рыболовами с. Воиславского (рис. 12):

> «Что того села Оксиньинского пришол берег по Москве реке да исток из Оксиньинского болота течет в Москву реку, и яз своим рыболовем воиславским, и христианом, и иных сел и волостей христианом в Москве реке под Оксиньинским берегом и в ручью рыбы ловити и насек ставити не велел, а в Оксиньинском лесу и в болоте хмелю драть, и дров, и хворосту сечи не велел, опричь спорные земли Воиславского села»[79].

Речь идет о лежащем к востоку от села обширном Аксиньинском болоте (2 × 1,5 км), которое возникло в пойме реки Москвы в древней озерной котловине и двумя истоками соединялось с рекой (в 1 и 2 км к востоку от с. Аксиньина – рис. 12)[80].

Далее в грамоте следуют распоряжения князя, связанные с прохождением через Оксиньинское большой дороги из Москвы в Звенигород:

> «Также есми их пожаловал, ямщиком своим звенигородцким и гонцом у них подвод сильно имати не велел, а ловчим своим, и охотником, и псарем у них ставитись не велел и корму своего, и конского, и собакам имати не велел»[81].

Серьезность конфликтных ситуаций во взаимоотношениях двух сел, располагавшихся друг против друга по берегам Москвы-реки, видна по упоминанию в грамоте княжеского пристава (Петели Губцова), то есть судебного исполнителя, который обладал правом «имать» нарушителей и «ставить»

[79] АФЗХ. Ч. 1. № 100. С. 95.

[80] Аксиньинское болото является особо охраняемой природной территорией и базовым объектом палеогеографических исследований (Природное и культурное наследие Москвы. Уборы / Авторы Е.Н. Мачульский, Ю.А. Насимович, Л.П. Рысин. М.: Библиинформсервис, 1999). В настоящее время начато его палинологическое изучение (*Ershova E.G., Alexandrovskiy A.L., Krenke N.A., Korkishko D.V.* New Pollen Data from Paleosols in the Moskva River Floodplain (Nicolina Gora): Natural and Anthropogenic Environmental Changes during the Holocen // Quaternary International. XXX (2015). 1–12 (www.elsevier.com/locate/quaint; дата обращения 07.11.2015).

[81] АФЗХ. Ч. 1. № 100. С. 95.

их перед князем или его дворецким для установления виновности.

Вторая грамота была выдана митрополиту всея Руси Даниилу 3 февраля 1526 г. Из текста документа следует, что конфликт по поводу рыбных ловель на Москве-реке после появления декабрьской грамоты не только не прекратился, но получил новое развитие:

> «Что присылал к нам отец наш Данил митрополит всея Руси о тех своих христианех, а сказывает, что де мои поледшики и рыболове емлют его христиан селчан и деревенщиков на мои рыбные ловли, на реки, и на озера, и на пруды, на поледные и на летние ловли, и у них де в селце и в деревнях корм себе и конской емлют, и ставятся у них сильно; да мои ж де христиане Воиславского села сельчане и деревенщики, и моих поместщиков люди и христиане (*здесь заканчивается список потравщиков и начинается перечень пострадавших* – С.Ч.) митрополичих христиан Оксиньинского села и деревенщиков на их пашни в поля и в луга животину пускают, по пашням и по пожням стада ганяют, и в том деи митрополичим христианом обиды многие»[82].

Княжеские рыболовы с. Воиславского привлекали жителей Оксиньинского к выполнению служб по рыбной ловле и гужевым перевозкам. Как уже отмечалось выше, руководствуясь какими-то архаическими традициями, они пытались разверстать на жителей митрополичьего села обязанности волостных крестьян самого Воиславского. Князь решительно осуждал эти действия, трактуя их как правонарушения. Пресекать их поручалось уже знакомому нам приставу Петеле Губцову.

Третья грамота была выдана 25 июня того же 1526 г. и определила объем оброка, который митрополичьи люди должны были выплачивать княжескому звенигородскому даньщику:

> «А дают те христиане за петровскую и за рожественую дань, и за ям, и за примет, и за все пошлины в мою казну даньщику моему звенигородскому з году на год оброку на рожество Христово по рублю и по шти алтын денег. А дати им тот оброк впервые на рожество Христово лета 7035-го»[83].

Кроме того, грамота вводила определенные ограничения в деятельности судебных исполнителей.

[82] АФЗХ. Ч. 1. № 99. С. 94.

[83] АФЗХ. Ч. 1. № 98. С. 94.

Структура Оксиньинской вотчины в 1537–1560 гг. и д. Лагирева глазами археолога

Увидеть Оксиньинскую вотчину со всеми ее храмами, поселениями, хозяйственными угодьями и границами удается благодаря документам следующего хронологического пласта – времени правления Елены Глинской и Ивана IV. На этом, более детальном уровне исследования Генеральное межевание открывает новые возможности и помогает связывать письменные свидетельства с археологическими данными.

Первое полное описание Оксиньинской митрополичьей вотчины содержится в писцовой книге Звенигородского уезда 1558–1560 гг. Она сохранилась в виде приправочного списка, использовавшегося при описании Звенигородского уезда, которое проводилось Л.Ф. Шеховским и И. Волковым после Смутного времени, в 1623/1624 г.[84] В разделе описания, озаглавленном «в Городцком же стану села и деревни митрополичьи и владычни и монастырские. Митрополичьи села», читаем:

> «Село Оксиньинское на реке на Москве. Пашни митрополичьи восмдесят чети в поле, а в дву по тому ж, земля середнея. Сена пятьсот копен. А крестьянские пашни дватцать семь чети в поле, а в дву по тому ж. Сена пятьдесят копен.
>
> А деревень к селу:
>
> Деревня Бусачево на речке на Бусачке. Пашни шесть чети (Л. 53 об.) в поле, а в дву по тому ж, земля середнея. Сена пятнатцать копен.
>
> Дрв. Санино Шевеково. Пашни дватцать одна четь в поле, а в дву по тому ж, земля середнея. Сена пятнатцать копен.
>
> Дрв. Высокое. Пашни дватцать одна четь в поле, а в дву по тому ж, земля худа. Сена пятнатцать копен.
>
> Дрв. Горки. Пашни сорок две чети в поле, а в дву по тому ж, земля худа.
>
> Дрв. Новинки Починок. Пашни девять чети в одном поле, а в дву по тому ж, земля худа.
>
> Дрв. Близцыно. Пашни четырнатцать чети в поле, а в дву по тому ж, земля худа. Сена пятнатцать копен.
>
> Дрв. Белавкино. (Л. 54) Пашни шеснатцать чети в поле, а в дву по тому ж, земля худа. Сена дватцать пять копен.
>
> Дрв. Ярыгино. Пашни шеснатцать чети в поле, а в дву по тому ж, земля середнея. Сена дватцать пять копен.

[84] *Кистерев С.Н.* Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. // Материалы для истории Звенигородского края… Вып. 1. С. 3–13.

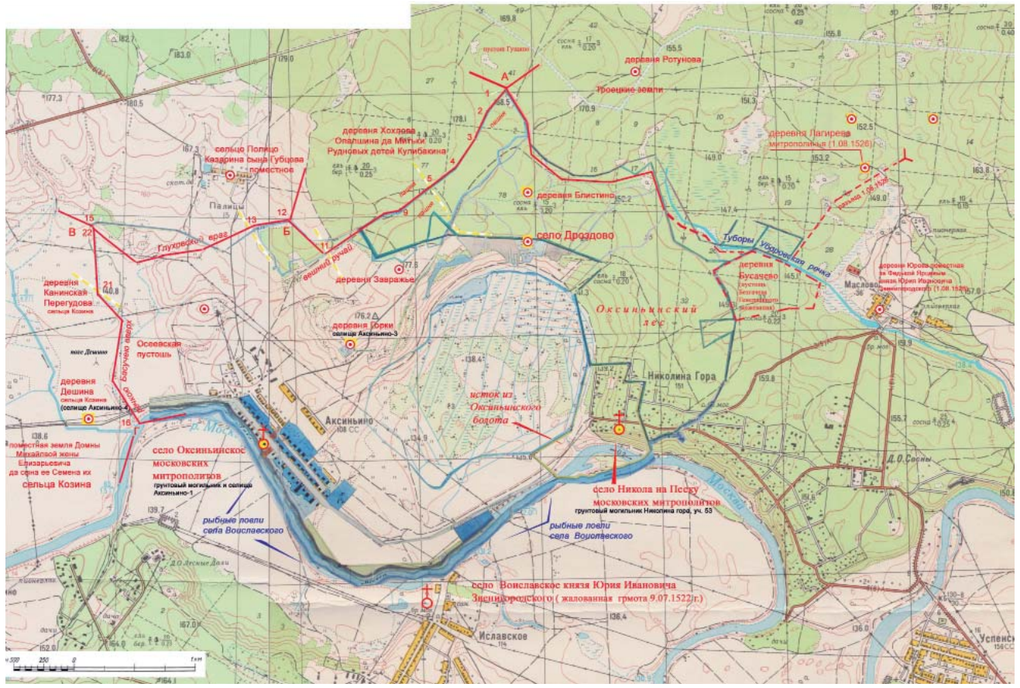

Рис. 12. Реконструкция земельных границ и структуры поселений митрополичьей Аксиньинской вотчины на 1537–1558 гг. Геоподоснова – карта ГУГК. Съемка 1958 г. Масштаб 1:25 000. Лист P-47-83-B-в.

Расшифровка литер и цифр, показанных на иллюстрации

1537 г., июнь — Разъезжая грамота звенигородских писцов И.Д. Боброва, З.А. Постника Сатина и И.М. Ракова на поместные земли О.Р. и Д.Р. Кулибакиных (д. Хохловой) и К.П. Трубникова (сельца Лолица) с митрополичьей землей с. Аксиньинского (АФЗХ. Ч. 1. № 14).

А–Б – Межа митрополичи земли села Оксиньинского деревень, деревни Блистина да деревни Блистина же Малого, с Опалшеною и с Митькиною землею Рудаковых детей Кулибакина их поместной деревни Хохлова:

1 – от Троецкие земли от деревни от Ротунова, от нового розъезду, что розъехали писцы с митрополичьи Троецкие земли, от Троецкие земли, что против межные березы, от березового куста от трех ям от стрелицы;

2 – межею подле пашенные земли митрополичьи деревни Малого Блистина, налеве пашенная земля, а налеве (sic!) лес, прямо по ямам к ивовому кусту меж дву ям;

3 – а от ям меж пашенных земель подле лес тою же межею на два куста, к дубовому кусту да к ореховому кусту, что меж дву ям;

4 – да на болшие ямы на глиняные;

5 – а от ям на дорожку, что ездят к Николе от Хохлова;

6 – да через дорожку (Л. 28) прямо тем же путиком меж пашнями;

7 – тою же межею да на падубочек, а от падубка две ямы;

8 – а от падубка тою же межею на вязовой куст, а у него две ямы;

9 – а от куста путиком прямо ямами, да з дорожки налево к дубку, что меж дву ям, а от дубка в вешней ручай;

10 – а вешним ручаем в нем по ямам к можжеелову кусту, а у него две ямы;

11 – а от куста и от ям тем же ручаем по ямам да через дорожку, что ездят из Звенигорода к Москве;

12 – да в Луховской враг до ивово куста, что меж дву межных ям, х Казаринове земле Петелина сына Губцева его поместного сельца Полица;

налеве земля, и лес, и пожни митрополичи деревни Блестина, да деревин Малого Блестина ж, да деревни Завражья, а направе земля, и лес, и пожни поместной Опалшино да Митьки Рудновых детей Кулибакина их деревни Хохлова.

Б–В – Да митрополичим же землям с Казариновою Петелина сына Трубникова с поместною землею межа:

12 – от ивово куста от дву ям врагом Глуховскнм вниз по ямам водоточию вешнею да путиком, что ездят от Полщца к Горкам;

13 – да через дорошку (Л. 28 об.) прямо тем же врагом по ямам до ивово куста, а у него две ямы;

14 – а от куста тем же врагом па низ дорожкою, что ездят из Завражья из митрополичи деревни в Звенигород;

15 – да дорошкою тем же врагом до дорожки, что ездят от Полица и от Перегудова в Уполозы, до Семеновы земли Михайлова сына Елизарова да поместные земли Перегудова;

налеве земля митронолича деревни Горки да деревни Завражия, а направе земля Казарина Петелина сына Рубникова его поместного сельца Полица.

И сю розъежую грамоту писцы митрополичю приказщику Оксиньиньского села Федяше Филипову дали и печати свои приложили лета 7040 пятого июня.

1537 г., июня – Разъезжая грамота звенигородских писцов И.Д. Боброва, З.А. Постника Сатина и И.М. Ракова на поместную землю вдовы М.Е. Добрынского Домны и ее сына Семена, сельца Козина, с митрополичьей землей сельца Аксиньинского деревень. (Л. 30 об.) (АФЗХ. Ч. 1. № 17)/

Г–В – Межа митрополиче земле сельца Оксиньиньского пустоши Оссевской, да деревне Горкам, да деревне Завражью, с поместною землею з Домниною Михайловы жены Елизарьевича да сына ее Семена их сельца Козина и деревень, деревни Дешина, деревни Канинской Перегудове:

16 – от Москвы от реки речкою Басучею вверх до старой дороги;

17 – до броду, что против за речкою, земля Хорупинской пустоши;

18 – да от речки Басучи направо старою дорогою зарослою;

19 – прямо леском по ямам да к осеку к старому Осеевской пустоши, да подле осек старою межею по ямам;

20 – да с межи с угла пашни Осеевской пустоши тою ж старою дорогою зарослою по покосом и по ямам лесом прямо;

21 – да через дорогу прямо, что ездят из великого князя села из Воиславского к Ершеву;

22 – да тем же леском старою дорогою по покосом и по ямам до поместной земли Казарина Петелина сына Губцева до межи его села Политцкого;

направе земля и лес и покосы митрополича села Оксиньиньского, да пустоши (Л. 31 об.) Осеевской, да деревни Горок, да деревни Завражья, а налеве земля поместная Домнина Михайловы жены Елизарьевича да ее сына Семена и сельца Козина и деревень, деревни Дешина да деревни Канинской Перегудовы.

Дрв. Лагирево. Пашни восмь чети в поле, а в дву по тому ж, земля худа. Сена дватцать пять копен.

Дрв. Поподьино. Пашни семнатцать чети в поле, а в дву по тому ж, земля худа.

Погост на Москве реке, а в нем церковь Никола Чюдотворец. Пашни поповы пятнатцать чети в поле, а в дву по тому ж, а крестьянские пашни восмь чети (Л. 54 об.) в поле, а в дву по тому же, земля середнея. Сена попова тритцатъ копен, а крестьянского сена десять копен.

Село Дроздово. Пашни дватцать чети в поле, а в дву по тому ж, лесу на версту.

И всего 2 села, 10 деревень да погост, пашни митрополичьи, и крестьянские, и поповы середние земли 133 чети, а худые земли 127 чети, сена митрополич (sic – С.Ч.) и крестьянского, и попова 755 копен»[85].

Итак, в митрополичьей вотчине распахивалось 260 чети земли, что составляет (260 / 2 = 130 × 3) 390 десятин. Луга выкашивались на площади 75 десятин. Для того, чтобы оценить соотношение обрабатываемых земель к лесным массивам и болотам, необходимо воспользоваться информацией о площади всей вотчины из материалов Генерального межевания (1767 г.):

> село Аксиньино, владение Коллегии экономии, ранее Савина монастыря – 991 десятина 2303 кв. сажени,
>
> писцовая церковная земля церкви Николая чудотворца (бывший Никольский на Песку погост) – 48 десятин 791 кв. сажень,
>
> пустошь Безгачево графа Сергея Павловича Егушинского – 30 десятин 1066 кв. сажен[86].
>
> В целом площадь, земель равнялась 1070,7 десятин.

Таким образом, из 1070,7 десятин в 1558–1560 гг. обрабатывалось 390 десятин пашни и 75 десятин лугов, или 43,4% площади. Сравним эти данные со сведениями по шести крупным владениям Волоцкого уезда за 1562–1569 гг., то есть до начала хозяйственного кризиса. В Волоцком уезде обрабатывалось от 37 до 76% площади, причем наиболее типичными

[85] Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. // Материалы для истории Звенигородского края... Вып. 1. С. 37, 38. Это же описание слово в слово содержится в Списке с писцовой книги 7101 (1592–1593 гг.) поместных и вотчинных земель в станах Городском, Тростенском и Угожском письма Меньшаго Волынскаго и подьячаго Постника Степанова (Писцовыя книги Московскаго государства. Ч. 1. Писцовыя книги XVI века / Под ред. Н.В. Калачева. Отд. 1. СПб.: Издание Императорского русского географического общества, 1872. С. 672), из чего видно, что здесь также приведено не действительное описание на 1592–1593 гг., но приправочный список с писцовой книги 1558–1560 гг.

[86] *Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений. Т. 1. М.: Московия, 2004. С. 227, 228.

значениями были 53–54%[87]. Оказывается, доля освоенных земель в Аксиньино была отнюдь не высока. Скорее всего, это связано с тем, что вблизи Аксиньина располагался экстремальный по размерам болотный массив, имевший площадь не менее 300 десятин. Если не принимать его в расчет, то доля обработанной земли составит 55%.

Само «село Оксиньинское» локализовано А.В. Алексеевым в центральной части нынешнего села[88]. О местоположении первоначальной церкви Николая чудотворца можно судить по Плану Генерального межевания 1767 г. (рис. 6). Она находилась тогда в 450 м к юго-востоку от существующей кирпичной Никольской церкви, возведенном в 1876 г. на новом месте – на северной окраине села[89].

Время появления храма в с. Аксиньино источники указывают по-разному. Писцовая книга 1623–1624 гг. рисует следующую картину:

> «за великимъ государемъ Филаретомъ Никитичемъ всея Русіи вотчинѣ погостъ на рѣкѣ Москвѣ, что на Пескахъ, а храмъ был Николы чудотворца, сгорѣлъ от Литовскаго разоренія,
>
> а въ селѣ дворъ патриарша сына боярскаго Ивана Завороткова, пашетъ въ селѣ церковную пашню… 3 двора крестьянскихъ и одинъ дворъ бобыльский;
>
> деревня Оксиньинская на рѣкѣ Москвѣ, а въ ней крестьянъ (11 дворов), и бобылей (7 дворов), всего 22 двора, людей въ нихъ 27 человѣкъ»[90].

Следовательно, до Смутного времени Никольский храм располагался на Николиной горе, а в д. Оксиньинской (на территории нынешнего села) храма не было и размещалось лишь 22 крестьянских двора. Не совсем ясно, где располагалось «село» с двором Завороткова, тремя крестьянскими и одним бобыльским двором. Поскольку Заворотков пахал церковную пашню, скорее эти строения также находились на Николиной горе[91].

В писцовой книге 1558–1560 гг. «погост на Москве реке, а в нем церковь Никола Чюдотворец» фигурирует отдельно от с. Оксиньинского, после перечня всех деревень. Следы некрополя древнего Никольского храма на Николиной горе, как уже отмечалось, были обнаружены на дачном участке 53 Шмидтов. Там было зафиксировано семь подписных белокаменных плиточных надгробий с трехгранно-выямчатым орнаментом («волчий зуб»), перенесенных на хранение в Звенигородский историко-архитектурный музей. На одном из надгробий, датируемом 01.09.1562 – 31.08.1563 г., читается: «Лѣта ОА преставися раба Б(о)жия Фавния»[92].

Что касается храма, показанного на плане 1767 г. в с. Аксиньине, то В. и Г. Холмогоровы относят его появление к 1629 г., под которым в книгах Патриаршего приказа значится: «Прибыла по окладу Сторожевскаго монастыря строителя Іоасафа Пестрикова церковь Николы чудотворца в селе Оксиньинѣ, на Песку»[93]. По мнению А.В. Алексеева, она возведена между 1654 и 1660 г.[94] Судя по чертежу, который датируется второй половиной XVII в., храм в «селе Оксиньино Савина монастыря» тогда уже существовал (рис. 9а).

Обратимся к деревням Оксиньинской вотчины, описанным в 1558–1560 гг. Из 10 деревень уверенно локализуются пять, причем две из них – по материалам XVII–XVIII вв. (Табл. 2).

Таблица 2. Локализация поселений Асиньинской вотчины по Писцовой книге Звенигородского уезда 1558–1560 гг.

1558–1560 гг.	Геометрический план 28 июня 1767 г.	Другие планы Генерального межевания
с. Оксиньинское на реке на Москве	с. Аксиньино	
д. Бусачево на речке на Бусачке	Бусачева	Безгачево пустошь графа Сергея Павловича Ягушинского 28 августа 1767 г.
д. Санино Шевеково	Сонина	
д. Высокое	Высокая	
д. Горки	Горки	Чертежи 30 и 35
д. Новинки Починок	Новинки Починки тож	
д. Близцыно	Блицына	
д. Белавкино (Л. 54)	Белавинка	
	Брягино Макарово тож	
д. Ярыгино	Ярыгина	
д. Лагирево	Лагирева	
д. Поподьино	Попадьина	
Погост на Москве реке, а в нем церковь Никола Чюдотворец		Писцовая церковная земля церкви Николая Чудотворца 7 сентября 1767 г.
с. Дроздово	Дроздова	
И всего 2 села, 10 деревень да погост		

[87] *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.: Б.и., 1998. С. 335. Табл. 48.

[88] *Алексеев А.В.* Церковные древности Звенигородской земли… С. 73–75.

[89] Церковь святителя Николая чудотворца в Аксиньино. История храма, причта и прихода. М., 2003. С. 12–13.

[90] *Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И.* Исторические материалы… Вып. 2. С. 57–58.

[91] Такого же мнения придерживался и А.В. Чаянов (*Чаянов А.В.* Отчет об археологических работах… С. 38).

[92] *Алексеев А.В.* Церковные древности Звенигородской земли… С. 72. Рис. 10.

[93] *Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И.* Исторические материалы… Вып. 2. С. 58.

[94] *Алексеев А.В.* Церковные древности Звенигородской земли… С. 75.

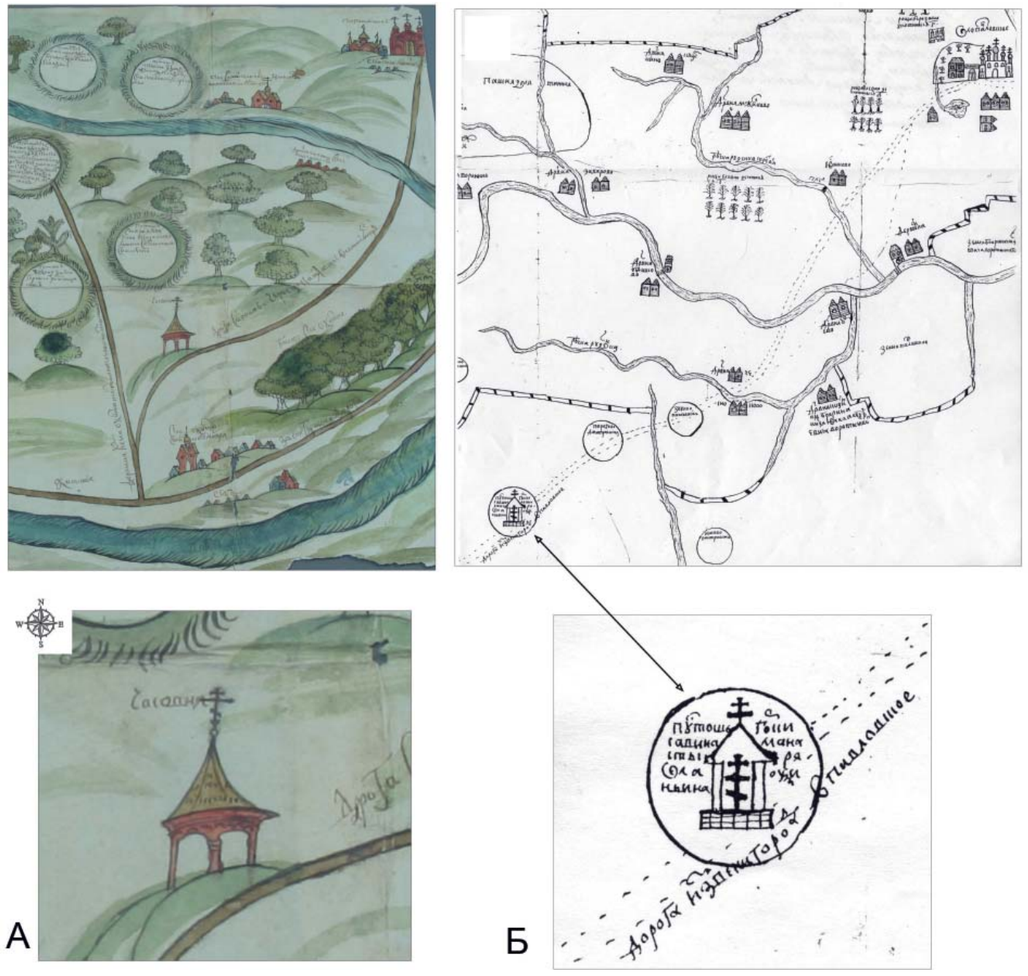

Рис. 9. А – План местности между с. Аксиньинским и с. Павловским на р. Истре (РГАДА. Ф. 27. Оп.1. Д. 484. Ч. 3). На месте селища Аксиньинское-3 показана часовня, расположенная на дороге из с. Павловского в Савино-Сторожевский монастырь; Б – План местности между с. Аксиньинским и с. Павловским на р. Истре (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 3. № 30). На месте селища Аксиньинское-3 обозначена «пустошь Горки Савина монастыря», расположенная на дороге из с. Павловского в Савино-Сторожевский монастырь (по А.В. Алексееву).

Бусачево показано в виде отдельной пустоши на уездном плане Генерального межевания (рис. 4. № 17). Пустошь располагалась за Оксиньинским лесом (северная часть пос. Николина Гора) и примыкала с востока к границе земельной дачи с. Оксиньино (рис. 6. Под литерами DE в описании смежных земельных дач). В настоящее время это лес на правом берегу Уборовской речки к западу от д. Маслово, через который в северной части пос. Николина Гора с востока на запад проходит ул. Масловка (рис. 10, 12)[95].

Горки показаны в виде пустоши на ряде чертежей XVII в. Так, на чертеже 30 в начале дороги

[95] Лишь небольшой (северный) участок пустоши свободен от дачной застройки и входит в ООПТ «Масловская лесная дача» (юго-западный угол квартала 88 Звенигородского лесничества).

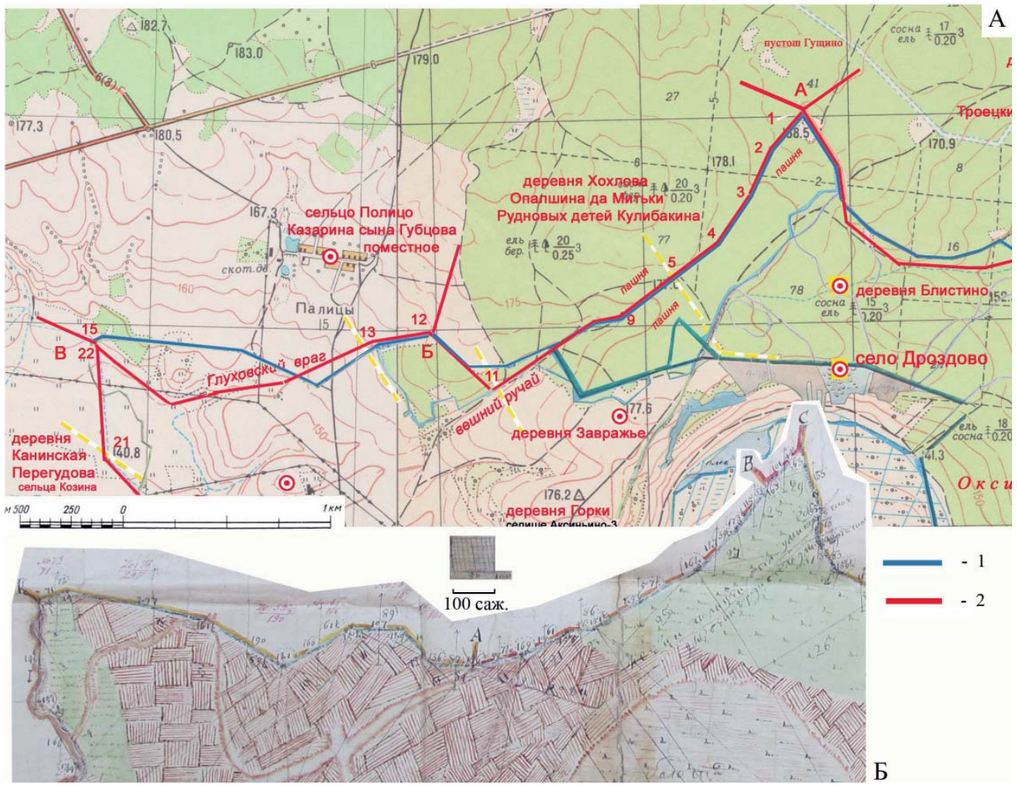

Рис. 11. Северная граница митрополичьей Аксиньинской вотчины.
А – локализация разъезда июня 1537 г. (АФЗХ. Ч. 1. № 14). Геоподоснова – карта ГУГК. Съемка 1958 г. Масштаб 1:25 000. Лист P-47-83-В-в; Б – Та же территория по: «Геометрический специалной план Звенигородского уезду городского стану села Аксиньина… 1767 году июня 26 дня» (см. рис. 6). Условные знаки: 1 – граница по плану земельной дачи генерального межевания 1767 г.; 2 – граница-локализация по разъезду 1537 г.

от Аксиньина в с. Павловское (с. Павловская слобода на р. Истре) имеется кружок (условный знак, обозначающий пустошь) с надписью: «Пустошь Горки Савина монастыря села Оксиньина». В центре кружка изображена часовенка, увенчанная крестом и с крестом внутри здания (рис. 9б). Более реалистическое изображение часовни находим на другом чертеже. Это сооружение, напоминающее беседку на 4-х основаниях, крытое шатрообразной крышей и увенчанное крестом (рис. 9а). Под названием «Крест» это место фигурирует и на чертеже 35 земель с. Дмитровского (на Истре).

На плане 1861 г. на холме, в 0,9 км от с. Аксиньино, в районе описанной выше пустоши, показано «кладбище» (рис. 7), а на карте Военно-топографического депо 1860 г. «старооб(рядческое) кл(адбище)» (рис. 2). Кладбище сохранилось до нашего времени. За его северо-восточной оградой, на вершине возвышенности, господствующей над окружающей местностью (170–172 м в Балтийской системе высот) А.В. Алексеев в 2012 г. выявил селище Аксиньино-3, датируемое по находкам красноглиняной грубой и краснолощеной керамики XIV–XV вв., а по находке белоглиняной грубой посуды – XVI в. (рис. 12).

Локализация д. Лагирево на левом берегу р. Уборы, к северо-западу от д. Маслово, была обоснована выше (рис. 12).

Большие возможности для изучения исторической топографии северной части Оксиньинской вотчины, в том числе Масловской лесной дачи, расположенной к северу от пос. Конник, дает разъезжая грамота

звенигородских писцов И.Д. Боброва, З.А. Постника Сатина и И.М. Ракова, составленная в июне 1537 г. Материалы Генерального межевания помогают точно локализовать упомянутые в ней объекты.

Грамота была составлена в июне 1537 г. – в период регентства Елены Глинской. Уже был схвачен (11 декабря 1533 г.) и умер в тюрьме (8 марта 1536 г.) князь Юрий Иванович Дмитровский, выдавший грамоты митрополиту Даниилу в 1526 г. 1 июня 1537 г. был подавлен мятеж второго дяди семилетнего Ивана IV – Андрея Ивановича Старицкого. Елена Глинская отправила последнего в заточение, где он погиб 11 декабря того же года. Звенигород к этому времени утратил удельный статус.

Межевщики «учинили межу митрополичи земли села Оксиньинского деревень, деревни Блистина да деревни Блистина же Малого, с Опалшеною и с Митькиною землею Рудаковых детей Кулибакина их поместной деревни Хохлова»[96]. Оксиньинские земли лежали слева и к югу от межи, а земли д. Хохлова – справа по ходу движения межевщиков и к северу от межи.

На момент проведения Генерального межевания пустошь Хохлова примыкала к землям с. Аксиньина с севера (рис. 4. № 318). На плане земельной дачи с. Аксиньино 1767 г. показана граница этой пустоши (рис. 6). В 1861 г. в связи с реализацией крестьянской реформы на основе плана Генерального межевания был составлен новый план земель с. Аксиньина, на котором граница земельной дачи обозначена еще точнее (рис. 7). Эта граница была перенесена на современную геоподоснову масштаба 1:25 000 (рис. 11).

Таким образом, благодаря материалам Генерального межевания мы имеем возможность пройти лесами Масловской лесной дачи по трассе межи, проложенной в 1537 г. Со временем там могут быть найдены и межевые ямы. Сегодня, чтобы выйти к началу межи, необходимо пройти от с. Аксиньино на северо-восток по полям, глубоко вдающимся в Масловский лес севернее пос. Конник. Отсюда по старинной дороге на д. Чесноково и с. Павловская слобода нужно углубиться в лес на километр и в 100 метрах после пересечения границы 48 и 41 кварталов повернуть налево (рис. 11. Кв. 78 и 41). Лесная дорога растворяется в лесу, но если следовать в том же направлении, то через 300 метров можно увидеть старинный пруд-копань, устроенный в неглубоком овраге. Этот водоток проходит далее на северо-восток, в сторону речки Белянки, притока р. Истры.

Межа начиналась от «стрелицы»[97] – слияния двух верховий этого оврага в районе пруда-копани (рис. 11. № 1)[98]. Вот как описано начало межи в разъезжей грамоте:

> «А межа им учинена от Троецкие земли от деревни от Ротунова, от нового розъезду, что розъехали писцы с митрополичьи Троецкие земли, от Троецкие земли, что против межные березы, от березового куста от трех ям от стрелицы».

«Троицкая земля» межевой грамоты – это отмечавшееся выше земельное владение Троице-Сергиева монастыря с центром в с. Дмитровском на р. Истре, которое охватывало северную часть Масловной лесной дачи (рис. 4. № 81; рис. 3. № 152). На чертеже земель с. Дмитровского № 35 XVII в. отыскивается условное обозначение дмитровской пустоши «Аргуново» (в 1537 г. – д. Ротунова), рядом с которой показана другая дмитровская пустошь «Гущина». Последняя надежно локализуется по планам Генерального межевания (рис. 4. № 100и)[99].

От «стрелицы» межа пролегала на юго-запад, вверх по отмеченному овражку, а затем шла водоразделом. Двигаясь по ней, мы следуем параллельно дороге на Павловскую слободу, «возвращаясь» к Аксиньино (рис. 11. №№ 1–9). Вот как этот участок описан в разъезжей грамоте:

> «межею подле пашенные земли митрополичьи деревни Малого Блистина, налеве пашенная земля, а налеве лес,
> прямо по ямам к ивовому кусту меж дву ям,
> а от ям меж пашенных земель подле лес тою же межею на два куста, к дубовому кусту да к ореховому кусту, что меж дву ям,
> да на болшие ямы на глиняные,
> а от ям на дорожку, что ездят к Николе от Хохлова,
> да через дорожку (Л. 28) прямо тем же путиком меж пашнями
> тою же межею да на падубочек, а от падубка две ямы,
> а от падубка тою же межею на вязовой куст, а у него две ямы,
> а от куста путиком прямо ямами, да з дорожки налево к дубку, что меж дву ям, а от дубка в вешней ручай»[100].

[96] АФЗХ. Ч. 1. № 14. С. 35.

[97] В отводах земли, описание которых сохранилось в грамотах XV–XVII вв., слово «стрѣлица» употребляется в двух значениях: 1) стык двух ложбин или оврагов и 2) развилка на дереве, которое использовали как ориентир (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М.: Наука, 2008. С. 156). В грамоте 1537 г. речь идет о развилке верховьев оврагов.

[98] Пруд показан на карте 1958 г. с отметкой 168.5 м (рис. 13, верхняя часть изображения). В настоящее время это квартал 41 Звенигородского участкового лесничества.

[99] На копии плана Звенигородского уезда 1784 г., который выполнен в 1847 г., вся пустошь показана как поле среди леса (рис. 3. № 131).

[100] АФЗХ. Ч. 1. № 14. С. 35.

Слева по ходу движения межевщика упоминается земля д. Малое Блистино с. Аксиньино. Несколько далее располагалась д. Блистино, которая упоминается в преамбуле грамоты. Под названием «Близцыно» эта деревня зафиксирована в описании 1558–1560 г. При деревне тогда распахивалось 14 чети земли (14/2 × 3), или 21 десятина, и выкашивались луга на 15 копен (1,5 десятины; рис. 11).

Первое обследование дороги из Аксиньина в д. Чесноково и Павловскую слободу было проведено А.В. Лазукиным и А.В. Алексеевым в 2006 г. У пересечения дороги с просекой – северной границы кв. 78, на южном склоне локальной возвышенности (174,7 м в Балтийской системе высот), исследователи обнаружили селище Палицы-1 площадью 800 кв. м. Находки красноглиняной и белоглиняной грубой керамики, а также дужки замка, фрагмента сковороды и двух ножей, позволили предполагать здесь небольшой поселение XVI в.[101] (рис. 13). Оно располагалось у перехода дороги через границу Аксиньинских и Троицких земель. Возможно, это следы д. Малое Блистино (рис. 11).

В 2017 г. в ходе археологических разведок, проведенных Московской областной средневековой археологической экспедицией ИА РАН, трасса дороги из Аксиньина в д. Чесноково была обследована в пределах земельной дачи с. Аксиньина, включая место лесной сторожки (рис. 11а. Отметка 170.9). Новых археологических объектов зафиксировать не удалось. Зато к югу от этой дороги, в верховье пересыхающего ручья, текущего в Уборовскую речку, на лесной поляне-оселке, было обнаружено селище Конник-1 второй половины XV – XVI вв. площадью 5,5 тыс. кв. м (рис. 13, 18, 19)[102]. Как показало изучение палеопочв, залегающих под культурным слоем, для поселения были выбраны определенные геоморфологические условия: выход супесчаных подпочв из-под моренных глин (170 м в Балтийской системе высот). При этом пруд выкопали в глинах, что обеспечило удержание воды, а поселение разместилось на супесчаных почвах, что создавало благоприятные условия для жизни. Селище может быть отождествлено с д. Блистино 1537 г. (рис. 11).

Вешний ручей, упоминаемый в грамоте, отождествляется с оврагом, который выходит к краю полей д. Полицы в 0,95 км к юго-востоку от нее (рис. 11. № 9–11). Далее в грамоте читаем:

> «а вешним ручаем в нем по ямам к можжеелову кусту, а у него две ямы, а от куста и от ям тем же ручаем по ямам да через дорожку, что ездят из Звенигорода к Москве».

Оттуда (рис. 11. № 11) межа поворачивала на северо-запад и выводила к верховьям другого оврага – Глуховского, где Аксиньинские земли соприкасались с земельной дачей сельца Полиц (ныне д. Полицы):

> «да в Луховской враг до ивово куста, что меж дву межных ям, х Казаринове земле Петелина сына Губцева его поместного селца Подица».

Подводя итог пройденному участку межи, звенигородские писцы указывали на земельные дачи, которые были размежеваны: «налеве земля, и лес, и пожни митрополичи деревни Блестина, да деревин Малого Блестина ж, да деревни Завражья, а направке земля, и лес, и пожни поместной Опалшино да Митьки Рудновых детей Кулибакина их деревни Хохлова». Далее на пространстве в 1,1 км межа вела по Глуховскому оврагу, отделяя Аксиньинские земли от сельца Полицы (рис. 11, 12. № 12–15)[103].

Западная граница земель с. Оксиньинского была описана в составленной тогда же (июнь 1537 г.) и теми же писцами грамоте. Писцы «учинили межу (Л. 31) митрополиче земле сельца Оксиньиньского да пустоши и деревням, пустоши Оссевской, да деревне Горкам, да деревне Завражью, с поместною землею з Домниною Михайловы жены Елизарьевича да сына ее Семена их сельца Козина и деревень, деревни Дешина, деревни Канинской Перегудове»[104]. Межа проходила от Москвы-реки на север и завершалась у конечной точки границы с землями сельца Полицы[105] (рис. 6. Литеры I-K; рис. 12. № 16–22).

Итак, межевые грамоты 1537 г. свидетельствуют о том, что в северной части вотчины располагались д. Блистино, Горки, Завражье и Осеевская пустошь. Если первые две отождествляются с Близцыным и Горками описания 1558–1560 г., то Завражье и Осеевская, возможно, скрываются под именами двух из шести не идентифицированных деревень. Остальные четыре нужно искать на берегу Москвы-реки к востоку от Аксиньина и к югу от болот, а также в той части Оксиньинского леса, которая ныне занята северной окраиной пос. Николина Гора (рис. 12).

Зона археологического поиска этих деревень определяется в пределах полей, показанных на плане Аксиньина 1767 г. В частности, вся покрытая ныне

[101] *Лазукин А.В.* Отчет об археологических работах на территории Одинцовского района Московской области в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 54264. С. 35, 36.

[102] *Лебедева Е.Ю.* Отчет об археологических разведках на территории Масловской лесной дачи в Одинцовском районе Московской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 61181.

[103] АФЗХ. Ч. 1. № 14. С. 35.

[104] Там же. № 17. С. 37.

[105] Там же.

борами бровка коренного берега Москвы-реки, амфитеатром обрамляющая Аксиньинское болото, в 1767 г. представляла собой узкую полосу полей (рис. 6). Именно здесь, к северу от пос. Конник, в районе курганной группы, археологические разведки 2017 г. обнаружили следы средневекового грунтового могильника (рис. 13, 14)[106]. Коллекция энколпионов, нательных и наперсных крестов, судя по аналогиям, датируется второй половиной XVI в. (рис. 16, 17). Эта дата получила подтверждение в результате находки шведской монеты 1590 г., использовавшейся в качестве подвески и, видимо, потерянной (или оставленной) при посещении кладбища (рис. 15а)[107].

Обнаружение православного некрополя, который не фиксируется в документах Патриаршего приказа среди пустовых церковных земель Звенигородского уезда[108], требует объяснения. Разумеется, кладбище, а, возможно и храм (часовня), могли появиться и после описания 1558–1560 г., однако маловероятно, чтобы в годы хозяйственного кризиса, наступившего после 1570 г., на территории Аксиньинской вотчины возникло новое село. В связи с этим наиболее логичным представляется отождествление некрополя у пос. Конник с селом Дроздовым. Вот как оно было описано в 1558–1560 г.: «Село Дроздово. Пашни дватцать чети в поле, а в дву по тому ж, лесу на версту». Упоминание леса показывает, что Дроздово не могло располагаться в западной, опольной, части вотчины, или на безлесном берегу Москвы-реки. Лес «на версту» мог примыкать к поселению лишь в том случае, если оно находилось в пределах той самой полосы полей, которая окружала Аксиньинское болото с севера и востока (вплоть до границ земель погоста Николы на Песку) и примыкала к Аксиньинскому лесу – Масловской лесной даче (рис. 12).

В 2019 г. археологические исследования были перенесены в центральную часть Масловской лесной дачи. Обследованы возвышенности, примыкающие с запада и востока к котловине, из которой берет начало Уборовская речка[109] (рис. 20).

Там, где дорога из Аксиньина разветвлялась на проселки к с. Павловская слобода и с. Дмитровскому, на южном склоне полого холма (166 м в Балтийской системе высот), в лесу, недавно пострадавшем от урагана, было зафиксировано селище площадью 13 тыс. кв. м. Культурный слой был исследован 9 шурфами, которые дали красноглиняную грубую (24%) и гладкую (55%), белоглиняную грубую (12%) и гладкую (5,7%), а также краснолощеную (2%) и ангобированую (1,3%) керамику, датируемую периодом от второй четверти XV до третьей четверти XVI в. Селище отождествлено с троицкой д. Ротуново, земли которой в 1537 г. располагались смежно с Аксиноинской д. Блистино (рис. 12. № 1).

К востоку от Уборовской речки обследована территория пустоши Лагиревой. Обращение к детальной карте местности показало, что пустошь охватывает пространство овальной формы размерами 1,7 × 0,9 км (кв. 72, 73, 80, 81 Масловской лесной дачи). На юге и западе ее ограничивает долина Уборовской речки, а на востоке – овраг, берущий начало из болота в юго-восточной части квартала 65 Масловской лесной дачи и впадающий в Уборовскую речку выше д. Маслово (рис. 20). Возвышенная часть пустоши (150–155 м в Балтийской системе высот) представляет собой типичный мещерский ландшафт – постепенно повышающееся в северо-восточном направлении плато с песчаными камовыми микровозвышениями и сосново-еловом лесом на супесчаных почвах.

[106] *Лебедева Е.Ю.* Отчет об археологических разведках… См. также: *Шполянский С.В.* Отчет о разведках в Одинцовском районе Московской области в 1998 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1 № 18759; *Лазукин А.В.* Отчет об археологических разведках на территории Одинцовского района Московской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 28785.

[107] Монета определяется как фырк короля Швеции Йоханна III (1568–1592). На аверсе изображен геральдический щит с короной, над ним с надписью по кругу «MONETA•NOVA•REG•SVEC». По сторонам щита написано: «90», что означает год чеканки – 1590 г. На реверсе читается: «IOHANES•[D•G•SVEC•REX]». Фырк составлял одну четвертую эре. 8 эре составляли 1 марку. В свою очередь 4 марки образовывали далер. В России монета была использована как нашивка на одежду или как медальон. Для этого в центре монеты было пробито круглое отверстие.

Относительно времени, когда монета могла оказаться в окрестностях Звенигорода, может быть высказано два предположения. Появление монеты можно было бы связать с движением шведского экспедиционного корпуса, который (вместе с войском Михаила Скопина-Шуйского) вошел в Москву 2 марта 1610 г. После вступления в войну Польши, 24 июня 1610 г. объединенное русско-шведское войско было разбито армией Сигизмунда III при Клушине к западу от Можайска, а остатки корпуса ушли в Новгород (*Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008). Впрочем, наличие в годы правления Карла IX (1599–1611) у солдат экспедиционного корпуса самого мелкого номинала монет его предшественника на шведском престоле, скончавшегося 18 лет назад (следует отметить, что с 1592 по 1599 гг. в Швеции правил Сигизмунд), представляется маловероятным.

Более вероятным временем появления монеты в России является период между чеканкой монеты в 1590 г. и концом правления Йохана III в 1592 г. Мелкий шведский номинал мог быть привезен на родину участником походов первых лет русско-шведской войны 1590–1595 гг. из района боевых действий (Нарва, Ивангород, Выборг; *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1980. С. 86–100) и использован как медальон-сувенир. Скорее всего, медальон уронили во время посещения кладбища, что могло произойти и в конце царствования Феодора Иоанновича (1584–1598), в период правления Бориса Годунова (1598 – 13 апреля 1605) или в годы Смуты (май 1605 – 1612).

[108] *Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И.* Исторические материалы… Вып. 2.

[109] *Чернов С.З.* Археологические разведки на территории природного резервата «Масловская лесная дача» в Одинцовском и Истринском районах Московской области в 2019 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Б.н. Т. 1–3.

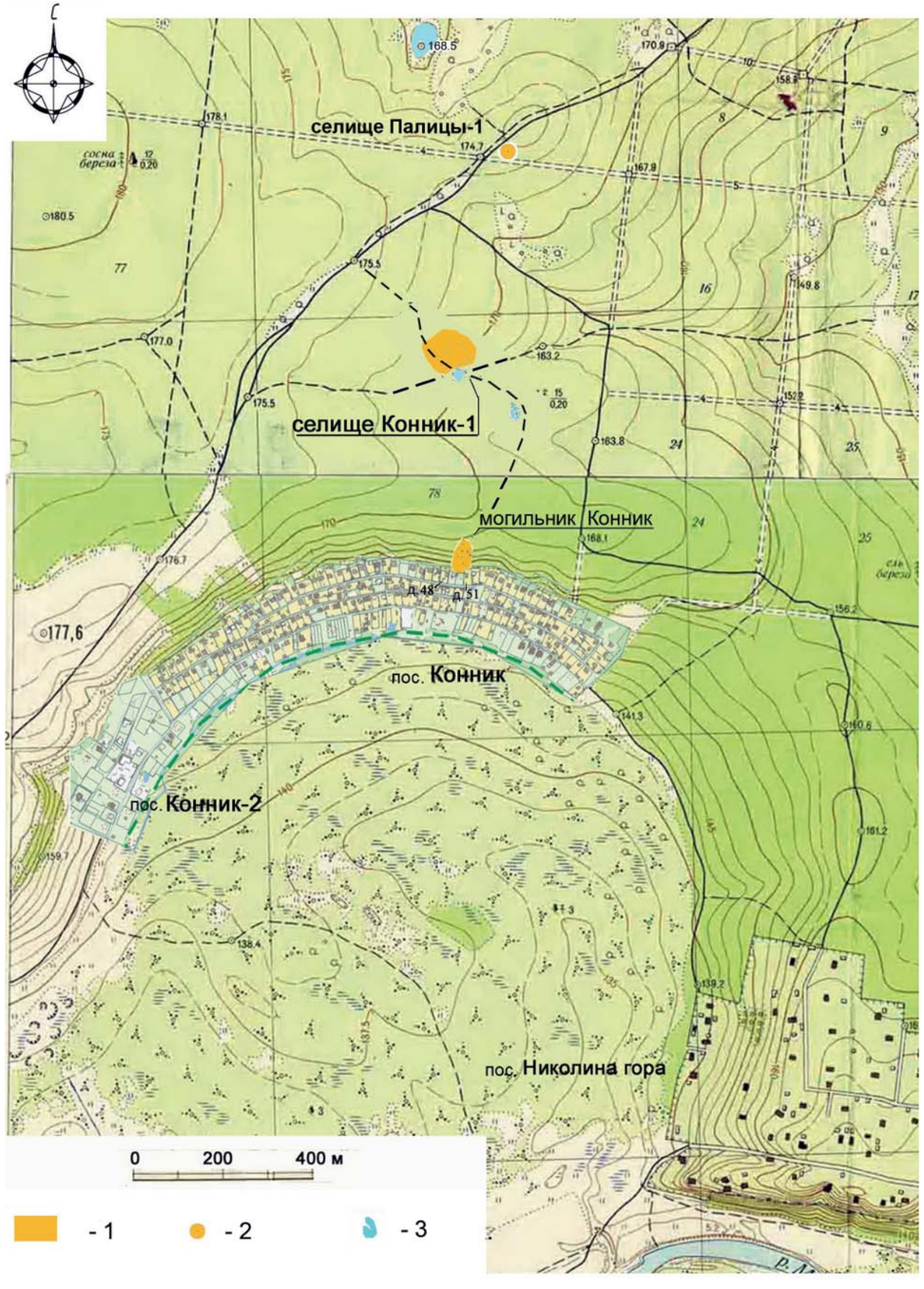

Рис. 13. Масловская лесная дача и пос. Николина гора восточнее с. Аксиньина. Карта ГУГК МВД СССР. Листы 37-3-В-в-1 и 37-3-В-а-3. Комбинированная съемка 1956 г. Московского аэрогеодезического предприятия. Отпечатана в 1958 г. Масштаб 1:10 000. На карту дополнительно нанесены курганная группа и могильник Конник и селище Конник-2, выявленные Московской областной археологической экспедицией Института археологии РАН в 2017 г. и селище Палицы-1, выявленное А.В. Лазукиным (экспедиция Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея) в 2007 г. Археологические объекты периода Средневековья: 1 – культурный слой селища; 2 – местонахождение керамики; 3 – пруд-копань.

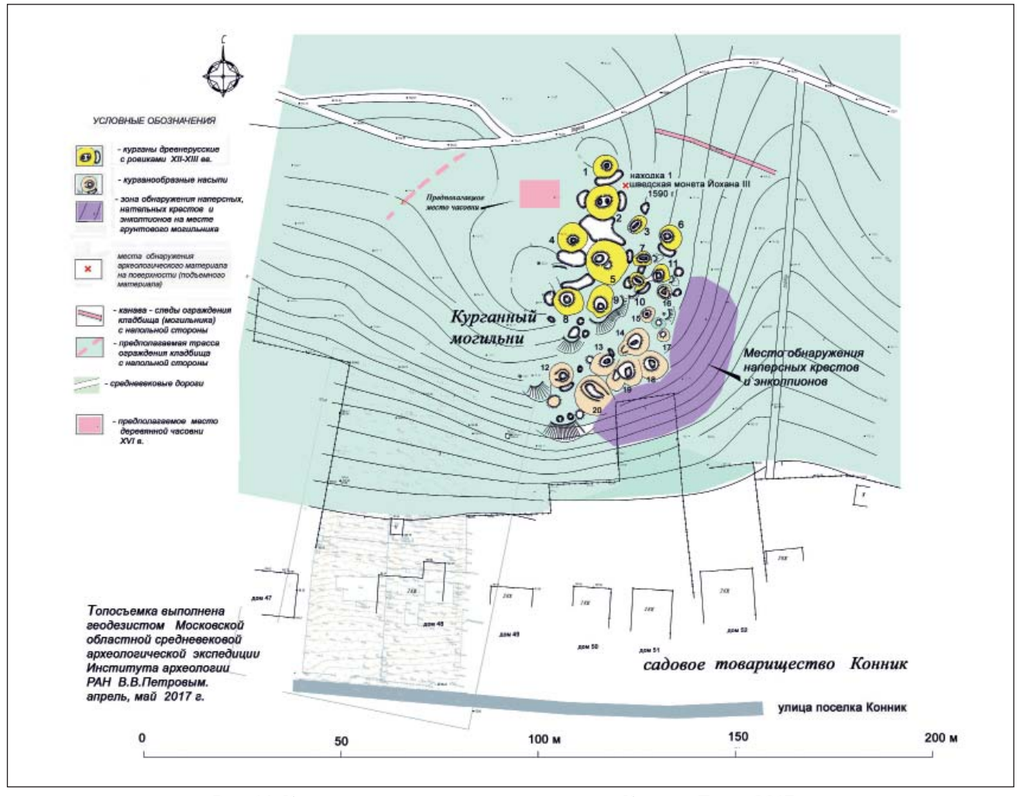

Рис. 14. Курганная группа и могильник у пос. Конник. План. 2017 г.

В северной части кв. 81, в районе бровки (на карте ее маркирует горизонталь 152,5 м – рис. 20) был обнаружен большой пруд-копань (100 × 50 м). На его северном берегу, близ дороги из с. Уборы в д. Чесноково, в лесу, зафиксирован культурный слой, содержащий красноглиняную гладкую керамику XVI в. По всей видимости, именно здесь располагалась д. Лагирево, упоминаемая в межевой грамоте 1526 г. (рис. 20).

Продолжение обследования показало, что в возвышенной части пустоши сохраняются и более ранние археологические объекты. В 400 м к западу от пруда, у северо-западной части кв. 81, на бровке, между двумя камовыми возвышениями (высота 0,5 м), обнаружены признаки культурного слоя (100 × 50 м). Под дерном прослежена буро-серая супесь мощностью 30 см, содержавшая фрагмент белоглиняной грубой керамики XVI в. Ниже, в подзолистом горизонте погребенной почвы, выявлены линзы гумусированной супеси с углем (шурф 1). Выше по склону в бурой супеси (20 см) встречены фрагмент плечика красного грубого горшка,

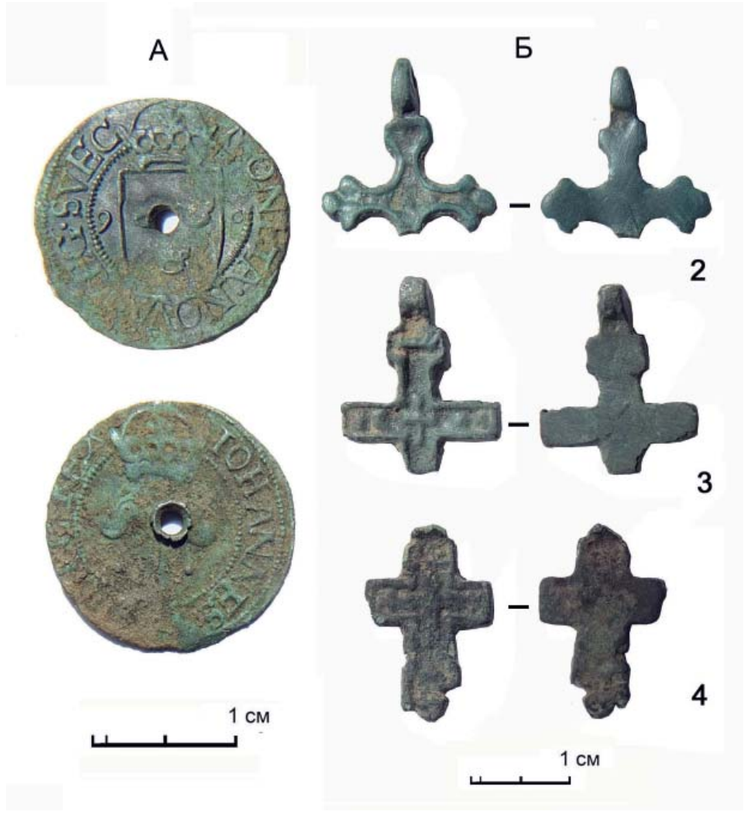

Рис. 15. Грунтовый могильник у садового товарищества Конник. А – Фырк (1/4 эрэ) Йохана III (1568–1592 гг.), найденный в северной части курганной группы у садового товарищества Конник; Б – коллекция крестов, пуговиц и перстней-печаток, собранная к югу от курганной группы, в северной части участка 51 пос. Конник. Нательные кресты: криноконечный (2) и квадратноконечные (3, 4).

украшенного волнистым орнаментом последней четверти XIV – первой половины XV в. (шурф 2). Судя по всему, это следы временных хозяйственных строений в районе пашен.

В 450 м к северу от описанного выше пруда, на отметке 153 м, в лесу, обнаружен еще один пруд, устроенный в естественном понижении рельефа (75 × 50 м; рис. 20). На невысокой гриве, примыкающей к пруду с юга (153,5–154 м), на площади 5,4 тыс. кв. м, был выявлен культурный слой, который получил обозначение «селище Маслово-2» (рис. 21, 22). Шурфовка показала, что поселение существовало в тот период, когда красноглиняная грубая керамика (55%) сочеталась в быту с красноглиняной гладкой (31%) при незначительном числе краснолощеной (3%) и только еще входившей в моду белоглиняной грубой посудой (11%; рис. 23). Подобное сочетание типов характерно для закрытого комплекса Дунино-6, датируемого второй–третьей четвертями XV в.[110] Обнаружение печины и ключа от цилиндрического замка свидетельствует

[110] Радиоуглеродные даты, отражающие период строительства (и ремонтов?) крепежей подвала постройки селища Дунино-6, имеют калиброванные даты – 1413–1447 гг. Самое начало жизни сооружения датируется по комплексу монет, которые использовались до реформы 1413 г. и могли выпасть из обращения и храниться на данной крестьянской усадьбе не позднее начала княжения Василия II (1425 г.). Аналогию венчика с наружным валиком из Маслово-2 см. в комплексе Дунинро-6: *Чернов С.З.* Двор с монетными весами…С. 336. Рис. 17. Б. 75, 269, 287. Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 133, 134 – Табл. 70, 71.

Рис. 16. Грунтовый могильник у садового товарищества Конник. Коллекция крестов, пуговиц и перстней-печаток, собранная к югу от курганной группы, в северной части участка 51 пос. Конник. 5 – задняя створка протоквадрифолийного энколпиона с изображением св. Николая Мирликийского в среднике и святых в правом и левом медальонах; 6 – задняя створка круглоконечного энколпиона с изображением св. Николая Мирликийского в среднике (правый, левый и верхний медальоны утрачены); 7 – нижний медальон круглоконечного энколпиона с изображением святого; 46 – верхний медальон круглоконечного энколпиона, деформированный под действием огня; 8 – наперсный круглоконечный крест с изображением Распятия и предстоящих (верхний и правый медальоны отломаны);

14–16 – оглавия энколпионов.

Рис. 17. Грунтовый могильник у садового товарищества Конник. Коллекция крестов, пуговиц и перстней-печаток, собранная к югу от курганной группы, в северной части уч. 51 пос. Конник. Наперсные круглоконечные четырехмедальонные двусторонние кресты. 9 – собирающийся из двух фрагментов крест с утратой правого и нижнего медальонов, а также фрагмента средника. На лицевой стороне, в среднике – Распятие, над ним изображение Сретения с плохо читаемой надписью «отроча…»; на оборотной, в среднике – Иоанн Предтеча с хартией, в верхнем клейме – изображение двух святых, над правым надпись «Петръ»; 10 – левая часть одностороннего креста с изображением предстоящих Богоматери и Марии Магдалины; 11 – левая часть круглоконечного креста. На лицевой стороне: в среднике – Распятие, в левом медальоне – предстоящие Богоматерь и Мария Магдалина. На оборотной стороне: в среднике – Богородица Знамение, справа – Никита побивающий беса; 12, 13 – верхние медальоны круглоконечных четырехмедальонных наперсных крестов.

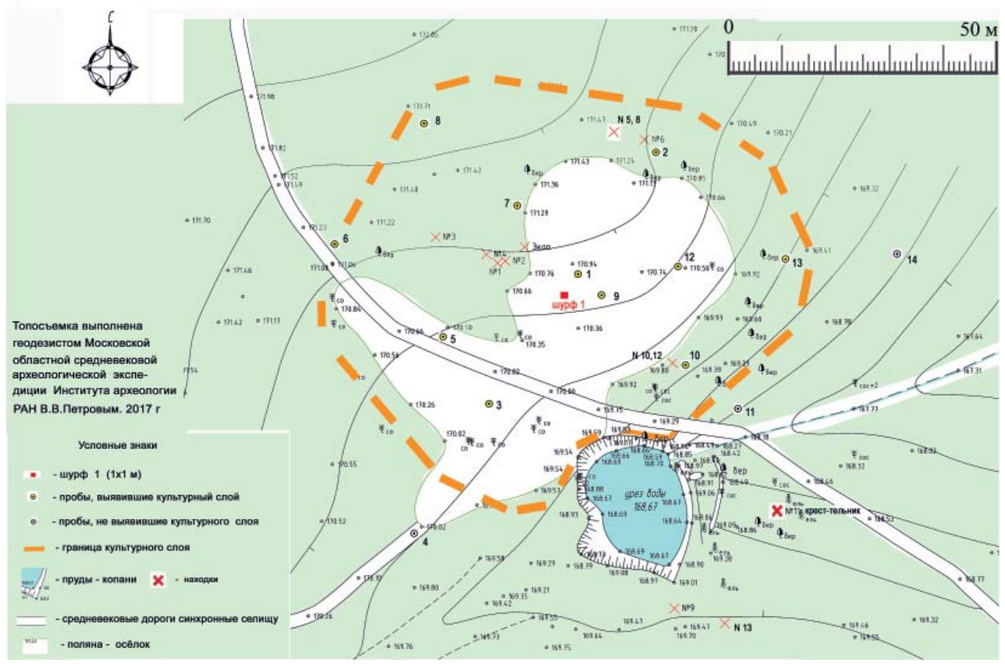

Рис. 18. Селище Конник-1. План. 2017 г.

о наличии на селище следов жилья с печью, а находка фрагмента сошника – о том, что его обитатели занимались сельским хозяйством (рис. 24).

Самой удивительной находкой стал бронзовый перстень-печатка с резным изображением льва, идущего налево (рис. 24, *4*). Изображения льва как символа силы, мужества и великодушия были широко распространены в Средневековье. Они часто встречаются на резных камнях романских соборов, в том числе соборов Владимира и Суздаля, а также Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1234). На печатке из Маслова-2 перед львом изображена лоза, а над ним – солнце. Эти детали позволяют предполагать, что обладатель печати родился в период, когда Солнце находилось в зодиакальном знаке Льва, то есть с 23 июля по 21 августа. Знаки зодиака были известны на Руси благодаря знакомству с «Точным изложением православной веры» Иоанна Дамаскина, сочинениями Иоанна Экзарха и другим переводным произведениям византийской литературы. Об этом свидетельствует изображения знаков зодиака в «Изборнике великого князя Святослава Ярославича» (1073)[111].. Определение судьбы человека по течению звезд рассматривалось Церковью как лжеименное знание. Знание же своего зодиакального знака как одна из форм идентификации, по всей видимости, не возбранялась. На рубеже XIV–XV в., с появлением новой переводной литературы, интерес к этой теме мог усилиться.

Поскольку на территории небольшой по размерам Лагиревой пустоши не найдено иного селища, датированного XV в., есть серьезные основания полагать, что селище Маслово-2 – не что иное как следы поселения, принадлежавшего Харе Лагирю в 1420–1450-е гг. Найденный там перстень-печатка использовалась для скрепления грамот личными восковыми печатями. Подобная вещь вряд ли принадлежала крестьянину. Он мог быть потерян либо арендовавшими этот участок в 1450-е гг. священниками местных храмов Захаром Козинским и Даниилом Никольским, а также Степаном Кормилицыным, либо самим владельцем. Поскольку для печати священника подобный сюжет представляется не вполне приемлемым, остается предположить, что найдена личная печать Хари Лагиря.

[111] *Гиршберг В. Б.* Человек в знаках зодиака Изборника 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г.: сборник статей. М.: Наука, 1977. С. 185–203. Зодиакальный знак Льва не следует смешивать с созвездием Льва, в котором Солнце находится с 10 августа по 15 сентября.

Рис. 19. Селище Конник-1. А – поляна-оселок в центральной части селища, вид с юго-запада; Б – средневековый пруд, на переднем плане – дамба; В – крест-тельник XVII в., найденный восточнее пруда.

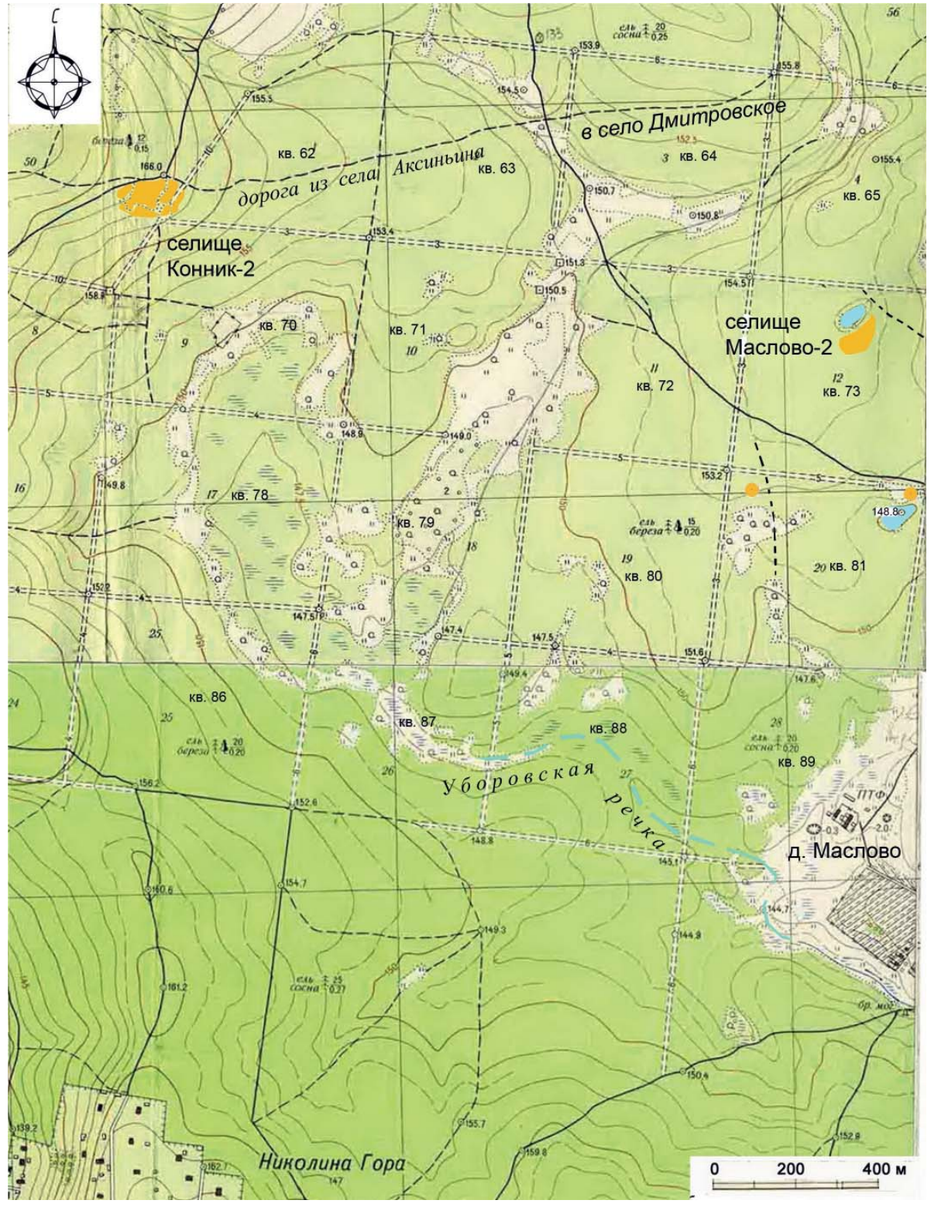

Рис. 20. Центральная часть Масловской лесной дачи севернее пос. Николина Гора. Карта ГУГК МВД СССР. Листы 37-3-В-в-1 и 37-3-В-а-3. Комбинированная съемка 1956 г. Московского аэрогеодезического предприятия. Отпечатана в 1958 г. Масштаб 1:10 000. На карту нанесены селище Конник-2 и селище Маслово-2, выявленные Московской областной археологической экспедицией ИА РАН в ноябре 2019 г. а также новые номера кварталов природного резервата «Масловская лесная дача» (утверждена 13.11.2009; «кв. 88»). Условные знаки см. на рис. 13.

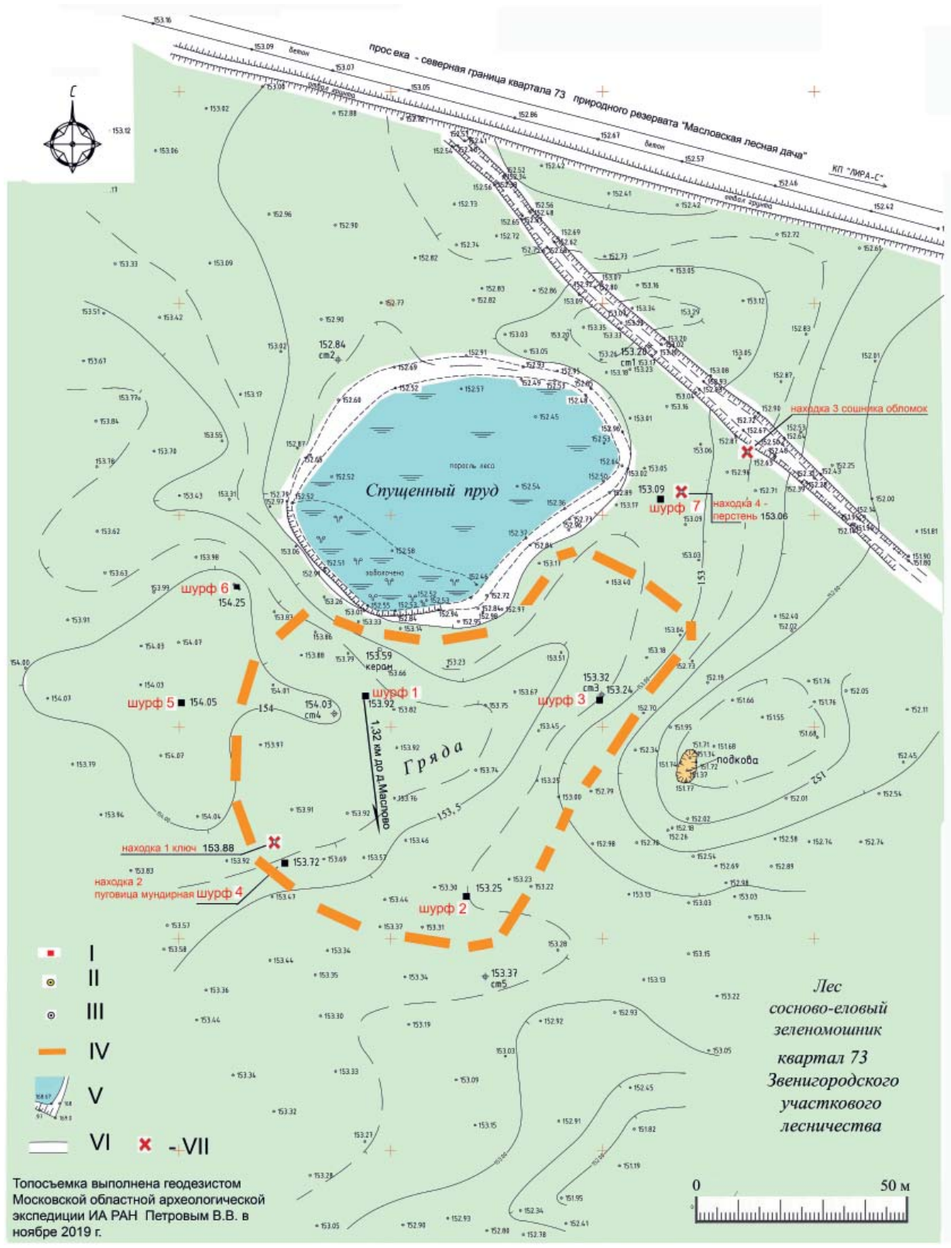

Рис. 21. Селище Маслово-2. План 2019 г. Условные обозначения:
I – шурф (2 × 2 м); II – пробы, выявившие культурный слой; III – пробы, не выявившие культурный слой;
IV – границы культурного слоя; V – пруд-копань, устроенный в естественной котловине;
VI – средневековая дорога, синхронная селищу; VII – находки.

Рис. 22. Селище Маслово-2. А – Вид от заболоченной акватории пруда-копани
на его северо-восточный берег, 13.12.2019 г.; Б – вид от северного берега пруда-копани
на юго-восток, 15.12.2019 г. Слева – гряда, на которой расположено селище.

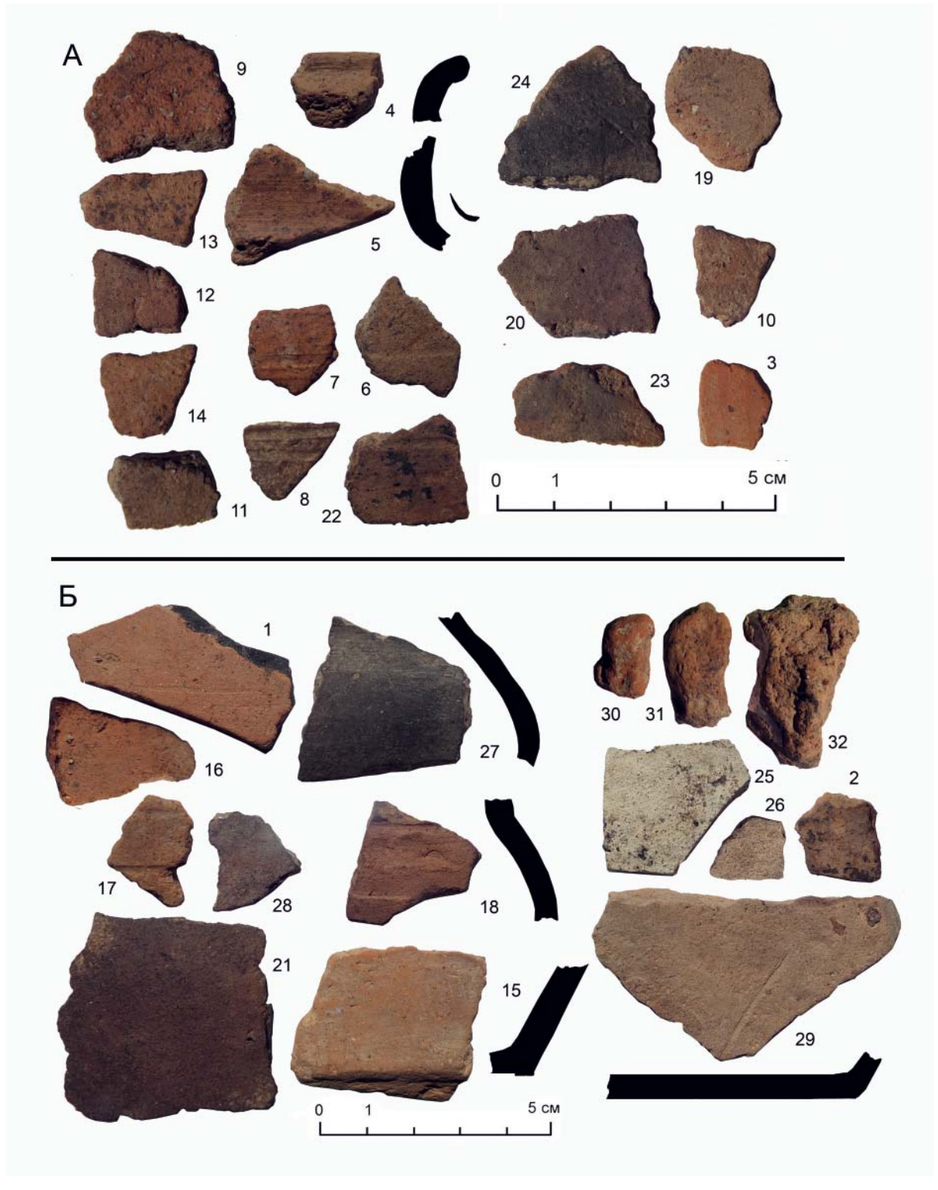

Рис. 23. Селище Маслово-2. Датирующий керамический материал.
А – красноглиняная грубая и краснолощеная (№ 3) керамика; Б – красноглиняная гладкая и белоглиняная грубая (№ 2, 25, 26) керамика, печина (№ 30–32).

Рис. 24. Селище Маслово-2. Находки средневекового времени:
1 – ключ от цилиндрического замка; 3 – сошника фрагмент; 4 – перстень-печатка, бронзовый, с изображением льва и солнца. Находка XIX в.: 2 – мундирная пуговица Ведомства учреждений императрицы Марии (по управлению благотворительностью) Российской империи (1796–1917) с изображением пеликана, кормящего птенцов своей кровью.

* * *

Проделанный разбор истории землевладения в районе Воиславского и Оксиньинского дает основания для ряда выводов.

Сегодня известно две модели формирования крупных боярских вотчин во второй половине XIV – первой половине XV в. Большая их часть возникала на периферии волостей – на землях, которые не были освоены до этого времени. Вотчины второго типа образовывались на части старых княжеских земель, где представители данного боярского рода выполняли функции кормленщиков[112]. Таково, например, происхождение владений Бяконтовых в с. Даниловском в центре волости Бели к северо-востоку от Москвы[113] и вотчины Квашниных в с. Спас близ Воиницкого мыта в Горетовом стане[114].

Достаточно взглянуть на карту земельных владений сел Оксиньинского (1070 десятин) и Воиславского (2640 десятин; рис. 4), чтобы отнести вотчину Мининых в Оксиньинском ко второму типу. Земельные дачи двух этих сел не просто расположены в пандан – на противоположных берегах Москвы-реки. Края дач смыкаются, демонстрируя, что изначально они образовывали единое целое.

[112] *Чернов С.З.* Раннемосковское общество в свете микрорегиональных исследований структур землевладения // Вестник РГНФ. 2004. № 1. С. 24.

[113] *Чернов С.З.* Землевладение волости Бели Радонежского удела // Очерки феодальной России. Вып. 4. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 20–70.

[114] *Чернов С.З.* Домен московских князей… С. 445–454.

О былом единстве указанных земель свидетельствуют и некоторые особенности их хозяйственной специализации. С. Ивановское и в XVIII в. оставалось центром пашенного земледелия всего края, что хорошо видно по плану Звенигородского уезда 1784 г. (рис. 3). На 2640 десятин общей площади здесь приходилось 1120 десятин пашни[115]. Характерно, что в сентябре 1618 г., во время похода польских войск королевича Владислава на Москву, Ивановское было выбрано в качестве базы для пополнения фуража польской армии[116]. Судя по упоминаниям в жалованных грамотах, в Воиславском было распространено коневодство и рыбные ловли.

Левый берег Москы-реки в границах земель с. Оксиньинского, напротив, изобиловал лесами, которые окружали Оксиньинское болото (ок. 300 десятин). Если предположить, что некогда эти угодья использовались жителями Воиславского, станут понятны свидетельства грамот 1525–1526 гг. о проникновении воиславских рыболовов к истоку, берущему начало из Оксиньинского болота, и их обычае драть хмель на болоте и сечь дрова и хворост в Оксиньинских лесах[117]. Князь Юрий Иванович в 1526 г. указывал, что воиславские «поледшики и рыболове емлют» митрополичьих «христиан селчан и деревенщиков на мои рыбные ловли, на реки, и на озера, и на пруды, на поледные и на летние ловли, и у них де в селце и в деревнях корм себе и конской емлют, и ставятся у них сильно»[118]. К тому времени Оксиньинское не менее ста лет жило в статусе боярской и митрополичьей вотчины, но на его жителей продолжали (с большим или меньшим успехом) разверстывать службы соседнего княжеского села.

Все эти свидетельства могут найти непротиворечивое объяснение, если предположить, что на определенном этапе развития древнее княжеское село Воиславское, первое упоминание которого относится к 1358 г., утратило земли на левом берегу Москвы-реки.

В начале 1390-х гг., когда начал создаваться Звенигородский удел кн. Юрия Дмитриевича, Василию Минину было более 22 лет (в 1368 г. на Тростне погиб его отец). Как показано выше, его отец и сын, помимо стратилатских служб, выполняли функции ловчих. Весьма вероятно, что после утраты Миниными своего влияния при великокняжеском дворе в начале 1390-х гг. Василий Дмитриевич Минин – старший в своем поколении – стал путным боярином Юрия Звенигородского и держал в кормленье воиславские земли с птичьими перевесами и рыбными ловлями на Оксиньинском болоте. Иначе невозможно представить появление здесь в дальнейшем его владения на вотчинном праве.

Итак, в годы правления кн. Юрия Дмитриевича (1389–1434) в мир служебной системы, представленный корпорацией волостных людей с. Воиславского, врастает крупная боярщина. Этим многообразие социальных форм не исчерпывается. Суд о Бортеневой пустоши обнаруживает за границами вотчины Мининых, в пределах нынешней Масловской лесной дачи, «служние земли», одной из которых владел холоп князя Юрий Дмитриевича Харя Лагирь. Благодаря судебному делу нам стала известна судьба этого человека, а благодаря удаче в археологических разведках мы можем увидеть его личную печать.

Смерть Юрия Звенигородского (5 июня 1434 г.), разгром двора Василия Косого (14 мая 1436 г.) и угроза потери своего владения заставили сына Василия Дмитриевича – Игнатия Васильевича Минина – передать с. Оксиньинское митрополиту Ионе. С той поры на левобережных землях возникла полоса митрополичьих владений с с. Гузеевым (Дмитровским), Юрьевским (Грибановым), погостом Никола на Песку и Оксиньинским.

А.В. Чаянов был прав, когда писал об уникальной возможности сопоставить позднее и раннее Средневековье, используя документы, связанные с с. Аксиньиным и Ивановским. Предложенная выше реконструкция владений Воиславского раскрывает его как одно из древних княжеских сел эпохи «служебной организации». Вероятно, оно возникло еще в годы существования Звенигородского удела кн. Ивана Даниловича (до гибели вел. кн. Юрия Даниловича 21 ноября 1325 г.). Более того, на землях этого села сохранились реликтовые ландшафты, восходящие к древнерусскому времени. Так, мыс коренного берега Москвы-реки, на котором располагался погост Николы на Песку, был заселен еще в XII – первой половине XIII в., о чем свидетельствует курганная группа, исследованная А.В. Чаяновым. Еще одна курганная группа сохранилась севернее – там, где в XVI в. располагалось с. Дроздово (рис. 12, 14). Следовательно, не только правобережные земли Воиславского, где известна серия вятичских поселений и могильников, но и его левобережные угодья, расположенные вокруг Аксиньинского болота, начали формироваться еще в древнерусское время. Быть может, с тех времен берут начало братчины, которые жители Воиславского в 1526 г. устраивали совместно с людьми с Оксиньинской стороны.

[115] *Кусов В.С.* Земли Московской губернии… Т. 1. С. 236 (№№ 122, 122а,122б, 122в), 242 (№ 206).

[116] Посланные из Москвы разведчики («подъещики») докладывали: «а сами поехали к Ославскому проселочными дорогами и приехали к Ославскому, стояли у поля внизу, и около Ославского по полям литовские и русские люди жнут хлеб». Крестьянин, схваченный поляками в Ильинском и сведенный ими в Ославское, говорил: «А в Ославском де стоят литовские люди многие, готовят хлеб, а ево де литовские люди послали жать хлеб на поле» (*Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И.* Исторические материалы… Вып. 2. С. 95).

[117] АФЗХ. Ч. 1. № 100. С. 95.

[118] Там же. № 99. С. 94.

Таким образом, можно предполагать, что система угодий, сложившаяся в долине Москвы-реки в первой трети XIII в., была унаследована возникшим к 1358 г. с. Выславьским (Воиславским). Значительно сложнее судить о том, как протекало формирование самого этого села – центра волостки княжеских служебников. Но это уже тема другой работы – она должна опираться на данные археологических раскопок и исследовательский инструментарий, которым мы еще не обладаем.

Публикуемые материалы важны не только для изучения средневекового общества. Они способствуют формированию несколько непривычного взгляда на Центральную Россию эпохи Екатерины II. Дачи Генерального межевания предстают перед нами как структуры, восходящие к XIV–XVI векам – своего рода средневековые соты империи Нового времени.

Генеральное межевание как средство закрепления прав дворянства на землю и совершенствования правопорядка в области земельных отношений осталось далеко в прошлом. Генеральное межевание как инструмент познания исторических ландшафтов принадлежит будущему. Это обусловлено ролью исторических ландшафтов в жизни общества. Сформировавшиеся в прошлом, эти структуры органически входят в жизнь каждого нового актуального российского общества, предохраняя его от непродуманных экспериментов и обеспечивая устойчивое развитие.

Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7

Список литературы

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб.: В типографии Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. 612 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук, 1952. 804 с.; Т. 2. М.: Изд-во Академии наук, 1958. 727 с.

Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 400 с.

Алексеев А.В. Памятники древнерусского времени в окрестностях Звенигорода (материалы к археологической карте) // Археология Подмосковья. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2005. С. 111–118.

Алексеев А.В. Проведение научно-исследовательских археологических работ в районе села Аксиньино, деревни Палицы и Грязь на территории Одинцовского муниципального района Московской области и города Москвы (Большой Москвы) в 2012–2013 гг. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. б/н.

Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. М.; Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2017. 224 с., илл.

Алексеев А.В., Смирнов А.Н., Двуреченский О.В. Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в окрестностях средневекового Звенигорода // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-центр, ИА РАН, 2018. Вып. 11. С. 253–289.

Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М.: Наука, 1982. 863 с.

Антонов А.В. Вотчинные архивы московских монастырей и соборов XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 2. М.: Археографический центр, 1997. 228 с.

Великие минеи четьи. Сентябрь 1–13. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1868. 672 стб.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 584 с.

Гиршберг В. Б. Человек в знаках зодиака Изборника 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г.: сборник статей. М: Наука, 1977. С. 185–203.

Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 2. М.: Университетская тип., 1900. 919 с.

Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Центральная Россия / Подготовка к изданию Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Тула: Аквариус, 2016. 760 с.

ДДГ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 585 с.

Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.

Зимин А.А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XVI и XVII вв. // Исторические записки. Т. 63. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 180–205.

Кистерев С.Н. Источники о пребывании рязанского епископа Ионы в Константинополе // Россия и христианский Восток. Вып. 2–3. М.: Индрик, 2004. С. 41–68.

Кистерев С.Н. Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. // Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. М.: Археографический центр, 1992. С. 3–13.

Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М.: Языки русской культуры, 1998. 564 с.

Кренке Н.А. Археологические работы А.В. Чаянова в долине Москвы-реки в 1928–1929 годах // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 23–25.

Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019. 392 с.

Кренке Н.А., Лазукин А.В., Алексеев А.В., Ершов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 320–339.

Кренке Н.А., Марченко Н.А., Низовцев В.А., Онищенко М.В., Чернов С.З. Дунинский ландшафтно-археологический комплекс. Опыт создания паспорта памятника истории и и культуры // Экологические проблемы музеев-заповедников. Материалы Десятой Всероссийской научной конференции (Москва. 15–17 ноября 2005 г.) М.: [Институт Наследия], 2008. С. 147–173.

Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Описания землевладений. Т. 1. М.: Издательский дом «Московия», 2004. 315 с.

Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. М., 2004. М.: Издательский дом «Московия», 2004.

Кучкин В.А. Духовная грамота Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. Вып. 5. М.: Индрик, 2004. С. 191–280.

Лазукин А.В. Отчет об археологических работах в окрестностях Звенигорода в 2007 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 47686.

Лазукин А.В. Отчет об археологических работах на территории Одинцовского района Московской области в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 54264.

Лазукин А.В. Отчет об археологических разведках на территории Одинцовского района Московской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 28785.

Лебедева Е.Ю. Отчет об археологических разведках на территории Масловской лесной дачи в Одинцовском районе Московской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 61181.

Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 238 с.

Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: ИА АН СССР, 1991. 198 с.

Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Писцовые книги XVI века / Под ред. Н.В. Калачева. Отд. 1. СПб.: Издание Императорского русского географического общества, 1872. 924 с.

Плигузов А.И., Семенченко Г.В. Примечания составителей // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М.: Б.и., 1987. С. 459–696.

Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М.: Языки славянской культуры, 2001. 446 с.; Т. 8. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1859. 301 с.; Т. 15. Вып. 1. Пг.: издание Государственной археографической комиссии, 1922. 186 с.; Т. 18. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.; Т. 23. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. 239 с. Т. 25. М.; Л.: Изд-во академии наук, 1949. 463 с.

Правящая элита Русского государства. IX – начало XVIII в. Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 547 с.

Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. // Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. М.: Археографический центр, 1992. С. 15–130.

Природное и культурное наследие Москвы. Уборы / Авторы Е.Н. Мачульский, Ю.А. Насимович, Л.П. Рысин. М.: Библиинформсервис, 1999.

Редкие источники по истории России. Вып. 1. / Сост. З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова. М.: Ин-т истории СССР, 1977. 186 с.

Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1980. 205 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М.: Наука, 2008. 303 с.

Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 685 с.

Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII столетий. Вып. 2. Звенигородская десятина. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1882. 133 с.

Церковь святителя Николая чудотворца в Аксиньино. История храма, причта и прихода. М.:, 2003.

Чаянов А.В. Отчет об археологических работах в Звенигородском уезде в 1928 и 1929 гг. (публ. подготовил Н.А. Кренке) // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 26–40.

Чернов С.З. Археологические разведки на территории природного резервата «Масловская лесная дача» в Одинцовском и Истринском районах Московской области в 2019 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Б.н.

Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.: Б.и., 1998. 544 с.

Чернов С.З. Двор с монетными весами в д. Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 309–345.

Чернов С.З. Десять лет в Ославском: «слуга под дворским» и волостные люди в городских станах Звенигорода первой половины XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1. С. 140–145.

Чернов С.З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1504 гг. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.: Наука, 2005. 652 с.

Чернов С.З. Землевладение волости Бели Радонежского удела // Очерки феодальной России. Вып. 4. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 20–70.

Чернов С.З. Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // Российская археология. 2016. № 1. С. 70–84.

Чернов С.З. Опыт реставрации и воссоздания утраченных элементов Поречьевских курганов близ Звенигорода в 1997–1999 гг. // Поиски идентичности. Реставрация. Восстановление. Воссоздание. Материалы XIV Чтений, посвященных памяти Л.А. Лелекова (1934–1988). М.: ГосНИИР, 2002. С. 80–102.

Чернов С.З. Раннемосковское общество в свете микрорегиональных исследований структур землевладения // Вестник РГНФ. 2004. № 1. С. 19–34.

Чернов С.З. Три семьи Радонежских бояр // Русское Средневековье. Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М.: Древлехранилище, 2012. С. 653–711.

Чернов С.З., Гончарова Н.Н. Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 444–459.

Шаров-Делоне С.А. Дети Дмитрия Донского. (В печати).

Шполянский С.В. Отчет о разведках в Одинцовском районе Московской области в 1998 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 18759.

Юшко А.А. Звенигород Московский и удел звенигородских князей. М.: ИА РАН, 2005. 135 с.

Ershova E.G., Alexandrovskiy A.L., Krenke N.A., Korkishko D.V. New Pollen Data from Paleosols in the Moskva River Floodplain (Nicolina Gora): Natural and Anthropogenic Environmental Changes during the Holocen // Quaternary International. XXX (2015). 1–12 (www.elsevier.com/locate/quaint; дата обращения 07.11.2015).

Poe Marshall T., Kosheleva O., Martin R., Morozov B. The Russian Elite in the Seventeenth Century. V. 1. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2004.

The Journals of Claire Clairmont. 1814–1827 / Ed. by Marion Kingston Stocking. Cambridge: Harvard University Press, 1968.

С.З. Чернов
Дачи Генерального межевания: портал между Новым временем и Средневековьем (земли сел Аксиньина и Ославского Звенигородского удела)

Ключевые слова: Генеральное межевание, Звенигородский уезд, Юрий Дмитриевич Звенигородский, методы исторической географии, методы археологии, Ославское, Аксиньино, Николина гора.

Аннотация: Генеральное межевание, осуществленное в России во второй половине XVIII в., рассматривается как инструмент по «переводу» данных источников периода Средневековья (актов, писцовых и межевых книг, чертежей) на язык источников Нового времени (Военно-топографических карт XIX в., карт XX в., космоснимков). В свою очередь, эта трансляция делает возможным отождествление поселений, кладбищ, дорог, угодий XIV-XVI в. с селищами, могильниками и другими объектами, выявленными в ходе археологического обследования. В статье изучены земельные дачи, располагавшиеся к востоку от Звенигорода на обоих берегах Москвы-реки – Аксиньино и Ославское. Материалы Генерального межевания позволили нанести на современную карту данные актов XVI в. В результате была реконструирована структура землевладения времени князя Юрия Звенигородского (1389–1434).

S.Z. Chernov
Parcels of the General Land Survey: a Portal between Modern Times and the Middle Ages (the Lands of Aksinyino and Islavskoe Zvenigorodsky Shire)

Keywords: General Land Survey, Zvenigorod district, Yuri Dmitrievich of Zvenigorod, methods of historical geography, methods of archeology, Islavskoe, Aksin'ino, Nikolina Gora.

Abstract: The General Land Survey carried out in Russia in the second half of the 18th century, is considered as the tool to translate data sources from the Medieval period (acts, cadastre and land books, drawings) in to the language of the sources of the New time (Military topographical maps of the 19th century, maps of the 20th century, satellite images). In turn, this translating makes possible the identification of 14th-16th century settlements, cemeteries, roads, lands with the sites, burial grounds, and other objects found during archaeological surveys. The article examines the landholdings, located on both banks of the Moscow river, to the East of Zvenigorod – Aksinino and Islavskoe. The materials of General Land Survey has allowed to put data of 16th century acts on a modern map. As a result, the structure of land ownership of the period of Prince Yuri Zvenigorodsky (1389–1434) has been reconstructed.

И.Н. Юркин

«Кто может подземное богатство познать…»

(Добыча железной руды и знания о ней у крестьян-рудокопов тульского края в документах 1720–1730-х гг.)

1. Изготовление железа было одним из наиболее распространенных ремесел сельского населения древней и средневековой России в районах, имевших необходимые условия для занятия им. Руду, которую перерабатывали металлурги, добывали горняки. Их деятельность имела столь же длительную историю, как и металлургическая. Устойчивое обеспечение рудой крестьянских домниц (горнов, в которых осуществлялось прямое восстановление железа из руды) было невозможно без изучения природных богатств края, в данном случае, без поиска и исследования рудопроявлений, указывающих на места, где могла добываться руда.

Российские источники XVIII в., в которых описан поиск руд, редки и, как правило, небогаты содержанием. Обнаружению и предплавильной обработке руд, какой она сложилась к середине этого столетия, посвящен труд президента Берг-коллегии И.А. Шлаттера «Обстоятельное наставление рудному делу»[1]. В нем описаны места, где залегают руды, рудные слои (флецы) и жилы, приемы их поиска (рассмотрены в главе «О приметах и приске жил»), устройство новых рудников, машины, используемые на них, подготовка руд к переработке – их разборка, измельчение, промывка. Издание содержит гравированные иллюстрации, которые выступают дополнительным источником информации по рассмотренным в книге вопросам. Однако, подробно описав технические аспекты, к истории поиска и открытия месторождений железных руд автор интереса не проявил. Обошел их вниманием и М.В. Ломоносов, автор книги на близкую тему, выпущенной через несколько лет после труда И.А. Шлаттера[2].

История открытия и изучения полезных ископаемых в конкретных географических районах России нашла отражение в работах исследователей XIX и XX вв. Так, А.А. Иевлев рассмотрел историю открытия руд на реке Цильме, начало которой относится к концу XV в. Автор предположил, что некоторые формы рельефа местности можно интерпретировать как следы древних горных работ[3]. Ряд вопросов, связанных с поиском и освоением месторождений руд металлов на Урале и в Сибири, исследовали Е.А. Курлаев и И.Л. Манькова. Авторы определили, как открытие рудников соотносилось с направлением колонизационных потоков, как проходила разведка полезных ископаемых в процессе присоединения новых территорий, что инициировало поисковые работы, какую роль в поиске месторождений играла частная и государственная инициатива, кем и как осуществлялся поиск рудных месторождений на осваиваемых землях[4]. В работе присутствуют сведения, касающиеся повседневной истории, быта участников экспедиций по поиску руд.

Эти и подобные им исследования охватили лишь некоторые районы, где была развита металлургия и обеспечивавшая ее рудой кустарная горная промышленность. Большая часть исследований не касалась территории Европейской части России, в частности, одного из старейших металлургических районов – Тульско-Каширского, которому было суждено стать родиной российской доменной металлургии. Из точек, находящихся в его границах, в литературе эпизодически упоминалось лишь место вблизи города Дедилова на реке Олень, рудники которого отмечены в документах XVII в. Но сообщающие о них источники содержали сведения только о месте, приемах и организации добычи руды, кроме того, они характеризовали сравнительно небольшую территорию. Соответственно и историография, опиравшаяся на них, была небогата[5].

Сформировался разрыв: с одной стороны, археологи, изучая вещественные источники, накапливали и публиковали материал о древней и средневековой металлургии края[6], с другой стороны, работ историков, которые бы исследовали тот же феномен, опираясь на письменные источники, не прибавлялось. Поскольку сельская металлургия района историками изучалась слабо, вопрос об истории исследования данного района и расширении знаний об его природных ресурсах не разрабатывался. Исключением явилась работа К.Н. Сербиной о крестьянской железоделательной промышленности, в которой автор затронула вопросы, связанные с обеспечением этой отрасли рудой. В ней была рассмотрена довольно большая территория – четыре смежных уезда: Алексинский, Дедиловский, Серпуховский и Тульский. Каждому из них в книге посвящено по отдельной главе, в которых идет речь и о добыче руды[7]. Однако и в этом исследовании история поисковых работ и происходившего благодаря им накопления знаний о природных ресурсах района затронута не была.

2. Одна из составляющих этих знаний – представления о разновидностях руд и о связи данного разнообразия с качеством получаемого металла. В литературе, изданной в России в XVIII в. наиболее полное отражение связанный с этим опыт получил в многотомном труде И.А. Шлаттера «Обстоятельное описание рудному плавильному делу» (1763–1784). Первая глава второго тома данного сочинения посвящена вопросу определения железных руд по их внешнему виду. Автор дал описание «обыкновенной каменной» железной руды, сообщил отличительные признаки (в частности, характер излома) богатой руды. Он охарактеризовал и другие горные породы и руды, из которых могло выплавляться железо: руду «*ошпатоватого* вида» (то есть похожую на шпат), *кровавик* (он же *гласкопф*), *наждак*, *брауншейн*, *эйзенман* (то же, что *эйзенглимер*), *волфрам*, три вида *колчедана – серный, желтый* и *белый*, *железную «вохру»*, *черный песок* и *магнит*[8]. Не исключено, что приведенные в книге сведения об их свойствах учитывают опыт поисковиков, работавших в России. Однако систематизация материала, как это видно из названий, опиралась в данной классификации на геологические знания, накопленные немецкими геологами и минералогами.

Книги И.А. Шлаттера и М.В. Ломоносова созданы специалистами в области техники и технологии горно-металлургического производства, использовавшими данные естественных наук (в данном случае, минералогии) с целью их приложения к решению практических задач развития горной промышленности. Но сама эта наука начиналась прежде всего с систематизации и классификации руд – тех минералов и металлов, в которых концентрация полезных компонентов такова, что делает их извлечение технологически осуществимым и экономически оправданным. На всех этапах освоения человеком окружающего мира, включая этапы самые ранние, предшествовавшие появлению науки, такая работа – систематизация и классификация – несомненно, велась. К сожалению для историков культуры, следы этой работы запечатлевались преимущественно в косвенной форме – выраженными в продуктах металлургии и металлообработки. Ясно, что без изучения полезных ископаемых массовая металлопродукция появиться бы не могла. Но что и как исследовалось, какой результат этот изучение имело?

Проблема реконструкции представлений человека творящего (homo faber) о вовлеченном им в производство окружающем мире исключительно интересна. И, несмотря на трудности, полагаем, что фрагментарно вполне разрешима.

Не исключено, что опыт российских «рудознатцев», даже не получив письменной фиксации в виде особого текста, может быть частично реконструирован по косвенным данным. Одним из районов, для которого можно ожидать обнаружения отразивших этот опыт источников, являются Тульский и прилегающие к нему уезды. В данной статье предпринята попытка выявить и прокомментировать такие источники и содержащийся в них материал по обсуждаемому вопросу.

Наиболее ранние документальные упоминания о домницах в Тульском уезде обнаруживаются в писцовой книге 1587–1589 гг. Перечень населенных пунктов (всего 10), где в это время существовали домницы, и число печей (11) в этих селениях приведен в работе К.Н. Сербиной[9]. Распространенность промысла

[1] *Шлаттер И.А.* Обстоятельное наставление рудному делу, состоящее из четырех частей, в которых описаны рудокопныя места, жилы и способы для прииску оных… СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1760. 300 с.

[2] *Ломоносов М.В.* Первые основания металлургии или рудных дел // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений в 10 т. 2-е изд. Т. 5. М.; СПб., 2011. С. 257–442.

[3] *Иевлев А.А.* История изучения серебряных рудников Ивана III // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. Т. 35. № 1. С. 50–68.

[4] *Курлаев Е.А., Манькова И.Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М.: Древлехранилище, 2005.

[5] *Бакланов Н.Б.* Техника обработки руды, получения железа и изготовления железных изделий // *Бакланов Н.Б., Мавродин В.В., Смирнов И.И.* Тульские и Каширские заводы в XVII в. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. С. 28–30.

[6] *Наумов А.Н.* Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV вв. Тула: Левша, 2008.

[7] *Сербина К.Н.* Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л.: Наука, 1978. 192 с.

[8] *Шлаттер И.А.* Обстоятельное описание рудного плавильного дела как все металлы в большом числе из своих руд и маток выплавливать… Т. 2, железные руды описующий. СПб.: Печ. при Сухопут. шлях. кадет. корпусе, 1765. С. 3–8.

[9] *Сербина К.Н.* Крестьянская железоделательная промышленность… С. 51.

свидетельствует о том, что это ремесло успело укорениться и расшириться настолько, что к моменту описания уже имело какую-то свою историю. Соответственно, своей историей должна была обладать и практика поиска руд.

Тульский уезд занимает часть главного рудного поля Тульского железорудного района с характерными для него выходами железных руд (преимущественно бурого железняка) непосредственно на поверхность. Мелкие, по большей части крестьянские металлургические предприятия являлись основным потребителем этих руд; в конце 1630-х гг. к ним прибавились доменные заводы. Добычу вели также главным образом крестьяне. Обращаться для поиска новых месторождений к сторонним специалистам они возможности не имели. Но железные руды в этом районе выходили на поверхность настолько часто, что такое обращение и не требовалось. (Из документа 1727 г.: «В помянутой де Малиновой засеке кроме тех руд, которыя копаются к заводам Акинфея, и Никиты, и Григорья Демидовых, [руд] еще имеется множество»[10].) Крестьян-горняков вполне удовлетворяли результаты поисковой работы, которая велась собственными силами. Это вселяет уверенность в наличии у них практических знаний, отразивших опыт их работы по поиску руд.

Исходя из не требующего доказательства положения о том, что изучение деятельности обогащает наши представления о жизни лиц, в нее вовлеченных, в данной статье преимущественно на тульском материале первой половины XVIII в. мы попытались решить две задачи. Основная из них – это установить, какими сведениями о рудах и местах их залегания располагали поисковики, работавшие в этом районе, и как они систематизировали эти сведения. Кроме того, определив это, в качестве задачи дополнительной хотелось выяснить, чем этот опыт может быть полезен для изучения связанных с крестьянской металлургией археологических объектов на территории прилегающих к Туле засечных лесов.

3. Пространственную связь центров крестьянской железоделательной промышленности с местами рудодобычи можно считать установленной вполне надежно. Это позволяет надеяться на то, что из источников по истории местной металлургии можно извлечь информацию о добыче руды, как минимум, о местах разработок. Не исключено, что это дополнит представления об истории открытия и освоения природных богатств края.

Поиск документов велся в двух архивохранилищах. Документы для периода, начинающегося с 1720-х гг., искались в Государственном архиве Тульской области в фонде 55 (Тульская провинциальная канцелярия). В Российском государственном архиве древних актов были изучены несколько фондов. Наиболее перспективными оказались документы фонда 271 (Берг-коллегия). Интересующая нас информация была выявлена, в частности, в документах начала 1730-х гг., касающихся сбора с производителей металла особого налога – «металлургической десятины». Обнаруженные данные были сопоставлены со сведениями о железных рудах, почерпнутыми из трудов норвежских и российских ученых XVIII в. Информация о местах добычи была соотнесена с картографическими материалами.

Итогом этой работы явилось обнаружение и ввод в данной статье в научный оборот нового письменного источника, далее именуемого нами *Списком Демидова*. Содержащиеся в нем сведения мы сравнили с информацией из других документов близкого времени и разных локаций.

4. Обстоятельства появления этого документа, содержащего перечень руд, добывавшихся под Тулой в 1730-х гг., таковы.

В конце 1720-х гг. вспыхнул конфликт между тульскими оружейниками и Никитой Никитичем Демидовым, выступавшим в должности цегентнера – лица, уполномоченного Берг-коллегией организовать сбор налога с местных металлургов. Конфликт перерос в личное противостояние Н.Н. Демидова и возглавлявшего Тульскую оружейную контору капитана Макара Половинкина. В пылу полемики М. Половинкин предложил закрыть все металлургические производства тульского региона, поскольку они уничтожали лес и руды, что в будущем могло затруднить производство оружия. Н.Н. Демидов в письме в Коммерц-коллегию от 14 июля 1733 г. с его мнением не согласился. Он утверждал, что оружейники не должны пользоваться тульским металлопроизводством (соответственно и местной рудой), поскольку на оружейное дело тульское железо употреблять не следует. По мнению Н.Н. Демидова, для этого больше подходило привозное «сибирское» железо. Оно было лучше тульского, поскольку для него использовали более качественные уголь и руды.

В этой связи Н.Н. Демидов сообщил подробности, касающиеся тульских руд. Приводим упоминающую их часть документа:

«Кто может подземное богатство познать, и понеже около Тулы руд имеется многое число, и лежат руды на засецкой и во многих помещиковых землях прозванием дватцати трех руд, а имянно, званием первая – *медведь*, вторая *овсяник*, третья *смольян*, четвертая *стрекалов*, пятая *ивашкин*, шестая *шерап*, седьмая *костомар алешенскои*, осмая *костомар акунинскои*, девятая *ретин*, десятая *пирогов*, первая на десять *леской*, вторая на десять *фроловка*, третья на десять *дегатна*, четвертая на десять *батурка*, пятая на десять *любогощ*, шестая на десять *ослон*, седмая на десять *кочан*, осмая на десять *батуринскои*, девятая на десять *алень*, двадесятая *никольской*, двадесят первая *саломас*, двадесят вторая *колпна*, двадесят третия *щекин*. И ко оружейному делу из них негодныя дватцать руд, а годныя толко в трех местах, где на то оружейное дело напред сего копались и ныне копают, и то добротою от сибирских руд много отстоят»[11].

В кратком изложении содержание текста таково. Руд около Тулы «многое число», они лежат на помещичьих землях, а также в засеке. Список «прозваний» (вариант: «званий») руд включает 23 наименования (см. выше). Для оружейного дела можно использоваться железо, полученное из руд лишь трех перечисленных «прозваний». Однако и та руда, которая для производства оружейного железа годна, дает металл более низкого качества, чем металл уральских заводов. Вывод: оружейникам с этими рудами связываться не стоит.

Сведения, сообщенные в этом тексте, являются для данного района уникальными. Его анализ позволяет сделать несколько выводов, в том числе следующие.

Во-первых, представленная в Списке Демидова примитивная классификация добывавшихся руд является письменной фиксацией тех опытных знаний, которыми обладали местные «рудознатцы» и металлурги. О том, что включенные в Список названия придуманы не Н.Н. Демидовым, свидетельствует присутствие некоторых из них в других документах близкого времени. Так, в документах дела 1727 г., связанного с выделением и закреплением в Малиновой засеке за частными металлопроизводителями участков для добычи руды, находим руды «прозванием» *медведя, ивашкина, смольяна, стрекалова* и *шарап*[12]. Первые четыре наименования содержатся в доношении кузнецов Тульской оружейной слободы, пятое – в челобитной сына заводчика И.Т. Баташева. Как видим, эти названия были известны представителям важнейших групп переработчиков руды. Перед нами «народная», можно полагать, общепринятая на данной территории классификация руд, бытовавшая в 20–30-х гг. XVIII в. Сложившаяся в рамках донаучных когнитивных практик, она интересна и сама по себе, и в сравнении с теми результатами, которых добилась в этом направлении профессиональная наука.

Позднее специалистами в области металлургии и минералогии были разработаны значительно более совершенные классификации. Такова, например, опиравшаяся на изучение местных руд классификация норвежца О. Эвенстада, опубликованная полвека спустя после обсуждаемого текста[13]. Сведения о разновидностях железных руд можно почерпнуть из изданных в России несколько раньше книг И.А. Шлаттера (см. выше) и М.В. Ломоносова. Информацию о рудах России должна была обобщить «Российская минералогия» – один из последних проектов М.В. Ломоносова, оставшийся нереализованным. Необходимые для написания этого труда образцы минералов и горных пород, благодаря содействию Берг-коллегии, присылали ученому со многих металлургических заводов[14]. Но в документах, отразивших эти поступления, сведений о присылке образцов из-под Тулы нет. Список, составленный Н.Н. Демидовым, при всей его примитивности, ценен и тем, что относится к более раннему времени, и тем, что опирается на знания о рудах района, обойденного в других работах.

Во-вторых, можно сделать вывод относительно происхождения названий руд из Списка Демидова.

Обратимся к топонимике района. На карте из книги Е.Н. Щепкиной «Тульский уезд в XVII веке»[15], подготовленной по данным переписной книги 1678 г., находим следующие названия населенных пунктов, перекликающиеся с названиями руд: в Заупском стане Тульского у. Овсянникова (руда *овсяник*), Медведева (руда *медведь*), Фроловское (руда *фроловка*), Осенище, Костомарова тож (две руды, в названиях которых присутствует слово *костомар*), в Веркошевском стане Ивашкова (руда *ивашкин*), в Заострожском Алешково (руда *костомар алешинский*). Кроме того, в разных станах уезда (в Заупском, Старогородищенском и Глутенском) встречаем село Никольское, с которым можно связать вид руды *никольский*.

На карте Тульского наместничества из «Российского атласа, из 44 карт состоящего» (1792 г.) находим в Тульском уезде сельцо Овсянниково (руда *овсяник*), в Богородицком деревню Оленья (руда *алень*), в Крапивенском село и одноименную деревню Пирогово (руда *пирогов*) и Ратино (руда *ретин*). Отметим также реку Деготню (приток реки Упы), исток которой находится неподалеку от нынешней границы города Щекина (руды *дегатна* и *щекин*).

Связь этих деревень с рудокопным промыслом подтверждается присутствием их названий в спорных делах, возникавших по поводу конфликтов между лицами, им занимавшимися. Примером могут служить события 1730 г., связанные с поимкой людьми А.Н. Демидова крестьян дважды упомянутой нами деревни Овсянниковой помещика С.М. Извольского,

[10] Государственный архив Тульской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1554. Л. 6.

[11] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 260–260 об.

[12] Государственный архив Тульской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1554. Л. 1, 6.

[13] *Эспелунд А.* Черная металлургия в Норвегии на раннем этапе развития // Российская археология. 2010. № 3. С. 44–50.

[14] *Юркин И.Н.* Берг-коллегия – «сотрудник» Ломоносова (об участии Берг-коллегии в проекте «Российская минералогия») // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 1. С. 3–30; *Юркин И.Н.* Заводы – «сотрудники» Ломоносова // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 1. С. 14–45.

[15] *Щепкина Е.Н.* Тульский уезд в XVII веке: его вид и население по писцовым и переписным книгам. М.: Универс. тип., 1892.

которые, по словам заводчика, копали руду на пожалованной ему земле в Малиновой засеке[16].

Таким образом, не менее половины названий руд происходят от топонимов и гидронимов, из чего заключаем, что руды добывались в разных местах. Сколько существовало таких мест – точно установить невозможно, но можно утверждать, что не менее 12. Дополнительные к перечисленным населенные пункты с названиями, похожими на названия разновидностей руд из Списка Демидова, находим также на планах генерального межевания, что позволяет уверенно заявить, что число мест добычи превышало названное.

Сказанное свидетельствует об интенсивной разработке тульских руд в 1720–1730-х гг. «Копывали» руду уездные помещичьи крестьяне[17]. Активная их деятельность была возможна благодаря, с одной стороны, высокому спросу на руду (характерны конфликты потребителей за обладание ресурсом), с другой – благодаря проводившейся по мере необходимости поисковой работе. Данный вывод согласуется с другими ранее установленными фактами, касающимися работ по разведке полезных ископаемых в этом районе. Отметим, что она не ограничивалась поиском железных руд[18].

В-третьих, можно сделать наблюдение относительно качества руд. Бурые железняки Тульского промышленного района имеют линзовидную или гнездовую форму залегания, при этом в границах рудоносного участка химический состав и, соответственно, свойства как руды, так и вмещающих пород колеблются[19]. Это отражалось на качестве металла, который получали металлурги. Давая названия разновидностям руды по месту добычи, осознавали ли «рудознатцы» и металлурги связь характеристик руды с качеством металла, который можно было из нее получить?

Текст Н.Н. Демидова позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Автор прямо пишет, что руды различались качеством изготовленного из них железа: его пригодностью к выделке оружия. Оценивать руду именно так – по качеству получаемого продукта – диктует здравый смысл. Точно так на металлургических заводах Бутенанта, используя не менее 40 разновидностей железных руд, разделяли их на три группы, различавшиеся назначением выплавляемого из них металла[20]. В Туле, где основой для прикладной их классификации выступал топографический признак (место их добычи), сложившаяся классификация не игнорировала и качественные характеристики руды.

Наконец, в-четвертых, по словам Н.Н. Демидова, руды добывали на помещичьих и засечных землях. Названия засек, в частности, Малиновой, нередко встречаются в упоминающих рудодобычу документах первой трети XVIII в. Именно в Малиновой засеке добывались те пять разновидностей руды, которые перечислены в упомянутом деле 1727 г., и именно в ней закреплялись тогда участки за конкретными заводчиками. Список Демидова содержит сведения, важные для локализации этих мест. Сопоставление названий из этого Списка с названиями, зафиксированными в «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» и в составленных по его результатам уездных планах, может помочь локализовать рудники. К последним тяготели места переработки руды – предварительной (обжиг) и основной (восстановление).

5. Помощь в локализации старых рудников важна еще и потому, что в последние годы возрос интерес к археологическому изучению полосы Засечной черты XVI–XVII вв. Помимо остатков оборонительных сооружений на ее и прилегающих к ней территориях обнаружены артефакты, имеющие другое происхождение и другую датировку. Среди них присутствуют находки, связанные с добычей в этих местах (в частности, в Малиновой засеке) железной руды и перерабатывавшей ее крестьянской железоделательной промышленностью. Письменные источники, позволяющие надежно локализовать все места добычи и переработки руды исключительно по ним, в настоящее время отсутствуют. Предстоит большая работа по их выявлению и анализу. Одним из источников, способных продвинуть эту большую работу нам представляется Список Демидова, дающий много вполне надежных указаний на места добычи руды в 1730-х гг.

Отметим, что некоторые рудники действовали, вероятно, продолжительное время. Таким был, например, рудник близ деревни Соломасовой (присутствует на планах Генерального межевания). Упоминаемый в Списке Демидова (руда «*саломас*»), он функционировал, как минимум, до середины 1820-х гг.[21] То, что производственный объект действовал долго, может затруднить датировку связанного с ним археологического материала. В этом случае особенно важна привязка к нему датированных документов (таких, как Список Демидова), дающих надежные хронологические вехи в его истории.

[16] Государственный архив Тульской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 2099. Л. 2.

[17] Там же. Д. 1554. Л. 1.

[18] *Юркин И.Н.* «…Лутчи тово серебра, что делаетца в ыных государьствах» (Сереброплавильный завод XVII в. на р. Тулице: неизвестная страница истории поиска и освоения рудных богатств России) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 3. С. 59–80.

[19] *Каплунов Р.П., Васильев С.П.* Месторождения бурых железняков Центральной части СССР и их разработка. М.; Л.: ОНТИ НКТП СССР, 1935. С. 22.

[20] *Кротов П.А.* Металлургические заводы Балтийского флота при Петре I // Меншиковские чтения. 2015. № 6 (15). С. 129.

[21] *Сербина К.Н.* Крестьянская железоделательная промышленность… С. 64.

Список литературы

Бакланов Н.Б. Техника обработки руды, получения железа и изготовления железных изделий // *Бакланов Н.Б., Мавродин В.В., Смирнов И.И.* Тульские и Каширские заводы в XVII в. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. С. 22–74.

Иевлев А.А. История изучения серебряных рудников Ивана III // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. Т. 35. № 1. С. 50–68.

Каплунов Р.П., Васильев С.П. Месторождения бурых железняков Центральной части СССР и их разработка. М.; Л.: ОНТИ НКТП СССР, 1935. 503 с.

Кротов П.А. Металлургические заводы Балтийского флота при Петре I // Меншиковские чтения. 2015. № 6 (15). С. 128–143.

Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М.: Древлехранилище, 2005. 321 с.

Ломоносов М.В. Первые основания металлургии или рудных дел // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений в 10 т. 2-е изд. Т. 5. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 257–442.

Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV вв. Тула: Левша, 2008. 255 с.

Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л.: Наука, 1978. 192 с.

Шлаттер И.А. Обстоятельное наставление рудному делу, состоящее из четырех частей, в которых описаны рудокопныя места, жилы и способы для прииску оных… СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1760. 300 с.

Шлаттер И.А. Обстоятельное описание рудного плавильного дела как все металлы в большом числе из своих руд и маток выплавливать… Т. 2, железные руды описующий. СПб.: Печ. при Сухопут. шлях. кадет. корпусе, 1765. С. 272 с.

Щепкина Е.Н. Тульский уезд в XVII веке: его вид и население по писцовым и переписным книгам. М.: Универс. тип., 1892. 318 с.

Эспелунд А. Черная металлургия в Норвегии на раннем этапе развития // Российская археология. 2010. № 3. С. 44–50.

Юркин И.Н. Берг-коллегия – «сотрудник» Ломоносова (об участии Берг-коллегии в проекте «Российская минералогия») // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 1. С. 3–30.

Юркин И.Н. Заводы – «сотрудники» Ломоносова // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 1. С. 14–45.

Юркин И.Н. «…Лутчи тово серебра, что делаетца в ыных государьствах» (Сереброплавильный завод XVII в. на р. Тулице: неизвестная страница истории поиска и освоения рудных богатств России) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 3. С. 59–80.

И.Н. Юркин
«Кто может подземное богатство познать…» (Добыча железной руды и знания о ней у крестьян-рудокопов тульского края в документах 1720–1730-х гг.)

Ключевые слова: Железная руда, поиск руд, металлургия, Тула, Н.Н. Демидов, топонимы

Аннотация: Опубликован список разновидностей железной руды, добывавшихся под Тулой в начале 1730-х гг. Он входит в состав документа 1733 г., автором которого является владелец металлургических заводов Н.Н. Демидов. Данные из списка сопоставлены с информацией других документов близкого времени. Установлено, что отраженная в Списке Демидова классификация руд является результатом письменной фиксацией опытных знаний, которыми обладали местные рудоискатели и металлурги. Показано, что потребители руды осознавали различное качество ее разновидностей. Установлена связь названий руд с топонимами. Выявлено, чем Список Демидова может быть полезен для изучения связанных с крестьянской металлургией археологических объектов.

I.N. Yurkin
“Who can know the underground wealth …” (Mining of iron ore and knowledge of it from the peasant miners of the Tula region in documents of the 1720–1730s)

Keywords: Iron ore, ore search, metallurgy, Tula, N. N. Demidov, toponyms

Abstract: A list of iron ore varieties mined near Tula in the early 1730s is published. It is part of the document of 1733, the author of which was the owner of metallurgical plants N.N. Demidov. The data from the list is compared with the information of other documents of close time. It has been established that the classification of ores reflected in the Demidov List is the result of a record of the experimental knowledge possessed by local miners and metallurgists. It was shown that ore consumers were aware of the different quality of its varieties. The connection of ore names with toponyms is revealed. It is discussed how the Demidov List can be useful for studying archaeological sites related to peasant metallurgy.

Часть IV

МИР ПРЕДМЕТОВ

Л.А. Беляев, И.А. Сапрыкина, С.Е. Кичанов,
Д.П. Козленко, Л.А. Пельгунова

Нейтронная томография и радиография как метод исследования предметов личного благочестия

(на примере креста из Донского монастыря)

Нейтронная томография и радиография – новый метод исследования археологических предметов, позволяющий анализировать их как «снаружи», так и «изнутри», не нарушая физической целостности и облика объекта. Указанный метод основан на разной степени ослабления интенсивности нейтронного пучка при прохождении через материалы различного химического состава или плотности, что дает возможность визуализировать распределение неоднородностей состава или структуры в исследуемых объектах и материалах и получать их виртуальную трехмерную модель для дальнейшего анализа[1]. Нейтронная томография и радиография, хотя и имеет свои ограничения при изучении археологических предметов, уже успела себя зарекомендовать, в частности, в исследованиях находок из цветных и драгоценных металлов[2]. Особую ценность она представляет для работы с археологическими предметами, форма и функциональные характеристики которых предполагают присутствие какого-либо внутреннего заполнения, а их вскрытие невозможно или нежелательно, так как нарушит общее целостное восприятие и сохранность артефактов (таких, как кресты-энколпионы, реликварии, сосудики, шкатулки и др.). Основной фокус применения этого сложного и дорогостоящего метода исследования, конечно, смещен на изучение находок ранних археологических эпох[3]; для российской археологии исследование предметов личного благочестия нового и новейшего времени с помощью нейтронной томографии и радиографии – новый опыт, который в сочетании с другими методами может дать очень интересные и неожиданные результаты.

В данной статье представлены результаты исследования подвесного креста, найденного при археологических исследованиях на территории Донского монастыря в г. Москве. Исследования ведутся Институтом археологии РАН с 2014 г. в связи с реставрацией зданий, прокладкой коммуникаций и вертикальной планировкой территории монастыря[4].

Предмет – подвесной крестик (реликварий?) с цепочкой – получен в ходе наблюдений за монастырскими работами в северном рукаве подклета Большого (Сретенского) собора Донского монастыря в 2017 г. (осуществлялись по общему открытому листу на монастырь). Он находился во вторичном залегании, между погребениями Александры Николаевны Годейн († 1873 г.; отмечена плитой) и ее матери Анны Кирилловны Годейн, урожд. Багратион († 1875 г.), ближе к последнему (находка № 7, погребение № 2, отметка – 183). Оба погребения имели кирпичные склепы (сохранились только нижние части кладок). Предмет находился между кладками, в слое засыпки над ними (темно-серая супесь, песок, известь, кирпичная крошка, древесный тлен). Он не может быть уверенно отнесен ни к одной из могил. Если полагать, что артефакт принадлежал одной из покойниц, то предполагаемой датой изготовления можно условно считать первую половину XIX в. (Анна Кирилловна родилась в 1804 г., ее дочь Александра – в 1834 г.). Художественный облик предмета этой датировке не противоречит.

[1] *Kichanov S., Saprykina I., Kozlenko D., Nazarov K., Lukin E., Rutkauskas A., Savenko B.* The Studies of the Ancient Russian Cultural Heritage Objects by Means of a Neutron Tomography Method // Journal of Imaging. 2018. Vol. 4 (2), 25. P. 1–9.

[2] *Kichanov S., Saprykina I., Kozlenko D.* etc. The Studies of the Ancient Russian Cultural Heritage Objects…; *Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Лукин Е.В.* Возможности нейтронной томографии в археологии на примере исследования древнерусских украшений из Тверского клада 2014 г. // Российская археология. 2018. № 2. С. 36–42; *Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П.* Возможности, ограничения и перспективы нейтронной томографии и радиографии в сфере сохранения объектов археологического наследия // Кристаллография. 2019. Т. 64. № 1. С. 152–155.

[3] *Говор Л.И., Грешников Э.А., Зайцева И.Е., Коваленко Е.С., Куркин В.А., Мурашев М.М., Подурец К.М., Соломенков В.А., Глазков В.П., Благов А.Е., Яцишина Е.Б.* Исследование закрытых древнерусских крестов-энколпионов с применением ядерно-физических методов // Краткие сообщения института археологии. Вып. 249. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2017. С. 348–365.

[4] *Беляев Л.А., Григорян С.Б., Лазукин А.В., Савельев Н.И., Шуляев С.Г.* Исследования в Зачатьевском, Новодевичьем и Донском монастырях // Археологические открытия 2014 года. М.: ИА РАН, 2016. С. 84–86; *Лазукин А.В., Беляев Л.А., Савельев Н.И.* Археологические исследования в Донском монастыре 2014–2015 гг. // Археология сакральных мест России. Сборник тезисов докладов научной конференции с международным участием (Соловки, 7–12 сентября 2016 г.). Соловки: Соловецкий музей-заповедник, 2016. С. 159–161.

Рис. 2. Участки взятия проб № 5 (а) и № 6 (б) на лицевой стороне подвесного креста (х100; макросъемка на РФА-спектрометре M1 Mistral).

Найденный крестик сохранился целиком, он не деформирован, размеры его составляют 6,5 × 4,7 см; сохранилась также цепочка с остатками штифта в гнезде – возможно, остатки его крепления (рис. 1). Лицевая сторона крестика изготовлена из кованого листового металла; надписи и линейный орнамент по краям выполнены гравировкой (рис. 1). Лицевая сторона, как и оборотная, напаяна на ободок; техника изготовления самого ободка до конца не ясна – вполне вероятно, что ободок, как и ушко, и «шарики», мог быть отлит в составной форме. Цепочка литая, тщательно доработана после литья. Для получения более детальной информации, позволяющей реконструировать технику изготовления и изучить внутреннюю полость этого креста-реликвария без нарушения его сохранности, крест был исследован методом нейтронной томографии и радиографии в Лаборатории нейтронной физики им. И.М. Франка Института объединенных ядерных исследований. Кроме того, был выполнен анализ химического состава металла для основных элементов креста (лицевая, оборотная стороны; ободок, ушко и цепочка); анализ выполнялся неразрушающим методом безэталонного РФА на спектрометре M1 Mistral (Bruker).

Рис. 1. Лицевая сторона подвесного креста с участками позолоты характерного желтого цвета.

Судя по полученным результатам, и крест, и цепочка для него были изготовлены из серебросодержащего сплава, где содержание серебра зафиксировано в пределах 25–44,75% (табл. 1: 1–3, 7–11). Сплав, из которого изготовлены все элементы креста, довольно чистый и относится к двухкомпонентным сплавам системы Cu–Ag; сплав характеризуется лишь наличием ряда микропримесей (Fe, Zn, As, Sn, Sb, Pb), которые свидетельствуют, скорее, в пользу использования для сплава меди, полученной из полиметаллической руды. Анализ зафиксировал также наличие золота на поверхности исследованных участков, высокая концентрация которого прямо связана с визуально фиксируемыми остатками позолоты на лицевой и оборотной сторонах креста. Небольшие значения золота, зафиксированные на участках креста с номерами 1, 2 и 8, связаны, скорее, со степенью истертости позолоты на лицевой и оборотной стороне крестика и на отдельных звеньях его цепочки (табл. 1; рис. 2, а–б). Анализом не зафиксировано наличие ртути на исследованных участках с позолотой; но вполне возможно, что позолота на крест могла быть нанесена методом амальгамы, т.н. методом «огневого золочения», при котором позолота имеет характерную желтизну (как на данном кресте). С другой стороны, нельзя исключить и золочение креста сусальным золотом методом гальваники.

Исследование позолоченного крестика, выполненного из серебросодержащего сплава, было продолжено на 14-м канале импульсного высокопоточного реактора ИБР-2; методика проведения этого исследования уже неоднократно опубликована[5]. Результат этого исследования, на наш взгляд, крайне интересен. Так, фигура Христа, расположенная

[5] *Kichanov S., Saprykina I., Kozlenko D.* etc. The Studies of the Ancient Russian Cultural Heritage Objects…; *Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Лукин Е.В.* Возможности нейтронной томографии…; *Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П.* Возможности, ограничения и перспективы нейтронной томографии…

Таблица 1.
Результаты исследования химического состава металла подвесного креста

		Cu%	Fe%	Zn%	As%	Ag%	Sn%	Sb%	Pb%	Au%
лицевая	1	53,57	1,41	0,48	0,24	36,02	0,08	0,00	0,22	7,98
оборот	2	67,29	1,17	0,48	0,30	25,01	0,07	0,06	0,17	5,45
ободок	3	39,17	0,93	0,35	0,14	43,69	0,08	0,00	0,26	15,38
позолота	4	14,37	0,40	0,27	0,00	27,41	0,00	0,00	0,19	57,36
позолота	5	12,54	0,25	0,22	0,00	27,04	0,00	0,00	0,18	59,77
позолота	6	2,32	0,00	0,12	0,00	31,06	0,00	0,00	0,12	66,38
ушко	7	16,40	0,29	0,34	0,09	44,01	0,18	0,00	0,35	38,34
цепочка	8	52,14	0,48	0,37	0,74	29,19	0,12	0,00	0,18	16,78
цепочка	9	25,42	0,53	0,44	0,35	39,79	0,16	0,00	0,32	32,99
цепочка	10	21,01	0,46	0,56	0,42	42,66	0,16	0,00	0,34	34,39
ободок	11	18,40	0,64	0,88	0,65	44,75	0,13	0,00	1,85	32,69

в центре лицевой стороны креста, скорее всего, была изготовлена отдельно методом литья и затем напаяна на лицевую створку. При визуальном исследовании это не было нами отмечено. Предполагалось, что фигура была оттиснута (штамповка); однако степень интенсивности нейтронного пучка на участке расположения фигуры Христа (отмечается зеленым) совпадает со степенью интенсивности окраски других, изготовленных отдельно, элементов креста, особенно – с литой цепочкой (рис. 3).

Рис. 3. Результаты исследования креста методом нейтронной томографии и радиографии: участки одинаковой плотности по степени интенсивности нейтронного пучка; белые участки внутри, связанные с плохой пропускной способностью (?).

Рис. 4. Результаты исследования креста методом нейтронной томографии и радиографии: секции для «святых мощей» внутри креста.

Рис. 5. Результаты исследования креста методом нейтронной томографии и радиографии: высота перегородок для отдельных секций внутри креста.

Самый интересный результат был получен в отношении внутренней полости исследуемого креста: как видно на изображении, полученном в результате обработки нейтронных изображений, во внутренней полости креста присутствуют перегородки, разделяющие внутреннюю часть креста-реликвария на несколько (девять) отдельных секций (рис. 4). Судя по результатам исследования, высота этих перегородок, как видно на изображении, в общем совпадает с высотой ободка самого креста (рис. 5, а–б).

По данным нейтронной томографии и радиографии трудно сказать, есть ли сохранное заполнение креста-реликвария (благовония, фрагменты святых мощей, другие органические или неорганические элементы); можно отметить лишь наличие участков, не пропускающих (или плохо пропускающих) нейтронный пучок (в виде белого участка; рис. 3). Эти участки фиксируются в секциях, расположенных в горизонтальной перекладине креста; пока не ясно, свидетельствует ли это о наличии в кресте каких-либо «закладов», либо относится к техническим особенностям использованного метода исследования. Наличие подобных секций внутри крестов-реликвариев – достаточно редкий случай.

Если наша расшифровка результатов исследования по методу нейтронной томографии и дифракции корректна, то здесь мы имеем довольно редкий тип художественного памятника – навесной позолоченный крест-реликварий, который изготовлен методом пайки отдельных элементов, выполненных из серебросодержащего сплава. Как правило, серебряные кресты XVIII – начала XX в. делались в технике резьбы, чеканки, канфарения и др. Основными центрами выпуска подобных художественных изделий для указанного периода считаются Москва и Кострома[6].

[6] *Коржавкина Л.Ф.* Русские серебряные изделия XVIII – начала XX вв. в собрании Березниковского краеведческого музея // Художественный металл России. Материалы конференции памяти Г.Н. Бочарова. М., 2001. С. 130–134.

Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7

Список литературы

Беляев Л.А., Григорян С.Б., Лазукин А.В., Савельев Н.И., Шуляев С.Г. Исследования в Зачатьевском, Новодевичьем и Донском монастырях // Археологические открытия 2014. М.: ИА РАН, 2016. С. 84–86.

Говор Л.И., Грешников Э.А., Зайцева И.Е., Коваленко Е.С., Куркин В.А., Мурашев М.М., Подурец К.М., Соломенков В.А., Глазков В.П., Благов А.Е., Яцишина Е.Б. Исследование закрытых древнерусских крестов-энколпионов с применением ядерно-физических методов // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 249. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2017. С. 348–365.

Коржавкина Л.Ф. Русские серебряные изделия XVIII – начала XX вв. в собрании Березниковского краеведческого музея // Художественный металл России. Материалы конференции памяти Г.Н. Бочарова. М.: РГГУ, 2001. С. 130–134.

Лазукин А.В., Беляев Л.А., Савельев Н.И. Археологические исследования в Донском монастыре 2014–2015 гг. // Археология сакральных мест России. Сборник тезисов докладов научной конференции с международным участием (Соловки, 7–12 сентября 2016 г.). Соловки: Соловецкий музей-заповедник, 2016. С. 159–161.

Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Лукин Е.В. Возможности нейтронной томографии в археологии на примере исследования древнерусских украшений из Тверского клада 2014 г. // Российская археология. 2018. № 2. С. 36–42.

Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П. Возможности, ограничения и перспективы нейтронной томографии и радиографии в сфере сохранения объектов археологического наследия // Кристаллография. 2019. Т. 64. № 1. С. 152–155.

Kichanov S., Saprykina I., Kozlenko D., Nazarov K., Lukin E., Rutkauskas A., Savenko B. The Studies of the Ancient Russian Cultural Heritage Objects by Means of a Neutron Tomography Method // Journal of Imaging. 2018. Vol. 4 (2), 25. P. 1–9.

Л.А. Беляев, И.А. Сапрыкина, С.Е. Кичанов, Д.П. Козленко, Л.А. Пельгунова

Нейтронная томография и радиография как метод исследования предметов личного благочестия (на примере креста из Донского монастыря)

Ключевые слова: реликварий, нейтронная томография и радиография, РФА-анализ, неоднородности структуры, 3D-визуализация

Аннотация: Нейтронная томография и радиография – один из новых методов исследования, позволяющих без нарушения целостности предметов личного благочестия изучить их внутреннее строение. Указанным методом была исследована уникальная находка из Донского монастыря – серебряный с позолотой подвесной крестик (реликварий?) с цепочкой, найденный между погребениями Александры Николаевны Годейн († 1873) и ее матери Анны Кирилловны Годейн, урожд. Багратион († 1875). По результатам исследования установлено, что крест изготовлен методом пайки отдельных элементов, выполненных из серебросодержащего сплава, и покрыт позолотой. Во внутренней полости креста присутствуют перегородки, разделяющие внутреннюю часть креста-реликвария на несколько отдельных секций, что является большой редкостью.

L.A. Belyaev, I.A. Saprykina, S.E. Kichanov, D.P. Kozlenko, L.A. Pelgunova

Neutron tomography and radiography as a technique for study of personal piety items (on the example of the cross from Donskoy Monastery)

Keywords: reliquary, neutron tomography and radiography, XRF analysis, heterogeneity of structure, 3D visualization

Abstract: Neutron tomography and radiography is a one of the new techniques for non-invasive study of internal structure of personal piety items. Using this technique an unique item from Donskoy Monastery was studied – gilded silver hanging cross (reliquary?) that was found in monastery between of sepultures of Alexandra Nikolayevna Godein († 1873) and her mother Anna Kirilovna Godein († 1875), nee Bagration. As a result, it was found that the cross was made by means of soldering of separate elements made of silver alloy, and then gilded. The inner cavity of the cross-reliquary is divided into several separate sections by partitions, which is quite rare.

О.Н. Глазунова, С.В. Борзова, Е.А. Шатыркина

Изразцы петровской эпохи, произведенные в Ново-Иерусалимской мастерской

В Петровскую эпоху государственный быт России изменился кардинально. Иным, в числе прочего, стал облик изразцовых печей. На смену ярким многоцветным рельефным изразцам XVII в. пришли гладкие расписные, в основном дуохромные (в сине-белой гамме), изначально изготовлявшиеся в подражание голландской плитке. Собственно, оригинальную голландскую плитку ввозят в это время в Россию в огромных количествах. Однако, по своим конструктивным особенностям (главное из которых – отсутствие румпы – технической части изразца, своеобразной глиняной «коробки» в его тыльной части) она не вполне подходит для облицовки печей, скорее, для украшения стен, что мы, собственно, и видим во дворцах Петербурга.

Начинают производить гладкие расписные изразцы на месте, в России. Одной из первых площадок, на которых пытались организовать такое производство, стал «разсадник изразцового дела» – Ново-Иерусалимский монастырь. «Замечательно, что введению в России производства шведских печных изразцов в XVIII столетии суждено было начаться в Воскресенском же монастыре, то есть там, где укрепилось и процвело в XVII столетии “ценинное дело”»[1], – пишет архимандрит Леонид (Кавелин). 30 ноября 1709 г., после Полтавской битвы, Петр I присылает сюда «для гончарной работы» двоих пленных мастеров изразцового дела: Яна Флегнера и Кристана. В результате именно здесь две разные традиции производства, восходящая к средневековью модель рельефного полихромного изразца и гладкая расписная кафля Нового времени, встретились, породив ряд странных, гибридных и, по сути, уникальных изразцов переходного периода.

Интересно, что при этом сначала пытались «влить новое вино в старые меха»: перевести декор плоских голландских плиток в привычный российским мастерам рельеф. Многие сюжеты, известные нам по памятникам Санкт-Петербурга, в первую очередь, по плитке Меншиковского дворца, в Ново-иерусалимской мастерской выполняли на небольших рельефных плиточках, налепленных на гладкую лицевую пластину изразца. При археологических раскопках ново-иерусалимской экспедиции ИА РАН 2009–2016 гг. (под руководством чл.-корр. РАН Л.А. Беляева) было собрано 39 таких изразцов. И пять хранятся в фондах музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим»[2]. Наибольший интерес представляют здесь сюжеты. Сами по себе они довольно просты: сражающиеся воины; вооруженные всадники; пряха; крестьянка с граблями; крестьянин, кормящий домашнюю птицу; крестьянин с птичьими тушками в руке; другой крестьянин, несущий мешок; пиршественный стол, уставленный посудой; человек с кружкой в руке; вожак с медведем, хлопающий ему зритель и другие (рис. 1). Важно, что здесь изображены не герои мифов, не аллегории, а живые

[1] *Леонид (Кавелин), архим.* Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре с 1656 по 1759 г. // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1876. № 11–12. С. 85.

[2] Подробнее об этих изразцах см.: *Глазунова О.Н., Шатыркина Е.А.* Комплект уникальных печных изразцов Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря как источник по истории России начала XVIII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 31. Москва; Псков; СПб.: ИА РАН, 2016. С. 389–409; *Черненилова Л.М.* Фонд изразцов Музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим»: формирование и изучение // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья: Мат-лы I и II Всерос. науч.-практ. конф. (Новый Иерусалим, 2014–2015): сб. ст. и тез. М.: Коллектор, 2016. С. 65–74.

Рис. 1. Фрагменты изразцов с рельефными клеймами:
1 – сражающийся; 2 – вожак с медведем; 3 – всадник; 4 – кавалер; 5 – пряха; 6 - торговец птицами; 7- странник.

люди, современники изразечника, те, кого он видел вокруг себя. Близкие по сюжетам серии прослеживаются, как упоминалось выше, и на голландских плитках. Это так называемые «человечки»; плитки, на которых изображались погруженные в свои повседневные занятия люди (среди них выделяется отдельная группа «всадники» и иные воины); плитки с изображением отдельных вещей и предметов быта. В найденных фрагментах изразцов предстают живые зарисовки русской жизни. Отражены темы работы, войны, праздника, торговли, поездок, домашнего быта. Вероятно, мы располагаем далеко не всеми существовавшими элементами печного набора, однако даже то, что обнаружено, является интересным дополнительным источником по русской истории. Ничего подобного ранее известно не было. Многие композиции имеют прямые аналогии в народном лубке.

Интересно, что хозяева датского замка Борреби в 20-х гг. XVIII в. заказывают на Стокгольмском гончарном заводе для облицовки своих печей рельефные копии голландских плиток. Эти печи считаются совершенно оригинальными уникальными датскими печами[3]. Возможно, их заказчик видел ново-иерусалимские печи. Был ли это сам таинственный мастер Кристан (судьба Яна Флегнера более или менее известна, он остался в России) или его высокопоставленные соседи по плену, известные шведские дипломаты – сказать трудно. Однако факт остается фактом. Более никто и никогда не выполнял голландские плитки в рельефе.

В технике самих изображений ново-иерусалимских изразцов хорошо прослеживаются стили двоих мастеров, «две руки». То, что их было именно двое, подтверждается не только документально, но и – косвенно – различиями в манере исполнения

[3] *Lemmen Hans van*. Tiles. 1000 years of architectural decoration. New York: Harry N. Abrams. inc. publishers, 1993. P. 87.

Рис. 2. Рельефные изразцы (и их фрагменты) с символическими фигурами: 1 – № 827 - купидон-бочар – «Любовь хранит согласие вещей. Любовь сохранят все»; 2 – «Нет покою»; 3 - № 371 - дерево, двумя руками держимое – «Тако пребываю невредимо»; 4 – лестница возрастов жизни; 5 – «Гоните и ловите ловчей»; 6 – охота на медведя; 7 – № 4 – корабль в открытом море- «Кормчий сего не спит. Правитель корабля бдит недремленно»; 8 - № 570 - рука, держащая плеть и лошадь за голову – «Лаская и наказывая. Иногда силою, иногда ласкою».

миниатюрных фигурок. Изразцовые пластинки, принадлежащие руке первого мастера, прежде всего крупнее по размеру. Фигуры персонажей слегка вытянуты по вертикали, но в целом имеют пропорции, близкие к естественным. Рисунок – свободный, хотя и довольно подробный, с множеством правдоподобных деталей. Есть особенности и в высоте рельефа: наиболее приподнятыми по отношению к плоскому фону являются части изображения, расположенные на переднем плане, ближе к зрителю; и наоборот: чем дальше от зрителя та или иная деталь, тем ниже ее рельеф. Но главным отличием

манеры художника, на наш взгляд, является необычайная «живость» его персонажей. Большинство из них находится в свободном движении. Их предполагаемые прототипы как бы выхвачены авторским взглядом из толпы и мгновенно «зафиксированы», словно в кадре. Из-за этого «человечки» часто изображены в неустойчивых, нестабильных позах, не завершенных до конца поворотах. Жесты их очень выразительны, как, должно быть, и мимика. (К сожалению, тонкий рельеф, покрытый слоем поливы, местами сколотый, не дает нам точного представления о выражении лиц). Персонажи будто бы вышли из-под контроля автора, пытающегося их остановить, и продолжают движение. Именно благодаря своей «активности» отдельные рельефные фигурки так легко комбинируются на гладких изразцовых пластинах, свободно контактируя друг с другом в весьма правдоподобных сценках. К этой группе можно отнести, в первую очередь «сражающихся», которые, согласно изначальной задумке автора, образуют парную композицию. Отсюда же, несомненно, и фигурки «идущих человечков» – с мешком, с посохом, несущего птиц, – а также персонажи, которым по сюжету требуется «ответное», то есть парное изображение («зритель», «кавалер», «танцующая» и, конечно, «человек с кружкой»). Ряд фигурных пластинок под условным названием «сельские работы», – скорее всего, того же авторства, несмотря на гораздо меньшую подвижность героев. Они прекрасно компонуются на одной лицевой пластине, образуя некий сюжетный цикл. В пользу автора свидетельствует и ряд других отличий, свойственных его манере, – в размерах, рисунке, рельефе.

Фигурки, вышедшие из-под руки второго мастера, меньше по размеру, приземисты по пропорциям. Изображение обобщенное, без лишних подробностей. Рельеф наиболее выражен в самых крупных по размеру фрагментах композиции, немногочисленные мелкие детали едва-едва возвышаются над гладким фоном. Но «коньком» этого автора является, безусловно, стремление к статичности, неподвижности персонажей. Композиции четко выстроены, почти как в геральдике, и полностью завершены. Персонажи, позирующие в застывших позах, не требуют окружения или дополнения другими. Движение – даже в тех случаях, когда оно предусмотрено сюжетом, – остановлено полностью. Для этого применяются в том числе и простые визуальные эффекты. Как известно, для глаза человека естественным является движение слева направо. Здесь же мастер направляет некоторых своих героев в левую сторону, «против движения», как бы притормаживая их, а то и вовсе останавливая. Речь идет о пластинках с изображениями всадника и повозки. И определенно того же авторства статичные, замкнутые в пределах композиции «пряха» и «банщик», а также «вожак с медведем», застывшие друг напротив друга.

Итак, два мастера. Они, конечно же, были профессионалы, хорошо знакомые с керамическим производством, но исключительно «голландской» плитки – гладкой, небольшой по размеру, сине-белой по цвету, со скромной рамочкой или вовсе без нее и крохотным изображением в центре. Мастер, называемый нами «вторым» (мы не можем с уверенностью назвать его имя), оставался в рамках заданного формата, даже перейдя от гладкого изображения к рельефу и используя сюжеты из русской жизни. Он и в Новом Иерусалиме – крупнейшем центре традиционного в России рельефного изразца – продолжал работать в том масштабе и той манере, к которым привык. Видимо, нужно считать это верностью традициям. Его произведения миниатюрны по размеру и близки по композиции изображениям на «кафлях». И, в конце концов, разве не о «кафлях» мечтал российский царь? «Первый» же мастер был более креативен: смелее и свободнее в рисунке, сюжете, композиции. Ему даже удалось выйти за рамки мелкого масштаба, навязанного голландской плиткой. Правда, это лучше прослеживается на примере рельефных изразцов с символическими фигурами (о них речь пойдет ниже). И, безусловно, «первый» был хорошо знаком не только с европейской керамикой, но и (например, по гравюрам) с произведениями живописцев и рисовальщиков – мастеров бытового жанра, прежде всего, фламандцев и голландцев XVII в. Это, например, много лет проживший в Голландии фламандец Адриан Броувер, продолжатель традиций Брейгеля. Его сюжеты ироничны, порой драматичны, мимика и жесты персонажей всегда невероятно выразительны. Это голландские мастера крестьянского жанра Адриан ван Остаде и Корнелис Бега. Это немецкий живописец и график Иоганн Матиас Вейер, известный своими зарисовками из солдатской лагерной жизни. Существует определенная сюжетная и композиционная связь (конечно, опосредованная) между произведениями «первого» мастера и вышеназванных художников. Хотя, нужно признать, очень забавно и странно видеть на печных изразцах, сделанных в Новом Иерусалиме, (почти) брейгелевские типажи, одетые в русские костюмы. Явно те же люди изготавливали в мастерских Нового Иерусалима и рельефные изразцы с эмблемами и символами по рисункам книги «Символы и Эмблемата», переведенной на русский язык и напечатанной в 1705 г. в Амстердаме по приказу Петра I (было напечатано 755 экземпляров). Прослеживаются характерные особенности стилей.

В этой второй серии (гораздо более многочисленной, собрано более полутора тысяч фрагментов и целых изразцов) сказалось начавшееся знакомство с аллегорическим языком европейской культуры. В Европе символы и эмблемы использовались еще в XVI в. В России интерес к символизму проявился

в XVIII в. Сюжеты книги «Символы и Эмблемата» мы встречаем в росписях петербургских дворцов, в гербах российских городов, названиях кораблей Азовского флота, в литературе, а также в прикладном искусстве (резьба по кости, дереву и др.).

В XVIII в. еще много будет печей, облицованных изразцами, повторяющими рисунки и девизы книги. Но это будут гладкие расписные изразцы[4]. В Новоиерусалимской же мастерской такие изразцы изготовлялись в рельефе. Всего из 840 сюжетов книги в изразцах отображено не менее 58 (вероятно, несколько больше, так как не все изразцы попали в руки археологов). Рисунок их повторяет рисунок эмблемы в книге (рис. 2).

Угадать значение символа по эмблеме чрезвычайно затруднительно, что отмечало большинство исследователей. Особенно это относится к русскому переводу. *«Что же касается до эмблем и символов в самом тексте, то гравюры отличаются замечательною отчетливостью; русские же объяснения к ним почти везде чрезвычайно темны, так что иногда нельзя понять смысла, не прибегая к подписям на других языках»*[5], – *писал исследователь литературы петровской эпохи П. Пекарский.*

Перечислим встреченные сюжеты:

– лицевые изразцы со следующими сюжетами:

№ 2 – «правит запряженными львами» – «Мудрый человек и наисвирепейших зверей укрощает»;

№ 4 – «дитя, мечом угрожающе Геркулесу или с ним биться хотящее» – «безумное дерзновение»;

№ 14 – «корабль в открытом море» – «Кормчий сего не спит. Правитель корабля бдит недремленно»;

№ 15 – «масличная ветвь, овивающая меч, в руке держимый» – «Нужен для войны и мира. Обеими славиться хорошо»;

№ 88 – «купидон, стоящий пред вратами» – «Врата любви суть для друзей, а не для врагов»;

№ 89 – «купидон с зажженным факелом и дева-весталка возле ее священного огня» – «мой пламень более твоего пребывает»;

№ 109 – «лев со скипетром» – «Кто может его у меня отнять?»;

№ 154 – «купидон, сидящий на льве обузданном» – «Обузданный бывает агнцом»;

№ 162 – «два якоря связанные» – «Двумя всего надежнее»;

№ 193 – «часы» – «Сколько часов, столько сил, указую часы по силе моей»;

№ 241 – «Купидон со стрелою и зажженным факелом» – «никогда не угасает»;

№ 249 – «Самсон, обеими руками облако объемлющий» – «лицемерие всегда есть тщетно»;

№ 253 – «купидон, несущий сердце» – «Огонь не сокрывается. Не могу гореть и молчать»;

№ 269 – «огненный круг» – «здесь чистый огня источник»;

№ 350 – «рука с мечом и померанцевой ветвью над шаром» – «Железом и златом. Оружием и богатством»;

№ 353 – «копье, виноградною лозою и лавром обвитое» – «Для утверждения мира»;

№ 366 – «купидон дает сосуд другому» – «Златом снискивается любовь. Деньгами покупаются любовницы»;

№ 380 – «муж, удавляющий льва» – «Господи! Не мне, но имени твоему слава будет»;

№ 389 – «лавр и пальма на вершине горы» – «путь к добродетели трудна»;

№ 393 – «пастух со своим псом» – «Верен и молчалив»;

№ 450 – «коронесса, стрелою в грудь раненая» – «Отмститель божества оскорбленного»;

№ 454 «Аполлон умерщвляет грифона Пифона» – «Полезен целому миру, смерть одного обещает многим жизнь»;

№ 475 – «купидон гасит факел» – «Погашаю мое пламя»;

№ 504 – «рыцарские латы или трофей победоносный» – «Соблюдаются, а не забываются. Нужно их хранить и не предавать забвению»;

№ 512 – «крест над двумя лавровыми ветвями» – «Силою и могуществом твоим»;

№ 526 – «купидон держит одну руку на устах, а в другой зеленую ветвь» – «Вредно болтать. Лучше много не говорить. Верен и молчалив»;

№ 543 – «столб на море с мечом и ключом» – «Храбрость состоит в вере и правде. Верность и правосудие суть тверды и крепки яко столб»;

№ 545 – «герб увенчанный» – «В память древнему величеству»;

№ 546 – «златый кувшин с цветами» – «Богатство и изобилие. И то и другое»;

№ 550 – «жена, цепью прикованная» – «Се терпение. Всякая вещь имеет свое время. Все временное»;

угловой изразец с сюжетом № 579 – «столб, обвешанный якорями» – «Основан на опыте, утвержден на испытание»;

№ 585 – «орел летящий и несущий камень в свое гнездо» – «укрепляет для нужды»;

№ 694 – «купидон, несущий сердце и чудовищем преследуемый» – «Никто у меня его не похитит»;

№ 702 – «купидон берет сердце с терния» – «Радость после плача. После слез смех. После печали веселие»;

№ 710 – «пират и Тисея» – «Даже до гроба. И по смерти тебе последую»;

№ 730 – «купидон с трубою и другие на лебедях плавающие и сражающиеся» – «надлежит уступить любви»;

№ 759 – «трехглавое чудовище» – «Согласие непреодолимо. Союз непобедим»;

№ 826 – «купидон пускает надутые пузыри» – «Любовь твоя есть водяной пузырь»;

№ 827 – «купидон-бочар» – «Любовь хранит согласие вещей. Любовь сохранят все»;

№ 828 – «пирамида, плющом обросшая» – «Я буду зеленеть и расти, покуда ты стоять будешь. Твое бытие есть моя зелень»;

№ 839 – «купидон стреляет в доспехи» – «Любовь гонит зависть. Любовь сопротивляется зависти»;

– фризовые изразцы со следующими сюжетами:

№ 84 – «растение базилик» – «Чем сильнее меня тронешь, тем приятнее от меня благоухание»;

№ 150 – «триумфальная арка» – «Земля радуется под моей тяжестью, земля желает охотно носить меня на себе»;

№ 237 – «корона на подушке» – «Обманчивое добро. Прельщающая вещь»;

№ 336 – «петух надо львом» – «Причиняю страх наисильнейшему. Заставляю дрожать наиотважнейшего»;

№ 371 – «дерево, двумя руками держимое» – «Тако пребываю невредимо»;

№ 570 – «рука, держащая плеть и лошадь за голову» – «Лаская и наказывая. Иногда силою, иногда ласкою»;

№ 821 – «купидон, сидящий на орле с книгою» – «Ученая любовь. Любовь есть мудра, умна»;

– валик с сюжетом № 352 – «рука, держащая щит и лавровую ветвь» – «Под щитом, под защитою», а также граненый валик, на котором скомпонованы явно случайным образом целых три сюжета:

№ 91 – «хамелеон» – «Ежеминутно переменяется»;

№ 199 – «фиалка цветущая» – «Красота в смирении, лепота в смиренномудрости»;

и № 203 – «бобр, самого себя грызущий» – «Для сохранения жизни. Для спасения самого себя»;

– карнизные изразцы со следующими сюжетами:

№ 43 – «орел с распростертыми крыльями при блистании, сидящий на огнестрельном орудии» – «Он не страшится ни того, ни другого»;

№ 370 – «корона с двумя пальмовыми ветвями» – «Постоянно и чистосердечно»;

№ 478 – «охота или ловля звериная» – «После веселья бывает печаль. После смеха плач. За удовольствием следует скука»;

– городки с изображением купидона, играющего на флейте.

Ясно видно, что в первую очередь выбирались сюжеты, связанные с темой прославления мудрой государственной власти и героизма (военных и иных побед). Много также изображений купидонов. Сразу возникает вопрос, как эти изображения принимались русским обществом. В качестве ответа приведем здесь известную цитату поэта того времени В.К. Тредиаковского: «Слово Купидон… тут не за поганского Венерина выдуманного сына приемлется, но за пристрастие сердечное, которое в законной любви, и за великую свою горячесть судимо быть нигде не заслужило»[6]. Интересно отметить, что на более поздних гладких изразцах с символическими изображениями производства разных российских заводов предпочтения в выборе сюжетов будут уже совершенно другими[7].

Все лицевые изразцы квадратные с размером лицевой пластины 19х19 или 19,5х19,5см. Помимо сюжетных изразцов есть и конструктивные элементы, украшенные растительным орнаментом. Это наугольники, оформляющие углы печи, арки-подзоры и разделительные элементы.

На лицевых изразцах книжная эмблема изображалась зеркально, так как переводилась через резную форму, но на фризовых и карнизных направление рисунка совпадает с книжным. Возможно, причиной этого было привлечение двух мастеров для изготовления форм: один учел зеркальность матрицы, другой нет. Оригинальным был и подход к расшифровке девиза: вместо него на изразце ставился номер сюжета в книге (арабскими цифрами), то есть для понимания сюжета требовался в качестве ключа печатный экземпляр «Символов». Интересно, что есть два девиза, написанные целиком словами, – возможно, именно потому, что их нет в книге. Это фризовый изразец с изображением охоты на зайца с девизом «Гоните и ловите ловчей» и лицевой изразец, содержащий сердце с мечом, на которое совершают нападение с луком и стрелами, копьями и др. Надпись на изразце: «Нет покою».

Встретилось также несколько изразцов без надписей и номеров. Один из самых интересных – крупный лицевой изразец (размеры лицевой пластины 26,5 × 30,0 см) с изображением лестницы возрастов человеческих[8]. Этот сюжет очень распространен в европейских нравоучительных гравюрах и среди русских лубков. Однако в изразцовой

[4] *Сергеенко И.И.* Об изразцах с «иероглифическими фигурами», эмблематами и о московском мастере Яне Флегнере // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. М.: б. и., 1993. С. 52–61.

[5] *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. СПб.: Общественная польза, 1862. С. 507.

[6] Цит. по. *Живов В.М., Успенский Б.А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. Мат-лы науч. конф. М.: Советский художник, 1984. С. 240–241.

[7] *Сергеенко И.И.* Об изразцах с «иероглифическими фигурами»… С. 52–61.

[8] *Беляев Л.А., Глазунова О.Н.* «Лестница жизни»: археология и иконография в Новом Иерусалиме XVII–XVIII вв. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 251. М.: ИА РАН, 2018. С. 314–328.

Рис. 3. Геральдические изразцы: 1 – карнизный; 2 – фризовый; 3 –лицевой с изображением пасхальных символов.

серии Нового Иерусалима выполнена оригинальная версия притчи.

Целая история читается на наугольниках. На первом изображен гусь (или лебедь), на втором – мертвый гусь (или лебедь) в руках у охотника и на третьем – в руке у охотника только перо и собака рядом с ним. Впрочем, возможно мы можем отыскать начало истории в книге «Символы и Эмблемата». Это сюжет № 565 – «лебедь возле лавра», значение которого: «не страшат меня громовые стрелы. Моя невинность не боится ни молнии, ни грома». Дальнейшее развитие сюжетной линии молчаливо демонстрирует зрителю, чем может кончится столь безрассудная кичливая показная храбрость.

То есть в данном случае мы сталкиваемся с некой доработкой книги, включением в общий перечень сюжетов, которых не было изначально. Не имея образца эмблемы, автор рисунков был вынужден создавать свои собственные версии, опираясь на общую стилистику изображений на других изразцах. Для комплекта печи «Нет покою» были изготовлены, помимо собственно лицевых изразцов, разнообразные фризы, карнизы, городки и арки со сложным растительным орнаментом, объединенным общей темой. Попутно отметим, что данный комплект отличается от основной массы изразцов еще и своими размерами. Лицевая пластина здесь не квадратная, а более вытянутая, прямоугольная 22,5 × 20,5 см.

Чрезвычайно интересен лицевой изразец обычного размера со сложным сюжетом. На нем изображено нападение медведя на человека: человек упал, уронив копье, в руке у него остался только кинжал. На помощь ему летит огромная птица. Таких изразцов найдено большое количество. Часть из них стояла в печи, находившейся в путевом дворце. То есть данный сюжет был очень важен для заказчика. Скорее всего, широко растиражированная картинка отражала известную историю о нападении медведя на царя Алексея Михайловича и чудесном спасении царя, случившуюся, якобы, как раз в здешних лесах. Помимо значительного количества изразцов с вышеуказанным рисунком для облицовки печи были использованы также лицевые изразцы: № 109, на котором изображен лев, держащий скипетр («Кто может его у меня отнять?»), № 14 («Кормчий сего не спит. Правитель корабля бдит недремленно»), № 350 («Железом и златом. Оружием и богатством»), № 512 («Силою и могуществом твоим»), № 454. («Полезен целому миру»); фризовые с изображением охоты на зайца с написанным девизом «ловите и гоните ловчей»; карнизные с изображением охоты на оленя (сюжет № 478).

Завершает печь корона из фризовых изразцов с изображением петуха, прогоняющего льва № 336 («Причиняю страх наисильнейшему. Заставляю дрожать наиотважнейшего»).

Таким образом, мы видим, что сюжетная линия довольно строго подобрана. Все изразцы этой печи подчинены двум сюжетным линиям: охоты и власти. Кроме того, были изготовлены изразцы, не имеющие литературной, книжной основы сюжета, но обращающиеся к сюжетам российской (или даже семейной) истории. Скорее всего, печь предназначалась для личных покоев царствующих особ. Здание погибло в пожаре 1726 г. Обгоревший комплект печных изразцов был найден в подвале одного из помещений. Вероятно, печь свалилась туда после пожара. В настоящее время она реконструирована в восстановленном помещении.

Кроме изразцов с символическими фигурами, найденных в самом Новом Иерусалиме, известны три случая использования их в «неместных» печах. Первый, с сюжетом «Нет покою», происходит из Братского корпуса Высоко-Петровского

монастыря в Москве[9]. Фрагменты комплекта целой печи «Нет покою» в сине-белой расколеровке найдены при археологических исследованиях в Саввино-Сторожевском монастыре[10]. Кроме того, в одном из домов на посаде того же Звенигорода найдена при археологических работах еще одна целая печь, в которой использовано большое количество сюжетов[11].

И третья интереснейшая серия связана с геральдическими изразцами (рис. 3).

Изразцы этого комплекта по типу относятся к геральдическим с замкнутым сюжетом. Это особый период в истории русского изразца начала XVIII в., когда в керамике выполнялись гербы или же, что чаще, подражание им. Для западного изразцового производства гербовые изразцы – вещь совершенно обычная. Еще со средневековья известно огромное количество изразцов с гербами городов, отдельных фамилий, орденов и т.д. Они использовались как в печах, так и для украшения фасадов. Для России же, где традиция составления гербов практически отсутствовала, это совершенно не характерно. Так называемые «гербовые» или, что точнее, «псевдо- гербовые» изразцы появляются в стране как прямое заимствование западной традиции и, не имея собственных корней, сохраняются лишь как тип орнаментики, не несущий никакой смысловой нагрузки. История возникновения комплекта данной печи абсолютно выбивается из описанного контекста, хотя, в целом, ее создание тоже можно объяснить проявлением западного влияния на русскую культуру. Геральдические сюжеты представленной печи тщательно разработаны и несут серьезную смысловую нагрузку. Сделана попытка, и весьма успешная, применить общие геральдические принципы к церковной символике.

В комплекте можно проследить 2 основные линии: тему церковную и тему государственной власти. Проблема соотношения церкви и государства проходит красной нитью в жизни патриарха Никона и истории его взаимоотношений с царем Алексеем Михайловичем. По-видимому, именно это, а также разработка патриархом Никоном собственного герба и послужили основанием для датировки С.И. Маслихом таких изразцов 2-й половиной XVII в.[12] Археологический контекст находок ново-иерусалимской экспедиции иной, несколько более поздний. Большая часть найденных бытовавших изразцов (обломки стоявшей печи) обнаружена в развалинах дворцовых строений в юго-западной части монастыря и датируется 1-й половиной XVIII в. Большая же часть заготовок без поливы сконцентрирована в изразцовых развалах гончарной мастерской, расположенной в помещении Солодовых палат 1-й половины XVIII в. В то же время в развалах керамического брака и складских помещениях никоновского периода подобных изразцов не обнаружено.

С другой стороны, данную датировку подтверждают некоторые особенности технологии изготовления изразцов: незначительность количества примесей в тесте, отсутствие ангоба, характерные синий и голубой оттенки поливы при отсутствии кобальтового тона и т.д. Еще одним аргументом в пользу более поздней датировки может послужить форма карнизов печи. Такие треугольные в профиле простые карнизы с неизогнутой поверхностью являются характерной особенностью печей начала XVIII в. В то же время особенности рисунка и рельефа не позволяют расширить датировку далее 20-х гг. XVIII в.

Лицевые изразцы прямоугольные. Размер полного изразца составляет 21,0 × 26,0 см. Румпа гончарная, высотой 8,5 см. Использовано пять цветов поливы: белый, желтый, голубой и два оттенка синего цвета. Лицевые изразцы встречаются в трех вариантах расколеровки. В зафиксированном археологически развале печи все три типа обнаружены примерно в равном количестве, что позволяет предположить более или менее равномерное их применение.

Символика лицевых изразцов пасхальная. Учитывая, что основной престольный праздник Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря – это именно праздник Воскресения Господня (Пасха), можно с достаточной долей уверенности сказать, что изразцы были заказаны, разработаны и изготовлены для установки, в первую очередь, непосредственно в монастыре. В центре верхней части лицевого изразца расположен гербовый щит с пасхальными символами. На нем изображены Агнец Божий, флаг Триумфа, луна и солнце в виде звезды (символизирующие Ветхий и Новый Завет). За щитом расположены орудия страстей: копье и губка. Венчает щит корона с крестом. Снизу герб охраняют два рычащих льва. Щит обрамляет сложная виньетка, украшенная лентами и цветами.

Попутно отметим, что среди бракованных изразцов в одном из горнов этого времени имеется один очень крупный гербовый с похожей композицией, но с другим наполнением самого герба. Не исключено, что он был изготовлен в качестве некоего образца, отправной точки, с которой началось формирование композиции Пасхальной серии.

Фризовые изразцы также с церковной символикой. В центре изразца в 8-угольном обрамлении изображен ковчежец. Над ним висят вериги. Венчает его корона. С боков расположены орудия

[9] *Маслих С.А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: «Изобразительное искусство», 1976. Рис. 180.

[10] Фонды Звенигородского историко-архитектурного музея КП 1973/20, 25, 28, 31, 37, 84.

[11] *Глазунова О.Н., Малых С.В.* Звенигородская печь, облицованная изразцами производства Ново-Иерусалимской мастерской // Археология Подмосковья. Вып. 14. М.: Институт археологии РАН, 2018. С.469–487.

[12] *Маслих С.А.* Русское изразцовое искусство... Рис. 113.

Рис. 4. Печи, реконструированные в помещениях Ново-Иерусалимского монастыря: 1 - печь с изразцами «Нет покою»; 2 - печь, облицованная изразцами-эмблематами; 3 - печь, облицованная символическими изразцами на темы власти, войны и охоты.

Рис. 5. Печи, реконструированные в помещениях Ново-Иерусалимского монастыря: 1 - геральдическая печь; 2 - печь, облицованная изразцами с рельефными клеймами.

страстей: копье и губка. Все это находится в обрамлении гирлянды из листьев.

Карнизы треугольные в профиле с небольшим уступом сверху. В центре пластины карнизного изразца – ничем не заполненное пустое овальное поле, вокруг которого располагается сложная рамка, «ощетинившаяся» стреляющими пушками, знаменами и прочими атрибутами военных побед.

На городках изображены орлиные лапы, цветочная гирлянда и венчающая корона.

Итак, Петровская эпоха отмечена в гончарных мастерских Нового Иерусалима появлением трех новых типов изразцов. Все они совершенно оригинальны и более нигде повторены не были. Все они отражают и тенденции новой эпохи и, одновременно, связь со старыми традициями. В отличие от изделий петербургских мастеров, здесь явственно видна преемственность и гораздо ярче своеобразие стиля.

Все печи реконструированы на своих исторических местах в помещениях Ново-Иерусалимского монастыря, что позволяет буквально увидеть воочию оригинальную обстановку начала XVIII в. (рис. 4, 5).

Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7

Список литературы

Беляев Л.А., Глазунова О.Н. «Лестница жизни»: археология и иконография в Новом Иерусалиме XVII–XVIII вв. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 251 М.: ИА РАН, 2018. С. 314–328.

Глазунова О.Н., Малых С.В. Звенигородская печь, облицованная изразцами производства Ново-иерусалимской мастерской //Археология Подмосковья. Вып.14. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 469–487

Глазунова О.Н., Шатыркина Е.А. Комплект уникальных печных изразцов Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря как источник по истории России начала XVIII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 61-го заседания. Вып. 31. Москва; Псков; СПб.: ИА РАН, 2016. С. 389–409.

Живов В.М., Успенский Б.А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. Мат-лы науч. конф. М.: Советский художник, 1984. С. 204–285.

Леонид (Кавелин), архим. Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре с 1656 по 1759 г. // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1876. № 11–12. С. 81–87.

Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: «Изобразительное искусство», 1976. 29 с.

Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. СПб.: Общественная польза, 1862. 728 с.

Сергеенко И.И. Об изразцах с «иероглифическими фигурами», эмблематами и о московской мастере Яне Флегнере // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. М.: б. и., 1993. С. 52–61.

Черненилова Л.М. Фонд изразцов Музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим»: формирование и изучение // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья: материалы I и II Всерос. науч.-практ. конф. (Новый Иерусалим, 2014–2015): сб. ст. и тез. М.: Коллектор, 2016. С. 65–74.

Эмблемы и символы. 2-е исправленное и дополненное издание с оригинальными гравюрами. М.: ИНТРАДА, 2000. 67 с.

Lemmen Hans van. Tiles. 1000 years of architectural decoration. New York: Harry N. Abrams. inc.publishers, 1993. 240 p.

О.Н. Глазунова, С.В. Борзова, Е.А. Шатыркина
Изразцы петровской эпохи, произведенные в Ново-Иерусалимской мастерской

Ключевые слова: Новый Иерусалим, геральдические изразцы, Ян Флегнер, Кристан, символизм, голландская плитка

Аннотация: В статье рассказывается о трех группах уникальных изразцов, произведенных в мастерских Ново-Иерусалимского монастыря в начале XVIII в. по непосредственному указанию самого Петра I: «голландская плитка» в рельефном исполнении, рельефные изразцы с символическими фигурами и геральдические.

O. N. Glazunova, S. V. Borzova, E. A. Shatyrkina
Tiles from the era of Peter I, produced in the New Jerusalem workshop

Keywords: New Jerusalem, heraldic tiles, Jan Flegner, Kristan, symbolism, Dutch tiles

Abstract: the article describes three groups of unique tiles produced in the workshops of the New Jerusalem monastery at the beginning of the XVIII century by the direct instructions of Peter I himself: “Dutch tiles” in relief, relief tiles with symbolic figures and heraldic ones.

И.Р. Гусач

Русско-турецкая граница: керамика и проблемы культурного обмена во второй половине XVII – XVIII вв.

Занимавшее весьма важное геополитическое положение и с древнейших времен являвшееся международной контактной зоной Северо-Восточное Приазовье в эпоху позднего Средневековья и Нового времени превратилось в зону перманентной конфронтации между двумя крупными державами – Османской и Российской империями. Воздвигнутая османами ко второй половине XVII в. в низовьях Дона мощная система оборонительных укреплений, в которую вошли крепости Азак (у русских – Азов) и Сед-Ислам (у русских – Лютик, или Лютин), а также сторожевые башни Шахи (Шахская башня, то есть башня Султана) и Султанийе (Султанская башня, то есть башня Султанши)[1], создавала вблизи южных границ Российского государства постоянный очаг внешней агрессии. Этот очаг частично удавалось «гасить» благодаря высокой военной активности донских казаков, заселивших данную «фронтирную» территорию еще в конце XVI в.[2]

Азовские походы Петра I (1695–1696 гг.) внесли изменения в расстановку сил в регионе. К захваченным и реконструированным турецким крепостям и сторожевым башням (у русских – Каланчи) добавились вновь построенные на рубеже XVII–XVIII вв. русские фортификационные сооружения: Петровская крепостца или «город Петровский», город-крепость Павловский, Семеновский шанец, город-крепость Троицкий (Таганрог), Троицкая укрепленная линия с Павловским шанцем и шанцем Черепахин (Черепаха) и др.[3] (рис. 1). Российская колонизация Северо-Восточного Приазовья была

[1] Донские дела. Кн. 5. Пг.: Тип. М-ва земледелия, 1917. Стб. 729–731, 734–740, 760–761, 765–766; *Челеби Э.* Книга путешествия: (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. М.: Наука, 1979. С. 128, 194–213, 241; *Inalcik H.* Azak // The Encyclopedia of Islam. Second edition. Vol. 1. Leiden: E. J. Brill, 1986. P. 808; *Чеснок В.Ф.* Крепость Лютик (XVII–XVIII вв.) // Известия РОМК. Вып. 5. Ростов н/Д: Ростов. кн. изд-во, 1988. С. 66–68; *Аваков П.А., Гусач И.Р., Дедюлькин А.В.* На границе империй: османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по данным археологии // От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: материалы науч. конф. Москва; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 379.

[2] *Аваков П.А.* Геополитическое положение Подонья-Приазовья в XV–XVI вв. в свете противостояния России и Турции // Известия высших учебных заведений: Северо-Кавказский регион. Сер. Обществ. науки. 2011. № 1. С. 33–34; *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. университета, 1998. С. 70–83, 161, 216–221, 342; *Мустакимов И.А., Сень Д.В.* Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. Київ: Ін-т історії України НАНУ, 2010. С. 316–318; *Они же.* Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Танаиса, Недвиговка Мясниковского р-на Ростов. обл. Вып. 3. АМЗТ. 2012. С. 172–189; *Гусач И., Башол С., Ибрагимзаде К.* Три султанских указа XVI и XVIII вв., связанные с историей турецкой крепости Азак // ИАИАНД в 2012 г. Вып. 28. Азов, 2014. С. 309–313; 324–327.

[3] *Ласковский Ф.Ф.* Карты, планы и чертежи к I части Материалов для истории инженерного искусства в России. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1858. Л. 31–32, изобр. 103–111; *Аваков П.А.* Город Петровский на Нижнем Дону (1697–1711) // Рубикон. Вып. 56. Ростов н/Д: ЮФУ, 2010. С. 83; *Он же.* Строительство военных укреплений на южных рубежах России в 1702–1711 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 62–63; *Он же.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII вв.: завоевание, колонизация, управление: дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д, 2011. С. 289–293; *Он же.* Город Троицкий на Таган-роге: Каким был облик первой военно-морской базы России? // Родина. 2015. № 8. С. 98–101; *Кузьменко Н.Н.* Троицкая крепость на мысу Таган-Рог и укрепления на Миусском полуострове в конце XVII – в XVIII вв. // Большой Ромбит. Сб. статей по истории и исторической географии Восточного Приазовья. Вып. 2. Ейск: Ейское местное отделение Российского общества историков и архивистов, 2015. С. 58–64; *Аваков П.А., Гусач И.Р., Дедюлькин А.В.* На границе Империй… С. 382–387.

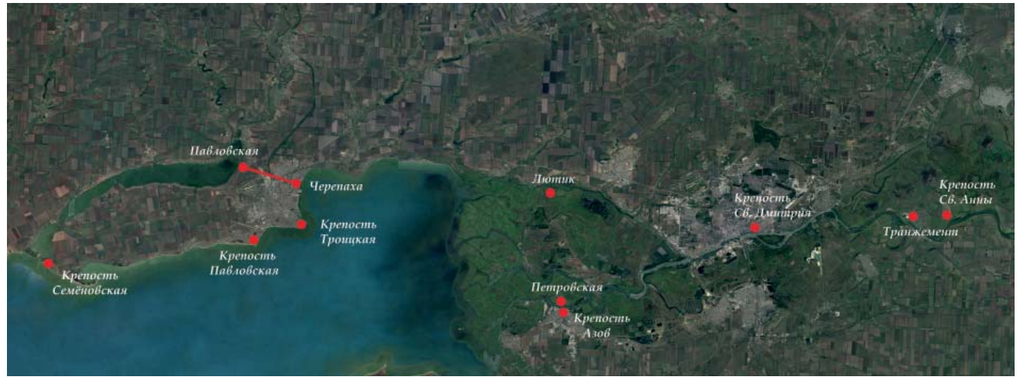

Рис. 1. Крепости Северо-Восточного Приазовья. Ситуационный план.

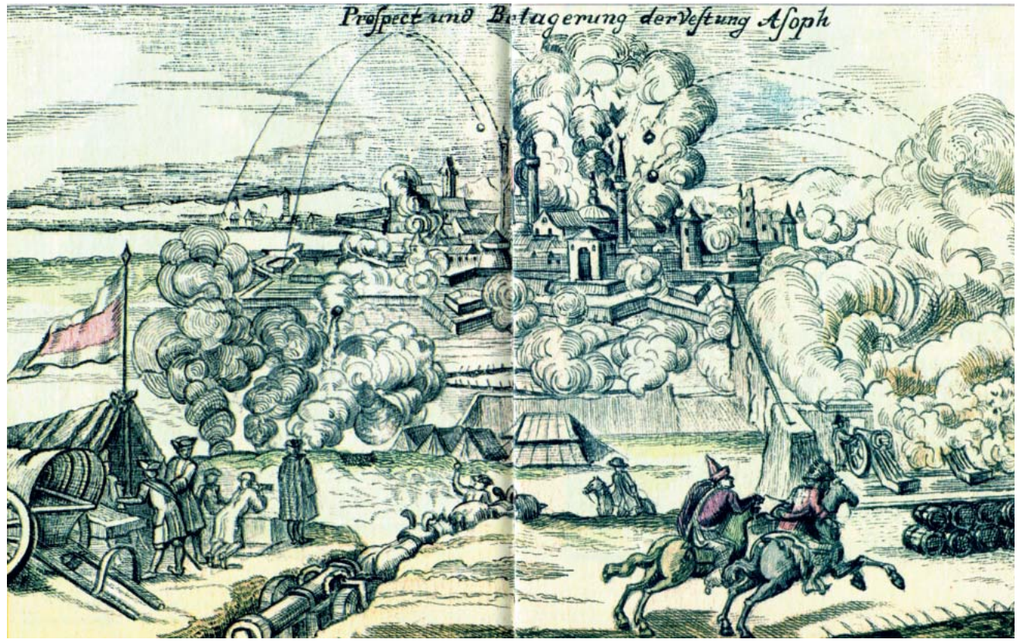

Рис. 2. Фрагмент «Плана взятия Азова в 1736 году». XVIII в. (РНБ, отдел картографии: к-1 план/38).

приостановлена после неудачного Прутского военного похода 1711 г. Восстановленный в 1712 г. Азакский санджак просуществовал до времен русско-турецкой войны 1735–1739 гг.[4]

[4] *Королев В.Н.* Азовский санджак (вторая половина XVI – первая треть XVII вв.) // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году: (тез. докл. к обл. семинару). Азов: Азовский краеведческий музей, 1987. С. 36–39.

Османская крепость Азак была повторно взята русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала П.П. Ласси в 1736 г., согласно плану ее штурма, разработанному генерал-фельдмаршалом Б.Х. Минихом. Сцена сдачи турецкой крепости П.П. Ласси ее комендантом Ибрагим-агой навсегда вошла в историю, оставшись запечатленной на «Плане взятия Азова в 1736 г.» наряду со

Рис. 3. Анненская крепость (Св. Анны). Фото 2008 г.

сценой самого штурма Азака (рис. 2). Однако после окончания русско-турецкой войны, в соответствии с подписанным в 1739 г. Белградским мирным договором, все укрепления завоеванной российскими войсками Азовской крепости должны были быть срытыми, а прилегавшая к ней территория к югу от дельты Дона объявлялась «барьерной землей» между Османской и Российской империями. Крепость была разрушена в 1740-е гг. вместе со сторожевыми башнями-каланчами[5].

В постпетровское время в Северо-Восточном Приазовье были построены новые крепости: Св. Анны (Анненская крепость) (рис. 3), Св. Дмитрия Ростовского (рис. 4), Донецкая крепость (рис. 1)[6]. Кроме того, в XVIII в. дополнительно укреплялись донские казачьи городки. В частности, к земляным валам Черкасской крепости (Черкасский казачий городок) с двойным дубовым палисадом, набитым внутри землей, были добавлены каменные стены раскатов-бастионов (рис. 5). «Каменная стена, – писал историк Войска Донского В.Д. Сухоруков, – быв начата в 1742 году славным атаманом Данилом Ефремовым… Прочая часть города была обнесена деревянною стеною… На пространстве городских стен были размещены 6 бастионов… которые казаки называли раскатами, отстоя один от другого на 100 и на 200 саженей, весьма способствовали крепости города…»[7]. Все эти меры предпринимались для обеспечения безопасности южных границ Российского государства. Агрессивная политика османов, стремившихся захватить «барьерную

[5] *Перепечаева Л.Б.* Азов – пограничная крепость России конца XVII – начала XIX вв. // Очерки истории Азова. Вып. 11. Азов: Изд-во АМЗ, 2006. С. 229–233, 253; *Бурлака В.О.* Азов – город с тысячелетней историей // Очерки истории Азова. Вып. 12. Азов: Изд-во АМЗ, 2009. С. 249; *Гусач И.Р.* К вопросу о датировке археологических сборов на местонахождении «Каланча» // ИАИАНД в 2004 г. Вып. 21. Азов: Изд-во АМЗ, 2006. С. 500–504.

[6] *Жукова Л.М.* Крепость Святой Анны – фортификационное сооружение первой половины XVIII в. на юге России // Большой Ромбит. Сборник статей по истории и исторической географии Восточного Приазовья. Вып. 2. Ейск: Ейское местное отделение Российского общества историков и архивистов, 2015. С. 73–74.

[7] *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–32 гг. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1891. С. 148–149; *Королев В.Н.* Донские казачьи городки. Новочеркасск: Информационно-издательский центр «Дончак», 2007. С. 210–211.

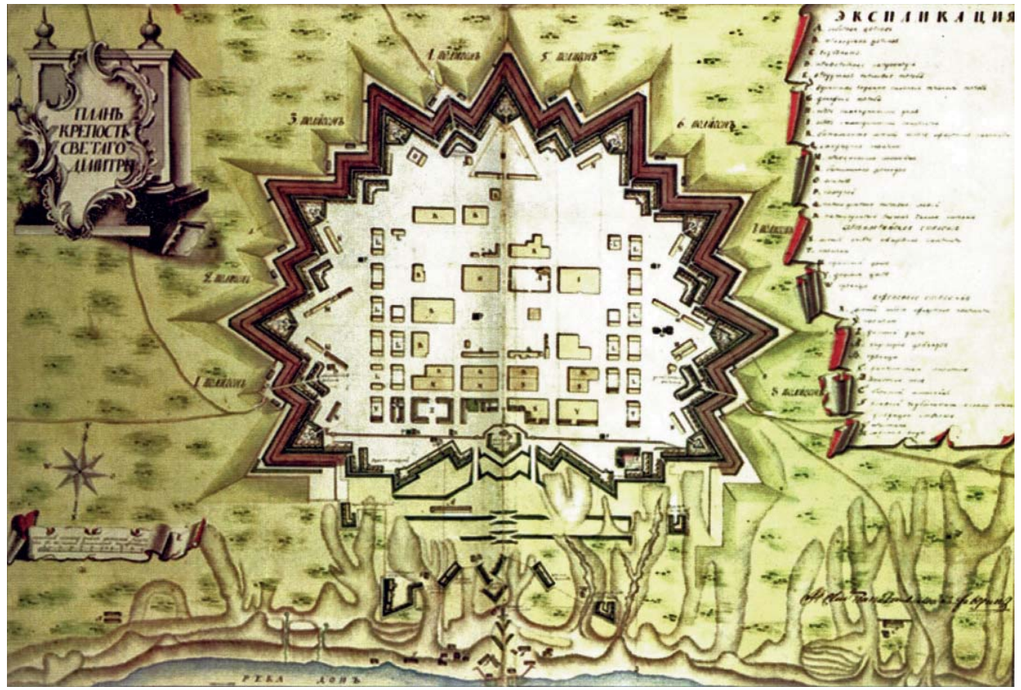

Рис. 4. Крепость Св. Дмитрия Ростовского. План М. де Верни. 80-е гг. XVIII в.

Рис. 5. «План Войска Донского городку Черкасску». Ригельман А.И., 1768 г. (НБУ, Институт рукописей. Ф. 1. Ед. хр. 292).

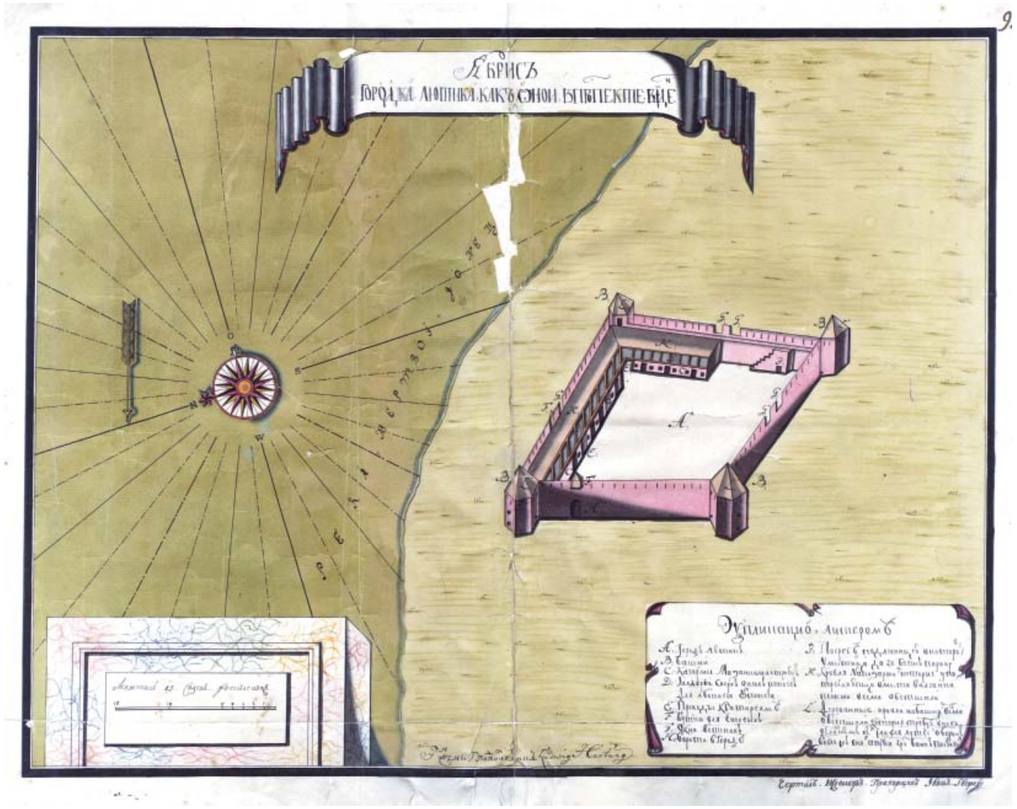

Рис. 6. «Абрис городка Лютика как оный в проспекте виден». Чертеж И. Зверева. XVIII в. (НБУ, зал картографии, инв. №45415).

зону» для дальнейшего расширения своего влияния в регионе, создавала здесь постоянную военную угрозу и затрудняла проведение торговых операций. России запрещалось иметь военный флот на Азовском и Черном морях. Торговля с Османской империей могла вестись только с использованием турецких кораблей.

Окончательно земли Северо-Восточного Приазовья с крепостями отошли Российскому государству после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Еще в ходе войны в 1769 г. по высочайшему указу Екатерины II вторая русская армия под командованием генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева вошла в Азовскую крепость и занялась ее восстановлением наряду с разрушенной Троицкой крепостью на Таганьем Роге. На основании Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. Азовская крепость была навсегда закреплена за Россией. Обширные территории между Бугом и Днепром, а также бывшие «барьерные земли» от Азова до Еи были переданы Российской империи, получившей выход в Черное море. На новых землях была образована Азовская губерния, первым генерал-губернатором которой был назначен Григорий Потемкин. Азовская губерния была разделена на две провинции – Азовскую (южную) и Бахмутскую (северную). В ведомство первой были отданы: Азов, крепость Св. Дмитрия Ростовского, Таганрог, Черкасск и «…все жилища верного Нашего Войска Донского…», а также новая Днепровская линия, Керчь, Еникале и Кинбурнский замок в устье Днепра[8].

Исследования культурных слоев второй половины XVII–XVIII вв. на территории археологических памятников региона дают интересные результаты, которые свидетельствуют не только о его бурном военно-историческом прошлом, связанном с борьбой между Турцией и Россией за земли Северо-Восточного Приазовья (находки оружия, военного инвентаря и боеприпасов, предметов амуниции, а также братских и одиночных солдатских захоронений, остатков землянок, осадных траншей, подземных ходов и т.д.)[9], но и о довольно развитых торгово-экономических отношениях и социально-культурных связях, существовавших здесь в петровскую и постпетровскую эпохи, а также во времена присутствия османов на Нижнем Дону. Ярким свидетельством этих связей является наличие богатейших керамических комплексов, происходящих с изучаемых археологами объектов, расположенных на территории бывших турецких и русских крепостей и в их окрестностях. Анализ этих комплексов говорит о наличии потока ремесленных гончарных изделий во второй половине XVII – XVIII вв. в Северо-Восточное Приазовье из Российской империи и Малороссии (Полтавщина и другие районы современной Украины), а также из Османской империи (Анатолия, Балканы, Крым, Восточное Причерноморье), причем как в «турецкие» (до 1696 г., 1712–1736 гг.), так и в «русские» (1696–1711 гг., с 1736 г.) периоды истории. Среди «экзотических» товаров – редкие находки китайской расписной фарфоровой посуды времен императора Канси (1662–1722 гг.).

Керамические комплексы бывших турецких укреплений Нижнего Дона (краткий обзор)

После взятия османских крепостей Азак и Сед-Ислам армией Петра I в 1696 г., по его приказу начались восстановление и перестройка этих донских военных укреплений. И, в первую очередь, Азакской крепости, которая была переименована в Азовскую. Глобальные фортификационные работы, развернувшиеся в конце XVII – начале XVIII вв. на территории этой крепости, очень сильно повредили ее культурный слой, местами практически полностью уничтожив его. Это было установлено в ходе археологических исследований, которые периодически ведутся на территории памятника с 1960-х гг. Вернувшиеся в 1712 г. в крепость османы и прожившие там еще четверть века, осуществили дополнительные изменения в местном ландшафте. Позже свою лепту в разрушение культурного слоя внесли русские войска армии Анны Иоанновны, занявшие Азак в 1736 г.

В результате всех этих исторических «перипетий», на сегодняшний день археологи имеют дело со сложной ситуацией на территории памятника, культурные слои которого оказались сильно переотложенными, «закрытые» комплексы почти полностью отсутствуют, а находки представляют собой «микс» из артефактов «турецкого» и «русских» периодов (XV–XVIII вв.) со средневековыми «включениями» времен золотоордынского Азака (XIII–XIV вв.). Этот факт долгие годы затруднял процесс изучения керамического материала из раскопок Азовской крепости (особенно работу с археологическими коллекциями 1960-х гг.)[10]. Похожая ситуация сложилась и с находками из раскопок в крепости Лютик / Сед-Ислам, проводившихся в 1970-е и 1990-е гг.[11] Стратиграфические наблюдения на территории памятника оказались проблематичными по причине небольшой толщины культурного слоя (0,2–0,6 м), а археологический материал «турецкого» и «русского» периодов – смешанным, в результате чего коллекция артефактов из Лютика оставалась толком не разобранной до конца 1990-х – начала 2000-х гг.

[8] *Перепечаева Л.Б.* Азов – пограничная крепость… С. 261–263, 281–283; *Бурлака В.О.* Азов – город с тысячелетней историей… С. 250–253.

[9] *Гудименко И.В., Кузьмин А.Ю.* Жилой комплекс XVIII в. из раскопок в г. Азове // Очерки истории Азова. Вып. 2. Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. С. 39–44; *Бойко А.Л., Черницын С.В.* Массовые и «заложные» погребения в Азове XVII–XVIII вв. // Рубикон: сб. науч. работ молодых ученых. Вып. 3. Ростов н/Д: ЮФУ, 1998. С. 14–20; *Бойко А.Л., Дедюлькин А.В.* Жилища русского населения Азовской крепости конца XVII – первой половины XVIII вв. // Рубикон. Вып. 31. Ростов н/Д: ЮФУ, 2004. С. 52–54; *Щербакова Н.С.* Работы на крепости Св. Дмитрия Ростовского в г. Ростове-на-Дону // ИАИАНД в 2005 г. Вып. 22. Азов: Изд-во АМЗ, 2006. С. 137–139; *Дедюлькин А.В.* Об атрибуции некоторых элементов русской военной амуниции XVIII в. (по археологическим материалам фортификационных сооружений Нижнего Дона) // Рубикон. Вып. 52. Ростов н/Д: ЮФУ, 2009. С. 83–85; *Ларенок В.А., Ларенок П.А.* Предметы быта конца XVIII – начала XIX вв. из засыпки котлована солдатской казармы крепости Дмитрия Ростовского // Археологические записки ДАО. Вып. 7. Ростов н/Д: Донское археологическое общество, 2011. С. 315–332; *Масловский А.Н.* Археология Нового времени (XVII – начало XIX вв.) в Азове // Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника). Каталог коллекции. Азов: Изд-во АМЗ, 2016. С. 7–17; *Гусач И., Ибрагимзаде К., Дедюлькин А.* Пулелейки XVII–XVIII вв. из турецкой крепости Азак // ИАИАНД в 2013–2014 гг. Вып. 29. Азов: Изд-во АМЗ, 2016. С. 391–448; *Колесник А.В., Гусач И.Р.* Ружейные и кресальные кремни из крепости Лютик (XVII–XVIII вв.) на Нижнем Дону // Поволжская археология. №4 (26). Издательство «Фэн», 2018. С. 98–116.

[10] *Казакова Л.М.* Отчет о работах, проведенных Азовским историко-краеведческим музеем в ходе наблюдения за земляными работами в г. Азове в 1961 г. Азов, 1962 (Архив АМЗ КВФ-9797/2).

[11] *Чеснок В.Ф.* Альбом иллюстраций к отчету о раскопках в крепости Лютик летом 1970 г. Недвиговка, Ростовской обл., 1970 (Архив АМЗТ НВФ-180); *Чеснок В.Ф.* Крепость Лютик (XVII–XVIII вв.) // Известия РОМК. Вып. 5. Ростов н/Д: Ростов. кн. изд-во, 1988. С. 66–73; *Кузьмин В.Н.* Отчет о раскопках крепости Лютик в июле 1993 года. Недвиговка, Ростовской области, 1994 (Архив АМЗТ НВФ-304); *Кузьмин В.Н.* Отчет о раскопках крепости Лютик в июле 1994 года (рукописный вариант). Недвиговка, Ростовской области, 1996 (Архив АМЗТ НВФ-305).

Рис. 7. Керамические находки из турецких крепостей Азак и Сед-Ислам (XVII–XVIII вв.):
1 – крышка, 2 – тарелка, 3 – чаша, 4 – лампа, 5 – подсвечник, 6 – кувшин, 7 – водопроводная труба (ЮВ Крым);
8-9 – «урны», 10 – тазик на 3-х ножках, 13, 14, 17 – курительные трубки (неизвестные османские центры);
15, 16 – курительные трубки (Голландия, Италия); 11-12, 20-21 – фрагменты полуфаянсовых кувшинов
и тарелок «изникского круга», 18-19, 22-24 – кютахийские полуфаянсовые кофейные чашечки (Малая Азия);
25 – фарфоровая кофейная чашечка (Китай) (из фондов АМЗ и НМИДК).

Как показали исследования, керамические комплексы Азовской крепости (учетные номера коллекций: АМЗ КП-30204, 30219, 30451, 30635 и др.) и крепости Лютик (учетный номер коллекции: АМЗТ КП-10) османского времени почти идентичны. Массовым материалом в них является крымская «красноглиняная» керамика (около 80% находок), большую часть из которой составляет поливная керамика (около 70% находок). В XVII–XVIII вв. в Северо-Восточное Приазовье эта группа посуды (так называемая «крымская группа», по определению исследователя И.В. Волкова)[12] доставлялась преимущественно из керамических мастерских Юго-Восточного Крыма. Находки «красноглиняной» керамики Юго-Западного Крыма весьма малочисленны (и это, как правило, неполивная керамика). Поливная керамика Юго-Восточного Крыма (далее – ЮВК), прежде всего, представлена столовой посудой, изготовленной из плотной пластичной глины с редкими мелкими включениями извести и со значительной примесью крупнодробленого шамота. В формовочной массе хорошо видны вытянутые длинные узкие поры, образовавшиеся при ротации изделия. Полива – желтого, зеленого, салатного, коричневого и болотного цвета, весьма плохого качества.

Среди открытых форм столовой посуды, которая составляет 40% от общего числа сосудов ЮВК, встречаются: чашечки, чаши, глубокие и мелкие тарелки (рис. 7: 2, 3). Необходимо отметить, что в «турецкое» время появляется ряд морфологических признаков, которые отличают крымскую керамику этого периода от средневековой керамики (XIII–XIV вв.). В частности, речь идет о новой форме венчика, прежде всего характерной для сосудов открытой формы, так называемом «рельсовидном», или Т-образном венчике. Встречаются также тарелки с гофрированным венчиком. Кольцевидный поддон становится низким и широким, «сплющенным», часто с внутренним выступом-закраиной. Многие крымские сосуды открытой формы украшены врезным орнаментом в виде концентрических окружностей и волнообразных линий, нанесенных непосредственно на черепок под белым ангобом и полупрозрачной цветной поливой. Встречаются чаши с полосатым орнаментом и «мраморовидной» росписью («ebru» или «marble ware»), которая иногда присутствует и на кувшинах с крышками (рис. 7: 1). Сосуды с подобным декором, вероятно, производились крымскими гончарами как подражание модной в то время итальянской и османской посуде. На дне чаш ЮВК часто имеются следы сепаи и граффити.

[12] *Волков И.В.* Крепость Лютик – Сед-Ислам (предварительное сообщение и керамический комплекс) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: Сб. науч. трудов. Т. 1. Киев: ИД «Стилос», 2005. *С. 483–484.*

Закрытые формы крымских поливных сосудов представлены по меньшей мере тремя видами: водолеями, кувшинами (рис. 7: 6) и сосудами баночной формы, очень напоминающими средневековые туваки, но с двумя петлевидными ручками (или без них). Из-за сильной фрагментарности материала трудно судить о наличии других форм посуды. Сосуды закрытой формы украшались горизонтальным рифлением, врезными линиями, валиками, штампованным геометрическим орнаментом. Встречаются крышки от поливных сосудов. Среди поливной керамики имеются так же предметы освещения – подсвечники и масляные лампы (рис. 7: 4, 5).

Неполивные сосуды ЮВК в основном представлены закрытыми формами – кувшинами и водолеями, часто покрытыми красно-коричневым ангобом. Возможно, были и другие типы сосудов, но из-за сильной фрагментарности материала отслеживать их весьма проблематично. Кроме столовой посуды из Крыма в османские крепости Подонья в качестве строительного материала везли «красноглиняную» черепицу-татарку и плоские кирпичи. Отмечены находки водопроводных труб (рис. 7: 7). Керамика Юго-Западного Крыма представлена небольшим количеством фрагментов неполивных сосудов закрытой формы, некоторые из которых имеют роспись белым ангобом. Аналогии поливной и неполивной крымской керамики эпохи позднего Средневековья – Нового времени встречаются на османских памятниках преимущественно Северного Причерноморья, и, пожалуй, не в таких больших количествах, как на Нижнем Дону (где сказывается близость территорий и налаженность торговых связей)[13].

Из другого, неизвестного нам пока керамического центра или нескольких центров, расположенных, предположительно, в Восточном Причерноморье, в Северо-Восточное Приазовье поступали большие бурогличяные тарные сосуды со жгутообразным венчиком, сильно зауженным книзу туловом и двумя массивными горизонтальными ручками

[13] *Гусач И.Р.* Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак // ИАИАНД в 2004 г. Вып. 21. Азов: Изд-во АМЗ, 2006. С. 129–130, 134–137; *Гусач И.Р.* Керамические материалы Северо-Восточного Приазовья в позднем Средневековье: османский период // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том 3. Казань: Отечество, 2014. С. 596; *Гусач И.Р.* Поливная керамика Юго-Восточного Крыма из турецкой крепости Сед-Ислам (Лютик) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященных юбилею Елены Александровны Паршиной. Археологический альманах. № 33. Київ: Видавець Олег Філюк, 2015. С. 512–527; *Куликов А.В., Бейлин Д.В.* Отчет об археологических исследованиях в крепости Ени-Кале в 2009 г. Симферополь; Керчь, 2009. С. 30–31 // НА ИАК РАН. Папка 1785, №1421. Инв. Кн. 6.131; *Беляєва С.А.* Слов'янські та тюркські світи в Україні. З історії взаємин у XIII-XVIII ст. Київ: Університет «Україна», 2012. С. 225, 274, 276.

на плечах, которые, по определению И.В. Волкова, принято называть «урнами». Иногда они покрыты слоем ангоба серо-бордового цвета. Формовочная масса – бордово-коричневая, с большой примесью крупных зерен кварца и черного пироксена. Судя по составу и цвету глины, в тех же керамических мастерских изготавливали другие формы неполивных сосудов, в частности, кувшины, которые часто украшались врезным «гребенчатым» линейно-волнистым орнаментом. Прослеживается уже целая серия гончарных изделий этого «круга», условно называемых исследователями позднесредневековой керамики «группой урн с горизонтальными ручками» (рис. 7: 8, 9). Аналогии этим сосудам встречаются на османских археологических памятниках Причерноморья[14].

До сих пор не выявлен находившийся, по-видимому, на территории Анатолии центр производства поливной и неполивной керамики так называемой «группы тазов на ножках» (по И.В. Волкову), где изготавливались те самые неполивные тазики на трех ножках, а также поливные тазики без ножек, кувшины и другие виды сосудов закрытой формы, которыми пользовались османы, обосновавшиеся в крепостях Северо-Восточного Приазовья и Причерноморья. Отличительной особенностью этой группы керамики является запесоченная формовочная масса розово-бежевого цвета с мелкими включениями минерала красно-коричневого цвета[15] (рис. 7: 10). Еще один неизвестный пока османский центр изготавливал неполивные коричневоглиняные сосуды – горшки и кувшины – с так называемым «рельсовидным» венчиком, которые были выделены крымскими исследователями в отдельную «группу горшков с рельсовидным венчиком». Азовские ученые, независимо от крымских коллег, выявили на территории своих памятников подобные гончарные изделия и отнесли их к «группе кувшинов с рельсовидным венчиком» по наиболее часто встречающемуся в нижнедонских османских крепостях типу сосудов этой группы, запесоченная формовочная масса которых имеет включения мелких остроугольных блестящих зерен кварца[16].

С территории Великой Порты в Северо-Восточное Приазовье привозили и другую «красноглиняную» посуду, преимущественно поливную монохромную, производимую в многочисленных керамических центрах Малой Азии. По сравнению с крымской массовой поливной керамикой, процент малоазийской поливной посуды на памятниках Подонья очень мал. Преимущественно это поливные чаши и тарелки на кольцевом поддоне, иногда украшенные врезным орнаментом в виде концентрических окружностей и волнообразных линий либо с поангобной росписью зеленым или «мраморовидной» росписью под полупрозрачной салатной поливой. Встречаются редкие фрагменты поливных сосудов закрытой формы, отдельные из которых имеют подобную роспись. Формовочная масса всех этих изделий по своему составу мало чем отличается – запесоченная, иногда с мелкими включениями коричневого шамота или красных минеральных частиц. Цвет формовочной массы – от светло-бежевого до красно-коричневого. Морфологически сосуды похожи на крымские, но кольцевой поддон чаш и тарелок, как правило, низкий, относительно узкий, цилиндрической или усечено-конической формы. Полива обычно довольно низкого качества, полупрозрачная, желто-коричневого, зеленого или салатового цвета, нанесена чаще всего по белому ангобу. Такая посуда в тех или иных количествах присутствует во всех османских крепостях[17].

Помимо массовой глиняной кухонной и столовой посуды, во время археологических исследований Азакской крепости и крепости Сед-Ислам были обнаружены остатки (целых экземпляров нет) малоазийской полуфаянсовой расписной посуды, которой по причине ее дороговизны могли пользоваться в быту только высшие чины османских военных гарнизонов. Это продукция таких известных керамических центров, как Изник, Стамбул, Кютахья и др., получивших в XVI–XVIII вв. мировое

[14] *Волков И.В.* Крепость Лютик… С. 484–485; *Гусач И.Р.* Закрытые комплексы с «турецкими» курительными трубками из Азова // ИАИАНД в 2001 г. Азов: Изд-во АМЗ, 2002. С. 371; *Гусач И.Р.* Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак… С. 134–135; *Гусач И.Р.* Керамические материалы Северо-Восточного Приазовья… С. 596–597; *Беляева С.А.* Слов'янські та тюркські світи в Україні… С. 225, 277–278, 368.

[15] *Волков И.В.* Крепость Лютик… С. 485–486; *Гусач И.Р.* Закрытые комплексы… С. 371; *Гусач И.Р.* Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак… С. 134–135; *Гусач И.Р.* Керамические материалы Северо-Восточного Приазовья… С. 597; *Куликов А.В., Бейлин Д.В.* Отчет об археологических исследованиях в крепости Ени-Кале в 2009 г… С. 35–36; *Беляева С.А.* Слов'янські та тюркські світи в Україні… С. 230, 299; *Hayes J.W.* Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 390.

[16] *Алядинова Д.Ю.* Неглазурованная керамика позднесредневекового Судака: по материалам раскопок 2008–2010 гг. // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Археологический альманах № 28. Донецк: «Донбасс», 2012. С. 247–257; *Алядинова Д.Ю., Тесленко И.Б.* Некоторые древности османского периода из селения Алушта // Terra Alustiana MMXI. Сборник научных трудов по материалам 10-й науч. конф. «Terra Alustiana MMXI». Симферополь: Антиква, 2015. С. 157–199; *Гусач И.Р.* Керамические материалы Северо-Восточного Приазовья… С. 597.

[17] *Мамуладзе Ш., Кахидзе А., Кахидзе Е.* Гонио-Апсар. Gonio-Apsarus. Тбилиси, 2007. С. 59–60; *Беляева С.А.* Слов'янські та тюркські світи в Україні… С. 226, 282–289; *Fındık N.Ö.* Iznik Roma tiyatrosu kazı buluntuları (1980–1995) arsındaki Osmanlı seramikleri. Ankara: Kültür Bakanlığı, 2001. P. 126–133; *Fındık N.Ö.* Hasankeye seramikleri (2004–2006). Ankara: Çardaş Yayıncılık, 2008. P. 44; *Hayes J.W.* Excavations at Saraçhane… P. 273–277.

признание и широкое распространение. Среди изделий так называемого «изникского круга» – кувшины, вазы, чаши, тарелки, блюда, сформованные из так называемой «кварц-фритты» (мягкой силикатной формовочной массы) и украшенные разными стилями полихромной и монохромной подглазурной росписи, известными исследователям и антикварам под следующими названиями: «Дамаск», «Родос», «Золотой Рог», «Синее и белое» или «Авраам из Кютахьи» и др. (рис. 7: 11, 12, 20, 21)[18]. Причем, следует отметить, что для обитателей небольшой крепости Сед-Ислам «изникская» керамика, видимо, была малодоступной роскошью – в коллекции из раскопок этой крепости встречены только два фрагмента изникских расписных блюд, чего не скажешь о кютахийских полуфаянсовых расписных кофейных чашечках, которых там было найдено довольно большое количество, впрочем, как и в Азакской крепости (рис. 7: 18, 19, 22–24)[19].

Данный вид посуды проник в Северо-Восточное Приазовье в XVII в. по торговым путям благодаря османам вместе с их традицией пить кофе. Как правило, в небольших кофейнях, которые, по свидетельству турецкого путешественника Эвлия Челеби, имелись на территории крепости Азак[20], ее обитатели наслаждались в свободное время кофейным напитком, употребляя его из маленьких кофейных чашечек «финджан» (тур. *fincan*), среди которых наряду с распространенными турецкими полуфаянсовыми чашечками кютахийского производства иногда встречались фарфоровые расписные чашечки с блюдцами, изготовленные в Китае при императоре Канси (конец XVII – начало XVIII в.) (рис. 7: 25). Известно, что специально для османов китайцы изготавливали кофейные фарфоровые чашечки, которые пользовались большим спросом на рынке, но были, судя по всему, недешевым товаром[21].

Вместе с кофе на Донскую землю были завезены и турецкие курительные трубки «восточного» типа (трехчастные, состоящие из глиняной курительной чашечки, деревянного ствола-чубука и костяного или каменного мундштука) наряду с обычаем курить табак. Наиболее расходная (часто бьющаяся) часть курительного набора – глиняная чашечка-трубка являлась самым востребованным товаром, который регулярно с XVII в. стал поступать в Северо-Восточное Приазовье и Северо-Восточное Причерноморье с территории Османской империи. Центры производства курительных трубок были многочисленны, но они до сих пор мало известны и не изучены. Мы знаем, что трубки изготавливали в Стамбуле, Софии, Варне, Гангейме, Гермечеке, в мастерских Крыма и др.[22] Количество и разнообразие «фасонов» трубок огромно, некоторые из них – с надписями и клеймами (рис. 7: 13, 14, 17). К редким находкам в донских крепостях относятся венецианские (?) двухкамерные трубки с серебристым покрытием и белоглиняные голландские трубки с клеймами на «пяте» ножки[23] (рис. 7: 15, 16). Глиняные курительные трубки являются массовым

[18] *Lane A.* Later Islamic Pottery. Persia, Syria, Egypt, Turkey. London: Faber and Faber, 1957. P. 43–54; *Станчева М.* Турски фаянс от София // Известия на Археологическия Институт. Българска Академия на науките. Т. XXIII. София, 1960. С. 111–144; *Миллер Ю.* Художественная керамика Турции. Л.: Аврора, 1972. С. 23–156; *Hayes J.W.* Excavations at Saraçhane… P. 244–258; *Беляева С.А.* Слов'янські та тюркські світи в Україні… С. 228–230, 292–298; *Гусач И.Р.* Изникские полуфаянсы из турецкой крепости Азов // Археологические записки. Вып. 4. Ростов н/Д: Донское археологическое общество, 2005. С. 137–144; *Она же.* Расписные полуфаянсы из Изника в турецкой крепости Азов // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2. Москва; Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 345–349; *Она же.* Малоазийская поливная керамика XV–XVIII вв. из раскопок в турецкой крепости Азак // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. Казань; Кишинев:* Издательство «Stratum plus» Р. Р., Университет «Высшая антропологическая школа», *2017. С. 583–595; Gusach I.* Art ceramics from Iznik found in the Ottoman fortress Azak // XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. 19–24 october, 2015, Antalya. Vol. 2. Ankara: Koç Üniversitesi VEKAM, 2017. P. 31–35.

[19] *Гусач И.Р.* Турецкие полуфаянсы XVIII века из Азова // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: Сб. науч. трудов. Т. 1. Киев: ИД «Стилос», 2005. С. 476–479; *Она же.* Кютахийские кофейные чашечки из раскопок крепости Лютик (Сед-Ислам) // Вестник Танаиса. Вып. 3, Недвиговка Мясниковского района Ростовской области: АМЗТ, 2012. С. 116–143; *Она же.* Малоазийская поливная керамика XV–XVIII вв… *С. 595–598.*

[20] *Челеби Э.* Книга путешествия… С. 201.

[21] *Арапова Т.Б.* Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Ленинград: Аврора, 1977; *Hayes J.W.* Excavations at Saraçhane… P. 261–264; *Кузьменко Л.И.* Китайский фарфор XVII–XVIII вв. М.: Государственный музей Востока, 2009; *Гусач И.Р.* Китайский фарфор XVII–XVIII вв. из раскопок на территории турецкой крепости Азак // ИАИАНД в 2009 г. Вып. 25. Азов: Изд-во АМЗ, 2011. С. 391–454; *Беляева С.А.* Слов'янські та тюркські світи в Україні… С. 304–305, 376.

[22] *Пейсонель К.* Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 179–202; *Волков И.В.* Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М.: Спутник+, 1999. С. 226–252; *Он же.* Закрытый комплекс турецкого времени из Азова // ИАИАНД в 2004 г. Вып. 21. Азов: Изд-во АМЗ, 2006. С. 486–495; *Гусач И.Р.* Закрытые комплексы с «турецкими» курительными трубками из Азова… С. 368–389; *Она же.* Османские курительные трубки из раскопок в крепости Азак // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: Зб. наук. пр. Вип. 22. Ч. 1. Київ; Нікополь: ХІК, Часи козацькі, 2013. С. 379–383; *Она же.* Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак // Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника): каталог коллекции. Азов: Изд-во АМЗ, 2016. С. 18–359.

[23] *Duco D.H.* The Clay Tobacco Pipe in Seventeenth Century Netherlands // The Archaeology of the Clay Tobacco Pipe: V Europe 2. BAR IS 106 (ii). Oxford, 1981. P. 368–468; *Gosse Ph.* Les pipes de l'Empire Ottoman, 2005 // http//pagesperso-orange.fr/philippe.gosse/otto/ottoman.htm (дата обращения: 13.01.2014); *Гусач И.Р.* Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак… 2016. С. 23, 27–28.

Рис. 8. Керамические находки из русских крепостей Азов и Лютик (кон. XVII–XVIII вв.):
1–4 – фрагменты «белоглиняных» горшков и крышки с росписью красным ангобом; 7, 8 - «белоглиняные» игрушки; 9–10 – фрагменты сероглиняные «дымленые» и лощеные горшки; 12–14 – поливные и неполивные курительные трубки; 17 – «красноглиняные» расписные миски (Малороссия); 5–6 – фаянсовые помадные банки; 11, 15, 16 – фрагменты «красноглиняных» и сероглиняных горшков и кувшина (Российская империя) (из фондов АМЗ).

материалом, встречаемым на всех археологических памятниках османского времени[24].

В «русские» периоды существования крепостей Азов и Лютик на Нижнем Дону (1696–1711 гг. и после 1736 г.) прослеживается массовый приток в них вместе с новым военным и военизированным населением кухонной и столовой посуды «русского облика»: неполивных «красноглиняных» и сероглиняных горшков, мисок, кувшинов, крышек российского производства (рис. 8: 11, 15, 16), а также сероглиняной «дымленой», лощеной (рис. 8: 9, 10) и «белоглиняной» керамики (горшки, миски, кувшины, крынки, крышки), изготовленной в Малороссии, преимущественно на Полтавщине (территория современной Украины). Как правило, так называемая «белоглиняная» тонкостенная керамика с примесью песка и мелких кусочков коричневого шамота имеет роспись красным ангобом по черепку (рис. 8: 1–4) либо покрыта полупрозрачной поливой желтого и зеленоватого цвета (иногда в сочетании с росписью красным ангобом). Встречаются «белоглиняные» поливные и неполивные, часто украшенные росписью красным ангобом игрушки и свистульки в виде фигурок людей и животных (птичек, лошадок) (рис. 8: 7–8) и «красноглиняные» печные изразцы с рельефным орнаментом и с росписью цветными эмалями, датирующиеся XVII–XVIII вв. С XVIII в. керамический комплекс Азова пополнился фаянсовыми сосудами (тарелками, блюдами, чашечками, солонками и помадными банками) (рис. 8: 5–6). «Среди столовой посуды попадаются фаянсовые изделия ранней Гжели (в первую очередь, сосуды открытой формы – тарелки, чашки, блюда) с росписью синим кобальтом, а также «красноглиняные» расписные «украинские» миски (рис. 8: 17). Встречаются светлоглиняные трубки (казачьи «люльки») (рис. 8; 12–14)». К строительной керамике относятся кирпичи и черепица.

Интересен тот факт, что после изгнания османов из нижнедонских укреплений, русское население Азовской крепости, как свидетельствуют результаты археологических исследований, пользовалось в быту турецкими вещами. Так, к примеру, при раскопках жилищ земляночного типа XVIII в. на территории солдатского форштадта Азова, расположенного за пределами бывшей турецкой крепости, в некоторых из них были обнаружены: фрагменты поливных подсвечников и столовой посуды крымского производства, фрагменты кютахийских полуфаянсовых расписных кофейных чашечек, фрагменты османских тарных сосудов («урн» с горизонтальными ручками) и тазиков на трех ножках, серии «турецких» глиняных курительных трубок, среди которых есть трубки с клеймами[25]. Подобные предметы попадаются археологам не только в жилищах, но и в культурном слое солдатского форштадта, а также в окрестностях Азовской крепости. Особенно часто встречаются «турецкие» курительные трубки, что свидетельствует о широком распространении пагубной привычки курить табак у населения Северо-Восточного Приазовья в XVII–XVIII вв. Жители современного хутора Задонье, расположенного на правом берегу основного рукава Дона, рядом с Азовской крепостью, на месте разрушенной в начале XVIII в. Петровской крепостцы, до сих пор находят у себя в огородах курительные османские трубки, которые, по-видимому, курили строители и обитатели бывшей корабельной гавани, воздвигнутой по приказу Петра I. Археологические исследования этого памятника начала Нового времени еще не проводились.

Однозначные выводы относительно использования в быту предметов турецкой культуры русским контингентом крепости Лютик (бывшей крепости Сед-Ислам) делать весьма проблематично в связи с отсутствием на исследованном объекте, как уже говорилось выше, внятной стратиграфии. Разрушенные Каланчинские башни (Шахи и Султанийе) археологически пока не изучались. Среди находок, происходящих со сборов на местонахождении одной из них, присутствуют в основном фрагменты крымской поливной и неполивной столовой керамики и черепицы-татарки, а также

[24] *Станчева М.* Колекцйята от лули във Варненския музей // Известия на народная музей. Кн. VIII (XXIII). Варна, 1972. С. 81–94; *Станчева М., Николова Т.* Нови проучвания върху глинените лули от Сердика // Археологически материали и проучвания. София, 1989. С. 133–141; *Чекановский А.А.* Керамичекие курительные трубки XVII–XVIII вв. Среднего Поднепровья и Крыма // Україна і Туреччина. Тези доповідей міжнародної наукової конференції з нагоди 80-річчя заснування Турецької Республіки. Київ, 2003. С. 86–88; *Тодоров В.* Керамични лули от обект «Sexaginta Prista» края на XVIII – началото на XX в. // Известия регионален исторически музей Русе. Кн. XI. Русе, 2007. С. 188–219; *Беляева С.*А. Слов'янські та тюркські світи в Україні… С. 232–234, 306–315, 377–381; *Robinson R.* Clay tobacco pipes from the Kerameikos // Mittelungen des Deutschen Archaologischen Instituts Athenische Abteilung. Bd. 98. Berlin, 1983. P. 265–285; *Robinson R.* Tobacco pipes of Corinth and of the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 54, No. 2, april-june 1985. P. 1–203.

[25] *Гудименко И.В.* Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по ул. Ленинградской № 29 в 1994 г. Азов, 1996. С. 29–31 // Архив АМЗ КВФ-12062/1,2; *Кравченко С.А.* Археологические разведки в г. Азове Ростовской области в 2009 году // ИАИАНД в 2009 г. Вып. 25. Азов: Изд-во АМЗ, 2011. С. 154–155; *Широченко Э.Б., Масловский А.Н.* Археологические исследования в Азове и разведки в Азовском районе в 2009 г. // ИАИАНД в 2009 г. Вып. 25. Азов: Изд-во АМЗ, 2011. С. 167, 170–171, 183; *Масловский А.Н.* Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по улицам Мира 30, Толстого 67, Петровской площади 12, Макаровского 23Г, Октябрьской 32, Красноармейской 88Б в 2008 году. Т. 1. Азов, 2010. С. 148–150 // Архив АМЗ КВФ-14440/1; *Широченко Э.Б.* Отчет о спасательных археологических раскопках памятника и могильника Азака в г. Азове Ростовской области в 2009 году. Т. 2. Азов, 2013. С. 13–14 и др. // Архив АМЗ КВФ-14416/2.

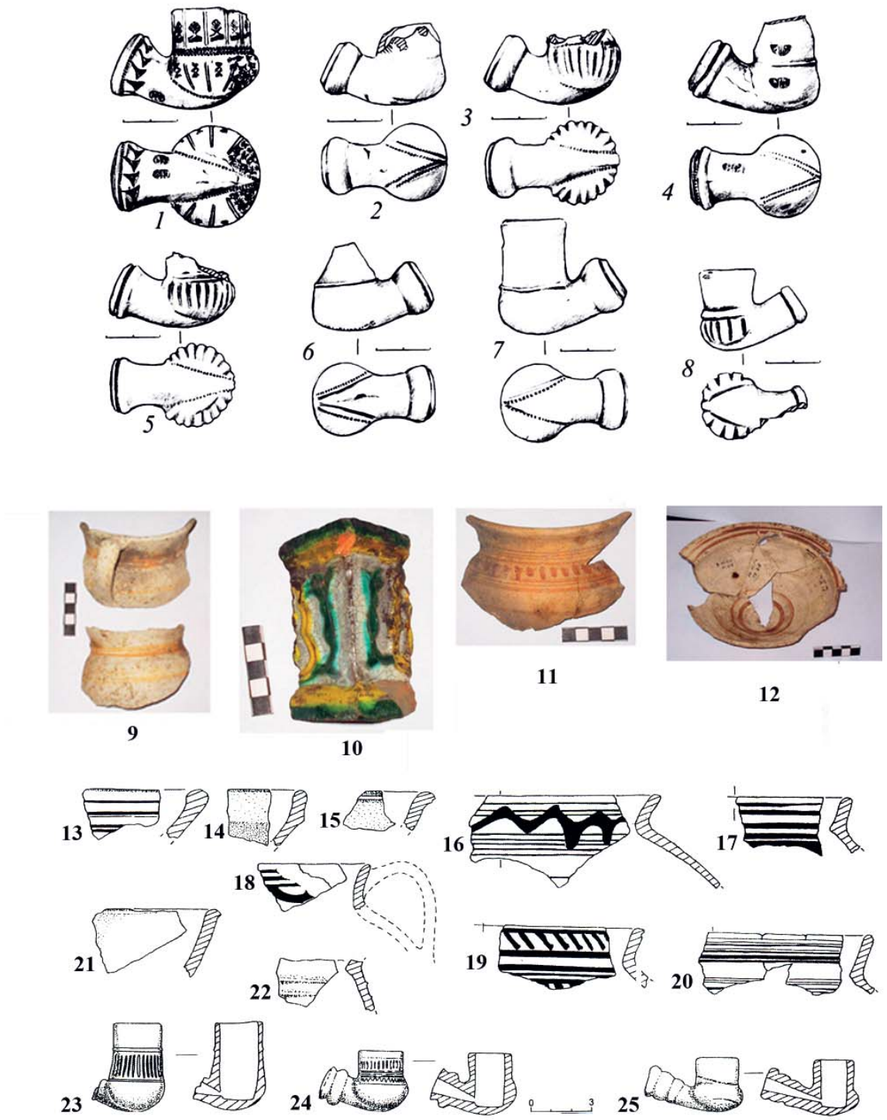

Рис. 9. Керамические находки из русских крепостей – Семеновской (конец XVII – начало XVIII вв.) и Св. Дмитрия Ростовского (конец XVIII – начало XIX вв.): 1-8 – глиняные курительные трубки, 9, 11, 12 – фрагменты «белоглиняных» горшков и миски с росписью красным ангобом, 10 – «красноглиняный» расписной печной изразец (крепость Св. Дмитрия Ростовского, Ларенок В.А., Ларенок П.А. Указ. соч., 2011. Табл.V, VI, IX); 13-15, 20-22 – фрагменты сероглиняных и «красноглиняных» горшков и мисок, 16-19 – фрагменты «белоглиняных» горшков и кувшина, 23-25 – «турецкие» курительные трубки (Семеновская крепость, Ларенок П.А. Указ. соч., 1993. С. 35-46; Рогудеев В.В. Указ. соч., 2007. С. 66. Рис. 1).

фрагменты османских тазиков на трех ножках и «урн» с горизонтальными ручками, которые связаны прежде всего с османским присутствием в данных военных укреплениях[26].

Керамические комплексы русских крепостей Северо-Восточного Приазовья (краткий обзор)

Активная русская колонизация земель Северо-Восточного Приазовья, развернувшаяся в конце XVII – начале XVIII вв., повлекла за собой строительство на этой территории ряда новых фортификационных сооружений. Первые из них были воздвигнуты сразу же после азовских походов Петра I, последующие – уже в послепетровское время (XVIII в.). Рост научного интереса к таким памятникам пришелся на конец XX в., когда многие из них подверглись обследованию, а на Семеновской крепости (шанце) в устье р. Миус на Беглицкой косе Азовского моря удалось даже провести археологические изыскания. Часть укреплений этой крепости сохранилась до наших дней, но постепенно разрушается и гибнет в результате наступления береговой эрозии. В ходе раскопок 1992 г. на территории памятника, осуществленных сотрудниками Таганрогской археологической экспедиции, удалось не только выяснить внутреннее устройство данного укрепления, но и реконструировать особенности быта и хозяйственной деятельности его военного гарнизона. Находки, обнаруженные здесь и, в частности, в помещении 1 полуземляночного типа и вокруг него (раскоп III), являются типичными для всех поселенческих памятников Петровской эпохи в Северо-Восточном Приазовье. Однако керамический материал крепости можно считать «эталонным» по причине того, что данный памятник имеет узкую датировку: конец XVII – начало XVIII в. (дата постройки крепости – 1698 г., время вывода из нее военного гарнизона и разрушения внутрикрепостных сооружений по условиям Прутского мирного договора – 1711 г.)[27].

Самой многочисленной из находок в исследованном жилище является группа упоминавшихся выше «белоглиняных» гончарных сосудов с росписью красным ангобом (горшки с низкой прямой шейкой, иногда с петлевидной ручкой и рантом у дна, а также полусферические миски с загнутым внутрь или отогнутым наружу венчиком), которые поступали с XVII в. на Нижний Дон из Малороссии (рис. 9: 16–19). В меньшем количестве представлены группы сероглиняной «дымленой», лощеной и поливной гончарной кухонной керамики (горшки), привезенной оттуда же, и толстостенных сероглиняных горшков российского производства (рис. 9: 13–15, 20–22). В особую группу стоит выделить обнаруженные в жилище «турецкие» глиняные курительные трубки (рис. 9: 23–25), которыми пользовались поселенцы Семеновской крепости. Среди костяных изделий встречена заготовка для мундштука трубки[28]. Возможно, новые данные о жизни крепостного гарнизона, в обиходе которого, как мы видим, использовались османские вещи, принесут будущие исследования, так как полномасштабные раскопки этого памятника еще только предстоят.

Археологические исследования хорошо сохранившейся до наших дней Павловской крепости (шанца), расположенной у Юго-Восточного берега Миусского лимана на территории хутора Гаевка Ростовской области и представляющей собой уникальный памятник фортификационного искусства начала XVIII в., до сих пор не проводились. Впрочем, как и шанца Черепаха Троицкой оборонительной линии, погребенного под шлаковым отвалом Таганрогского металлургического завода. Троицкая крепость (Троицк-на-Таганьем-Роге) занимает сейчас исторический центр современного г. Таганрога, в связи с чем археологические изыскания в ней затруднены. В 2008 г. В.В. Верещагиным на территории крепости были произведены шурфовки (по ул. Петровской, 12), которые позволили выяснить лишь некоторые особенности конструкции сохранившейся части вала восточного бастиона, восстановленного, как известно, во второй половине XVIII в.[29]

Ждет своего исследователя около станицы Старочеркасской Ростовской области еще один уцелевший от разрушения памятник военно-оборонительного зодчества XVIII в. – земляная крепость Святой Анны, или Анненская крепость (1730–1760 гг.) (рис. 3). Археологические разведки и сборы на ее территории принесли интересные результаты. Из наиболее выразительных находок – два медных образка и бронзовые формочки для литья

[26] *Гусач И.Р.* К вопросу о датировке… С. 504–515.

[27] *Ларенок П.А.* Исследования на территории Семеновской крепости // Прохорова Т.А. Отчет о спасательных работах на археологических памятниках Беглицкой косы (16–17 участки Неклиновского района Ростовской области) в 1992 г. Ростов н/Д, 1993. С. 35–62 (Архив Археологической лаборатории ЮФУ. Ф. 4. Д. 617); *Ларенок П.А.* Охранные раскопки Семеновской крепости // ИАИАНД в 1992 г. Вып. 12. Азов, 1994. С. 75–77; *Рогудеев В.В.* Комплексы и отдельные находки XVIII–XIX вв. // Археологические записки ДАО. Вып. 5. Ростов н/Д: Донское археологическое общество, 2007. С. 65–67; *Аваков П.А., Гусач И.Р., Дедюлькин А.В.* На границе империй… С. 395–397.

[28] *Ларенок П.А.* Исследования на территории Семеновской крепости… С. 42–45.

[29] *Верещагин В.В.* Отчет об археологическом обследовании земельного участка по адресу ул. Петровская, 12 в г. Таганроге Ростовской области в 2008 году. Ростов н/Д, 2008 (личный архив В.В. Верещагина).

свинцовых пуль (пулелейки)[30]. Керамический комплекс крепости пока не изучен по причине отсутствия достаточной серии материалов. Остатки рва Скопинской крепости (или Скопинского редута) первой трети XVIII в. были обнаружены археологами на левом берегу р. Койсуг в Азовском районе Ростовской области в 1998 г. Среди археологических находок с этого объекта наряду с обломками «украинских» расписных «красноглиняных» и «белоглиняных» поливных мисок и русской фаянсовой расписной чашечки (Гжель?) встречен фрагмент кютахийской полуфаянсовой кофейной чашечки с полихромной росписью (учетный номер: АМЗ КП-30230/1)[31].

С конца XX в. исследуется крепость Св. Димитрия Ростовского (1761–1835 гг.), расположенная на территории г. Ростова-на-Дону. В 1998 и 2002 гг. изучалось крепостное кладбище, датируемое концом XVIII в. В 2003, 2006–2008 гг. велись раскопки на месте первой крепостной Покровской церкви и на участке вала и рва редута Андрея Первозванного, в ходе которых были выявлены находки середины XIX – начала XX вв.[32] Для нас наибольший интерес представляют археологические исследования 2005–2006 гг. на месте строительной площадки Конгресс-центра, где был обнаружен котлован солдатской казармы-землянки, относящейся к концу XVIII – первой половине XIX в. Керамический комплекс из котлованной засыпи, состоящей из бытового мусора, весьма представителен и заслуживает особого внимания исследователей. Основную массу в нем составляет кухонная и столовая «белоглиняная» тонкостенная посуда (горшки, кувшины, крынки, миски, тарелки) из Малороссии и, как считают авторы раскопок, с юга России, часто украшенная росписью красным ангобом (состав теста подобен тому, что уже описан выше) (рис. 9: 9, 11, 12). Самым распространенным видом такой посуды являются горшки, как правило, имеющие одну или две плоских петлевидных ручки (диаметр венчика – от 11,0 до 18,5 см, диаметр дна – от 7,0 до 13,0 см). Среди них встречаются поливные горшки (с двухсторонней поливой зеленого и зеленовато-желтого цвета) наряду с поливными столовыми сосудами (кувшинами, мисками, тарелками) полтавского производства. Выделяются группы так называемых «украинских» «красноглиняных» расписных мисок с «подрезанным» дном и «белоглиняных» светильников. Меньше обломков сероглиняной керамики, привезенной, очевидно, тоже из Малороссии, и русских «красноглиняных» неполивных сосудов (горшков и мисок). Имеются фрагменты русских фаянсовых изделий – помадных банок (некоторые с клеймами) и тарелок, а также «красноглиняных» поливных и неполивных изразцов (рис. 9: 10)[33].

Из котлована солдатской казармы-землянки происходит большая коллекция глиняных курительных трубок и их фрагментов (70 штук), впервые в таком количестве обнаруженных на территории крепости Св. Дмитрия Ростовского. Среди трубок имеются как подлинно османские экземпляры (некоторые с клеймами), так и российские реплики турецких «красноглиняных» трубок, а также простенькие самодельные глиняные трубки, видимо, изготавливаемые какими-то кустарями специально для солдат (рис. 9: 1–8)[34]. Данная находка ярко свидетельствует о том, что привнесенная османами в XVII в. на донскую землю традиция курить трубку основательно укоренилась здесь и постепенно вошла в повседневную жизнь как местного населения (донских казаков), так и военного контингента русских крепостей Северо-Восточного Приазовья. Наличие в распоряжении солдат гарнизона крепости Св. Дмитрия Ростовского целой серии турецких трубок говорит о том, что каким-то образом в XVIII в. была налажена поставка сюда этих востребованных керамических изделий с территории Османской империи, и это лишний раз подтверждает существование торгово-экономических связей и культурного обмена на русско-турецкой границе в XVII–XVIII вв.

Керамические комплексы нижнедонских казачьих городков (краткий обзор)

Археологическое изучение бывших казачьих городков, располагавшихся в XVII–XVIII вв. на Нижнем Дону в непосредственной близости от османских военных укреплений и русско-турецкой границы, частично предпринимались еще в 50-е гг. XX в. З.А. Витковым. Задавшись целью проверить возможные варианты локализации менявших свое местоположение поселений донских казаков и целью уточнить хронологические рамки их существования, он провел раскопки на Кагальницком, Нижне-Кундрюченском, Раздорском, Багаевском и других казачьих городках, а также исследовал Даниловский бастион Черкасского городка[35]. Как показали результаты его исследований, основную массу керамического материала на этих памятниках составляет «белоглиняная» гончарная посуда с росписью красным ангобом и без росписи малороссийского производства. Так, к примеру, из 7 000 керамических фрагментов, собранных во время раскопок на Кагальницком городке, 60% относятся именно к этой группе посуды. Наиболее распространенная форма сосудов – горшок с двумя плоскими петлевидными ручками. Из столовой посуды встречаются кувшины и миски (рис. 10: 9).

Следующая по численности найденных фрагментов – группа сероглиняной керамики с запесоченным тестом. Внешняя поверхность этих сосудов (конусовидных мисок и кувшинов) украшена волнистым, линейным или штампованным (в виде розеток) орнаментом. Такая керамика также изготавливалась малороссийскими мастерами. Группа «красноглиняной» гончарной толстостенной керамики представлена горшками, мисками, кувшинами и крышками от сосудов. Горшки имеют на плечиках линейный и штрихованный орнамент. Кувшины – с двумя ручками и без них, с невысокой шейкой, как правило, без орнамента. Миски иногда тоже с ручкой. Среди «красноглиняных» сосудов встречаются поливные (5–7%). Цвет поливы – зеленый, желтый, коричневый. Наиболее распространенные из них – миски и блюда, зачастую украшенные полихромной росписью. Центры производства «красноглиняной» керамики, судя по всему, были расположены на территории России и Малороссии (современной Украины). Помимо посуды встречаются светлоглиняные игрушки-свистульки (в виде птиц и рыбок) и «красноглиняные» печные изразцы с рельефным декором[36].

Керамический комплекс Нижне-Кундрюченского казачьего городка, по мнению З.А. Виткова, совершенно аналогичен комплексу Кагальницкого городка (впрочем, как и Багаевского городка), вплоть до совпадения рисунка на изразцах, которые, как он считает, оттискивались в одних и тех же формах[37]. На наш взгляд, это явление вполне закономерное, так как керамические изделия и посуда привозились казаками в свои поселения, в общем-то, с одних и тех же рынков и закупались, приблизительно, у одних и тех же поставщиков. Гораздо более интересным является тот факт (о котором «умолчал» исследователь, видимо, по незнанию на тот момент времени этого вида материала), что среди так называемой «украинской» и русской керамики в казачьих городках встречается и османская керамика. В процентном отношении доля таких находок, конечно, не велика, но они присутствуют в изученном археологами керамическом комплексе, и поэтому свидетельствуют о том, что донские казаки пользовались в быту этой посудой. В фондах Новочеркасского музея истории донского казачества (г. Новочеркасск Ростовской области) хранится коллекция предметов из раскопок Нижне-Кундрюченского городка З.А. Витковым в 1951 г. (учетный номер коллекции: НМИДК КП-9782), в которой имеются фрагменты кютахийских полуфаянсовых расписных чашечек[38], «урн» с горизонтальными ручками, «турецких» глиняных курительных трубок и др. (рис. 10: 1–8)[39]. Коллекция находок из раскопок Кагальницкого городка не подлежала еще изучению на предмет наличия в ней «турецкого» материала, но, судя по всему, он там тоже присутствует.

В последние годы активизировались археологические исследования на территории бывшей столицы донского казачества – Черкасского городка (станица Старочеркасская Ростовской области), который с 2010 г. получил статус объекта археологического наследия и состоит на государственной охране. Первые раскопки в городке в 1950-е гг. проводились З.А. Витковым, позже, в 1970-е гг. – М.А. Бухтеевой,

---

[30] *Дедюлькин А.В.* Два образца из крепости Св. Анны // Археологические записки ДАО. Вып. 5. Ростов н/Д: Донское археологическое общество, 2007. С. 188–190; *Гусач И., Ибрагимзаде К., Дедюлькин А.* Пулелейки XVII–XVIII вв… С. 445.

[31] *Максименко В.Е.* Отчет об археологических раскопках Койсугского к/м у пос. Овощной Азовского района ростовской области в 1998 г. Ростов н/Д, 1999. С. 16–19 (Архив АМЗ КВФ-13871).

[32] *Рогудеев В.В.* Комплексы и отдельные находки XVIII–XIX веков… С. 73, 76; *Ларенок В.А., Ларенок П.А.* Работы археологической экспедиции РРО ВООПИиК в 2003 г. // ИАИАНД в 2003 г. Вып. 20. Азов: Изд-во АМЗ, 2004. С. 120; *Казакова Л.М., Морозова Н.С.* Аварийно-спасательные раскопки работы на крепости Святого Дмитрия Ростовского в городе Ростове-на-Дону // ИАИАНД в 2003 г. Вып. 20. Азов: Изд-во АМЗ, 2004. С. 164–165; *Щербакова Н.С.* Работы на территории крепости Св. Дмитрия Ростовского в г. Ростове-на-Дону // ИАИАНД в 2006 г. Вып. 23. Азов: Изд-во АМЗ, 2008. С. 227–230; *Жеребилов С.Е.* Раскопки вала крепости Св. Дмитрия Ростовского у библиотеки РГУ // ИАИАНД в 2006 г. Вып. 23. Азов: Изд-во АМЗ, 2008. С. 230–231; *Щербакова Н.С.* Работы на участке фортификационной системы крепости Св. Дмитрия Ростовского в городе Ростове-на-Дону // ИАИАНД в 2007–2008 гг. Вып. 24. Азов: Изд-во АМЗ, 2010. С. 314–318.

[33] *Ларенок В.А., Ларенок П.А.* Предметы быта конца XVIII – начала XIX вв… С. 316–320, 326–328.

[34] *Ларенок В.А., Ларенок П.А.* Предметы быта конца XVIII – начала XIX вв… С. 320–326.

[35] *Витков З.А.* Археологическая разведка Нижне-Кундрюченского казачьего городка. Археологическая экспедиция Новочеркасского областного музея истории Донского казачества и Ростовского государственного университета им. В.М. Молотова. Ростов н/Д, 1952 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №№ 547–548. 67 с.; *Он же.* Кагальницкий казачий городок // Из истории Дона (XVII–XX вв.). Сборник статей. Вып. 1. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1956. С. 27–50; *Он же.* Археологическая разведка Нижне-Кундрюченского казачьего городка // Ученые записки Мурманского государственного педагогического института. Т. 1. Мурманск: Мурманский государственный педагогический институт, 1957. С. 1–21; *Он же.* К вопросу о местоположении донских казачьих городков и их культуре // Ученые записки Мурманского государственного педагогического института. Т. 2. Мурманск, 1958. С. 151–178; *Он же.* Археологические раскопки на территории Даниловского бастиона в Старочеркасске // Историко-филологический сборник. Отдельный оттиск. Мурманск: б. и., 1959. С. 7–31.

[36] *Витков З.А.* Кагальницкий казачий городок // Из истории Дона (XVII–XX вв.). Сб. статей. Вып. 1. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1956. С. 39–41.

[37] *Витков З.А.* Кагальницкий казачий городок… С.43; *Он же.* К вопросу о местоположении … С. 168.

[38] Происхождение фрагментов кютахийских кофейных чашечек в коллекции Нижне-Кундрюченского казачьего городка до конца не выяснено (они не имеют полевых шифров).

[39] Автор благодарит сотрудника Новочеркасского музея истории донского казачества, с.н.с. А.В. Дедюлькина за предоставленную информацию и помощь, оказанную при работе над данной публикацией.

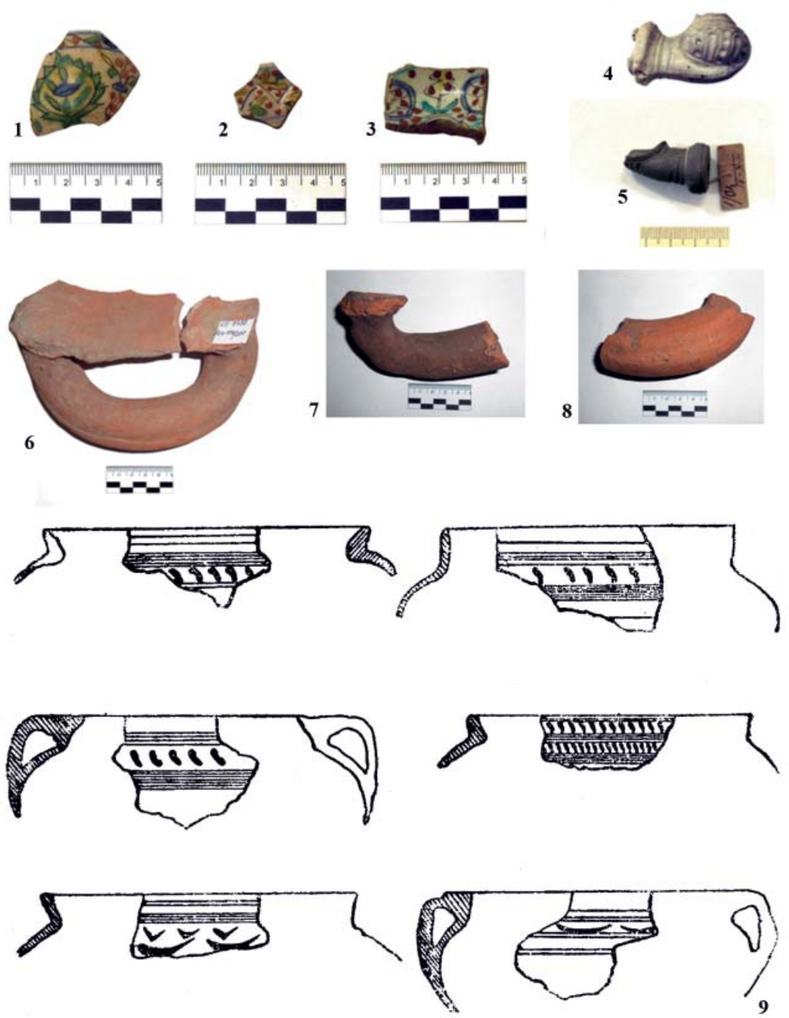

Рис. 10. Керамические находки из Нижне-Кундрюченского и Кагальницкого казачьих городков: 1-3 – фрагменты кютахийских полуфаянсовых кофейных чашечек, 4-5 – курительные трубки, 6-8 – фрагменты «урн» с горизонтальными ручками (Нижне-Кундрюченский городок, из фондов НМИДК); 9 – фрагменты «белоглиняных» горшков с росписью красным ангобом (Кагальницкий городок, Витков З.А. Указ. соч., 1956. С. 39. Рис. V).

в 2005 г. – В.В. Рогудеевым. С 2010–2011 гг. археологические исследования на территории памятника организуются регулярно[40]. Особенно информативными для нас оказались раскопки 2014 г. под руководством В.В. Трубникова, которые проходили на окраине Черкасского городка, на границе с бывшей Татарской станицей (слободой), входившей в числе одиннадцати других станиц в состав Черкасского городка. Станицу, возникшую, предположительно, в 70-е гг. XVII в., населяли татары-казаки, исповедовавшие ислам. На ее территории имелась мечеть, которая сгорела во время пожара 1710 г., но по приказу Петра I была отстроена вновь. К 1778 г. в Татарской станице числилось 99 дворов. Здесь же находились торговые лавки, кабаки и кофейни[41].

Не удивительно, что среди находок археологов, представляющих собой преимущественно мусорный слой с территории станицы, фигурирует керамика так называемого «османского круга»: кютахийские полуфаянсовые (рис. 11: 15–17) и китайские фарфоровые кофейные чашечки (рис. 11: 13–14), буроглиняные тарные сосуды в виде «урн» с горизонтальными ручками (рис. 11: 19), бежевоглиняные тазики на 3-х ножках (рис. 11: 18), крымская и анатолийская поливная и неполивная посуда (кувшины, водолеи, чаши, тарелки и др.), турецкие глиняные курительные трубки (рис. 11: 21) и осветительные приборы (лампы, подсвечники)[42]. Обломки османской посуды фиксируются и при археологических исследованиях других территорий городка, не связанных напрямую с проживанием там татар-мусульман[43].

Все эти предметы свидетельствуют о существовании в XVII–XVIII вв. торгово-экономических связей между жителями Черкасского городка и населением Османской империи, хотя часть вещей всё же, видимо, появлялась у казаков после их военных «походов» на земли османов за «зипунами» и «ясырем». Тем не менее, как мы видим, доля турецких изделий в быту черкасских казаков была довольно ощутимой. Но основную часть керамического комплекса Черкасского городка рассматриваемого нами исторического периода, конечно, составляет продукция русских и малороссийских мастерских, с некоторым преобладанием последних. Как и на других исследованных археологами нижнедонских казачьих городках, здесь присутствуют фрагменты «белоглиняной» тонкостенной посуды (горшков, кувшинов, кружек, мисок, тарелок) с росписью красным ангобом, без росписи и с поливой на одной или обеих поверхностях (рис. 11: 1–5), сероглиняной лощеной и не лощеной (кувшины, горшки, солонки, крышки сосудов) (рис. 11: 9), «красноглиняной» неполивной и поливной (горшки, кувшины, миски) (рис. 11: 7–8), зачастую с полихромной росписью (так называемые «украинские» миски) (рис. 11: 12). Стоит отметить наличие «красноглиняных» поливных сосудов-сковородок с длинными конусовидными ручками (рис. 11: 10–11), фаянсовых помадных банок и расписных тарелок (Гжель и другие центры), а также светлоглиняных игрушек-свистулек (с росписью красным ангобом или поливных) (рис. 11: 6) и «украинских» светлоглиняных поливных и неполивных курительных трубок («люлек») (рис. 11: 20)[44]. В довольно большом количестве встречаются на территории памятника разнообразные изразцы – «терракотовые» рельефно-декорированные и поливные с росписью цветными эмалями, наличие которых свидетельствует о довольно зажиточном положении обитателей Черкасского городка, имевших у себя в домах изразцовые печи[45].

Таким образом, подводя итоги всему вышесказанному, необходимо отметить следующее: несмотря на то, что территория Северо-Восточного Приазовья во второй половине XVII–XVIII вв. являлась пограничной между двумя крупными державами – Османской и Российской империями, которые рассматривали ее в качестве удобного плацдарма для дальнейших колониальных завоеваний, в результате чего эти «фронтирные» земли постоянно являлись

[40] *Витков З.А.* Археологические раскопки на территории Даниловского бастиона… С. 9–10; *Морев Е.И., Янович Я.Д.* Архитектурно-археологические исследования в Старочеркасском музее-заповеднике // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 118–119; *Бухтеева М.А.* Отчет об археологических раскопках на территории Ефремовского подворья в 1974 г. М., 1974 (Архив Министерства культуры РСФСР. Трест «Росреставрация». Шифр 23, арх. № 1204); *Рогудеев В.В.* Отчет о проведении археологических исследований в ст. Старочеркасской Ростовской области по ул. Донская, 9 и ул. Советская, 19 в границах территории объекта археологического наследия «Черкасский городок XVI–XIX вв.» в 2011 г. Ростов н/Д (в работе); *Трубников В.В.* Отчет о раскопках Черкасского городка XVI–XIX в. в Аксайском районе Ростовской области. Т. 1–7. Ростов н/Д, 2017 // Архив АМЗ КВФ-14401/1-7; *Трубников В.В.* Археологические раскопки Черкасского городка XVI–XIX вв. в Аксайском районе в 2014 г. // ИАИАНД в 2015–2016 гг. Вып. 30. Азов: Изд-во АМЗ, 2018. С. 193–206; *Толочко И.В., Дмитриенко М.В.* Некоторые итоги полевых исследований памятника археологии «Черкасский городок XVI-XIX вв.» (ст-ца Старочеркасская) в 2017 г. // Война и воинские традиции в культурах народов юга России (VII Токаревские чтения): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во Альтаир, 2018. С. 319–332.

[41] *Ригельман А.И.* История или повествование о донских казаках. Ростов н/Д: Кн. Изд-во, 1992. С. 172.

[42] *Трубников В.В.* Отчет о раскопках Черкасского городка… Т. I. С. 1–277, Т. VI–VII (иллюстративная часть). Рис. 234, 241, 365а, 419, 420, 545, 546.

[43] Автор выражает искреннюю признательность сотруднику ГАУК РО «Донское наследие» (г. Ростов-на-Дону) В.В. Рогудееву за знакомство с еще не опубликованными материалами его раскопок в Черкасском городке.

[44] *Трубников В.В.* Отчет о раскопках Черкасского городка… Т. 6–7 (иллюстративная часть). Рис. 223, 225, 235, 361, 376–377, 386, 393, 664.

[45] *Трубников В.В.* Отчет о раскопках Черкасского городка… Т. 6–7 (иллюстративная часть). Рис. 242–248, 394–417, 534–544, 587–594.

Рис. 11. Керамические находки из Черкасского казачьего городка (конец XVII–XVIII вв.):
1, 4, 7, 12, – фрагменты мисок, макитры, 2, 8 – фрагменты горшков, 3, 5, 9 – фрагменты кувшинов,
6 – свистулька, 10, 11 – глиняная сковородка с ручкой, 20 – курительная трубка (Малороссия, Россия);
13-14 – фрагменты фарфоровых чашечек (Китай); 15-17 – фрагменты полуфаянсовых кофейных чашечек,
18 – фрагмент тазика, 19 – ручка «урны»; 21 – курительная трубка (Османская империя, Кютахья,
неизвестные центры) (Трубников В.В. Отчет об археологических раскопках… Т. VI–VII. Ростов-на-Дону, 2017).

конфликтной и проблемной зоной, проживавшие здесь в течение всего этого времени, что называется «бок о бок» османы и донские казаки находились, тем не менее, в процессе постоянного контакта, взаимодействия и торгово-культурного обмена. Различия в вероисповедании не стали преградой для постепенного проникновения в их жизнь традиций друг друга. Так, к примеру, восточный обычай пить кофе и курить табак с помощью трубки настолько прочно укоренился в среде казачества, что в результате стал неотъемлемой частью русской культуры на Нижнем Дону. Этот обычай, как свидетельствуют археологические находки, нашел поддержку в среде военного контингента русских крепостей Северо-Восточного Приазовья, а затем, во второй половине XVIII – начале XIX в., получил свое дальнейшее развитие в России и Европе в вошедшем в моду так называемом стиле «тюркери» (франц. «*turquerie*»)[46].

Как известно, в екатерининскую эпоху Просвещения, ориентализма и необычайной любви ко всему «турецкому» (середина – вторая половина XVIII в.), османские курительные трубки и кофейные сервизы получили большую популярность и широкое распространение среди «восточной» утвари столичных салонов и кабинетов Москвы и Санкт-Петербурга. И, если первые турецкие курительные трубки (конца XVII – начала XVIII вв.) попадали в Россию с территории Османской империи в основном через Крым, Тамань и Северо-Восточное Приазовье, то со второй половины XVIII в. (и особенно в XIX в.) их уже привозили с собой побывавшие в Турции российские путешественники. В дань моде «тюркери» в конце XVIII – первой половине XIX вв. керамические заводы и мастерские Москвы и Подмосковья стали делать реплики (имитации) самых популярных фасонов глиняных турецких трубок (например, стамбульский фасон «тахта-чубук»), а также изготавливать расписные глиняные и фарфоровые трубки в виде женских и мужских головок в турецких головных уборах и небольшие статуэтки, изображающие курящих людей[47].

[46] *Соснина О.* Воображаемая Турция – слова и образы. XVIII – первая половина XIX века // Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е гг. М.: Кучково поле, 2017. С. 40–43.

[47] *Соснина О.* Воображаемая Турция… С. 156, 166–168, 222.

Список литературы

Аваков П.А. Геополитическое положение Подонья-Приазовья в XV–XVI вв. в свете противостояния России и Турции // Известия высших учебных заведений: Северо-Кавказский регион. Сер. Обществ. науки. 2011. № 1. С. 33–37.

Аваков П.А. Город Петровский на Нижнем Дону (1697–1711) // Рубикон: сб. науч. работ молодых ученых. Ростов н/Д: ЮФУ, 2010. Вып. 56. С. 83.

Аваков П.А. Город Троицкий на Таган-роге: Каким был облик первой военно-морской базы России? // Родина. 2015. № 8. С. 98–101.

Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII вв.: завоевание, колонизация, управление: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д, 2011. 380 с.

Аваков П.А. Строительство военных укреплений на южных рубежах России в 1702–1711 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 62–63.

Аваков П.А., Гусач И.Р., Дедюлькин А.В. На границе империй: османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по данным археологии // От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: матлы науч. конф. Москва; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 379–397.

Алядинова Д.Ю. Неглазурованная керамика позднесредневекового Судака: по материалам раскопок 2008–2010 гг. // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Археологический альманах. № 28. Донецк: «Донбасс», 2012. С. 247–257.

Алядинова Д.Ю., Тесленко И.Б. Некоторые древности османского периода из селения Алушта // Terra Alustiana MMXI. Сб. науч. тр. по мат-лам 10-й науч. конф. «Terra Alustiana MMXI», посвященной 110-летию присвоения Алуште статуса города и 1460-й годовщине основания императором Юстинианом крепости Алустон (Алушта, 7–9 октября, 2011 г.). Симферополь: Антиква, 2015. С. 157–199.

Арапова Т.Б. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Л.: Аврора, 1977. 136 с.

Беляева С.А. Слов'янські та тюрські світи в Україні. З історії взаємин у XIII–XVIII ст. Київ: Університет «Україна», 2012. 524 с.

Бойко А.Л., Дедюлькин А.В. Жилища русского населения Азовской крепости конца XVII – первой половины XVIII вв. // Рубикон: сб. науч. работ молодых ученых. Ростов н/Д: ЮФУ, 2004. Вып. 31. С. 52–54.

Бойко А.Л., Черницын С.В. Массовые и «заложные» погребения в Азове XVII–XVIII вв. // Рубикон: сб. науч. работ молодых ученых. Вып. 3. Ростов н/Д.: ЮФУ, 1998. С. 14–20.

Бурлака В.О. Азов – город с тысячелетней историей. Очерки истории Азова. Вып. 12. Азов: Издательство АМЗ, 2009. 367 с.

Бухтеева М.А. Отчет об археологических раскопках на территории Ефремовского подворья в 1974 г. М., 1974 // Архив Министерства культуры РСФСР. Трест «Росреставрация». Шифр 23, арх. № 1204.

Верещагин В.В. Отчет об археологическом обследовании земельного участка по адресу ул. Петровская, 12 в г. Таганроге Ростовской области в 2008 году. Ростов н/Д, 2008 (личный архив В.В. Верещагина).

Витков З.А. Археологическая разведка Нижне-Кундрюченского казачьего городка. Археологическая экспедиция Новочеркасского областного музея истории Донского казачества и Ростовского государственного университета им. В.М. Молотова, Ростов н/Д, 1952. 67 с. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №№ 547–548.

Витков З.А. Археологическая разведка Нижне-Кундрюченского казачьего городка // Ученые записки Мурманского государственного педагогического института. Т. 1. Мурманск: Мурманский государственный педагогический институт, 1957. С. 1–21.

Витков З.А. Археологические раскопки на территории Даниловского бастиона в Старочеркасске // Историко-филологический сборник. Мурманск: б. и., 1959. С. 7–31. Отдельный оттиск.

Витков З.А. К вопросу о местоположении донских казачьих городков и их культуре // Ученые записки Мурманского государственного педагогического института. Т. 2. Мурманск: Мурманский государственный педагогический институт, 1958. С. 151–178.

Витков З.А. Кагальницкий казачий городок // Из истории Дона (XVII–XX вв.). Сб. статей. Вып. 1. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1956. С. 27–50.

Волков И.В. Закрытый комплекс турецкого времени из Азова // ИАИАНД в 2004 г. Вып. 21. Азов: Изд-во АМЗ, 2006. С. 473–497.

Волков И.В. Крепость Лютик – Сед-Ислам (предварительное сообщение и керамический комплекс) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: Сб. науч. тр. Т. 1. Киев: ИД «Стилос», 2005. *С. 482–492.*

Волков И.В. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М.: Спутник +, 1999. С. 226–252.

Гудименко И.В. Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по ул. Ленинградской № 29 в 1994 г. Азов, 1996. С. 1–37 // Архив АМЗ КВФ-12062/1, 2.

Гудименко И.В., Кузьмин А.Ю. Жилой комплекс XVIII в. из раскопок в г. Азове // Очерки истории Азова. Вып. 2. Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. С. 39–43.

Гусач И.Р. Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак // ИАИАНД в 2004 г. Вып. 21. Азов: Изд-во АМЗ, 2006. С. 127–141.

Гусач И.Р. Закрытые комплексы с «турецкими» курительными трубками из Азова // ИАИАНД в 2001 г. Азов: Изд-во АМЗ, 2002. С. 368–389.

Гусач И.Р. Изникские полуфаянсы из турецкой крепости Азов // Археологические записки. Вып. 4. Ростов н/Д: Донское археологическое общество, 2005. С. 137–144.

Гусач И.Р. К вопросу о датировке археологических сборов на местонахождении «Каланча» // ИАИАНД в 2004 г. Вып. 21. Азов: Изд-во АМЗ, 2006. С. 497–516.

Гусач И.Р. Керамические материалы Северо-Восточного Приазовья в позднем Средневековье: османский период // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 596–597.

Гусач И.Р. Китайский фарфор XVII–XVIII вв. из раскопок на территории турецкой крепости Азак // ИАИАНД в 2009 г. Вып. 25. Азов: Изд-во АМЗ, 2011. С. 391–454.

Гусач И.Р. Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак // Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника): каталог коллекции. Азов: Изд-во АМЗ, 2016. С. 18–359.

Гусач И.Р. Кютахийские кофейные чашечки из раскопок крепости Лютик (Сед-Ислам) // Вестник Танаиса. Вып. 3. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области: АМЗТ, 2012. С. 116–143.

Гусач И.Р. Малоазийская поливная керамика XV–XVIII вв. из раскопок в турецкой крепости Азак // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. Казань-Кишинев:* Издательство «Stratum plus» Р. Р., Университет «Высшая антропологическая школа», *2017. С. 581–600.*

Гусач И. Османские курительные трубки из раскопок в крепости Азак // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: Зб. наук. пр. Вип. 22. Ч. 1. Київ; Нікополь: ХІК, Часи козацькі, 2013. С. 379–383.

Гусач И.Р. Поливная керамика Юго-Восточного Крыма из турецкой крепости Сед-Ислам (Лютик) // Древняя и средневековая Таврика. Сб. статей, посвященных юбилею Елены Александровны Паршиной. Археологический альманах. № 33. Київ: Видавець Олег Філюк, 2015. С. 512–527.

Гусач И.Р. Расписные полуфаянсы из Изника в турецкой крепости Азов // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2. Москва; Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 345–349.

Гусач И.Р. Турецкие полуфаянсы XVIII века из Азова // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: Сб. науч. трудов. Т. 1. Киев: ИД «Стилос», 2005. С. 476–479.

Гусач И., Башол С., Ибрагимзаде К. Три султанских указа XVI и XVIII вв., связанные с историей турецкой крепости Азак // ИАИАНД в 2012 г. Вып. 28. Азов: Изд-во АМЗ, 2014. С. 304–333.

Гусач И., Ибрагимзаде К., Дедюлькин А. Пулелейки XVII–XVIII вв. из турецкой крепости Азак // ИАИАНД в 2013–2014 гг. Вып. 29. Азов: Изд-во АМЗ, 2016. С. 391–448.

Дедюлькин А.В. Два образка из крепости Св. Анны // Археологические записки ДАО. Вып. 5. Ростов н/Д: Донское археологическое общество, 2007. С. 188–190.

Дедюлькин А.В. Об атрибуции некоторых элементов русской военной амуниции XVIII в. (по археологическим материалам фортификационных сооружений Нижнего Дона) // Рубикон: сб. науч. работ молодых ученых. Ростов н/Д: ЮФУ, 2009. Вып. 52. С. 83–85.

Донские дела. Кн. 5. Пг.: Тип. М-ва земледелия, 1917. 616 с.

Жеребилов С.Е. Раскопки вала крепости Св. Дмитрия Ростовского у библиотеки РГУ // ИАИАНД в 2006 г. Вып. 23. Азов: Изд-во АМЗ, 2008. С. 230–231.

Жукова Л.М. Крепость Святой Анны – фортификационное сооружение первой половины XVIII в. на юге России // Большой Ромбит. Сб. статей по истории и исторической географии Восточного Приазовья. Вып. 2. Ейск: Ейское местное отделение Российского общества историков и архивистов, 2015. С. 73–76.

Казакова Л.М. Отчет о работах, проведенных Азовским историко-краеведческим музеем в ходе наблюдения за земляными работами в г. Азове в 1961 г. Азов, 1962. 14 с. // Архив АМЗ КВФ-9797/2.

Казакова Л.М., Морозова Н.С. Аварийно-спасательные раскопки работы на крепости Святого Дмитрия Ростовского в г. Ростове-на-Дону // ИАИАНД в 2003 г. Вып. 20. Азов: Изд-во АМЗ, 2004. С. 164–165.

Колесник А.В., Гусач И.Р. Ружейные и кресальные кремни из крепости Лютик (XVII–XVIII вв.) на Нижнем Дону // Поволжская археология. № 4 (26). Казань: Издательство «Фэн», 2018. С. 98–116.

Королев В.Н. Азовский санджак (вторая половина XVI – первая треть XVII вв.) // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году: (тез. докл. к обл. семинару). Азов: Азовский краеведческий музей, 1987. С. 36–39.

Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск: Информационно-издательский центр «Дончак», 2007. 239 с.

Кравченко С.А. Археологические разведки в г. Азове Ростовской области в 2009 г. // ИАИАНД в 2009 г. Вып. 25. Азов: Изд-во АМЗ, 2011. С. 149–160.

Кузьменко Л.И. Китайский фарфор XVII–XVIII веков. Государственный музей Востока. М.: Гос. музей Востока, 2009. 195 с.

Кузьменко Н.Н. Троицкая крепость на мысу Таган-Рог и укрепления на Миусском полуострове в конце XVII – в XVIII вв. // Большой Ромбит. Сборник статей по истории и исторической географии Восточного Приазовья. Вып. 2. Ейск: Ейское местное отделение Российского общества историков и архивистов, 2015. С. 58–64.

Кузьмин В.Н. Отчёт о раскопках крепости Лютик в июле 1993 г. Недвиговка, Ростовской области, 1994. 4 с. // Архив АМЗТ НВФ-304.

Кузьмин В.Н. Отчёт о раскопках крепости Лютик в июле 1994 года. Недвиговка, Ростовской области, 1996 // Архив АМЗТ НВФ-305.

Куликов А.В., Бейлин Д.В. Отчет об археологических исследованиях в крепости Ени-Кале в 2009 г. Симферополь; Керчь, 2009 // НА ИАК РАН. Папка 1785, №1421. Инв. Кн. 6.131.

Ларенок П.А. Исследования на территории Семеновской крепости // Прохорова Т.А. Отчет о спасательных работах на археологических памятниках Беглицкой косы (16–17 участки Неклиновского района Ростовской области) в 1992 г. Ростов н/Д, 1993. С. 35–62 (Архив Археологической лаборатории ЮФУ. Ф. 4. Д. 617).

Ларенок П.А. Охранные раскопки Семеновской крепости // ИАИАНД в 1992 г. Вып. 12. Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. С. 75–80.

Ларенок В.А., Ларенок П.А. Предметы быта конца XVIII – начала XIX вв. из засыпки котлована солдатской казармы крепости Дмитрия Ростовского // Археологические записки ДАО. Вып. 7. Ростов н/Д: Донское археологическое общество, 2011. С. 315–332.

Ларенок В.А., Ларенок П.А. Работы археологической экспедиции РРО ВООПИиК в 2003 г. // ИАИАНД в 2003 г. Вып. 20. Азов: Изд-во АМЗ, 2004. С. 119–120.

Ласковский Ф.Ф. Карты, планы и чертежи к I части Материалов для истории инженерного искусства в России. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1858. Л. 31–32.

Мамуладзе Ш., Кахидзе А., Кахидзе Е. Гонио-Апсар. Тбилиси, 2007. 69 с.

Максименко В.Е. Отчет об археологических раскопках Койсугского к/м у пос. Овощной Азовского района Ростовской области в 1998 г. Ростов-на-Дону: РГУ, 1999. 32 с. // Архив АМЗ КВФ-13871.

Масловский А.Н. Археология Нового времени (XVII – начало XIX вв.) в Азове // Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника). Каталог коллекции. Азов: Изд-во АМЗ, 2016. С. 7–17.

Масловский А.Н. Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по улицам Мира 30, Толстого 67, Петровской площади 12, Макаровского 23Г, Октябрьской 32, Красноармейской 88Б в 2008 г. Т. 1. Азов, 2010. 190 с. // Архив АМЗ КВФ-14440/1.

Миллер Ю. Художественная керамика Турции. Л.: Аврора, 1972. 183 с.

Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. университета, 1998. 512 с.

Морев Е.И., Янович Я.Д. Архитектурно-археологические исследования в Старочеркасском музее-заповеднике // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 118–119.

Мустакимов И.А., Сень Д.В. Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Танаиса, Недвиговка Мясниковского р-на Ростов. обл.: Вып. 3. АМЗТ. 2012. С. 172–189.

Мустакимов И.А., Сень Д.В. Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. Київ: Ін-т історії України НАНУ, 2010. С. 307–326.

Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 179–202.

Перепечаева Л.Б. Азов – пограничная крепость России конца XVII – начала XIX вв. // Очерки истории Азова. Вып. 11. Азов: Изд-во АМЗ, 2006. 383 с.

Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1992. 224 с.

Рогудеев В.В. Комплексы и отдельные находки XVIII–XIX веков // Археологические записки ДАО. Вып. 5. Ростов н/Д: Донское археологическое общество, 2007. С. 65–81.

Рогудеев В.В. Отчет о проведении археологических исследований в ст. Старочеркасской Ростовской области по ул. Донская, 9 и ул. Советская, 19 в границах территории объекта археологического наследия «Черкасский городок XVI-XIX вв.» в 2011 г. Ростов н/Д (в работе).

Соснина О. Воображаемая Турция – слова и образы. XVIII – первая половина XIX века // Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е гг. М.: Кучково поле, 2017. С. 40–59.

Станчева М. Турски фаянс от София // Известия на Археологическия Институт. Българска Академия на науките. Т. XXIII. София, 1960. С. 114–144.

Станчева М. Колекцйята от лули във Варненския музей // Известия на народная музей. Кн. VIII (XXIII). Варна, 1972. С. 81–94.

Станчева М., Николова Т. Нови проучвания върху глинените лули от Сердика // Археологически материали и проучвания. София, 1989. С. 133–141.

Сухоруков В.Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–32 годах. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1891. 301 с.

Тодоров В. Керамични лули от обект «Sexaginta Prista» края на XVIII – началото на XX в. // Известия регионален исторически музей Русе. Кн.XI. Русе, 2007. С. 188–219.

Толочко И.В., Дмитриенко М.В. Некоторые итоги полевых исследований памятника археологии «Черкасский городок XVI–XIX вв.» (ст-ца Старочеркасская) в 2017 г. // Война и воинские традиции в культурах народов юга России (VII Токаревские чтения): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во Альтаир, 2018. С. 319–332.

Трубников В.В. Отчет о раскопках Черкасского городка XVI–XIX в. в Аксайском районе Ростовской области. Т. I–VII. Ростов н/Д, 2017. 1389 с. // Архив АМЗ КВФ-14401/1–7.

Трубников В.В. Археологические раскопки Черкасского городка XVI-XIX вв. в Аксайском районе в 2014 г. // ИАИАНД в 2015–2016 гг. Вып. 30. Азов: Изд-во АМЗ, 2018. С. 193–206.

Чекановский А.А. Керамичекие курительные трубки XVII-XVIII вв. Среднего Поднепровья и Крыма // Україна і Туреччина. Тези доповідей міжнародної наукової конференції з нагоди 80-річчя заснування Турецької Республіки. Київ, 2003. С. 86–88.

Челеби Э. Книга путешествия: (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. М.: Наука, 1979. 286 с.

Чеснок В.Ф. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках в крепости Лютик летом 1970 г. Недвиговка, Ростовской обл., 1970. 48 с. // Архив АМЗТ НВФ-180.

Чеснок В.Ф. Крепость Лютик (XVII–XVIII вв.) // Известия РОМК. Вып. 5. Ростов н/Д: Ростов. кн. изд-во, 1988. С. 66–73.

Широченко Э.Б. Отчет о спасательных археологических раскопках памятника и могильнка Азака в г. Азове Ростовской области в 2009 году. Т. 2. Азов, 2013. 61 с. // Архив АМЗ КВФ-14416/2.

Широченко Э.Б., Масловский А.Н. Археологические исследования в Азове и разведки в Азовском районе в 2009 году // ИАИАНД в 2009 г. Вып. 25. Азов: Изд-во АМЗ, 2011. С. 164–189.

Щербакова Н.С. Работы на территории крепости Св. Дмитрия Ростовского в г. Ростове-на-Дону // ИАИАНД в 2006 г. Вып. 23. Азов: Изд-во АМЗ, 2008. С. 227–230.

Щербакова Н.С. Работы на участке фортификационной системы крепости Св. Дмитрия Ростовского в городе Ростове-на-Дону // ИАИАНД в 2007–2008 гг. Вып. 24. Азов: Изд-во АМЗ, 2010. С. 314–318.

Duco D.H. The Clay Tobacco Pipe in Seventeenth Century Netherlands // The Archaeology of the Clay Tobacco Pipe: V Europe 2. BAR IS 106 (ii). Oxford, 1981. P. 368–468.

Fındık N.Ö. Iznik Roma tiyatrosu kazı buluntuları (1980–1995) arsındaki Osmanlı seramikleri. Ankara: Kültür Bakanlığı, 2001. 422 p.

Fındık N.Ö. Hasankeye seramikleri (2004–2006). Ankara: Çardaş Yayıncılık, 2008. 144 p.

Gosse Ph. Les pipes de l'Empire Ottoman, 2005 // http//pagesperso-orange.fr/philippe.gosse/otto/ottoman.htm (дата обращения: 13.12.2014).

Gusach I. Art ceramics from Iznik found in the Ottoman fortress Azak // XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. 19–24 october, 2015, Antalya. Vol. 2. Ankara: Koç Üniversitesi VEKAM, 2017. P. 31–35.

Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Princeton: Princeton University Press, 1992. 455 p.

Inalcik H. Azak // The Encyclopedia of Islam. Second edition. Leiden: E. J. Brill, 1986. Vol. 1. P. 808.

Lane A. Later Islamic Pottery. Persia, Syria, Egypt, Turkey. London: Faber and Faber, 1957. 133 p.

Robinson R. Clay tobacco pipes from the Kerameikos // Mittelungen des Deutschen Archaologischen Instituts Athenische Abteilung. Bd. 98. Berlin, 1983. P. 265–285.

Robinson R. Tobacco pipes of Corinth and of the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 54, No. 2, April-june 1985. 203 p.

И.Р. Гусач

Русско-турецкая граница: керамика и проблемы культурного обмена во второй половине XVII–XVIII в.

Ключевые слова: Северо-Восточное Приазовье, позднее Средневековье – Новое время, русско-турецкая граница, крепости, донские казачьи городки, торгово-культурный обмен, археологические исследования, керамические комплексы.

Аннотация: территория Северо-Восточного Приазовья во второй половине XVII–XVIII вв. являлась пограничной между двумя крупными державами – Османской и Российской империями, которые рассматривали ее в качестве удобного плацдарма для дальнейших колониальных завоеваний, в результате чего эти «фронтирные» земли постоянно являлись конфликтной и проблемной зоной. Несмотря на это, проживавшие здесь в течение этого времени османы и донские казаки находились в процессе постоянного контакта, взаимодействия и торгово-культурного обмена.

I.R. Gusach

Russian-Turkish border: ceramics and problems of cultural exchange in the second half of the 17th – 18th centuries

Keywords: North-East Priazovye, late Middle Ages – Modern Period, Russian-Turkish border, fortresses, Don Cossack towns, trade and cultural exchange, archaeological research, ceramic complexes.

Abstract: In the second half of the 17th – the 18th centuries the territory of the North-East Priazovye appeared to be the border between the two major powers – the Ottoman and Russian empires, both empires considered it as a convenient springboard for further colonial conquests. As a result, these "frontier" lands were constantly a zone of conflicts and problems. Despite this, the Ottomans and Don Cossacks who lived here throughout this time were in the process of constant contact, interaction, and trade and cultural exchange.

Ю.Н. Звездина

Икона Богоматерь Ильинская Черниговская 1696 г. История в образе

Образ, о котором пойдет речь, это икона Богоматерь Ильинская Черниговская, созданная в Чернигове в 1696 г. в ознаменование Азовской победы. Она ярко вошла в духовную культуру России, а затем ей было суждено исчезнуть. Вероятнее всего, она была привезена в Москву в январе 1697 г. и тогда же передана в дар Петру Великому[1]. Ее привез архимандрит черниговского Троице-Ильинского монастыря Лаврентий Крщонович († 1704 г.). Он известен как автор многих панегириков, которые ставил себе в немалую заслугу[2]. Очевидно, Лаврентий Крщонович составил сложную иконографическую программу образа, включившую в себя множество аллегорических изображений и текстов.

Средник иконы представлял список чудотворной Ильинской Черниговской, созданной в 1658 г. монахом Геннадием (Дубенским)[3]. На фоне средника и на полях образа 1696 г. были помещены многочисленные тексты, прославляющие Богородицу и славословящие монарха-победителя. На полях изображены отдельные композиции в барочных картушах, которые можно назвать клеймами, с живописными аллегориями[4], посвященными Богоматери, а внизу – план взятия крепости Азов, также с аллегорическими деталями, государственный герб России с Богоматерью Азовской и благодарственный крестный ход из Троицкого собора, возглавляемый патриархом Адрианом.

Икона из собрания Государственного музея истории религии[5] (рис. 1), очевидно, была создана после привоза образа 1696 г. из Москвы под Петербург (об этом см. ниже). Второй список, худшей сохранности, ныне хранится в Третьяковской галерее, он датируется примерно так же – первой третью XVIII в.[6] (рис. 2). В середине XX столетия этот образ был возвращен из Германии[7]. Нет точных сведений

[1] Это мнение С.И. Маслова, см.: *Маслов С.І.* Етюди з історіі стородруків // Юбілейний збірник на пошану академика Дмитра Івановича Багалия з нагоди сімдесятой річниці життя та п'ятдесятих роковин наукової діяльности. Київ: З друкарні Української Академії наук, 1927. С. 708.

[2] Там же.

[3] Эта икона, прославившаяся множеством чудес, также исчезла. Напомним, что она хранилась в Троице-Ильинском монастыре, где была создана. Об иконе см.: *Снессорева С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон. Ярославль: Верхняя Волга, 2000. С. 137–138. Чуду истечения слез от иконы посвящена первая книга свт. Димитрия Ростовского «Руно орошенное».

[4] Об аллегорических клеймах образа «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1696 г. см.: *Звездина Ю.Н.* Растительная символика в памятниках духовной культуры позднего времени: возможности интерпретации // VII Научные чтения памяти И.П. Болотцевой. Ярославль: НТЦ «Рубеж», 2003. С. 26–29 (статья переиздана в кн.: Икона Божией Матери «Неувядаемый Цвет». М., 2006.); *Она же.* Икона «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1696 года – дар Петру I в память Азовской победы // IX Филевские чтения. Тезисы конференции 10–12 октября 2006 г. М: б. и., 2006. С. 26–28; *Она же.* Некоторые особенности изучения аллегорических композиций на полях списков образа «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1696 года // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). Сентябрь. С. 38–39; *Она же.* Отражение Азовской победы в аллегорических клеймах иконы «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1696 года // Макариевские чтения. Можайск: Можайск-Терра, 2011. Вып. 18: Воинство земное – воинство небесное. С. 226–234.

[5] Приношу искреннюю благодарность за консультацию при работе с этим образом сотруднику ГМИР О.А. Коробко.

[6] Искренне благодарю за консультацию, связанную с уточнением атрибуции образов Богоматери Ильинской Черниговской из ГМИР и ГТГ, сотрудника ЦМиАР Н.И. Комашко. Образ из ГТГ вошел в издание: Петр Великий и Москва. Каталог выставки. М.: Красная площадь, 1998. С. 54, кат. № 91 (без ил.).

[7] Русская живопись XVII–XVIII веков: каталог выставки. Л.: Гос. Русский музей, 1977. С. 103; *Адруг А.* Маловідома пам'ятка українського живопису XVII ст. // Мистецтвознавство України. Вип. 1. Київ: Музийна Україна, 2000. С. 356.

Рис. 1. Богоматерь Ильинская Черниговская. Икона. Список первой четверти XVIII в. ГМИР.

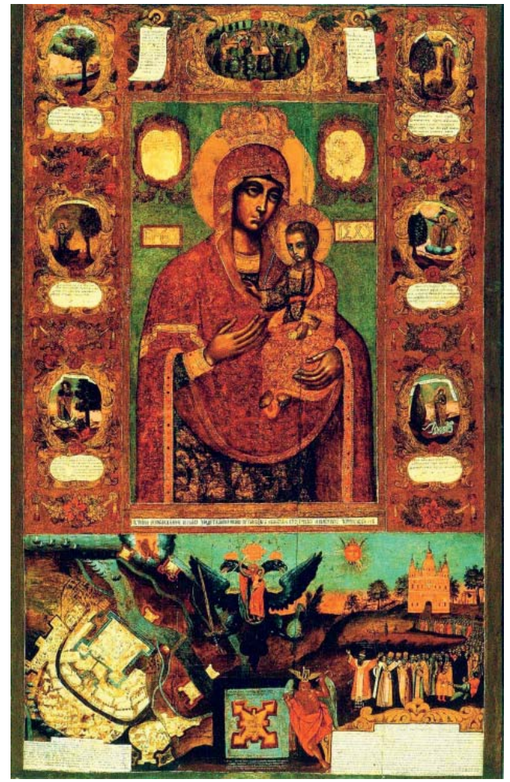

Рис. 2. Богоматерь Ильинская Черниговская. Икона. Список первой четверти XVIII в. ГТГ.

о том, где он создан; насколько мы можем судить, это работа русского иконописца. «Еще одна икона находится в Ризположенской церкви (неподалеку от Донского монастыря в Москве), которая была простроена в начале XVIII столетия»[8], – этот памятник можно считать свидетельством того, что списки делались и в Москве, скорее всего, с первоначального образа 1696 г., до перемещения его в церковь Петра митрополита на Ульянке (о причинах этого мы скажем ниже).

История образа 1696 г.

До того, как исчезнуть, образ привлек внимание священника К. Карпинского, оставившего бесценные свидетельства об иконе, в том числе о размерах образа и клейм. В 1913 г. текст был опубликован в черниговском журнале «Вера и жизнь»[9]. Из этой статьи известно, что образ был написан маслом на холсте, приблизительно в то же время в ознаменование победы создано несколько подобных икон, и уже в прежние времена возникла путаница – за образ, поднесенный царю Петру, принимали другие иконы[10].

Эта путаница в дальнейшем усиливалась, особенно после исчезновения образа 1696 г.

[8] Там же.

[9] *Карпинский К., священник.* Сведения об иконе Божией Матери Троицко-Ильинской Черниговской, поднесенной, по взятии Азова в 1696 г., Императору Петру Великому // Вера и жизнь. Чернигов, 1913. № 13. С. 45–55. Автор не только подробно описал все композиции иконы, но и воспроизвел надписи. Указанные К. Карпинским размеры: 2 аршина 9 вершков в высоту и 1 аршин 9 вершков в ширину, размер государственного герба на нижнем поле иконы – шесть с половиной вершков.

[10] К. Карпинский в связи с этим называет икону Богоматери Ильинской Черниговской из Смольного монастыря, меньшего размера и более позднюю. См.: Там же. С. 55.

В большинстве случаев за икону, поднесенную царю Петру, до сих пор принимают список первой четверти XVIII в., хранящийся в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге[11]. На этой иконе, по счастью, хорошо сохранившейся, очень точно воспроизведены все композиции и тексты, но она написана темперой на доске. Примечательно, что она происходит из той же церкви Петра Митрополита в Санкт-Петербурге, где до разрушения храма находился образ 1696 г. (об этом свидетельствуют музейные инвентарные записи). Мы можем предположить, что в этой церкви находился и список с первоначальной реликвии, который в 1920-е гг. был передан в музей. Об образе, написанном на холсте и поднесенном царю, сведений более не имеется.

Итак, наиболее точной публикацией о подлинной иконе, написанной в Чернигове и подаренной царю Петру в Москве Лаврентием Крщоновичем, следует считать статью К. Карпинского 1913 г. Этот автор исследовал икону в церкви Петра Митрополита, он писал, что образ 1696 г. «пользуется большим уважением» и отметил большую серебряную ризу «весом около 27 фунтов, с драгоценными камнями, сооруженную еще в начале 1800-х годов»[12].

Перемещение иконы из Москвы в Петербург было определено конкретными историческими событиями, важными для России, и волей царя Петра. По всей очевидности, монарх не только оценил дар черниговского архимандрита, но и придал образу особое значение. Икона 1696 г. сразу вошла в живую, бурно становящуюся историю страны, переходящей из старого времени в новое. Переход, сложный и драматический, сопровождался военными деяниями Петра I. Создание образа 1696 г. знаменовало первую победу русского царя, имевшую большой международный резонанс. Ее особое значение заключалось в долгожданной победе над столетиями угрожавшими православию (как и западному христианству) турками. Победа преподносилась в церковных панегириках как триумф Всепобедного Креста, дарованный покровительством Богородицы.

Лаврентий Крщонович в том же 1696 г. был возведен в сан архимандрита. Для того чтобы сан был официально подтвержден, он отправился в Москву. Известно, что Лаврентий Крщонович привез с собой пять экземпляров книги святителя Димитрия, будущего митрополита Ростовского и Ярославского, «Руно орошенное» и три печатных листа с изображениями Азовской победы (на бумаге и ткани)[13]. Полагают, что тогда же он привез образ Ильинской Черниговской Богоматери. Данные предметы были весьма знаменательны: «Руно орошенное» повествует о чудесах Ильинской Черниговской иконы, получив свое название от чуда истечения слез. Гравюры посвящены Азовской победе. Новый образ объединил то и другое, представив взятие Азова и триумф монарха-победителя буквально под сенью иконы Ильинской Черниговской Богоматери.

По указанию царя Петра образ 1696 г. был поставлен в главном храме России – Успенском соборе Московского Кремля. Напомним, что в Успенском соборе совершались важнейшие ритуалы, в том числе венчание на царство, а также оглашались основные государственные указы. Так победа 1696 г. была отмечена аллегорическим образом, прославляющим триумф православного войска под предводительством Петра I, и в собор вошла икона Ильинской Черниговской[14].

После Азовской баталии страну ожидало еще более тяжелое испытание, увенчавшееся и более громкой славой – Северная война со Швецией. Первые крупные победы состоялись в начале 1700-х гг., они были отмечены особыми празднествами и яркими панегириками – например, в ознаменование битвы при Эрестфере в начале 1702 г. в Грановитой палате Московского Кремля было устроено представление «Страшное изображение втораго пришествия Господня на землю при державе… царя и великаго князя Петра Алексиевича…». Сохранилась программа с кратким содержанием действа[15]. Авторами подобных пьес были преподаватели Славяно-греко-латинской академии, часто малороссийского происхождения. В духовной культуре того времени синтезировались традиционные московские и новые черты, вливавшиеся через представителей украинского православного духовенства. Создавались церковно-государственные

[11] Перечислим некоторые публикации, где образ из собрания ГМИР рассматривается как дар Петру I в память Азовской победы: *Тарасов О.Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 358 и др.; Петр Великий и Москва. Каталог выставки… С. 54; *Адруг А.* Маловідома пам`ятка українського живопису XVII ст… С. 352–356; *Он же*. Чудотворна ікона «Іллінської Богоматері». Чернігів, 2006 (искренне благодарю сотрудника Черниговского областного художественного музея С.М. Курач за предоставленные тексты А. Адруга, а также за консультацию и помощь в работе).

[12] *Карпинский К. священник.* Сведения об иконе Божией Матери Троице-Ильинской Черниговской… С. 55. Это еще одно свидетельство того, что икона из собрания ГМИР не является первоначальным образом – на ней нет следов оклада.

[13] *Маслов С.І.* Етюди з історіі стародруків… С. 708.

[14] Это следует считать продолжающейся традицией – так, после победы над наполеоновскими войсками для Успенского собора было создано серебряное паникадило, находящееся в храме по сей день (см. о паникадиле: *Коварская С.Я.* Заметки о мастерах-серебряниках и фирмах XIX века, исполнявших заказы для соборов Московского Кремля // Искусство христианского мира. Вып. 7. М.: Издво Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2003. С. 376–378.

[15] Опубликована в кн.: Пьесы школьных театров Москвы. М.: Наука, 1974 (Кн. 3).

панегирики, в дни празднеств к этому добавлялись огни фейерверков и иллюминаций, насыщенных аллегорическими фигурами и сценами. В сентябре 1696 г., еще до привоза иконы в Москву, в столице состоялся фейерверк с иллюминацией по случаю Азовской победы. В числе множества подсвеченных изображений находился и план взятия Азова: «…на холстине левкашено живописным же письмом как что было под Азовом»[16].

Образ Ильинской Черниговской недолго оставался в Москве. В 1708 г. снова по указанию Петра I его перевезли в предместье новой северной столицы – Санкт-Петербурга – в ознаменование известия о победе над шведами, полученного здесь царем в праздник Перенесения мощей митрополита Петра. Вскоре на этом месте выстроили церковь, освященную в память святого, здесь и сохранялась икона Ильинской Черниговской. Вероятно, тогда же или вскоре после того был создан точный список образа. Церковь Петра Митрополита, что на Ульянке, вначале была деревянной, затем отстроена в камне. В 1941 г. храм был закрыт, а в 1947 г. разобран[17]. Первоначальный образ 1696 г. исчез. Роль его в духовной культуре России, однако, столь значительна, что он неоднократно упоминался в работах ряда исследователей, в том числе и тех, кто посвящал свои работы первоначальной иконе 1658 г. и ее серебряной ризе – вкладу гетмана Ивана Мазепы (1644–1709). Вклад был сделан, очевидно, перед Азовскими событиями, в 1695 г., по случаю освящения Троицкого собора.

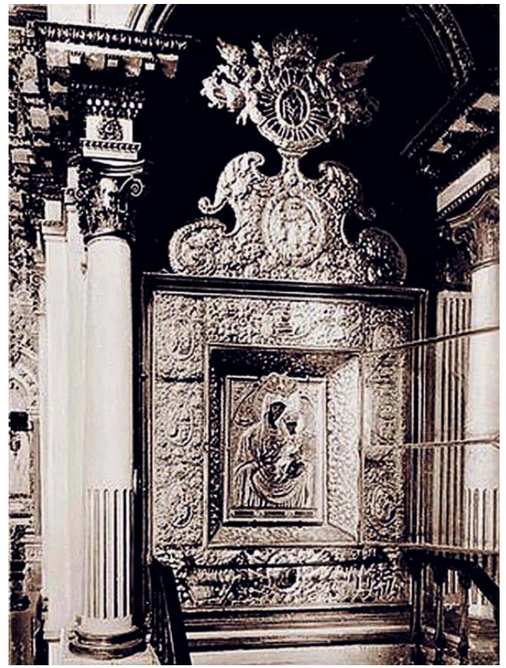

Рис. 3. Серебряная риза с иконой «Богоматерь Ильинская Черниговская». Вклад гетмана Ивана Мазепы 1695 года. Архивная фотография 1880-х гг.

Серебряная риза Мазепы

Это важный памятник для изучения иконы 1696 г., поскольку Лаврентий Крщонович – очевидный автор иконографической программы – использовал композиционные особенности и некоторые сюжетные детали серебряной ризы[18] (рис. 3, 4). Любопытно, что орнаментальные рамки картушей, так хорошо сохранившиеся на образе из собрания Государственного музея истории религии, демонстрируют совпадение с серебряными рамками вокруг композиций на раме. Этим, однако, сходство и ограничивается – внутри рамок помещены совсем другие сюжеты (на ризе это Богородичные праздники). Говоря о соответствиях, в первую очередь, следует отметить совпадение композиций на нижних полях. В обоих случаях представлен военный лагерь, а по центру – герб (вместо двуглавого орла, на ризе красуется герб Мазепы в окружении воинской арматуры). В обеих композициях присутствуют изображения двух светил – солнца и луны. На ризе они освещают своими лучами представленные на нижнем поле сцены. На иконе 1696 г. полумесяц находится в лапах у льва, что можно

[16] *Ровинский Д.А.* Обозрение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. [СПб.]: А.С. Суворин, 1903. С. 179–180.

[17] Краткую историческую справку о церкви Петра митрополита на Ульянке см.: Официальный приходской сайт храма Петра, митрополита Московского на пр. Стачек (Электронный ресурс: http://www. spb-21344.cerkov.ru/ (Дата обращения: 4.03.2018)).

[18] Искренне благодарю за консультацию и предоставленную возможность работать с этим памятником главного хранителя Черниговского исторического музея им. В.В. Тарновского А.П. Арендарь. Ей же принадлежит уточнение датировки серебряной ризы. Об этом памятнике, воплотившем мастерство черниговских серебряников, см.: *Модзалевский В.Л., Савицкий П.Н.* Очерки искусства Старой Украины. Чернигов // Чернігівська старовина. Збірник наукових праць, присвячений 1300-річчю Чернігова. Чернигів: , 1992. С. 111–112; Пуцко В.Г. Мазепина срібна шата в Чернігові // Родовід. Чернигів, 1996 № 2 (14). С. 112 – Сіверянська думка, 1992. 120; *Адруг А., Арендар Г.* Видатна пам'ятка золотарства // Сіверянський літопис. 1999. № 6. С. 46–52 (на с. 48 см. уточнение датировки ризы, в связи с перенесением чудотворной иконы Ильинской Черниговской Богоматери из Ильинской церкви во вновь отстроенный Троицкий собор). Благодарю М.А. Сморжевских-Смирнову за консультацию о ризе после ее реставрации.

Рис. 4. Серебряная риза к иконе «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1658 г. Вклад гетмана Ивана Мазепы 1695 года. Черниговский исторический музей им. В.В. Тарновского.

трактовать как символ победы российского воинства над Турцией[19]. Кроме того, справа на серебряной ризе изображен укрепленный город с башнями, который пока с точностью идентифицировать не удалось[20]. На иконе Богоматерь Ильинская Черниговская здесь показан Троице-Ильинский монастырь и крестный ход из Троицкого собора.

[19] Позднее, в период Северной войны, льва чаще станут изображать как знак шведского короля и вражеского войска, в соответствии с гербом Швеции, он предстанет злобным и побеждаемым.

[20] Возможно, это Чернигов, однако данное предположение остается под вопросом (мнение, высказанное А.П. Арендарь).

Исторические лица

После Азовской победы, которая в большой степени была обеспечена черниговским войском под предводительством полковника Якова Лизогуба, в городе ожидалось прибытие царя Петра и патриарха Адриана. Оно, впрочем, не состоялось. Тем не менее, патриарх на иконе присутствует как возглавляющий благодарственный крестный ход из Троицкого собора в монастыре, архимандритом которого в том же 1696 г. был назначен автор программы образа, Лаврентий Крщонович. Якову Лизогубу в память взятия Азова также был поднесен образ, Богоматерь Троицкая, о котором в 1913 г. К. Карпинский сообщал как об иконе, хранящейся в Васильевской церкви города Городни[21].

Царь Петр в образе также присутствует. Он многократно упомянут в протяженных текстах, написанных на полях и фоне иконы[22]. В этом духовном панегирике обыгрывается значение имени Петр – камень, что следует рассматривать как текстовую параллель символическому изображению камня внизу по центру, под двуглавым российским орлом. Это большой каменный блок, на котором аллегорическая фигура времени – старец Час, олицетворяющий также вечность, высекает план крепости Азов. Мы понимаем это как эмблематическое изображение, к которому следует отнести девиз «Азов взят Петром»[23].

Икона 1696 г. в истории своего времени – удивительный памятник, включающий выдающихся персонажей. В первую очередь, это Петр I. Это также гетман Иван Мазепа, тогда еще державший сторону российского царя. Именно пожертвованная им в 1695 г. серебряная риза определила особенности композиции иконы. Роль Мазепы для Троице-Ильинского монастыря не ограничилась вкладом серебряной ризы к главной святыне украинской земли – в частности, в 1702 г. гетман подтвердил право монастыря держать свою типографию[24].

[21] *Карпинский К., священник.* Сведения об иконе Божией Матери Троицко-Ильинской Черниговской… Примеч. на с. 44–45.

[22] В текстах упомянут и автор – Лаврентий Крщонович (Крисонович) «с братиею».

[23] Значение имени царя Петра неоднократно обыгрывалось в панегириках и пьесах, посвященных его воинским триумфам. Мы отчасти рассматривали это в статье: *Звездина Ю.Н.* Государственные символы в духовной культуре России конца XVII–XVIII века // Искусство христианского мира. Вып. 6. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002. С. 220; *Она же.* Триптих патриарха Адриана из Успенского собора Московского Кремля. Попытка реконструкции программы // Искусство христианского мира. Вып. 8. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2004. С. 276. Здесь же (С. 278) см. о серебряном напрестольном кресте, вложенном Петром I в монастырь города Азова в 1697 г., ныне находится в собрании Музеев Московского Кремля.

[24] *Маслов С.І.* Етюди з історії стародруків… С. 708.

Рис. 5. Гравюра из книги Лазаря Барановича «Меч духовный». Киев, типография Киево-Печерской лавры, 1666 г.

Рис. 6. Икона «Богоматерь Ильинская Черниговская» над древом царствующего дома. Деталь росписи северного крыльца церкви Ильи Пророка в Ярославле. После 1696 г. (?). Деталь.

Для архимандрита Лаврентия Крщоновича, создателя панегириков и аллегорических композиций, требующих типографской печати, это должно было иметь особое значение. Наконец, на иконе во главе крестного хода изображен патриарх Адриан

Образ прибыл из западных земель, он знаменовал, помимо прославления Богородицы и панегирика царю-победителю, связь между объединенными в 1654 г. Россией и Украиной. Одним из результатов этого представлялась Азовская победа. Следует вспомнить также, что царь Петр высоко ценил украинское православное духовенство и рекомендовал патриарху Адриану поставить в митрополиты Стефана Яворского, ставшего затем наместником патриаршего престола, и «в малороссийской стране отыскати игуменов или иеромонахов… во учении мудростныя науки ведующих…»[25].

Под сенью образа Богоматери Ильинской Черниговской

Следует отметить яркий акцент той эпохи – особое покровительство чудотворного образа Богоматери Ильинской Черниговской. В честь этой иконы были созданы многие духовные тексты черниговских и киевских авторов[26]. Образом Марии осенены многие религиозные композиции на фронтисписах книг киевской и черниговской печати (рис. 5), с воспоминанием прежде всего «Ильинской Черниговской»[27]. На рубеже XVII–XVIII вв. почитание этой иконы распространяется далее по России, в том числе и в северных землях. Обратим внимание на композицию, украшающую северное крыльцо церкви Ильи Пророка в Ярославле[28]. В замечательном памятнике ярославской стенописи икона Ильинской Черниговской, воспроизведенная во фреске, образует особую священную сферу (рис. 6). Она увенчивает религиозно-политический панегирик – под сенью образа находится цветущее Древо царского дома[29]. Сочетание этой чудотворной иконы и Древа здесь не удивительно, поскольку основой для композиции послужила гравюра киевского издания проповедей Лазаря Барановича[30]. Отражение темы покровительства иконы Богоматери Ильинской Черниговской Древу правящего дома в ярославском храме определялось, должно быть, конкретными и значительными историческими событиями. Ими являлись, вероятнее всего, Азовская победа и привоз в кремлевский Успенский собор образа 1696 г.

Заключение

Азовская победа была отмечена созданием ряда памятников церковного искусства, не только икон[31]. Так, в Черниговском историческом музее им. В.В. Тарновского хранится серебряный золоченый напрестольный крест, дарованный войску в честь взятия Азова. В собрании Музеев Московского Кремля имеется напрестольный крест, вложенный Петром I в Иоанно-Предтеченский монастырь города Азова в 1697 г.[32] Создание произведений, связанных с Азовской победой, не укладывается в узкие рамки рубежа столетий. Так, И.Л. Бусева-Давыдова, исследовавшая программу иконостаса Петропавловского собора Петропавловской крепости, определила отраженные в этом памятнике темы двух военных триумфов – Полтавского и Азовского[33]. Автор указывает, что создателем программы этого иконостаса был, скорее всего, Феофан Прокопович, при участии Петра I. Усилия ряда исследователей могли бы представить комплекс памятников, принадлежащих различным видам церковных искусств, а также

[25] Из «Письма патриарха Адриана Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому, в августе 1700 года» (*Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. 4, Ч. 1. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1863. С. 556–557).

[26] Например, объемный опус Иоанна Максимовича «Богородице Дево», изданный в Чернигове в 1707 г., также следует назвать «Чуда Девы Марии» свт. Димитрия Ростовского, его первую книгу, вышедшую в Новгороде Северском в 1677 г.

[27] Некоторые образцы см., например: Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина / Сост. А.А. Гусева, Т.Н. Каменева, И.М. Полонская. Вып. 2. Т. 1: Киевские издания 2-й половины XVII в. М.: б. и., 1981.

[28] Данной композиции специально посвящено исследование: *Звездина Ю.Н.* Образ Богоматери Ильинской Черниговской в росписи церкви Ильи Пророка в Ярославле и аллегорические гравюры киевской печати // XII Научные чтения памяти И.П. Болотцевой. Ярославль: Аверс Плюс, 2008. С. 35–42.

[29] Ближайшая параллель в русской иконописи – икона «Древо государства Российского» Симона Ушакова, где под сенью образа Владимирской Богоматери процветает и несет свои плоды древо царского дома. Если для русской иконописной традиции эта композиция редкость, то фронтисписы книг издания Киево-Печерской лавры представляют ее как устойчивую традицию.

[30] Это гравюра из книги «Меч духовный» Лазаря Барановича (Киев, 1666), см. об этом: *Бусева-Давыдова И.Л., Рутман Т.А.* Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М.: Северный Паломник, 2002. С. 68.

[31] О некоторых таких иконах см.: *Карпинский К., священник.* Сведения об иконе Божией Матери Троице-Ильинской Черниговской… Примеч. на с. 44–45.

[32] Петр Великий и Москва. Каталог выставки. Кат. № 90; *Звездина Ю.Н.* Триптих патриарха Адриана из Успенского собора Московского Кремля. Попытка реконструкции программы // Искусство христианского мира. Вып. 8. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2004. С. 278.

[33] *Бусева-Давыдова И.Л.* Иконостас Петропавловского собора в Петербурге. К истолкованию иконографической программы // Петр Великий – реформатор России (Материалы и исследования / Гос. Музеи Московского Кремля; 13). М.: Издательство «Известия» УДПРФ, 2001. С. 165, 166.

духовной литературы, вдохновленных Азовской победой; главным акцентом здесь являлся триумф Креста над неверными.

В Московском Кремле, думается, не могли не реагировать на появление образа, наделенного такой мощной выразительностью, сочетающей религиозную аллегорию с политическим панегириком. Если в Чернигове инициатором создания иконы был архимандрит Троице-Ильинского монастыря, то в Кремле им мог стать патриарх. Как отмечалось выше, скорее всего, в январе 1697 г. образ был привезен в Москву[34]. В том же году последовало указание патриарха Адриана написать в кремлевский Успенский собор для поставления у Патриаршего места (возле юго-восточного столпа, рядом с Царским моленным местом) три образа: Воскресения Христова, Распятие с апостольскими страданиями и Святых Константина и Елены. Иконы писал патриарший иконописец Федор Никитин Рожнов, старец Ипполит готовил к ним большие резные киоты. Работа была завершена в 1699 г. Примечательно, что в том же году царь Петр посетил крепость Азов, осмотрел новые «укрепления и остался ими очень доволен»[35].

Прежде мы исследовали эти иконы как комплекс, названный нами «Триптих патриарха Адриана», и пытались определить его общую программу[36]. Создание Триптиха было связано с Азовской победой (напомним, что первая икона комплекса – Воскресение Христово – соответствует воскресному дню, когда был взят Азов). Мы полагаем, что ярким импульсом для возникновения идеи «Триптиха», скорее всего, стало появление в Успенском соборе иконы Богоматери Ильинской Черниговской 1696 г. «Триптих патриарха Адриана» внес еще один смысловой акцент – триумф Всепобедного Креста.

[34] Это известно по косвенным свидетельствам.

[35] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого… Т. 5. СПб., 1863. С. 277 (Керченский поход в мае 1699 г.).

[36] *Звездина Ю.Н.* Триптих патриарха Адриана из Успенского собора Московского Кремля… С. 271–282.

Список литературы

Адруг А. Маловідома пам'ятка українського живопису XVII ст. // Мистецтвознавство України. Вип. 1. Київ: Музийна Україна, 2000. С. 352–356.

Адруг А. Чудотворна ікона «Іллінскої Богоматері». Чернігів, 2006.

Адруг А., Арендар Г. Видатна пам`ятка золотарства // Сіверянський літопис. 1999. № 6. С. 46–52.

Бусева-Давыдова И.Л. Иконостас Петропавловского собора в Петербурге. К истолкованию иконографической программы // Петр Великий – реформатор России. М.: Издательство «Известия» УДПРФ, 2001 (Материалы и исслед. / Гос. Музеи Московского Кремля; 13). С. 160–166.

Бусева-Давыдова И.Л., Рутман Т.А. Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М.: Северный паломник, 2002. 104 с.

Звездина Ю.Н. Государственные символы в духовной культуре России конца XVII–XVIII века // Искусство христианского мира. Вып. 6. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002. С. 214–224.

Звездина Ю.Н. Икона «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1696 года – дар Петру I в память Азовской победы // IX Филевские чтения. Тез. конф. 10–12 октября 2006 г. М.: б. и., 2006. С. 26–28.

Звездина Ю.Н. Некоторые особенности изучения аллегорических композиций на полях списков образа «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1696 года // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 38–39.

Звездина Ю.Н. Образ Богоматери Ильинской Черниговской в росписи церкви Ильи Пророка в Ярославле и аллегорические гравюры киевской печати // XII Научные чтения памяти И.П. Болотцевой. Ярославль: Аверс Плюс, 2008. С. 35–42.

Звездина Ю.Н. Отражение Азовской победы в аллегорических клеймах иконы «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1696 года // Макарьевские чтения. Вып. 18. Можайск: Можайск-Терра, 2011. С. 226–234.

Звездина Ю.Н. Растительная символика в памятниках духовной культуры позднего времени: возможности интерпретации // VII Научные чтения памяти И.П. Болотцевой. Ярославль: НТЦ «Рубеж», 2003. С. 26–29.

Звездина Ю.Н. Триптих патриарха Адриана из Успенского собора Московского Кремля. Попытка реконструкции программы // Искусство христианского мира. Вып. 8. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2004. С. 271–282.

Икона Божией Матери «Неувядаемый Цвет» / сост. А.Н. Стрижев. М.: Паломник, 2006. 239 с.

Карпинский К., священник. Сведения об иконе Божией Матери Троицко-Ильинской Черниговской, поднесенной, по взятии Азова в 1696 году, Императору Петру Великому // Вера и жизнь. Чернигов, 1913. № 13. С. 45–55.

Коварская С.Я. Заметки о мастерах-серебряниках и фирмах XIX века, исполнявших заказы для соборов Московского Кремля // Искусство христианского мира. Вып. 7. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2003. С. 376–381.

Маслов С.І. Етюди з історії сторордруків // Юбілейний збірник на пошану академика Дмитра Йвановича Багалия з нагоди сімдесятой річниці життя та п'ятдесятих роковин наукової діяльности. Київ: З друкарні Української Академії наук, 1927. С. 695–719.

Модзалевский В.Л., Савицкий П.Н. Очерки искусства Старой Украины. Чернигов // Чернігвська старовина. Збірник наукових праць, присвячений 1300-річчю Чернігова. Чернигів: Сіверянська думка, 1992. С. 20–33.

Петр Великий и Москва. Каталог выставки. М.: Красная площадь, 1998. 192 с.

Пуцко В.Г. Мазепина срібна шата в Чернігові // Родовід. Чернигів, 1996 № 2 (14). С. 112–120.

Пьесы школьных театров Москвы. М.: Наука, 1974. 583 с.

Ровинский Д.А. Обозрение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. [СПб.]: А.С. Суворин, 1903. 330 с.

Русская живопись XVII–XVIII веков: каталог выставки. Л.: Гос. Русский музей, 1977. 130 с.

Снессорева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон. Ярославль: Верхняя Волга, 2000. 460 с.

Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс-Культура, 1995. 496 с.

Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина / Сост. А.А. Гусева, Т.Н. Каменева, И.М. Полонская. Вып. 2. Т. 1: Киевские издания 2-й половины XVII в. М.: б. и., 1981. 322 с.

Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 1. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1863. 629 с.

Официальный приходской сайт храма Петра, митрополита Московского на пр. Стачек (Электронный ресурс: http://www. spb-21344.cerkov.ru/ (Дата обращения: 4 марта 2018)).

Ю.Н. Звездина
Икона «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1696 г. История в образе

Ключевые слова: Икона, Богоматерь Ильинская Черниговская, Азов, Азовская победа, аллегория, барокко, серебряная риза, Лаврентий Крщонович, Иван Мазепа, Петр I

Аннотация: Статья посвящена иконе «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1696 г. Образ известен по описанию 1913 г., составленному и опубликованному священником К. Карпинским, и более поздним спискам. Памятник был создан в Чернигове в честь Азовской победы над турками и поднесен в Москве царю Петру I. Многочисленные аллегорические детали и надписи на полях иконы ярко отразили исторические реалии того времени.

Yu. N. Zvezdina
Icon “Our Lady of the Ilinsky monastery in Chernihiv” 1696: History in the iconographic form

Keywords: Icon, Our Lady of the Ilinsky monastery in Chernigov, Azov, Azov victory, allegory, Baroque, silver casing, Lavrenti Krshchonovich, Ivan Mazepa, Peter the Great

Abstract: the Article is dedicated to the icon “Our Lady of the Ilinsky monastery in Chernihiv” (1696). This icon is known now thanks to the description published by the priest K. Karpinsky in 1913. Later, this work of art has disappeared. Only later copies of it are known. The icon was created in Chernigov, in honor of the Azov victory over the Turks, and presented in Moscow to Tsar Peter I. Numerous allegorical details and inscriptions in the margins of the icon brightly reflected the historical realities of that time.

Е.Р. Михайлова

Находки в Колтовской и Шневенской слободах:

материалы к истории петербургского быта XVIII – начала XIX в.

Историю научного изучения культурного слоя Петербурга принято отсчитывать с работ А.Д. Грача на Васильевском острове в 1952 г.[1], но только в последние 20–30 лет городская археология Петербурга оформилась как самостоятельное направление исследований, постоянно накапливающее новые знания. Крупных обобщающих работ по петербургской археологии пока не написано, но можно перечислить внушительный ряд публикаций конкретных материалов и памятников, в том числе монографических[2].

Для Петербурга, история которого полностью укладывается в эпоху нового и новейшего времени, восемнадцатый век имеет особое значение – это время возникновения и начального развития города и, пожалуй, самый мифологизированный период его истории. Археологические исследования, ведущиеся в городе, позволили получить принципиально новый, не зависимый от документальных источников материал по истории города и развитию материальной культуры в нем. Важно, что работы проводились в городских районах с самой разной историей: от императорских резиденций (Екатерингоф, Петергоф, Зимний дворец, Ораниенбаум, Царское село и др.) до участков рядовой застройки и приходских кладбищ XVIII в. Полученные при этом разнородные и временами еще обрывочные данные позволяют всё же представить общую картину раннего Петербурга.

Основанный 16 мая 1703 г. в дельте реки Невы чуть ниже взятого штурмом Ниена, новый город развивался в условиях продолжающихся военных действий, понемногу осваивая и преобразуя приневское пространство. Сеть ижорских и русских поселений, их угодий и связывающих их дорог в основном сложилась здесь еще в эпоху средневековья. Период шведского владычества ознаменовался притоком новых групп населения, преимущественно лютеранского, учреждением новых административных структур и возникновением нового значительного центра – города Ниена[3]. Северная война разорила невские земли, однако постройки и сложившаяся вокруг Ниена инфраструктура активно использовались жителями вновь основанного Санкт-Питербурха.

Петербург в начале своей истории – это поселение с преимущественно деревянной застройкой, разбросанной по болотистым берегам Невской дельты и разорванной многочисленными протоками и каналами. Неопределенность городского облика усугублялась постоянно менявшимися планами застройки. Типологически начальный Петербург сопоставим, пожалуй, даже не с городами нового времени, а с центрами предшествующих эпох[4]. Кроме того, в начале XVIII в. Петербург – это еще и военный лагерь: военные действия здесь велись вплоть до лета 1705 г. Город защищали две дерево-земляные крепости на противоположных берегах Невы и многочисленные укрепления и батареи на подступах к нему. В дополнение к гарнизонам Петербурга и Кронштадта в городе были расквартированы полки гвардии, флотские части и другие соединения, включая различные команды и отряды, временно присылавшиеся в город как для собственно военных целей, так и в качестве рабочей силы на многочисленных стройках. Другую значительную часть городского населения составляли переведенцы из самых разных областей.

Места для жительства новым поселенцам определяли власти, расселявшие людей в соответствии с их занятиями или службой. Так с самого начала петербургской истории одной из основных структурных единиц городской застройки становятся слободы. Петербургские слободы имели свою специфику. Во-первых, как уже сказано, это часто были поселения людей, связанных общей службой в полку или воинской команде, служителей одного ведомства, царского двора, порта, работников одного завода. Многочисленны, впрочем, были и слободы, населенные выходцами из одной местности – от Немецкой и Греческой слобод до Вологодской и Смоленской. Во-вторых, типичный план петербургской слободы – ряд одновременно нарезанных специально для нее однотипных земельных наделов, вытянутый вдоль вновь проложенной улицы или речного берега. Не случайно большая часть слобод с течением времени стала петербургскими улицами. Термин «слобода» применялся в основном к петербургским селениям XVIII в.

Характер культурных напластований XVIII в. в основных чертах схож по всему Петербургу. Археологический материк в невской дельте представлен переувлажненным очень светлым, почти белым мелким речным песком. Формирующийся на нем культурный слой – темная супесь – в своей нижней части также насыщен влагой и, как следствие, хорошо сохраняет органику. На период XVIII – начала XIX в. пришлось несколько катастрофических явлений, которые вызвали заметные перемены в городской застройке и тем самым запечатлелись в культурном слое.

Первыми следует упомянуть два страшных пожара, случившихся один за другим в 1736 г. и 1737 г. и уничтоживших застройку по левому берегу Невы. Учрежденная в 1737 г. Комиссия о Санкт-Петербургском строении под руководством П.М. Еропкина заново распланировала части города и установила систематический контроль за строительством. Прежнюю застройку сменила регулярная – система вновь намеченных улиц и площадей, в основных чертах сохранившаяся по сей день. Таким образом, 1737 г. следует считать условной верхней датой первого, начального периода истории Петербурга.

Следующая важная дата – 10 сентября 1777 г., когда случилось первое в истории Петербурга катастрофическое наводнение[5]. Академик И.-Г. Георги, ставший очевидцем трагедии, оставил описание, полное красочных подробностей: «оно [наводнение] причинило весьма великий вред. <…> Любской, яблоками нагруженный корабль занесен был ветром на 10 сажен от берега в лес на Васильевском острове, в коем большая часть наилучших и наивеличайших дерев от сея бури пропала. Почти по всем улицам, даже по Невской перспективе, ездили на маленьких шлюпках. <…> На Петергофской дороге две тысячи мачтовых деревьев вырвало с корнем. В Летнем саду поломало и повредило множество лип, из которых некоторые инвалиды скреплены скобками и костылями. Там разрушены и фонтаны, после того уничтоженные. На Смоленском кладбище повреждена церковь, размыты окружавшие его валы, многие могилы. Лавки в Андреевском рынке, на Петербургской и повсеместно, кроме каменных в Гостином дворе, уничтожены с товарами. В обеих Коломнах, на Мещанской, более ста домов со всеми строениями и людьми разнесло. На взморье смыло острог с находившимися в нем арестантами в числе трехсот человек. Разлив захватил окрестности столицы на 11 верст, и когда сбыла вода – трупы людей и животных валялись по полям и дорогам»[6]. Одним из следствий страшного наводнения стало намеренное интенсивное повышение территории города, хорошо заметное в его культурном слое: подсыпки стерильным светлым песком со взморья, датирующиеся концом XVIII – нач. XIX века,

[1] *Грач А.Д.* Археологические раскопки в Ленинграде: К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

[2] См. например: Археологическое наследие Санкт-Петербурга / Под ред. П.Е. Сорокина. Вып. 1–4. СПб.: СЗИ Наследия, 2003–2014; Реконструкция Константиновского дворца (Спец. выпуск журнала «Реконструкция городов и геотехническое строительство». 2003. № 6). СПб.: Ассоциация Строительных Вузов, 2003; *Кормильцева О.М., Сорокин П.Е., Кищук А.А.* Екатерингоф. СПб.: Аврора-Медиа, 2004; Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005; Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. Охранная археология. Вып. 1–8. СПб.: ИИМК РАН, 2010–2018; *Коренцвит В.А.* Летний сад Петра Великого. СПб.: Центрполиграф, 2015; *Сорокин П.Е., Гукин В.Д., Иванова А.В., Короткевич Б.С., Лазаретов И.П., Матвеев В.Н., Михайлов К.А., Поляков А.В., Попов С.Г.* Археологические исследования в устье реки Охты. Том 1. Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса. СПб.: АНО НИИ культурного и природного наследия, 2017; *Шуньгина С.Е.* К вопросу об исторических кладбищах Санкт-Петербурга (по материалам археологических исследований у ц. Благовещения на Васильевском острове в 2012 г.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 32. М.: ИА РАН, 2017. С. 406–420.

[3] *Кепсу С.* Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб.: Европейский дом, 2000; *Базарова Т.А.* Создание «Парадиза». Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого: Очерки. СПб.: Гйоль, 2016. С. 21–37.

[4] Об органической связи первоначального Петербурга с «архаичными» градостроительными структурами говорилось и прежде. Ср.: *Лебедев Г.С.* Первоначальный Петербург как компонент городского пространства // Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 137, 142.

[5] *Каратыгин П.П.* Летопись петербургских наводнений 1703–1879 гг. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888. С. 8–31; *Померанец К.С.* Три века петербургских наводнений. СПб.: Искусство-СПб, 2005. С. 17–22.

[6] *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом 1794–1796. СПб.: При Императорском Шляхетном Сухопутном Кадетском корпусе, 1794. С. 41.

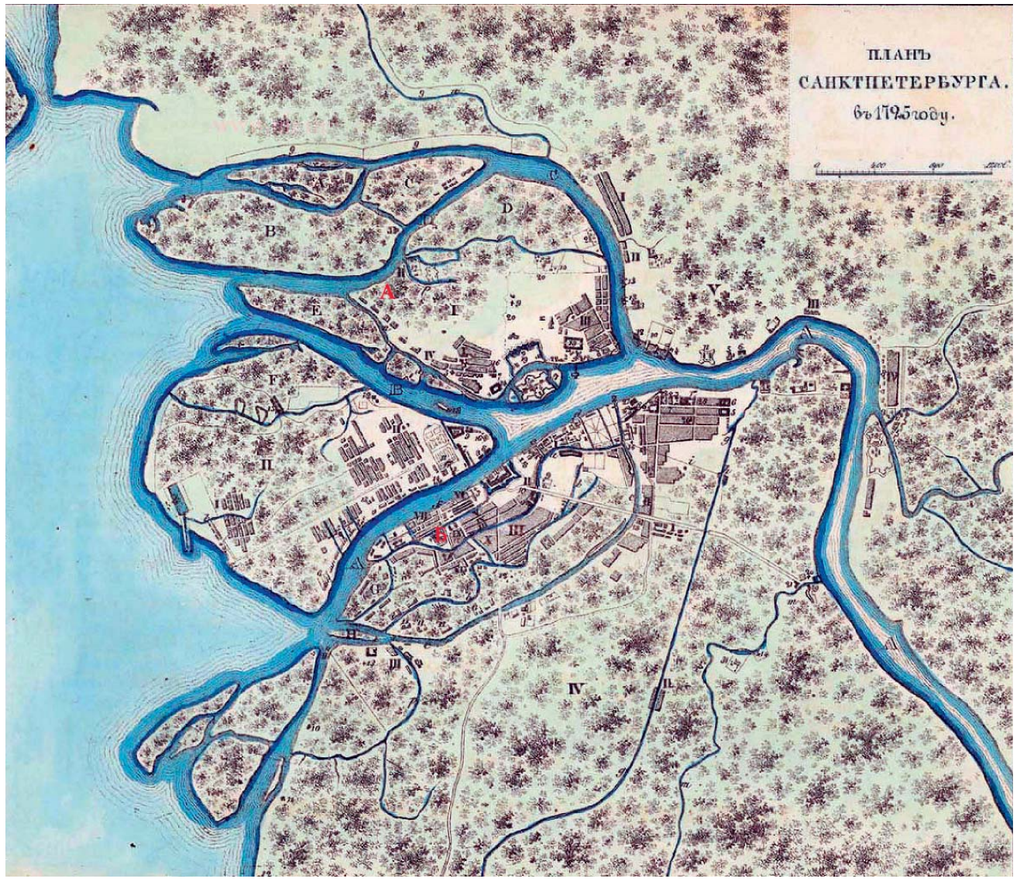

Рис. 1. Реконструкция плана Санкт-Петербурга 1725 г., выполненная Н.И. Цыловым (1853).
А – слобода Колтовского полка (на плане Н.И. Цылова обозначена цифрой II);
Б – Шневенская слобода (на плане Н.И. Цылова обозначена цифрами VIII – Шневенская по первой линии и IX – Шневенская по второй линии).

прослеживаются почти во всех раскопах в историческом центре и служат своеобразным стратиграфическим репером.

«Археологический XVIII век» заканчивается к 1820-м гг., когда большинство повседневных вещей XVIII в. окончательно выходят из употребления. Условной хронологической границей завершающегося периода можно считать следующее катастрофическое наводнение, крупнейшее в истории Петербурга: 7 ноября 1824 г. вода поднялась более чем на 4 м[7]. Затопившая город Нева принесла с собой массу песка и ила, слой которых, отложившись на улицах и во дворах, перекрыл и запечатал отложения XVIII в.

В настоящей статье рассматривается материальная культура населения двух петербургских слобод XVIII в. – Колтовской на Фомине острове (ныне Петроградском) и Шневенской в нижнем течении р. Мьи (Мойки), в раскопках которых автор принимала непосредственное участие (рис. 1, 2)[8].

Колтовская слобода возникла на северо-западном берегу Фомина острова, на стрелке рек Малой

[7] *Померанец К.С.* Три века… С. 22–44.

[8] Я выражаю искреннюю признательность своим коллегам по Лаборатории археологии, ист. социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева СПбГУ за возможность опубликовать эти материалы.

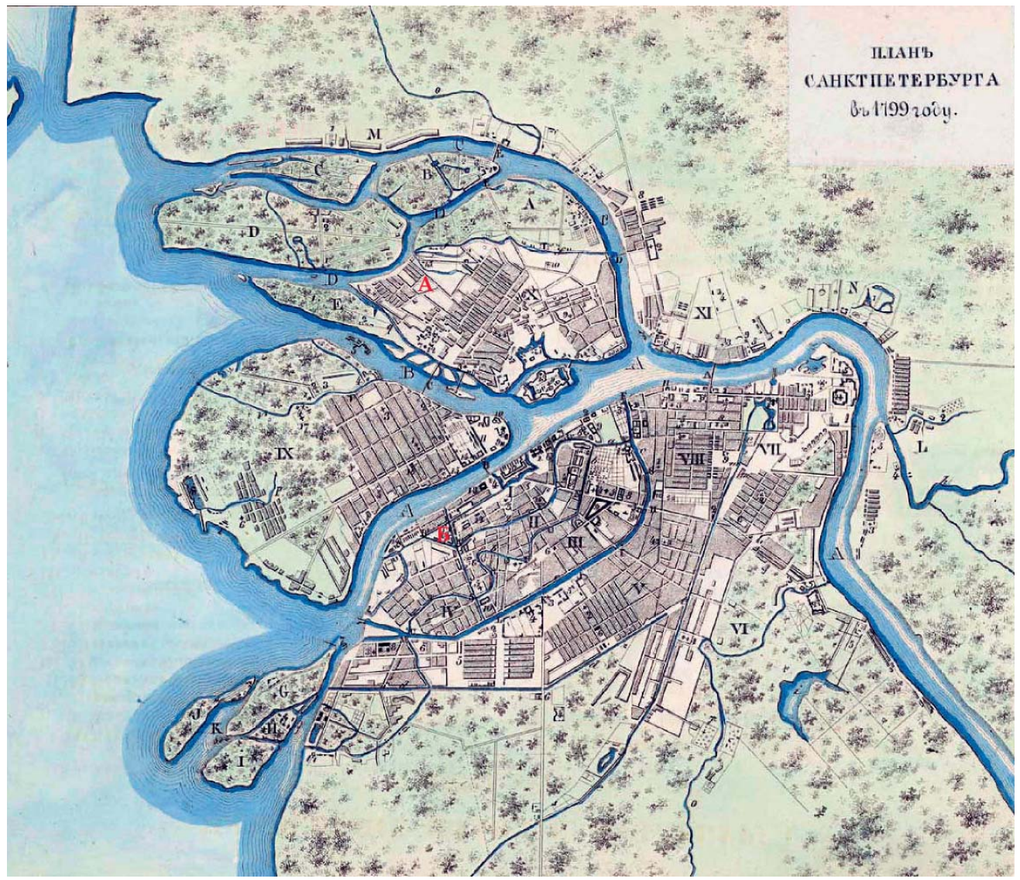

Рис. 2. Реконструкция плана Санкт-Петербурга 1799 г., выполненная Н.И. Цыловым (1853).
А – Колтовские; Б – Новая Голландия.

Невки и Ждановки вскоре после основания города (см. рис. 1А). В 1711 г. здесь был размещен полк под командованием Петра Колтовского (Колтовской полк, он же Невский гарнизонный). Полк должен был прикрывать город от возможной атаки со стороны взморья и охранять расположенный поблизости казенный пороховой завод. Колтовская слобода с ее строениями появляется на планах города только с 1730-х гг., хотя должна была возникнуть с размещения здесь полка. Центром слободы стала Спасо-Преображенская церковь – первоначально полотняная, позднее (с 1727 г.) деревянная. В последующие годы церковь несколько раз перестраивалась, и ныне стоящая на ее месте средняя школа перестроена в 1930-х гг. из каменной Спасо-Колтовской церкви. Около церкви возникло кладбище, где, кроме жителей слободы, погребали тела, переданные по отношению из располагавшейся рядом Тайной канцелярии (отсюда другое название кладбища – Тайное). Захоронения на кладбище прекратились в 1770-х гг.

Слобода со временем приобрела регулярную планировку (см. рис. 2А). С севера на юг ее прорезали три Колтовские улицы: Большая, Средняя и Малая (из них в настоящее время сохранилась трасса Большой и южный отрезок Средней), в широтном направлении были проложены несколько коротких улиц, которые первоначально носили номера рот Невского полка, позднее стали номерными Колтовскими, а в середине XIX в. получили наименования по названиям городов Санкт-Петербургской губернии.

1

2

Рис. 3. Объекты, открытые на материке.
1 – следы частоколов и огородной распашки в раскопе на наб. Адмирала Лазарева (2017 г.). Фото Д.Н. Мурзенкова.
2 – углубленные хозяйственные постройки в раскопе в Новой Голландии (2007 г.). Фото автора.

После расформирования Невского гарнизонного полка и передачи оборудования старых пороховых заводов на Охту закончился «военный» период жизни Колтовской слободы. Летом патриархальная окраинная местность, теперь называвшаяся просто Колтовскими, становилась дачной. Тогда же на территории Колтовских появились первые промышленные предприятия, в том числе ситцевая фабрика купца Броувера, в 1856 г. перешедшая к братьям Леонтьевым – по их фамилии получил свое название Леонтьевский мыс при впадении Ждановки в Малую Невку. С конца 1870-х гг. западная часть Петербургского острова всё более становится промышленным районом: появляются каменные заводские здания, осуществляются подсыпки территории для повышения заливаемого низкого берега. В 1891 г. Е.А. Яковлев основывает в Колтовских «Первый русский завод керосиновых и газовых двигателей». В 1907 г. завод перешел во владение Ц.Г. Гольстрема и получил название «Вулкан», под которым просуществовал вплоть до своего закрытия в 1998 г.

Археологические исследования в Колтовских велись несколько раз. В 1998 г. С.Л. Кузьмин предпринял предварительное обследование территории, не давшее существенных результатов. В 2001 г., при реализации научной программы «Историко-археологическое изучение старейших храмов Санкт-Петербурга» под руководством П.Е. Сорокина были изучены остатки Спасо-Колтовской церкви и Колтовского кладбища[9]. В 2011–2017 гг. в связи с новым строительством на бывшей территории завода «Вулкан» (современный адрес: наб. Адмирала Лазарева, 22) охранные археологические исследования проводили И.А. Федоров, К.В. Шмелев, Е.Р. Михайлова[10]. Кроме того, в 2014 г. делалась разведочная шурфовка по адресу: ул. Большая Зеленина, д. 34, не выявившая, однако, сохранившихся культурных напластований[11].

Участки Колтовской слободы, изученные в раскопах 2011–2017 гг., располагались у самого берега р. Малой Невки и пришлись на периферийную, хозяйственную зону нескольких усадеб и участок прибрежной полосы с остатками береговых мостков. На материке зафиксированы следы распашки и следы частоколов, возможно, разделявших отдельные участки (рис. 3: 1). Постройки XVIII в. представлены единственным двухкамерным срубом хозяйственного назначения, датирующимся второй половиной – концом XVIII в. (постройка 3 в раскопе 2013 г.). Отмеченный в прибрежной части раскопов слой намывного речного песка мощностью до 40 см, перекрывший нижние горизонты, связывается с наводнением 1824 г. Датировка песчаного наноса подтверждается дендродатой 1829 г., полученной для сооружения в вышележащем слое.

Шневенская слобода находилась в юго-западной части Адмиралтейского острова (см. рис. 1Б, 2Б), в наши дни на ее территории располагаются площадь Труда, небольшой искусственный остров Новая Голландия и набережная Адмиралтейского канала. Слобода возникла в 1705 г. как поселение батальона «морских солдат» под командой капитана Шневенца. Известно, что при слободе в 1708–1725 гг. действовал Шневенский рынок, о драных палатках которого сохранился раздраженный отзыв Петра I. В 1717–1720 гг. по территории Шневенской слободы был сооружен Крюков канал от Невы до Мойки. На пространстве, ограниченном Мойкой, отходившим от Мойки Глухим протоком и вновь прорытым каналом, было начато строительство царской усадьбы, для чего было велено перенести уже стоявшие здесь дворы частных владельцев. Образовавшийся островок с того же времени называется Новой Голландией. В 1732 г. территория острова была отведена под строительство складов для корабельного леса, к этому же году относится последнее описание петровской усадьбы: «деревянные малые ветхие хоромы и один пруд и малая роща природных дерев».

В течение 1730-х гг. по трассе Глухого протока был проложен Адмиралтейский канал, и контуры Новой Голландии были оформлены окончательно. На самом острове в эти годы были построены семь деревянных эллингов для хранения корабельного леса, а в западной части острова – шлюпочные сараи, где хранили, строили и ремонтировали мелкие гребные суда. Руководивший строительством в Новой Голландии И.К. Коробов в 1733 г. внес в Адмиралтейств-коллегию предложение отселить жителей Шневенской слободы с Глухого протока. Сохранился целый комплекс документов, связанных с переселением шневенских обывателей, всячески стремившихся уклониться от переезда; точку в этом процессе поставил пожар 1736 г.

[9] *Сорокин П.Е., Соболев В.Ю.* Исследования в Колтовской слободе // Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Том 1: Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 215–227; *Сорокин П.Е., Берташ А.В., Андреева О.В., Бельский С.В., Михайлова Е.Р., Семенов С.А., Соболев В.Ю.* Историко-археологическое изучение утраченных храмов Петербурга // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 3. СПб.: СЗИ Наследия, 2009. С. 102–115.

[10] *Федоров И.А., Мурзенков Д.Н., Соболев В.Ю., Шмелев К.В., Михайлова Е.Р.* Работы Лаборатории имени проф. Г.С. Лебедева СПбГУ на территории Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. Охранная археология. 2014. № 4. С. 181–232; *Михайлова Е.Р.* Отчет об охранных археологических раскопках выявленного объекта археологического наследия «Колтовская слобода 1. Участок культурного слоя Колтовской слободы города Санкт-Петербурга XVIII – XX вв.» в 2017 г. СПб., 2018. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

[11] https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/user-files/2018/04/24/01-26-3225.pdf

Рис. 4. Находки из напластований XVIII в.:
1 – знаменный гвоздик ((наб. Адм. Лазарева, 2017 г.); 2, 3 – пули (наб. Адм. Лазарева, 2016 г.);
4 – полуфабрикат картечи (наб. Адм. Лазарева, 2017 г.); 5, 6 – ружейные кремни (наб. Адм. Лазарева, 2017 г.);
7 – полуфабрикат картечи (наб. Адм. Лазарева, 2013 г.); 8 – пряжка (наб. Адм. Лазарева, 2017 г.);
9 – пряжка (Новая Голландия, 2007 г.); 10 – пряжка (наб. Адм. Лазарева, 2013 г.); 11, 12, 14 – судовые ластильные скобы (наб. Адм. Лазарева, 2017 г.); 13 – ластильная скобка (наб. Адм. Лазарева, 2013 г.);
15 – игрушка «баба с птицей» (Новая Голландия, 2007 г.); 16, 17 – судовые заклепки (Новая Голландия, 2007 г.);
18 – курительная трубка (наб. Адм. Лазарева, 2017 г.).
1, 8–10, 16, 17 – медный сплав; 2–4, 7 – свинец; 5, 6 – кремень; 11–14 – железо; 15, 18 – керамика.
Фото автора.

В 1765–1788 гг. взамен обветшавших деревянных эллингов по южному и восточному берегам острова был возведен комплекс кирпичных лесных складов, стоящих поныне; при этом низкая территория острова была подсыпана. Одновременно (в 1765–1767 гг.) на острове, на месте старого пруда, был устроен внутренний водоем (Ковш), соединенный узкими каналами с Мойкой и Крюковым каналом. Вплоть до конца XX в. Новая Голландия принадлежала военно-морскому флоту и использовалась преимущественно под склады и технические службы. Противоположный берег Адмиралтейского канала со второй половины – конца XVIII в. был застроен частными домами, а к востоку от Крюкова канала постепенно формировался комплекс зданий Конногвардейского полка[12].

Раскопки на территории Шневенской слободы велись в 2001 г. в усадьбе графов Бобринских, расположенной на берегу Адмиралтейского канала у Храповицкого моста, и в 2006–2007 гг. в Новой Голландии. В саду усадьбы Бобринских (во второй половине XVIII в. участок принадлежал А.В. Храповицкому, позднее П.В. Мятлеву) было установлено наличие мокрого культурного слоя и остатки дощатых настилов в его основании[13]. На острове Новая Голландия разведочными шурфами и траншеями 2006 г. были обнаружены сооружения 1730-х гг. (следы шлюпочных сараев на стрелке острова и лесных эллингов на берегу Мойки, фрагменты деревянных креплений берега), а также изучены фундаменты существующих лесных складов и береговое мощение внутреннего Ковша. Остатков петровской усадьбы обнаружить не удалось. Анализ картографических источников заставляет предположить, что место, где располагались «деревянные хоромы», теперь приходится на территорию Ковша[14]. В 2007 г. в Новой Голландии на берегу Адмиралтейского канала был заложен раскоп, позволивший детально изучить культурный слой острова. В этом же раскопе были прослежены следы разобранных лесных складов 1732–1738 гг.: расположенные правильными рядами ямы от столбов фундамента и толстый слой щепок и коры вокруг них. Ниже уровня строительства лесных складов были открыты два неглубоких котлована от хозяйственных строений Шневенской слободы[15] (рис. 3: 2).

Собранные при раскопках в обоих районах города находки рисуют картину быта рядового петербургского населения XVIII в. Среди найденных предметов велика доля предметов униформы и амуниции, что естественно для быта солдатских слобод в городе с многочисленными воинскими контингентами. Часто встречаются круглые литые свинцовые пули и чугунные ядра разного диаметра. Особенно интересны находки полуфабрикатов свинцовой картечи при раскопках в Колтовской слободе (рис. 4: 4, 7). В этом же контексте следует упомянуть многочисленные ружейные кремни, так называемые знаменные гвоздики, ременные и обувные пряжки, обоймы, фрагменты кожаных изделий, мундирные и кафтанные пуговицы (см. рис. 4).

Большая часть находок кожаных изделий в культурном слое Петербурга связана, разумеется, с обувью, среди образцов которой встречаются сапоги, поршни, туфли и башмаки[16]. Хорошо заметны на общем фоне и характерные для позднего XVIII – начала XIX века подошвы обуви с вытянутыми заостренными носами (рис. 5: 2, 3). Нельзя не упомянуть и уникальную находку из слоя первой четверти XIX в. в Колтовских – пару подкованных гвоздями солдатских сапог, переделанных в опорки для хозяйственных работ (рис. 5: 4–6). Эта пара обуви привлекает внимание прежде всего своей «незаконностью»: известно, что в Петербурге действовал запрет на подбивание гвоздями солдатской обуви, дабы наряженные в караул солдаты не портили сапогами полов. Вероятно, эта пара сапог никогда не покидала полковой слободы.

Кроме кожаной обуви в описываемых раскопах дважды встречены берестяные лапти косого плетения. Лапти, как известно, использовались как рабочая обувь, и обстоятельства находки одного из них полностью это подтверждают: лапоть увяз в слое липкой грязи под бревном деревянного эллинга на берегу Мойки в Новой Голландии. Берестяные лапти найдены и при раскопках в других местах, в частности, в братской могиле начала XVIII в. на Сытнинской улице на Петроградской

[12] *Канн П.Я.* Площадь Труда. Л.: Лениздат, 1981. С. 8–27; *Соловьева Т.А.* Новая Голландия и ее окружение. СПб.: Крига, 2010. С. 12–82.

[13] *Лебедев Г.С., Михайлова Е.Р.* Архитектурно-археологические исследования на территории дворца графов Бобринских // Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Том 1: Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005; *Михайлова Е.Р.* Отчет об археологических исследованиях в саду усадьбы графов Бобринских (г. Санкт-Петербург, Галерная ул., д. 60). СПб., 2005. // Архив КГИОП СПб.

[14] *Соболев В.Ю.* Отчет об охранных раскопках на территории острова Новая Голландия в 2006 г. СПб., 2007. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1; *Лесман Ю.М.* Заключение о степени сохранности культурного слоя и объектов археологического наследия на острове Новая Голландия // Stratum plus. 2014. № 5. С. 26–31; *Михайлова Е.Р.* Археологическое изучение острова Новая Голландия // Культурное наследие Российского государства. Вып. VI. Ч. 1. СПб.: ИПК «Вести», 2014. С. 324–337.

[15] *Михайлова Е.Р.* Отчет об охранных раскопках на территории острова Новая Голландия в Санкт-Петербурге в 2007 г. СПб., 2007. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1; *Михайлова Е.Р.* Археологическое изучение острова Новая Голландия… С. 324–337.

[16] Благодарю д.и.н. А.В. Курбатова (ИИМК РАН) за неоднократные подробные консультации по кожаным изделиям и обуви из раскопок.

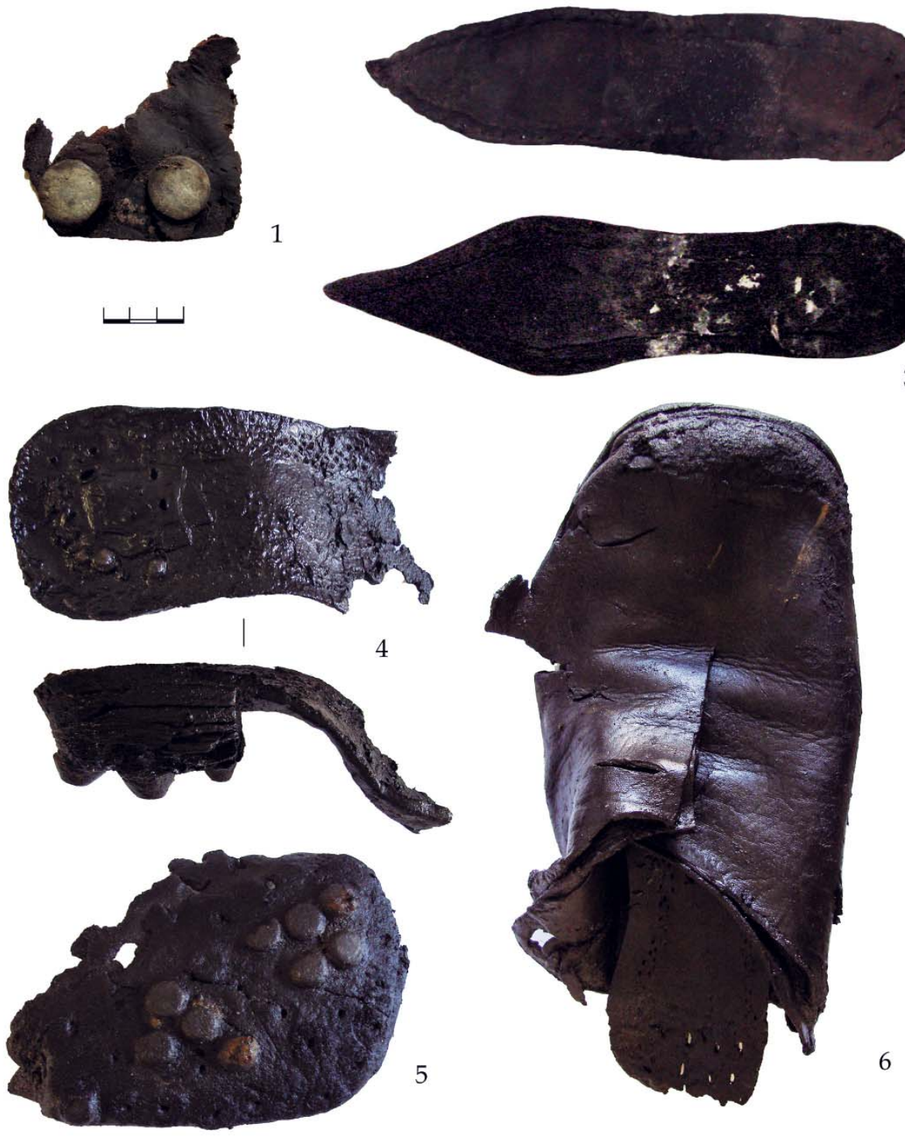

Рис. 5. Кожаные изделия XVIII – первой четв. XIX в.:
1 – Новая Голландия, 2007 г.; 2–6 – наб. Адм. Лазарева, 2017 г. Фото автора.

Рис. 6. Железные инструменты XVIII в.:
1 – наб. Адм. Лазарева, 2013 г.; 2 – наб. Адм. Лазарева, 2016 г.; 3 – наб. Адм. Лазарева, 2013 г.;
4 – наб. Адм. Лазарева, 2017 г.; 5 – Новая Голландия, 2007 г.; 6 – наб. Адм. Лазарева, 2013 г. Фото автора.

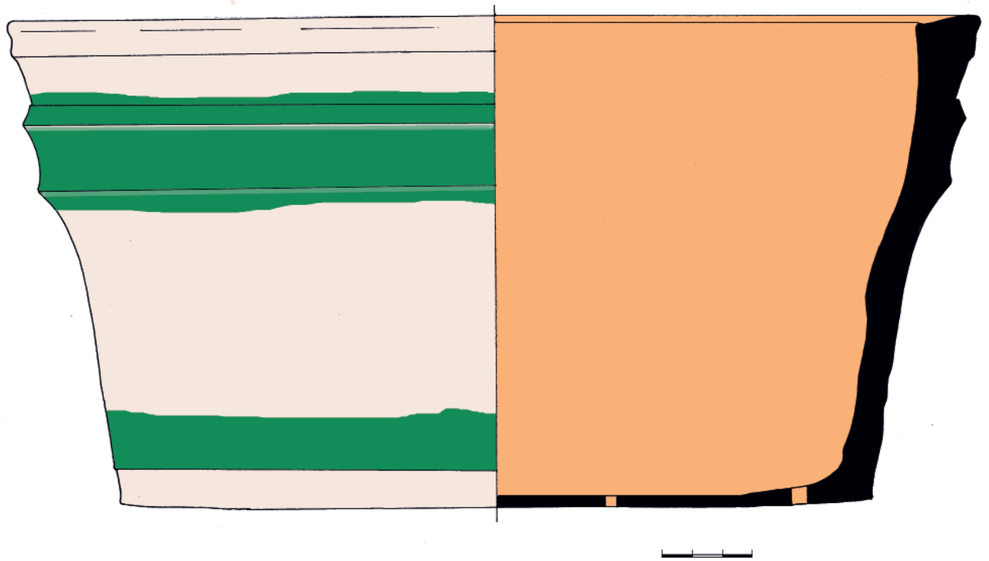

Рис. 7. Реконструкция ангобированного керамического вазона с полосами зеленой поливы. Рис. автора.

стороне (так называемое «кладбище первых строителей Петербурга»)[17].

Рабочие инструменты в наших материалах представлены преимущественно заступами и топорами (рис. 6). Топоры разнотипны: встречены два целых топора с угловатым треугольным обухом и бородком внизу и обломок характерного трубчатого обуха с вырезом в нижней части. Обе формы топоров применяются в традиционном хозяйстве финских народов и сейчас; по всей вероятности, топоры из наших раскопок – продукция местных кузнецов. Ножи представлены характерными для XVIII в. формами с узким черенком, широким лезвием и вздернутым кончиком; из раскопок в Колтовской происходит также складной нож с закругленным концом (см. рис. 6: 4, 6).

Из предметов повседневного обихода подавляющее большинство находок представляют собой, разумеется, осколки керамической и стеклянной посуды. Бытовая, по преимуществу кухонная, керамика изготовлена обычно из беложгущихся глин в традиционной для Северо-Запада России технике и представляет собой развитие форм предшествующего времени[18]. Широко распространена тонкостенная мореная керамика с полосчатым лощением, бытовавшая в Петербурге, как и вообще в России, вплоть до начала XIX в.[19] В качестве столовой употреблялась чаще поливная керамика, а также дорогие на первых порах фарфор и фаянс. Видимо, с дороговизной новых видов посуды связано появление в комплексах XVIII в. имитаций фаянса – глубоких тарелок из светлой глины, покрытых полихромной росписью по толстому слою глухой белой поливы.

Еще одна заметная часть городского керамического комплекса – цветочные горшки, в изобилии представленные с самого начала существования города. На материалах петербургских раскопов хорошо прослеживается постепенное типологическое развитие от горшков в точном смысле этого слова к привычным нам усеченно-коническим сосудам. Кроме горшков для комнатных цветов, слои XVIII в. содержат многочисленные горшки-вазоны для растений, выставлявшихся наружу. Это довольно крупные сосуды, покрытые белым ангобом, с одной-двумя выделенными профилировкой широкими каннелюрами, по каннелюрам нанесены полосы темно-зеленой поливы (рис. 7).

[17] *Курбатов А.В.* Обувь первых строителей Петербурга (по материалам раскопок на ул. Сытнинской в 2013–2014 гг.) // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. Охранная археология. Вып. 5. 2015. С. 225–226.

[18] *Михайлова Е.Р.* Белоглиняная керамика в Петербурге (предварительное сообщение) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: Тверь: ИА РАН, ТНИИР-Центр, 2017. С. 303–315.

[19] *Мец Н.Д.* Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. 24. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 113.

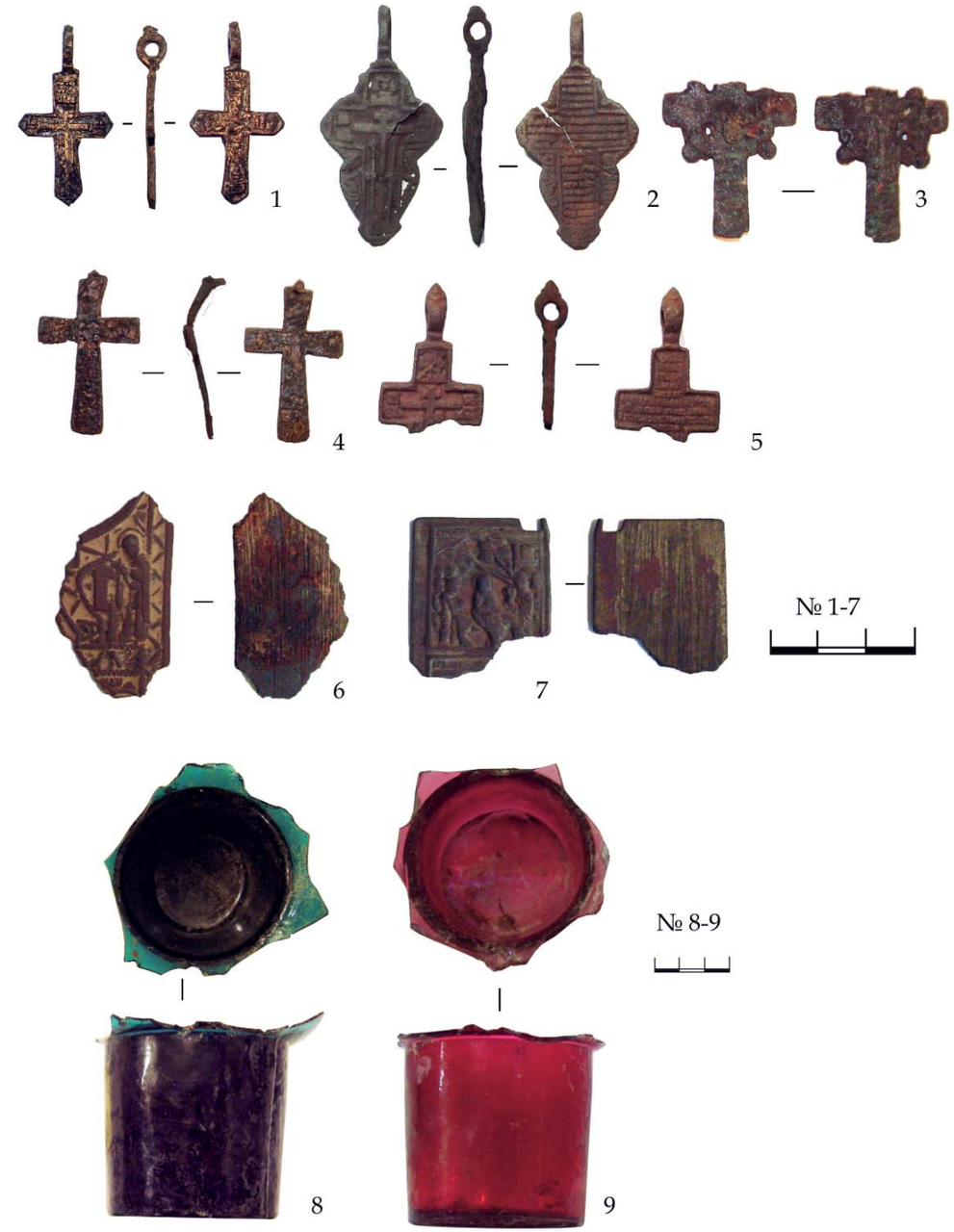

Рис. 8. Предметы христианского культа XVIII – XIX вв., найденные в Колтовской слободе в 2013 и 2017 гг. 1–7 – цветной металл; 8, 9 – стекло. Фото автора.

Стеклянная посуда этого времени – в основном дутые колбовидные и штофные бутыли, а также очень многочисленные бокалы, рюмки и стаканы.

В материальной культуре воинских слобод отразилась и жизнь солдатских семей: найдены отдельные стеклянные бусы (это вообще редкая находка в русских городах нового времени) и довольно многочисленные детские игрушки. Большая часть игрушек – керамические свистульки и фигурки. Некоторые из них, с полихромной росписью, вероятно, изготовлены в гжельских мастерских[20], другие, со сплошной желто-зеленой и коричневой поливой, сделаны в тех же петербургских мастерских, что и керамическая посуда, крытая аналогичной поливой (см. рис. 4: 15). Неоднократно встречены также залитые свинцом костяные биты для игры в бабки. Многие находки кожаных подошв также, судя по размеру, происходят от женской и детской обуви.

Регулярно встречаются при раскопках нательные кресты, фрагменты медных иконок-складней, осколки лампадных стаканов, стеклянные пасхальные яйца. К сожалению, большая часть таких находок происходит из перемещенных уровней культурного слоя и не имеет надежной стратиграфической датировки (рис. 8). Любопытно, что среди нательных крестов и литых иконок велика доля образцов так называемого старообрядческого литья (например, крестики с текстом молитвы Честному Кресту). Это может быть связано как с очевидным присутствием в Петербурге старообрядцев, так и с распространенностью и дешевизной этих предметов, которыми в обыденной жизни пользовались и приверженцы синодальной Церкви[21].

В повседневной культуре заметны многочисленные приметы времени и портового расположения города: «голландские» курительные трубки, устричные раковины, поливные керамические банки-помадницы, осветительные плошки, изразцы «на голландский манер», западноевропейские торговые пломбы, сельтерские бутыли из каменной массы и др. Их многочисленность и повсеместная встречаемость свидетельствуют о том, что все они прочно укоренились в петербургском быту.

Многие из первоначально привозных предметов производились уже и в России. Так, про производство расписных бело-синих ландшафтных и гамбургских изразцов в Петербурге нам известно по документам[22]. Наверняка в России была изготовлена белоглиняная курительная трубка с рельефным изображением двуглавого орла со скипетром и державой в лапах, найденная при раскопках в Колтовской (см. рис. 4: 18).

Сосуществование разных традиций ярко демонстрируют и находки деталей для скрепления корабельных досок: практически повсеместно найдены как заклепки для клинкерной обшивки (см. рис. 4: 16, 17), так и ластильные скобки для соединения досок в стык (см. рис. 4: 11–14). Ластильные скобки издавна применялись в традиционном русском судостроительстве – эта технология позволяла изготавливать суда из тесаных досок, не требуя их точной подгонки, и потому была широко распространена. Известны указы Петра I, а впоследствии Морского министерства, запрещавшие строительство «староманерных» судов с употреблением ластильных скоб, однако простая и не требующая дополнительных усилий технология дожила до наших дней[23]. Вероятно, упомянутым запретом объясняется отсутствие ластильных скобок на территории шлюпочных сараев в Новой Голландии, принадлежавших Адмиралтейств-коллегии, а также на территории первоначального петербургского порта, устроенного в протоке между Петербургской крепостью и Фоминым островом[24].

В целом археологические источники рисуют нам ранний Петербург как город со многими традиционными чертами в культуре. Выраженная специфика петербургского быта обусловлена окраинным положением на вновь отвоеванных землях, неблагоприятными природными условиями, важной ролью порта, близостью театров военных действий и пребыванием здесь царского двора и высшей бюрократии.

Восемнадцатый век традиционно и справедливо считается началом нового периода истории России, и археологические материалы, казалось бы, подтверждают это мнение. В петербургском культурном слое массово представлены привозные фарфор и стекло, каменная керамика, детали европейской одежды и обуви, «голландские» изразцы, устричные раковины и пр., однако еще более многочисленны вещи традиционных типов, восходящие к русскому средневековью. Петербургский материал сам по себе не позволяет судить, насколько резкими и всеобъемлющими были изменения в материальной культуре, но дает важные сведения для изучения этого процесса.

[20] *Михайлова Е.Р., Шмелев К.В., Мурзенков Д.Н.* Колтовские «солдатики»: О находке керамических фигурок XVIII в. // История военного костюма: от древнего мира до наших дней. Мат-лы III Междунар. военно-исторической конференции. СПб.: СПбГУ ПТД, 2018. С. 92–98.

[21] За консультацию выражаю признательность Ю.В. Колпаковой (ПсковГУ).

[22] *Маслих С.А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.: Изобразительное искусство, 1983. С. 23; *Дутов А.А.* Декоративное оформление печей в петровскую эпоху // Петровское время в лицах – 2015. Мат-лы науч. конф. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. 78). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 174–176.

[23] *Сорокин П.Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 43–44.

[24] Благодарю К.В. Шмелева (СПбГУ), сообщившего мне о своих наблюдениях и их интерпретации.

Список литературы

Археологическое наследие Санкт-Петербурга / Под ред. П.Е. Сорокина. Вып. 1–4. СПб.: СЗИ Наследия, 2003–2014.

Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. Охранная археология. Вып. 1–8. СПб.: ИИМК РАН, 2010–2018.

Базарова Т.А. Создание «Парадиза». Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого: Очерки. СПб.: Гйоль, 2016. 422 с.

Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом 1794–1796. СПб.: При Императорском Шляхетном Сухопутном Кадетском корпусе, 1794. 757 с.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Ленинграде: К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л. Изд-во Академии наук СССР, 1957. 88 с.

Дутов А.А. Декоративное оформление печей в петровскую эпоху // Петровское время в лицах – 2015. Мат-лы науч. конф. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. 78). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 173–184.

Канн П.Я. Площадь Труда. Л.: Лениздат, 1981. 120 с.

Каратыгин П.П. Летопись петербургских наводнений 1703–1879 гг. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888. 87 с.

Кепсу С. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб.: Европейский дом, 2000. 127 с.

Коренцвит В.А. Летний сад Петра Великого. СПб.: Центрполиграф, 2015. 559 с.

Кормильцева О.М., Сорокин П.Е., Кищук А.А. Екатерингоф. СПб.: Аврора-Медиа, 2004. 128 с.

Курбатов А.В. Обувь первых строителей Петербурга (по материалам раскопок на ул. Сытнинской в 2013–2014 гг.) // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. Охранная археология. Вып. 5. 2015. С. 225–238.

Лебедев Г.С. Первоначальный Петербург как компонент городского пространства // Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 131–150.

Лебедев Г.С., Михайлова Е.Р. Архитектурно-археологические исследования на территории дворца графов Бобринских // Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Том 1: Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 122–135.

Лесман Ю.М. Заключение о степени сохранности культурного слоя и объектов археологического наследия на острове Новая Голландия // Stratum plus. 2014. № 5. С. 26–31.

Мец Н.Д. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 24. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 108–115.

Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.: Изобразительное искусство, 1983. 270 с.

Михайлова Е.Р. Отчет об археологических исследованиях в саду усадьбы графов Бобринских (г. Санкт-Петербург, Галерная ул., д. 60). СПб., 2005. // Архив КГИОП СПб.

Михайлова Е.Р. Отчет об охранных раскопках на территории острова Новая Голландия в Санкт-Петербурге в 2007 г. СПб., 2007. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

Михайлова Е.Р. Археологическое изучение острова Новая Голландия // Культурное наследие Российского государства. Вып. VI. Ч. 1. СПб.: ИПК «Вести», 2014. С. 324–337.

Михайлова Е.Р. Белоглиняная керамика в Петербурге (предварительное сообщение) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: ИА РАН, ТНИИР-Центр, 2017. С. 303–315.

Михайлова Е.Р. Отчет об охранных археологических раскопках выявленного объекта археологического наследия «Колтовская слобода 1. Участок культурного слоя Колтовской слободы города Санкт-Петербурга XVIII – XX вв.» в 2017 г. СПб., 2018 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

Михайлова Е.Р., Шмелев К.В., Мурзенков Д.Н. Колтовские «солдатики»: О находке керамических фигурок XVIII в. // История военного костюма: от древнего мира до наших дней. Мат-лы III Междунар. военно-исторической конференции СПб.: СПбГУ ПТД, 2018. С. 92–98.

Померанец К.С. Три века петербургских наводнений. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 214 с.

Реконструкция Константиновского дворца (Спец. выпуск журнала «Реконструкция городов и геотехническое строительство», № 6 / 2003). СПб.: Ассоциация Строительных Вузов, 2003. 175 с.

Соболев В.Ю. Отчет об охранных раскопках на территории острова Новая Голландия в 2006 г. СПб., 2007. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

Соловьева Т.А. Новая Голландия и ее окружение. СПб.: Крига, 2010. 232 с.

Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 208 с.

Сорокин П.Е., Соболев В.Ю. Исследования в Колтовской слободе // Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Том 1: Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 215–227.

Сорокин П.Е., Берташ А.В., Андреева О.В., Бельский С.В., Михайлова Е.Р., Семенов С.А., Соболев В.Ю. Историко-археологическое изучение утраченных храмов Петербурга // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 3. СПб.: СЗИ Наследия, 2009. С. 53–129.

Сорокин П.Е., Гукин В.Д., Иванова А.В., Короткевич Б.С., Лазаретов И.П., Матвеев В.Н., Михайлов К.А., Поляков А.В., Попов С.Г. Археологические исследования в устье реки Охты. Том 1. Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса. СПб.: АНО НИИ культурного и природного наследия, 2017. 238 с.

Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Том 1: Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 253 с.

Федоров И.А., Мурзенков Д.Н., Соболев В.Ю., Шмелев К.В., Михайлова Е.Р. Работы Лаборатории имени проф. Г.С. Лебедева СПбГУ на территории Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. Охранная археология. 2014. № 4. С. 153–204.

Цылов Н. Планы Санкт-Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годах, с приложением планов 13-ти частей столицы 1853 года. СПб.: Тип. Штаба отд. корпуса внутр. стражи, 1853. 55 л.

Шуньгина С.Е. К вопросу об исторических кладбищах Санкт-Петербурга (по материалам археологических исследований у ц. Благовещения на Васильевском острове в 2012 г.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 32. М.: ИА РАН, 2017. С. 406–420.

Е.Р. Михайлова

Находки в Колтовской и Шневенской слободах: материалы к истории петербургского быта XVIII – начала XIX вв.

Ключевые слова: Петербург, городские слободы, материальная культура, повседневная жизнь

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые находки XVIII – начала XIX в., полученные в ходе недавних раскопок на территории двух петербургских военных слобод (Колтовской и Шневенской). Найденные предметы отражают жизнь рядового петербургского населения. Бытовая культура Петербурга этого времени имеет много общих черт как с традиционной русской культурой, так и с культурой портовых городов Балтики.

E.R. Mikhaylova

Finds from Koltovskaya and Shnevenskay settlements in St. Peterburg; some materials on history of Petersburg life of the 18th and early 19th centuries

Keywords: Petersburg, urban settlements, material culture, everyday life

Abstract: Some finds of the 18th – early 19th centuries made during recent excavations of the territory of two Petersburg military settlements, Koltovskaya and Shevneskaya, are discussed in the article. Finds reflect the life of ordinary population of Petersburg military settlements, Koltovskaya and Shevnenskaya. The everyday culture of St. Petersburg at that time had many features in common with traditional Russian culture as well as with culture of the Baltic port cities.

Р.В. Реброва

Проблемы отбора массовых находок XVIII – начала XX в. в музейную коллекцию

(на примере фонда Санкт-Петербургской археологии Государственного Эрмитажа)

Каждая экспедиция, работающая в черте исторического центра на раскопках памятников XVIII–XIX вв., сталкивается с проблемой отбора массового материала. Начало XVIII в. совпадает со временем развития индустриализации. Продукция становится многотиражной и, следовательно, в единичных находках малоинформативной для характеристики эпохи, быта, производства.

При отборе в музейную коллекцию хранитель стоит перед опасностью отсева, возможно нужных предметов. Остро ощущается недостаток справочной литературы с базовыми типологией и терминологией материальной культуры Нового времени, что вынуждает увеличивать объемы собираемой коллекции, а в дальнейшем создает проблемы при передаче огромных коллекций в музейные собрания. Хранитель должен ответить на вопросы – следует ли принимать тот или иной массовый материал или он подлежит простой фиксации; насколько он может быть показателен для изучения истории промышленности, производств, экономического роста страны и других смежных областей исторической науки? В первую очередь это касается строительных материалов – кирпича, черепицы; отделочных – плитки и изразцов; и предметов повседневного быта. Как найти тонкую грань компромисса и, не уничтожая целостности археологических коллекций, не раздувать фонды до бесконечности?

Если для курительных голландских трубок, плитки, сельтерских и просто винных бутылок, т.е. вещей тоже массового производства, но западноевропейского происхождения еще можно обращаться к каталогам западных коллег, где все эти вещи достаточно точно классифицированы, то для изразцов русского происхождения, кирпичей, черепицы вся типология только начинает развиваться.

Не существует каталога типов черепицы, и на данный момент вышел только один полноценный каталог типов кирпичей[1], но и он охватывает только территорию Санкт-Петербургской губернии. Каталоги по изразцам появляются только у отдельных коллекций музеев и в большинстве останавливаются до начала XVIII в.[2]

Отбор для приема предметов на постоянное хранение имеет множество подводных камней и, не обладая всей полнотой информации по категории экспонатов, можно не заметить важное. Приведем несколько конкретных примеров.

Плитка. При раскопках большого Эрмитажного двора в 1999 г. в траншее № 1 (территория усадьбы Ф.М. Апраксина) было найдено всего несколько фрагментов голландской плитки (рис. 1, 2) – казалось бы, незначительная находка. Архивные документы подтверждали присутствие плитки во дворце Ф.М. Апраксина. Федор Матвеевич заказал в 1714 г. из Нидерландов через купца Х. Брандта «1000 плиток ценинных, по белой земле синий кулер и прислать на вешних кораблях»[3]. Но дворец был разрушен и фактического свидетельства этому не находилось. Находка фрагментов плиток подтвердила ее присутствие в отделке дворца.

В археологическом материале Петербурга находка плитки дает с большой долей вероятности

[1] Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. [№] 7. Материальная культура Санкт-Петербурга. Вып. 1. *Смирнов В.Н., Ёлшин Д.Д.* Кирпичные клейма Санкт-Петербургской губернии середины XIX – начала XX в. Каталог и исследование. СПб.: Изд-во ООО «Периферия», 2017.

[2] *Баранова С.И.* Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011; *Яковлева Л.П., Жегурова О.В.* Изразцы в собрании Новгородского музея: Каталог выставки. Великий Новгород: Моби-Дик, 2006.

[3] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 252. Л. 17 об.

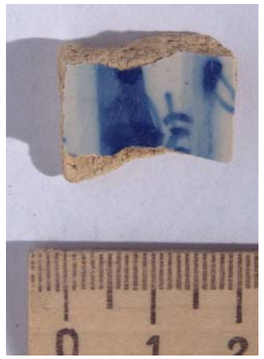

Рис. 1. Плитка керамическая голландская (фрагмент). Нидерланды. Амстердам (?). 1714–1717. АСП-3806, полевой номер БД-99/XXXVI-16. Из комплекса хозяйственных построек юго-западной части усадьбы Ф.М. Апраксина. Публикуется впервые.

Рис. 2. Плитка керамическая голландская (фрагмент). Нидерланды. Утрехт (?). 1714–1717. АСП-3807, полевой номер БД-99/XXXVI-17. Из комплекса хозяйственных построек юго-западной части усадьбы Ф.М. Апраксина. Публикуется впервые.

Рис. 3. Изразец гладкий расписной бело-синий (фрагмент). На белом фоне угловое заполнение в виде цветка, двойной круг имитирующий большой круг голландской плитки. Россия. Санкт-Петербург (?). 1710–1725. АСП-4174. Публикуется впервые.

Рис. 4. Плитка расписная бело-синяя (фрагмент). На белом фоне в большом круге пейзаж, угловые заполнения «голова быка». 1710–1725. Новый-Иерусалим. Экспозиция археологических находок. Фото автора.

датировку объекта – первая четверть XVIII в., так как мода на нее была короткой и длилась только до 1725 г. Плитку закупал не только Петр, но и его приближенные.

Всего существует несколько зданий в Петербурге в которых находились плитковые интерьеры или отделанные плиткой камины. Здания, принадлежавшие Петру I – Летний и Зимний дворцы, Марли, Монплезир, принадлежавшие Меншикову – Меншиковский дворец, Ораниенбаумский дворец, дом в Кронштадте, дворец Ф.М. Апраксина.

Очевидно, существовали и другие плитковые интерьеры, о чем нам говорят последние археологические находки обломков голландских плиток, например, на Васильевском острове.

К проблемам отбора и типологии плиток следует также отнести нечетко сформулированное определение в российской научной литературе таких терминов как «плитка» и «изразец». Часто под этими понятиями подразумевается один и тот же объект, но по форме это совершенно разные предметы, основным отличием которых является наличие румпы (у изразца). Надо отдать должное покупателям в XVIII в., они при заказе материалов для отделки дома эти предметы не путали. Плитки так и назывались плитками, изразцы – *обрасцы*,

Рис. 5. Желобчатая черепица дугообразного профиля с волнистыми расчесами, нанесенными крестообразно при помощи специального инструмента. Санкт-Петербург. 1703–1725. АСП-4469, 4470, 4471. Публикуется впервые.

Рис. 6. Плоская черепица с полукруглой хвостовой частью, поверхность которой покрыта параллельными продольными желобами-каннелюрами. Санкт-Петербург. 1703–1725. АСП-4483, 4482. Публикуется впервые.

кафли. Письмо Петра I Куракину содержит указание: «плитки, ежели еще не отпущены, то велите приказать отпустить самые лучшие, которыми окна выкладывают и чтоб по оным синею краской было написано, а не красною, так же как печи были б самой доброй работы гладкие обрасцы синей краской выписаны»[4].

С плиткой также связаны два устойчивых мифа, не имеющих под собой никаких оснований. Первый – существование «русской плитки», сделанной по голландским трафаретам. Попытки производить подобную на русских мануфактурах не увенчались успехом, и изделия отличаются даже визуально (рис. 3, 4).

[4] *Сергиенко И.И.* Голландские мастера керамисты и их русские ученики // Россия и Нидерланды в XVII–XX вв.: новые исследования и актуальные проблемы. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 111.

Рис. 7. Черепица с клейменым восьмилучевым шипом. Санкт-Петербург (?). Европа (?) 1703–1790. АСП-1318. Публикуется впервые.

Миф второй – «голландский изразец». Голландцы не умеют их делать и никогда не делали, импорт изразцов происходил из таких стран как Германия, Польша, Швеция, современная Белоруссия. В Голландии производились только плитки, ими они отделывали камины и стены кухонь.

Черепица. Большое разнообразие черепицы в коллекции позволяет в общих чертах наметить ее типологию на протяжении XVIII в. Сложность заключается в том, что первоначальных конструкций таких кровель не сохранилось, а время выпадения черепицы в слой могло сильно отличаться от времени ее изготовления, черепицу часто употребляли повторно. Большое значение имеют ранние закрытые комплексы. К таким комплексам относится исследованная в Большом дворе Зимнего дворца в 1999 г. мусорная яма, перекрытая фундаментами Зимнего дворца Анны Иоанновны 1730–1731 гг. В ней найдено четыре разных типа черепицы.

Первый тип – желобчатая черепица дугообразного профиля с волнистыми расчесами, нанесенными крестообразно при помощи специального инструмента с 4 зубьями (рис. 5). Форма шипа неизвестна. Возможно, с этим типом соотносится тип из раскопок Петропавловской крепости, описанный О.В. Андреевой и Е.А. Шаровым, с трехгранным шипом, полукруглым сечением и пальцевыми бороздками[5].

Второй тип – плоская черепица с полукруглой хвостовой частью, поверхность которой покрыта параллельными продольными желобами-каннелюрами (рис. 6). Подобный тип известен также по раскопкам П.Е. Сорокина на Троицкой площади, где он был зафиксирован в слое до пожара 1756 г.[6]

Третий тип – плоская с маленьким шипом, полукруглой хвостовой частью и мелкопесчаной обсыпкой.

Четвертый – плоская с маленьким шипом и трапециевидной хвостовой частью.

Плоская черепица в большом количестве встречается в культурном слое на территории дворов Эрмитажа, Главного Штаба и в материалах из заполнения подвалов Зимнего дворца Петра I, перестроенного в Эрмитажный театр в 1782–1785 гг. архитектором Джакомо Кваренги (исследования 1970-х гг.). Из нее выделяются наиболее часто встречающиеся типы:

пятый – с трапециевидной хвостовой частью, широким шипом и грубой песчаной обсыпкой (найдена в Большом дворе и Главном Штабе Инв № АСП[7]-1350);

шестой – плоская с широким шипом и овальным хвостовым завершением (найдена в Эрмитажном театре – Зимний дворец Петра I, Большом дворе Государственного Эрмитажа, Главном Штабе). Плоская черепица часто встречается во вторичном употреблении – в качестве выравнивающих слоев в кладках здания Зимнего дворца Растрелли. Это свидетельствует

[5] *Андреева О.В., Шаров Е.А.* Археологические исследования в Государевом бастионе Петропавловской крепости // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, СЗИ Наследия, 2003. С. 97.

[6] *Сорокин П.Е.* Археологическое изучение Троицкого Петровского собора // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, СЗИ Наследия, 2003. С. 66.

[7] АСП – Археология Санкт-Петербурга.

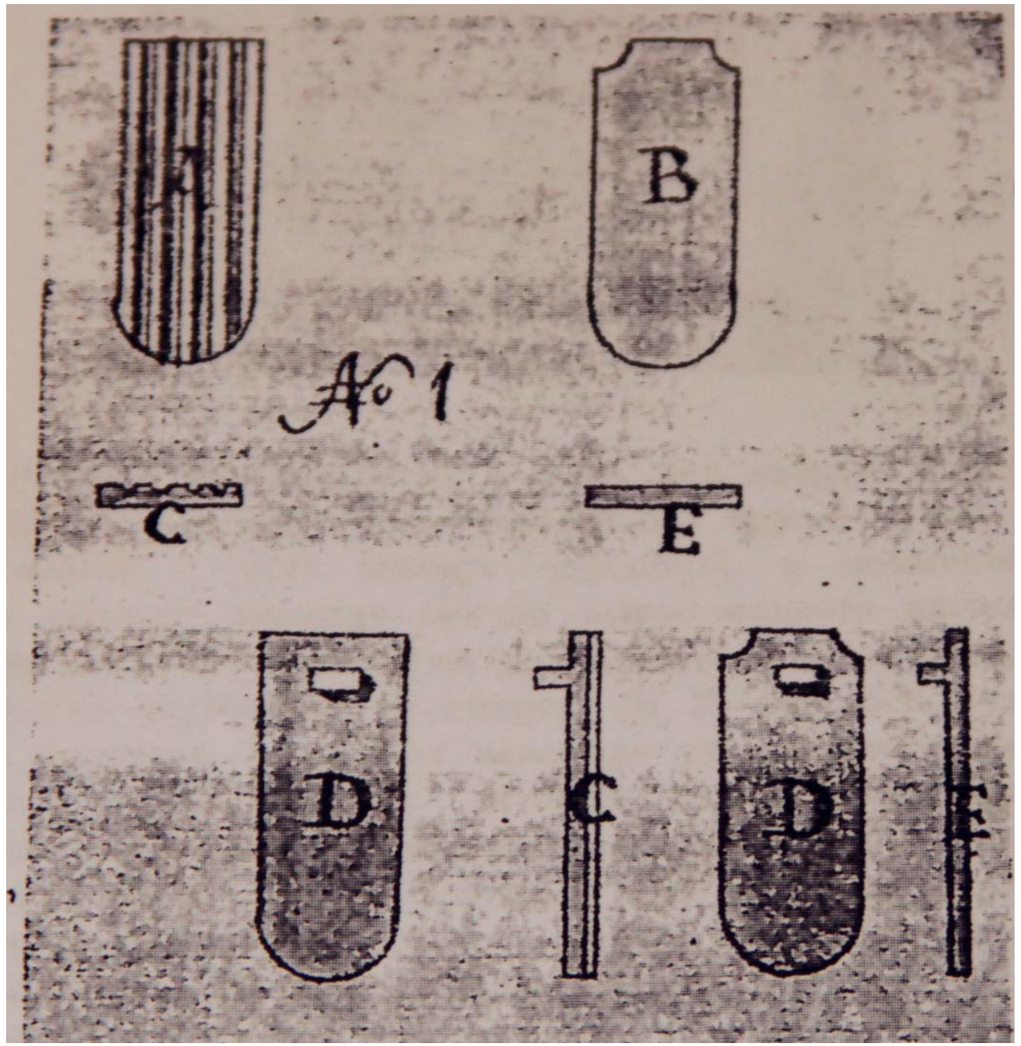

Рис. 8. Иллюстрация из Русского архитектурного трактата-кодекса XVIII века. Черепица с «лощинками».

о том, что она служила основным покрытием дворца Анны Иоанновны, разобранного перед строительством нового Зимнего дворца в 1750-х гг.

Седьмой – в большом количестве встречающийся другой характерный тип черепицы: желобчатая с S-видным профилем и симметрично срезанными уголками (Большой двор). Такая черепица известна по раскопкам в Петропавловской крепости, где был зафиксирован целый штабель материала в уверенно датированном контексте 1790-х гг. На шипах желобчатой черепицы встречаются клейма: W в кольце, IFS в кольце, в виде восьмилучевого значка (рис. 7) (раскопки Петропавловской крепости, двора Старого Эрмитажа, Главного Штаба). Пока что они не поддаются атрибуции.

Таким образом, по имеющимся данным, можно говорить о том, что плоская и желобчатая черепица сосуществовали на протяжении первой половины XVIII в., а желобчатая употреблялась и позже. Это хорошо соотносится с данными архитектурного

Рис. 9. Типы румп наиболее часто встречающихся санкт-петербургских изразцов. Фото автора.

трактата 1730-х гг., приписываемого П.М. Еропкину, в котором подробно описываются типы плоской (в том числе с «дорожками» – каннелюрами) и желобчатой с S-видным профилем черепиц, предполагаемые для покрытия построек разного назначения[8] (рис. 8). Узко, первой четвертью XVIII в., есть основания датировать только желобчатую черепицу с расчесами и плоскую черепицу с каннелюрами.

Пока неясно, какой облик имела импортная черепица, однако сведения о доставке грузов черепицы из Европы, в частности, из Любека, имеются не только в первые годы существования Петербурга, но и в 1730-х гг. Например, газета «Санкт-петербургские ведомости» от 13 мая 1731 г. сообщает о кораблях, стоящих у форта Красная горка с черепицей из Любека[9].

Разнообразие черепицы XVIII в. позволило разработать первичную ее типологию, соотнесенную с уверенной хронологией построек на этом месте. Большой объем обработанного материала позволяет говорить о том, что основные типы черепицы выявлены, но ни типология, ни метод отбора следующих находок еще не определены и не разработаны. Для черепицы важно определить характеристики ее отбора – ширина, толщина, наличие и форма шипа, сечение в поперечнике, клеймо, рельеф внешней и внутренней поверхностей, состав теста – и отсеивать при отборе материала в коллекцию большую часть фрагментов разработанных типов, оставляя лишь образцы целых форм. К ним следует отнести желобчатую с S-образным и полукруглым поперечным сечением, плоскую с шипом и двумя видами хвостовых завершений – овальным и трапециевидным.

Кирпичи. Наличие каталога с точными рисунками клейм избавляет от необходимости дальнейшего пополнения музейных коллекций клейменными кирпичами этого периода с научными целями. В тоже время, фотофиксация комплексов клейм, связанных с определенными кладками,

Рис. 10. Печь в интерьере дворца Кадриорг, Таллин. Происхождение: Санкт-Петербург. 1721. Фото автора.

[8] *Аркин Д.Е.* Русский архитектурный трактат-кодекс XVIII века. Должность архитектурной экспедиции Проект Указа императрицы Елизаветы Петровны. // Архитектурный архив. Вып. 1. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1946. С. 56.

[9] Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. [№] 7. Материальная культура Санкт-Петербурга. Вып. 1. *Смирнов В.Н., Ёлшин Д.Д.* Кирпичные клейма Санкт-Петербургской губернии… С. 17.

и отражение их в полевых отчетах становится еще более востребованными для последующего осмысления памятников. Для сравнения отметим, что для первых 140 лет существования Петербурга известно всего 4 уникальных кирпичных клейма, из них 3 находятся в хранилище Сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа. Эти клейма относятся к первой половине XVIII в. и выполнены в московской традиции – штемпелем на торце или широкой части кирпича. Например, уникальный для раннего Петербурга клейменый кирпич, был обнаружен в Шуваловском проезде в 2004 г. и по своим размерным характеристикам относится к началу XVIII в., он происходит, очевидно, из усадьбы Корнелиуса Крюйса. Клеймо на тычке кирпича характерно для московского кирпичного производства XVI–XVIII вв.[10] Несомненно, стоит ожидать новых находок, которые, тем не менее, очевидно, будут единичными и представлять большое музейное значение.

Изразцы предоставляют большие возможности для составления их классификации, так как обладают цветом, рисунком, который со временем менялся или исчезал с лицевых пластин. В данный момент открытия археологии нового времени постоянно обогащают типологию изразцов, хранители фондов строительной керамики изучают пути их распространения, а также динамику трансформации типов росписи и полив[11]. Например, изменились общепринятые сведения о белых гладких изразцах, мнение о том, что их распространение и производство началось с XIX в., оказалось ошибочным. Изразец подобного типа, то есть гладкий, покрытый белой эмалью изготавливался еще на московских керамических заводах с начала XVIII в. Их находят археологи в слоях середины XVIII в., есть они и в коллекции Эрмитажа, поэтому следует с осторожностью относиться к атрибуции изразцов подобного типа, так как их может разделять в изготовлении почти сто лет, и их сложно отличить от подобных изразцов, в обилии использовавшихся в печах Петербурга в XIX в. Существует только несколько каталогов изразцов по XVII в. и один каталог изразцов (Новгородский музей), затрагивающий XVIII в., к котором частично представлены типы изразцов, распространенных в Санкт-Петербурге[12].

Петербургский изразец отличается от остальных российских типом росписи и видом румпы (рис. 9). Естественно, происходила его трансформация и унификация с остальными изразцами Российской империи, но эти изменения относятся к материалу XIX века, однако даже и в более поздних формах существуют важные отличия по тем же параметрам.

Наличие дошедших до наших дней печей практически не дает информации о том, как бытовали петербургские изразцы в XVIII в., так как все эти печи были переложены и сохранились только в двух дворцах в Петербурге – Меншиковском и Летнем. Из печей XVIII в. за пределами Петербурга, которые имеют петербургское происхождение или прямые аналоги, следует назвать: 4 печи в Кадриорге (Таллин, 1721 г., см. рис. 10); несколько подлинных печей, никогда не перемещавшихся из Рундальского замка (Латвия, 1740-е гг.); перенесенную из Нарвы в Таллинский городской музей печь 1759 г. В Рундальском замке также собраны печи с большого количества мыз нынешней Латвии, с точно известной датой установки (вторая половина XVIII в.), имеющие аналоги в рисунке археологических изразцов из Петербурга. В 1740–1750-е гг. в имении Бирона Рундале, работали петербургские мастера.

Существует проблема приемки наиболее распространенных изразцов – белых, в XIX в. это самый популярный тип изразца. Коллекция перенасыщена их примерами. Тем не менее, при первоначальном отборе возможна ошибка в атрибуции, так как белые изразцы были распространены и в начале XVIII в., при этом сама форма изразца существенно не изменилась. Белых печей XVIII в. не сохранилось и изразцы этого периода – редкая находка. Это касается также зеленых изразцов, популярных в начале XVIII в., однако существование муравленых печей подтверждается только археологически.

Представляют интерес находки, связанные с ранним Петербургом, где встречаются переходные формы, обусловленные миграцией мастеров, технологий и форм. К таким следует отнести комплексы находок – в доме 30 по Дворцовой набережной (бывшая усадьба Ф.М. Скляева), Большом дворе Эрмитажа (ранний Ф.М. Апраксин), Главном Штабе – где можно найти примеры изразцов с цветными рельефными пластинами, нестандартно высокими румпами, выполненными по московской или провинциальной технологиям. По таким изразцам возможна атрибуция комплекса и постройки, поскольку существуют датированные аналоги в других музеях страны.

Наименее изучена, в том числе в плане аналогов изразцов, вторая половина XVIII в., представляющая, таким образом, самый сложный период для атрибуции. В это время происходил переход от сюжетного белого-голубого изразца к более простым формам, к другому цветовому решению и в дальнейшем к полному отказу от росписи. Поэтому все археологические находки этого периода крайне важны.

[10] *Смирнов В.Н., Ёлшин Д.Д.* Кирпичные клейма… С. 25.

[11] Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. Матлы I и II Всерос. науч.-практ. конф. Новый Иерусалим, 2014–2015. М.: Коллектор, 2016; Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 10. Тверь: ИА РАН; ТНИИР-центр Тверь, 2017

[12] *Яковлева Л.П., Жегурова О.В.* Изразцы в собрании Новгородского музея…

Список литературы

Андреева О.В., Шаров Е.А. Археологические исследования в Государевом бастионе Петропавловской крепости // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, СЗИ Наследия, 2003. С. 75–100.

Аркин Д.Е. Русский архитектурный трактат-кодекс XVIII века. Должность архитектурной экспедиции Проект Указа императрицы Елизаветы Петровны // Архитектурный архив. Вып. 1. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1946. 144 с.

Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 429 с.

Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. [№] 7. Материальная культура Санкт-Петербурга. Вып. 1. *Смирнов В.Н., Ёлшин Д.Д.* Кирпичные клейма Санкт-Петербургской губернии середины XIX – начала XX в. Каталог и исследование. СПб.: Изд-во ООО «Периферия», 2017. 214 с.

Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. Матлы I и II Всерос. науч.-практ. конф. Новый Иерусалим, 2014–2015. М.: Коллектор, 2016. 167 с.

Сергиенко И.И. Голландские мастера керамисты и их русские ученики // Россия и Нидерланды в XVII–XX вв.: новые исследования и актуальные проблемы. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 107–126.

Сорокин П.Е. Археологическое изучение Троицкого Петровского собора // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, СЗИ Наследия, 2003. С. 25–74.

Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 10. Тверь: ИА РАН; ТНИИР-центр Тверь. 2017. 392 с.

Яковлева Л.П., Жегурова О.В. Изразцы в собрании Новгородского музея. Каталог выставки. Великий Новгород: Моби-Дик, 2006. 136 с.

Р.В. Реброва

Проблемы отбора массовых находок XVIII начала XX вв. музейную коллекцию (на примере фонда Санкт-петербургской археологии Государственного Эрмитажа)

Ключевые слова: черепица, голландская плитка, кирпич, печи, румпа, изразец, Петр I, Апраксин, Скляев, Меншиков, Кадриорг, Рундальский замок

Аннотация: В статье обсуждаются проблемы при приемке в музейную коллекцию тиражированного материала, принципы его отбора и наличие каталогов на примере черепицы, плитки, изразцов и кирпичей из материалов периода XVIII – начала XX в. из раскопок в Санкт-Петербурге.

R.V. Rebrova

Problems of mass finds selection for museum collection (on example of the St. Petersburg State Hermitage archeological collection)

Key words: roof tiles, Dutch decorative tiles, bricks, stoves and ovens, box bulge on the backside of a tile designated for tile anchorage, glazed tiles, Peter the Great, Apraksin, Sklyaev, Menshokov, Kadriorg Palace, Rundale castle

Abstract: The author discusses problems of selection from the multiple similar finds ones for mass materials, selection categories and the availability of catalogues on roof tiles, glazed tiles and bricks of the 18th and the early 20th centuries obtained in excavations performed in St. Petersburg.

Л.А. Черная

Указы о «древностях» в контексте культурной политики Петра Великого

Петр Великий был первым русским правителем, осознанно и целенаправленно осуществлявшим культурную политику как таковую. Именно он провел четкую грань между культурой и религией (последняя в Средневековье полностью подчиняла себе первую). Но еще во второй половине XVII столетия развивающееся светское течение в русской культуре переходного периода от Средневековья к Новому времени зафиксировала этот процесс выделения культуры в самостоятельную и значимую сферу бытия[1]. Петр I, родившийся в 1672 г., рос и мужал параллельно с этим процессом, впитывая новый рациональный взгляд на жизнь, человека и мир в целом.

Нельзя сказать, что Петра с детства не приучали к традиционной религиозной жизни, он хорошо знал библейские тексты, содержание церковных служб, любил петь на клиросе. Огромное влияние на формирование отношения будущего императора к религии оказала Немецкая слобода, где он бывал частым гостем с 1680-х гг. В самые ответственные годы становления личности Петр видел перед глазами примеры протестантского взгляда на веру, с его рациональным мировосприятием. Как писал С.М. Соловьев, благодаря Францу Лефорту, царь «ушел из Москвы в Немецкую слободу, из Немецкой слободы в Западную Европу»[2]. Однако, увлечение европейской культурой, характерное для Петра Великого, имело свои пределы. Он, как известно, отдавал дань техническому прогрессу европейских стран, восхищался благоустройством и красотой западноевропейских городов, приноровился к иноземному быту, прическам, платью и т.д. Тем не менее, он считал, что Россия может и должна жить богаче и лучше Западной Европы, она должна только перенять их достижения и воспользоваться их знаниями и опытом. Приглашая иностранцев на службу в Россию, монарх весьма прагматично относился к использованию их в своих интересах, о чем он не раз говорил, не скрывая порой и некоторого пренебрежения к служащим ему иноземцам. Так, по свидетельству П.И. Ягужинского, Петр I полагал, что «…разумные и благонравные подданные действительно видят, что я принимаю и ласкаю чужестранцев для того токмо, чтобы они охотно у нас оставались, и дабы от них научиться и подражать их наукам и искусству, и следовательно для благосостояния Государства и очевидныя пользы моих подданных…»[3]. Именно это стремление просветить, в смысле сделать русский народ грамотным, образованным, живущим по европейским стандартам, означало наличие в преобразователе нововременного представления о культуре как о феномене, охватывающем все сферы человеческой жизни, а потому превосходящем религиозную веру по масштабу и включающем ее в себя вместе с другими сторонами бытия.

Четкое размежевание веры и знания, религии и культуры – результат перехода от Средневековья к Новому времени. Петр I уже воспринимал древнерусскую культуру как древнюю культуру, а не как «старую веру», поскольку вырос в переходное время и впитал в себя идею культуры как преобразования, развития, «обработки» человека через совершенствование разума. Называя культуру в соответствии с понятиями своего времени

[1] Подробнее см.: *Черная Л.А.* Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянских культур, 2008.

[2] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М.: Мысль, 1991. С. 455.

[3] *Штелин Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. 3-е изд. Ч. 1. М.: Тип. Решетникова, 1830. С. 205.

«политичностью»[4], он включал древнерусскую культуру в пласт «древностей», которые каждый «политичный кавалер» должен знать, уважать, собирать и изучать. Это позиция человека Нового времени, она прослеживается как в его поступках и начинаниях, так и в его высказываниях.

Следует оговориться, что Петр Великий не был настроен антирелигиозно. Как человек своего времени он тяготел к рациональному мировосприятию, в котором религиозная вера приняла форму деизма. Вера в Творца оставалась непоколебимой, но суеверия, слепое следование обрядам, иконопочитание, и, главное, преклонение перед Церковью были ему чужды, и он боролся со средневековым отношением к религии и Церкви всеми способами. Среди изречений императора его биографы выделяют рассуждения о религии, подчеркивая, что вера Петра I была глубока и искренна.

В настоящее время распространено мнение, что интерес Петра I к собиранию древностей возник одновременно с интересом к раритетам и «монстрам» во время Великого посольства 1697–1698 гг. после посещений в Амстердаме коллекций и собраний Н. Витсена, Н. Шевалье, С. Схенфута, Я. Де Вильде, А. Себы, Ф. Рюйша и др. После этих посещений, как известно, царь закупил из коллекций чиновника Адмиралтейства Амстердама Якоба де Вильде, аптекаря Альберта Себы и анатома Фредерика Рюйша большое число картин, монет, медалей, античную мелкую пластику, геммы, математические и астрономические приборы, естественнонаучные собрания, в особенности, препарированных уродцев и «монстров». В 1697–1698 гг. в Амстердаме он начал покупку не только «монстров», книг и инструментов, но и исторических редкостей, «антиков», древних сосудов, вошедших затем в его личную коллекцию, хранившуюся в Кабинете Летнего дворца. Скажем сразу, что во время своего второго путешествия в Европу в 1716–1717 гг., Петр I опять-таки побывал у тех же коллекционеров и снова закупил множество препаратов, в частности, он купил всю коллекцию Ф. Рюйша. Среди экспонатов коллекции А. Себа в 1716 г. царя особенно заинтересовал «маленький гвинейский олененок»[5]. Он также поручил Альберту Себе выкупить у Теодора Гюйгенса за любую цену («liber order») препарат олененка с двумя головами. Отсюда может показаться, что основной интерес Петра Великого состоял в покупке естественнонаучных приборов, анатомических и биологических аномалий и раритетов. На самом деле эта часть его деятельности за границей была лишь малой частью его обширнейших интересов вообще, поскольку вместе с этим царь изучал буквально все стороны жизни и культуры голландского общества. Он, например, так заинтересовался искусством гравирования, что попробовал и сам сделать гравюру под руководством Адриана Шхонебека (Схонебека). И подобных примеров множество. А вот интерес к древностям, как и к русской истории в целом, проявился у царя гораздо ранее интереса к коллекционированию «монстров» и других раритетов и приобрел значительно большие масштабы, а также имел далеко идущие последствия.

На наш взгляд, интерес Петра I к сохранению древностей проявился уже в 1684 г., когда двенадцатилетний царь, осматривая патриаршую библиотеку, был возмущен плохой сохранностью древних манускриптов и приказал сопровождавшему его учителю Н.М. Зотову «оные книги разобрать, привести в порядок, сделать им опись и хранить ту библиотеку за царской печатью»[6]. Возможно, эта история – всего лишь предание, каковых много о Петре Великом, однако оно хорошо укладывается в сохранившиеся данные о юном государе, проявлявшем порой не по годам взрослую рассудительность и бережливость[7]. К первому заграничному путешествию в 1697–1698 гг. он был уже сложившейся личностью с четким пониманием значимости культурного и исторического наследия для любого народа.

С самого начала своей преобразовательной деятельности Петр I придавал огромное значение истории как науке. Создавая в 1698 г. в Амстердаме типографию для издания книг на русском языке, царь дал указание типографу Яну Тесингу и переводчику Илье Копиевскому печатать книги исторического содержания. В 1700 г. Петр I выдвинул программу изданий «на славенском языке», где помимо исторических сочинений также значились «…европейския, азиатския и американския земныя и морския картины и чертежи, и всякие печатные листы и персоны, и о морских ратных людех, математическия, архитектурския и городостроительныя и иныя художественныя книги…»[8]. Знаменательно, что одними из первых изданий амстердамской типографии стали «Введение краткое во всякую историю…» 1699 г. и «Книга учащая морскаго плавания…»

[4] Подробнее см.: *Черная Л.А.* Петр I как образец «политичного кавалера» // Петр Великий и его время. Мат-лы всерос. науч. конф., посвященной 290-летию Полтавской победы. 8–11 июля 1999 г. СПб., 1999. С. 35.

[5] *Бакмейстер И.Г.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук / Пер. с фр. В. Костыгова. [СПб.]: Тип. Мор. шляхет. кадет. корпуса, 1779. С. 110–112.

[6] Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, трудами и иждивением Федора Туманского. Ч. 5. СПб.: Печ. у Шнора, 1787. С. 140.

[7] См.: *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940.

[8] Цит. по: *Быкова Т.А.* Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тесинга // Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 321–322.

1701 г., отразившие две страсти молодого царя: к морю и истории. В созданных в 1710–1720-х гг. нескольких типографиях в Санкт-Петербурге широко выпускалась историческая литература, причем Петр I сам следил за переводами исторических сочинений, давал указания, что и как делать, торопил, правил новый «гражданский» шрифт, исправлял язык переводов и т.д.

Петр I хотел издать очерк древнерусской и новой истории России: «Могут ли иностранцы написать что-нибудь о древней нашей истории, когда мы сами еще ничего о ней не издали… Я знаю, что подлинные материалы древней Российской истории рассеяны по разным местам в государстве и лежат в монастырях у монахов. Давно уже вознамерился я сохранить их от утраты и доставить искусному историку случай написать истинную древнюю Российскую историю…»[9]. В 1708 г. началась эпопея с написанием русской истории. Порученная директору Московской типографии Федору Поликарпову, она была написана им к 1715 г. («История о владении российских великих князей вкратце»), поднесена царю и отвергнута им по причинам неполноты изложения и наличия языковых варваризмов. Как представляется, Петра I не устраивало в текстах панегиристов типа Ф. Поликарпова их стремление приукрасить и пафосно изложить биографии русских князей и царей, в то время как его самого интересовала историческая правда, привлекала масштабная картина жизни всего русского народа. По крайней мере, именно такие требования он предъявлял к изложению истории своего правления.

После неудачи Ф. Поликарпова задача написания истории России была переложена царем на Феофана Прокоповича. Составленное последним «Родословие великих государей царей и великих князей российских» было напечатано с портретами, выполненными в 1717 г. Питером Пикартом. Феофан Прокопович не оставил занятий историей и написал в дальнейшем «Собрание от летописателей краткого ведения от начальства великих монархов российских на престолах государственных бывших, по степеням и по летам описуемым», представлявшее собой расширенный вариант «Родословия», а также «Историю императора Петра Великого, от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочине включительно». Он также неоднократно включал исторические экскурсы в свои проповеди, слова, поучения и другие сочинения.

Видимо, Петр I поручал создание исторических сочинений (кстати, не только по истории России) и другим лицам, в частности, магистру Иоганну Вернеру Паузе, составившему «Хронологический обзор русской истории», текст которого, к сожалению, до сих пор не найден. С 1720–1721 гг. приступил к созданию своей «Истории Российской» Василий Никитич Татищев, высоко оценивший роль Петра I в развитии исторической науки: «…сей государь был премудрый, а при том великое желание к знанию древности имел, для чего несколько древних иностранных историй перевести повелел и часто с охотою читал, то надеюсь, что отечества древности гораздо приятнее ему быть могли, нежели египетские, греческие и римские»[10].

По верному наблюдению В.Н. Татищева, имевший «великое желание к знанию древности» Петр Великий неоднократно издавал указы о сборе манускриптов и старинных печатных книг в монастырях и храмах по епархиям и об отправке их в Синод для копирования. Самые известные из них от 20 декабря 1720 г. и от 16 февраля 1722 г. были далеко не первыми. В сенатском указе от 20 декабря 1720 г. говорилось о сборе по епархиям «древних жалованных грамот и других куриозных писем оригинальных, также книг исторических, рукописных и печатных…»[11]. Но поскольку епархиальное начальство не торопилось с присылкой рукописей, к тому же не совсем понимало, что имеется в виду под «другими куриозными письмами оригинальными», то 16 февраля 1722 г. вышел указ, разъясняющий, что под курьезными письмами имелись в виду «церковные и гражданские летописцы, степенныя, хронографы и прочии сим подобные»[12]. Кроме того, в указе подчеркивалось, что исторические источники берутся из монастырей для копирования и будут впоследствии возвращены. Задолго до этих указов, в 1707 г., митрополит Димитрий Ростовский в своих письмах писал, что в Ростове уже не осталось «летописных книг», ибо все они отправлены в Москву[13].

Царь желал не только сохранить, но и опубликовать ряд редких рукописей и древнерусских изданий. Так, в его планах была публикация первопечатного «Апостола» 1564 г. Ивана Федорова, «Степенной книги» и др. Особая история произошла с копированием Радзивиловской летописи. Впервые Петр увидел рукопись в Королевской библиотеке Кенигсберга во время Великого посольства в 1697 г. Затем, будучи проездом в Кенигсберге в 1711 г., заказал изготовление ее копии Федору Борисову, оставленному в городе специально для этой цели. В 1713 г. копия Радзивиловской летописи была прислана царю. Позднее И.-В. Паузе перевел ее на немецкий язык[14].

[9] Петр Великий в его изречениях. М.: Художественная литература, 1991. С. 89.

[10] *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 80.

[11] ПСЗ. Т. 6. (1720–1722 гг.). СПб., 1830. № 3693.

[12] Там же. № 3908.

[13] РГБ. Ф. 218. № 35. Л. 140.

[14] См.: Радзивиловская летопись / Отв. ред. М.В. Кукушкина. Т. 2. Текст, исслед., описание миниатюр. СПб.: Глаголъ, М.: Искусство. 1994. С. 6.

Интересовали императора не только древние русские рукописи, но и иностранные, в частности, греческие. В 1716 г. он пригласил на русскую службу грека Афанасия Скиаду, который составил каталог рукописных греческих текстов Синодальной библиотеки. В начале 1723 г. Петр I дал указание напечатать этот каталог, что и было сделано тогда же. Каталог был опубликован в двух книгах на двух языках (русском и латинском) и получил известность в Европе[15].

Отдельная ситуация сложилась в собрании Петра Великого с коллекцией древних монет. В 1707 г. его коллекция была пополнена кладом древних монет, присланных из Киева[16]. В 1720 и 1724 гг. московский священник Федор подарил царю свое собрание старинных русских монет. В 1721 г. была куплена коллекция монет И. Людераса в Гамбурге, тогда же Боцис подарил Петру античные монеты. В 1723 г. император направил указ псковскому воеводе И.А. Ржевскому о том, чтобы он послал юнкера Семена Маврина во Псков для изъятия у посадского человека Ерофея Русинова «старинных денег князя Игоря девяносто пяти рублев», хранящихся у него в сундуке с «пожитками» иеромонаха Евфимия с 1717 г. Юнкер должен был монеты изъять и привезти в Санкт-Петербург, а вещи монаха вернуть «его сыну Лариону Скородумову по духовной отца его»[17].

В контексте культурной политики следует рассматривать и указы Петра I о разыскании и собирании археологических древностей, прежде всего, Сибири. Изучение сибирских древностей началось сразу же по возвращении царя из Европы в 1699 г. По его указу подьячий Верхотурского приказа Яков Лосев с двумя стрельцами сделали копии писаниц в верховьях рек Тагил и Тура, что можно считать началом археологического изучения Сибири в петровскую эпоху[18].

Разграбление сибирских курганов («бугров») на протяжении всего предшествующего XVII столетия заставило Петра Великого не только скупать золотые и серебряные артефакты, но и наладить фиксацию археологических памятников, проведение экспедиций по их разысканию, зарисовке, контролю губернской администрации за их состоянием. Долгое время целые артели по 200–300 человек каждое лето выходили на этот «промысел», приносивший большой доход казакам и крестьянам в связи с продажей выкопанных золотых артефактов и драгоценных камней. По свидетельству очевидцев конца XVII – начала XVIII в., «не инако как люди ходят на соболиный промысел, так и здесь великими партиями собирались, чтоб разделить между собою работу и тем скорее управиться с многими курганами»; «много людей из Томска и других мест каждое лето отправляются к этим могилам, разрывают их и находят среди праха покойника значительное количество золота, серебра и меди, драгоценные камни, в особенности же рукоятки мечей и оружие»[19]. Петр Великий первым среди русских правителей запретил разрытие курганов под страхом жестокого наказания вплоть до смертной казни («гробокопателей смертию казнить, ежели пойманы будут»)[20], хотя есть сведения, что еще царю Алексею Михайловичу в 1670 г. доносили из Сибирской канцелярии о повальном разграблении древних могил. Сведений о реакции царя на это сообщение, к сожалению, не имеется. Разграбление курганов русским населением сопровождалось неоднократными и жестокими столкновениями артелей русских «горбовщиков» с местными кочевыми народами, в особенности, с калмыками, считавшими эти могилы священными.

В 1698 г. Петр I видел коллекцию сибирского курганного золота в Голландии у Н. Витсена. Тогда же амстердамский бургомистр получил от участника Великого посольства боярина Ф.А. Головина серебряную чашу, случайно обнаруженную в размытом водами Иртыша погребении и подаренную когда-то самому боярину. На дне чаши в центре были изображены две мужские фигуры, в левой руке одного из мужчин был щит, вокруг них горы, люди в меховых одеждах, животные, в основном, олени. В дальнейшем через А. Виниуса и своих агентов Н. Витсен скупал у бугровщиков Сибири не только золотые и серебряные, но и бронзовые и железные предметы из могил. Попытка русского монарха купить коллекцию Н. Витсена после его смерти в 1717 г. не увенчалась успехом, сибирские древности были распроданы с аукциона и следы их утрачены. По свидетельству И.И. Голикова, в 1715 г. уральский заводчик А.Н. Демидов подарил Екатерине I по случаю рождения долгожданного наследника престола Петра Петровича коллекцию золотых поясных пряжек, накладок, блях и др., добытых

[15] См.: *Шамин С.М.* О неизвестной работе Афанасия Скиады (1724 г.) // Пятые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний (Москва. 30–31 октября 2007 г.). М.: ИВИ РАН, 2007. С. 199–203.

[16] *Барсов Е.В.* О кладе, найденном в Киеве при Петре Великом // Древности. Т. 9. Вып. 2–3. М.: Изд. Московского археологического общества, 1883. Протоколы. С. 22–23.

[17] Указ императора Петра I / Публ., вступ. и ком. С.В. Ефимова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв.: Альманах. Вып. 9. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1999. С. 33–34.

[18] См.: *Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала. Вып. 2. М.: Наука, 1971. С. 12.

[19] Цит. по: *Кызласов Л.Р.* В Сибирию неведомую за письменами таинственными // Путешествие в древность. М.: МГУ, 1983. С. 24.

[20] *Радлов В.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2 // Материалы по археологии России. № 5. СПб.: Изд. Имп. Археологической комиссии, 1891. Прилож. VIII. С. 24.

из сибирских курганов «бугровщиками»[21]. Вероятно тогда же по свежим следам столь удивительного подарка, Петр I направил собственноручно написанный указ в Тобольск Сибирскому губернатору М.П. Гагарину, который позднее пересказывал его так: «древние золотые и серебряные вещи, которые сыскивают в земле древних поклаж, всяких чинов людем велено объявлять в Тоболску и велено у них брать те вещи в казну великого государя, а отдавать им за те взятые вещи ис казны деньги»[22]. Князь М.П. Гагарин успел прислать царю три партии золотых и серебряных вещей (всего 192 золотых и 2 серебряных предмета) до того, как был объявлен преступником в 1719 г. и в 1721 г. повешен за казнокрадство. Примечательно, что в указе 1721 г. воеводам в Сибирь царь требовал не переплавлять купленные древние золотые и серебряные вещи («Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому губернатору или кому надлежит, настоящей ценою и не переплавливая, присылать в Берг и Мануфактур Коллегию»)[23] , поскольку красноярский воевода Г. Салтыков отлил себе из добытых в курганах серебряных сосудов саблю, а другой красноярский воевода Д.Б. Зубов имел у себя на несколько тысяч рублей расплавленного могильного золота.

Постепенно в руках Петра I накапливались древности знаменитой Сибирской коллекции, хранящейся ныне в Эрмитаже, в составе которой около 250 золотых предметов, датируемых VII–I вв. до н.э. Основу коллекции составляют бляхи и накладки звериного стиля. Так, поясная бляха со сценой «волк борется со змеей» была прислана царю М.П. Гагариным во второй партии и является парной по отношению к такой же бляхе из коллекции Н. Витсена, купленной последним в 1714 г. Фигурная накладка «Гриф, терзающий горного козла» атрибуируется специалистами то как накладка на мужской головной убор, то как накладка на парадный конский убор. Примечательны многофигурная композиция из золота «Под деревом», где изображены три всадника, отдыхающие под деревом и стоящие рядом лошади, а также поясная бляха со сценой охоты всадника на кабана – золотая, со вставками из непрозрачного синего стекла и коралла. Невозможно перечислить все замечательные артефакты из Сибирской коллекции, многие из которых инкрустированы бирюзой, сердоликом, стеклом. Мастерству и тонкости работы этих изделий удивлялись не только люди начала XVIII в., но и последующие поколения вплоть до настоящего времени. Очевидна также и заслуга Петра Великого, прекратившего разграбление курганов и спасшего от переплавки многие произведения искусства древних народов, населявших Южную и Западную Сибирь.

В 1717 г. по вызову Петра I из Данцига в Санкт-Петербург прибыл немецкий ученый-натуралист, врач и географ Даниил Готлиб Мессершмидт, согласившийся возглавить длительную экспедицию в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей». Сам Д.Г. Мессершмидт в своем письме к коменданту Томской приказной избы Е. Козлову определил задачи своей экспедиции, длившейся семь лет, таким образом: «По указу царского величества велено мне в Сибирской губернии и во всех городах приискивать потребных трав, и цветов коренья, и всякой птицы и проч… також могилных всяких древних вещей шайтаны медные и железные, и литые образцы человеческие и звериные и калмыцкие глухие зеркала под писмом и велено о том в городех и в уездех публиковать в народ указом, и буде кто… все выше объявленное чтоб приносили и объявляли мне, и буде из тех вещей явитца что потребное и за те б могильные вещи дана будет плата немалая»[24]. Всё это говорит об устойчивом интересе Петра Великого не только к собиранию и сохранению «сибирского золота», но и к изучению сибирских древностей как таковых. Экспедиция Д.Г. Мессершмидта не нашла в изобилии в продаже древних золотых изделий из курганов, а только медные, поэтому считается, что уже в начале XVIII в. большая часть добытых бугровщиками золотых изделий была либо распродана, либо переплавлена в слитки. Тем не менее в 1727 г. Д.Г. Мессершмидт вернулся в Санкт-Петербург с коллекцией древних предметов (в числе которых были и изделия из драгоценных металлов, в частности, знаменитый хакасский серебряный сосуд с гравированными сценами охоты всадников) и 23 томами своих записей, в том числе дневниковых. Из дневниковых записей ученого видно, что перед экспедицией стояли уже чисто научные археологические задачи, а именно: «узнать каким образом в старину эти язычники устраивали свои могилы»[25]. В 1735 г. экспедиция академика Санкт-Петербургской Академии наук Герарда Фридриха Миллера подтвердила и факт более раннего разграбления курганов, и почти полное отсутствие золотых предметов на нелегальном рынке в Западной

[21] См.: *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 9. М.: Унив. типография у Н.И. Новикова, 1789. С. 443.

[22] *Завитухина М.П.* Об одном архивном документе по истории Сибирской коллекции Петра I // Сообщения государственного Эрмитажа. Вып. 39. Л.: Аврора, 1974. С. 34.

[23] ПСЗ. Т. 6. № 3738.

[24] Цит. по: *Кызласов Л.Р.* В Сибирию неведомую за письменами таинственными… С. 18.

[25] Цит. по: *Королькова Е.Ф.* Начало археологии и Сибирская коллекция Петра I // 250 историй про Эрмитаж: «Собранье пестрых глав…». В 5 книгах. Кн. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 275.

Сибири[26]. По свидетельству современных археологов, еще никому в наше время не удалось найти в тех местах не разрытый ранее и не разграбленный могильник.

Указ Петра Великого о сборе древностей для Кунсткамеры 1718 г. фиксирует особое внимание сначала на «старых и необыкновенных вещах»: «…Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбьи или птичьи, не такие, как у нас ныне есть, или такие, да зело велики или малы перед обыкновенными…». Но далее в тексте подчеркивается, что если на найденных вещах будут надписи, то за подобные изделия из железа и меди, а также оружие и посуду будет даваться двойная плата, а за надписи на камня и поделках из камня двойная плата не гарантируется, говориться только, что «…за камни с потписью – по разсуждению»[27]. Ставится также задача не только собирать древности, но и «делать чертежи, как что найдут»[28]. Правда, еще в указе 1699 г. о фиксации писаниц на р. Туре царь требовал «… гору описать, сколь велика и высока, и в котором месте на камени писаны слова иль иные какие письма, и сколь высоко те письма на камени написаны от воды и сколько написано слов. Написать на чертеже тое гору и те писаные слова слово в слово, ничем не розно и во всем бы сходно»[29]. Копия сделанного Яковым Лосевым и его подручными рисунка писаниц была опубликована в книге Н. Витсена «Восточная и Северная Тартария»[30]. Это означает, что элементы научной фиксации и описания археологических памятников были заложены уже в ранних указах Петра Великого о древностях.

Наконец, царь начинает и реставрацию древних памятников, о чем говорит указ Казанскому губернатору 1722 г. отправить нескольких каменщиков и «довольное количество извести» для «починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов» древнего Булгара[31]. При этом Петр Великий требовал, чтобы губернатор каждый год посылал кого-нибудь осматривать Булгар «для предупреждения дальнейшего вреда», чтобы предотвратить разрушение архитектурного комплекса.

Таким образом, в «археологических» указах Петра Великого прослеживается постепенное складывание концепции новой науки для России, науки археологии, и можно говорить о начале ее развития в стране. Правда, после смерти императора в 1725 г. эти зачатки археологической науки были забыты и надолго. Кроме того, Петра I справедливо считают первым государем, объявившим об охране исторических памятников, на что указывает запрет разрывать курганы под страхом смертной казни. Внес царь свой вклад и в развитие реставрационного дела в России, наладив пусть и не научную, но хотя бы «спасательную» реставрацию древних памятников. В целом же указы о древностях органично вписываются в культурную политику Петра Великого, направленную на просвещение и европеизацию страны, на сохранение и приумножение национального достояния, в частности, исторических источников, древних рукописей, печатных книг и т.д. Судя по указам о древностях императора, можно утверждать, что он «открыл» российской культуре не только Европу, но и Древнюю Русь с ее богатыми историческими и археологическими сокровищами.

[26] См.: *Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1961; *Спасский Г.* Сибирский вестник. Ч. 2. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1818.

[27] ПСЗ. Т. 5. М., 1830. № 3159.

[28] Русская старина. 1872. № 10. С. 474.

[29] Цит. по: *Кызласов Л.Р.* В Сибирию неведомую за письменами таинственными… С. 23.

[30] См.: *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария. В 3-х т. Амстердам: «Пегасус», 2010 (на гол. и рус. языках).

[31] *Штелин Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом… С. 130.

Список литературы

Бакмейстер И.Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук / Пер. с фр. В. Костыгова. [СПб.]: Тип. Мор. шляхет. кадет. корпуса 1779. 191 с.

Барсов Е.В. О кладе, найденном в Киеве при Петре Великом // Древности. М.: Издание Московского археологического общества. 1883. Т. 9. Вып. 2–3. С. 23–28.

Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. 436 с.

Быкова Т.А. Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тесинга // Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 3–27.

Витсен Н. Восточная и Северная Тартария. В 3-х т. Амстердам: «Pegasus», 2010. (на гол. и рус. языках). 2500 с.

Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 9. М.: Унив. типография у Н.И. Новикова, 1789. 499 с.

Завитухина М.П. Об одном архивном документе по истории Сибирской коллекции Петра I // Сообщения государственного Эрмитажа. Вып. 39. Л.: Аврора, 1974. С. 34–35.

Королькова Е.Ф. Начало археологии и Сибирская коллекция Петра I // 250 историй про Эрмитаж: «Собранье пестрых глав…». В 5 кн. Кн. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 274–278.

Кызласов Л.Р. В Сибирию неведомую за письменами таинственными // Путешествие в древность. М.: МГУ, 1983. С. 16–49.

Петр Великий в его изречениях. М.: Художественная литература, 1991. [репринт издания 1910 г.]. 111 с.

Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). СПб.: Тип. II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 5. 824 с.; Т. 6. 596 с.

Радзивиловская летопись. В 2 т. Т. 2. Текст, исслед., описание миниатюр / Отв. ред. М.В. Кукушкина. СПб.: Глаголъ, М.: Искусство. 1994. 415 с.

Радлов В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2. // Материалы по археологии России. № 5. СПб.: Изд. Имп. Археологической комиссии, 1891. Прилож. VIII. 117 с.

Русская старина. 1872. № 10.

Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, трудами и иждивением Федора Туманского. Ч. 5. СПб.: Печ. у Шнора, 1787. 333 с.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 7. М.: Мысль, 1991. 704 с.

Спасский Г. Сибирский вестник. Ч. 2. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1818. 180 с.

Татищев В.Н. История Российская. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 500 с.

Указ императора Петра I / Публ., вступ. и ком. С.В. Ефимова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв.: Альманах. Вып. 9. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1999. С. 33–34.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 131 с.

Черная Л.А. Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянских культур, 2008. 463 с.

Черная Л.А. Петр I как образец «политичного кавалера» // Петр Великий и его время. Мат-лы всерос. науч. конф., посвященной 290-летию Полтавской победы. 8–11 июля 1999 г. СПб.: «Историческая иллюстрация», 1999. 154 с.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Вып. 2. М.: Наука, 1971. 120 с.

Шамин С.М. О неизвестной работе Афанасия Скиады (1724 г.) // Пятые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний (Москва. 30–31 октября 2007 г.). М.: ИВИ РАН, 2007. С. 199–202.

Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 1. М.: Тип. Решетникова, 1830. 260 с.

Л.А. Черная
Указы о «древностях» в контексте культурной политики Петра Великого

Ключевые слова: археология, древности, летописи, указы, политика Петра Великого

Аннотация: В статье ставятся вопросы об истоках интереса Петра Великого к «древностям». Прослеживается указная деятельность царя по выявлению и сохранению археологических, исторических, книжных и других древностей. Определяется место и значение археологических начинаний в культурной политике Петра Великого.

L.A. Chernaya
Decrees of antiquities in the context of Peter the Great's cultural policy

Keywords: archaeology, antiquities, Chronicles, decrees, politics of Peter the Great

Abstract: Issues of origin of Peter the Great interest to antiquities are raised. Decree making activity of the tsar aimed at revelation and preservation of archeological, historical, bookish and other antiquities. Place and importance of archeological undertakings in Peter the Great's cultural policy are defined.

Сведения об авторах

Агеева Ольга Гениевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, culture_iri@mail.ru

Базарова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая Научно-историческим архивом и группой источниковедения СПбИИ РАН, tbazarova@yandex.ru

Баранова Светлана Измайловна – доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник РГГУ, svetlanbaranova@yandex.ru

Барахович Павел Николаевич – кандидат исторических наук, специалист ООО «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания»», (г. Красноярск), spqr509@yandex.ru.

Беляев Леонид Андреевич – доктор исторических наук, член-корр. РАН, заведующий отделом археологии Московской Руси ИА РАН, labeliaev@bk.ru

Беляков Андрей Васильевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН, belafeb@gmail.com

Борзова Светлана Владимировна, ИА РАН, alf-ork@yandex.ru

Буров Владимир Андронович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН, burovvan@rambler.ru

Васильева Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИА РАН, veda_lv@mail.ru

Высоцкий Александр Леонидович – научный сотрудник ИА РАН, awisotskij@mail.ru

Галухин Леонид Леонидович – старший научный сотрудник ООО «Красноярская геоархеология», leon_blues@mail.ru.

Глазунова Ольга Николаевна – научный сотрудник ИА РАН, olga-glazunova2007@yandex.ru

Глушенко Максим Александрович – кандидат исторических наук, заместитель директора; научный сотрудник, Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары, Gromov_1@mail.ru.

Голубинский Алексей Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН, lexus.gol@gmail.com

Гусач Ирина Рудольфовна – старший научный сотрудник ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», irina_gusach@mail.ru

Гуслистова Анна Николаевна – научный сотрудник НП «Древности», (г. Вологда), annavalentina@mail.ru.

Гуськов Андрей Геннадиевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, guskov-andrei@mail.ru

Державин Виктор Леонидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН, derzh@yandex.ru

Жарников Захар Юрьевич – кандидат исторических наук старший научный сотрудник Сибирского федерального университета, (г. Красноярск), zaxari1@yandex.ru.

Звездина Юлия Николаевна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник ГИКМЗ «МК», yzvezdina@yandex.ru

Ибнеева Гузель Вазыховна – доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета, Guzel.Ibneyeva@yandex.ru

Кичанов Сергей Евгеньевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна, Московская область), ekich@nf.jinr.ru

Козленко Денис Петрович – доктор физико-математических наук, начальник научно-экспериментального отдела нейтронных исследований конденсированных сред Лаборатории нейтронной физики им. И.М.Франка Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна, Московская область), denk@nf.jinr.ru

Красовский Антон Петрович – кандидат технических наук, доцент Государственного университета по землеустройству (г. Москва), anton.krass@gmail.com

Куприянов Александр Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, akouprianov@rambler.ru

Лазукин Александр Викторович – научный сотрудник ИА РАН, lazukin63@mail.ru

Лысенко Данил Николаевич – директор ООО «Красноярская геоархеология», lysed@yandex.ru.

Марасинова Елена Нигметовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, профессор научно-исследовательского университета Высшая школа экономики (г. Москва), LenaMarassinova@yahoo.com

Михайлова Елена Робертовна – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева СПбГУ, e.mikhailova@spbu.ru.

Орфинская Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (г. Москва), orfio@yandex.ru

Пельгунова Любовь Андреевна – научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва), lubo4ka007@bk.ru

Плех Олеся Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН, plekh@mail.ru.

Реброва Роксана Викторовна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник ГЭ, rox-rebr@yandex.ru

Сапрыкина Ирина Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН, dolmen200@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович – доктор исторических наук, профессор, директор Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук республики Татарстан (г. Казань), sitdikov_a@mail.ru

Сляднев Артем Михайлович – научный сотрудник ООО «Красноярская геоархеология», slyadnev@yandex.ru

Старков Андрей Сергеевич – заместитель директора по научной работе ООО «Поволжская археология» (г. Казань), 2647425@mail.ru

Тарасова Анна Анатольевна – младший научный сотрудник ИА РАН, taa-volga@yandex.ru

Цветкова Наталья Николаевна – кандидат искусствоведения, доцент Санкт-Петербургской Государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица, kht@ghpa.ru

Черная Людмила Алексеевна – доктор исторических наук, профессор МГАХИ (г. Москва), tchernie@rambler.ru

Чернов Сергей Заремович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИА РАН, chernovsz@mail.ru

Шамин Степан Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН, shaminy@yandex.ru

Шамина Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН, shaminy@yandex.ru

Шатыркина Елена Александровна – редактор музея, музейно-выставочный комплекс Московской области «Новый Иерусалим» (г. Истра, Московская область), shatyrkina.elena@mail.ru

Шокарев Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент РГГУ, shokarevs@yandex.ru

Энговатова Ася Викторовна – кандидат исторических наук, заместитель директора ИА РАН, engov@mail.ru

Юркин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (г. Москва), ig-yurkin@yandex.ru

Список сокращений

АМЗ – Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Ростовская обл.)

АМЗТ – Археологический музей-заповедник «Танаис» (хутор Недвиговка Мясниковский р-н, Ростовская обл.)

АН СССР – Академия наук СССР

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI вв.

БАН – Библиотека РАН (г. Санкт-Петербург)

ГАУК РО - Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области

ГБУ ЦГА Москвы – Государственное бюджетное учреждение «Центральный государственный архив г. Москвы» (бывш. ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы)

ГБУК РО – Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области

ГИКМЗ «МК» - Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва)

ГМА им. А.В. Щусева – Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева (г. Москва)

ГМИР – Государственный музей истории религии (г. Санкт-Петербург)

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея (г. Москва)

ГЭ – Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург)

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией

ДАО – Донское археологическое общество (г. Ростов-на-Дону)

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л., 1950

ИА – Институт археологии РАН (г. Москва)

ИАИАНД – историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону

ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

ИРИ – Институт российской истории РАН (г. Москва)

КГИОП СПб – Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга

МА РТ ИА АН РТ - Музей археологии Республики Татарстан Института археологии Академии наук Республики Татарстан (г. Казань)

МГАХИ – Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова (г. Москва)

МГОМЗ – Московский государственный объединенный музей-заповедник

НА ИАК - научный архив Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь)

НАНУ – Национальная Академия наук Украины

НБУ – Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского (г. Киев)

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан (г. Казань)

НМИДК – Новочеркасский музей истории донского казачества

ООПТ – Особо охраняемая природная территория

ОР – Отдел рукописей

ПСЗ – Полное собрание законов Российской Империи

ПсковГУ – Псковский государственный университет

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РАН – Российская академия наук

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота (г. Санкт-Петербург)

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (г. Москва)

РГБ – Российская государственная библиотека (г. Москва)

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

РГУ – Ростовский государственный университет

РНБ – Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)

РОМК – Ростовский областной музей краеведения

РРО ВООПИиК – Ростовское региональное отделение Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СПбИИ – Санкт-Петербургский институт истории РАН

ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (г. Москва)

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ЮФУ – Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Содержание

Вступление. *Л.А. Беляев.* Жизнь и смерть в Российской империи: археология истории 6

ЧАСТЬ I. ГОРОДА, ДВОРЦЫ И КРЕПОСТИ

Глава 1. *О.Г. Агеева.* Графика петербургских празднеств и траурных церемоний русского двора XVIII в. 18
Глава 2. *С.И. Баранова.* В ожидании археолога: неизвестные дворцы Коломенского XVIII–XIX вв. 40
Глава 3. *В.А. Буров.* XVIII век на Соловках в зеркале археологических источников 55
Глава 4. *А.А. Голубинский.* Точность в изображении города XVIII в. на планах Генерального межевания 63
Глава 5. *А.Н. Гуслистова.* Территория крепости Вологды в XVII–XVIII вв. по результатам историко-археологических исследований 74
Глава 6. *Д.Н. Лысенко, А.М. Сляднев, Л.Л. Галухин, З.Ю. Жарников, П.Н. Барахович, М.А. Глушенко.* Оборонительные сооружения Енисейского острога середины XVII – начала XVIII в.: археология, дендрохронология, письменные источники 82
Глава 7. *А.Г. Ситдиков, А.С. Старков.* Историческая топография Казанского Богородицкого монастыря XVI–XVIII вв. (по материалам археологических исследований) 92
Глава 8. *И.Н. Шамина.* Ограды русских монастырей начала XVIII в. по переписным книгам 1701–1702 гг. 101

ЧАСТЬ II. ЦЕРКОВЬ, СВЯЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

Глава 9. *Л.А. Беляев.* Археология и литературные источники XVIII–XIX вв. 120
Глава 10. *А.В. Беляков.* Надгробия царевичей /князей Сибирских из Новоспасского монастыря по сведениям Г.Ф. Миллера 130
Глава 11. *Е.Е. Васильева.* Особенности деревянных погребальных сооружений XVIII в. 136
Глава 12. *Е.Е. Васильева, А.А. Тарасова.* Характеристика качества жизни городского населения по археологическим и антропологическим данным (на примере кладбища при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле) 141
Глава 13. *А.В. Лазукин.* Белокаменные надгробия XVIII в. Зачатьевского монастыря (предварительная публикация) 144
Глава 14. *С.Ю. Шокарев.* Материалы для изучения истории некрополя в «портфелях» Г.Ф. Миллера 152
Глава 15. *А.В. Энговатова, А.Л. Высоцкий, О.В. Орфинская, Н.Н. Цветкова.* Исследование погребения архимандрита Троице-Сергиева монастыря Кирилла Флоринского 157

ЧАСТЬ III. ЛЮДИ, ПОЛИТИКА И ПРОСТРАНСТВО

Глава 16. *Т.А. Базарова.* Новгородский комендант Василий Матвеевич Вяземский (1664–1742) 166
Глава 17. *А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, С.М. Шамин.* «Государево жалование» переводчикам Посольского приказа в XVII столетии: одежда и ткани 174
Глава 18. *В.Л. Державин.* Археологические памятники Нового времени на Шпицбергене 183
Глава 19. *Г.В. Ибнеева.* Следственные материалы по делам российского местного православного духовенства 1760-х гг. как исторический источник 187
Глава 20. *А.П. Красовский.* Оценка изменений совокупности сельских храмов Рузского уезда Московской губернии в XVII–XIX вв. на основе документальных и картографических материалов 193

Глава 21. *А.И. Куприянов.* Электоральные культуры горожан и дворян: источники изучения (последняя четверть XVIII в.) 210
Глава 22. *Е.Н. Марасинова.* Понятие *«политическая смерть»* в России первой половины XVIII в. 223
Глава 23. *О.А. Плех.* Дела о наследстве как источник по изучению быта провинциального купечества последней четверти XVIII в. (на материалах г. Вологды) 238
Глава 24. *С.З. Чернов.* Дачи Генерального межевания: портал между Новым временем и Средневековьем (земли сел Аксиньина и Ославского Звенигородского удела) 246
Глава 25. *И.Н. Юркин.* «Кто может подземное богатство познать...» (Добыча железной руды и знания о ней у крестьян-рудокопов тульского края в документах 1720–1730-х гг.) 292

ЧАСТЬ IV. МИР ПРЕДМЕТОВ

Глава 26. *Л.А. Беляев, И.А. Сапрыкина, С.Е. Кичанов, Д.П. Козленко, Л.А. Пельгунова.* Нейтронная томография и радиография как метод исследования предметов личного благочестия (на примере креста из Донского монастыря) 300
Глава 27. *О.Н. Глазунова, С.В. Борзова, Е.А. Шатыркина.* Изразцы петровской эпохи, произведенные в Ново-Иерусалимской мастерской 304
Глава 28. *И.Р. Гусач.* Русско-турецкая граница: керамика и проблемы культурного обмена во второй половине XVII – XVIII в. 314
Глава 29. *Ю.Н. Звездина.* Икона Богоматерь Ильинская Черниговская 1696 г. История в образе 338
Глава 30. *Е.Р. Михайлова.* Находки в Колтовской и Шневенской слободах: материалы к истории петербургского быта XVIII – начала XIX в. 348
Глава 31. *Р.В. Реброва.* Проблемы отбора массовых находок XVIII – начала XX в. в музейную коллекцию (на примере фонда Санкт-Петербургской археологии Государственного Эрмитажа) 363
Глава 32. *Л.А. Черная.* Указы о «древностях» в контексте культурной политики Петра Великого ... 371

Сведения об авторах 378

Список сокращений 379

Contents

Introduction *L.A. Belyaev.* Life and death in the Russian Empire: archeology of history 11

PART I. URBANISM, PALACE AND FORTRESS

Chapter 1 *O.G. Ageeva* The graphics of the St. Petersburg festivities and funeral ceremonies of the Russian court, of the 18th century 18
Chapter 2 *S.I. Baranova* In waiting of archeologist: unknown palaces in Kolomenskoye of the 18th and 19th centuries 40
Chapter 3 *V.A. Burov.* The 18th century on Solovki in mirror of archeological sources 55
Chapter 4 *A.A. Golubinskiy.* Accuracy of the City Plans of the 18th century of the General Land Survey 63
Chapter 5 *A.N. Guslistova.* Territory of the Vologda fortress in the 17th and the 18th centuries, according to results of historical and archeological research 74
Chapter 6 *D.N. Lysenko, A.M. Slyadnev, L.L. Galukhin, Z.Y. Zharnikov, P.N. Barakhovich, M.A. Glushenko.* Stockade fortifications of Yeniseisk fortress in the middle of 17th – early 18th c.: archeology, dendrochronology, written sources 82
Chapter 7 *A.G. Sitdikov, A. S. Starkov* Historical topography of Bogoroditsky monastery of the 16th – the 18th centuries (based on the materials of archeological research) 92
Chapter 8 *I.N. Shamina* Fences of Russian monasteries of the early 18th century, according to census books of 1701–1702 101

PART II. ECCLESIA, HIERARCHI AND CULTURE

Chapter 9 *L.A. Belyaev.* Archaeology and literary sources of the 18th – 19th c. 120
Chapter 10 *A.V. Belyakov.* The Tombstones of Siberian princes/dukes from the Novospassky monastery according to G.F. Miller 130
Chapter 11 *E.E. Vasileva.* The features of burial wooden constructions of the 18th century 136
Chapter 12 *E.E. Vasileva, A.A. Tarasova.* Characteristics of the quality of life of the urban population based on archaeological and anthropological data (on the example of a cemetery at the church of John Chrysostom in the city of Yaroslavl) 141
Chapter 13 *A.V. Lazukin.* 18th Century white stone gravestones from the Zachatievsky convent (preliminary publication) 144
Chapter 14 *S.Yu. Shokarev.* Materials on necropolistics in the portfolios of G.F. Miller 152
Chapter 15 *A.V. Engovatova, A.L.Vysotsky, O.V. Orphinskaya, N.N. Tsvetkova.* Examination of Cyril Florinski, the archimandrite of Holy Trinity-St. Sergius monastery (Laura), interment 157

PART III. PERCONALITY, POLITIC AND SPACE

Chapter 16 *T.A. Bazarova.* Vassily Matveevich Vyazemski, Novgorod commandant (1664–1742) 166
Chapter 17 *A.V. Belyakov, A.G. Guskov S.M. Shamin .*"Gosudarevo zhalovanie" to translators of the Posolskij prikaz in the XVII century: clothes and fabrics 174
Chapter 18 *V.L. Derzhavin.* Archaeological sites of the Modern time in Svalbard 183
Chapter 19 *G.V. Ibneyeva.* Investigation materials on cases of the Russian Orthodoxlocal clergy of the 1760s as a historic source 187
Chapter 20 *A.P. Krassowski.* Assessment of changes in the set of rural churches of the Ruzsky district of the Moscow province in the 17th–19th centuries on the basis of documentary and cartographic materials 193
Chapter 21 *A.I. Kupriianov.* Electoral cultures of urban dwellers and nobility: sources for study of the last quarter of the 18th century) 210
Chapter 22 *E.N. Marasinova.* The Notion of the "*Political Death*" in Russia in the First Half of the 18th Century 223

Chapter 23 *O.A. Plekh.* Inheritance cases as a source for studying the life of the provincial merchants of the last quarter of the 18th century (based on the materials of the city of Vologda) 238
Chapter 24 *S.Z. Chernov.* Parcels of the General Land Survey: a Portal between Modern Times and the Middle Ages (the Lands of Aksinyino and Islavskoe Zvenigorodsky Shire) 246
Chapter 25 *I.N. Yurkin.* "Who can know the underground wealth ..." (Mining of iron ore and knowledge of it from the peasant miners of the Tula region in documents of the 1720–1730s) 292

PART IV. THE WORLD OF ARTIFACTS

Chapter 26 *L.A. Belyaev, I.A. Saprykina, S.E. Kichanov, D.P. Kozlenko, L.A. Pelgunova.* Neutron tomography and radiography as a technique for study of personal piety items (on the example of the cross from Donskoy Monastery) 300
Chapter 27 *O.N. Glazunova, S.V. Borzova, E. A.Shatyrkina.* Tiles from the era of Peter I, produced in the New Jerusalem workshop 304
Chapter 28 *I.R. Gusach.* Russian-Turkish border: ceramics and problems of cultural exchange in the second half of the 17th – 18th centuries 314
Chapter 29 *Yu.N. Zvezdina.* Icon "Our Lady of the Ilinsky monastery in Chernihiv" 1696: History in the iconographic form 338
Chapter 30 *E.R. Mikhaylova.* Finds from Koltovskaya and Shnevenskay settlements in St. Peterburg; some materials on history of Petersburg life of the 18th and early 19th centuries 348
Chapter 31 *R.V. Rebrova.* Problems of mass finds selection for museum collection (on example of the St. Petersburg State Hermitage archeological collection 363
Chapter 32 *L.A. Chernaya.* Decrees of antiquities in the context of Peter the Great's cultural policy 371

About the authors 378

List of abbrevitations 379

Научное издание

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ РОССИИ XVIII–XIX ВВ.

Издательство «Индрик»

Оригинал-макет А.С. Старчеус

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
www.indrik.ru
or by tel./fax: **+7 495 938-01-00**

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 $^{1}/_{8}$. Печать офсетная.
48,0 п. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии «Август Борг»